12

Константин Симонов

12

Константин Симонов

Москва
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1987

Константин СИМОНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Москва
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1987

Константин СИМОНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

(дополнительный)

ПИСЬМА
1943–1979

Москва
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1987

ББК 84Р7
С37

Подготовка текстов,
составление и примечания
Л. ЛАЗАРЕВА

Оформление художника
ВЛ. МЕДВЕДЕВА

С $\frac{4702010200\text{-}277}{028(01)\text{-}87}$ подписное

© Издательство «Художественная литература», 1987 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Трудно назвать литературный жанр, в котором не пробовал бы успешно свои силы Константин Симонов. Его перу принадлежат лирические стихи и поэмы, очерки и рассказы, повести и романы, пьесы и сценарии, мемуары и дневниковые записки. Постоянно выступал он как публицист и литературный критик. Самое значительное из написанного им в этих жанрах, исключая сценарии, составило одиннадцать предыдущих томов настоящего Собрания сочинений.

Этот двенадцатый (второй дополнительный) том отдан эпистолярному наследию писателя [1]. Письма — существенная часть литературной работы Симонова, постоянно отнимавшая много времени и сил,— он относился к ней со свойственной ему серьезностью и ответственностью,— известна читателям несравненно меньше. Даже специалисты, занимающиеся современной советской литературой, истинных ее масштабов достаточно ясно себе не представляют. А между тем интерес письма представляют немалый — и для понимания творчества Симонова, его истоков, жизненной почвы, пафоса, и для постижения важнейших процессов литературной и — даже шире — культурной жизни нашей страны на протяжении почти четырех десятилетий. Они проливают дополнительный свет на некоторые, все еще волнующие нас события отечественной истории — прежде всего истории второй мировой войны, содержат не утрачивающие действенной силы нравственные уроки. В письмах особенно отчетливо, прямо и непосредственно обнаруживает себя необычайная широта духовного кругозора и интересов писателя.

---

[1] Предварительным отбором писем для публикации в настоящем томе мы занимались вместе с вдовой писателя Л. А. Жадовой. Я многим здесь ей обязан и пользуюсь случаем с благодарностью об этом сказать. Хочу также поблагодарить всех, кто помогал мне добывать необходимые для комментария сведения,— прежде всего Н. П. Гордон, М. А. Келлермана и Д. И. Ортенберга.

Небольшое количество своих писем — вернее, фрагментов из них (Симонову в данном случае было важно высказанное в письме соображение на ту или иную тему, казавшееся ему актуальным, общественно значимым) — автор сам опубликовал в книгах «Разговор с товарищами» и «Сегодня и давно». Несколько подборок (как правило, тематических — например, письма, посвященные Великой Отечественной войне и литературе о войне, письма видным советским военачальникам, письма о театре, о кино, о литературной учебе, письма, связанные с работой в «Новом мире») было напечатано уже после его смерти в журналах и газетах. Некоторые письма их адресаты обнародовали в своих воспоминаниях о писателе.

Настоящий том впервые столь широко и последовательно представляет вниманию читателей эпистолярное наследие Симонова, хотя ни в коей мере не является исчерпывающим — значительная часть писем все-таки еще остается за его пределами и является достоянием архива писателя.

Почта, которую получал Симонов, была огромна.

В интервью, опубликованном в 1973 году, Симонов рассказал историю своего рассказа «Вместо эпилога» («Полковник Сабуров»), написанного вскоре после войны: «...я решил, дал себе слово, что когда перейдет за тысячу читательских писем, в которых спрашивают, что дальше было с Сабуровым и Аней, то я что-то напишу об этом. И написал этот не самый удачный рассказ»[1]. Тысяча писем об одной только повести «Дни и ночи»!.. И еще одна цифра — не менее впечатляющая. После того как были закончены и показаны на экране документальные фильмы «Шел солдат...» и «Солдатские мемуары», Симонов сдал в архив накопившиеся материалы — стенограммы бесед с кавалерами трех орденов Славы, письма, полученные от зрителей,— их было, как свидетельствует его письмо в ЦГАЛИ от 12 марта 1979 года, 3014.

Самый большой массив писем так или иначе связан с войной. В 1964 году в одной из статей он писал: «Я по преимуществу военный писатель; почти все написанное мною, начиная с лета 1939 года, когда я впервые услышал свист пуль и грохот бомбежек в Монголии, на Халхин-Голе во время конфликта с японцами, написано о войне» [2]. Затем он неоднократно повторял эту мысль. В 1977 году, отвечая одному из своих корреспондентов, он так формулировал свою жизненную и писательскую программу: «Если говорить о той общественной деятельности, которой я занимаюсь и которая непосредственно связана с моей писательской работой и моим личным жизненным опытом, то еще несколько лет назад я сделал для себя окончательный выбор и решил до конца своей жизни класть все оставшиеся у меня силы на то, чтобы, во-первых, в меру своих

---

[1] «Константин Симонов рассказывает...» М., «Советская Россия», 1981, с. 75.

[2] К. Симонов. Остаюсь журналистом. М., «Правда», 1968, с. 270.

сил и понимания писать и говорить правду о войне; во-вторых, на то, чтобы, опять-таки в меру своих сил и понимания, мешать тому, чтобы о ней говорили и писали неправду; в-третьих, стремиться к тому, чтобы роль рядового участника войны, вынесшего на своем горбу ее главную тяжесть, предстала перед последующими поколениями и во всем ее подлинном трагизме, и во всем ее подлинном героизме. И наконец, в-четвертых, я считаю своим личным долгом во всех тех случаях, когда я сталкиваюсь с несправедливостями, совершенными сейчас или раньше по отношению к тем или иным участникам войны, сделать все, что от меня зависит, чтобы, прибегая к помощи других людей, исправить подобные несправедливости.

И первое, и второе, и третье, и четвертое — все это для меня связано в один узел, этим я занят и это является целью моей жизни» (см. с. 454 наст. тома).

Показательно, что Симонов говорит здесь не только о своей писательской работе, но и об общественной деятельности, и даже больше — о цели жизни. И в письмах Великая Отечественная война не только объект его пристального художнического интереса,— она потрясение, память о котором не отпускала до последнего часа, которое многое определило в его судьбе и личности. Здесь не было для него вещей несущественных, мало значащих — все было важно. Его занимала история отдельных операций — тех, очевидцем которых он был, и тех, к которым он не имел касательства; и боевые действия, как они виделись на разных ступенях армейской иерархии — от рядового до командарма, разных родов войск, штабная служба и медицинская помощь; и нравственные проблемы, рожденные смертельной опасностью, и тяжелый, порой невыносимый фронтовой быт; и самоотверженная — до изнеможения — работа в тылу; и ужасная судьба наших военнопленных, и их непрекращающееся сопротивление в фашистских лагерях; и забота об инвалидах войны; и развитие военной литературы (немалое место тут занимала мемуарная и документальная литература), ее проблемы, ее пути; и память о грозном военном времени у тех, кто его не пережил, у молодых поколений. Все это — примеры, круг его интересов был так широк, что даже просто назвать все, что в него входило, невозможно. Не случайно он как-то заметил в письме — шутливо по тону и серьезно по сути: «...военные главы книги дополняют мои представления о войне, хотя иногда мне в последние годы начинало казаться, что с этими своими представлениями о войне я становлюсь похожим на старый мешок, в который уже невозможно больше даже ничего впихнуть — так он — под завязку — набит. Однако при чтении Вашей книги еще раз понял, что это не так. И слава богу» (см. с. 479—480 наст. тома).

Со многими прославленными полководцами Симонов был связан давним — с военных лет, а в случае, скажем, с Г. К. Жуковым — и довоенных, с Халхин-Гола,— знакомством, а нередко и дружескими отношениями, они доверительно и откровенно делились с ним своими воспоминаниями и соображениями о войне. Эти прочные долголетние связи, отразившие-

ся и в переписке, устанавливались, разумеется, потому, что интерес был взаимным. Вспоминая в «Разных днях войны» о встрече с И. Д. Черняховским, Симонов, как всегда в тех редких случаях, когда ему приходилось что-то в этом роде рассказывать о себе, с щепетильной скромностью заметил: «...в тот вечер у меня действительно было чувство, что этого самого молодого нашего командарма чем-то интересовал самый молодой из писателей, которых он читал» (см. т. 9, с. 326 наст. собр. соч.). Думаю, что дело было не столько в молодости, сколько в той популярности, в том подлинно народном признании, которое в годы войны получили произведения Симонова. В последующее, уже мирное время с появлением таких его книг, как трилогия «Живые и мертвые», «Разные дни войны», «Записки Лопатина», документальных фильмов «Если дорог тебе твой дом», «Шел солдат...», «Солдатские мемуары», авторитет Симонова как военного писателя и — это можно добавить без каких-либо оговорок — историка Великой Отечественной войны рос и укреплялся. Суровая и мужественная правда, содержавшаяся в его произведениях, многосторонние знания и глубокое понимание хода войны, фронтовой жизни, сложной работы армейской машины в разных ее звеньях — вот что вызывало к нему интерес и уважение со стороны многих известных военачальников. О чем свидетельствует и то, что писали в печати о Симонове А. М. Василевский, И. С. Конев, И. Х. Баграмян, П. И. Батов и другие военачальники, и переписка Симонова с Г. К. Жуковым, А. М. Василевским, И. С. Коневым, И. Е. Петровым, И. С. Исаковым, Ф. И. Голиковым. Не зря Г. К. Жуков, меньше всего склонный к сентиментальности и панибратству, обращался к Симонову: «Дорогой Костя» (см. с. 277 наст. тома). Не зря К. К. Рокоссовский, уже тяжело больной, получив верстку своей книги воспоминаний, посетовал: «Эх, как надо бы было показать предварительно Симонову! Он наш совестный судия...»[1] Не зря И. С. Исаков, сам — что в данном случае существенно — прекрасно владевший пером, писал Симонову: «Был свидетелем такого, что если напишу, не поверят. Симонову — поверили бы. Ношу в себе и мечтаю когда-либо рассказать Вам» (см. с. 163 наст. тома). Не зря А. М. Василевский назвал однажды Симонова народным писателем СССР, подразумевая под этим тот народный взгляд на войну, который выражен в творчестве Симонова. «Очень важно для нас,— писал он,— и то, что все Ваши всенародно известные и безоговорочно любимые творческие труды, касаясь почти всех важнейших событий войны, преподносятся читателю наиболее капитально, а главное — строго правдиво и обоснованно, без каких-либо попыток в угоду всяким веяниям послевоенных лет и сегодняшнего дня отойти от порою суровой правды истории, на что, к сожалению, многие из писателей и особенно нашего брата, мемуаристов, по разным причинам идут так охотно» (см. с. 409 наст. тома).

---

[1] «Константин Симонов в воспоминаниях современников». М., «Советский писатель», 1984, с. 169.

Народный взгляд на войну выражался и в том внимании, с каким Симонов относился к рукописям бывалых людей, взявшихся за перо, чтобы рассказать о пережитом на фронте. Частное, но убедительное свидетельство этому и письма людей, которые в вымышленных героях Симонова узнавали своих близких: совпадали и фамилия, и воинское звание, и участок фронта, и судьба. Всего несколько ответов писателя на такие письма помещены в томе, но написано их великое множество. Наверное, не было персонажа, по поводу которого к нему не обращались с соответствующим запросом. И когда он написал стихотворение, начинающееся строфой:

Сколько б ни придумывал фамилий
Мертвым из моих военных книг,
Все равно их в жизни хоронили.
Кто-то ищет каждого из них,—

в нем не было ни грана поэтического вымысла. Многочисленные письма Симонова по этому горькому поводу с неожиданной стороны и с поражающей конкретностью и осязаемостью раскрывают масштабы трагедии и подвига нашего народа, то, что он написал в только что процитированном стихотворении: «Видно, чтобы люди жили в мире, нам дороже всех пришлось платить!»

То и дело предупреждая, что он не военный историк, Симонов обнаруживает в письмах глубокий и зрелый историзм мышления — его суждения об общем ходе войны, о ее пружинах, о разных ее сторонах и этапах проницательны и взвешены. Очень внимателен писатель ко всем замечаниям читателей, связанным с историческими реалиями,— неточности и ошибки, обнаруженные читателями в его произведениях (обычно малосущественные, не принципиального свойства), обязательно исправляются в последующих изданиях. Но при этом Симонов неуступчив и не стесняется вступать в спор, когда читатели посягают на художественную правду, требуя от романа или повести документальной, хроникальной точности, «фотографий» реальных событий и их участников. Проблема прототипов, вернее сказать, прототипичности,— потому что речь идет не только о людях, но и о географии фронтовой полосы, о реальных боевых действиях частей,— эта проблема так или иначе, разными своими гранями возникает во многих письмах Симонова.

Стремление к правде — какой бы горькой она ни была, к безупречной точности, нетерпимость ко всякой показухе, к приписках, к ложной романтизации и позерству постоянно присутствует в симоновских письмах — и тогда, когда он касался общих проблем («Терпеть не могу, когда истории выворачивают руки»,— часто говорил он), и тогда, когда дело шло о нем самом, о его работе фронтового корреспондента («Я не был солдатом, я был всего-навсего военным журналистом»,— отрезал он обычно). Кстати, это тоже проявление подлинного уважения к тому, что было в годы войны пережито и совершено народом. Не случайно Симонову принадле-

жит стратегического значения для литературы о Великой Отечественной войне формула, многое определившая в ее развитии последнего времени: «...никто не имеет права сказать, что знает войну досконально. Каждый из нас знает какую-то ее частицу. Войну в целом знает народ, и народ надо расспрашивать о ней»[1].

Многое в деятельности Симонова было внутренне ориентировано на суровое и бескомпромиссное время войны, многое и в мирной жизни он проверял строгим солдатским счетом далекого сорок первого года, что «навеки врублен в память поколений», его нравственными нормами.

Подводя итоги прожитой Константином Симоновым жизни, нельзя не вспомнить того, что он сделал для других людей. Книги о Великой Отечественной войне, популярность его как военного писателя заслонили огромную и многообразную деятельность Симонова в искусстве и культуре. Впрочем, она и не была достаточно известна, меньше всего Симонов был склонен где-либо и кому-либо говорить о своих заслугах, о том, что он сделал, чего добился, рассматривая это как выполнение долга. Один характерный пример. В 1985 году было опубликовано письмо 1948 года (тогдашнему заведующему редакцией издательства «Советский писатель») А. Тарасенкову, в котором Симонов рекомендовал выпустить сборник стихов ленинградского поэта-фронтовика Г. Пагирева. И вот что пишет об этом Г. Пагирев составителю тома через много лет: «Меня необыкновенно взволновало письмо, касающееся меня и моей первой рукописи. Дело в том, что я ничего не знал о его существовании и прочел впервые только теперь, спустя 37 лет после его написания. Это — как рукопожатие товарища, как доброе слово оттуда, с того поля близ деревни Буйничи».

Только после смерти Константина Симонова из появившихся в печати воспоминаний о нем, из его писем начали вырисовываться первые, приблизительные еще контуры его поистине подвижнической деятельности. Множеством разного рода дел занимался Симонов. И государственного значения — как, скажем, кампания за восстановление в средней школе совместного обучения, проведенная «Литературной газетой», которую он тогда возглавлял, или его предложение руководителям кино и телевидения в преддверии 20-летия Победы — снять на пленку рассказы о войне выдающихся военачальников, конструкторов боевой техники, руководителей промышленности, или еще одна его мысль — создать общесоюзный центр, который бы собирал, хранил и систематизировал все рукописные воспоминания участников Великой Отечественной войны. Симонов был подлинным генератором новых идей и всевозможных культурных начинаний. При этом его идеи и предложения никогда не бывали расплывчато общими, они неизменно подкреплялись тщательно продуманными, всесторонне обоснованными конкретными практическими мероприятиями, а если

[1] «Литературная газета», 1975, 19 марта.

дело касалось литературы, кино, телевидения, подробно разработанными темами, порой даже сюжетами. Чтобы не быть голословным — два примера.

Когда была создана Экспериментальная киностудия (Симонов был одним из ее организаторов), в один прекрасный день он прислал в студию рукопись (копия ее хранится в его архиве — это 19 машинописных страниц), которую сопровождало следующее короткое письмо:

«Я попробовал в самой краткой и сугубо предварительной форме записать несколько замыслов тех фильмов, которые, на мой взгляд, в принципе могли бы быть в течение ближайших лет осуществлены нашей студией. Это даже не заявки, а именно замыслы, на основе которых, если они кому-то покажутся стоящими, могли бы быть впоследствии составлены заявки.

Ни по одному из замыслов я сам, как автор, писать сценариев не собираюсь, но по любому из них готов выступать в роли советчика, в чем и вижу основной смысл своего участия в работе студии. А записал все это на бумагу, потому что, быть может, есть смысл познакомить с этими замыслами какой-то круг авторов, которых в той или иной мере может заинтересовать работа над соответствующими сценариями» [1]. Присланная рукопись содержала восемь таких замыслов, один из них — он называется «Поезд» — опубликован в том же номере журнала «Искусство кино», как и только что приведенное письмо, и, обратившись к нему, можно убедиться, сколь содержательна предлагаемая для разработки и художественного исследования драматическая ситуация, сколь своеобразно и интересно намечен сюжет.

И второй пример. В 1978 году Симонов уже тяжело болен, врачи часто укладывают его в больницу. Из больницы он пишет письмо руководителю Гостелерадио, в котором предлагает «создать телевизионное «Литнаследство», включая визуально неповторимые и невосстановимые впоследствии кадры живых воспоминаний». Обосновывая свое предложение, Симонов подробно, по пунктам характеризует «предмет изображения и исследования», «материал», «угол зрения», «меру научности», «объем фильмов», «о ком и о чем» они будут. И конечно, называет семь конкретных тем — как он любил говорить в таких случаях, для начала (см. с. 488—489 наст. тома).

Я говорил о крупномасштабных и долговременных культурных программах — они предназначались для крупных учреждений, целых ведомств. А теперь о мероприятиях, так сказать, одноразовых. Немало книг было выпущено в свет или после долгого перерыва переиздано по инициативе и стараниями Симонова — иногда целиком благодаря его усилиям, иногда при его участии и помощи. Это «Мастер и Маргарита» и другие произведения М. Булгакова, романы И. Ильфа и Е. Петрова, стихи и литературно-критические работы О. Мандельштама, сборник военной публици-

[1] «Искусство кино», 1985, № 11.

стики И. Эренбурга «Летопись мужества», «По ком звонит колокол» Э. Хемингуэя и «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека, «Жизнь Николая Лескова» А. Лескова и «Маяковский. Литературная хроника» В. Катаняна. Симонов возглавлял Комиссии по литературному наследию М. Булгакова, Вс. Вишневского, Б. Горбатова, И. Исакова, О. Мандельштама, А. Твардовского, Н. Хикмета, и Комиссии эти работали очень продуктивно, сделав много полезного. Воссоздание — в том же виде, в каком она в свое время была сделана поэтом,— выставки «20 лет работы Маяковского», организация в Центральном Доме литератора выставок Петрова-Водкина, Пиросмани, Татлина — дело его рук. Создание Музея-квартиры Блока в Ленинграде и сохранение квартиры Маяковского в Гендриковом переулке в Москве, памятники Арсеньеву и Яшину и многое другое. Все это порой встречало упорное сопротивление людей влиятельных, нужно было спорить, доказывать, хлопотать, пробиваться сквозь бюрократические препоны. Письма приоткрывают и эту сторону повседневной деятельности писателя.

О чем только Симонову не писали, желая выяснить его точку зрения или рассчитывая на его помощь — о состоянии школьного образования и недостаточном внимании к инвалидам войны, о подготовке молодых журналистов и об условиях, в которых живут в дальних гарнизонах жены офицеров, о семейных неурядицах и бюрократическом крючкотворстве. С какими только просьбами к нему не обращались! Лирические декларации поэтов вовсе не всегда и не во всем совпадают с их житейским поведением — это известно. Симонов, написав в своих стихах: «Чужого горя не бывает...», был неизменно верен этому принципу и в большом и в малом, постоянно взваливая на себя чужие заботы и беды, стараясь при малейшей возможности поддержать тех, кто в этом нуждался, всеми силами добивался справедливости. Помочь инвалиду войны, наткнувшемуся во ВТЭК на стену казенного равнодушия, или бедствующему юноше, больному полиомиелитом, устроить в больницу, достать лекарство или выписать из ГДР сложные очки, наконец, просто поддержать кого-то в минуту трудную деньгами — и всем этим он занимался, не считая, что такая житейская проза не должна занимать его мыслей и отнимать у него время. Он был человеком не только демократичным и доступным, добрым и отзывчивым, но и обязательным — слов на ветер не бросал, никогда не забывал того, что обещал, не отступался, когда дело вдруг осложнялось и выяснялось, что оно потребует много больше усилий, чем первоначально предполагалось...

Немалую часть почты Симонова составляли рукописи и книги — ему присылали стихи и прозу, пьесы и мемуары, военно-исторические работы и литературоведческие исследования. Поток рукописей никогда не иссякал, он нисколько не уменьшился и после того, как Симонов перестал быть редактором «Литературной газеты» и «Нового мира». К нему постоянно обращались и начинающие, и так называемые бывалые люди, написавшие воспоминания о своей жизни, и уже профессиональные литераторы с про-

сьбой прочитать их рукописи, высказать свое мнение, посоветовать, как и что доделывать, посодействовать публикации и т. п. И как бы он ни был занят своей собственной работой, хорошо ли, плохо ли себя чувствовал, он неизменно отдавал чтению чужих рукописей существенную часть времени — так было до самых последних дней его жизни. Приведу одно очень характерное для Симонова письмо: «Хотя Вы считаете, что ответ: «Я занят своей литературной работой», полученный уже Вами от одного писателя, это казенный ответ, но что поделаешь, если действительно занят своей литературной работой, и действительно, если буду читать хотя бы половину присылаемых мне рукописей, то больше, очевидно, не напишу ни одной строчки, а мне хочется еще кое-что написать!» Но, ограничившись таким вполне справедливым разъяснением, Симонов не был бы Симоновым. Дальше он пишет: «Давайте договоримся с Вами о следующем: присылайте мне одну тетрадку из того, что написано Вами, какой-нибудь кусок, который вы считаете сами наиболее удачным, хорошим, я его почитаю. Если это окажется неинтересным и не имеющим отношения к литературе, я Вам честно об этом напишу. Если это окажется интересным, то тогда попрошу прислать и остальное» (см. с. 200 наст. тома).

Симонов прочитал — со свойственными ему добросовестностью и дотошностью — гигантское количество рукописей («Мне на моем веку пришлось прочесть, наверное, несколько тысяч рукописей и написать несколько тысяч писем начинающим литераторам...»[1] — заметил он в одном письме еще в 1961 году). Никогда не отвечал их авторам с вежливой уклончивостью, прямо говорил, что хорошо и что плохо, что получилось и что не получилось (и так же откровенно и без всяких скидок, не минуя слабостей и неудач, писал о собственных произведениях). Ни дружеские отношения с автором, ни какие-либо другие обстоятельства не могли заставить его закрыть глаза на слабости того или иного произведения. Даже когда вещь ему в целом нравилась, он непременно указывал и на то, что, на его взгляд, не получилось, недоделано, недотянуто. Он говорил правду и в тех случаях, когда говорить ее, зная, что она будет неприятна адресату, нелегко. Он исходил из того, что дипломатическая уклончивость, умолчания, золочение пилюли в этих случаях приносят куда больший вред человеку, рождая ложные надежды и необоснованные претензии. Но все это писалось с неизменной деликатностью и искренним доброжелательством и обычно не рождало обид. Определяя свое отношение к прочитанной рукописи, Симонов не уклонялся от ответственности, мысленно ставя себя на место редактора журнала или издательства, который должен практически решить ее судьбу (этот подход, эта формула — если бы я был редактором, то поступил бы с вашей рукописью так-то и так-то,— очень часто присутствует в его письмах).

---

[1] К. Симонов. Разговор с товарищами. М., «Советский писатель», 1970, с. 252.

Если попадала к Симонову рукопись, обнаруживавшая литературное дарование или представлявшая (когда дело шло о воспоминаниях) важный человеческий документ, он всячески помогал завершить работу, довести вещь до «кондиции» — читал новые и новые варианты, писал обстоятельные отзывы с подробными постраничными замечаниями, встречался и подолгу беседовал с автором, редактировал рукопись, хлопотал в издательствах и журналах, продвигая произведение в печать. Иногда работа продолжалась не один год. Многие книги своим рождением в немалой степени обязаны ему, и некоторые писательские судьбы сложились так, а не иначе благодаря его вниманию и помощи.

Симонов — долгое время специальный корреспондент «Красной звезды» и «Правды», главный редактор журнала «Новый мир» (1946—1950, 1954—1958) и «Литературной газеты» (1950—1954) — был настоящим мастером редакторского, журнально-газетного дела. Высказанные им в письмах соображения о журнальной и газетной стратегии и тактике, о задачах и структуре литературного журнала, о принципах формирования редакционной коллегии, о критериях отбора произведений для публикации, об особенностях журнальной публицистики и критики, о методах ведения литературной дискуссии и полемики поучительны и сегодня. Кстати, у нас есть возможность по письмам же проверить и оценить, как они осуществлялись на практике — при решении судьбы той или иной рукописи, во взаимоотношениях с авторами, в высказываемых им требованиях, пожеланиях, советах.

Отдав последнюю четверть века — если не больше — почти целиком работе над прозаическими вещами о Великой Отечественной войне, видя в этом главный смысл своей творческой деятельности, Симонов обо всем остальном, чем ему приходилось заниматься, судил весьма категорически и далеко не всегда справедливо. Он вообще в самооценках был склонен к самому строгому счету, в любом случае предпочитал умаление и даже самоуничижение самообольщению и самодовольству, которые представлялись ему одной из самых жалких и постыдных человеческих слабостей.

«Хотя и не являюсь специалистом» — это почти обязательная для Симонова оговорка, когда ему приходилось — в статьях, устных выступлениях или письмах — касаться литературоведческих проблем, вопросов истории, кинематографии, театра.

В действительности же — и в театре, и в кино, и в литературоведении и истории — дело обстояло не совсем так... И письма Симонова сразу же это обнаруживают...

Что касается филологии и истории, то здесь следует напомнить об одной странице биографии Симонова, которая мало известна (исследователи его творчества говорят о ней мимоходом). В 1938 году после окончания Литературного института имени А. М. Горького Симонов выбрал в качестве своего поприща не только художественную литературу, но и филологию, поступил в аспирантуру ИФЛИ, которую ему не удалось окончить из-

за того, что после Халхин-Гола, где он побывал, ему пришлось продолжать учебу на курсах военных корреспондентов. Тогда он стал и уже до конца своих дней оставался военным писателем. Но его занятия в аспирантуре ИФЛИ не были случайностью, на всю жизнь сохранил он живой интерес к истории русской литературы, вообще к русской истории, следил за специальной литературой, не чурался рецензировать рукописи литературоведческих работ, и если они заслуживали публикации, предлагал их издательствам, был внимательным читателем журнала «Вопросы литературы» и регулярно рекомендовал его редакции попавшие к нему интересные рукописи или оказавшихся в поле его зрения способных авторов, указывал на пропущенные журналом серьезные исследования (случалось, даже в провинциальных «Ученых записках»).

И с театром дело обстоит совсем не просто, во всяком случае любителем, как он себя изображает, Симонов не был. Первые его пьесы были поставлены еще в довоенную пору. В военные и послевоенные годы не было, кажется, крупного театра, который не обращался бы к его драматургии,— у него была возможность наблюдать и сравнивать разные режиссерские и актерские школы. К тому же он не был в театре гостем, драматургом, приходящим лишь на премьеру, несколько лет после войны проработал заведующим литературной частью Театра имени Ленинского комсомола и хорошо знал театр изнутри. Симонов пристально следил за всем новым, что появлялось на сцене, интересовался новыми работами драматургов, экспериментами режиссеров, возникающими молодежными студиями. Часто случалось, что он первым в печати поддерживал талантливый спектакль, далеко не у всех встречавший понимание и одобрение, проницательно угадывал возможности актера, обреченного сложившимся и казавшимся неколебимым мнением на одно узкое амплуа, как это было с А. Папановым и Ю. Никулиным, способен был по достоинству оценить талантливое художественное решение даже в манере ему далекой и чуждой.

Кино и телевидение также занимают очень большое место в письмах Симонова. Иначе и не могло быть: в кино он тоже не был сторонним человеком, он был связан с ним множеством нитей давно и прочно.

9 декабря 1944 года Симонов писал Д. Ортенбергу: «...в последнее время на меня навалили много всяких серьезных общественных обязанностей: ввели в редколлегию журнала «Знамя», сделали членом Высшего художественного совета кинематографии и т. д. А так как дела серьезные, то приходится работать, и времени уходит ужасно много на это» (*АКС*).

В войну Симонов — по нашим нынешним представлениям, совсем еще молодой человек, ведь свое тридцатилетие он отпраздновал после Победы,— стал обладателем одного из самых громких литературных имен. Прежде всего как поэт — кто тогда не знал «Жди меня», или «Убей его», или «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», но и как фронтовой

корреспондент, изо дня в день рассказывавший о том, что происходило на переднем крае, как драматург, пьесы которого шли по всей стране, как автор повести «Дни и ночи» об обороне Сталинграда, напечатанной в журнале «Знамя». Так что приглашение Симонова в редколлегию этого журнала вполне понятно.

А в Высший художественный совет кинематографии? Но и это столь же естественно. Три его вещи — «Парень из нашего города», «Русские люди», «Жди меня» — были к тому времени экранизированы, начались съемки «Дней и ночей». Стоит вспомнить и о том, что в конце 1943 года вместе с В. Пудовкиным Симонов написал сценарий «Смоленская дорога». Правда, сценарий этот не был реализован, не был понят и по достоинству оценен, но когда через много лет он был опубликован, со всей очевидностью выяснилось, что в нем заложены некоторые эстетические принципы изображения войны, принесшие нашему кинематографу немало удач в 60-е и 70-е годы. В послевоенные годы произведения Симонова экранизировались тоже весьма охотно: «Русский вопрос», «Четвертый», «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Двадцать дней без войны»... Он написал и несколько оригинальных сценариев для художественных фильмов — нельзя не помянуть «Бессмертный гарнизон» и «Нормандия — Неман». Затем добрых два десятка документальных лент в кино и на телевидении, которые он создал или в создании которых принимал участие. С особой увлеченностью Симонов занимался последние годы документалистикой, и некоторые его вещи — назову «Если дорог тебе твой дом», «Гренада, Гренада, Гренада моя...», «Чужого горя не бывает», «Шел солдат...», «Солдатские мемуары» — имели принципиальное значение не только для документального кино или вообще для кинематографа, но и для всего нашего искусства, прежде всего в связи с исследованием Великой Отечественной войны.

До конца жизни Симонов оставался членом коллегии Госкино СССР и правления Союза кинематографистов, и это не были для него почетные, «представительские» посты,— по самому складу своему, по сути характера он был работник и с присущей ему энергией и деловитостью работал в этой области. Так что в кино Симоновым прожита большая жизнь, почти такая же, как в литературе. Он всесторонне и досконально знал весь комплекс идейно-творческих и творчески-организационных проблем, возникающих при создании и документального и «игрового» кино. Письма Симонова посвящены и организации сценарного дела, и детальному анализу многих сценариев и фильмов, и режиссерским проблемам — выбору натуры и актеров, цветной или черно-белой пленки, прокату фильмов, дубляжу на иностранные языки и т. д.

Не хотелось бы, чтобы у читателей после всего сказанного возник ложный образ Симонова, чтобы он предстал в чуждой ему роли эдакого идеального героя без страха и упрека, всегда и во всем служившего образцом и примером. Нет, были у него заблуждения и ошибки, были поступки, о которых он затем сожалел, за которые корил себя. И не скрывал этого —

он принадлежал к людям, которые нравственный суд начинают с себя и не склонны к себе относиться снисходительнее, чем к другим, прощать себе то, что осуждают в других. И он сказал об этом открыто на юбилейном вечере, посвященном его 50-летию (см. т. 11 наст. собр. соч.). Осознав, что совершил ложный поступок, Симонов старался во что бы то ни стало исправить допущенную ошибку. Увы, не все ошибки можно потом исправить, но если возникала такая возможность, он делал это настойчиво и без колебаний.

Один только пример. В своих воспоминаниях об Александре Твардовском Симонов рассказал историю, которая на несколько лет испортила их отношения:

«Я знал: у Твардовского есть горькая обида на меня за то, что я сначала слушал в его чтении бóльшую часть поэмы «Теркин на том свете» и хвалил ее, а потом, когда он завершил поэму и зашла речь о ее печатании, не только не поддержал его, а, напротив, высказался против публикации поэмы в журнале.

Нелегко вспомнить о том, о чем позже сожалел. Но без этого печального для меня воспоминания не будет правдивой общей картины моих отношений с Твардовским» (см. т. 10, с. 448 наст. собр. соч.).

По поводу этих воспоминаний один критик написал Симонову письмо, смысл которого ясен из ответа писателя: «...речь теперь идет только о моих собственных оценках — первоначальной, последующей и окончательной.

Поэма опубликована в Собрании сочинений и недавно выпущена в чтении автора пластинкой. Иметь о ней свои собственные суждения — мое неотъемлемое право, и я готов спорить по этому поводу где и с кем угодно, ибо это вопрос для меня принципиальный.

Что до Вашего замечания о «самобичевании», то думаю, что Вы в данном случае спутали самобичивание с самокритикой, мне иногда присущей, чем я скорей горжусь, а не сетую» (*АКС*).

После смерти А. Т. Твардовского Симонов в качестве председателя Комиссии по его литературному наследию приложил максимум усилий для того, чтобы «Теркин на том свете» был напечатан в посмертном Собрании сочинений поэта и в томе «Библиотеки поэта». И не его вина, что в последнем случае это не удалось сделать (см. по этому поводу в наст. томе письмо М. Бажану от 27 мая 1976 г.).

И еще об одном уроке нравственного поведения в литературе напоминают письма Симонова, уроке, который не утратил своего значения и сегодня. Симонов не выносил в критике фимиама — даже в малых дозах, превосходных степеней в оценках, льстивых комплиментов, с настороженностью и брезгливостью относился к попыткам возвысить его, принизив других. Читая рукописи работ, посвященных его творчеству,— а таких работ присылали ему немало,— он обычно указывал авторам лишь на фактические ошибки, принципиально отказываясь высказываться по поводу толкования и оценок его произведений, но решительно отвергал компли-

ментарное расшаркивание и хвалебное суесловие. В письме 1953 года он предостерегает автора статьи о его творчестве: «Обратите внимание на мои пометки в тексте; они относятся главным образом к некоторым превосходным степеням, которые, думается, по отношению к моим книгам употреблять нет оснований. Думаю, что если эти превосходные степени убрать, то это будет верно и по существу и статья от этого выиграет» (*АКС.*) Его позиция осталась неизменной и через четверть века — в 1977 году (я опускаю многие другие такого рода примеры) он пишет критику: «Мне показалась излишне щедрой оценка стихотворения «Кукла», так же, как где-то впереди, не помню уж на какой странице — оценка образа Серпилина. Я хочу, чтобы Вы меня правильно поняли: и то и другое в разное время, в разных масштабах считаю своими удачами как писателя. Но и в том и в другом случае я противник превосходных степеней в оценках» (см. с. 471 наст. тома).

Дело здесь не только в скромности и самокритичности Симонова, но прежде всего в его ясном и твердом представлении о тех этических нормах, которые в литературе и критике должны соблюдаться неукоснительно, о правах и обязанностях литературной критики, о принципиальности и беспринципности в литературных отношениях. Приведу в связи с этим отрывок из одного письма, не имеющего прецедента в современной литературной жизни. Симонов написал (а вскоре и опубликовал) письмо человеку, которого отчитали за то, что он критиковал роман «Последнее лето»: «...я без всякого удовольствия, напротив, с огорчением прочел абзац в редакционном заключении, который касается меня и Вас. С особой скорбью прочел я фразу, в сущности сводящуюся к тому, что раз «критика единодушно отметила», что сей роман «одно из самых значительных произведений года», то, стало быть, негоже никакому отдельно взятому критику сосредотачивать свое внимание главным образом на том, что в оном романе написано слабо. А почему, собственно, негоже? Почему о романе после нескольких десятков одобрительных рецензий не может существовать иных мнений и вообще и по частностям?

Словом, весь этот абзац в редакционном заключении дискуссии мне показался неправильным по существу. У нас уже есть в литературе несколько неприкосновенных авторов и неприкосновенных произведений. И вдруг промелькнувшая в этом абзаце даже отдаленная возможность попасть в их число меня испугала» [1].

Это краткое вступление ни в коей мере не может исчерпать содержания настоящего, хочу повторить снова, далеко не полного собрания писем Симонова — да это и невыполнимая задача. Цель была иной: я хотел обратить внимание читателей главным образом на то, что роль, которую сыграл Константин Симонов в истории советской литературы и культуры, определяется не одними книгами, им написанными, и фильмами, им созданными или которые были созданы по его произведениям, но и его многогранной

[1] К. Симонов. Разговор с товарищами, с. 325.

неустанной общественной и культурной деятельностью, длинной чередой добрых дел, которые он совершил, выдвинутыми им идеями, тем, что он предложил, подсказал, на что натолкнул, каким делом увлек многих и многих людей, защитой достоинства искусства и художника. О творчестве Симонова написаны десятки, если не сотни рецензий, критических статей, книг. Но то, что он сделал помимо своего творчества, известно и изучено несравнимо меньше. Том его писем существенно расширяет наши представления об этом, тем самым новым светом освещая его деятельность и личность.

* * *

Публикуемые в этом томе письма Константина Симонова печатаются по копиям, находящимся в архиве, который хранится в его семье. Сверка с оригиналами (когда для этого представлялась возможность) показала, что копии верны. В тех случаях, когда Симонов, публикуя письма или фрагменты из писем, вносил в текст правку, эта правка учитывается. Письма расположены в хронологическом порядке. Дата и место отправления письма, если они указаны автором, воспроизводятся в соответствии с оригиналом. В правом верхнем углу дается редакционная дата и место отправления письма.

Биографические справки об адресатах даются в примечаниях к первому публикуемому этому лицу письму. Если данного лица нет среди адресатов, биографическая справка дается при его первом упоминании. В дальнейшем при повторных упоминаниях отсылки на справку не даются. В именном указателе страница, на которой дана биографическая справка, выделена. Комментатор просит прощения у читателей за то, что не во всех случаях ему удалось отыскать сведения об адресатах и упоминаемых в письмах лицах. В скобки заключены те данные, которые отсутствуют в авторских копиях и установлены комментатором.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

АКС — Архив К. М. Симонова, хранящийся в его семье.
ВЛ — журнал «Вопросы литературы».
ДН — журнал «Дружба народов».
КЗ — газета «Красная звезда».
ЛГ — «Литературная газета».
ЛО — журнал «Литературное обозрение».
ЛР — газета «Литературная Россия».
ЛУ — журнал «Литературная учеба».
НМ — журнал «Новый мир».
РДВ — К. С и м о н о в. Разные дни войны. Дневник писателя (т. 8 и 9 наст. собр. соч.).

РСТ — К. Симонов. Разговор с товарищами. Воспоминания. Статьи. Литературные заметки. О собственной работе. М., «Советский писатель», 1970.

СИД-1 — К. Симонов. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. М., «Советский писатель», 1974.

СИД-2 — К. Симонов. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. Изд. 2, доп. М., «Советский писатель», 1976.

СИД-3 — К. Симонов. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. Изд. 3. М., «Советский писатель», 1978.

ПИСЬМА
1943–1979

А. А. КОВАЛЕНКОВУ

⟨Март — апрель, 1943 г., Москва⟩

Дорогой Саша!

Вернулся из поездки на Кавказский и Южный фронты и получил твое письмо, но ответить сразу не смог, ибо на третий же день уехал на Западный. Теперь спешу ответить, так как на днях, кажется, опять уеду на юг. Мне очень хочется, чтобы, когда ты посылаешь письмо и не получаешь ответа, ты был уверен только в одном — что я отсутствую в Москве. Никаких других причин нет и не может быть.

Мне очень хотелось бы, чтобы ты написал конкретно о своих делах здесь, в Москве, в издательствах в частности, дабы я мог принять меры по продвижению твоих книжек, ежели таковые находятся в производстве (а они, судя по всему, должны находиться в оном), так что напиши подробно и точно, где и что. Я уеду недели на две и, вернувшись, смогу кое-что сделать.

Недавно у меня несколько дней жил Женя Долматовский. Его, как и тебя, несколько заела ежедневная газетная работа, но в общем он по-прежнему веселый и жизнерадостный и, после всего перенесенного им, порадовал меня этим.

Смешно было бы с моей стороны писать тебе прописные истины относительно бодрости духа и т. п., но мне хочется сказать тебе только одно: не всем редакторам газет свойственно понимание того, что такое писатель и в чем состоит его истинный долг перед родиной. Некоторые из них считают, что истинный долг писателя перед родиной состоит в том, чтобы слушать только редактора, писать что им скажут и дежурить в газете наравне с остальными работниками. Однако, по моему глубокому убеждению, это отнюдь не так. Не забывая газеты, следует помнить о себе как о писателе и не поддаваться на полное редакционное закабаление, ибо то, что редактор подчас считает, что мы пишем для себя, это есть в гораздо большей степени для народа, чем повседневная газетная суета. Во всяком случае (что уже вне всяких сомнений) одинаково важно и то и другое.

Прости за это излишнее философствование, но мне почему-то показалось по твоему письму, что у тебя не хватает силы для сопро-

тивления некоторым необоснованным редакционным требованиям. Мне хочется, чтобы ты эту силу в себе нашел.

Очень хотелось бы, чтобы ты прислал последние стихи и вообще написал поподробнее, как ты живешь, и если скучаешь, то как скучаешь. Что до меня, то я в последнее время очень много ездил, видел много интересного, но сейчас очень устал и стосковался, ибо давно не вижу человека, которого бы хотел видеть с собой постоянно. Написал строк 400—500 новых стихов, которых ты не знаешь (нет, пожалуй, больше — строк 800), но пока большинство из них не печатаю и не собираюсь. В остальном жизнь течет по-прежнему, в фронтовых поездках — сам знаешь как, а в Москве суетливо и очень по-трудовому. Сплю мало, работаю с восьми утра. Дела меня буквально заваливают в те короткие дни, когда приходится бывать здесь.

Целую тебя крепко, мой дорогой. Желаю всяческого счастья. Когда будешь писать жене, непременно напиши мой сердечный привет. И главное, не откладывая в долгий ящик, отвечай на мое письмо.

Константин Симонов.

Впервые — в *ВЛ*, 1985, № 5.

Коваленков Александр Александрович (1911—1971) — русский советский поэт, товарищ Симонова по Литературному институту им. Горького.

Вернулся из поездки... опять уеду на юг.— Симонов находился в командировках на Кавказском и Южном фронтах в январе — марте 1943 г., на Западном — в марте и снова на Южном в апреле 1943 г.

...продвижению твоих книжек...— В 1943 г. издательство «Советский писатель» выпустило сборник стихов А. Коваленкова «Далеко на Севере».

Его, как и тебя, несколько заела ежедневная газетная работа...— Е. Долматовский служил в то время в газете Центрального фронта «Красная Армия», А. Коваленков — в газете Карельского фронта «В бой за Родину».

...после всего перенесенного им... — В августе 1941 г. под Уманью войска 6-й и 12-й армий Южного фронта попали в окружение. Служивший в газете 6-й армии «Звезда Советов» Е. Долматовский, раненный в голову и руку, попал в плен, бежал из лагеря, несколько недель пробирался по оккупированной немцами территории к линии фронта, которую перешел в начале ноября 1941 г.

Написал строк 400—500 новых стихов...— Речь идет о стихах Симонова «Безыменное поле», «Каретный переулок», «Дожди», «Не раз видав, как умирали...», «В Заволжье», «Фляга».

Когда будешь писать жене...— Фохт Елизавета Сергеевна — жена А. Коваленкова.

Датируется по содержанию.

⟨Сентябрь — октябрь 1943 г., Москва⟩

Дорогой Александр Иванович,

вернулся сегодня с Брянского направления и с удовольствием прочел твое письмо. Рад, что ты жив, здоров и что твои гвардейцы хорошо воюют.

Насчет романа ты меня не совсем правильно понял: он еще не вышел из печати, я его только заканчиваю. Сделал бы это давно, но помешали немцы своим июльским наступлением,— пришлось немедленно выехать на фронт. Сейчас таким образом делю свое время между поездками на фронт и писанием романа. Думаю его кончить через месяц-полтора, после чего буду сравнительно вольной птицей и тогда смогу осуществить наше общее с тобой желание — приехать к тебе.

В первомайском номере «Красной звезды» был напечатан мой рассказ «Зрелость». Этот рассказ с вымышленными фамилиями, но если ты его прочтешь, то поймешь, что, в сущности, он основан на том, что ты мне рассказывал о зимних боях, и в частности о взятии Новочеркасска. Зная, как нерегулярно доходит до вас «Красная звезда», посылаю в письме тебе вырезку.

Халип остался сейчас работать на Центральном фронте. Когда увижу его, непременно передам твой привет.

С тобой мы, конечно,— я в этом не сомневаюсь,— выпьем. Пока же, получив сегодня твое письмо, выпил за твое здоровье с женой.

За это время никаких особенных новостей у меня нет. Много работаю, не чаю, не гадаю, как бы скорее кончить роман — очень уж я устал от него. Как кончу, так приеду к тебе.

Ну, крепко тебя целую.

Жму руку.

Желаю тебе военного счастья и верю в то, что ты родился под счастливой звездой.

Привет тебе от моей жены, которая тебя не знает, но от меня много о тебе слышала и все просится поехать со мной на фронт. Так что берегись: чего доброго, нагрянем целым семейством.

Твой *Константин Симонов.*

Впервые — в *ВЛ*, 1985, № 5.

Утвенко Александр Иванович (1905—1963) — советский военачальник, генерал-лейтенант, в ту пору генерал-майор, командир 31-го гвардейского стрелкового корпуса.

...вернулся сегодня с Брянского направления... — Симонов в сентябре

1943 г. ездил на Брянский фронт, в 3-ю армию, которой командовал генерал-лейтенант А. В. Горбатов.

Насчет романа...— Повесть «Дни и ночи».

Халип Яков Николаевич (1908—1980) — в годы войны фотокорреспондент «Красной звезды».

...выпил за твое здоровье с женой.— Серова Валентина Васильевна (1917—1975) — актриса, с 1943 по 1956 г. жена Симонова.

Датируется по содержанию.

Д. И. ОРТЕНБЕРГУ

6 октября 1943 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Давид!

Сегодня прилетел с фронта из-под Киева после порядочной отлучки и сразу в редакции нашел с радостью твое письмо, а дома в столе с удивлением нашел свое письмо к тебе, написанное перед отъездом и так и не отправленное моей стенографисткой.

Посылаю его тебе вместе с этим, ибо некоторые события, описанные там, не устарели.

Сегодня вечером я увижу, наконец, привезенную картину «Жди меня» — говорят, хорошо вышла.

Тут были всякие огорчения — закрыли Театр драмы, где работала Валя,— и сейчас она в неопределенном положении. Надеюсь, что удача картины ее подбодрит.

Роман в связи с неожиданной поездкой у меня застрял, но сейчас думаю дней в 10 кончить его более или менее окончательный вариант. Кроме того, надо мной еще висит сценарий о Москве, за который я еще толком не взялся. Так что работы по горло, а тут еще, очевидно, предвидится повторение поездки, которую я только что совершил. Впрочем, этого, конечно, нельзя предугадать.

Вчера не докончил письмо, сегодня продолжаю.

Наконец, посмотрел картину «Жди меня», она получилась в общем неплохо и волнительно, а что до Вали, мне судить трудно, но, по общему мнению, она играет хорошо.

Выпили сегодня с Валей и с Яшей Халипом за твое здоровье. От них от обоих тебе большой привет.

Думаю, что, когда закончу неотложные дела со сценарием и романом, я непременно выберусь к тебе. Только уж, пожалуйста, измени своей скверной привычке и не лазай где не надо,— я тебя очень хочу увидеть в полной целости и сохранности — тьфу, тьфу, тьфу! Чтоб не сглазить!

Пока у меня ничего нового из печати не вышло, но скоро выйдет книга военных стихов — пришлю.

Ну вот, в сущности, и все наши здешние дела.

Да, кстати, на просмотр картины я позвал жену Миши Берн-

штейна, ей очень понравился Вайнштейн — так, как там его играет Свердлин, но при этом она, конечно, бедняга, расстроилась и плакала.

В «Звезде» до сих пор маринуют мой большой летний материал, но я как-то вдруг равнодушен к этому. Должно быть оттого, что охладел. Мой, очевидно, недостаток в том, что для меня не существует какой-нибудь организации или предприятия самих по себе, а существуют лишь люди, которых я или люблю, или не люблю,— словом, к газете я сейчас остыл, надеюсь, ты меня понимаешь.

Ну, крепко обнимаю тебя, дорогой, и жму твою руку с пожеланием счастья, а твердость и бодрость у тебя есть и без моих пожеланий.

Твой *Костя.*

6.X.43

Впервые — в *ВЛ,* 1985, № 5.

Ортенберг Давид Иосифович (р. 1904) — генерал-майор, журналист, в годы войны редактор газеты «Красная звезда», начальник политотделов 6-й и 38-й армий, один из близких друзей Симонова.

...картину «Жди меня»... — Сценарий К. Симонова, режиссеры А. Столпер, Б. Иванов.

Валя — Серова Валентина Васильевна. В фильме «Жди меня» В. Серова играла роль Лизы.

Роман... у меня застрял... — Повесть «Дни и ночи». В одном интервью Симонов говорил о «Днях и ночах»: «...эту вещь я поначалу считал романом; как роман она и была опубликована. Потом я понял, что все-таки это повесть» («Константин Симонов рассказывает». М., «Советская Россия», 1981, с. 133).

...висит сценарий о Москве...— Сценарий «Смоленская дорога», написанный Симоновым в соавторстве с В. Пудовкиным, не был поставлен. Опубликован с небольшими сокращениями в журн. «Искусство кино» (1968, № 2) и полностью — в 1-м томе Собр. соч. в 3-х томах В. Пудовкина.

...непременно выберусь к тебе...— Д. Ортенберг служил в это время начальником политотдела 6-й армии.

...скоро выйдет книга военных стихов... — Речь, видимо, идет о кн.: К. Симонов. Война. Стихи 1937—1943 гг. М., «Советский писатель», 1944.

Бернштейн Михаил Соломонович (1912—1942) — фотокорреспондент газеты «Красная звезда».

Свердлин Лев Наумович (1901—1969) — советский актер.

В «Звезде»...— Газета «Красная звезда».

...маринуют мой большой летний материал...— Очерк «Третий вариант», в «Красной звезде» не напечатан, опубликован под назв. «Орел» в журн. «Октябрь» (1943, № 10).

Ю. П. ГЕРМАНУ

⟨Февраль — март 1944 г., Москва⟩

Дорогой Юрий Павлович!

Был в отъезде. Вернувшись, получил Вашу милую открытку. Хотел сразу же ответить, но тут на меня свалились всяческие беды,— тяжело заболела мама, и целый месяц, пока она не начала поправляться, я ходил, забыв обо всем на свете.

Я как-то особенно рад тому, что Вам захотелось мне написать именно об этом пресловутом «Жди меня», о котором за последний год (я говорю о пьесе и картине) я выслушал неприятностей больше, чем за что бы то ни было в течение всей своей литературной жизни. Между тем, может быть, лучше, чем кто-нибудь другой, зная недостатки и пьесы и картины, я тем не менее люблю их (особенно картину), как любит мать своего хроменького мальчика: он как будто не удался и в то же время чем-то очень мил. И потом, знаете, мне кажется, что пришла пора для того, чтобы перечесть Диккенса. Что-то в нашем искусстве должно появиться диккенсовское, чтобы дурнушки становились красавицами, черствые старики мягчали, уехавшие в далекие края непременно возвращались. Я убежден, что Вы меня хорошо понимаете, потому что всегда, когда я Вас читал, мне чудился в Ваших вещах отголосок этого диккенсовского, доброго взгляда на жизнь.

Как-то тут я собирался на Север, однако в последнюю минуту не вышло. Между тем хотелось бы поехать, потому что война в конце концов всюду война, а северную природу я люблю как-то особенно, как никакую другую.

Вы напоминаете в Вашей открытке о том вечере, когда мы лежали рядом на койках и я читал стихи. Кажется, это было в Грязном. С тех пор я написал довольно много стихов — пожалуй, целую книжку, но она еще как-то все для меня не кончена, кажется, что-то еще надо написать. Да и потом в том виде, как она написана, может быть, сейчас и не время ее печатать, а исправлять или что-то уравновешивать в ней мне ни в малейшей степени не хочется,— пусть пока лежат, дописываются.

Но Вам мне в качестве заявки на какое-нибудь такое же второе ночное чтение (уже, верно, после войны) хочется послать одну вещицу — не то большое стихотворение, не то маленькую поэму. Когда я ее писал, я часто вспоминал Блока «Елагин мост», «две колонны» и еще что-то и еще что-то и написал ее, должно быть, поэтому так, что сердитый критик скажет, что это ничем не прикрытое эпигонство, и, наверное, будет прав. Однако вещица мне нравится больше многих других, написанных мною за это время.

Вот я и посылаю ее Вам. Прочтите. Если найдется время, черкните мне вообще и заодно пару слов о ней.

Я тут ударился в последний год в прозу и написал большую, канительную вещь страниц на пятьсот, которую я поспешил назвать романом, потому что мне очень хотелось, чтобы и у меня тоже был роман. Но по существу это просто длинная, ни на что не похожая история о том, как люди семьдесят дней жили в Сталинграде. Может быть, это повесть, а может быть, просто хроника, черт ее знает. Некоторые места мне в ней нравятся, в других чувствую свою еще полную беспомощность в прозе, а в общем, старался написать, насколько возможно на сегодняшний день, правдивее.

Ну вот в основном и все о моей жизни.

Живу по-прежнему. Пишу стихи все той же женщине, что и писал, когда мы с Вами были в Грязном. Жив и более или менее здоров.

Еще раз благодарю Вас за Ваши дружеские слова.

Жму Вашу руку.

Ваш

К. Симонов.

Герман Юрий Павлович (1910—1967) — русский советский писатель.

...заболела мама...— Иванишева Александра Леонидовна (1890—1974).

...захотелось мне написать именно об этом пресловутом «Жди меня»...— Ю. Герман писал Симонову 13 января 1944 г.: «Нынче в этом самом месте посмотрел я кинокартинку под названием «Жди меня». И вот захотелось мне Вам написать. Знаете, хорошая получилась картинка, трогательная, сердечная, добрая. Я смотрел среди многих недурных и неслезливых людей, и вот все эти люди пускали слезу, разумеется, стыдясь друг друга и произнося всякие грубые слова. Она трогает многие души, добирается до чего-то довольно глубокого ⟨...⟩ Месяца два тому назад я прочитал пьесу К. Симонова «Жди меня» ⟨...⟩Пьеса тоже хорошая» *(АКС)*.

...я тем не менее люблю их...— После войны Симонов изменил отношение к пьесе «Жди меня», считал ее неудачей и никогда не перепечатывал. В 1972 г. он говорил: «Бывают случаи, когда неточно выбираешь жанр. Написав стихотворение «Жди меня», я, видимо, не должен был затем писать пьесы «Жди меня». Хотя фильм «Жди меня» до сих пор смотрят; что-то в нем трогает людей. Но с художественной точки зрения, что касается моей работы, а не работы режиссера, все, что последовало за стихотворением,— пьеса, сценарий — это, так сказать, прилагательные, которых могло бы и не быть. Эту тему режиссер мог решить и без меня. И может быть, с большим успехом, если бы я его не связывал...» (*СИД-1*, с. 337).

Вы напоминаете в Вашей открытке о том вечере... — Ю. Герман писал в том же письме: «Судьба забросила меня в то самое место, где в первый год войны Вы однажды читали мне хорошие стихи К. Симонова. Было это ночью, в большой пустой комнате, вначале мне хотелось заснуть и никаких стихов не слушать, а потом мне захотелось наоборот — слушать, а не спать. Вот-с!»

Кажется, это было в Грязном. — В Грязном в годы войны размещался командный пункт авиации Северного флота.

...я часто вспоминал Блока «Елагин мост», «две колонны»... — Симонов ссылается на начало стихотворения А. Блока «На островах» (1909), воспроизводя его по памяти: «Вновь оснеженные колонны, Елагин мост и два огня».

...не то большое стихотворение, не то маленькую поэму. — Стихотворение «Дожди» (1942), в то время еще не опубликованное.

...написал большую, канительную вещь... — Повесть «Дни и ночи».

Пишу стихи все той же женщине... — В. Серовой.

Датируется по содержанию.

М. К. ЛУКОНИНУ

⟨Не ранее февраля 1944 г., Москва⟩

Дорогой Миша,

получил твое письмо. Рад, что ты жив и здоров и находишься в боевом, злом настроении. Не знаю, может быть, некоторые беды в жизни бывают и к лучшему: то, что в «Советском писателе» заканителили твою книжку, может быть, будет и не так плохо. Что до меня, то я в тебя верю больше, чем в кого-нибудь из других моих товарищей, и, пожалуй, именно поэтому меня не очень волнует, по правде говоря, то, что сейчас у тебя не вышла книжка. Хотя абсолютно понимаю, как тебе этого хотелось бы в глубине души. Война не на век,— авось через год тебе удастся засесть за большую книгу о ней. Сколько я ни смотрел на судьбы людей, всегда, когда начинают книжечка за книжечкой, сначала кажется легче, а потом трудней, и наоборот, потом легче, когда, как начал Багрицкий — с «Юго-запада». Вот, не прими это утешение за мое ханжество. Я пишу это от души.

Независимо от книжки, очень прошу, пришли мне последнее, что написал. Может быть, я с циклом пойду куда-нибудь в журнал и напечатаем. Во всяком случае, это будет не вредно. И потом просто хочется знать, что ты пишешь.

Крепко тебя целую, дорогой, и жму твою руку.

Константин Симонов.

Впервые — в *СИД-1.*

Печатается по тексту *СИД-3*, с. 508, небольшие сокращения восстановлены по машинописной копии, хранящейся в *АКС.*

Луконин Михаил Кузьмич (1918—1976) — русский советский поэт, товарищ Симонова по Литературному институту им. Горького.

...засесть за большую книгу...— Первая книга стихов М. Луконина «Сердцебиение» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1947 г., в том же году «Советский писатель» выпустил его книгу «Дни свиданий».

...как начал Багрицкий — с «Юго-Запада».— Багрицкий Эдуард Георгиевич (1895—1934) начал печататься в 1915 г., но первый сборник стихов «Юго-запад» выпустил лишь в 1928 г., когда у него в поэзии было уже прочное имя.

Публикуя это письмо, Симонов датировал его 1943 г. Но в машинописной копии рядом с этой датой стоит вопрос. В воспоминаниях о М. Луконине Симонов цитирует несколько его писем военных лет — судя по всему, настоящее письмо Симонова является ответом на письмо М. Луконина от 31 января 1944 г. (см. т. 10, с. 506 наст. собр. соч.) и не могло быть написано ранее февраля 1944 г.

С. Г. БИРМАН

26 декабря 1945 г., ⟨Владивосток⟩

Дорогая Серафима Германовна!

Так как Вы, как это известно всем в Москве, человек страшного, ужасного, обидчивого, неуживчивого, чудовищного характера, то я сразу же начну письмо с извинения в том, в чем не извиняюсь ни перед кем: а именно в том, что пишу это письмо при содействии нашей дорогой Музы Николаевны.

Но оправданий у меня два: во-первых, почти все, что мы с Вами последнее время делали, происходило при оном же содействии, а во-вторых, у меня осталось только несколько часов до самолета, и я стою перед дилеммой — или написать несколько строк от руки, или написать гораздо больше вот так, как я пишу сейчас. Вы, как человек крайне неуживчивый и безумно обидчивый (что известно всем в Москве), конечно, надеюсь, меня поймете и простите.

Простите за это шутливое предисловие. С чувством теплоты и дружбы прочел я в тронувшемся поезде Ваше письмо. Пью из Вашей кружки только чай. Вспоминал Вас часто и много. *Вспоминаю нашу совершенно ясную дружбу по работе* и нашу, как думается мне, очень хорошо начавшуюся дружбу в жизни.

В поезде ужасно трясло и работа не выходила, но тут, во Владивостоке, Муза Николаевна уже расшифровала несколько

Ваших репетиций, и я с интересом и треволнением прочел эти четыре десятка страниц на машинке.

Думается мне. что пресса — прессой и расстраивающие Вас подчас разговоры — разговорами, но когда Вы прочтете все то, что расшифровано, вы окажетесь перед таким интересным фактом, которого Вы сами еще — простите — недопонимаете, и Вам будут глубоко безразличны хладные речи наших уважаемых комитетских старцев и «иже с ними».

Просто говоря, по-моему, это очень хорошо, и из этого получится очаровательная книга, которая,— говорю уже как не специалист,— прежде всего будет обладать тем очаровательным достоинством, что ее будет интересно читать.

Ну что же Вам еще написать? Не пью, не курю и почти не сорю на пол. В этом чувствуется Ваша школа. Правда, иногда по утрам, бывает, хвачу рюмку водки, но это опять-таки Ваша школа.

Не сердитесь на мои шутки. Немножко тоскливо улетать, и о многом, о чем сейчас думается, писать не хочется, да и не можется. Вот и вся причина несколько легкомысленному тону моего письма. Впрочем, хотя Вы уж не такая серьезная и мрачная особа, как это принято считать в Москве, я это знаю!

Как видите, я под конец вставил интригующую фразу, благодаря которой даже мрачные подозрения могут закрасться в душу Александра Викторовича, которого я приветствую, крепко жму ему руку, желаю ему успехов и прошу напомнить, что нам с ним скоро, очевидно, придется трудиться на полях «Нового мира».

Целую Вашу руку. Крепко жму ее.

Ваш
Константин Симонов.

26 декабря 1945 г.

Впервые — в журн. «Театр», 1985, № 11.

Бирман Серафима Германовна (1890—1976) — советская актриса и режиссер.

Кузько Муза Николаевна (1891—1954) — в годы войны стенографистка редакции «Красной звезды», затем секретарь Симонова.

...расшифровала несколько Ваших репетиций...— Речь идет о записи репетиции пьесы Симонова «Под каштанами Праги», которую поставила в 1946 г. в Театре им. Ленинского комсомола С. Бирман. Эти записи в качестве «Приложения» опубликованы в кн.: С. Бирман. Путь актрисы. М., ВТО, 1959.

Немножко тоскливо улетать...— Симонов улетал из Владивостока в командировку в Японию.

...в душу Александра Викторовича...— Таланов Александр Викторович (1901—1969) — русский советский писатель, муж С. Бирман.

10 июня 1946 г.

10 июня 1946 г., ⟨Нью-Йорк⟩

Дорогой мистер Хемингуэй!

Я был очень рад получить Ваше письмо. Больше того, я был счастлив. Я долго не отвечал на него, потому что меня не оставляла надежда, что мне удастся поехать на Кубу, чтобы увидеть Вас. Только сегодня я окончательно узнал, что это мне не удастся и что в ближайшие дни мне нужно уезжать домой, где я не был почти с окончания войны.

В письме трудно сказать то, что можно сказать лично, но все-таки несколько слов я хочу Вам сказать. Я очень огорчен тем, что я Вас не увижу в этот мой приезд в Америку, и я хочу Вам объяснить, почему я так огорчен этим.

Очень многие в России любят Ваши книги. Но разные люди любят их по-разному. Я прочел их в первый раз до войны и любил их так, как любит их большинство, как читатель. Война пять лет вертела и перевертывала мою жизнь и переделала меня, как мне кажется, в совсем другого человека, чем я был. И, как этот другой человек, я снова перечел Ваши книги и полюбил их заново и иначе, чем раньше. Я полюбил их как бывший солдат и как молодой писатель, ставший писателем только на войне и только благодаря войне. Ваша книга «Прощай, оружие!» была для меня не просто книгой, а моей жизнью, вернее, куском моей жизни. Ваш рассказ «Белые слоны» был тем самым, о чем я писал стихи все четыре года войны. Словом, после войны мне кажется, что я не только люблю Вас, но и что я Вас понимаю. Может быть, это слишком самоуверенно звучит, когда ты говоришь, что понимаешь писателя, но мне все равно так кажется, а я решил написать Вам только правду, иначе вообще писать не имеет смысла. Если Вы поверите, то Вы поймете, почему я так хотел и так продолжаю хотеть Вас увидеть. Мне это очень нужно, не интересно, а нужно, понимаете меня?

Я надеюсь через некоторое время, может быть, через год, быть снова в Америке; тогда я Вас увижу во что бы то ни стало.

У меня к Вам большая просьба: вместе с этим письмом я Вам посылаю мою книгу. Несколько слов о ней. Я написал много книг стихов, много пьес и, может быть, слишком много корреспонденций. Эта книга — первая моя книга, в которой мне что-то нравится. Не до конца знаю что. А что — мне очень важно знать, потому что именно это надо писать дальше. Как писатель, написавший свою первую книгу, а я это чувствую именно так, я Вас прошу по-товарищески написать мне несколько слов после того, как Вы ее прочтете.

Напишите мне совершенно прямо. Скажу Вам честно: если Вы напишете о книге, что она плоха и Вам не нравится, я буду очень огорчен, но все равно Вы непременно напишите прямо, мне это очень важно.

Сегодня я уезжаю в Канаду. Вернусь в Нью-Йорк 23-го и 26-го уеду на родину. Было бы очень хорошо, если бы Вы могли ответить мне до моего отъезда: Отель «Вальдорф Астория», комната 1588, Нью-Йорк. Если не сможете, напишите мне в Москву. Адрес: Москва, Ленинградское шоссе, дом 25-А, кв. 66, Константину Симонову.

Я буду очень ждать Вашего ответа и в том и в другом случае.

Крепко жму Вашу руку. Очень благодарю Вас за Ваше письмо и очень хочу Вас увидеть.

Ваш
Константин Симонов.

Впервые — в *ВЛ*, 1985, № 5.

Хемингуэй Эрнест Миллер (1899—1961) — американский писатель.

...был очень рад получить Ваше письмо...— Э. Хемингуэй прислал Симонову письмо (от 16 мая 1946 г.) с приглашением посетить его на Кубе — см. письмо в статье Симонова «Думаю о Хемингуэе» (т. 11 наст. собр. соч.).

...мне нужно уезжать домой, где я не был почти с окончания войны.— С декабря 1945 г. по апрель 1946 г. Симонов был в командировке в Японии. На обратном пути из Японии, пробыв в Москве всего несколько часов, Симонов полетел в командировку в США, где находился по июнь 1946 г.

...«Прощай, оружие!» была для меня не просто книгой...— Роман Э. Хемингуэя, опубликованный в 1929 г.

Ваш рассказ «Белые слоны»...— Рассказ Э. Хемингуэя из сборника «Мужчины без женщин», опубликованного в 1927 г.

...я Вам посылаю мою книгу...— В 1945 г. в США была переведена повесть Симонова «Дни и ночи». Повесть пользовалась большим успехом, она попала в число двенадцати лучших книг года.

...первая моя книга, в которой мне что-то нравится...— Это отношение к первой повести осталось у Симонова незыблемым. В 1972 г., уже будучи опытным писателем и зрелым человеком, он признавался: «Если говорить о книге, которую я с наибольшим удовольствием перечитываю — это «Дни и ночи». У меня даже при этом возникает удивление и желание самого себя похвалить: смотри, мол, как я тогда, во время войны, писал» (*СИД-3*, с. 581).

Я буду очень ждать Вашего ответа...— Ответное письмо Э. Хемингуэя от 20 июня 1946 г. см. в статье Симонова «Думаю о Хемингуэе» (т. 11 наст. собр. соч.).

Г. Ф. АЛЕКСАНДРОВУ

1 сентября 1946 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Георгий Федорович!

В связи с разговорами, которые у нас с Вами были, относительно моей возможной работы в качестве редактора журнала «Новый мир», я бы хотел высказать здесь несколько соображений о работе журнала вообще и о том, как бы я думал в случае своего назначения эту работу перестроить.

Я исхожу прежде всего из того, что должен представлять собой номер толстого ежемесячного журнала, полученный средним советским интеллигентом-подписчиком в каком-нибудь городе на периферии.

Такой подписчик, естественно, обычно не может выписывать несколько журналов, и вот мне думается, что единственный получаемый им журнал должен ответить на значительно более широкий круг его культурных запросов, чем это имеет место с любым из наших журналов сейчас.

Прежде всего подзаголовок «литературно-художественный и общественно-политический журнал» должен найти отражение в содержании журнала, и обе эти составных части должны находиться в примерном равновесии.

Когда впервые со мной говорили о журнале, я специально на выбор прочел несколько номеров «Современника» и «Отечественных записок» их лучшего периода, и нужно сказать, что в этих журналах даже очень соблюдалось это равновесие, утерянное многими нашими журналами сейчас.

Нет смысла, чтобы журнал был по существу альманахом прозы и стихов с некоторой процентной нормой критических статей. Журнал должен быть отражением культурной жизни страны и должен давать представление о ней в целом. Поэтому я бы считал, что журнал должен состоять из следующих отделов: 1. Проза; 2. Поэзия; 3. Критика; 4. Публицистика; 5. Наука; 6. Искусство; 7. Иностранный отдел.

Некоторые пояснения относительно того, как я себе представляю работу последних четырех отделов.

Отдел публицистики, конечно, не только отдел чисто литературной публицистики, иначе его не было бы смысла отделять от критического отдела. В этом отделе должны печататься публицистические статьи и литературного характера, и философского, и статьи по вопросам морали, быта, и статьи по ряду других, обычно не затрагиваемых в наших толстых журналах вопросов. Как пример приведу хотя бы такую, пришедшую мне в голову тему: статья-очерк о культурной жизни нашего среднего провинциального

города, о всем круге его культурных интересов, включая сюда театр, кино, самодеятельность, работу местных литераторов, вопрос постановки высшего образования и т. д. Это, конечно, только пример; тем такого типа очень много.

Отдел науки, который, конечно, не может занимать в журнале уж слишком большого места, все-таки должен сыграть роль затравки и посодействовать расширению такого явления, как работы крупных ученых над популярными статьями об интересных и животрепещущих вопросах науки, прежде всего, конечно, советской науки. Этим у нас занимаются от времени до времени в журналах, но систематически очень мало.

Отдел искусства должен более или менее систематически давать статьи по вопросам театра, кино, изобразительных искусств. На это может быть возражение: есть ли смысл дублировать соответствующие специальные журналы, но, во-первых, эти специальные журналы обычно не доходят до среднего читателя, во-вторых, с многим из того, что там печатается, бывает интересно и необходимо полемизировать и, в-третьих, мне думается, будет очень хорошо от времени до времени рассказывать советскому читателю-интеллигенту на периферии (особенно на периферии) о важнейших достижениях во всех отраслях советского искусства.

И наконец, иностранный отдел. Иностранные отделы формально существуют в наших журналах, но по существу они зачастую были просто переводческими конторами, где искали, что бы можно перевести на русский язык, и вдобавок слишком часто переводили без достаточного разбора. Я же думаю, что этот иностранный отдел должен по своей работе, в сущности, смыкаться с отделом публицистики. Основное место в нем должны занимать статьи, в которых бы мы вели активную наступательную полемику против буржуазных влияний и теорий в искусстве, где мы могли бы в тех случаях, когда это нужно, отвечать на враждебные нам статьи в иностранной литературе и журнальной прессе. В этом отделе, конечно, не будет надобности дублировать газетные международные обзоры, но в нем мы должны будем враждебной нам буржуазной политике, облеченной в литературную форму, противопоставить свою наступательную политику, тоже облеченную в литературную форму.

Теперь несколько соображений о редколлегии.

Редколлегия дожна быть работающей, иначе ее лучше вовсе не надо. Каждый член редколлегии должен руководить одним или двумя отделами журнала, и это должно быть предварительным условием при переговорах о включении его в редколлегию. Только в этом случае, при совмещении этих двух обязанностей, члена редколлегии и заведующего отдела, не произойдет той истории, которая постепенно и неотвратимо обычно происходит с журналами: на обложке одни начальники, а в редакции — другие.

Если перейти конкретно к составу редколлегии, как бы я ее очень предварительно и очень условно сейчас наметил, то я бы предложил такой состав: из старой редколлегии, во-первых, должен был бы остаться Шолохов. Сознаю, что это будет в смысле работы исключением из правил, но имя Шолохова и двадцатилетняя традиция печатания его произведений именно в этом журнале делают необходимым это исключение. Впрочем, может быть, удастся найти какие-то формы, в которых Шолохов все-таки и сможет принимать некоторое участие в работе (например, посылка ему на отзыв основных больших прозаических произведений, печатающихся в ряде номеров журнала).

Из числа старых членов редколлегии мог бы остаться и Федин, при том условии, что он взял бы на себя руководство отделом прозы. В том же случае, если он не возьмет на себя отдел прозы, а захочет остаться членом редколлегии вообще, мне думается, от этого придется отказаться и вести тогда разговор с Василием Гроссманом, который, как мне кажется, тоже мог бы хорошо вести отдел прозы.

Отдел публицистики, по-моему, мог бы хорошо вести Александр Кривицкий, который одновременно был бы заместителем редактора или ответственным секретарем, в зависимости от того, как это будет называться. Так как это человек, с которым мне придется работать больше всего,— несколько слов о нем. В течение всей войны он руководил литературным отделом газеты «Красная звезда», в его руках была там организация всего литературного материала, который, особенно в первые годы войны, был там, на мой взгляд, на большой высоте. Кривицкий хорошо знает круг писателей, в качестве литературного редактора он ряд лет работал буквально с десятками писателей. Человек он весьма умный, историк по образованию, коммунист. Он много и хорошо работал как публицист и выпустил за войну несколько книжек, таких как «Традиции русского офицерства», «Брянский лес», «Гвардия», «Двадцать восемь». Он — член Союза писателей.

Что до меня, то я много лет работаю вместе с ним и просто не вижу для себя лучшего заместителя редактора или ответственного секретаря.

В качестве заведующего отделом науки я бы рекомендовал Бориса Агапова. Сначала я думал о том, что эту работу должен вести кто-нибудь из молодых ученых, но тогда она может стать однобокой, а Агапова я могу с чистым сердцем рекомендовать как человека, среди литераторов более всего интересующегося наукой и техникой, проведшего все пятилетки на новостройках и знающего чуть ли не каждую из них; он имеет огромный запас сведений и буквально неисчерпаемый круг знакомств в научном и техническом мире. Кроме того, он сам по себе давний и упорный энтузиаст

популяризации науки. Мне кажется, это было бы очень подходящей кандидатурой.

Наконец, если это окажется для него возможным в смысле совмещения, я бы предложил в качестве заведующего иностранным отделом члена-корреспондента Академии наук Жукова, того, что сейчас возвращается из Японии. Он был бы бесконечно полезен и в иностранном отделе, и в публицистическом отделе, и я очень хотел бы включения его в редколлегию.

В смысле соотношения работы отделов и принципа составления каждого номера журнала я был бы убежденным врагом установившихся в наших журналах традиционных процентных норм — в каждом номере обязательно кусок романа, столько-то стихотворений, столько-то критических статей, столько-то рецензий и т. д. Это ведет к тому, что зачастую недоброкачественный материал помещается исходя из этой процентной нормы: нет к номеру хороших стихов, но стихи непременно должны быть в журнале — и вот печатаются плохие.

Конечно, в общем, журнал в течение года, скажем, должен соблюдать равновесие между отделами, но в каждом конкретном номере наибольшее место отводится просто наиболее интересному из имеющегося, без всяких дополнительных соображений.

Наконец, последний вопрос — вопрос материальной базы журнала. У меня есть несколько пожеланий.

Первое. Часть тиража журнала, пусть не особенно большую, выпускать на отличной бумаге и в отличной обложке.

Второе. Иметь при начале работы средства на то, чтобы как следует отремонтировать помещение редакции и соответствующе обставить его, так, чтобы, во-первых, не стыдно было пригласить в редакцию кого бы то ни было, а во-вторых, для того, чтобы вообще писатели, собирающиеся в журнале, могли бы посидеть, поговорить в хорошей, удобной обстановке; в тех же сараях, обставленных несколькими канцелярскими столами и колченогими стульями, какие представляют из себя сейчас редакции наших толстых журналов, в них люди стараются не засиживаться, а, наоборот, поскорее сделать свое дело и выскочить на воздух. Между тем, в конце концов, у нас на всю страну четыре редакционных помещения толстых журналов, через которые в общем проходит литература. Это не так много. Это может быть и должно быть хорошо устроено.

Третье. Для редакции было бы очень важно иметь на всю редакцию хотя бы одну легковую машину.

Для ведения иностранного отдела, да и других отделов, важно иметь какой-то небольшой лимит на выписку крупных периодических зарубежных изданий журнального типа.

Для того чтобы в редакции была атмосфера хотя бы некоторого

гостеприимства и уюта, у редактора должен быть ежемесячный небольшой подотчет в таких размерах, чтобы он мог предложить собравшимся по тому или другому поводу писателям просто-напросто чай и печенье; конечно, это не проблема, и редактор и члены редколлегии могут это сделать и за свой счет, но вряд ли это будет удобно.

Последнее. Члены редколлегии должны непременно получать жалованье для того, чтобы это было не только общественной работой, но и работой государственной, а следовательно, и работой с государственной ответственностью — в данном случае важен не размер жалованья, а принцип. Сейчас мне в точности неизвестны ни официальные штаты журнала, ни реальные штаты. Я попрошу разрешения, если возникнет необходимость, и по этому вопросу представить свои соображения и просьбы.

Вот, примерно, какие практические мысли пока возникли у меня в связи с нашим с Вами разговором.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

1-го сентября 1946 года.

Впервые — *ВЛ*, 1982, № 5.

Александров Георгий Федорович (1905—1961) — советский философ, академик АН СССР, в то время начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

...я бы предложил такой состав... — Новая редколлегия журнала была сформирована в таком составе: Б. Агапов, А. Борщаговский, В. Катаев, А. Кривицкий, К. Симонов (главный редактор), К. Федин, М. Шолохов.

...из старой редколлегии... — В эту редколлегию входили М. Розенталь, А. Сурков, К. Федин, М. Шолохов, В. Щербина (ответственный секретарь).

...двадцатилетняя традиция печатания его произведений... — В «Новом мире» М. Шолохов напечатал 1-ю книгу «Поднятой целины» (1932, № 1—10) и 4-ю книгу «Тихого Дона» (1937, № 11—12; 1938, № 1—3; 1940, № 2—3).

Гроссман Василий Семенович (1905—1964) — русский советский писатель.

...руководил литературным отделом газеты «Красная звезда»... — Как свидетельствует главный редактор «Красной звезды» Д. И. Ортенберг, такого отела и такой должности в газете не было.

Агапов Борис Николаевич (1899—1973) — русский советский журналист и писатель.

Жуков Евгений Михайлович (1907—1980) — советский историк, академик АН СССР, специалист по истории Японии, международным отношениям новейшего времени и колониальным проблемам.

Ч. ЧАПЛИНУ

⟨Сентябрь 1946 г., Москва⟩

Дорогой Чарли!

Пользуясь случаем поездки моего друга Александра Евдокимовича Корнейчука к Вам на Западный берег, я, во-первых, хочу порекомендовать его Вам самым горячим образом как человека, с которым Вам интересно и приятно будет поговорить, и, во-вторых, я хочу передать Вам свой самый сердечный привет из далекой Москвы.

Я все время вспоминаю Вас, и не только потому, что сам сохранил о Вас чудесные воспоминания, но еще и потому, что из десяти вопросов, которые мне задают об Америке друзья, приятели и просто знакомые, пять вопросов относятся к Вам.

В общих чертах иногда рассказываю о том, над чем Вы сейчас работаете, но сам Ваш сценарий, как и обещано, держу дома под замком в ожидании дня, когда Вы выпустите картину и, следовательно, я получу Ваше разрешение перевести его и напечатать у нас.

Я Вам много говорил о том, как у нас любят Вас и Ваш талант. Сейчас, вернувшись в Москву и слыша все эти вопросы о Вас, я лишний раз почувствовал, что говорил Вам абсолютную правду, скорее преуменьшая ее, чем преувеличивая.

Еще раз с полным правом повторяю, что среди всех людей, которых я знаю,— а я знаю немало,— здесь у нас не найдется ни одного, кто не был бы рад увидеть Вас нашим гостем после окончания Вашей работы.

От души желаю Вам успеха. Судя по тому, что Вы говорили, картина должна быть или снята, или съемки должны подходить к концу. Как жаль, что я смог быть только на репетициях, и как мне хочется увидеть то, что Вы сделали!

Прошу Вас передать мой сердечный привет Вашей жене.

Еще раз желаю Вам счастья в работе и в жизни. Крепко жму Вашу руку.

Глубоко уважающий Вас

Константин Симонов.

P. S. Посылаю Вам старую маску театра «Но». Сделана она в Киото в середине эпохи Токугава. Когда я ее увидел, она мне почему-то очень понравилась. Поэтому посылаю ее Вам.

Впервые — в журн. «Советский экран», 1985, № 17.

Чаплин Чарлз Спенсер (1889—1977) — американский актер, кинорежиссер, сценарист.

Корнейчук Александр Евдокимович (1905—1972) — украинский советский драматург, государственный и общественный деятель.

...сохранил о Вас чудесные воспоминания... — В 1969 г. Симонов написал воспоминания «Встречи с Чаплином» (см. т. 10 наст. собр. соч.).

...о том, над чем Вы сейчас работаете... — Чаплин снимал в то время фильм «Мсье Верду».

...привет Вашей жене... — Чаплина (в девичестве О'Нил) Уна (р. 1925).

...маску театра «Но»... — См. об этом очерк Симонова «Театр «Но» в Киото» (т. 10 наст. собр. соч.).

Датируется по содержанию.

А. А. СУРКОВУ

21 октября 1946 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Алеша!

Я очень огорчен длинным синодиком замечаний по моим стихам. Почти со всеми ими я не согласен — и по существу и принципиально. Нельзя в каждом издании бесконечно что-то менять. Шесть изданий я заплетал ноги узлом под скамейкой, а на седьмом нельзя их заплетать. Почему? На восьмом же я восстановлю это опять.

Или четыре издания — «Россия, родина, тоска...». Мне это нравится. Что же, я в пятом издании выну «тоску» и вставлю «широка» или «узка»? Я в шестом опять вставлю «тоска». Получится игра в прятки. Мне кажется, не стоит этого делать.

По поводу стихов снимаемых — ну, что же, согласен и с «Фотографией» и с «Квартирой». Что же до Амундсена, то перечел его внимательно и совсем не понимаю, почему надо снимать. Абсолютно не понимаю. Спорить не хочу, но и переименовывать Амундсена в Седова, чтобы не преклоняться перед Западом, тоже не хочется. Фамилия у старика действительно была иностранная, ничего тут не поделаешь. А существо стихотворения, конечно, в том, что нельзя успокаиваться, надо вечно бороться, двигаться вперед. И, мне кажется, это абсолютно совпадает и со всем общим ощущением книги, и с нашим ощущением жизни и вообще, и в частности сейчас. В общем, я бы на твоем месте не выбрасывал это стихотворение, а там как знаешь, решай сам.

Что касается остальных поправок, то я с ними не согласен, ни с одной, кроме того, что выкинул строфу насчет «непохороненных детей».

«Странней» — можно сказать.

«Нас кверху приподняли ноги»,— не вижу, почему это нужно менять; по-моему, можно сказать.

«В честь редактора названной кем-то из нас Ортенбургом»,— тут я прошу пойти мне навстречу, потому что я просто хочу это стихотворение включить. В целом я его люблю. Посвящено оно человеку, которого я тоже люблю, и я хочу это так оставить.

В «Мурманских дневниках» замечание о четверых мужчинах не понимаю. Тут идет речь о папанинцах, которых именно четверо, а не 3, и не 0, и не 2.

В стихотворении «Атака» дата стоит, как и во всех остальных стихотворениях.

Под «Безымянным полем» стоит дата — июль 1942 год. С точки зрения логической можно и верно включить строфу о гражданской войне, но я сейчас не могу вписывать сюда этого, потому что это стихотворение уже как-то очень отошло в прошлое от меня. Писалось оно сразу, под влиянием знаменитого июльского приказа, и к этому я не могу возвращаться.

В стихотворении «Слепец» — «Сама Россия осенила крестом калеку в забытьи» — не хочу выбрасывать, это мне нравится. Совершенно верно, кстати, что оно написано в том же поэтическом ключе и с теми же образами, что и — «Ты помнишь, Алеша...»; это, я бы сказал, даже как бы парные стихотворения. По мне, будь хоть два креста. Если редакцию это категорически не устраивает, пусть снимает все стихотворение.

В стихотворении «Три брата» единственно, что я могу сделать — поставить вместо даты напечатания — дату написания — 1942 год, чтобы чувства стихотворения были понятней.

А убирать слово «тоска» не хочу. Бывала тоска иногда, тем более что стихотворение-то все совсем не о тоске, а о мести.

«Идем, не прячась непогод» — мне нравится: это в стиле стихотворения.

Стык «где, нас уставши ждать» ничуть не хуже тысяч стыков других стихов, моих и чужих.

Слово «окровавлен» мне нравится именно с неверным ударением. Может быть, я ошибаюсь, но как раз в этом — колорит стихотворения и что-то чуть-чуть былинное.

В стихотворении «У огня» слова «в грузном» и «грозном» поставлены рядом нарочно.

В стихотворении «Дружба» поправляю: вместо «готовясь» — «готовый».

Не знаю, почему нельзя сказать «порешить» в строке, где речь идет о танке как о живом существе.

Соображения насчет героя и богатыря вовсе не понимаю. Это же есть поэтический ход стихотворения. Конечно, он был героем и богатырем. Именно стихотворение на том построено, что через отрицание внешних шумных слов говорится о сути героизма. Может быть, битва за тело Гектора, а может быть, просто дождливая ночь, в которую ординарец вытаскивает труп своего командира с ничейной земли. В стихотворении как раз и есть мысль о простом и непосредственном понимании, ощущении героизма.

Вот и все.

Прошу тебя учесть мои соображения и оставить книжку стихов так, как она есть сейчас.

Если же ты с чем-то уж категорически и абсолютно не согласен — созвонимся и будем снимать еще стихи.

Ты же сам знаешь, что в таких случаях легче снять даже любимое стихотворение, чем писать, как я говорил тебе, «узка» вместо «тоска». Жму руку, твой

Константин Симонов.

21 октября 1946 г.

Сурков Алексей Александрович (1899—1983) — русский советский поэт и общественный деятель, в ту пору (1945—1953 гг.) ответственный редактор журнала «Огонек» и Библиотеки «Огонек».

...я заплетал ноги узлом под скамейкой... — Речь идет о фразе «Нас было приподняли ноги,—//Мы узлом под скамейкой их заплели...» из стихотворения «Поездка на озеро Буир-Нур»; в сборнике: К. Симонов. Стихи. М., «Правда», 1946 (Библиотека «Огонек»).

...«Россия, родина, тоска»... — Строка из стихотворения «Три брата», стихотворение вошло в сборник без правки.

...согласен и с «Фотографией» и с «Квартирой»... — В дальнейшем Симонов почти во всех своих сборниках стихов печатал и «Фотографию» и «В командировке» (по-видимому, это стихотворение он назвал в письме «Квартира»).

Что же до Амундсена... — Амундсен Руаль (1872—1928) — норвежский полярный путешественник и исследователь. Посвященное памяти Амундсена стихотворение «Старик» вошло в сборник.

Седов Георгий Яковлевич (1877—1928) — русский гидрограф и полярный исследователь.

...строфу насчет «непохороненных детей»... — Строфа из стихотворения «Дожди»:

А те, что при дороге самой,
Вдруг так похожи на детей,
Что, не поверив в смерть, упрямо
Все хочется спросить: «Ты чей?»

Стихотворение в сборник не вошло.

...«В честь редактора названный кем-то из нас Ортенбургом»... — Строка из стихотворения «Семь километров северо-западнее Баин-Бурта...». Стихотворение в сборник вошло.

...знаменитого июльского приказа... — Приказ Верховного Главнокомандующего № 227 от 28 июля 1942 г., в котором содержалось категорическое требование прекратить дальнейший отход и любой ценой остановить противника.

...«Сама Россия осенила//Крестом калеку в забытьи»... — Строки эти даны в сборнике без поправок.

...поставить вместо даты напечатания...— В сборнике осталась дата публикации — 1943 г.

...«Идем, не прячась непогод»... «где, нас уставши ждать»..., «окровавлен»...— Из стихотворения «Три брата», в сборнике оно напечатано без правки.

...«порешить»...— Это слово в опубликованном в сборнике стихотворении «Дружба» не исправлено.

Соображения насчет героя и богатыря...— Стихотворение «Дружба».

Г. А. ЯРЦЕВУ

22 октября 1946 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Георгий Алексеевич!

Вдова Дмитрия Кедрина передала мне его драматическую поэму «Рембрандт». Вещь эта, по-моему, отличная, она мне очень нравится, написана прекрасными стихами.

Думаю, что она, во-первых, может быть поставлена в театре, во-вторых, при всех обстоятельствах, ее абсолютно необходимо включить в выпускаемую книжку Кедрина. Это самая зрелая и самая большая работа, над которой он трудился много лет жизни и которую сделал по-настоящему, так хорошо, что ужасно горько, что этот тихий и скромный человек, которого мы все как-то не замечали, умер, не увидев изданным свое прекрасное произведение.

Как поэт самым горячим, настойчивым образом рекомендую включить эту драматическую поэму в книгу стихов Кедрина и очень прошу тебя отнестись со вниманием к этому моему письму.

Жму руку.

Твой
К. Симонов.

22.X.46 г.

Впервые — в *ЛО,* 1985, № 10.

Ярцев Георгий Алексеевич (1904—1955) — издательский работник. С 1938 по 1949 г. директор издательства «Советский писатель».

Кедрин Дмитрий Борисович (1907—1945) — русский советский поэт. Вдова Дмитрия Кедрина — Кедрина Людмила Ивановна.

...его драматическую поэму «Рембрандт».— Написана в 1938 г., опубликована в журнале «Октябрь», 1940, № 4-5, 6-7.

...в выпускаемую книжку Кедрина...— Речь идет о кн.: Д. Кедрин. Избранное. М., «Советский писатель», 1947. Драма «Рембрандт» была включена в эту книгу.

...не увидев изданным свое прекрасное произведение...— Симонов имеет в виду книжное издание драмы.

К. Л. ЗЕЛИНСКОМУ

⟨1946 г., Москва⟩

Многоуважаемый Корнелий Люцианович!

Мне хотелось бы высказать Вам некоторые соображения в связи со статьей о Фадееве, которая заказана мною Вам для журнала «Новый мир». Эти соображения имеют отношение и вообще к принципам ведения в журнале отдела критики и публицистики — так, как я это себе представляю.

Прежде всего, как мне думается, отдел критики и публицистики должен быть читаем средним читателем журнала, то есть, скажем, учителем, инженером, врачом в провинции и т. п. Если этот отдел будет нечитаем, то его вовсе не нужно в журнале.

Для того чтобы быть читаемым, этот отдел должен быть занимательным в хорошем понимании этого слова, то есть, попросту говоря, интересным.

Критическая статья в толстом журнале не должна быть предметом интереса, скажем, двух воюющих между собой критиков, как это у нас часто бывает, или предметом интереса даже только всего круга профессиональных литераторов.

В каждой критической статье должно быть нечто такое, что бы задевало и душу и любопытство среднего интеллигентного читателя. Если обратиться, скажем, к конкретному случаю — к статье о Фадееве, за два, три, четыре года мы, может быть, дадим одну статью. Следовательно, эта статья должна быть в некотором роде универсальна, то есть должна дать читателю представление о целом ряде вещей, сопряженных друг с другом: о последних произведениях писателя и в то же время о самом начале его творческого пути, о его первых опытах, что всегда очень интересует читателя, о всем его литературном пути, о его не только творческом, но и человеческом облике, о его биографии, о его взаимоотношениях в литературе. То есть, короче говоря, это должен быть портрет писателя, творческий и человеческий.

Но, мне кажется, это еще не все. Читателя всегда интересует в каждом портрете обрамление эпохи, то есть хотя бы какие-то детали меняющегося времени, сопровождающие писателя на его пути.

Может быть, я скажу примитивно, потому что это первое, что приходит мне в голову в данном случае, но если, скажем, молодой писатель в 1926 году или в 1927-м привозит в Москву свой первый роман, то читателям интересно будет, какой была Москва вот тогда, когда появился этот писатель, и каким был, скажем, дом Герцена в то время, и как выглядел, скажем, тогда Маяковский, как — кто-то другой, с кем он мог встретиться. Я говорю, конечно, примитивно, но по существу это то, что я хочу сказать.

Кстати, если говорить в скобках, люди Вашего поколения часто, когда пишут, недоучитывают того, что основной нынешний читатель, да, пожалуй, большая его половина, уже не знает, скажем, какой Москва была в 1927 году, и не знает, что такое дом Герцена, не знает тысячи вещей, связанных с литературой, о которых вы часто не упоминаете, потому что вам это бесконечно известно, и вам кажется, что это всем известно, а это неизвестно и очень интересно читателю.

И еще одно. У нас вообще не любят так называемого «ячества», не любят, чтобы пишущий упоминал о себе; некоторые критики солидно пишут даже так, как самодержец всероссийский — «мы»: «мы считали», «мы процитировали» и т. д. и т. п.

Мне кажется, что, наоборот, нашей литературе не хватает этого «ячества» в широком смысле этого слова, не хватает «я», сказанного вовремя и к месту, и у писателя и в особенности у критика. А между тем это «я» должно присутствовать: и личные воспоминания, и личные встречи, и личные наблюдения — все это бесконечно оживляет любой вид литературы, как мне кажется, и критическую статью в частности, и не только оживляет, но и придает ей характер достоверности и точности, что очень любит читатель.

Вот некоторые соображения, которые мне хотелось Вам высказать, и по поводу критического отдела «Нового мира» вообще, и по поводу Вашей статьи-портрета Фадеева, которым я хотел бы в первом номере открыть цикл из 12 подобных статей-портретов о виднейших советских писателях, с тем чтобы закончить эту серию к 30-й годовщине Октябрьской революции.

Я отношусь к этой работе, о которой мы с Вами говорили, с большим интересом и — больше того — волнением, потому что, мне кажется, такой метод работы должен заставить, приучить читателя толстого журнала читать его критический отдел, читать с интересом и пользой.

Кстати сказать, не правда ли, полезно ведь в литературе только то, что запоминается? Все, что не запоминается,— бесполезно. А у нас критические отделы обычно совсем не запоминаются. Следовательно, какие бы умные слова ни были сказаны и какие бы глубоко верные цитаты ни приведены, все это бесполезно, потому что это не запоминается.

Мне бы хотелось ввести в работе журнала и его критико-публицистическом отделе такой термин отказа от статьи, как одно простое слово — «скучно»; найти в себе, так сказать, душевные силы сказать уважаемому автору: «Все очень верно в Вашей статье, все правильно и все цитаты приведены, но — скучно, и поэтому мы ее печатать не будем».

Согласны ли Вы с этим?

Вот, в общем, все, что я хотел сказать. Если у Вас лежит душа

к этой работе в том плане, в котором я говорил с Вами устно и повторяю здесь письменно, то моя цель — этим письмом еще раз, письменно,— подтвердить, что критическую работу, вернее, литературно-критическую, жизненно-критическую, если можно так выразиться, написанную по этим принципам, я готов со всей максимально мне доступной храбростью защищать и отстаивать.

Глубоко уважающий Вас, Ваш —
в данном случае пищущий это письмо как
главный редактор журнала «Новый мир» —

Константин Симонов.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

Зелинский Корнелий Люцианович (1895—1970) — русский советский критик и литературовед.

...Вашей статьи-портрета Фадеева...— Статья К. Зелинского «Александр Фадеев» была напечатана в журнале «Новый мир» (1947, № 2).

...я хотел бы в первом номере открыть цикл из 12 подобных статей-портретов о виднейших советских писателях...— Полностью этот замысел осуществлен не был. В 1947 г. в журнале «Новый мир» были напечатаны следующие литературные портреты: К. Зелинского «Александр Фадеев», М. Чарного «Алексей Толстой» (№ 6), Б. Брайниной «Константин Федин» (№ 10).

Датируется по содержанию.

БЕРНАРДУ КОТЕНУ

⟨Февраль 1947 г., Москва⟩

Мой дорогой, сердитый, толстый и обиженный
на меня Берни!

Вернувшись домой после двухмесячной жизни в санатории, я нашел твою новогоднюю телеграмму и свирепую последнюю записку.

Что я могу сказать в свое оправдание?

Как только вернулся в Москву, меня поглотило огромное количество дел — общественных, административных, журнальных (я сейчас редактор журнала «Новый мир») и т. д. и т. д.; одних должностей, каждая из которых вполне может занять время человека с утра до вечера, у меня четыре. Ну, и плюс к этому еще разные общественные обязанности.

Тем не менее я осень проработал над пьесой «Русский вопрос», о которой ты, наверное, уже кое-что слышал и которая сейчас вышла в № 12 журнала «Звезда». Это была тоже очень большая и трудная работа, которая не терпела отлагательства.

В результате всего этого я получил нервное воспаление рук, ходил всю осень с завязанными руками, не имея возможности даже

ни с кем поздороваться, а потом вообще свалился от переутомления (не забудь, четыре года войны, потом поездки, и все без отдыха), провалялся вторую половину декабря в постели, а после этого меня отправили в санаторий, из которого только вчера вернулся.

Сейчас снова чувствую себя человеком, похудел, поздоровел и снова готов работать, а то совсем было рассыпался. Работал буквально часов по 18, по 20 каждый день всю осень и начало зимы. Среди всех этих болестей и несчастий замотался и, получив во время болезни твоих два-три письма в конце декабря, не ответил на них, в чем и прошу прощения.

Ну, что тебе сказать о моей жизни более существенного, чем моя болезнь, уже, кстати сказать, слава богу, преодоленная?

Во-первых, пьеса. Здесь, в Москве, людям театра она нравится; многое в ней нравится и мне самому. Я был бы рад, если бы она понравилась тебе. Во всяком случае, при всей резкости постановки вопроса в этой пьесе (а вопрос я поставил очень резко, да и не мог иначе ставить), я, выразив свое негодование по отношению к тому, что, на мой взгляд, заслуживает негодования, в то же время хотел выразить свои самые душевные человеческие симпатии настоящим хорошим людям Америки.

В общем, ты, когда прочитаешь пьесу, напиши мне немедленно, какое она вызвала у тебя ощущение, что ты почувствовал и подумал. Мне это не только очень интересно, но просто очень важно.

Что касается возможности постановки этой пьесы в Америке, то такая возможность мне кажется сомнительной. Да и вообще-то говоря, эта пьеса прежде всего рассчитана на русского зрителя, для которого пока все или почти все в ней ново, в то время как для американского зрителя многое в ней совсем не ново. И то, что интересно здесь — я вполне понимаю,— может быть неинтересно там.

Теперь об остальных моих работах. Сейчас пишу повесть, которая называется «Дым отечества» и которая займет у меня время, очевидно, до мая месяца. Действие этой повести происходит в СССР, но многие мысли и чувства в этой повести и многие места ее связаны с теми ощущениями, которые у меня вызвали мои последние заграничные поездки, и, следовательно, очевидно, многое из этого будет знакомо тебе.

Кроме того, я понемногу пишу стихи. Этого занятия я никогда не бросаю.

Сейчас, вернувшись, буду выяснять вопросы, которые ты затрагивал в своих письмах. Во-первых, выясню все-таки, получена ли, или не получена пьеса Хелман, которая меня по-прежнему очень интересует. Во-вторых, думаю, что все-таки примерно через месяц сумею послать в актерскую лабораторию свою пьесу «Друзья остаются друзьями».

Почему не послал ее раньше, когда обещал? Да просто потому, что работал над ней вместе с театром и она все еще не готова, хотя думал, что она будет готова осенью. А посылать пьесу в невыправленном виде, не имея потом возможности ничего исправить на расстоянии, конечно, я не могу, да и не хочу. При всех обстоятельствах я тебе напишу примерно через месяц, как будет обстоять дело с этой пьесой.

Я очень рад, что работа с «Так и будет» подвигается. Очень прошу тебя передать мой сердечный привет ее исполнителям и участникам.

Лилиан передай мой горячий привет и передай ей также, что я скоро отправлю ей подробное письмо, но до этого я хочу, во-первых, найти и прочесть ее пьесу, а во-вторых, я хочу выполнить все ее маленькие просьбы, о которых мы говорили с ней и которые я просто физически не смог исполнить до сих пор.

Вообще сейчас, мне кажется, жизнь у меня складывается немножко легче и благоразумнее. Вдобавок ко всем делам я был занят осенью еще одним делом: строил себе под Москвой дачу, потому что понял, что если я буду жить просто в московской квартире, то слишком мало времени у меня будет оставаться для моей писательской работы.

Теперь, очевидно, буду жить четыре дня подряд на даче и три дня в Москве, и так каждую неделю.

Таким образом, это строительство, которое только на днях, уже без меня, закончилось и результаты которого я буду видеть только сегодня (сейчас кончаю письмо и поеду туда первый раз), было для меня не столько аграрным строительством и не столько попыткой перейти в разряд домовладельцев, сколько вопросом моей просто профессиональной работы и возможности непременно эту работу вести при всех остальных делах, которые мне приходится делать.

Ну, ты сам понимаешь, что частному человеку построить на свои средства зимний загородный дом сейчас не так просто в стране, где столько разрушено и где в первую очередь,— это я, конечно, понимаю так же, как и все,— строятся гораздо более важные вещи.

Но так или иначе, дорогой мой, если ты приедешь в этом году,— а я очень и очень хочу тебя видеть,— то мы поживем у меня на даче — она недалеко от Москвы и в очень хорошем месте; это кусок старого помещичьего парка, тихо, далеко от дороги и хорошо и летом и зимой.

Еще раз крепко тебя обнимаю, мой дорогой. Надеюсь, ты меня все-таки простишь за мое предыдущее молчание. Благодарю тебя от души за твои дружеские хлопоты и за твое теплое письмо. Еще раз хочу тебе сказать, что очень хочу тебя видеть.

Крепко жму твою руку.

Константин Симонов.

Впервые — в журн. «Театр», 1985, № 11.

Котен Бернард (р. 1912) — переводчик. Б. Котен был переводчиком Симонова во время его поездки весной 1946 г. в США, с тех пор их дружеские отношения не прерывались, в архиве сохранилась их обширная переписка.

...я сейчас редактор журнала «Новый мир»... — Симонов стал редактором «Нового мира» в 1946 г.

...одних должностей... у меня четыре. — Симонов был в это время еще депутатом Верховного Совета СССР, секретарем Правления Союза писателей СССР, зав. литературной частью Театра им. Ленинского комсомола.

...получена ли... пьеса Хелман... — Хелман Лилиан (1905—1984) — американский драматург. Речь идет, видимо, о пьесе «За лесами» (1946), которая была поставлена в 1949 г. под названием «Леди и джентльмены».

«Друзья остаются друзьями» — комедия, написанная Симоновым в соавторстве с В. Дыховичным.

...строил... под Москвой дачу... — В поселке Переделкино.

Датируется по содержанию.

Г. А. ЯРЦЕВУ

26 апреля 1947 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Георгий Алексеевич!

Прошу Вас рассматривать это письмо как мою рецензию или отзыв на книгу О. Савича «Выздоровление Дон-Кихота». Ко мне эта книга попала как к редактору журнала «Новый мир», и я прочел ее с большим интересом. Подчеркиваю, что это именно к н и г а, а не повесть, и не цикл рассказов, и не серия дневников; скорей это все вместе взятое, существующее именно как особого рода и жанра — и жанра, мне кажется, интересного — книга.

В «Новом мире» я буду выпускать специальный испанский номер и в этот номер возьму из книги Савича значительную часть: и часть, посвященную Мате Залке, и всю финальную часть книги.

Мне кажется, что эта книга заслуживает того, чтобы быть изданной в издательстве «Советский писатель». За ней стоит основательное, глубокое знание того, о чем пишет Савич и что особенно приятно в книге о таких событиях. Чувствуется, что это еще только часть того, что знает человек, что за этим стоит вообще большое и широкое знание вопроса.

По жанру, как я уже сказал, книга очень своеобразна и на равных правах включает в себя и чисто беллетристические рассказы, полурассказы-полубыли и записки. Не все здесь одинаково

хорошо, но это неизбежно в такой книге. Мне, например, больше всего нравится дневниковая часть, но мне хочется отдать должное Савичу, что и многие рассказы произвели на меня самое хорошее впечатление; скажем, такой рассказ, как о писателе Доне Рамоне, или последний рассказ о морском переходе республиканского судна оставили очень сильное впечатление. В таком рассказе, как «Счастье Картахены», запоминается каждый человек, проходящий перед глазами. Много и других хороших рассказов, а главное, высокий лирический антифашистский дух республиканской Испании живет в этой книжке.

Мне кажется очень своевременным издать эту книгу. Мне кажется, ее будут читать и читать с большим интересом, потому что Испания как символ начала антифашистской борьбы, как символ благородной революционной борьбы живет в наших душах, не умирая и не забываясь,— чувствую это по себе.

То, что издание такой книжки сейчас вполне осмысленно и желательно, могу подтвердить только тем, что сам, как я уже говорил, намерен выпустить специальный номер, посвященный республиканской Испании. Я горячо был бы за издание этой книги.

Жму Вашу руку.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

26.IV.47 г.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Савич Овадий Герцович (1896—1967) — русский советский писатель и переводчик.

В «Новом мире» я буду выпускать специальный испанский номер...— Почти весь № 12 «Нового мира» за 1947 г. был отдан материалам, посвященным войне 1936—1939 гг. в Испании.

...возьму из книги Савича значительную часть...— В «Новом мире» были напечатаны рассказ О. Савича «Николас» и «Страницы воспоминаний».

Залка Мате (1896—1937) — венгерский писатель, во время войны в Испании под именем генерала Лукача командовал 12-й Интернациональной бригадой, был смертельно ранен в бою под Уэской.

...заслуживает того, чтобы быть изданной в издательстве «Советский писатель».— В 1947 г. вышла кн.: О. С а в и ч. Счастье Картахены. Рассказы. М., «Правда» (Б-ка «Огонька»). В издательстве «Советский писатель» книга О. Савича «Два года в Испании. 1937—1939. Очерки и рассказы» вышла в 1961 г.

...основательное, глубокое знание того, о чем пишет Савич...— О. Савич находился в Испании в 1937—1939 гг. в качестве корреспондента ТАСС.

К. Ш. КУЛИЕВУ

11 июня 1947 г., ⟨Москва⟩

Дорогой товарищ Кулиев!

Я прочел Ваше письмо и подстрочники Ваших стихов. Остаюсь при прежнем убеждении, что среди Ваших стихов много талантливых стихов и вполне достойных перевода.

Так как я единолично не могу решить ни вопроса о месте Вашего проживания, ни вопроса о печатании Ваших стихов в русских переводах, то я сейчас пока ставлю эти вопросы перед соответствующими инстанциями. Когда мне что-нибудь будет известно, я Вам напишу.

Крепко жму Вашу руку. Желаю творческих успехов.

Уважающий Вас
К. Симонов.

11.VI.47 г.

Кулиев Кайсын Шалвович (1917—1985) — балкарский советский поэт.

...я единолично не могу решить... — В своих воспоминаниях о Симонове К. Кулиев писал: «Судьба моя неожиданно стала тяжелой. Трое писателей — Эренбург, Тихонов и Симонов — без просьбы с моей стороны решили мне помочь. Они подписали письмо в ЦК. Это был в те времена очень смелый шаг ⟨...⟩ Разве это не характеризует Константина Симонова с лучшей человеческой стороны? Тогда такое встречалось не каждый день.

В годы войны, еще совсем молодым, я уже широко печатался в центральной прессе. А после войны целое десятилетие мое имя не появлялось, меня не печатали. И вот в 1955 году, за год до моего возвращения из Киргизии, где я прожил все одиннадцать лет после фронта, в журнале «Новый мир», который в то время редактировал Симонов, появилась большая подборка моих стихов в переводе прекрасных русских поэтов: Марии Петровых, Дмитрия Кедрина, Веры Звягинцевой и других. Таким путем Симонов решил помочь мне и положить конец моему десятилетнему вынужденному молчанию. Так я снова вернулся в литературу. Этот поступок говорит сам за себя. Не все и не всегда, даже будучи знаменитыми, хотят рисковать и утруждать себя» («Дружба народов», 1982, № 2, с. 247).

Р. Л. КАРМЕНУ

28 августа 1947 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Рима!

Спасибо тебе за дружеское письмо. Что сказать тебе о себе в нынешние дни? Не могу сказать о себе, что я ж и в у. Не живу, только р а б о т а ю. Работаю с утра до ночи: вношу последние

поправки в свою новую повесть «Дым отечества», которую должен сдать 15 сентября, потом сижу в Союзе за Фадеева, который болен и лежит в Барвихе, потом еще сижу в «Новом мире», и еще, и еще... Ну, в общем, это скучно перечислять.

Что касается твоих записок по Испании — я их прочитал. Видимо, испанский номер переносится на декабрь, и поэтому о реальных поправках к твоей вещи, которая мне в целом нравится, мы будем иметь возможность поговорить в Москве. Впрочем, не исключена возможность, что я как-нибудь и выскочу на два-три дня в Ленинград.

Что же касается самого главного, то есть дружбы, то я все помню и верю, что мы не стали хуже, чем были когда-то; для этого нет никаких причин; скорей есть причины быть лучше. Если думать иначе — не стоит жить.

Крепко жму твою руку, мой дорогой.

Константин Симонов.

28 августа 1947 года.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Кармен Роман Лазаревич (1906—1978) — советский кинооператор и режиссер документального кино.

...сижу в Союзе за Фадеева...— А. Фадеев был в то время генеральным секретарем Правления Союза писателей СССР, Симонов — его заместителем.

...твоих записок по Испании...— В *НМ* (1947, № 12) напечатаны записки Р. Кармена «Дыхание Мадрида. Из блокнота кинооператора».

В. Ф. Ф-чу

21 октября 1947 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Виталий Федорович!

Я прочел Ваш рассказ «Неопалимая». К моему большому огорчению, несмотря на то, что в рассказе есть много душевного и мне лично симпатичного, в целом рассказ мне все-таки скорей не понравился, чем понравился. Может быть, это произошло оттого, что уж слишком я много за последнее время (и притом в самых разнообразных жанрах) прочитал вещей, в которых основной сюжет сводится к тому, как берегут скот или как оберегают новые сорта пшеницы, или что-то выращивают, или что-то спасают от засухи, или поднимают после градобития. Только поймите меня верно: я вовсе не иронизирую, и все эти серьезные вещи имеют место в жизни, но как-то уж очень упорно и оголенно у нас в литературе сейчас часто ставят эти проблемы, приспосабливая к ним целиком все чувства и мысли людей.

Конечно, человек не может жить без хлеба и, конечно, проблема, скажем, урожая всегда гигантская проблема, но если взять весь моральный комплекс чувств человека, то все-таки нельзя все ставить в жизни на голову. Все-таки пшеница растет для людей, а не люди живут для того, чтобы росла пшеница. Конечно, наша разоренная страна сейчас предпринимает громадные труды и труд занимает громадное место в жизни, но уж очень часто с этим стали перебарщивать в литературе и делать из людей какие-то лишенные всяких прочих чувств придатки к делаемой ими работе. А это неверно, и люди, мне кажется, не хотят читать этого о себе.

У Вас это написано мягче, сдержанней, человечней, чем в ряде других прочтенных мною вещей, но все-таки я не могу перенести, когда это поле пшеницы, которую выращивает Ольга Александровна, в конечном итоге становится проблемой, стоящей совершенно вровень с проблемой смерти ее сына. Выходить поле сортовой пшеницы — конечно, это большое дело, но смерть единственного сына — это трагедия, и это не сопоставляется и не соизмеряется в душе человека так, как это вышло у вас в рассказе.

Да, конечно, наши люди более стойко переносят личные трагедии оттого, что труд — это дело их жизни, а не дело только заработка. Да, благородный труд помогает переживать личное горе. Но личные трагедии остаются личными трагедиями, и все это в душе человека, мне думается, решается более мучительно, сложно, страшно, чем у Вас в рассказе.

Словом, меня что-то резануло в последней трети Вашего рассказа, и я не мог принять его конец никак.

За прямоту прощения не прошу — иначе не могу.

Жму Вашу руку.

Константин Симонов.

21.X.47 г.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

И. Г. ЭРЕНБУРГУ

9 декабря 1947 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Илья Григорьевич!

Я звонил Вам сегодня, не застал Вас, сейчас уезжаю на два дня на дачу и боюсь, что Вы примете решение, не выслушав моего мнения, поэтому рискую изложить его в письменной форме.

Я два раза подряд прочел Вашу пьесу. Хотя я, как редактор, нахожусь в невыгодном положении человека, у которого есть конкуренты, но как Ваш друг, которым Вы позволили мне себя считать, я, может быть даже вопреки своим редакторским интере-

сам, хочу высказать с полной прямотой некоторые свои соображения о Вашей пьесе.

Мне нравится пьеса, и в первых своих четырех актах она вызывает у меня только несколько частных возражений. Сначала о них.

Во-первых, мне кажется, термин «декаденты», с которым Лоу обрушивается на французов, может у нас звучать двусмысленно, и поэтому это мне кажется неприемлемым.

Во-вторых, мне думается, что Лоу у Вас охарактеризован как представитель вообще Америки. Между тем как по своему существу и по своим качествам он является только зеркалом реакционной тупой Америки. Мне кажется, было бы неверным переносить его свойства на всех американцев, а именно так могут это воспринять читатели и зрители, если в пьесе не будет на этот счет никаких оговорок.

Это две мои претензии к первым четырем актам. При редактуре могут, разумеется, появиться и другие мелкие претензии, но они не будут иметь, как мне кажется, принципиального значения.

Перехожу к пятому акту. Я не могу еще высказать каких-то своих конструктивных соображений, но негативно мне кажется, что пятый акт не получился. Не получился он по нескольким причинам. Мне не нравится в нем, во-первых, то, что обличительницей американца является проститутка Бубуль. Если уж необходимо его обличать до конца, то, пожалуй, лучше было передать эту функцию кому-то другому. Дальше, мне не нравится то, как Лоу раскрывает самого себя, будучи изобличенным. Это и в смысле драматургическом ниже всей пьесы, и вообще звучит примитивно, плакатно. «Я американский жулик», например. Это делает из него, действительно, из ряда вон выходящего жулика, а не типичного представителя низшего разряда реакционной Америки.

Мне не нравится и сама концовка акта, заявление рабочих, патетика, разговор о Мари-Лу. Мне кажется, что это не может сосуществовать с тем фарсом, который развернут в первых четырех и в начале пятого акта, это не сочетается. Настоящая жизнь должна быть за стеной, за пределами сцены, ее должны бояться негодяи, действующие на сцене. Они вынуждены с ней считаться, она вмешивается в их расчеты и планы, но рядом с ними она не может появляться на сцене.

В связи со всем этим мне хочется сказать вот что: вторая, настоящая Франция, как мне думается, должна быть все время за спиной, но не появляться никогда на сцене. При этих условиях, может быть, каменный лев и не должен быть отдан, но не в результате появления Бубуль, а в результате того, что в городе происходят за сценой настоящие события, вмешивающиеся в действия «отцов города».

Вот те мои соображения, которые явились после того, как я два раза прочитал пьесу. В данном случае я рассуждаю меньше всего как редактор. Мне просто кажется, что при всех обстоятельствах Вам стоит подумать над этими моими соображениями.

Еще раз прошу извинения за то, что излагаю все это письменно, но через полчаса уезжаю и буду в Москве только в пятницу, поэтому приходится торопиться. Давайте созвонимся в пятницу. Мне бы очень хотелось видеть Вашу вещь, напечатанную в «Новом мире».

Крепко жму Вашу руку.

Константин Симонов.

9 декабря 1947 года.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — русский советский писатель и общественный деятель. В годы войны Симонов и Эренбург работали вместе в «Красной звезде», в 1946 г. ездили в длительную командировку в США.

...прочел Вашу пьесу...— Речь идет о комедии И. Эренбурга «Лев на площади».

...у которого есть конкуренты...— И. Эренбург напечатал «Льва на площади» в журн. «Огонек» (1948, № 1, 2, 3, 4).

А. К. ТАРАСЕНКОВУ

2 января 1948 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Толя!

Отправляю тебе две книги. Одна книга Фоломина (которую я получил от тебя) с моим отзывом. Другая книга, которую я, в свою очередь, прошу тебя прочесть,— это книга стихов Глеба Пагирева. Называется она «Мужество», хотя название можно было, очевидно, придумать и получше. Написал ее мой ровесник, с которым мы вместе начали печататься в сборнике «Смотр сил» и обучались в недрах консультации Гослитиздата. Он провел всю войну офицером, вернулся инвалидом с изуродованным лицом, без руки, без ноги, в общем, на него тяжело смотреть. Но душевно человек не согнулся, и вот сейчас передо мной лежит книга стихов, из которой несколько я беру для «Нового мира». Книжка солдата в буквальном смысле слова. Стихи простые, но как-то очень правдашние. Лучшие из них меня лично берут за душу. Мне кажется, в них есть правда жизни и правда войны и в то же время нет какого-то любования страданием и нарочитого баса, которым отличаются сейчас поэты молодого поколения, воспринявшие войну больше эстетически, чем по существу.

Ряд стихов надо изъять, особенно в последнем разделе книги. Ряд стихов просто сократить. Мне кажется, правка должна идти именно по линии сокращения не очень звучащих строф. Засим, мне кажется, выйдет маленькая книжка стихов, которую с хорошим чувством прочтут все, кто побывал на войне. Для книжки с 7-тысячным тиражом — вполне достаточное количество читателей!

В общем, прошу тебя прочитать эту книгу и, если ты не разойдешься со мной во мнениях, приглянуть за ее судьбой.

Жму руку

Константин Симонов.

Если в принципе тебе понравится книга Пагирева, то ты можешь прислать мне ее на отзыв. Могу написать для издательства официальный отзыв.

2.I.48 г.

Впервые — в *ВЛ*, 1985, № 5.

Тарасенков Анатолий Кузьмич (1909—1956) — русский советский критик, в ту пору заведующий редакцией русской литературы издательства «Советский писатель».

Фоломин Федор Петрович (1908—1978) — русский советский поэт.

Пагирев Глеб Валентинович (р. 1914) — русский советский поэт.

...с которым мы вместе начали печататься... — В кн. «Смотр сил. Сборник второй» (М., ГИХЛ, 1934) были напечатаны стихи К. Симонова «Беломорцы (фрагменты поэмы)» и Г. Пагирева «Крушения» и «Прощание».

...несколько я беру для «Нового мира». — Стихи Г. Пагирева в «Новом мире» не были тогда напечатаны.

...приглянуть за ее судьбой. — В издательстве «Советский писатель» книжка Г. Пагирева тогда не вышла.

А. А. ФАДЕЕВУ

7 февраля 1948 г., ⟨Гульрипши⟩

Дорогой Саша!

Во-первых, сердечный привет тебе, дорогой, и не только мой, но еще и кое от кого из здешних жителей, хорошо помнящих тебя и огорчающихся, что ты много лет не приезжал сюда. Например, самый сердечный привет тебе от стариков Гулиа,— я у них был, и они очень трогательно о тебе вспоминали.

Я сижу и работаю в «хвост и в гриву», думаю, что уложусь к сроку и вернусь с готовым.

Кривицкий на днях по телефону сказал мне, что у тебя есть отрицательное мнение по вопросу о печатании в журнале «Повести о детстве» Гладкова. Я бы просил тебя поставить обсуждение этой повести на секретариат, ибо, при несомненных опасных сторонах, в ней заложенных, она написана талантливо и ярко, мне кажется, талантливей всего, что старик писал до сих пор, и надо как-то собраться и вместе подумать, как быть. Исходя из этого, я тебя и прошу на конец марта сразу же после моего приезда наметить подобное обсуждение. А пишу я тебе об этом заранее для того, чтобы все члены секретариата могли заранее прочесть,— она ведь большая.

Крепко жму твою руку. Передай, пожалуйста, мой сердечный привет Лине.

К. Симонов.

7.II.48 г.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Фадеев Александр Александрович (1901—1956) — русский советский писатель и общественный деятель, в то время генеральный секретарь Правления СП СССР.

...из здешних жителей...— Симонов находился в Гульрипшах.

Гулиа Дмитрий Иосифович (1874—1960) — абхазский советский писатель и общественный деятель.

...вернусь с готовым.— Симонов работал над пьесой «Чужая тень».

...о печатании в журнале «Повести о детстве»...— «Повесть о детстве» Гладкова Федора Васильевича (1883—1958) была опубликована в «Новом мире», 1949, № 2, 3, 4.

...обсуждение повести на секретариат...— Состоялось ли обсуждение, установить не удалось.

...при несомненных опасных сторонах...— По замечаниям А. Фадеева и редакции «Нового мира» Ф. Гладков дорабатывал «Повесть о детстве».

...и вместе подумать, как быть...— А. Фадеев читал и отредактированный Ф. Гладковым вариант «Повести о детстве». В письме Симонову он писал: «Старик, надо отдать ему справедливость, много поработал над своей вещью. Она значительно улучшилась, стала благородней, и, по-моему, печатать ее можно в таком виде. Тем не менее остался еще излишек зверства, и надо приложить усилия — твои и Кривицкого,— чтобы, где только можно, уговорить старика сократить те или иные зверские подробности. Их, в общем, так еще много, что чем больше удастся изъять — тем лучше для вещи, для автора и для журнала. 〈...〉 Но вещь в общем очень сильная, передай мой привет старику и изложи мое мнение ему» (А. Фадеев. Письма. 1916—1956. М., «Советский писатель», 1967, с. 254).

...привет Лине...— Степанова Ангелина Осиповна (р. 1905) — артистка МХАТа, жена А. Фадеева.

2 июня 1948 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Михаил Михайлович!

Простите, что задержал с ответом на Ваше письмо, ибо, получив его, уехал сразу на юбилей Навои в Ташкент и только сейчас имел возможность ознакомиться с новым вариантом пьесы, без прочтения которого, естественно, не мог Вам отвечать.

Вы знаете, как я Вам желаю добра, и поэтому позвольте быть с Вами совершенно откровенным и прямолинейным. Мне не нравится Ваша пьеса. Я представляю себе, как она может быть осуществлена у Акимова, вижу ее сценически, и мне кажется, что это может выйти интересный спектакль. Я отдаю себе отчет и в том, что это важный этап Вашей работы, на новом для Вас материале и вообще даже и в новом жанре. Но в данном случае я подхожу к пьесе прежде всего как редактор журнала, которому предстоит решить — печатать ее или не печатать. Вот здесь мои «против» превышают мои «за». Мне кажется, что пьеса ту жизнь, которую она показывает,— показывает не страшно, а, я бы так выразился, забавно-страшно, причем акцент стоит на слове «забавно». Пьеса очень условная, и то общее осуждение и осмеяние капиталистических законов и нравов, которое в ней есть, именно очень общее, не прикрепленное к нынешнему, очень жестокому и суровому и внесшему очень много нового в обстановку, времени. Все те трагикомические квипрокво, которые происходят с героями Вашей пьесы, скорее уже, на мой взгляд, характеризуют Америку эпохи Аль Капоне, чем нынешнюю Америку, для которой характерно другое — профашистская политика, законопроект Мундта, запрещение компартии и т. д. и т. п. И вот с этой точки зрения мне кажется, что журнал не скажет нового злободневного политического слова своему читателю, напечатав Вашу пьесу.

Вот почему я отказываюсь от ее печатания и вот почему считаю необходимым написать Вам все это прямо. Мнение свое высказываю здесь именно как редактор. Как товарищ по профессии я очень советую Вам при работе с Акимовым подумать об осовременивании пьесы, о том, чтобы осуждение капитализма превратилось в ряде мест, всюду, где это возможно, в более конкретное осуждение именно нынешнего американского империализма, который Вы, безусловно, имеете в виду. Это очень усилит Вашу пьесу и может избавить ее от ряда справедливых в иных случаях нареканий.

И еще один совет: высказываю свое сугубо личное мнение — я бы на Вашем месте не печатал бы пьесы, прежде чем не сделал бы окончательный театральный вариант ее. Тот вариант, в котором будет учтено и сделано все то, что бы Вы сделали вместе с театром

для ее улучшения. И уже тогда я бы на Вашем месте одновременно представил ее на суд читателей и как произведение сценическое, и как произведение литературное.

При всех обстоятельствах желаю успеха в работе.

Жму Вашу руку.

Константин Симонов.

2 июня 1948 года.

Впервые — в *НМ,* 1985, № 11.

Зощенко Михаил Михайлович (1895—1958) — русский советский писатель.

Навои Низамаддин Мир Алишер (1441—1501) — узбекский поэт, мыслитель и государственный деятель. В мае 1948 г. отмечалось 500 лет со дня его рождения.

...новым вариантом пьесы... — Комедия М. Зощенко «Здесь вам весело».

...как я Вам желаю добра... — В письме В. Я. Виленкину Симонов рассказывал: «Почувствовав всю тяжесть положения, в которое попал Зощенко, я, став редактором «Нового мира», при первой представившейся мне возможности постарался помочь ему. Узнал, что у него есть партизанские рассказы, которые, по словам моих ленинградских друзей, можно было бы, наверное, судя по их содержанию, напечатать, я пригласил его приехать в Москву, отобрал большую часть этих рассказов и предложил опубликовать их в журнале. Это было в начале лета сорок седьмого года, и так вышло, что на вопросы, что из себя представляют эти рассказы и почему я предлагаю их напечатать, мне пришлось отвечать непосредственно Сталину. Он принял мои объяснения, и тем же летом рассказы эти были напечатаны в «Новом мире» (с. 436 наст. тома).

Акимов Николай Павлович (1901—1968) — советский режиссер и художник, в ту пору художественный руководитель Ленинградского театра комедии.

...может выйти интересный спектакль. — Постановка не была осуществлена. А. Фадеев в письме к М. Зощенко от 12 октября 1948 г. писал: «Я советовался по этому вопросу с Лебедевым (в ту пору председатель Комитета по делам искусства при СНК СССР.— *Л. Л.*), и мы пришли к выводу, что в этих условиях настаивать на постановке комедии в театре значило бы подвести тебя под удар» (А. Фадеев. Письма 1916—1956, с. 245—246).

Аль Капоне (Капоне Альфонс) (1899—1947) — один из главарей американской мафии во второй половине 20-х годов.

...законопроект Мундта... — «19 мая 1948 г. палата представителей одобрила билль, внесенный конгрессменами Мундтом и будущим вице-президентом США Никсоном. Этот билль, приготовленный в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, лишал коммунистов элементарных гражданских прав и требовал регистрации Коммунис-

тической партии и всех организаций, которые министерство юстиции сочтет смежными с коммунистической партией» (В. И. Лан. США в военные и послевоенные годы (1940—1960). М., «Наука», 1964, с. 278).

Б. К. ГУБАРЕВУ

17 июня 1948 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Борис Кириллович!

Простите за опоздание, с которым отвечаю.

Прежде всего, по поводу того, что Вы пишете о «Дыме отечества». Мне очень трудно отвечать на Ваше письмо вот по каким причинам.

Когда повесть подверглась критике, критике резкой и, честно говоря, для меня неожиданной, я стал над ней думать и пришел к двум выводам: к первому — что повесть во всем самом главном мне продолжает нравиться, то есть, короче говоря, я ее по-прежнему люблю, и ко второму выводу — что повесть могла бы и может быть лучше, чем она есть, что в ней многого не хватает и что это многое нехватающее, очевидно, я должен буду восполнить.

Третий практический вывод, к которому я пришел,— это желание, мало что изменяя в уже написанном, кое-что вычеркнув, главным образом дописать две новых больших главы внутри повести.

К таким выводам я пришел, задержал издание повести отдельной книгой, но так как я только что кончил повесть, то я не мог сразу же снова сесть за нее и стал работать над пьесой, отложив работу над повестью до лета.

Вот сейчас, на днях, я уезжаю наконец на месяц в отпуск и возьму с собой повесть, которую я не перечитывал с зимы прошлого года. Ощущения мои, наверное, отстоялись, появился какой-то критический свежий глаз. Я в отпуску перечту снова свою вещь и решу: или она будет оставаться так, как она была, или я буду много и основательно над ней работать. Тут может быть или — или, потому что никакими починками и мелочными исправлениями я заниматься не собираюсь.

Вы можете меня спросить: ну, хорошо, ну, предположим, Вы не будете кардинальным образом переделывать или дописывать повесть, а оставите ее такой, как она есть. Значит, Вы не согласны с критикой повести?

На это я Вам отвечу следующее: с критикой ряда недостатков ее согласен, хотя отнюдь не подписываюсь под каждым словом этой критики, но недостатки в повести есть, промахи есть, есть недописанное, недоделанное. С выводом же, что повесть вредна, абсолютно не согласен и никогда не соглашусь.

Вот, собственно, и все.

Рад очень, что Вам понравилась испанская подборка в 12-м номере. Вы правы: я тоже рвался в свое время в Испанию, и то, что не был там, это у меня незаживающая юношеская рана.

Ну, что ж еще? Посылаю Вам то, что Вы просите: «Дни и ночи» и «От нашего корреспондента».

Напишите, пожалуйста, выполнил ли я Вашу просьбу или нет — выписать «Новый мир» на 1948 год? Я, честно говоря, забыл это. Если нет — то напишите. Я постараюсь устроить Вам это с 7-го номера, со второго полугодия.

Крепко жму Вашу руку. Пишите.

К. Симонов.

17-го июня 1948 г.

Впервые — в *НМ,* 1985, № 11.

Губарев Борис Кириллович — директор железнодорожного училища на ст. Панютино Харьковской области.

Когда повесть подверглась критике... — «Дым отечества» подвергся резкой критике в рецензии Н. Маслина «Жизни вопреки...» («Культура и жизнь», 1947, 30 ноября) и редакционной статье «О повести К. Симонова «Дым отечества» (*ЛГ,* 1947, 7 декабря).

...задержал издание повести отдельной книгой... — Отдельной книгой «Дым отечества» вышел в издательстве «Советский писатель» в 1956 г.

...стал работать над пьесой... — Речь идет о пьесе «Чужая тень».

«От нашего корреспондента» — сб. очерков, рассказов и публицистики: К. С и м о н о в. От нашего военного корреспондента. М., Воениздат, 1948.

И. Е. ПЕТРОВУ

14 мая 1949 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Иван Ефимович!

Я Вам давно не писал, потому что несколько раз все собирался сам выбраться в Ваши края, хотелось Вас увидеть самому, высказать Вам свое глубокое дружеское сочувствие в Вашем горе, крепко пожать Вам руку. Но, к несчастью, сейчас дела складываются так, что, как видно, до середины августа никуда не выползу из Москвы и только в сентябре, а может, еще и несколько позднее, мне удастся выполнить свой план и поехать в Среднюю Азию месяца на два-три.

Еще осенью мне попала в руки одна вещица Верещагина, которую мне хотелось подарить Вам, но хотя с тех пор было много оказий, я собирался поехать сам и все не отправлял ее. Прошу принять от меня этот дружеский подарок, который передаст Вам вместе с письмом сотрудник нашего журнала поэт Семен Петрович

Гудзенко. В связи с ним у меня есть к Вам одна просьба — он человек очень талантливый, в его поэтические способности я очень верю. Он едет в Ташкент и вообще в Среднюю Азию по командировке Союза писателей и по моему заданию. Я хочу, чтобы он написал о наших офицерах мирного времени, о людях, живущих в небольших гарнизонах, но за плечами у которых есть и большая военная биография, а перед глазами большое будущее. Я думаю, что сейчас самое время написать цикл стихов или поэму о нашей армии мирных дней. Сам я, грешным делом, осенью тоже собираюсь поработать именно над этой темой, но пока что прошу Вас, если Вы сочтете возможным, оказать содействие тов. Гудзенко. Он хороший, серьезный парень, и я уверен, что он по-настоящему сделает свою работу — этому залог и его поэтическая работа во время войны, и его прежние книжки.

Простите, что затрудняю Вас этой просьбой, но мне кажется, что если бы это дело вышло, то это соответствовало бы не только моим, но и Вашим желаниям.

Дорогой Иван Ефимович, крепко жму Вашу руку. Очень, очень хочется Вас повидать, и крепко обнимаю Вас по праву старой дружбы.

Глубоко уважающий Вас

Константин Симонов.

14.V.49 г.

Впервые — в *ЛГ*, 1985, 1 мая.

Петров Иван Ефимович (1896—1958) — советский военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза, в ту пору командующий войсками Туркестанского военного округа. Некоторые черты И. Е. Петрова воплощены Симоновым в образе генерала Ефимова в романе «Так называемая личная жизнь (Из записок Лопатина)». Прочитав первые две повести «Записок Лопатина», И. Е. Петров писал Симонову 5 ноября 1957 г.: «Повести хорошие, а персонажи — живые люди, с костями, мясом, нервами и всем прочим, и портретное сходство безусловное. Это не потому, что я в числе положительных персонажей, а вполне искренне. Война не приемлет людей прилизанных, причесанных, с хорошими манерами и строго ортодоксальными взглядами и поведением, так же как не терпит предателей и изменников, шкурников, трусов и подлецов, в какую бы они рясу ни рядились» (*АКС*).

...сочувствие в Вашем горе... — Во время ашхабадского землетрясения, 7 октября 1948 г., сын И. Е. Петрова, подполковник Ю. И. Петров, был убит задержанным им мародером (см. об этом: В. Карпов. Полководец.— «Новый мир», 1984, № 9).

...поехать в Среднюю Азию месяца на два-три. — Этот план Симонову не удалось осуществить.

...попала в руки одна вещица Верещагина... — Верещагин Василий Васильевич (1842—1904) — русский живописец. И. Е. Петров был ценителем и собирателем живописи.

Гудзенко Семен Петрович (1922—1953). — Об этой его поездке в Среднюю Азию см.: С. Гудзенко. Армейские записные книжки. М., «Советский писатель», 1962.

...написал о наших офицерах мирного времени... — На материале этой поездки С. Гудзенко в 1950 г. написал поэму «Дальний гарнизон».

...тоже собираюсь поработать именно над этой темой... — Этот замысел был реализован Симоновым в поэме «Иван да Марья» (1954).

А. С. БУШМИНУ

26 августа 1949 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый товарищ Бушмин!

Ознакомившись с Вашим письмом, адресованным в редакцию «Нового мира», тщательно ознакомившись с Вашей, опубликованной в «Известиях Академии наук» работой «Идейно-образная концепция «Разгрома» А. Фадеева», заново перечитав опубликованную в 3-м номере журнала «Новый мир» рецензию Важдаева «Формалистическая арифметика и ее политический смысл», я считаю своим долгом ответить Вам, что редакция «Нового мира» поступила неправильно, несправедливо, напечатав на своих страницах рецензию Важдаева на Вашу работу. Хотя в рецензии содержится ряд конкретных замечаний о действительно имеющихся в Вашей работе недостатках, но это никак не оправдывает ни общего отрицательного вывода, сделанного в рецензии о Вашей работе, ни ее, в значительной части, заушательского тона. Ваша работа, на мой взгляд, при наличии некоторых неверных формулировок и ряда просто неточных и недоработанных мест, по-моему, в целом работа хорошая, правильно ставящая проблему идейно-художественного анализа произведения, в данном случае «Разгрома» Фадеева.

Я думаю, что со стороны редакции «Нового мира» будет правильным в одном из ближайших номеров, на своих страницах опубликовать писательский отклик, в котором бы по справедливости разбиралась Ваша работа и критиковалась бы несправедливая рецензия Важдаева.

С приветом

Главный редактор журнала «Новый мир»

К. Симонов.

26 августа 1949 года.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Бушмин Алексей Сергеевич (1910—1983) — русский советский литературовед, академик АН СССР.

...с Вашей... работой... — Статья А. Бушмина была напечатана в «Известиях Академии наук СССР. Отделение литературы и языка» (т. VII, вып. 4, 1948).

Важдаев Виктор Моисеевич (1908—1978) — русский советский писатель.

...в одном из ближайших номеров... — Такой отклик на рецензию В. Важдаева не был напечатан в «Новом мире». Видимо, это произошло потому, что Симонов вскоре уехал в длительную командировку в Китай, а по возвращении из нее был назначен главным редактором «Литературной газеты». «Однако,— как сообщил в письме в Комиссию по литературному наследию К. М. Симонова от 9 ноября 1981 г. А. Бушмин,— высказанное в комментируемом письме К. М. Симоновым намерение «опубликовать писательский отклик» было отчасти осуществлено им же самим. В статье «За большевистскую партийность, за высокое художественное мастерство советской литературы!» он, в частности, указал, что в рецензии В. Важдаева о работе А. Бушмина «сказывается одновременно и поверхностное знание особенностей партизанского движения на Дальнем Востоке, и непонимание необходимости для критика сочетать идейный и художественный анализ произведения («Большевик», 1950, № 3, с. 45—46)» (АКС).

ПИЛИПЕНКО

29 мая 1950 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый товарищ Пилипенко!

Как мне сообщил редактор раздела литературы и искусства «Литературной газеты» тов. Макаров — он беседовал с Вами по поводу Вашей статьи о романе Казакевича и высказал Вам свои соображения, по которым он, как редактор раздела литературы и искусства, считает нецелесообразным опубликование этой статьи в нашей газете. Он передал мне также, что Вы не согласны с его мнением и просите, чтобы я тоже прочитал Вашу рукопись. Я прочитал ее и согласен с решением редактора раздела о том, что ее не следует печатать в «Литературной газете», и с теми доводами, которые он, по его словам, Вам приводил.

Хочу добавить несколько слов от себя.

Думаю, что в романе Казакевича есть ряд недостатков, и по поводу некоторых из них наше с Вами мнение совпадает. Думаю, в частности, что Казакевичу в отдельном издании романа следует подумать о том, что у него непомерно выпячена роль члена Военного совета и не показан командующий. Думаю также, что хороший

образ Лубенцова проигрывает оттого, что все уже слишком восторгаются им и умиляются всеми его поступками и действиями. Согласен с Вами и в том, что хотя автор волен выбирать предметами своего главного внимания тех или иных героев и оставлять на втором плане других, вне зависимости от их служебного положения, но все же присутствие штабов, в частности присутствие начальника штаба той дивизии, где воюет Лубенцов, должно было бы ощущаться в романе. Думаю также, что историю с Викой, которая могла, конечно, иметь место в действительности (такие истории имели место на фронте), несмотря на это, не стоило Казакевичу втягивать в роман — она получилась какой-то жалостливой и сентиментальной.

С большинством Ваших остальных замечаний я не согласен. Ни в отношении критики Вами действий Лубенцова, ни в оценке Вами образа Чохова, ни в отношении генерала Середы или его заместителя по политической части. Совершенно не согласен с Вами и в том, что якобы не нужно рисовать портреты такого фашистского отребья, как Винкель или Бюрке. Считаю, наоборот, что автор хорошо и правильно сделал, показав их, потому что это не только наши враги в прошлом, но и враги в будущем.

Я против опубликования Вашей статьи, потому что во всем основном, главном оцениваю роман Казакевича как явление положительное, а Вы, несмотря на некоторые оговорки, по существу, если вдуматься во всю сумму Ваших критических замечаний, оцениваете этот роман в основном отрицательно. А это, по моему глубокому убеждению, неверная точка зрения. Это непосредственно о статье; теперь несколько слов в связи с ней.

Мне кажется, что в статье Вами затронут один очень важный принципиальный вопрос — вопрос о работе штабов в современной войне и его месте и о том, как изображается работа штабов в целом ряде произведений нашей литературы, посвященных годам Отечественной войны. Как я уже согласился с Вами, в этом смысле роман Казакевича страдает недостатками. В значительно большей мере этими же недостатками страдает повесть Березко «Ночь полководца». Больше того, непонимание роли штаба и взаимозаменяемости людей в современной войне привела к неудаче этой повести. Думаю, что не все правильно в этом смысле и в моей собственной повести «Дни и ночи», да и в ряде других повестей, романов и пьес об Отечественной войне.

Показать работу штаба в художественном произведении — это нелегкая задача. Писателей часто тянет на то, чтобы заняться более выигрышными, на первый взгляд, вещами, чтобы в своем повествовании обязательно отправиться на передовую или в рейд по тылам противника и оставить в стороне штаб. А между тем — и в этом Вы правы — трудно (особенно когда работаешь над большим романом)

правильно изобразить штаб, масштабы военных действий без того, чтобы по-настоящему глубоко и интересно не показать работу штаба.

Этот вопрос важен не столько потому, что здесь есть ряд ошибок в уже напечатанных и даже давно напечатанных вещах, но и потому, что много литераторов работают над новыми произведениями об Отечественной войне, и, показав им ошибки их предшественников, их нужно предостеречь от новых поверхностных традиций в изображении штабов в произведениях о войне.

Вот мне думается, если бы Вы написали нам статью на эту тему, взяв как материал для критики и роман Казакевича, и ряд других произведений, то это могла бы получиться интересная, проблемная и важная для нашей литературы статья.

Копию письма к Вам я передам тов. Макарову. Если Вас заинтересует мое предложение — прошу связаться с ним по этому вопросу и взяться за это дело.

Уважающий Вас

К. Симонов.

29 мая 1950 года.

Впервые — в *ВЛ*, 1985, № 5.

Макаров Александр Николаевич (1912—1967) — русский советский литературный критик.

...о романе Казакевича... — Речь идет о романе Казакевича Эммануила Генриховича (1913—1962) «Весна на Одере» (1949).

...страдает повесть Березко... — Повесть «Ночь полководца» Березко Георгия Сергеевича (1905—1982) написана в 1946 г.

...если бы Вы написали нам статью на эту тему... — В «Литературной газете» такая статья не появилась.

К. А. ФЕДИНУ

15 февраля 1951 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Константин Александрович!

Я получил копию адресованного в Секретариат Вашего письма от имени бюро секции прозы, в котором вы считаете необходимым опубликовать в «Литературной газете» краткий отчет о заседании секции прозы, посвященном обсуждению романа Владимира Германовича Лидина и рецензии на него в «Литературной газете». После этого я прочел роман (рецензия была напечатана, как Вы знаете, в мое отсутствие) и стенограмму заседания секции прозы.

Хочу поделиться с Вами некоторыми соображениями по этому поводу.

Во-первых, о романе Лидина. Мне лично он все-таки представляется слабым, неполучившимся в главных своих компонентах.

Во-вторых, о рецензии. Мне после прочтения романа думается, что отрицательная оценка романа, данная в рецензии, по существу справедлива. Но в рецензии есть, во-первых, забвение того, что Лидин — старый писатель, много потрудившийся, имеющий свое законное место в советской литературе, и он имеет право, во-первых, на более серьезный и глубокий разбор своего, на мой взгляд, в общем, неудавшегося романа; во-вторых, на то, чтобы, говоря об этом его неудавшемся романе, вспомнили о его работе в целом; в-третьих, на то, чтобы о нем писали доброжелательно, огорчаясь тем, что не удалась попытка проанализировать причины, почему так вышло, и, быть может, даже подумав над путем исправления романа.

Думаю также, что в рецензии, кроме неверно взятого, неоправданно резкого тона, кроме отсутствия доброжелательности, в ней есть, в частности, и некоторые не совсем верные оценки.

В-третьих, относительно отчета. В выступлениях на секции, как мне думается, слишком много говорилось о несправедливости рецензии и слишком мало о том, почему она несправедлива. Целый ряд выступавших, в том числе и Илья Григорьевич Эренбург, в сущности, ушли от оценки романа. Между тем, как мне думается, самое существо спора и первый пункт его — это расхождение в принципиальной оценке романа — положительной, и уже второй пункт — вопрос о тоне рецензии, о самом подходе авторов к рецензированию романа (о чем я свое мнение уже высказал выше). Исключением является Ваше вступительное слово, в котором Вы даете в целом положительную оценку романа, то есть оценку, противоположную той, которая дана в рецензии.

Мне думается, что лучше всего было бы, если бы в ближайшее время Вы выступили на страницах «Литературной газеты» со статьей о романе Лидина, в которой бы развернули Ваше выступление на секции. Я, со своей стороны, счел бы необходимым — со своей ответной статьей, в которой высказал бы примерно те соображения, которые изложены в начале этого письма. Я думаю, что это был бы хороший и честный литературный разговор на страницах газеты. В заключение мы могли бы созвать заседание секции совместно с редколлегией или заседание Секретариата совместно с секцией и редколлегией, обсудить на нем книгу Лидина, Вашу и мою статьи и напечатать об этом отчет в газете. В этом виде, мне кажется, все это было бы настоящим делом для писательской газеты и удовлетворило бы писательскую общественность.

Если Вам кажется, что этот, лучший, на мой взгляд, выход на самом деле не лучший, то я согласен и на другой вариант: мы можем напечатать отчет о состоявшемся заседании секции, только, конечно, не краткий, а подробный, с тем, чтобы Вы его предвари-

тельно прочли, а вслед за этим отчетом я выступлю в газете со статьей, в которой постараюсь изложить все ту же, высказанную мною, точку зрения и на роман, и на рецензию, и на обсуждение того и другого на секции.

Буду ждать Вашего ответа.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

15.II.51 г.

P. S. Ваша статья об Эренбурге была напечатана в полном соответствии с замечаниями, высказанными Вами в Вашем письме ко мне. Хочу только сказать, что работники отдела критики неповинны в редактировании тех нескольких фраз Вашей статьи, которые сейчас, согласно Вашему желанию, восстановлены в первоначальном виде. Фразы эти, как и всю статью, редактировал я сам, не желая передоверять эту работу никому другому, так что в этих поправках повинен я лично, хотя, честно говоря, очень повинным в этом себя не чувствую, так как эту правку я предложил на Ваше усмотрение до напечатания статьи, и при этих обстоятельствах не вижу в этой правке ничего зазорного или некорректного по отношению к Вам.

Ваш

Константин Симонов.

Впервые постскриптум этого письма в «Уроках Федина» (т. 10 наст. собр. соч., с. 521), само письмо — в *ЛО*, 1985, № 10.

Федин Константин Александрович (1892—1977).

...получил копию адресованного в Секретариат Вашего письма... — См. об этом «Уроки Федина» (т. 10 наст. собр. соч.).

...романа Владимира Германовича Лидина и рецензии на него... — Лидин Владимир Германович (1894—1979). Речь идет о его кн. «Две жизни» (М., «Советский писатель», 1950), рецензии — М. Лилиной, Э. Бабаяна, Ю. Кузеса «Воскрешение литературных штампов» (*ЛГ*, 1950, 21 октября).

...я согласен и на другой вариант... — См. об этом «Уроки Федина»; концом этого конфликта была статья Симонова «О доброжелательстве» (*ЛГ*, 1951, 14 апреля).

Б. Л. ГОРБАТОВУ

⟨7 марта 1951 г., Москва⟩

Дорогой Борис. У нас на Секретариате приняли решение о предоставлении тебе и Леониду Максимовичу творческого отпуска до конца этого года для окончания книг, над которыми вы

работаете. Мы с Валей крепко тебя обнимаем и желаем тебе отдыха и лечения. Помни, дорогой, что от того, как ты сейчас физически придешь в порядок, зависит твоя дальнейшая работа. Учти, что копию этой телеграммы посылаю главному врачу.

Жму руку.

Костя.

Телеграмма, посланная в Гагры, в санаторий «Украина», где Б. Горбатов лечился.

Горбатов Борис Леонтьевич (1908—1954) — русский советский писатель, один из близких друзей Симонова.

...Леониду Максимовичу...— Леонов Леонид Максимович (р. 1899).

...книг, над которыми вы работаете...— Б. Горбатов в это время работал над романом «Донбасс», Л. Леонов — над романом «Русский лес».

Датируется по содержанию.

А. Т. ТВАРДОВСКОМУ

⟨Не позднее 19 июня 1951 г., Москва⟩

Дорогой Саша!

Во-первых, спасибо за стихи. Печатаем их 21-го, на первой полосе, тремя колонками в центре.

Во-вторых, мне думается, что это хорошо, а подробнее — при встрече.

В-третьих, прошу тебя подумать над следующими тремя местами, привожу их:

1. С ним не забыться, не уснуть,
   С ним не обвыкнуть и не сжиться.
   Он, как земля во рву, на грудь —
   Зарытым заживо — ложится...
2. Стоим взволнованные оба,
   Полны взаимного добра,
   Как будто мы друзья до гроба
   Иль вместе выпили с утра.
3. Текла привычно, величаво
   Свой древний совершая путь,
   Своею завтрашнею славой
   Не смущена еще ничуть.
   И с этой ширью многоводной
   С верховья вниз, как каждый год,
   Еще и лед прошел свободно,
   Не встретив запертых ворот...

Что касается первой строфы, то мне кажется, что она слишком запугивает. Получается, что это предвестье к тому, что придется ложиться зарытым заживо.

Я бы думал, что, во всяком случае в газете, и в особенности в номере, в связи с годовщиной победы, эту строфу надо бы сократить.

Вторая строфа у меня не вызвала бы возражений в книге, может быть даже в журнале, но в газете она просто-напросто вызовет десятки писем, тем более что сидит эта строфа внутри патетической, по существу, вещи. Она верна психологически, можешь верить, близка моей душе. Но я бы все-таки это вычеркнул.

Наконец, над последними двумя строфами прошу подумать. Может быть, в них надо поменять несколько слов, потому что в таком виде, в каком они сейчас, они приобретают двойственный оттенок. Какое-то сожаление о том, что лед проходит свободно в последний раз, о том, что Волга уже не будет течь привычно и величаво.

Если дружеское ухо хоть чуть-чуть ловит такой оттенок, то прошу тебя прислушаться к этому.

Прошу дать ответ с подателем сего.

Константин Симонов.

На всякий случай я до 12 часов ночи сегодня — в редакции. Завтра — с утра до 5-ти дня на даче, а с 6-ти часов дня в редакции.

Твардовский Александр Трифонович (1910—1971) — русский советский поэт и общественный деятель.

...спасибо за стихи...— Речь идет о публикации первых фрагментов поэмы «За далью — даль» (с подзаголовком «Из путевого дневника») — *ЛГ*, 1951, 21 июня. В дальнейшем автор весьма существенно перерабатывал текст.

...тремя колонками...— Стихи разверстаны в газете на четыре колонки.

«С ним не забыться, не уснуть... Зарытым заживо — ложиться...» — Эту строфу А. Твардовский снял.

«Стоим взволнованные оба... Иль вместе выпили с утра».— Эту строфу А. Твардовский снял.

...«Текла привычно, величаво... Не встретив запертых ворот...» — Эти две строфы сохранились в газетной публикации.

...в номере, в связи с годовщиной победы...— Явная описка: разумеется, Симонов имел в виду 10-летие со дня начала Великой Отечественной войны.

...прошу тебя прислушаться к этому.— А. Твардовский писал А. К. Тарасенкову 20 июня 1951 г.: «Прости, что не прислал тебе стихи: то не было настроения, то не было экземпляра. В «Правде» недели две мне хвалили их, но вижу, что не дождаться напечатания,— под стандарт не подходит — отдал Симонову, появятся 21.VI. Если черкнешь о них мне —

буду рад. Симонов просит снять некоторые строфы, жаль, а придется — не пропадать же всему куску — он ко времени» (А. Твардовский. Письма о литературе. 1930—1970. М., «Советский писатель», 1985, с. 70).

Датируется по содержанию.

А. К. КОТОВУ

24 июля 1951 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Анатолий Константинович!

Просмотрев только что вышедший из печати сборник «Поэты мира в борьбе за мир», вышедший под общей редакцией С. Маршака, А. Суркова и моей, я обнаружил в нем одно лично меня касающееся и возмутившее меня обстоятельство.

Вот аннотация, которая ныне дана в сборнике перед моими стихами:

«Симонов Константин Михайлович родился в 1915 году. Первые его произведения в печати появились в 1934 году.

Большую творческую работу К. Симонов сочетает с государственной и общественной деятельностью. Он депутат Верховного Совета СССР.

Симонов — участник Великой Отечественной войны. Лауреат Сталинских премий. После войны активно участвует в международном движении борьбы за мир, является делегатом Второго Всемирного конгресса сторонников мира в Варшаве».

Я считаю, что в этой аннотации фраза: «Большую творческую работу К. Симонов сочетает с государственной и общественной деятельностью» является ненужной, нескромной фразой, а учитывая то, что сборник вышел, в частности, и под моей редакцией,— фразой, компрометирующей меня, дающей обо мне ложное представление как о человеке, который якобы мог допустить появление такой фразы в сборнике, к редактированию которого он имел отношение. Между тем эта фраза появилась в аннотации к моим стихам не только без моего ведома, но и вопреки моему требованию снять ее.

В декабре 1950 года мною на Ваше имя, на имя Суркова и Маршака было послано подробное, в четверть листа, письмо — редакционная рецензия на прочтенный мною сборник «Поэты мира в борьбе за мир». В этой рецензии я настаивал на снятии из сборника около пятидесяти стихотворений (в том числе двух своих) и на литературной редактуре аннотаций, на исключении из них всякого рода похвал и преувеличений и вообще ненужных оценок и на составление их в духе фактографии.

Вот пункт, написанный в моем письме на Ваше имя по этому поводу: «...врезки об авторах в советском отделе никуда не годятся

по своей разнокалиберности. Для того чтобы составить нормальные врезки, следует задать по отношению ко всем авторам одни и те же три-четыре вопроса и кратко, без всяких красот стиля ответить на них. Анкета, по-моему, должна быть примерно такая:

1) когда родился,

2) когда начал литературную деятельность,

3) удостоен ли Сталинской премии за *стихи*,

4) избран ли депутатом Верховных Советов республики или Союза (других должностей, постов, по-моему, указывать не нужно),

5) участвовал ли в Великой Отечественной войне,

6) принимал ли видное участие в борьбе за мир...

При наличии такой мысленной анкеты, во-первых, справки будут принципиально однообразны, а во-вторых, в них будет выделено существенное *именно* для этого сборника — участие в войне против фашизма и в борьбе за мир».

Из этого места моего письма, по-моему, совершенно ясен смысл тех справедливых требований, которые я предъявлял к принципу аннотирования стихов сборника. Этот принцип, разумеется, один для всех, и поэтому в той верстке, которую я Вам прислал вместе с письмом и в которой моей рукой вычеркнуты стихи, подлежащие, на мой взгляд, исключению,— я собственноручно исправил прежде всего аннотацию к собственным стихам.

На странице 261 (в той верстке, которая была у меня) первоначально в аннотации было написано:

«Симонов Константин Михайлович родился в 1915 году.

Первые произведения в печати появились в 1934 году.

Большую творческую работу К. Симонов сочетает с государственной и общественной деятельностью. Народ оказал ему высокое доверие, избрав депутатом Верховного Совета СССР. К. Симонов является одновременно заместителем генерального секретаря Союза советских писателей и главным редактором «Литературной газеты».

Симонов — участник боев на Халхин-Голе, участник Великой Отечественной войны.

После войны писатель активно участвует в международном движении борьбы за мир, является членом Постоянного комитета сторонников мира».

Считая этот текст неприемлемым, я исправил его. После моей правки в посланном мною Вам экземпляре аннотация выглядела так:

«Симонов Константин Михайлович родился в 1915 году.

Первые произведения появились в печати в 1934 году.

Участник боев на Халхин-Голе, участник Великой Отечественной войны, депутат Верховного Совета СССР, член президиума Советского Комитета защиты мира».

Между тем в книге, в том виде, в каком она вышла, в аннотации обо мне, без согласования со мной, даже без того, чтобы поставить меня об этом в известность, была вновь вставлена вычеркнутая мною собственноручно, ненужная и нескромная фраза насчет сочетания большой творческой работы с государственной и общественной деятельностью.

Так как мои предложения об изъятии стихов и о характере аннотаций в целом в книге в основном реализованы, так же, в частности, наполовину реализована и моя правка по аннотации к моим собственным стихам,— я не могу рассматривать это как случай простой халатности, а рассматриваю как произвол кого-то из работников издательства. Между тем в глазах читателей объективно получается, что один из людей, которым была поручена редакция этого важного сборника, использовал свое положение для того, чтобы устроить самому себе в этом сборнике пышную аннотацию.

Я был очень огорчен и возмущен, увидев все это. Я прекрасно помнил и содержание своего письма, и то, что аннотация была выправлена мною собственноручно, но сегодня, увидев сборник, решил еще раз проверить себя и получил в Гослитиздате верстку со своей собственноручной правкой. Верстку эту я возвращаю в Гослитиздат, а тот лист, на котором мои стихи с аннотацией, прилагаю к этому письму и очень прошу Вас расследовать эту историю и написать мне о результатах.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

24 июля 1951 г.

Впервые — в кн.: «День поэзии. 1980». М., «Советский писатель», 1980.

Котов Анатолий Константинович (1909—1956) — русский советский литературовед, с 1948 г. до конца жизни директор издательства «Художественная литература».

Б. Л. ГОРБАТОВУ

1 декабря 1951 г., ⟨Москва⟩

Дорогой господин Горбатов!

Приветствуя в Вашем лице одного из вреднейших типов нашего времени, не могу не отметить, что Вы крайне надоели всем Вашим благожелателям своими симуляциями, соединенными с манией величия, почти перешедшей в манию преследования.

Женщины и секретари от Вас плачут, видя в Вас подозрительного тирана турецкого типа.

Довольно! Это! Терпеть!

Ваше закоренелое двурушничество проявляется в том, что, с сентиментальными слезами на глазах описывая кроткую жизнь лошадей, Вы занимаетесь беспощадной тиранией по отношению к людям при помощи своих болезней, как действительных, так и мнимых.

Общество просит учесть, что врачи — тоже люди, и, раздраженные Вашими беспрестанными нападками, они в конце концов могут собраться и отлупить Вас, тем более что, согласно последним открытиям действительного члена Пензенской Академии наук профессора Зелинского-Зозули, легкое систематическое избиение лежачих больных является одним из важнейших средств для оживления их сердечной деятельности, а также и для улучшения их характера в более или менее лучшую сторону.

Что касается книги, то, измученный Вашей беспрецедентной подозрительностью, я только благодаря своему сравнительно приличному месту в бюрократической иерархии Союза писателей спасся от прямой словесной посылки к родителям, вплоть до третьего этажа, когда позвонил в издательство «Молодая гвардия» с целью выяснить, действительно ли они плетут против Вас те интриги, в которых Вы их подозреваете.

Как выяснилось, совместно с Вашим представителем, господином Келлерманом, запуганные издатели на последнем отрезке времени лично переселились в типографию, чтобы ускорить выпуск Вашей книги.

Что же касается ее брошюровки и переплетения, то для Вашего спокойствия оная операция в ближайшее время начнет производиться на Ваших глазах, для каковой цели, по согласованию с лечсанупром, предполагается использовать часть помещения Кремлевской больницы с временным переводом больных в стационар, в кабинет директора, а также главного редактора «Молодой гвардии».

Своей крайней подозрительностью Вы, как видите, довели меня до употребления толстовской фразы такой длины, что чувствую легкое недомогание из-за нехватки воздуха.

Что касается моих лично дел, если они Вам интересны, то сообщаю Вам, что «Литературная газета», к сожалению, по-прежнему выходит три раза в неделю и никак не хочет выходить реже. В связи с этим я никак не могу закончить тот выдающийся роман, который я пишу не столько для собственного удовольствия, сколько для того, чтобы создать образчик литературы, ориентируясь на который Вы сможете написать последние части своего унылого произведения хотя бы несколько лучше предыдущих.

По настоянию Вашего секретаря господина Келлермана посылаю Вам ваши графоманские записные книжки, которые, впрочем, едва ли смогут Вам заменить отсутствующий у Вас живой ум, талант и природную сообразительность.

Моя жена просит передать Вам, что она целует Вас заочно, преодолевая омерзение, и прибудет лично повторить этот поступок в четверг, во сколько-то там часов пополудни.

Выражал желание навестить Вас Назым Хикмет, но я думаю, что этого не следует делать, поскольку хотелось бы, чтобы у него сохранилось светлое представление о советской литературе, не омраченное воспоминаниями о Вас.

С ужасом думаю, что в понедельник в 3 часа дня мне придется увидеться с Вами самому и, при всем моем ангельском характере, все же лично повторить Вам все вышесказанное, присовокупив к этому отдельные шахтерские выражения, почему-то не вошедшие в Вашу книжку.

Для того чтобы я имел возможность это сделать, прошу Вас сказать несколько слов Вашим врачам в обычном стиле Ваших высказываний на эту тему, после чего они, я думаю, меня пустят.

Пишу это письмо и все время думаю, почему мне до такой степени не везет в личной жизни: какое наказание иметь среди друзей гнусных типов, подобных Вам. Вы даже не можете себе представить, насколько мне было бы приятнее иметь одного толстого человека со свищем в заднице на Вашем месте, а Вы бы пусть были уж на его.

Прощай, голубчик. Ты мне надоел. Что касается тех ласковых слов, которые ты, очевидно, ошибочно от меня ожидал, пользуясь своим болезненным состоянием, то ничего, обойдешься.

Костя.

1 декабря 1951 года.

...описывая кроткую жизнь лошадей...— Симонов имеет в виду главу «Прощание» из неоконченного романа Б. Горбатова «Перед войной», в которой описывается, как поднимают на-гора отвыкших в шахте под землей от света лошадей.

Что касается книги...— Речь идет о кн.: Б. Горбатов. Донбасс. М., «Молодая гвардия», 1951.

Келлерман Марк Александрович (р. 1920) — юрист, специалист по авторскому праву, издательский работник.

...я никак не могу закончить тот выдающийся роман...— Речь идет о романе «Товарищи по оружию».

А. С. ЖАДОВУ

28 апреля 1952 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Алексей Семенович!

Я пишу все последние годы роман, посвященный нашей армии. Первый том этого романа я закончил. Он главным образом посвя-

щен событиям 1939 года на Халхин-Голе. Первый том разделяется на две части. Вторую я заканчиваю редактированием в конце мая. Первую прилагаю к этому письму.

В этой первой части события доведены до июльских боев на реке Халхин-Гол, до танкового сражения при Баин-Цагане. (Вторая часть охватывает все последующие события, вплоть до полного разгрома японцев.)

Просьба у меня двойная:

Во-первых, если Вы сумеете выбрать время, я буду очень признателен Вам, если Вы прочтете мою рукопись и при свидании выскажете мне Ваше мнение о ней.

Во-вторых, был бы очень признателен, если бы Вы сочли возможным дать ее прочесть в Академии либо кому-нибудь из товарищей, участвовавших в халхин-гольской операции и знакомых с ее общим ходом, либо кому-нибудь из товарищей, работающих в историческом плане над халхин-гольской операцией и, следовательно, изучавших ее по документам и материалам.

Буду Вам очень благодарен за выполнение этой моей двойной просьбы.

Это письмо и рукопись завезет Вам Михаил Григорьевич Брагин, который является редактором моего романа по журналу «Новый мир», где роман намечен к печатанию.

Я уезжаю на месяц редактировать вторую часть романа и, с Вашего разрешения, позвоню Вам в последних числах мая.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

28.IV.52 г.

Впервые — в *ВЛ*, 1985, № 5.

Жадов Алексей Семенович (1901—1977) — советский военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза, в ту пору начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Первый том...— Речь идет о романе «Товарищи по оружию».

...июльских боев на реке Халхин-Гол, до танкового сражения при Баин-Цагане...— В ночь на 3 июля 1939 г. японские войска переправились через Халхин-Гол, потеснили 6-ю монгольскую кавалерийскую дивизию, захватив гору Баин-Цаган и прилегающие к ней участки. Поднятая по тревоге 11-я танковая бригада совершила многокилометровый марш по раскаленной пустыне и, чтобы не дать японцам закрепиться, не дожидаясь отставшей пехоты, с ходу атаковала их, выбила с Баин-Цагана, разгромив и уничтожив переправившиеся на левый берег Халхин-Гола японские части. См. об этом у Симонова «Далеко на Востоке» и «Халхин-гольскую страницу» (т. 10 наст. собр. соч.).

...до полного разгрома японцев.— Генеральное наступление совет-

ско-монгольских войск, завершившееся окружением и разгромом 6-й японской армии, происходило 20—31 августа. Ожесточенные бои в воздухе продолжались до 15 сентября. См. об этом у Симонова «Далеко на Востоке» и «Халхин-гольскую страницу».

Брагин Михаил Григорьевич (р. 1906) — русский советский писатель.

...если Вы прочтете мою рукопись...— По свидетельству М. Брагина, А. С. Жадов прочитал рукопись романа и проконсультировал автора и редактора по возникавшим военным вопросам.

...кому-нибудь из товарищей, работающих в историческом плане над халхин-гольской операцией...— В письме Бойцову от 7 апреля 1967 г. Симонов писал об этом: «Что касается брошюры Шишкина (речь идет о кн.: С. Н. Ш и ш к и н. Боевые действия Красной Армии у р. Халхин-Гол в 1939 г. М., Воениздат, 1946.— *Л. Л.*), то я сам в свое время, работая над книгой о Халхин-Голе, использовал эту брошюру, и товарищ Шишкин, работавший тогда в Академии им. Фрунзе, рецензировал мой роман «Товарищи по оружию» с точки зрения исторической верности ряда деталей в нем» (*АКС*).

...где роман намечен к печатанию.— «Товарищи по оружию» были напечатаны в журн. «Новый мир» (1952, № 10, 11, 12).

И. Г. БОЛЬШАКОВУ

1 сентября 1952 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Иван Григорьевич!

Я обещал Вам прочесть к 1-му сентября сценарий С.Герасимова и А. Любашевского «Александр Пушкин» и высказать Вам свое мнение о том, могу ли я и если могу, то в какой форме принять участие в работе над этим сценарием.

К сожалению, я захворал, лежу и поэтому, чтобы не затягивать дело, вынужден изложить свои соображения письменно.

Задача изображения Пушкина как в литературе, так и в кино необыкновенно трудна. Пушкин велик прежде всего тем, что он написал. Но показывать процесс творчества писателя и в литературе и в кино труднее, чем показывать что бы то ни было другое.

Это первая трудность.

Биография Пушкина изучена, пожалуй, более подробно и разносторонне, чем биография любого другого великого русского человека той эпохи. Она широко известна народу, и поэтому, рассказывая языком кино жизнь Пушкина, очень трудно ввести ее в рамки полуторачасового фильма, не заслужив совершенно законного упрека в том, что много необыкновенно важных и широко известных обстоятельств жизни поэта обойдено, упущено или показано недостаточно широко.

Это вторая трудность, и тоже очень большая.

При всем интересе к биографии Пушкина,— Пушкин как создатель и наперсник новой русской литературы, как человек, открывший новые страницы и в истории русского искусства, и в истории мирового искусства,— фигура громадная, и простое следование его биографии, изложение ее не даст и не может дать полного представления о всей громадности этой фигуры и всего ее значения.

Это третья очень большая трудность, которая наводит на серьезные размышления о том, каким должен быть жанр фильма, что в нем брать из биографии Пушкина и что отсеивать и, наоборот, не следует ли привлечь в него многое из того, что характеризует эпоху, характеризует обстановку в России, в которой мог родиться и сложиться такой гений, как Пушкин. Словом, не следует ли ввести в фильм много такого, что, казалось бы, не имеет непосредственного отношения к биографии Пушкина в узком смысле этого слова?

Я читал сценарий Герасимова и Любашевского с учетом этих трех соображений. Мне кажется, что в итоге работы авторов сделан сценарий, который в общем отвечает задаче создания биографического фильма, посвященного второму — последекабрьскому — периоду жизни Пушкина.

Мне кажется, что авторы в большинстве случаев правильно отобрали наиболее важные моменты биографии Пушкина этого периода, и сценарий дает возможность создать биографический фильм при том необходимом условии, что будет выбран отвечающий задаче актер на роль Пушкина, что режиссер правильно проведет его через фильм, и это в конечном итоге решит успех дела в главных его чертах.

В сценарии есть ряд недостатков.

Мне, например, кажется, что жена Пушкина Наталья Николаевна могла бы занимать несколько меньше места в сценарии, чем она занимает сейчас, ибо хотя она сыграла значительную роль в трагедии, оборвавшей жизнь Пушкина, но в то же время имела очень отдаленное касательство к тому, что он писал, к духовной жизни великого писателя, и это следует учитывать.

Есть у меня также ряд замечаний по некоторым эпизодам, по ряду мест в диалогах сценария, и я готов самым подробнейшим образом, со сценарием в руках, высказать все это авторам, высказать и негативные и позитивные предложения, словом, все, что может пойти, на мой взгляд, на пользу сценарию. В этом смысле я как один из писателей, каждый из которых не может быть равнодушен к созданию произведения о Пушкине, готов принять посильное участие в работе добрым советом.

Что касается соавторского участия в сценарии, о котором первоначально шла речь и с Вами, Иван Григорьевич, и с Сергеем

Аполлинариевичем Герасимовым, то я не вижу причин входить сейчас соавтором в почти готовую работу. У авторов уже есть строгий план, есть своя концепция, есть задание, которое они перед собой поставили и которое в общем в этих пределах решили. Мне кажется, что переиначивать сценарий на какой-то другой лад нет никакой нужды. А в пределах замысла авторов помочь им можно и должно без всякого соавторства.

Кстати, повторяю, здесь вовсе не так много надо и делать. По моему глубокому убеждению, единогласного одобрения сценария о Пушкине добиться будет никогда невозможно. У разных людей будут возникать десятки разных вопросов: почему включено это и не включено это? Почему взят этот период, а не другой? Почему в сценарии не показана вся жизнь Пушкина от рождения до смерти, или, наоборот, почему взят слишком большой период — целых двенадцать лет? Почему авторы сценария о Пушкине Герасимов и Любашевский, а не крупнейшие наши поэты, как, например, Твардовский или Тихонов?

Все эти вопросы есть, будут и останутся. Между тем сценарий существует. В него надо внести некоторые не столько исправления, сколько улучшения, и надо его снимать в кино. То, чего нельзя всем доказать сценарием, может быть, удастся доказать фильмом, образом живого Пушкина, появившимся на экране.

Я глубоко убежден в том, что надо начать снимать фильм по этому сценарию, и чем скорее, тем лучше.

Наряду с этим, я бы хотел поделиться с Вами следующими соображениями.

Пушкин — тема величайшая. Если уж мы делаем два фильма о Глинке, то надо сказать, что, при всем величии Глинки, фигура Пушкина — неизмеримо более великая в глазах народа и неизмеримо большее значение имевшая в истории и русской и мировой культуры. Не грех будет попробовать сделать о нем и два и три фильма. Зритель будет только благодарен за это.

Я думаю, что, сняв сейчас первый фильм о Пушкине по готовому имеющемуся сценарию, правильно будет заказать нашим писателям и поэтам параллельно второй и третий сценарий о Пушкине: один из них хотя бы попробовать сделать (хотя это неимоверно трудная задача) о всей его жизни, начиная с юности и кончая гибелью; это должен быть фильм, в котором могут быть опущены очень и очень многие подробности биографии, но должна быть показана масштабность фигуры Пушкина. Это, так сказать, фильм о Пушкине и его времени, о Пушкине и народе.

Наряду с таким сценарием, по-моему, необыкновенно интересно было бы избрать предметом изображения в кино отдельные куски биографии Пушкина, такие, на которых можно было бы тоже раскрыть тему Пушкин и народ, Пушкин и Россия. Одним из таких

кусков биографии Пушкина, к примеру, могло бы оказаться его путешествие в Арзрум, путешествие через всю Россию, через весь Кавказ, встречи со ссыльными декабристами, с телом Грибоедова. Мысли, высказывания Пушкина не только как великого поэта, но и как государственно мыслящего человека, как человека, думающего о настоящем и будущем России, могли бы закономерно войти в рассказ об этом годе его жизни. Пушкина можно было бы дать здесь в расцвете его творческих сил, и то, что повествование о нем кончилось бы не его смертью, а возвращением с Кавказа в Россию,— в этом не было бы ничего худого, ибо в народной памяти Пушкин все-таки больше представляется не лежащим на окровавленном снегу на Черной речке, а задумчиво и гордо стоящим на пьедестале на Пушкинской площади в думах о России и русском народе.

Вот над этим куском жизни Пушкина я бы готов поработать для кино один или, скажем, в соавторстве с Николаем Семеновичем Тихоновым, если бы он заинтересовался этим. Говорю это пока совершенно предположительно, потому что я с ним пока на эту тему не разговаривал. Для создания такого сценария, думается, мне бы понадобилось от года до полутора лет, но такой срок меня лично не пугает.

Думаю, что было бы хорошо (это было бы вполне реально), чтобы несколько других наших писателей взялись за несколько тем, связанных с жизнью Пушкина.

Это мое предложение можно было бы обсудить на Секретариате Союза писателей совместно с коллегией министерства, ибо дело создания фильма о Пушкине — дело всенародной важности.

А пока что мой совет, за который я готов нести ответственность, немедля приступить к созданию первой ласточки — фильма по сценарию Герасимова и Любашевского, ибо иначе мы так никогда ни с чего и не начнем, а начать надо — и пора.

Вот, уважаемый Иван Григорьевич, те соображения, которые мне хотелось Вам высказать.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

1.IX—52 г.

Впервые — в журн. «Искусство кино», 1985, № 11.

Большаков Иван Григорьевич (1903—1980) — в то время министр кинематографии СССР.

Герасимов Сергей Аполлинариевич (1906—1986) — советский актер, режиссер, сценарист.

Любашевский Леонид Соломонович (1892—1975) — советский актер и драматург.

Если уж мы делаем два фильма о Глинке... — Симонов имеет в виду поставленный в 1947 г. фильм «Глинка» (автор сценария и режиссер Л. Арнштам) и в 1952 г.— «Композитор Глинка» (авторы сценария П. Павленко, Н. Тренева, Г. Александров, режиссер Г. Александров).

...немедля приступить к созданию первой ласточки — фильма по сценарию Герасимова и Любашевского... — Фильм по этому сценарию не был снят.

Р-СКОЙ

25 сентября 1952 г., Москва

Уважаемая товарищ Р-ская!

Я получил Ваше письмо и должен сказать, что, мне кажется, Вы ставите вопрос неверно. Вы взяли курсовую работу «Лексика цикла стихотворений К. Симонова «Друзья и враги». Стихи эти напечатаны, их можно прочесть и сделать из самих стихов все выводы, которые Вы хотите сделать. При чем же тут автор? Его соображения, мнения? Все те примечания и комментарии, которые мне казалось необходимым дать к стихам — даны в стихах. Зачем же Вам еще какие-то примечания от автора? По-моему, это совсем не нужно, тем более что я могу о приемах своих говорить одно, а Вам может показаться другое, я могу быть прав и неправ. Писатель очень часто ошибается, говоря о собственных книгах, видя в них иногда то, чего в них нет, или наоборот. Это я могу узнать из Вашей работы, от Вас, в чем заключаются особенности лексики цикла стихотворений «Друзья и враги», а не Вы от меня. Вот ведь в чем дело. Почему я счел необходимым Вам так написать? Потому, что мне кажется это важно принципиально, потому что мне думается, Вы принципиально неверно подходите к своей первой же курсовой работе.

К. Симонов.

Москва,
25 сентября 1952 г.

К. И. ПОЗДНЯЕВУ

18 октября 1952 г., Москва

Уважаемый товарищ Поздняев!

В ответ на предложение редакции посылаю Вам отрывок из своего романа «Товарищи по оружию».

Если отрывок Вам понравится и Вы решите печатать его, то:

1. Прошу дать авторскую врезку — прилагаю ее.

2. Прошу указать, что роман полностью печатается в журнале «Новый мир».

3. В наших с Вами разговорах, когда я считал себя вынужденным отказываться от того, чтобы дать Вам отрывок в связи с тем, что один отрывок мною уже был давно обещан «Огоньку», а два отрывка из одного и того же романа мне представлялось печатать неудобным,— Вы выдвинули тот аргумент, что журнал «Советский воин» предназначен исключительно для военного читателя, а роман мой сугубо военный, и поэтому я не должен считаться с тем, что у меня идет другой отрывок в «Огоньке». Единственно по этим соображениям я после долгих размышлений решился предложить Вашему вниманию этот отрывок, но, решившись на это, я хочу поставить одно непременное условие: мне кажется, что широкое печатание отрывков кем бы то ни было и где бы то ни было в тех случаях, когда весь текст произведения печатается в журнале целиком, есть неправомерное получение двойного гонорара за значительные куски одного и того же произведения; в связи с этим я согласен предоставить Вам свой отрывок при условии, что не может быть никакой речи о гонораре. Если это условие не устраивает редакцию — прошу вернуть мне отрывок.

Уважающий Вас

К. Симонов.

Москва, 18 октября 1952 г.

Поздняев Константин Иванович (р. 1911) — русский советский критик, в 1948—1953 гг.— зам. главного редактора журнала «Советский воин», в 1962—1973 гг.— главный редактор газеты «Литература и жизнь» (с 1963 г. «Литературная Россия»).

...давно обещал «Огоньку»...— См.: К. Симонов. В кольце. Из романа «Товарищи по оружию» («Огонек», 1952, № 44).

...решился предложить Вашему вниманию этот отрывок...— См.: К. Симонов. Погоня. Глава из романа «Товарищи по оружию» («Советский воин», 1952, № 21).

А. Н. АНАСТАСЬЕВУ

25 ноября 1952 г., ⟨Москва⟩

По поводу пьесы Арбузова «Ведерников» у меня следующие соображения.

Пьеса принадлежит перу очень даровитого человека, который снова обнаружил свой талант и в этой работе. Если бы я был худруком театра, я бы ни при каких обстоятельствах не выпустил бы эту пьесу из поля зрения и заставил бы автора ее переработать, ибо

в ней есть богатый душевный человеческий материал. В ней люди по-человечески говорят, живо, искренне, в ней есть сцены превосходные целиком, такие, как в эвакуации, такие, как первая сцена, как во многом сцена на фронте. Да очень много и других сценок. Есть в пьесе такие прелестные образы, как образ Люси Ведерниковой. Этот образ истинный, искренний и пронзительный по своей правде и силе.

В то же время в пьесе мне многое не нравится. Она в сильной мере отравлена литературщиной. В ней как бы живет мирок людей душевных, наделенных и умом, и сердцем, и талантом, и чертами подлинной дружбы и любви, но все это как бы между собой, внутри этого мирка, так, словно все нити и связи кругом обрезаны, так, словно ничего из этого мирка не высовывается наружу и, наоборот, если так можно выразиться, ничего не засовывается в этот мирок из внешнего мира.

Пока дело идет о делах внутренних в этом мирке: кто кого любит, кто куда пойдет, кто лучше кого, и кто умней кого, и кто талантливее кого из этих людей, из этого мирка,— все ничего, все как будто нормально. Но вот вторгается в действие война, и литературность пьесы Арбузова сразу вылезает наружу. Война громадная вещь, страшная, грубая, величественная в ее подвигах — здесь и стихии, ломающие людские судьбы, и величайшая организация людских сил, поворачивающая и подчиняющая эти судьбы сразу и грубо, и властно, и жестоко, и целесообразно. Так в жизни. А в пьесе Арбузова начинается (по многим ее линиям во всяком случае, исключая из этого линию эвакуации) сочинительство на фоне войны: одна уехала потому, что у нее несчастная любовь, другой поехал ее искать, потому что она пропала, третий без объяснения причин воюет сразу на двух направлениях, чтобы иметь возможность ездить через Москву, и, наконец, уже ни в какие ворота не лезущая история о том, как Ведерников сначала выдает за открытие Тучкова свое открытие, а потом, в финале, объясняет, что он сделал, оказывается, даже не из благородных побуждений, а из какого-то нечеловеческого сверхэгоизма, потому что, дескать, Тучков внес какую-то ничтожную лепту, последний толчок в его, Ведерникова, изобретение, и раз он это изобретение сделал не до конца самолично, то ему уже не интересно, чтобы оно было его. Это уж, извините, правой рукой за левое ухо, полная литературщицкая ахинея, демонизм для гимназистов.

А кроме того, превеликая бестактность, если только вспомнить, что речь идет не о литературных забавах мальчиков и девочек, собравшихся на подмосковной даче, чтобы сообразить пооригинальнее сюжетец, а о войне, об открытии, спасающем людские жизни, то есть о серьезном деле. Мне кажется, что всю вот эту линию надо переменить, переделать, надо, чтобы автор понял, что так невоз-

можно, что тут он губит, поистине губит свой талант на закладывание правой руки за левое ухо. А это обидно.

И вообще хотелось бы, чтоб в пьесе «Ведерников» было бы поменьше Ведерникова, то есть пусть он живет, такой эгоист, не лишенный дарования и человеческих добродетелей (разумеется, без того, чтобы превращать его в истинное чудовище в истории с открытием), но пусть он при этом не будет пупом земли и самым интересным для автора предметом.

Пусть уж автор решится на то, на что он в течение всей пьесы все решается, решается, да так и не может решиться: пусть объяснит в конце концов, что Ведерников — человек и не потерянный, и не столь уж худой, но в общем-то и помельче и понеинтереснее других, ибо хоть у него и есть таланты разного рода, но нет главного таланта — таланта быть настоящим человеком. Вот это-то надо в нем разоблачить, не загоняя его при этом во враги, не лишая его будущего, но лишив его того привычного интереса, который к нему в нынешнем варианте пьесы испытывают покуда что все окружающие лица, включая автора. Обязательно надо Арбузову переработать свою пьесу, доделать ее, повторяю: в ней чрезвычайно много талантливого и при всех ее серьезных пороках все же я ее единственную из тех пьес, что были у меня в руках, прочел одним духом, не по деловому побуждению, а по доброй читательской воле.

Константин Симонов.

25 ноября 1952 г.

Впервые — в журн. «Театр», 1985, № 10.

Анастасьев Аркадий Николаевич (1914—1980) — русский советский критик и театровед, в то время редактор «Литературной газеты» по разделу литературы и искусства.

Арбузов Алексей Николаевич (1908—1986) — русский советский драматург.

«Ведерников» — первоначальное название пьесы А. Арбузова «Годы странствий» (1950).

...такие прелестные образы, как образ Люси Ведерниковой... — Позднее, когда пьеса А. Арбузова была опубликована («Театр», 1954, № 3) и поставлена в Театре имени Ленинского комсомола (1954), Симонов подтвердил свою оценку. В «заметках драматурга» «Главное в жизни — главное в драматургии» он писал: «Не случайно, вспоминая ряд спектаклей и пьес, появившихся в последнее время, с теплотой и волнением думаешь прежде всего о живых, изображенных в борьбе и движении, характерах настоящих советских людей. Вспоминаешь неунывающего энтузиаста Павлика Тучкова и трогательную, нежную и в то же время несгибаемую Люсю Ведерникову из «Годы странствий» («Правда», 1954, 4 июля).

27 ноября 1952 г., Москва

Дорогой Николай Николаевич!

Мне передали товарищи, что Вы хотели дочитать мой роман, и просили прислать Вам оттиск двенадцатого номера. Я звонил Вам, но, видимо, опоздал со звонком,— Вас уже не было в городе. Посылаю Вам этот оттиск. Я не отвечал на Ваше письмо, потому что мне хотелось лично, а не в письменной форме, поблагодарить Вас за те очень дорогие для меня слова о моей книге, которые содержались в Вашем письме. Не буду кривить душой: Ваши добрые слова меня, попросту говоря, ужасно обрадовали. Тем более обрадовали, что книга эта, как мне кажется, моя первая серьезная попытка в прозе. Вместе с тем в таких хороших словах, как Ваши, есть что-то тревожное для меня. Оглядываешься на книгу — и перебирая ее глазами, я сейчас, когда первая горячка прошла, уже вижу, что многое все же вышло не совсем так, как хотелось, и, слыша добрые слова о книге, хочется для отдельного издания сделать еще что-то, чтобы она заслуживала эти добрые слова в большей степени, чем сейчас.

Буду очень рад, дорогой Николай Николаевич, если Вы, когда прочтете все, выскажете мне, что, по Вашему мнению, можно улучшить в книжке и сделать лучше, чем сейчас она есть.

Жму Вашу руку.

Глубоко уважающий Вас

К. Симонов.

Москва,
27 ноября 1952 г.

Впервые — в *ЛО*, 1985, № 10.

Асеев Николай Николаевич (1889—1963) — русский советский поэт.

...Вы хотели дочитать мой роман...— Роман «Товарищи по оружию».

...очень дорогие для меня слова о моей книге...— В большом письме Симонову от 28 октября 1952 г. Н. Асеев писал: «Разрешите мне поздравить Вас с большой и несомненной удачей — Вашим новым романом «Товарищи по оружию». Вчера я прочел его без отрыву и обрадовался не только за Вас, но и за всю нашу литературу, и, значит, частично и за себя» *(АКС)*.

...если Вы, когда прочтете все, выскажете мне, что, по Вашему мнению, можно улучшить...— Дочитав роман, Н. Асеев прислал Симонову новое письмо (от 15 декабря 1952 г.), содержащее разбор романа, в частности, он писал: «Только что кончил статью о «Товарищах по оружию». Как ни старался сказать в ней все, что мне думалось во время чтения и после него о романе, боюсь, сказал не так ясно и убедительно, как думал. Главная

мысль в том, что роман этот — роман большого плана литературы, что он в традиции «Войны и мира» и что об этом можно говорить без излишней оглядки на священность авторитета Толстого, сравнение с которым считается чересчур большой вольностью и натяжкой» *(АКС)*.

Н. А. МИХАЙЛОВУ

12 февраля 1953 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Николай Александрович!

8 апреля 1950 года в «Литературной газете» была опубликована статья проф. В. Колбановского «Волнующий вопрос», в которой говорилось о необходимости пересмотреть систему раздельного обучения в школах Советского Союза. Автор высказывал ряд убедительных доводов в защиту совместного обучения и предлагал Министерству просвещения и Академии педагогических наук тщательно изучить этот вопрос.

Статья проф. Колбановского вызвала широкий отклик среди читателей. Редакцией было получено свыше 800 писем от людей самых различных профессий: педагогов, учащихся и т. д. Громадное большинство из них высказывались за введение совместного обучения. И лишь очень малый процент авторов поступивших в редакцию писем считает необходимым сохранить раздельное обучение.

Ряд читательских писем, отражающих позиции защитников как совместного, так и раздельного обучения, были напечатаны в «Литературной газете». Был опубликован также отчет нашего ленинградского корреспондента об обсуждении статьи проф. Колбановского учителями Ленинграда.

24 августа 1950 года «Литературная газета» поместила редакционную статью «Волнующий вопрос надо решить». В статье подводились итоги дискуссии и высказывалась точка зрения редакции, считавшей совместное обучение наиболее отвечающим задачам воспитания молодого поколения в коммунистическом духе.

Со дня опубликования редакционной статьи прошло более двух лет, но и до сих пор в редакцию продолжают поступать письма читателей, в которых они запрашивают о том, какие практические выводы сделаны из дискуссии, разрешается ли вопрос о совместном обучении, когда, наконец, он будет разрешен и почему «Литературная газета» не довела до конца начатое дело.

Понимая не только важность, но и сложность этого вопроса, я, однако, и по сей день глубоко убежден, что для пользы дела необходимо совместное обучение. Это подтверждается все новыми и новыми фактами, говорящими о том, что раздельное обучение *отрицательно* влияет на моральный уровень нашей школьной молодежи.

Очень прошу Вас, ввиду важности вопроса, дать указание ознакомиться с весьма убедительными, на мой взгляд, материалами, собранными газетой.

Прилагаю письма читателей в 5 томах. Тома 1, 2, 3 содержат 518 писем сторонников совместного обучения, 4-й том — 64 письма сторонников раздельного обучения. В 5-м томе находятся письма, поступившие в редакцию после окончания дискуссии. Авторы их спрашивают о практических результатах дискуссии.

Глубоко уважающий Вас

Главный редактор «Литературной газеты»

К. Симонов.

12.II.53 г.

Михайлов Николай Александрович (1906—1982) — советский партийный и государственный деятель, в то время секретарь ЦК КПСС.

...систему раздельного обучения...— Во время Великой Отечественной войны, в 1943 г., в столицах союзных и автономных республик, в краевых, областных и крупных промышленных городах совместное обучение в школе мальчиков и девочек было заменено раздельным.

...практических результатах дискуссии.— Совместное обучение во всех школах было восстановлено Постановлением Совета Министров СССР от 1 июля 1954 г.

ВЛАСОВУ

21 марта 1953 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый товарищ Власов,

Вы адресовали мне как редактору «Литературной газеты» свое письмо, к которому приложена Ваша статья «Значительное достижение советской литературы», а в этой статье идет речь о романе К. Симонова «Товарищи по оружию».

Вы просите поместить Вашу статью в «Литературной газете» и пишете, что в то же время питаете очень мало надежды на это, потому что полагаете, что «Литературная газета» доступна только для профессионалов-литераторов, а не для рядовых читателей.

Это последнее суждение Ваше несправедливо. В «Литературной газете» довольно часто (надо еще чаще) печатаются письма или подборки писем читателей, высказывающихся по вопросам литературы. Но данный случай — особый. Я одновременно являюсь и редактором, и автором романа, о котором Вы пишете. Если бы Вы критиковали мой роман, я бы, не входя в обсуждение этой критики, передал бы Вашу статью на рассмотрение остальных членов редакционной коллегии, с тем чтобы они решили, печатать или не печатать ее в газете. Но Вы в своей статье выносите моему роману

безоговорочно положительную оценку. Посудите сами, могу ли я, являясь редактором газеты, дать согласие на то, чтобы в ней был напечатан читательский отзыв-статья, в которой моей книге дается безоговорочно положительная оценка? Если бы я так поступил, то не окажутся ли другие читатели вправе сказать, что редактор газеты использует свое служебное положение для того, чтобы на страницах редактируемой им газеты хвалили его как писателя?

Думаю, что товарищи, которые сделали бы такой вывод, были бы правы, а поэтому я, дав согласие на напечатание Вашего отзыва-статьи, был бы неправ.

Таким образом, во-первых, я лично, как писатель, благодарю Вас за доброе мнение о моем романе, хотя, мне кажется, в нем есть ряд недостатков, которые Вы не отметили и над устранением которых я намерен поработать, прежде чем издать роман отдельным изданием. Как редактор я вынужден вернуть Вам Вашу рукопись, отказавшись от печатания ее в «Литературной газете» по изложенным выше причинам.

Уважающий Вас

К. Симонов.

21 марта 1953 г.

Впервые — в *ЛО*, 1985, № 10.

Н. М. ЧЕРНЫШЕВСКОЙ

6 апреля 1953 г., Москва

Глубокоуважаемая Нина Михайловна!

Прежде всего благодарю Вас за Вашу книгу, которую прочитал с большим интересом. С удовольствием посылаю Вам книгу и для Дома-музея, и для Вас.

Разумеется, я буду очень рад оказаться в Саратове в юбилейные дни, но не могу еще сейчас твердо сказать — удастся ли это, поскольку мне приходится работать и в «Литературной газете», и в Союзе писателей, и в таких случаях, при выездах, нам приходится распределять между собой обязанности: одни едут, другие остаются. Словом, еще не знаю, как это сложится.

Мне думается, что все мы, советские литераторы, столь многим обязаны Чернышевскому, его творчество на всех нас оказало столь большое непосредственное влияние, что, говоря на эту тему, просто невозможно ограничиться несколькими фразами. На эту тему надо писать или статью, или, во всяком случае, широкий писательский отклик. В этом же письме я бы хотел только сказать Вам, что для меня с юных лет Чернышевский был дорог не только как писатель, меня сильно привлекал и продолжает привлекать его человеческий

облик. Мне казалось и кажется, что если я когда-нибудь займусь историческими темами, то, быть может, самой интересной и привлекательной будет для меня тема Чернышевского, тема редакции «Современника» в 60-е годы.

Этой зимою я посмотрел в Москве два спектакля: «Новые люди» в Театре Ленинского комсомола и «Мастерица варить кашу» в Центральном театре Советской Армии. Первый спектакль смотрел с глубоким волнением. Второй — с величайшим удовольствием. И снова и снова с горечью думал о том, в какого титанического писателя по силе художественного таланта мог бы развернуться Чернышевский, не сложись так трагически его дальнейшая судьба.

У нас очень много написано о значении, о роли в истории русской литературы и русской общественной мысли романа «Что делать?», но, ей-богу, еще очень мало, слишком мало написано о размахе художественного дарования Чернышевского, размахе дарования, которое уже в романах «Что делать?» и в незаконченном «Прологе» проявилось с таким блеском, что Чернышевский стал в ряд лучших русских прозаиков. Но сколько же и как хорошо могло быть написано им еще! Я очень люблю «Пролог». Он принадлежит к числу тех книг, о которых бесконечно обидно думать, что они не закончены. Я люблю эту книгу за высокое художественное мастерство и за то, что за столь многими ее страницами угадываются черты неповторимого личного облика Чернышевского. Эта книга, как будто лежащая в целом в традиции современной Чернышевскому русской классической литературы, в то же время чем-то удивительно самобытна, непохожа на все остальное, и прежде всего выведенными в ней людьми, за которыми угадывается та молодая Россия, которую он знал как никто другой, так как сам был лучшим ее представителем, и которую описал с необычайным проникновением и точностью, несмотря на тот своеобразный, окрашенный удивительным «чернышевским» юмором эзоповский язык, к которому ему приходилось прибегать.

Обо всем этом как-то чрезвычайно живо вспомнилось ныне, когда я смотрел спектакли, и снова вспоминается сейчас, когда я пишу Вам это письмо.

Крепко жму Вашу руку, глубоко уважающий Вас

Константин Симонов.

Москва, 6 апреля 1953 г.

Впервые — в *ВЛ,* 1982, № 5.

Чернышевская Нина Михайловна (1895—1975) — русский советский литературовед, внучка Н. Г. Чернышевского, в то время директор Дома-музея Н. Г. Чернышевского в Саратове.

...в юбилейные дни...— 24 июля 1953 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Н. Г. Чернышевского.

В. А. СЫТИНУ

5 ноября 1953 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Виктор Александрович!

Я знаю, что в издательстве «Советский писатель» рассматривается рукопись молодого поэта Поженяна (воспитанника Литературного института). Мне, как поэту, хотелось бы сказать о ней и свое слово. Я читал эту рукопись, в частности поэму «Ольховатка» читал дважды в разных вариантах; сейчас она все еще не вполне готова, но намного выросла по сравнению с первым вариантом. Мне думается, что Поженян человек с серьезными способностями и принадлежит к числу тех молодых поэтов, с которыми есть смысл работать. Книга его еще не до конца сложилась, может быть, ему еще и годик придется над ней посидеть, прежде чем она будет готова для набора, но мне кажется, очень необходимо дать этому человеку надежду на реальность выхода его книги — пусть после долгой работы, прикрепить к нему уже сейчас редактора и, если есть такая возможность, заключить соглашение на небольшую сумму, если это последнее сделать невозможно, то первые пункты выполнить было бы очень полезно. Разумеется, все сказанное здесь — мое сугубо личное мнение поэта, прочитавшего книжку другого поэта.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

5 ноября 1953 г.

Впервые — в *ЛО,* 1985, № 10.

Сытин Виктор Александрович (р. 1907) — русский советский писатель, в то время зав. отделом русской прозы и поэзии издательства «Советский писатель».

Поженян Григорий Михайлович (р. 1922) — русский советский поэт.

...выхода его книги... — Г. П о ж е н я н. Ветер с моря. Стихи и поэмы. М., «Советский писатель», 1955.

А. К. КОТОВУ

9 ноября 1953 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Анатолий Константинович!

Недавно я получил письмо от одного читателя, который жалуется, как мне кажется, очень справедливо, на то, что уже много-много лет не выходит из печати замечательная книга Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Я обещал довести его

соображение до сведения издательства, а со своей стороны присоединяюсь к голосу этого читателя: почему бы в самом деле не переиздать Швейка, если понадобится — снабдив предисловием и отбросив те соображения ложного пуризма, которые, как мне кажется, в течение ряда лет удерживали разные редакции от переиздания этой замечательной книги, которую, кстати сказать, очень любит наш читатель.

Уважающий Вас

К. Симонов.

9.XI.53 г.

Впервые — в *ЛО*, 1985, № 10.

Гашек Ярослав (1883—1923) — чешский писатель. Его роман «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (1921—1923) был в послевоенное время впервые переиздан в Гослитиздате в 1956 г.

С. В. ГИАЦИНТОВОЙ

7 июня 1954 г. ⟨Москва⟩

Многоуважаемая Софья Владимировна!

Я прочел присланную мне из театра пьесу Константина Яковлевича Финна и должен откровенно сказать, что, несмотря на все добрые субъективные намерения автора, она на меня в общем произвела тягостное впечатление,— отчасти сама по себе, отчасти потому, что целый ряд ее мотивов еще одно, десятое, а может быть двадцатое или тридцатое повторение уже читанного в последнее время. Странная происходит история в целом ряде пьес. Выходит так, что у людей среднего поколения — заевшихся, запутавшихся, разложившихся, переродившихся, ставших карьеристами, снабженных кучей буржуазных замашек и обыкновений,— растут хорошие (в общем почти все), чистые и принципиальные дети, осуждающие своих отцов и матерей. Возникает сразу два вопроса: во-первых, что это за мнимо переродившееся поколение и с кого портреты эти пишут? А если и берут отдельных подобных типов, существующих в жизни, то почему за душой у авторов не находится пафоса для того, чтобы показать хороших людей этого поколения, которых подавляющее большинство, и руками этих людей разоблачить и придушить дрянь? Откуда такое представление о целом поколении, которое, между прочим, доблестно провело войну, приняло на свои плечи ее тяжесть и справилось с этой тяжестью, вывозило в тыл промышленность и обеспечивало армию всем необходимым, а после войны восстанавливало страну, по крайней мере на треть лежавшую в руинах? Почему же это поколение из пьесы в пьесу изображается в кривом зеркале? В чем тут дело?

В незнании, в непонимании, в обывательском недоброжелательстве или в том, в другом и третьем вместе взятом? Это вопрос первый.

Второй вопрос — откуда у этих, таких плохих и беспринципных (судя по некоторым пьесам) людей такие хорошие, принципиальные (судя по тем же пьесам) дети? Кто воспитывал этих детей? Что, они родились в другой социальной обстановке, что, они стали вопреки воспитанию, так сказать, «потерянного» поколения родителей? Откуда такая странная, чтобы не сказать больше, концепция?

Что касается непосредственно пьесы Финна, то Константин Яковлевич Финн как был, так и остался человеком даровитым. В его пьесе рассеяно много живых человеческих наблюдений, многие разговоры написаны с душой и знанием людской психологии (так сказать, психологии вообще). Но за всем этим стоит потеря ощущения больших процессов, происходящих в жизни и, по-моему, отсутствие настоящего знания этой жизни, замененной на самом деле несложными, хотя внешне как будто мнимо психологически тонкими конструкциями, общими для многих пьес этого типа. Я могу набрать в этой пьесе немало талантливых реплик, удачных кусочков, интересных сцен, в ней есть очень милые образы молодых людей — юношей и девушек, однако все здание в целом рассыпается, а юноши и девушки, милые сами по себе, поставлены автором в такую ситуацию, когда перестаешь верить в их поступки, а их функции в пьесе оказываются на грани очень большой и нехорошей фальши. Я знаю, что в последнее время Финна из пьесы в пьесу преследует неудача, и мне очень тяжело писать такие вещи, которые я пишу, тем более что, может быть, тут и часть нашей вины — Союза писателей, потому что мы не удосужились поговорить с человеком как следует, по душам, помочь ему понять то, что он не понимает, а он, по-моему, многого не понимает. Однако, при всем том, если бы меня спросили: как поправить эту пьесу, как ее переделать,— я бы ответил, что не очень-то себе могу представить, как это можно сделать и вообще возможно ли это.

Вот некоторые краткие соображения, которые, не откладывая в долгий ящик, я хотел изложить Вам.

Пьесу прилагаю.

Уважающий Вас

Ваш *Константин Симонов.*

7 июня 1954 г.

Впервые — в журн. «Театр», 1985, № 11.

Гиацинтова Софья Владимировна (1895—1982) — русская советская актриса и режиссер, в то время главный режиссер Театра имени Ленинского комсомола.

...пьесу Константина Яковлевича Финна... — Финн Константин Яковлевич (1904—1975) — русский советский писатель. О какой пьесе идет речь, установить не удалось.

...преследует неудача...— В предыдущем году, например, на заседании комиссии по драматургии Союза писателей резко критиковалась пьеса К. Финна «Одинокая женщина» — см. «Итоги драматургического года» (*ЛГ*, 1953, 31 января).

...помочь ему...— Следующая, удавшаяся К. Финну пьеса «Ошибка Анны» была напечатана в «Новом мире» (1955, № 10), главным редактором которого был тогда Симонов.

БАЗАРОВУ

27 января 1955 г., Москва

Дорогой товарищ Базаров!

Мне переслали из редакции «Литературной газеты» Ваше письмо-статью. К сожалению, я не смог Вам сразу написать из-за того, что была очень горячая пора подготовки к съезду, потом проведение его, и я всецело был занят только этим.

Благодарю Вас за то, что Вы так внимательно прочли мою книжку. Мне кажется существенным Ваше замечание по поводу Климовича, почты и посылки денег. Я исправлю это место в романе при новом издании его. Мне кажется также весьма существенным Ваше описание ряда фактов во время Баин-цаганского сражения. Некоторые из этих фактов я тоже постараюсь принять во внимание при новом издании романа.

Однако есть один вопрос, по которому я бы не хотел с Вами спорить, потому что дело тут не в споре, а просто я хотел бы объяснить свою авторскую позицию. Роман мой построен на историческом материале, но я не случайно не стал называть его хроникой или художественно-документальной повестью. Нет, это — роман, то есть художественное произведение, в котором в реальной обстановке действуют вымышленные герои. Я прекрасно знаю о гибели Яковлева, также хорошо знаю, что руководил переговорами не Яковлев и не Сарычев, а Потапов, знаю хотя бы потому, что и сам участвовал в этих переговорах. Знаю также, что не было такого факта в 11-й танковой бригаде, чтобы во время похода через пустыню назначался новый командир батальона. Знаю потому, что был знаком на Халхин-Голе с рядом людей, о которых Вы упоминаете, в частности с Михайловым и Агибаловым. Но, взяв за основу действия 11-й танковой бригады, я не случайно не назвал ее «одиннадцатой танковой бригадой», не случайно дал вымышленное имя командиру бригады, а сделал это сознательно, именно потому, что писал р о м а н, а не документальное произведение. Вопрос этот очень сложный, и он сложен не только в применении к Халхин-Голу. Мне вот предстоит сейчас писать следущий роман, касающийся Великой Отечественной войны. Там я тоже буду брать в тех

или иных случаях те или иные конкретные участки фронта, на которых дрались совершенно в конкретные дни и числа конкретные части, конкретные командиры. Однако у меня в романе наряду с некоторыми историческими лицами будут действовать вымышленные герои — так же, как в любом другом романе. Поэтому мне кажется, что, если общая картина описания халхин-гольских боев, если общая картина описания боев Великой Отечественной войны будет правдивой, то несправедливо упрекать писателя, который пишет роман, а не хронику и не историческое сочинение, в том, что он написал неправду, если у него на том или ином участке фронта будут действовать вымышленные герои, собирательные лица, а не те командиры с подлинными фамилиями, именами и отчествами, которые в тот момент там были. Я думаю, что было бы очень хорошо, если бы кто-нибудь взялся за развернутый исторический очерк событий на Халхин-Голе. Они заслуживают того, чтобы быть детально описанными в военно-исторической литературе. Но я, работая над книгой «Товарищи по оружию», повторяю, ставил себе цель написать не историческое исследование, а роман.

Еще раз благодарю Вас за Ваши конкретные замечания.

Уважающий Вас

К. Симонов.

Москва, 27 января 1955 г.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

...была очень горячая пора подготовки к съезду... — 15—26 декабря 1954 г. проходил Второй Всесоюзный съезд советских писателей; К. Симонов делал на съезде содоклад «О советской художественной прозе».

...Ваше замечание по поводу Климовича, почты и посылки денег. — В первом варианте романа Климович из Монголии по почте переводил деньги в Советский Союз («Капитан Климович, как всегда пятнадцатого числа, зашел туда, чтобы перевести деньги теще в Бобруйск. Отправив деньги...» — *НМ*, 1952, № 10, с. 9; то же на с. 11), что было невозможно. В последующих изданиях автор исправил эту ошибку.

...во время Баин-цаганского сражения... — См. примеч. к письму А. Жадову от 23.IV.52 г.

Я прекрасно знаю о гибели Яковлева... — Яковлев Михаил Павлович (1903—1939) — советский военачальник, комбриг, Герой Советского Союза, во время боев на Халхин-Голе командир 11-й танковой бригады. Яковлев погиб на Халхин-Голе 12 июля 1939 г., поднимая в атаку залегшую под огнем пехоту.

...руководил переговорами не Яковлев и не Сарычев, а Потапов... — Сарычев — персонаж романа К. Симонова «Товарищи по оружию». Потапов Михаил Иванович (1900—1965) — советский военачальник, генерал-полковник; во время боев на Халхин-Голе полковник Потапов был замести-

телем командующего 1-й армейской группы, возглавлял переговоры с японским командованием, о которых идет речь в письме Симонова.

...был знаком на Халхин-Голе... в частности с Михайловым и Агибаловым...— Михайлов Григорий Михайлович (1901—1942) — полковник, Герой Советского Союза; во время боев на Халхин-Голе майор Михайлов командовал танковым батальоном 11-й танковой бригады. Агибалов Михаил Павлович (1911—1941) — капитан, Герой Советского Союза; во время боев на Халхин-Голе командир танковой роты 11-й танковой бригады.

...предстоит сейчас писать следующий роман...— Речь идет о романе «Живые и мертвые».

ПЕТРЕНКО

27 января 1955 г., Москва

Уважаемый товарищ Петренко!

Получил Ваше письмо. Получил стихотворение тов. В-ова, а также письма Лихарева и Демыкиной.

Сначала о стихотворении. Стихотворение т. В-ова, по-моему, просто-напросто слабое, я бы даже сказал — плохое, хотя и вполне грамотное. Такие грамотные стихи, вообще говоря, при старании может написать каждый человек, получивший образование и приложивший к этому делу некоторое старание. Я не хочу этим сказать, что тов. В-ов не может писать лучше, нельзя судить о способности человека по одному стихотворению. Бывает, человек напишет и десяток и сотню плохих стихов, а потом постепенно, работая, приобретая навык, начинает писать лучше. Но эти-то вот стихи плохие, и, как видно, дело рецензентов было так прямо и сказать тов. В-ову. В этом смысле т. Лихарев, пытаясь мотивировать поподробнее, написал в своем отзыве много лишнего. Читая отзыв, можно подумать, что дело идет не о стихотворении, а об очерке, в котором плохо показан «вчерашний и сегодняшний день степного города». А дело идет просто о нескольких плохих строфах. Вот и все. И так и надо было в двух словах ответить тов. В-ову: «Стихи Ваши очень слабые, для печати они никак не могут подойти». К сожалению, у нас очень часто почему-то боятся обидеть автора, сказав ему правду, боятся загубить дарование и пишут на явно плохие стихи такие половинчатые отзывы, получив которые человек, неспособный к поэзии, начинает считать себя способным, начинает засыпать редакции новыми и новыми стихами, получать на них новые отзывы, и так годами и не слышит настоящей правды. Иногда такие половинчатые ответы оправдывают боязнью загубить дарование слишком резким отзывом. Я не согласен с таким мнением. Если у человека есть дарование, упорство, воля к победе,— а без этого всего стихи никогда не выйдут,— то резкий отзыв и один,

и другой, и десятый не заставят его бросить перо, а только заставят задуматься над тем, как ему работать, заставят лучше работать. Лет двадцать назад со многими своими стихами я порядочно помучился. Многие из них так и не напечатал, хотя они мне тогда казались очень хорошими, вернее, не я их не напечатал, а мне их не напечатали, и очень правильно, как я сейчас понимаю, сделали. А некоторые стихи перебывали в десяти редакциях, прежде чем я их напечатал после многих огорчений и многих доработок. Но сейчас я эти стихи не включаю ни в одну из своих книжек. Я тогда был очень счастлив, напечатав их, но если бы их нигде не напечатали тогда, никакой беды со мной не произошло бы — напечатал бы через год или два другие стихи, которые были бы лучше, начал бы не с этого, а с другого попозже.

Думаю, что вы не правы, если обижаетесь на ответ Лихарева, потому что он верен по существу: стихи плохие, печатать их нельзя и не надо. Зря только Лихарев этот простой вывод снабдил всякими наукообразными доводами.

Что касается отзыва тов. Демыкиной, то, видимо, она, работая в таком ответственном органе, как «Правда», в данном случае недостаточно ответственно подошла к своему делу, принесла вред молодому автору, во-первых, написав о его плохом стихотворении, что он его хорошо доработал, и, во-вторых, рекомендовав направить это стихотворение в журнал «Звезда». Консультанту должно быть ясно, что стихотворение слабое и что оно по своему уровню никак не может претендовать на то, чтобы быть напечатанным в журнале «Звезда». Если же т. Демыкина ошибалась и ей искренне понравились эти слабые стихи, то она должна была бы не рекомендовать их в «Звезду», а пойти в отдел литературы и искусства в «Правде» и предложить это стихотворение для опубликования. В этом случае работники отдела литературы и искусства «Правды», безусловно, разъяснили бы ей, что это стихотворение слабое, что печатать его нельзя. Таким образом, тов. В-ов не был бы дезориентирован.

И еще об одном важном вопросе. В редакции журналов и газет поступают тысячи стихотворений начинающих авторов. Помню, что когда я работал в «Литературной газете», туда приходило не менее 15—20 тысяч рукописей в год. Из них добрая половина на имя редактора газеты, то есть на мое имя. Спрашивается, можно ли редактировать газету и самому давать отзывы на все эти стихи? Как газетчик, Вы, разумеется, скажете — нет!

Поставлю второй вопрос. Можно ли даже целому отделу писем с десятком консультантов на все эти 20 тысяч стихотворений, на каждое из них отвечать одинаково подробно, развернуто? Думаю, что нет. Добавлю — этого и не нужно делать, это будет писание ответов для отчетности. Для того, чтобы «как бы чего не вышло», как бы тот или иной автор не пожаловался, что ему недостаточно

подробно ответили. Отвечать всем одинаково подробно — значит заниматься уравниловкой, перестраховкой. Когда плохо, безнадежно плохо, надо отвечать кратко и честно, именно в силу уважения к человеку, которому ты отвечаешь. Надо подавать таким людям прямые, честные советы: заниматься своим непосредственным делом и не отвлекаться на стихи, которые у них не выходят, и уж во всяком случае не заботиться о продвижении стихов в печать.

Другое дело, когда в стихах, еще неумелых, иногда недостаточно грамотных, пробивается поэтическое чувство, блестят хотя бы искры поэзии,— вот тогда надо не жалеть ни времени, ни труда на переписку с автором этих стихов, вот тогда надо с ним работать. Надо уметь сказать «нет», надо уметь сказать «плохо», уметь сказать это коротко и за счет сэкономленного на этом времени надо иметь терпение и труд тщательно и иногда подолгу работать с людьми, обнаружившими признаки дарования.

Таково мое личное мнение по поводу той большой консультантской работы, которая проводится в наших редакциях. Отвечаю Вам подробно потому, что вопрос, поставленный Вами, мне кажется важным.

Товарищу В-ову передайте привет, и если у него настоящая страсть писать стихи и настоящий характер, то он будет писать стихи еще и еще, и, быть может, рано или поздно у него начнет получаться (быть может, и нет, бывает и так). Если же он испытывает чрезмерное «чувство горечи» из-за отказа редакции напечатать его стихотворение, то это зря. Надо быть злей — не на редакторов, а на себя, злиться на себя за то, что еще не получается так, как должно получиться, так, чтобы взяли, должны были взять, не могли не взять и не напечатать. Вот если у человека вместо горечи бывает такая хорошая злость в работе, тогда из него может получиться поэт.

Жму Вашу руку. Благодарю за поздравление с Новым годом, желаю Вам и всем Вашим товарищам по газете хорошей работы, хороших успехов в наступившем Новом году.

Ответил с некоторым опозданием, потому что был в отъезде.

С уважением

Константин Симонов.

Москва, 27 января 1955 г.

Впервые — в *ЛУ*, 1982, № 2.

Лихарев Борис Михайлович (1906—1962) — русский советский поэт.

Демыкина Галина Николаевна (р. 1925) — русская советская писательница.

...когда я работал в «Литературной газете»... — К. Симонов был главным редактором «Литературной газеты» в 1950—1953 гг.

8 мая 1955 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемая Вера Федоровна!

Я с большим удовольствием и радостью прочел Вашего «Сережу». В повести Вашей много света и добра. Меня особенно глубоко взволновал Коростылев и вся история их отношений с Сережей. И сила любви ребенка, и сила его обиды, и глубина его чувств — все это обещает в будущем настоящего человека.

Жизнь кругом мальчика нелегкая, люди не идеальные, но через него, через его восприятие чувствуешь, что это люди настоящие, с душой и сердцем. Мне особенно был дорог конец повести, с порывом Коростылева, которого мучительно ждешь,— и это очень хорошо, что ждешь.

Повесть очень понравилась, но я хотел бы написать Вам и несколько слов о том, что не понравилось. Мне показалось, что кое-где есть в ней противные, не идущие к общему тону, детали — вроде бородавки у прабабушки. Есть и в других местах несколько таких, условно говоря, «бородавок».

Сцена опьянения мальчика, а главное, как он просыпается — мне не легла на душу. Она, во всяком случае, как мне кажется, слишком подробна.

Есть какие-то лишние детали и в сцене у гроба бабушки. Контраст смерти и жизни так силен здесь, что одну-две уродливых детали можно изъять,— контраст от этого не уменьшится ни на йоту.

Мне показался до известной степени инородным телом в повести кусок с человеком, вернувшимся из тюрьмы. Очевидно, ощущение это возникло потому, что этому проходному эпизоду в повести придано излишнее, на мой взгляд, значение, он слишком развернут. Мне кажется также, что когда Коростылев как-то особенно подчеркнуто добр, готов помочь в этом случае и когда вслед за этим тут же выясняется, что он снят с работы, то невольно возникает ощущение, что то и другое сдвинуто рядом не случайно. Создается ощущение, что один человек, попавший в беду, с подчеркнутой готовностью помогает другому. А это не идет к облику Коростылева, ибо уж больно разные тут беды, не рождающие аналогии — «со всяким может случиться».

Мне бы очень хотелось, чтобы Вы подумали над этими моими немногочисленными товарищескими критическими замечаниями — насколько они кажутся Вам верными и приемлемыми.

В общем, мы были бы рады видеть Вашу повесть на страницах «Нового мира», и в принципе могли бы ее напечатать в 7—8 номерах (в одном из них, разумеется).

Но вот какой вопрос возникает, вопрос, о котором хочу написать Вам вполне откровенно, чтобы знать Ваше мнение: в сентябре, когда я приехал в Москву, взялся за редактирование «Нового мира», А. Г. Дементьев, собираясь в Ленинград, сказал мне, что с Вами вел переговоры «Октябрь» и чуть ли не предложил Вам договор, кажется, даже уже подписанный. Меня это смутило, ибо последнюю вещь Вы печатали в «Новом мире», и я, как вновь назначенный редактор этого журнала, считал себя вправе заявить о намерениях нового состава редакции по отношению к Вам, как к автору, предложив Вам заключить договоры на новые Ваши вещи.

Вскоре А. Г. Дементьев вернулся с подписанными договорами на «Сережу» и на Ваш новый роман. После этого я стал ждать, когда Вы пришлете нам повесть.

В середине апреля ко мне пришел М. Б. Храпченко и заявил следующее: «Я оставил в пятой книге «Октября» специально пять свободных листов для повести В. Пановой, которую она обещала мне дать в этот номер. Но вчера она отказала мне в этом».

Далее он сообщил мне, что у Вас с «Октябрем» был договор, что по этому договору «Октябрь» перевел Вам 25 % и что Вы, по его словам, до последнего дня не ставили его в известность о том, что Вы намерены передать свою повесть в «Новый мир».

Я со своей стороны ничего не мог сказать ему, ибо, честно говоря, был уверен, что после заключения договора с «Новым миром» Вы поставите «Октябрь» в известность о том, что решили отдать повесть в другой журнал и так или иначе тогда же урегулировали свои отношения с «Октябрем».

После Храпченко ко мне обратилась В. К. Кетлинская с просьбой дать согласие на параллельную публикацию повести в «Ленинградском альманахе», сообщив, что Вы предоставляете решение по этому вопросу «Новому миру». Я, к сожалению, вынужден был отказать Вере Казимировне, ибо считал, что параллельно печатать повесть в двух местах не следует. После всего этого вскоре М. Б. Храпченко обратился ко мне уже как к секретарю Союза с документами по договору с Вами и с просьбой поставить вопрос на Секретариате, ибо считал, что ясность в таких вопросах только полезна.

В итоге сейчас мы имеем дело с тремя договорами на «Сережу»: первый с «Ленинградским альманахом», второй с «Октябрем», третий с «Новым миром» — и с тремя редакторами, каждый из которых говорит, что он имел все основания считать, что повесть была предназначена Вами для печатания в его органе. Не берусь судить, не поговорив с Вами, как дело обстояло и обстоит в действительности, но убежден, что внести в него ясность было бы очень важно и ради доброго имени автора, и ради доброго имени редактора, печатающего в итоге Вашу повесть.

Хочу еще раз повторить — повесть Ваша мне очень дорога, поймите меня правильно, я очень хочу ее напечатать, и в то же время Вы бы сняли у меня камень с души, если б объяснили, как все было на самом деле.

Жму Вам руку.

Уважающий Вас

К. Симонов.

8 мая 1955 года.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Панова Вера Федоровна (1905—1973) — русская советская писательница.

...последнюю вещь Вы печатали в «Новом мире»... — Речь идет о романе «Времена года», опубликованном в *НМ*, 1953, № 11, 12.

...Ваш новый роман. — Речь идет о «Сентиментальном романе» (1958).

Храпченко Михаил Борисович (1904—1986) — русский советский литературовед, академик; в то время главный редактор журнала «Октябрь».

Кетлинская Вера Казимировна (1906—1976) — русская советская писательница.

...внести в него ясность было бы очень важно... — Отвечая Симонову на это письмо и одновременно на письмо от 2 июня 1955 г., В. Панова писала 10 июня 1955 г.: «...я получила присланные Вами 25 000. Еще раз большое спасибо. Все мои журнальные и альманашные обязательства по поводу «Сережи» ликвидированы полностью, о чем все редакторы поставлены в известность. В т. ч. и Вам, на адрес редакции, я написала, что договор наш на «Сережу» расторгается и что деньги мною перечислены на расч. счет «Известий».

Сейчас, будучи совершенно свободной от обязательств, я Вам все же посылаю (на адрес редакции) повесть «Сережа» и прошу ее рассмотреть; она вчерне мною отредактирована, и в случае, ежели она Вас устроит, я бы хотела напечатать ее в Вашем журнале» *(АКС)*.

С. Н. ГОЛУБОВУ

9 мая 1955 г., ⟨Москва⟩

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

Вот некоторые из соображений о нашей военной прозе, которые возникли у меня, когда я думал на эти темы.

Первое: о воспитании характера героя, о военной специфике и в то же время об отсутствии ее.

Если проследить всю историю развития советской прозы, то

легко заметим, что ко всем ее наиболее примечательным героям легко применимо определение «солдат революции».

В самом деле, возьмем ли мы Кожуха из «Железного потока», или Левинсона, или Клычкова, равно в той же мере, как и Чапаева или Алешу Маленького, Суркова или Мартемьянова — трех совершенно разных людей из книги «Последний из удэге», или Павла Корчагина, или героя леоновской «Дороги на океан» — Курилова, или самых разных героев романа Павленко «На востоке», или Рагозина и Извекова Федина, героев «Моего поколения» и «Обыкновенной Арктики» Горбатова, шолоховского Давыдова и героев книг Макаренко, панферовского Ждаркина (такого, каким он написан поначалу), гладковского Глеба Чумалова — примеры можно множить и множить,— ко всем этим людям слова «солдат революции» не только вполне применимы, но являются наиболее точным определением существа их деятельности независимо от того, на каком фронте они воюют: на фронтах гражданской войны, или на фронте борьбы с разрухой, или на фронте ликвидации безграмотности, или на фронте борьбы с беспризорностью, на фронте индустриализации или на фронте коллективизации. При этом будет вполне естественно применить к ним не только слова «солдат революции», но и слово «фронт». И дело тут опять-таки не в словах, а в характере деятельности, в том, что все эти, часто сугубо мирные по внешности дела, которыми они занимаются, стали участками фронта борьбы за революцию, за победу ее. Это важнейшая черта прозы довоенного времени, черта, связанная с самим характером общества, изображаемого в литературе.

Люди расставались с войной, чтобы взяться за книгу, шли из партизан в рабфаковцы, из рабфаков по комсомольскому и партийному набору шли во флот, из вузов в танковые части, с гражданской политработы на армейскую и с армейской на гражданскую, из начальников политотделов МТС в начальники политотделов дивизий и наоборот. Комсомольцы, участвовавшие с оружием в руках в раскулачивании, попадали в пограничные отряды, а демобилизованные пограничники ехали в деревню ставить колхозы.

Это единство ощущения одного и того же делаемого тобой дела, где бы ты ни находился — на «гражданке» или в армии, проявлялось и в самой резкой, откровенной форме, и в форме прикрытой, не бросающейся в глаза, но такое единство существовало в сознании как нечто естественное, и это и было самое главное. В этой обстановке не было почвы для воспитания узкоремесленнической профессиональной кастовости в армии (я уже не говорю об отсутствии социальных предпосылок). В этой обстановке у человека, переходящего с гражданской службы на армейскую, не возникало ощущения, что он переходит в совершенно иной, ни с какой стороны ему не привычный мир.

Второе: о факторах мирного времени, готовивших людей к испытаниям войны.

Эти факторы многочисленны и разнообразны. Прежде всего, сама психологическая, идейная готовность к жертвам, высшей формой которой является готовность пожертвовать жизнью в бою, воспитывалась пятилетками, мобилизацией на самые трудные участки работы (тысячники, 25-тысячники, мобилизация комсомольцев на Дальний Восток и т. д. и т. п.). Темпы строительства при факте существования капиталистического окружения — или мы станем индустриальной страной, или нас сомнут — были темпами, требующими жертв, величайшего напряжения, готовности к тяжелым бытовым неудобствам, к ломке привычной жизни, к разлукам, ко многому из того, что в других обстоятельствах людям приносит только война.

Такое понятие, как трудовая дисциплина, понятие в решительный момент и очень жестокое, и в то же время связанное с сознательной готовностью людей подчинить себя этой дисциплине — это тоже фактор, готовивший людей к трудностям войны.

Не хочу перечислять всего, хочу подчеркнуть существо вопроса: привычка к дисциплине, сознательный характер ее, сознательная готовность идти на лишения во имя победы и частной маленькой, и — в итоге — общей большой, закалка характера в условиях коллективных усилий, воспитание презрения к поступкам трусов (дезертиры с трудового фронта) — все это, вместе взятое, не есть ли картина мощной, всеобъемлющей подготовки народа к возможным испытаниям будущей войны?

Третье: о войне как рубеже в сознании человека.

Этот вопрос связан с предыдущим. Здесь особенно наглядно видна разница между нашей страной и странами капиталистического лагеря. На чем зиждилась психологическая подготовка народа к войне, скажем, в Германии? На пропаганде идеи реванша, на пропаганде идеи расового превосходства, на открыто милитаристской пропаганде, вдобавок с обещанием быстрой и решительной победы. (Это очень важная составная часть предвоенной пропаганды не только в прошлом, а и в настоящем. Стоит в этом смысле задуматься над характером военной пропаганды сейчас в Соединенных Штатах.) Стремление внушать населению, что война будет решена быстро, сравнительно легко, обусловливается не только авантюристическим характером Гитлера, но и уверенностью, что при таком характере пропаганды легче двинуть народ на войну, легче столкнуть под гору этот камень.

У нас в предвоенный период психологическая подготовка к войне не была связана ни с пропагандой захвата земель, ни с пропагандой национального превосходства, ни вообще с попытками воспитать молодежь в духе милитаризма. Однако к рубежу войны

наш народ подошел более подготовленным к ее испытаниям, чем, скажем, немцы, не говоря уже о французах, англичанах или американцах. Пришел подготовленным потому, что народ был воспитан на коллективных героических усилиях для достижения общей цели, на коллективных жертвах во имя будущего, на всем том, о чем я писал выше. И можно выразить уверенность, что развернись в 41 году события диаметрально противоположным образом, осуществи мы вторжение в Германию, поставив ее в военном смысле в то отчаянное тяжелое положение, о котором говорил Сталин в применении к нашим самым тяжелым временам,— то думается, что Германия рухнула бы. Рухнула быстро, ибо само неудачное катастрофическое начало войны подрубило бы сразу те основные столбы, на которых держалась милитаристская подготовка. У нас же испытания, жертвы, потери, лишения оказались тяжелее, чем кто-нибудь мог себе вообразить, но и опыт народа в преодолении всякого рода титанических трудностей оказался величайшим фактором в нашей готовности к испытаниям войны, позволил нам вынести эти неимоверные испытания.

Мне кажется, что вышеприведенные соображения относительно готовности нашего народа к войне имеют прямое отношение и к тому характеру изображения, который уже получила Великая Отечественная война в произведениях наших писателей, и к тому характеру изображения ее, какой она должна — и несравненно более широкий, чем до сих пор,— получить впоследствии.

В первые годы войны мне довелось побывать на разных тяжелых участках фронта, и, должен сказать, в общем, я редко встречался с казенным бодряческим, шапкозакидательским оптимизмом, со вслух высказанными надеждами, что все — раз-два, и переменится к лучшему, и мы — раз-два, и будем в Берлине. Попадались, конечно, и такие люди, но людей таких, как правило, презирали: в одних случаях — за глупость, в других — за неискренность, а больше всего за душевную слабость, мешающую смотреть правде в глаза.

Но вот вопрос — что значило в эти тяжелейшие дни войны смотреть правде в глаза, что подразумевалось под этим словом? Случалось ли, что люди считали, что раз немцы так далеко зашли, стало быть, все пропало и, глядя правде в глаза, надо признать: война проиграна? Да, бывало и так. Но, по моим наблюдениям, с учетом невероятно тяжко сложившегося положения, случаи такого смотрения правде в глаза были удивительно редкими, и это свидетельствовало о стойком душевном здоровье народа.

Надо сказать, что в самые тяжелые минуты громадное большинство наших людей — и на фронте, и в тылу, и в тылу у немцев — сознавали революцию и вообще все происшедшее после Октябрьской революции в нашей стране как процесс необратимый

Ощущение, что мы отступаем безвозвратно, никогда не было в армии господствующим, больше того, оно не было даже значительно распространенным. В этой связи я вспоминаю недавно прочитанную книгу Б. Ямпольского и думаю, что путь людей вроде Ямпольского — он пишет о себе — или вроде Долматовского, написавшего о таком же собственном пути в поэме «Пропавший без вести», вообще путь десятков и сотен тысяч людей, сотни и тысячи километров шедших из окружения в отступавшую армию, чтобы потом пройти с боями эту тысячу километров обратно с армией,— очень интересная иллюстрация к вопросу об уверенности советских людей в конечной победе.

Несколько слов о других проблемах, над которыми я задумывался. И в частности о рубеже войны в чисто психологическом смысле: в сознании человека, в нормах его поведения, в его представлениях о том, что позволено и что не позволено в мирное время и военное. Интересно заметить для себя, что фронтовая поговорка «война все спишет», во-первых, вовсе не приобрела всеобщего распространения, во-вторых, при всей своей соблазнительности, редко находила уста, которые произносили бы ее с сознанием правоты, прямо и гордо. Она не стала символом веры, больше того, очень часто, уже во фронтовых условиях, она попадала под огонь весьма увесистой критики и в итоге не стала нашим военным бытом, а только пеной этого быта.

Взгляд, широко культивировавшийся, например, в американской армии, что если человек терпит неудобства и рискует головой, то в остальном ему уже все позволено, норм нет,— был, как правило, чужд людям нашей армии, и это сыграло роль не только на войне, но и в очень психологически сложный период возвращения человека с войны.

Вот, дорогой Сергей Николаевич, те несколько разрозненных мыслей, которыми мне хотелось бы поделиться с Вами. Если они хоть в какой-нибудь самой малой мере пригодятся Вам — буду очень рад.

Очень прошу простить меня за то, что я из-за совершенно невероятной, дьявольской занятости в эти последние дни не сумел изложить своих мыслей более подробно и основательно.

Жму руку.

Глубоко уважающий Вас Ваш

К. Симонов.

9 мая 1955 г.

Впервые с небольшими сокращениями — в *СИД-3.*

Голубов Сергей Николаевич (1894—1962) — русский советский писатель, посвятивший свое творчество военно-исторической тематике.

...некоторые из соображений о нашей военной прозе...— С. Голубов, готовя доклад о прозе на Всесоюзном совещании по вопросам развития военно-художественной литературы, состоявшемся в конце мая 1955 г., попросил Симонова, находившегося в отпуске, поделиться с ним своими мыслями о советской военной прозе.

Павленко Петр Андреевич (1899—1951) — русский советский писатель.

...Рагозина и Извекова — герои романа К. Федина «Необыкновенное лето» (1947—1948).

Макаренко Антон Иванович (1888—1939) — русский советский писатель, выдающийся педагог.

...панферовского Ждаркина...— Герой романа «Бруски» (1928—1937) Панферова Федора Ивановича (1896—1960).

...гладковского Глеба Чумалова...— Герой романа Ф. Гладкова «Цемент» (1925).

...в то отчаянное тяжелое положение, о котором говорил Сталин...— Речь идет о следующем месте из выступления Сталина 24 мая 1945 г. на приеме в честь командующих войсками Красной Армии: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что другого выхода не было» (И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., Госполитиздат, 1953, с. 196—197).

...недавно прочитанную книгу Б. Ямпольского...— Повесть «Дорога испытания» (1955) Ямпольского Бориса Самойловича (1912—1972), посвящена испытаниям сорок первого года; герой ее, как и автор, попадает в окружение, пробирается по оккупированной территории на восток, к линии фронта.

...Долматовского, написавшего о таком же собственном пути в поэме «Пропавший без вести»...— См. примеч. к письму Симонова А. Коваленкову от марта — апреля 1943 г. Поэма «Пропал без вести» (Симонов назвал ее неточно) опубликована в 1943 г.

М. И. СИЗОВОЙ

2 августа 1955 г., ⟨Москва⟩

Уважаемая Магдалина Ивановна!

Приношу свои извинения за то, что так долго не мог прочесть Вашу пьесу и высказать Вам свое мнение о ней. Теперь я ее прочел и хочу Вам высказать мое собственное суждение по поводу подхода к самой лермонтовской теме, где бы она ни бралась — в драматургии или в прозе.

Все то немногое, что мы знаем о Лермонтове из воспоминаний

современников, из свидетельских документов, на мой взгляд, не может являться достаточным материалом для создания полнокровного настоящего образа этого изумительного человека. Если опираться только на дошедшие до нас свидетельства, то этот человек все равно останется для нас загадкой. Глубину его ума, размах его таланта — все это, на мой взгляд, никак нельзя объяснить исходя только из одного того, что мы знаем о его жизни. Мое глубокое убеждение, что у Лермонтова была громадная духовная и общественная жизнь, о которой мы ничего или почти ничего не знаем. Этот человек был титаном не меньшим, чем Пушкин, и мне кажется, именно таким его должны изображать в литературе, если браться за эту тему, ибо как только мы изображаем его не таким, это вступает в решительное противоречие с его сочинениями, с их глубиной, масштабом и величием. То есть я хочу сказать, что, как ни в одном другом случае, здесь для того, чтобы нарисовать живого великого человека, необходима громадная мера домысла, рука смелая, решительная, концепция, исходящая из того, что жизнь — а жизнь Лермонтова до нас не дошла,— что главное в его жизни мы начисто не знаем. При таком подходе к делу, естественно, художника может постигнуть полная неудача, но и путь к полной удаче, по моему глубокому убеждению, только здесь и больше нигде.

Если же базироваться только на том, что известно, на тех, в общем, крохах и крупицах, то образ Лермонтова не получается, и я как читатель предпочту, чтобы он для меня оставался загадкой, чем оказался такой отгадкой, с которой я встречаюсь в Вашей пьесе. В значительной мере это относится и к пьесе Бориса Андреевича Лавренева. У Вас Лермонтов вышел человеком, который явно не под рост своим творениям, хотя он и написан в пьесе с глубокой симпатией. По сцене будет ходить славный, добрый и грустный юноша, вызывающий всеобщие симпатии, но мне, зрителю, этого еще мало, это для меня еще не Лермонтов.

Конечно, мое мнение субъективно, может быть, я и не прав, но я считал своим долгом по совести написать Вам, почему мне не понравилась Ваша пьеса в самом главном, в существе своем, хотя в ней есть немало славного и хорошего, и, наверное, она может идти в театре и доставлять людям удовольствие. Только — тут уж послушайтесь моего дружеского совета,— если пьеса будет идти в театре, измените в ней некоторые навязчивые места, связанные с повторяющимся разоблачением двух шпионов или с разговором между Лермонтовым и генералами в Москве. Мне кажется, что в этих местах Вам изменило чувство вкуса и меры. Все это сделано слишком в лоб, грубовато.

Уважающий Вас

К. Симонов.

2 августа 1955 года.

Впервые — в журн. «Театр», 1985, № 11.

Сизова Магдалина Ивановна (1894—1969) — русская советская писательница.

...Вашу пьесу... — Видимо, речь идет о пьесе «Армейский поручик», в 1968 г. опубликованной отделом распространения ВУОАП, до этого вышел роман М. Сизовой «Из пламя и света. Лермонтов» (М., «Молодая гвардия», 1960).

...к пьесе Бориса Андреевича Лавренева... — Пьеса «Лермонтов» («Театр», 1953, № 4).

Н. Ф. ПОГОДИНУ

13 августа 1955 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Николай Федорович!

Развожу бюрократизм на тот случай, если не удастся повидать Вас до моего отъезда на несколько дней в Брест.

Ознакомившись нелегальным путем (не ругайтесь!) с Вашей «Целиною», питаю желание напечатать ее в «Новом мире». По мне, чем раньше — тем лучше, но тут уж воля Ваша. Читал вещь с искренней радостью за Вас и с чувством душевной молодости, которая настолько заразительна в Вас и в Ваших героях, что, кажется, перекидывается и на читателя.

Жму Вашу руку, дорогой старик.

Ваш
Константин Симонов.

13 августа 1955 года.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Погодин Николай Федорович (1900—1962) — русский советский драматург.

...с Вашей «Целиною»... — Пьеса «Мы втроем поехали на целину», опубликованная: *НМ*, 1955, № 9.

Н. В. ЛЕСЮЧЕВСКОМУ

28 сентября 1955 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Мне довелось сейчас познакомиться с записными книжками фронтовых лет (1942—1944), принадлежащими перу Эффенди Капиева и подготовленными к печати его женой. Я давно не читал

такой интересной и талантливой вещи. Прочел я эти записные книжки единым духом, сразу и с большим волнением. Пять шестых содержавшегося в них материала никогда не печаталось, примерно одна шестая вошла в «Избранное» Капиева, вышедшее в Гослитиздате. Предполагаю, что два или три листа из этих книжек (всего в них семь) мы, очевидно, опубликуем в «Новом мире», но мне кажется, что этот материал представляет собой цельную завершенную книгу и ее именно таким образом и следует издавать.

Мне кажется, эта книжка найдет своего читателя — и широкого читателя, и литературного читателя, ибо помимо ценности общей здесь есть еще и особая ценность — по таким записным книжкам видно, как писатель работает над материалом для будущих книг, и так как автор их необыкновенно талантлив, то это необыкновенно поучительно. Для меня, в частности, это было весьма поучительно. Думаю, что на это обратят внимание и другие литераторы, и прежде всего литературная молодежь.

Рукопись, мне кажется, подготовлена к печати весьма основательно, хорошо. Может быть, есть смысл сделать несколько купюр, в частности в двух или трех местах, где идет изложение плана предстоящих работ и бесед.

Прошу рассмотреть вопрос об издании рукописи Капиева в 1956 году. Если будет в этом необходимость, могу дать дополнительную, более развернутую рецензию на нее.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

28 сентября 1955 г.

Впервые с небольшими сокращениями — в кн.: Н. Капиева. Жизнь, прожитая набело. О творчестве Эффенди Капиева. М., «Советский писатель», 1969, с. 276.

Лесючевский Николай Васильевич (1908—1978) — русский советский критик, в то время главный редактор издательства «Советский писатель», затем до 1978 г. его директор.

Капиев Эффенди Мансурович (1909—1944) — дагестанский советский писатель.

...одна шестая вошла в «Избранное»... — См.: Э. Капиев. Избранное. М., Гослитиздат, 1955.

...мы, очевидно, опубликуем в «Новом мире»... — См.: Э. Капиев. Из блокнотов военных лет.— *НМ*, 1956, № 2.

...ее именно таким образом и следует издавать... — См.: Э. Капиев. Записные книжки. М., «Советский писатель», 1956.

21 ноября 1955 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый товарищ Яковлев!

Отвечаю на Ваши два письма: одно — адресованное т. Рюрикову, другое — мне.

Во-первых, я, к сожалению, не получил того июльского письма, о котором Вы сообщаете, поэтому виноватым себя не считаю.

Во-вторых, я не думаю, что Вы вправе были бы писать мне о «бездушном отношении к голосу солдатского сердца» даже в том случае, если бы я, действительно получив Ваше письмо, не написал ответного письма в редактируемую Вами газету. К сожалению, уже девять лет, как я работаю на двух работах — секретарем Союза писателей и редактором то журнала, то газеты, то опять журнала — каждая из этих работ сама по себе достаточного объема, чтобы отнять у человека все его время, но плюс к этим работам я пытаюсь оставаться еще и писателем и написал за эти годы несколько книг, в том числе и книги о нашей армии. В этих обстоятельствах, когда годами не знаешь, что такое воскресенье, потому что используешь его на писательскую работу, когда годами не знаешь, что такое отпуск, потому что его тоже используешь на писательскую работу, приходится порой выбирать — написать ли еще страничку второй книги романа «Товарищи по оружию» или ответить на то или иное письмо, рискуя в том случае, если выберешь первое и не ответишь на второе, получить в одном случае невежливую, в других случаях, как Ваш, вежливую оплеуху от того или иного читателя, человека, может быть, и хорошего, но скоропалительного в своих суждениях.

Теперь по существу дела. Если бы я получил материалы о состоявшейся у Вас читательской конференции, я, разумеется, поблагодарил бы за их присылку и принял во внимание как писатель все то полезное, что содержалось бы в суждениях читателей. Ответил бы я по существу затронутых вопросов или бы просто принял бы их к сведению, зависело бы (в тех или иных конкретных условиях) и от вопросов, поднятых на обсуждении, и от наличия времени.

Теперь насчет приветствия, о котором Вы пишете, насчет «нескольких теплых слов» в Вашу солдатскую газету. Вся моя жизнь связана с армией — о ней я писал, пишу и буду писать. Но мне кажется, что писать несколько общих, хотя и вполне искренних теплых слов в газету — это вовсе не то, что нужно читателям, и вовсе не то, что требуется от писателя. Я пишу роман о 41-м годе,

отдаю этому каждую свободную минуту времени. Я считаю, что написать лишний десяток-другой страниц этого романа или поосновательней поработать над этими страницами дело более нужное для читателей, чем несколько общих слов, написанных в газету.

Мне кажется, что важнее писать книгу, чем бесконечно сообщать читателям о своих творческих планах. А то у нас иногда получается так: писатель в десятки газет охотно сообщает о своих творческих планах, а планы эти ни с места. Мне думается, что бывают обстоятельства, когда писатель пишет в ту или иную солдатскую газету или в ту или иную воинскую часть и вовсе не общие, а весьма конкретные слова, потому что во время войны он был в этой части, он знает этих людей, они его знают; потому что может вспомнить некоторые страницы истории этой части и потому что получить письмо именно от него, а не от кого-нибудь другого, важно газете этой части и командованию ее, потому что именно этот писатель, а не другой, участвовал в боевых операциях этой части, потому что ему есть что вспомнить. В таких случаях я никогда не отказываюсь написать, считаю это не только своим долгом, но и ощущаю это как душевную потребность. А писать перед годовщиной Красной Армии, Первым мая, перед Седьмым ноября сразу в несколько десятков газет приветствия — кто я, собственно, такой для того, чтобы это делать и, больше того, считать себя вправе на это?

Если Вам будет интересно, я с удовольствием пришлю Вам в газету, примерно весной будущего года, отрывок из второй книги своего романа «Товарищи по оружию», которую надеюсь, хотя бы в самом черновом виде, закончить к весне, к лету. Если этот отрывок понравится, напечатайте его, а слова общих поздравлений и пожеланий, по-моему, дело не нужное ни читателям, ни редакциям, ни писателям. Это шаблон редакционной работы, который мне, как старому газетному работнику, хорошо известен. Не стоит его придерживаться. Может быть, вместо этого Вы бы, покопавшись в материалах истории части, постарались выяснить, какой писатель, какой журналист в какое время войны был в Вашей части, видел ее действия, и если бы Вы, поработав над этим, выяснив это, обратились к этим людям или человеку, то его письмо, статья или отрывок из воспоминаний были бы действительно интересны солдатам Вашей части.

Но для того, чтобы сделать так, надо Вам самому потрудиться как журналисту, как историку части, проявить инициативу, изобретательство, что, конечно, труднее и хлопотливее, чем просто разослать письма нескольким более или менее известным писателям, которые пришли на память, и предложить им написать несколько «теплых слов».

То, что написано в последней части моего письма, примите без обиды, как добрый совет старшего товарища, имевшего больший опыт газетной работы, чем Вы.

Жму руку.

Уважающий Вас

К. Симонов.

21.XI.55 г.

Впервые с сокращениями — в *СИД-3*

...адресованное т. Рюрикову... — Рюриков Борис Сергеевич (1909—1969) — русский советский литературный критик, публицист, письмо было адресовано ему как главному редактору «Литературной газеты».

...второй книги романа «Товарищи по оружию»... — Роман «Живые и мертвые».

Н. В. ЛЕСЮЧЕВСКОМУ

18 февраля 1956 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Хочу рекомендовать к изданию в издательстве «Советский писатель» роман Наталии Ильиной «Возвращение». Роман этот, на мой взгляд, представляет незаурядный интерес. Те три части, которые автор закончил, составляют первый том будущей дилогии и при этом носят вполне законченный характер.

Первый том романа охватывает период времени примерно с 1920 года по 1936 г., действие романа в первых двух частях развертывается в Манчьжурии, в последней, третьей, части — в Шанхае. В романе изображается судьба, с одной стороны, русской эмиграции в Манчьжурии и в Китае, а с другой стороны, судьбы русских служащих на КВЖД, оказавшихся в Манчьжурии в период революции.

Главное место в романе занимают судьбы эмигрантской молодежи: одни из этих судеб сворачиваются в сторону фашизма, другие судьбы приводят героев романа к пониманию того, что такое настоящая родина, к пониманию бесперспективности эмигрантского существования, и в конечном итоге — это уже за пределами первого тома романа — к возвращению на родину; факт достаточно типический, ибо как раз из Китая вернулись на родину за последние годы десятки тысяч эмигрантов и родившихся в эмиграции молодых людей.

Материал романа широко повествует о судьбах эмиграции. Мы видим здесь и историю захвата Манчьжурии японцами, и эпизодическую зону борьбы против японцев китайского народа, и деятельность американской Армии спасения — всякого рода миссионеров

и христианских школ. Мы видим здесь, в особенности в третьей части первого тома, картину шанхайского международного сеттельмента, всю ту обстановку капиталистического угнетения, которую создали расположившиеся в Китае как у себя дома империалисты всех мастей.

Но и этим не ограничивается звучание романа. Мне лично представляется особенно ценной та картина буржуазного образа жизни, тот показ всей жестокости и уродливости буржуазного воспитания, который содержится в романе. Роман имеет с этой точки зрения большое воспитательное значение. Он показывает, как не сладок капитализм для всякого порядочного и не имеющего за своей спиной богатых родителей молодого человека. Роман будет содействовать правильному воспитанию молодежи, будет хорошо работать против всякого рода настроений — преклонение перед иностранщиной и т. д. и т. п.,— имеющихся в известном кругу молодежи, у одних в более осознанной, у других в менее осознанной формах, и которые (настроения), в частности, с истинной силой насаждались у нас безудержным прокатом всякого рода тарзанов и иже с ним. Вред, нанесенный всем этим делом, у нас еще далеко не полностью оценен.

Так как роман Ильиной написан очень живо, занимательно, талантливой и опытной рукою, так как в нем нет постоянного указующего перста автора, то антикапиталистическое звучание романа от этого лишь сильнее.

Добавлю ко всему сказанному, что книгу лично я прочел с захватывающим интересом.

Издательство может спросить у меня: почему, давая такой отзыв на книгу, я, как редактор журнала «Новый мир», не печатаю ее сначала в журнале? Дело в том, что в «Новом мире» сейчас редактируется и подготавливается к печати уже принятая нами вещь Любимова на те же или примерно те же темы, только связанные с историей русской эмиграции во Франции. Печатать подряд две вещи на таком близком материале мне кажется нецелесообразным с точки зрения разнообразия материала в журнале. Делать же большой разрыв, откладывать печатание вещи Ильиной на год-полтора мне кажется нецелесообразным — ее нужно печатать побыстрее, она стоит этого. Если какой-нибудь журнал возьмет эту вещь (у нее большой объем, в этом тоже затруднение — 35 листов), то это будет очень хорошо, если нет, то было бы прекрасно, если бы ее быстро выпустило издательство «Советский писатель».

Очевидно, в романе есть недостатки и есть отдельные частные слабости, я их, по совести говоря, не очень заметил; просто некоторые главы читались с меньшим интересом, чем все остальные. Но, наверно, если бы я печатал роман в журнале и прочитал бы его второй раз с карандашом, то у меня был бы ряд частных претензий

к автору. Наверное, такие претензии возникнут и у редактора издательства. Однако я убежден, что книга находится в таком состоянии, что, приняв о ней принципиальное решение, ее можно непосредственно отдавать в руки редактора.

Если издательство сочтет возможным рассматривать это мое письмо в качестве одной из рецензий на книгу Наталии Ильиной, то я буду только рад этому.

Кстати, для первого тома, где герой книги еще не возвращается на родину, заголовок «Возвращение» мне кажется неудачным. Над этим следует подумать автору и издательству.

С товарищеским приветом

К. Симонов.

18 февраля 1956 г.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Ильина Наталия Иосифовна (р. 1914) — русская советская писательница.

Любимов Лев Дмитриевич (1902—1976) — русский советский журналист, искусствовед.

...те же темы, только связанные с историей русской эмиграции во Франции.— Л. Любимов. На чужбине.— *НМ*, 1957, № 2, 3, 4.

Если какой-нибудь журнал возьмет эту вещь...— Роман Н. Ильиной «Возвращение» был опубликован в журн. «Знамя» (1957, № 1, 2, 3, 4).

...быстро выпустило издательство «Советский писатель»...— Роман Н. Ильиной вышел отдельным изданием в 1957 г.

А. Я. ЯШИНУ

28 февраля 1956 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Саша!

Получил твое письмо, получил стихи с запиской, получил фотографии — спасибо за то, другое и третье.

Прежде всего по поводу стихов. Стихотворение «На взморье» хорошее, но, на мой взгляд, несколько традиционно-философическое, я не особенный любитель таких стихов.

Что касается стихотворения «Слезы из глаз», то оно, по-моему, написано очень здорово. Меня в нем только смущает самая концовка, которая иронична, но несколько легковесна. Ведь та идиллия, которая высмеивается в стихотворении, идиллия, созданная литературой и кино — это не есть мечта людей. Люди мечтают добиться хорошей жизни праведным трудом, они ведь, если говорить всерьез, не мечтают, чтобы все эти кисельные берега свалились с неба, а по

концовке получается именно так. Жизнь находится в движении, что-то меняется к лучшему, меняется с трудом, со скрипом, но все ж таки меняется, и это ожидание сидит в душах людей, и вот этого-то ожидания мне не хватает в концовке стихотворения, не хватает, грубо говоря, слов о том, что мы нелегким путем, но все равно доберемся до хорошей жизни (не сусальной, а действительно хорошей жизни), а вот такие сусальные картинки, даваемые литературой и искусством, только путаются в ногах, только мешают, только раздражают.

Вот что-то такое, по-моему, надо сделать с самой концовкой стихотворения, при этом не умягчая и обкладывая ватой никаких резкостей, которые содержатся на всех его трех страницах. Подумай, пожалуйста, над этим делом, и будем считать, что оба стихотворения, которые ты прислал, за нами, потому что хотя первое не особенно в моем вкусе, но вообще-то оно хорошее и его надо печатать.

Очень рад, если ты доделал рассказ. Пришли его, пожалуйста.

Теперь насчет главного дела. Я сразу же написал письмо в Секретариат, приложил твое заявление, а копию взял с собой для того, чтобы поговорить с Бойцовым. Но беда вся заключалась в том, что я был на гостевых местах и не мог никаким образом общаться с делегатами, и мне так и не удалось ни разу увидеть Бойцова. Я говорил с Сурковым, но и у него тоже это не вышло. В ближайшие же дни (я говорил об этом с Сурковым и с Ажаевым) на Секретариате вынесем соответствующее решение, напишем письмо Бойцову, позвоним — в общем, так или иначе дожмем это дело, не беспокойся там. Дополнительно сообщу тебе, как это получится.

Крепко жму твою руку. Передай мой самый сердечный дружеский привет Злате Константиновне.

Твой

Константин Симонов.

28 февраля 1956 года.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Яшин Александр Яковлевич (1913—1968) — русский советский писатель, товарищ Симонова по Литературному институту им. Горького.

Прежде всего по поводу стихов.— В письме из Кисловодска от 19 февраля 1956 г., на которое отвечает Симонов, А. Яшин писал: «Писать стал больше, энергичнее. Посылаю тебе для ознакомления два последних стишка. Тебе лично, а не для журнала» *(АКС)*. Стихотворения «На взморье» и «Слезы из глаз» (под назв. «Прочитали мы рассказ») вошли в кн.: А. Яшин. Свежий хлеб. М., «Советский писатель», 1957.

Очень рад, если ты доделал рассказ.— Рассказ «Рычаги», опублико-

ван в кн.: «Литературная Москва. Сборник второй». М., Гослитиздат, 1956.

Теперь насчет главного дела.— В своем письме в Комиссию по литературному наследию К. Симонова вдова А. Яшина З. К. Попова-Яшина писала по этому поводу: «Страдая бронхиальной астмой, А. Яшин часто лечился в санаториях Кисловодска, ибо микроклимат этого города показан для этого. В 1956 году Яшин и Симонов были в Кисловодске в одно и то же время, и Константину Михайловичу пришла мысль попросить на год-два комнату для Александра Яковлевича, чтобы он мог в Кисловодске не только жить, но и работать, и чтобы длительное пребывание в этом городе укрепило здоровье друга...» *(АКС)*. Эту идею не удалось реализовать, ибо, как сообщает З. К. Попова-Яшина, А. Яшину предложили для этого выписаться из Москвы.

Бойцов Иван Павлович — в ту пору первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС.

...я был на гостевых местах...— XX съезд КПСС, проходил 14—25 февраля 1956 г.

В. М. СМИРНОВУ

1 марта 1956 г., ⟨Москва⟩

1 марта 1956 г.

Уважаемый товарищ Смирнов!

Ничего удивительного и ничего плохого я не вижу в том, что Вы пробуете писать и стихотворения, и рассказы, и пьесы... Вам всего лишь 21 год, и, естественно, Вы пока еще испытываете свои возможности, «ищете себя». Очень хорошо, что Вы любите и педагогическую работу, видите в ней элемент творчества. Это говорит о том, что Вы интересно живете. Мне вспоминаются в этой связи очень простые и точные слова Алексея Максимовича Горького: «Для того, чтобы хорошо писать, надо хорошо жить...» А между тем я получаю довольно много писем, в которых начинающие литераторы сетуют на свои профессии, говорят, что интересно им только литературное творчество, а все остальное приходится делать из необходимости, и необходимость эта тяжелая. От таких товарищей трудно ждать многого, мне кажется, что, без интереса относясь к жизни, даже талантливый человек не создаст ничего стоящего. Думаю, что и Вы со мною согласитесь.

Продолжайте писать, и пусть Вас не смущает эта, как Вы говорите, «разбросанность». Время само покажет, на чем Вам будет полезнее всего остановиться.

О поэме Вашей, конечно, очень трудно судить по тем отрывкам, которые Вы прислали. Содержание, правда, Вы коротко

излагаете, но ведь содержание — не поэма. Строчки есть хорошие, и их, видимо, будет немало,— таких, например:

И может, снова с зорькою
Потянут вдоль реки
Баржу да долю горькую
Волжане-бурлаки...

Стихотворения Ваши, по чести говоря, не очень мне понравились. Чувствуются навыки, определенное умение, несомненная грамотность, но чего-то в них нет, и, по-моему, самостоятельности, своеобразия замысла. Возьмем хоть «Город мой». Вам не кажется, что это стихотворение традиционно? Такие и похожие на эти стихи мы с Вами уже не раз читали. Это, как сказал Ильф в одной из своих записных книжек,— «не украдено и не свое»...

Только мне здесь каждый камень даже
Очень много сердцу говорит...

Вот этот «каждый камень» родного города давно стал готовым штампом и потому, конечно, утратил способность что-либо доказать, передать настроение. А таких «камней» в стихотворении немало. Свежего же, именно Вашего, я в нем, к сожалению, не увидел.

Есть в Ваших стихах неточные строки, необязательные слова, такие, например, как: «Сюда пионеры приходят чуть свет...» Речь идет о музее Маяковского, куда «чуть свет» никто не приходит, так как музей в это время закрыт. Значит, ясно, что эти слова Вам понадобились только ради рифмы к слову «поэт», а это вовсе не оправдывает их присутствия. В этом же стихотворении читаем:

Лежал синий том у него на груди
В кармане с партийным билетом...

В карман солдатской гимнастерки никак не может влезть том стихотворений. Когда что-либо пишете, примеряйте на глаз, старайтесь зрительно представить себе, как это получится.

Посмотрим на следующие строки:

Но вдруг он споткнулся у края межи,
Подняться пытался скорее...

Вы же понимаете, что слово «скорее» пустое слово, здесь оно просто лишнее, и Вы написали его исключительно ради рифмы к «музею». Такие вещи всегда видны, как Вы ни станете их маскировать.

В стихотворении «Волжанка» тоже есть подобного рода пустоты, например:

Я ж молчал, и, как один из многих,
Все еще не понимал тогда,
Что не только сводят нас дороги...

Вот в этих «дорогах-то» и все дело. Если бы не они, Вам не пришло бы в голову написать «как один из многих», потому что это лишние слова.

Способности у Вас есть, как мне кажется, но не хватает самостоятельности поэтического мышления, изобретательности, свежести тем и, наконец, тщательности письма. Полагаю, что со временем это придет, и стихи Ваши будут богаче и ярче.

Желаю Вам успехов.

К. Симонов.

Впервые — в газ. «Рабочий край» (Иваново), 1985, 28 ноября.

Смирнов Владимир Михайлович (р. 1934) — русский советский писатель. Симонов рекомендовал В. Смирнова в Союз писателей СССР.

«Для того, чтобы хорошо писать, надо хорошо жить...» — Источник цитаты установить не удалось.

...«не украдено и не свое»... — Симонов цитирует по памяти, у И. Ильфа: «Ни у кого не украдено и в то же время не свое» (И. И л ь ф. Записные книжки. М., «Советский писатель», 1957, с. 199).

Т. И. ДЖАТИЕВУ

4 марта 1956 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Тотырбек!

Пишу на перекладных — сегодня уезжаю, поэтому прости за краткость.

Во-первых, насчет повести. Для того, чтобы как-то практически двинуть дело, я попросил бы тебя прислать эту повесть на родном языке плюс несколько страниц текста на русском плюс официальное обращение в издательство с просьбой рассмотреть вопрос об издании этой повести, скажем, на имя Корнева. Все это пришли мне по адресу: Москва, А-55, Новослободская улица, д. 50/52, кв. 51, Нине Павловне Гордон — моему секретарю, с тем чтобы она не затерялась где-нибудь в редакции и попала ко мне во время моего отсутствия.

Что до путевки, то насчет «Сосен» не знаю, удастся ли устроить путевку именно туда, но что-нибудь попытаемся сделать, и напиши письмо в Правление Литфонда (перешли его тоже мне, я сам этим займусь). Хорошо бы приложить к этому заключение врачей. Черкни мне также свои соображения насчет того, что если не «Сосны», то что другое подойдет?

Я сейчас уезжаю в Венгрию, оттуда поеду еще в другое место, в Москву вернусь к 15 апреля и заняться обоими твоими делами смогу только к этому времени, но, как приеду, непременно займусь.

Надеюсь, ты на меня не обидишься, если пока суть да дело я тебе одновременно с этим письмом переведу немножко денег. Я сейчас при деньгах, так что прошу принять от меня товарищескую услугу со спокойной душой. В общем, свои люди — сочтемся.

Крепко жму твою руку, дорогой. Поправляйся, пожалуйста. В борьбе с болезнями, кроме врачей и лекарств, самое важное сила характера, а она у тебя, слава богу, есть.

Обнимаю, твой

Константин Симонов.

4.III.56.

Джатиев Тотырбек Исмаилович (р. 1910) — осетинский советский писатель, товарищ Симонова по Литературному институту им. Горького.

...насчет повести.— Роман «Горная звезда», вышедший на русском языке в 1962 г. в издательстве «Советский писатель».

Что до путевки...— В своем письме от 23 ноября 1981 г. Л. А. Жадовой Т. Джатиев сообщил, что в 1956 г. он тяжело болел — последствие ранений, был прикован к постели, Симонов узнал об этом от Н. Атарова, который был в Орджоникидзе и посетил больного товарища. «К. М., всегда чуткий и очень внимательный к судьбам не только друзей и товарищей, но и всех честных людей, отозвался вот таким ободряющим письмом» *(АКС)*.

Н. ХИКМЕТУ

4 марта 1956 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Назым!

К сожалению, из-за отъезда так и не успел тебя увидеть, поэтому, как договорились, хочу хотя бы вкратце высказать тебе несколько соображений по пьесе.

1. Начало. Мне кажется, что было бы очень хорошо сказать здесь в какой-то форме о том другом мире, мире капитализма, где язва этого второго «я» такого «Ивана Ивановича» — язва закономерная, даже подразумевающаяся. Хорошо бы найти форму для того, чтобы сказать об особенной обидности и появления и разрастания этих душевных лишаев в условиях социалистического общества, причем мне бы лично казалось очень важным сказать, что эти пережитки старого общества,— а в своем корне, в своей основе это все-таки пережитки старого общества,— подобно любым, самым вредоносным микробам, стремятся приспособиться к новой, неизвестной для них окружающей среде, при этом деформируясь, изменяясь, обрастая новой мимикрией, выступая в новом обличье, но в сущности, в корне своем оставаясь все же микробами старого мира. Может быть, я выражаюсь дубово и упрощенно, но сущность

этого вопроса мне кажется принципиально важной. Если у тебя ляжет к этому душа, я бы просил тебя над этим подумать.

2. Что поначалу в пьесе мне кажется существенным, это то, о чем ты сам говорил, что если эту пьесу будут играть, например, у Брехта, так чтобы это был не Иван Иванович, а — условно — Ганс Гансович, но обусловленность этого приема должна исходить из каких-то фраз в самом тексте пьесы. По-моему, это существенно.

3. На мой личный вкус, мне бы казалось не очень правомерным воспоминание о «Клопе». С одной стороны, оно лишнее, потому что Маяковский и его «Клоп» и его «Баня» и так очень по-хорошему вспоминаются, когда читаешь твою пьесу, с другой стороны, разговор о том, в каком году все это могло быть — в 56, 78 или 99-м,— мне показался несколько легковесным. С какой-то излишней легкостью здесь говорится о том, что «Клоп» попадает в зоологический сад не в 78 году, а не раньше 99-го. Может быть — не дай бог! — это и так, а все-таки по-человечески согласиться с этим никак не хочется, и уж во всяком случае не хочется согласиться с такой неожиданной легкостью, с какой ты вдруг согласился на второй странице своей пьесы.

4. Подумай, пожалуйста, насчет «человека в соломенной шляпе» и «человека в кепке». «Человек в кепке» — это, конечно, народ, его совесть, его здоровая мысль, его честность, его прямота; «человек в соломенной шляпе» — существо обоюдовогнутое, соглашатель, человек «чего изволите». Человек в соломенной шляпе — скверный, жидкий интеллигентик, приспособленец; человек в кепке — это и рабочий, это и интеллигент — интеллигент из народа, в общем — стоящий интеллигент. Эта расстановка сил очень важна. Очень важно, чтобы это было ясно, чтобы человек в соломенной шляпе не воспринимался как вообще представитель интеллигенции в противоположность человеку в кепке — представителю народа. Тут надо найти, по-моему, какие-то нюансы, начиная с того, что, по-моему, кепка и шляпа — это не совсем удачное соединение атрибутов, я бы, скажем, заменил соломенную шляпу то ли роговыми очками, то ли портфелем с надписью «на доклад». Наверное, все — и то, и другое, и третье — не то, что нужно, но, пожалуйста, подумай над этим очень важным, существенным акцентом в расстановке сил в пьесе.

5. Очень бы просил тебя подумать над тем местом, где в пьесе выступает голос автора. То, о чем ты говоришь там, страшно важно, но об этом, по-моему, либо не говорить, либо если говорить, то както весомее, сильнее. У тебя есть внутреннее право сказать об этом сильнее, глубже — и о мотивах пьесы, и о своей любви к Петрову, и о своей ненависти к Ивану Ивановичу. В общем, когда ты рассказывал о пьесе и рассказывал это место, то оно мне показалось замечательным, то есть, вернее, мне показалось, что ты вкратце

упомянул о месте, которое, наверное, замечательно; а когда я прочитал текст, то увидел, что, в общем, там не больше того, что ты рассказал, а там, по-моему, должно быть больше завернуто, сильнее.

6. Теперь насчет белой собачки. Это очень смешно и здорово, и я понимаю весь дальнейший построенный сюжетный ход, но меня резанула именно эта собачка в сочетании с Семеновым первым, Семеновым вторым и Семеновой и с последующим разговором насчет собачки уже в применении к ним. Мне показалось, что тут есть какая-то бестактность. Можешь смеяться надо мной, но все-таки что-то другое должно быть личное в рассказе о картине художника, а не собачка, что-то другое — голубое, знакомое, придуманное — выглянуло в картине, но не собачка. Не нравятся мне и сами Семеновы — первый, второй, третий; точно так же как никогда душа не лежала и сегодня не лежит к Двойкину, Тройкину и Фоскину Маяковского. Не любят этого люди, когда их называют Иванов — номер первый, Иванов — номер второй, Иванов — номер третий,— и, по-моему, правы. Когда у Ильфа и Петрова появляется оркестр шумовиков, играющий на клистирных трубках,— Галкин, Палкин, Малкин и Залкинд,— тут все на месте, а здесь эти пронумерованные Семеновы мне не нравятся. По-моему, стоило бы подумать над этим.

7. Сцену между Петровым и Константином Сергеевичем я еще раз перечитал. Пожалуй, тут я был не прав.

8. Я не касаюсь ряда мелких замечаний по тексту, кое-где меня цепляли отдельные места, отдельные фразы, и я думаю, что тут меня дополнит Александр Юрьевич, с которым мы говорили и о тех общих соображениях, что изложены мною.

Что касается сроков печатания, то мы с Александром Юрьевичем прикинули еще раз и надеемся оба, что пьесу можно планировать в четвертый номер, если в ближайшие дни проделать всю необходимую работу.

Крепко жму твою руку.

Твой

Константин Симонов.

4 марта 1956 года

Впервые фрагмент из этого письма — в *РСТ*, полностью — в *НМ*, 1985, № 11.

Назым Хикмет Ран (1902—1963) — турецкий писатель и общественный деятель; Симонов был дружен с Хикметом, возглавил комиссию по его литературному наследию и много сделал для увековечения его памяти и издания его произведений.

...несколько соображений о пьесе.— Речь идет о рукописи пьесы «А был ли Иван Иванович?», опубликованной в *НМ*, 1956, № 4.

...играть, например, у Брехта...— Брехт Бертольт (1898—1956) — немецкий писатель и театральный деятель. Речь идет о театре «Берлинер ансамбль», созданном Б. Брехтом и Е. Вейгель в 1949 г.

...не лежит к Двойкину, Тройкину и Фоскину Маяковского...— Персонажи пьесы «Баня».

...Галкин, Палкин, Малкин и Залкинд...— Персонажи романа «Двенадцать стульев».

...дополнит Александр Юрьевич...— А. Ю. Кривицкий.

А. С. ГУРВИЧУ

22 апреля 1956 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Абрам Соломонович!

Прошу опять извинить меня за то, что задержал с ответом.

Статьи Ваши прочел, вторую — впервые, а первую — наново. Мне кажется, что в итоге у Вас получилось две статьи, не в смысле одной статьи, разделенной на две, но посвященной одной теме, а просто две статьи о двух произведениях — о книге Николаевой и о книге Гранина. Статьи, конечно, связаны между собой, но не столько темой «быть и казаться», сколько просто Вашими общими взглядами на явления современной литературы, взглядами, проявившимися в обеих статьях и удачно объединившими их.

Вторую Вашу статью я прочел с еще большим интересом, чем первую. Мне кажется, что, во всяком случае, Ваша монография о книге Гранина получилась не менее интересной, чем Ваша монография о книге Ажаева. Если бы речь шла о публикации обеих этих статей в Вашей книге, я бы сказал по ним только ряд замечаний и соображений, главные из которых касались бы вопроса о том, как рождаются отрицательные явления и отрицательные типы в социалистическом обществе, у которого за плечами почти сорок лет существования. Мне кажется, что это один из кардинальных вопросов нашей литературной критики, да и, шире говоря, жизни. У Вас он затронут, но не разрешен. Вопрос о том, являются ли эти отрицательные черты и типы результатами пережитков капитализма или самозарождаются в социалистическом обществе — это вопрос, на который в общей форме боюсь, что можно ответить только схоластически. Для того чтобы на него ответить по существу, необходимо соотнести в тех или иных данных конкретных условиях идеи и принципы развития социалистического общества с практикой осуществления этих идей и принципов, в том числе с практикой неправильного их осуществления, в том числе с практикой их искажения, не забыв при этом такую сторону дела, как субъектив-

ные намерения людей, объективные результаты, как добрая и злая воля.

Если понимать пережитки капитализма как нечто раз и навсегда данное, как некую данность, существующую до семнадцатого года, с которой мы сличаем явления современной жизни, то, конечно, нельзя все валить на пережитки, иногда это просто смешно. Но если рассматривать, например, такое явление, как культ личности, как опаснейший пережиток общественных формаций, который в опаснейших формах проявил себя в обстановке социалистического строительства, то вопрос о том, самозарождается ли отрицательное в социалистическом обществе или проявление его является новыми результатами очень старых, досоциалистических явлений в общественной жизни, то этот вопрос приобретает сразу очень серьезный и объемный характер.

Я думаю, что из двух ответов в принципе верен второй, а не первый, но для того, чтобы дать этот второй ответ, потребуются глубокие и разносторонние обоснования, или, если можно так выразиться, разыскания во всей истории нашего общества. У Вас эта проблема не занимает центрального места в статье, но, в противоположность той обычной основательности, с которой Вы подходите к большим проблемам, мне кажется, здесь Вы ее только ставите и отвечаете на нее недостаточно глубоко, обоснованно, конкретно, и именно поэтому совсем не так верно, как Вы могли бы на нее ответить, а, по моему мнению, в чем-то и совсем не верно.

Это главное мое соображение по существу. Если бы речь шла о публикации этой работы в книге, я бы, наверное, выдвинул и ряд дополнительных, более частных замечаний, но эти замечания не меняли бы моей общей положительной оценки Вашей статьи.

Теперь практически, если говорить о журнале. Перед нами работа на восемь листов, из них два посвящены Николаевой и шесть — Гранину. В таком объеме я не могу предложить Вашу работу своим товарищам по журналу, при всем моем самом доброжелательном отношении к Вашей работе, в котором, я надеюсь, Вы не сомневаетесь. Это просто нереально для нас. А что же реально? Реально, по-моему, напечатать Вашу вторую статью, дав ей тот максимальный объем, который мы можем дать у себя в журнале работе о романе Гранина, понимая при этом, что Ваша работа, сделанная на материале этого романа, касается ряда важнейших общих проблем литературы. Этот объем два с половиной — три авторских листа, то есть, практически говоря, Вам бы пришлось сжать эту работу примерно наполовину. Понимаю, что это дело не механическое, но считаю, что оно практически вполне возможно. Мне кажется, что в статье много различимых даже на первый взгляд отступлений — и, наряду с оправданными отвлечениями,

немало отвлечений неоправданных или полуоправданных. Вот за счет всего этого, мне кажется, статью и можно было бы довести до объема двух с половиной — трех листов.

Я говорю только о второй статье, потому что предлагать Вам до бесконечности сокращать параллельно обе статьи с тем, чтобы дать, скажем, две статьи по полтора листа, мне бы казалось неправильным, неразумным, да, в общем, это и невыполнимо. Из двух же Ваших статей мне кажется более сильной, более актуальной для журнала именно вторая статья, потому что о Николаевой в общем довольно много уже писано, в том числе и у нас в журнале, а о Гранине хотя писано и много, но многих сторон, которых Вы касаетесь, вообще никто не касался, а мы в журнале еще по-настоящему глубоко и серьезно не оценили этот значительный и важный для нашей литературы роман.

Я, прежде чем писать Вам это письмо, высказал некоторые из этих соображений А. Ю. Кривицкому, посылаю ему также копию этого письма к Вам. Когда мы обсуждали с А. Ю. Кривицким этот вопрос, то в принципе согласились на том, что проблемная статья, сделанная на материале романа Гранина, объемом в два с половиной — три листа, журнал интересует. Сейчас, как Вы знаете, я временно не принимаю участия в работе журнала, решающее слово, естественно, остается за теми людьми, которые сейчас ведут журнал в целом и его критический отдел в частности, но я хочу высказать свое мнение Вам, а также поделиться своим мнением с ними и буду рад, если Вы со своей стороны, а они со своей стороны в той или иной мере посчитаются с этим мнением.

Уважающий Вас

К. Симонов.

22 апреля 1956 года.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Гурвич Абрам Соломонович (1897—1962) — русский советский литературный и театральный критик.

...о книге Николаевой...— Книга Николаевой Галины Евгеньевны (1911—1963) «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» (1954). Статья А. Гурвича о ней «Образ и дидактика» была напечатана в его книге «Черты современника» (М., «Советский писатель», 1958).

...о книге Гранина.— Роман Д. Гранина «Искатели» (1954). Статья А. Гурвича об этой книге — «Изобретатели и приобретатели» — была напечатана в его сборнике «Литературно-критические статьи» (М., «Художественная литература», 1973).

...Ваша монография о книге Ажаева.— Роман Ажаева Василия Николаевича (1915—1968) «Далеко от Москвы» (1948). Работа А. Гурвича об этом романе — «Сила положительного примера» — была в сокра-

щенном виде опубликована в *НМ*, 1951, № 9, полностью — в книге «Черты современника».

...в том числе и у нас в журнале... — Речь идет о статье Г. Фиша «На колхозную тему» (*НМ*, 1955, № 8).

...временно не принимаю участия в работе журнала... — Симонов находился в творческом отпуске, предоставленном ему для работы над романом «Живые и мертвые».

И. Л. СЕЛЬВИНСКОМУ

3 июля 1956 г., Сухуми

Дорогой Илья Львович!

Я прочел Вашу пьесу тут же, как только получил ее, и сейчас очень жалею, что не поддался первому душевному движению тогда же сразу и написать Вам. Но я через несколько дней ехал на неделю в Москву и решил взять с собой пьесу для того, чтобы поговорить с Вами там, в Москве. В Москве я дважды звонил Вам на квартиру, но мне не повезло, и я никого не застал, а принять более деятельные меры для того, чтобы разыскать Вас, мне помешали трудные личные обстоятельства. Позволю себе упомянуть о них, потому что они были такого характера, что до известной степени извиняют меня.

Я вернулся в Сухуми в довольно растрепанных душевных чувствах и, только уже приехав сюда, обнаружил, что не взял обратно из Москвы Вашу пьесу, пришлось писать туда и ждать оттуда посылки. Таковы причины задержки с ответом, задержки, которую я, поверьте мне, меньше всего хотел, прежде всего из глубокого уважения к Вам, и еще и потому, что мне очень хотелось без всяких недомолвок изложить Вам свое мнение о Вашей пьесе.

Еще в молодые годы, читая «Рыцаря Иоанна», я видел в этой пьесе много замечательного, хотя в то же время многое в самой концепции ее казалось мне неправильным и, во всяком случае, спорным. Потом я был горячим поклонником Вашей «Ливонской войны» и выдержал много жестоких споров по поводу «От Полтавы до Гангута» — произведения, которое для меня дорого и появление которого наконец на сцене для меня глубоко радостный факт.

Потом мне показалось решительной Вашей неудачей «Читая Фауста», я об этом писал, может быть, несколько запальчиво (чем, быть может, задел Вас), но искренно, с полной верой в свою правоту, в которой остаюсь и сейчас.

Я открыл Вашу новую пьесу с большим душевным трепетом за Вас и с очень большим желанием, чтобы эта пьеса была полной и решительной Вашей удачей. Может быть, наши с Вами отношения складывались не так, как им стоило бы сложиться, но я всегда относился с глубоким уважением к Вашему большому таланту и к Вашему мужественному стойкому человеческому характеру.

К этому чувству прибавлялись еще два чувства: во-первых, из моей памяти не исчезли и никогда не исчезнут юношеские годы и Ваше доброе и требовательное внимание к тем молокососам, в числе которых был я, которые ходили по вечерам в старое здание Гослитиздата слушать Вас и говорить с Вами. Во-вторых, на Вашу долю выпало много несправедливости и зла, за которыми стояло чье-то иногда просто непонятное ожесточение. Я говорю не о том, что в Вашем творчестве все должно нравиться или со всем нужно соглашаться, я говорю о том, что во многих выступлениях по Вашему адресу образовался тон какой-то неимоверной и обидной злобы, а иногда просто недостойный тон, который вызывает у меня, как у товарища по поэтической работе, особенное желание всяческих успехов Вам вопреки всяческим злым и грубым нападкам, которых Вы хлебнули за свою жизнь больше, чем иной мог бы вынести. Вот со всеми этими чувствами в душе я и открыл Вашу пьесу.

К моему огорчению, она вызвала у меня очень противоречивые чувства. Именно противоречивые, потому что она показалась мне не цельной, не единой и по стилю своего выполнения, и даже, я бы сказал, по своему характеру замысла. Есть в ней потрясающие трагедийные сцены, например, я иначе никак не могу назвать финал девятой картины «Дикая дивизия»; в таком же высоком трагедийном ключе написана, на мой взгляд, и картина вторая — «Именем революции». Великолепно ее начало, ее конец, много замечательного и в разговоре Чохова с солдатами. Мне, правда, кажется, что где-то, на каком-то месте этого разговора, он начинает оголяться, примитивизироваться, начинает выпирать его конструкция, но это суждение относится, очевидно, уже за счет моих субъективных драматических пристрастий. В то же время я как человек, довольно хорошо знающий театр, отчетливо вижу все на сцене и представляю себе всю сцену, сценичность такого разговора.

Как драматургу мне очень дорога вся линия отношений Чохова и Зои; особенно сильно и точно она дана в седьмой картине «Дочь и отец» — здесь, по-моему, все хорошо, и стихи живут с одинаковой силой одновременно и в своей драматической, и в своей бытовой разговорной ипостаси.

Мне кажется вообще, что фигура Чохова вышла сильной. Простой рабочий, революционер, ставший на своем революционном пути настоящим интеллигентом,— настоящая и важная фигура, короче говоря — удача. Мне только кажется, что самый финал в Кремле несколько узко венчает образ Чохова. Я понимаю, конечно, замысел — провести через ряд трагедий один род и сомкнуть их воедино, но вышло это, как мне кажется, искусственно, и образ Чохова там, где он должен был бы достигнуть наибольшей силы, как раз теряет силу. Вдобавок мне кажется, что если в финале картины «Дикая дивизия» бессмертная сущность Чохова — народа

дана великолепно, то здесь, в финале, тот же прием не оправдывает себя. Здесь Чохов остается живым, но уже не кажется бессмертным. Он просто остается жив по воле драматурга.

Можно говорить и о других более крупных и менее крупных удачах пьесы, например, много хороших вещей есть в картине одиннадцатой «Начало эры» — в частности особенно хорош разговор Чохова и Аткинсона. В то же время в пьесе много такого, что я, например, просто художественно не принимаю, и это почти половина пьесы, это почти все, что связано со станом врагов — и тогда, когда они, так сказать, у себя дома, и тогда, когда они, как, например, Чхеидзе, сталкиваются с нашим лагерем. Враги, по-моему, грубо говоря, получились карикатурными. В этом смысле я как-то особенно не могу принять всю картину четвертую «Труп собирает коршунов». Я понимаю всю сложность изображения таких вещей, понимаю, что драматург должен что-то соединять, огрублять, делать резче, отчетливее, чем в жизни, делать как бы выжимку из нее, но мне кажется, что это не та выжимка, которая должна была получиться. Вы пошли тут, по-моему, по неправильному пути,— не по пути сатиры, а по пути примитивной плакатности.

Я не верю во все разговоры Керенского и с иностранцами и с Монташевым. Да, Керенский слуга империализма, да, он в конечном итоге, как показала история, беспомощный шут, но это в итоге исторического вывода, а Вы показали до такой степени примитивную картину и до такой степени оголили отношения хозяев и слуг, что я уже не могу верить в них ни в какой степени.

Я не хочу говорить о решении других, близких к этой сцен, потому что я должен был бы в более, может быть, мягкой форме сказать о них то же самое, что сказал об этой сцене, ибо принципиальной разницы нет. Здесь, как мне кажется, у автора принципиально неверный подход, и отсюда все последствия — в одних случаях более отчетливо выраженные, в других случаях — менее.

Наконец, в пьесу вторгается еще как бы третий, особый поток. Я имею в виду картину «Лирические отступления». Я никак не могу воспринять при наличии любых драматургических условностей разговора Чохова и Зои в этой сцене как разговора живых людей, как нечто хоть как-то оправданное в пьесе любого жанра и стиля. Мне кажется, что это очень некстати, очень не к месту и как-то удивительно нескладно выставленные авторские соображения, никак и ничем не прикрепленные к тем людям, которые вынуждены произносить все это в виде диалога.

Вот основные черты того противоречивого впечатления, которое у меня осталось после того, как я прочел Вашу пьесу. Она местами очень удалась, а местами совершенно не удалась, и оба эти ощущения я испытываю с равной силой. Мне очень бы хотелось как редактору напечатать на страницах журнала Вашу большую новую

работу, в которую вложено много таланта и которой отдано, наверное, много сил, но при той внутренней оценке пьесы, которая создалась у меня, я не могу стоять за ее напечатание, а в этих условиях считал бы неправильным и недостойным занимать уклончивую позицию, пустить пьесу по кругу редколлегии — пусть, дескать, другие забодают, а я останусь перед Вами не злым, а добрым мальчиком.

Я знаю, что мое письмо, наверное, огорчит Вас, потому что думаю, что в обратной ситуации Ваше письмо так же со своей стороны огорчило бы меня, но мне очень хочется, чтобы Вы, пусть даже не согласясь со мной и считая меня частично или пусть даже полностью неправым, не обиделись на меня ни за это письмо, ни за мое практически отрицательное мнение в смысле возможности напечатания пьесы в «Новом мире».

Крепко жму Вашу руку и при всем том не только хорошем, но и плохом, что я Вам вынужден был написать, от души желаю Вам только одного хорошего.

Глубоко уважающий Вас — Ваш

Константин Симонов.

3.VII.56 г. Сухуми.

Впервые — *ВЛ*, 1982, № 5.

Сельвинский Илья Львович (1899—1968) — русский советский поэт и драматург.

...прочел Вашу пьесу... — Трагедия «Большой Кирилл», завершает драматическую трилогию «Россия», в которую входят «Ливонская война» (1944) и «От Полтавы до Гангута» («Царь да бунтарь») (1951).

Еще в молодые годы, читая «Рыцаря Иоанна»... — О трагедии И. Сельвинского «Рыцарь Иоанн» (1937) К. Симонов написал статью «Человек и народ» («Литературный критик», 1938, № 6).

...появление которого наконец на сцене для меня глубоко радостный факт. — Драма «От Полтавы до Гангута» была поставлена Воронежским драматическим театром.

...мне показалось... неудачей «Читая Фауста», я об этом писал... — О трагедии И. Сельвинского «Читая Фауста» (1952) К. Симонов писал в статье «Человек в поэзии» (*ЛГ*, 1954, 4 ноября).

...Ваше доброе и требовательное отношение к тем молокососам... — В предвоенные годы И. Сельвинский руководил семинаром молодых поэтов при Гослитиздате. В разное время в этом семинаре участвовали К. Симонов, М. Матусовский, Е. Долматовский, Л. Озеров, П. Коган, М. Кульчицкий, Б. Слуцкий, С. Наровчатов и др.

Чохов, Аткинсон, Монташев — персонажи трагедии «Большой Кирилл».

Чхеидзе Николай Семенович (1864—1926) — лидер меньшевиков, белоэмигрант.

Керенский Александр Федорович (1881—1970) — русский политический деятель, в 1917 г. министр, а затем глава Временного правительства, белоэмигрант.

...в смысле возможности напечатания пьесы в «Новом мире».— «Большой Кирилл» был опубликован в кн.: И. Сельвинский. Россия. М., «Советский писатель», 1957.

А. В. АЛМАТИНСКОЙ

16 октября 1956 г., ⟨Москва⟩

Уважаемая Анна Владимировна!

Письмо получил. Начну не с начала, а с конца. В конце Вы задаете три вопроса.

Первый. Может ли писатель печатать свое произведение без перекройки? — Да.

Второй. Можно ли показывать людей такими, какими они есть, с их положительными и отрицательными качествами? — Да, конечно.

Третий. Может ли писатель обличать порок, не боясь, что его обвинят в пасквиле на советского человека, на руководство? — Да, конечно.

Вместе с тем хотел бы остановиться на понимании слова «перекройка». Вот я редактор журнала «Новый мир», в редакцию приносят роман. Мне и нескольким другим писателям, моим товарищам по редакционной коллегии, он кажется в принципе интересным, но затянутым, местами неудачным, местами безвкусным. Мы советуем автору сократить роман, некоторые вещи переписать наново для пользы дела; стараемся объяснить, почему те или иные места отмечены печатью дурного вкуса, советуем, что с ними сделать. Автор соглашается с нами или не соглашается. В первом случае он продолжает работать над романом; во втором случае он отказывается от этой работы, и нам предстоит принимать новое решение — печатать ли роман с теми изъянами, которые есть в нем, на наш взгляд, или отказаться от него? Мы можем сделать и то и другое, это дело нашей совести, это вопрос оценки романа — насколько велики его достоинства, несмотря на те или иные остающиеся в нем, не исправленные автором недостатки.

Беру обратный случай: я автор, я приношу свой роман в другой журнал, скажем, в «Знамя». И перед редакцией и передо мною в обратном порядке в той или иной форме встают те же дилеммы, что вставали перед автором, пришедшим в «Новый мир», и редакцией «Нового мира».

Этот процесс мне кажется закономерным — он называется редактурой. Мы не можем и не хотим отнять у автора право распо-

ряжаться своим произведением, но мы не можем и не хотим отнять право у писателей, входящих в редколлегию журналов, распоряжаться своей подписью под журналом. Я, как редактор, или Федин, или Голубов, или Агапов, как члены редколлегии, не под всяким произведением согласимся поставить свою редакторскую подпись. Стало быть, каждый случай следует рассматривать конкретно, причем «все люди — человеки», и в одном случае может оказаться неправ писатель, принесший рукопись, а в другом случае — писатель, выступивший в роли ценителя и редактора этой рукописи.

Что касается слова «перекройка», то это слово, вызывающее ассоциацию с принуждением. Конечно, писатель может много раз переделывать свое произведение и, я бы добавил, должен быть благодарен людям, которые подсказали ему пути к улучшению этого произведения, так бывает (я благодарен на всю жизнь нескольким товарищам-писателям за такую творческую подсказку), но писатель не может и не должен «перекраивать» по принуждению, ничего хорошего из этого не получается.

Теперь еще один вопрос. Вы говорите, что стиль писателя, форма и художественное обрамление произведения — дело вкуса писателя, дело его творческой интуиции. Вообще говоря, это верно, но и тут, мне кажется, писатель не должен считать свое собственное суждение о собственном вкусе истиной в последней инстанции. Мы нередко проявляем дурной вкус, обманываемся, иногда нам кажется, что мы написали что-то особенно хорошее, а потом сами читаем это с удивлением, и часто редактор с хорошим вкусом и пониманием индивидуальности того писателя, которого он редактирует, может подсказать много очень полезного. Так что и тут, видимо, разные конкретные случаи дают разный материал для суждений.

Что касается вопроса о Кауфмане, то здесь мне трудно судить. Я плохо знаю тот материал, о котором Вы пишете, но мне кажется, что та дискуссия о Шамиле, которая проходит сейчас в «Вопросах истории», полезна для людей, работающих над той тематикой, которой посвящен Ваш роман. В прошлом соображения относительно того, что, как Вы пишете, «приход русских в Туркестан был явлением прогрессивным» (в других случаях эта терминология связывалась с приходом русских на Кавказ), применялись в литературе, и не только в литературе, прямолинейно, приводили к приукрашиванию событий, к обелению того, что обелять было не должно.

Может быть, те трудности, которые Вы испытываете со своим романом, объясняются известной реакцией и на эти имевшие место перегибы, повторяю, мне трудно судить, не прочитав роман, но одно соображение я хотел бы высказать. Когда мы берем страницы истории наших республик, будь то Туркестан или Кавказ, мы должны помнить о полной нетерпимости для нас, советских писателей, всего того, что хоть в какой-нибудь мере ущемляло бы нацио-

нальные чувства, национальную гордость любого из народов, населяющих нашу страну. Писатель так же, как и историк, должен стоять на почве исторических фактов, но в его отношении к этим фактам то, о чем я только что сказал, должно быть определяющим началом.

Когда выйдет Ваша книга, постараюсь непременно ее прочесть, эта эпоха в истории меня очень интересует.

Желаю Вам успехов. Жму Вашу руку.

Буду рад, если мое письмо хоть как-то Вам пригодится.

Ваш
К. Симонов.

16 октября 1956 года.

Впервые с сокращениями — в *РСТ*.

Алматинская Анна Владимировна (1883—1973) — русская советская писательница.

Голубов Сергей Николаевич — с 1957 по 1962 г. был членом редколлегии журнала «Новый мир».

...вопроса о Кауфмане...— Кауфман Константин Петрович (1818—1882) — русский военачальник, генерал-адъютант, в 1867 г. назначен командующим войсками Туркестанского военного округа, при нем был взят Самарканд (1868), покорена Хива (1873) и из Кокандского ханства образована Ферганская область (1875). В письме от 11 сентября 1956 г., на которое отвечает Симонов, А. Алматинская писала, что при редактировании ее романа «Гнет» «роль исторической личности устроителя края Кауфмана затушевывают, хотят, чтобы он был звероподобным угнетателем народов Востока» *(АКС)*.

Шамиль (1799—1871) — имам Дагестана и Чечни, руководитель освободительной борьбы кавказских горцев против царских колонизаторов и местных феодалов под лозунгами мюридизма.

...дискуссия о Шамиле, которая проходит сейчас в «Вопросах истории»...— Речь идет о следующих материалах, опубликованных в 1956 г. в журнале «Вопросы истории»: А. М. Пикман. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами (№ 3); С. К. Бушуев. О кавказском мюридизме (№ 12); отчет «Обсуждение вопроса о характере движений горских народов Северного Кавказа в 20—50-х годах XIX века» (№ 12) — о проходивших в октябре 1956 г. научной сессии по вопросу о движении горцев под руководством Шамиля, состоявшейся в Институте истории, языка и литературы при Дагестанском филиале АН СССР, и совещании, состоявшемся в ноябре 1956 г. в Институте истории АН СССР.

...тематикой, которой посвящен Ваш роман.— Речь идет об историческом романе, действие которого происходит в XIX в. в Узбекистане,— см.: А. Алматинская. Гнет. Ташкент, Издательство литературы и искусства, 1957.

В. В. ОВЕЧКИНУ

4 февраля 1957 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Валентин Владимирович!

Получив твое дружеское письмо, собрался сразу же ответить, но стоило один день промедлить, как навалились на меня разные трудные и мало приятные дела, и дней десять просто ни по какому поводу не мог заставить себя сесть к столу. Только вчера осилил сам себя, заставил себя засесть за работу над романом, и сразу сделалось по-другому на душе.

Ты пишешь, что шестого собираешься быть в Ленинграде,— все-таки пишу тебе в Курск, потому что всяко бывает, может, твоя поездка и отменится, а если не отменится — не беда, застанешь мое письмо, вернувшись, уже после того, как повидаемся.

Посылаю тебе свою последнюю вышедшую книгу, куда вошел и «Дым отечества». Честно говорю, не знаю, какова она сейчас, эта повесть, и как она прочтется? Знаю только одно при этом, что в ней треть сокращено и очень многое поправлено и переписано, но сделал я в ней только то, что казалось нужным мне самому для того, чтобы она стала лучше, не входя при этом ни в какие привходящие соображения. Когда прочтешь, напиши или при случае скажи мне свое мнение,— оно будет дорого для меня.

Вчера достал журнал и прочитал очерк Иванова, о котором ты писал. По-моему, он большой молодец. Кажется, для нашего журнала о нем пишет статью Фиш, но хочу завтра, когда приеду в Москву, посоветоваться с товарищами — может быть, есть смысл тиснуть эту вещь в третьем номере, как перепечатку из «Сибирских огней». Будет другой тираж и другой резонанс, а перепечатка такой вещи сама по себе, по-моему, для журнала дело вовсе не зазорное.

Пленум наш намечается на конец марта. Когда обсуждали этот вопрос, я высказал мнение, что вряд ли мы уложимся к этому сроку, учитывая всю подготовку, которая заварена. Ну, ладно, увидим. По мне, чем он скорее будет, тем лучше.

Если ты мне пришлешь лишний экземпляр того, о чем пишешь, очень хорошо сделаешь. Пришли по тому же адресу, по которому прислал это письмо.

Завтра позвоню тебе в Курск на тот случай, если ты там, но все же хочу тебе написать, что вчера получил записку от Полевого о том, что пришел ответ от Лю Байюйя относительно твоего сына. Посылаю тебе, чтобы ты был в полном курсе дела, копию этого ответа, а заодно и копию того письма, которое мы в свое время передали Лю Байюйю. Рад, что дело как будто уже по существу решено, теперь дело осталось за техникой.

Первую часть моего романа прочли в «Знамени». Было

обсуждение, с одной стороны, подтвердившее мое предчувствие, что там в романе еще не все готово и сделано, и в этом смысле обсуждение было полезно. Сейчас перечитываю и чиркаю роман. С другой стороны,— тоже как и следовало ожидать,— дело не обошлось без изрядной дозы перестраховки, на которую предполагаю наплевать. А в общем, раньше июня-июля вряд ли начну печатать — в «Знамени», если сговоримся на приемлемом для меня, или в другом журнале, если выяснится, что в «Знамени» не договоримся.

Среди разных трудных и мало приятных для меня событий произошло одно трудное, но радостное — родилась дочка!

Вот такие дела.

Прихворнул я после Индии действительно, а не дипломатически, но сейчас чувствую себя вполне прилично.

Отправлю письмо и книгу. Завтра буду звонить и надеюсь, что на днях увидимся.

Жму твою руку.

К. Симонов.

4 февраля 1957 года.

P. S. Разбирая пришедшие без меня письма, нашел одно, которое, очевидно, представит для тебя интерес, если только тебе не прислали его копию уже раньше. На всякий случай посылаю ее.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Овечкин Валентин Владимирович (1904—1968) — русский советский писатель.

...за работу над романом...— Симонов работал над романом «Живые и мертвые».

...последнюю вышедшую книгу, куда вошел и «Дым отечества»...— В. Овечкин в письме от 20 января 1957 г. писал Симонову: «Жду появления в КОГИЗе «Дыма отечества», чтобы перечитать свежими глазами. За что тогда загорелся сыр-бор?» *(АКС)*. Речь в письме Симонова идет о кн.: К. Симонов. Повести и рассказы. М., Гослитиздат, 1956.

...прочитал очерк Иванова, о котором ты писал.— В том же письме Симонову В. Овечкин писал: «Если имеешь интерес к очерковой деревенской литературе, прочти в № 4 «Сибирских огней» очерк Леонида Иванова (кто такой?) «Сибирские встречи». Очень здорово в смысле глубины. Какая же замечательная литература появляется в последнее время! Такая *деловая*, хозяйская». Иванов Леонид Иванович (р. 1914) — русский советский писатель. Опубликованный в журн. «Сибирские огни» очерк Л. Иванова вызвал несправедливые резкие критические отклики в некоторых сибирских газетах.

...о нем пишет статью Фиш...— Статья Фиша Геннадия Семеновича (1903—1971) «На переднем крае (Заметки писателя)» (*НМ*, 1957, № 4).

...есть смысл тиснуть эту вещь в третьем номере...— Очерк Л. Иванова с предисловием Г. Маркова был перепечатан в *НМ*, 1957, № 3.

...вряд ли мы уложимся к этому сроку, учитывая всю подготовку, которая заварена.— 3-й пленум Правления Союза писателей СССР состоялся 14—17 мая 1957 г., на пленуме обсуждался заранее розданный коллективный доклад секретариата Правления СП СССР «О некоторых вопросах развития советской литературы после XX съезда КПСС».

...лишний экземпляр того, о чем пишешь...— В том же письме В. Овечкин писал Симонову: «Видишь ли, то, что я собирался написать, я уже написал. Эта штука лежит вот сейчас передо мною на столе. А что с нею делать — не знаю. Пожалуй, это даже не литература, не статья, а докладная записка по самым нетерпежным вопросам. Может быть, придется выступить с этим на пленуме Союза (на партгруппе), а печатать это вряд ли надо» *(АКС)*.

Полевой Борис Николаевич в ту пору возглавлял Иностранную комиссию СП СССР.

...пришел ответ Лю Байюйя относительно твоего сына...— Лю Байюй (р. 1915) — китайский писатель, в то время секретарь Союза писателей Китая. В письме Б. Полевому от 19 января 1957 г. Лю Байюй писал: «В декабре прошлого года, когда я был в Москве, тов. Симонов говорил мне, что у сына Овечкина ревматическое воспаление суставов и что отец хотел бы отправить его на лечение в Китай. ⟨...⟩ в одной из пекинских клиник ⟨...⟩ сравнительно эффективно лечат такие заболевания ⟨...⟩ Мы приглашаем его лечиться в Китай и все расходы по лечению и пребыванию больного в Китае берем на себя» *(АКС)*. Овечкин Валентин Валентинович (р. 1932) — геолог, сын В. Овечкина. В письме Симонову от 9 марта 1957 г. В. Овечкин писал: «Сын сейчас в Москве, оформляет документы и, очевидно, на днях улетит в Китай. Большое тебе спасибо за него!» *(АКС)*. В. В. Овечкин в письме Л. А. Жадовой от 7 декабря 1981 г. писал: «Участию Константина Михайловича я обязан тем, что не стал инвалидом» *(АКС)*.

...раньше июня-июля вряд ли начну печатать...— Роман «Живые и мертвые» был опубликован в журн. «Знамя», 1959, № 10, 11, 12.

...родилась дочка...— Симонова Александра Кирилловна (р. 1957).

...после Индии...— В декабре 1956 — январе 1957 г. Симонов ездил в Индию.

В. В. ОВЕЧКИНУ

2 марта 1957 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Валентин Владимирович!

Прежде всего, благодарю за книгу.

Во-вторых, благодарю за поздравление с прибавлением семейства. Дома хорошо, от этого на душе хорошо, от этого многое

трудное и не простое, что бывает за пределами дома, проще и легче.

Рад твоему доброму мнению о «Дыме отечества». В свое время я честно пытался понять, что же такое с ним произошло, даже придумывал разные умные и принципиальные объяснения, а в конце концов, на поверку, от всего происшедшего с повестью осталось ощущение неизвестно для чего сделанной и никому не нужной глупости. Сейчас, с выходом книги, это ощущение, в общем, выкинуто из души.

Иванов уже верстается. Третий номер хотя и опоздает, но, надеюсь, все же к 15—20-му числу выйдет. Познакомился с самим Ивановым — замечательный, умный, знающий человек. Договорился с ним о второй части очерков, напечатаем их, видимо, летом, параллельно с «Сибирскими огнями».

Не расспрашиваю тебя письменно о том, что и когда ты нам дашь, в надежде вскоре тебя увидеть. Что касается пленума, то по сей день считается, что он будет в конце марта, но я и сейчас еще в этом не уверен. Идет подготовка общего от имени Секретариата доклада, который должен быть роздан на руки. Я написал и сдал свою часть — о социалистическом реализме. Пока, кроме нее, сдана еще одна часть, а всего их восемь. Что это будет и как сойдутся концы с концами, когда будем все это вместе обсуждать,— ума не приложу. Ну ладно, поживем — увидим!

С Зинаидой Николаевной вопрос довольно сложный, и, честно говоря, пока я не придумал, как ей можно помочь. Ну, а все же попробую что-нибудь предпринять, потому что помочь хочется.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что внутри своего романа написал я совершенно отдельный не то рассказ, не то повесть, листа на четыре. Вынул этот рассказ, провозился над ним дополнительно последние три недели и отдал Атарову. Собирается печатать в апрельском номере «Москвы». Рассказ о первых неудачных боях за Крым осенью сорок первого года.

Кроме этого написано за отчетный период некоторое количество объяснительных записок к объяснениям, из которых одни имели место, а другим, возможно, еще иметь место предстоит. Мне иногда начинает казаться, что благодаря упорной и длительной работе именно над этим литературным жанром он в конце концов начнет у меня выходить лучше всего остального.

Позавчера заходил ко мне в «Новый мир» Дудинцев, говорит, что недели через две должна выйти его книга. От души порадовался и за него, и за то, что это вообще правильно.

Ну, до скорой теперь уже, наверное, встречи.

Жму твою руку.

К. Симонов.

2 марта 1957 года.

P. S. Да, есть одна просьба к тебе: один из работников «Наших достижений», долгое время бывший в вынужденном отсутствии и вернувшийся оттуда реабилитированным, съездил после возвращения в те места, где он когда-то работал в тридцатые годы. Итог этой поездки — рукопись «На старопахотных землях». С автором я предварительно говорил, а насчет того, что можно сделать с рукописью,— хочу посоветоваться с тобой и даже сказал об этом автору. Он ни на что не претендует, не настаивает на том, чтобы печатали рукопись, хочет только одного, чтобы на поднятые им вопросы так или иначе обратили внимание.

Сделай одолжение, посмотри эту рукопись, которую я прилагаю к письму, напиши мне, что ты об этом думаешь, или прихвати ее в Москву, когда приедешь.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

...благодарю за поздравление...— См. письмо В. Овечкину от 4 февраля 1957 г.

...доброму мнению о «Дыме отечества».— См. письмо В. Овечкину от 4 февраля 1957 г.

Иванов уже верстается.— См. письмо В. Овечкину от 4 февраля 1957 г. и примеч. к нему.

Познакомился с самим Ивановым...— См. об этом воспоминания Л. Иванова «История одной публикации» («Константин Симонов в воспоминаниях современников». М., «Советский писатель», 1984).

Договорился с ним о второй части очерков...— См. об этом воспоминания Л. Иванова «Городские беседы — деревенские проблемы» («Воспоминания об А. Твардовском». М., «Советский писатель», 1982).

Что касается пленума...— См. об этом примеч. к письму В. Овечкину от 4 февраля 1957 г.

С Зинаидой Николаевной вопрос довольно сложный...— Пиддубная Зинаида Николаевна (1904—1981) — секретарь редакции журн. «Новый мир», речь идет о трудных жилищных условиях, в которых она жила.

...не то рассказ, не то повесть...— Повесть «Пантелеев», напечатана в журн. «Москва», 1957, № 4.

...отдал Атарову...— Атаров Николай Сергеевич (1907—1978) — в то время главный редактор журн. «Москва».

...должна выйти его книга...— Книга Дудинцева Владимира Дмитриевича (р. 1918). «Не хлебом единым» (М., «Советский писатель», 1957).

...один из работников «Наших достижений»...— Шкапа Илья Самсонович (р. 1898) — русский советский писатель-очеркист, сотрудник основанного М. Горьким журн. «Наши достижения» (1929—1936), автор кн. об этом «Семь лет с Горьким» (М., «Советский писатель», 1964).

...напиши мне, что ты об этом думаешь...— В письме Симонову от 9 марта 1957 г. В. Овечкин писал: «Очерк Гриневского (И. Шкапа писал и под псевдонимом И. Гриневский.— *Л. Л.*) нельзя печатать, по-моему. Но с мыслями автора, его предложениями я во многом согласен... Все же с очерком Гриневского надо что-то сделать. Это материал для изучения наверху и каких-то выводов. Мне кажется, его надо послать в ЦК, уточнив, где все это происходит — область, район, колхоз,— если очерк написан с натуры» *(АКС)*.

Р. И. ГОРСКОЙ

21 марта 1957 г., ⟨Москва⟩

Уважаемая т. Горская!

Я прочел Вашу статью о рассказе Шолохова.

Что касается лично моего мнения, то статья Ваша у меня не вызвала сочувствия. Почти все, что Вам не нравится в языке Шолохова в этом рассказе, мне как раз нравится. Это живой, невыдуманный язык, сочный, сильный, грубоватый, а если взять все вместе — прекрасный.

Возможно, некоторые из Ваших частных замечаний и справедливы, но в целом, если Вас послушать, то писатель должен писать неким средним дистиллированным языком. Такие требования в нашей критике еще несколько лет тому назад нередко выдвигались и, кроме вреда литературе, на мой взгляд, ничего не принесли.

Если говорить об остроте вопроса, она не столько в том, чтобы от чего-то еще очистить русский язык,— его уже и так чистили, чистили, перечистили,— а в том, чтобы обогатить литературный язык, который во многих и многих книжках чрезвычайно нивелирован, вял и сер.

Вот почему я не согласен с пафосом и общим направлением Вашей статьи, вот почему мне кажется, что, хотя отдельные Ваши частные замечания, повторяю, верны, Вы, заботясь о нашем литературном языке, бьете совсем не в ту сторону, в которую нужно.

Статью возвращаю.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

...статью о рассказе Шолохова...— Речь идет о рассказе М. Шолохова «Судьба человека» (1956—1957).

Н. Н. АРДЕНСУ

4 апреля 1957 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Я прочел Вашу статью «На путях изучения Л. Н. Толстого» и должен сказать, что Ваша постановка вопроса у меня лично не вызывает сочувствия. Мне кажется, что Толстой, с его величием и с его слабостями, не нуждается ни в каких натяжках. Величие «Войны и мира» не может стать больше оттого, что мы станем умозрительно представлять Каратаева более активной натурой, чем он нам представлялся при самом чтении романа. Думаю также, что ничего не добавит к нашему эмоциональному ощущению романа и какое бы то ни было приглаживание противоречий в исторической концепции Толстого, а мне кажется, что именно к этому приглаживанию сводится пафос Вашей статьи. Я не согласен с тем положительным мнением о Вашей статье, которое высказали мои товарищи по редакции. Если бы они мне показали статью Вашу раньше, я тогда же и высказал бы это несогласие.

Что касается формальной стороны вопроса — о принятии статьи редакцией, о котором Вы пишете, то прошу Вас по этому вопросу связаться с Б. Н. Агаповым. Если им, как заместителем главного редактора журнала, Ваша статья была принята к печати, то тем самым, очевидно, журналом были приняты на себя определенные обязательства.

С товарищеским приветом.

Уважающий Вас
К. Симонов.

Рукопись возвращаю.

4 апреля 1957 года.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Арденс Николай Николаевич (1890—1974) — русский советский литературовед.

Б. Н. ПОЛЕВОМУ

23 июля 1957 г., ⟨Гульрипши⟩

Дорогой Боря!

Как мне сообщили, 6-го августа в Секретариате Союза писателей будет обсуждение журнала «Москва». Там, в четвертом и шестом номерах, были напечатаны две моих повестушки — «Пан-

телеев» и «Еще один день». Не знаю, хорошие они или плохие, об этом не мне судить, да и тут могут быть, очевидно, разные мнения, но попытки мелкой политической клеветы в связи с этими повестями уже спешно предприняты «Литературной газетой» в статейке Кремлева-Свена.

У меня нет желания доказывать на страницах этого уважаемого органа, что я не верблюд. Но у меня есть желание, чтобы при обсуждении моих вещей на Секретариате высказались люди и читавшие эти повести, и знающие, что такое война.

К тебе одна просьба, как к отпускнику: прочти эти две вещицы и, поглядятся они или не поглядятся,— черкни в Секретариат свое мнение, с просьбой огласить его при обсуждении журнала «Москва».

Если же будет желание написать мне, то адрес мой: Гульрипши Абхазской АССР, дача Симонова. Буду здесь до 25-го августа.

Привет Юле. Крепко жму руку. Желаю тебе хорошей работы — это главное.

Твой
К. Симонов.

23 июля 1957 года.

Впервые — в *ЛО,* 1985, № 10.

Полевой Борис Николаевич (1908—1981) — русский советский писатель и общественный деятель; с Симоновым его связывали дружеские отношения.

...будет обсуждение журнала «Москва».— Отчет об этом обсуждении «С позиций партийной принципиальности» напечатан в *ЛГ* (1957, 8 августа).

...в статейке Кремлева-Свена.— Кремлев-Свен Илья Львович (1897—1971) — русский советский писатель. Речь идет о его «Заметках о журнале «Москва» (*ЛГ,* 1957, 11 июля), в которых Симонов обвинялся в очернительском изображении «цементирующего начала в нашей героической армии — ее комиссаров и политработников»; это обвинение автор распространял и на деятельность Симонова в качестве главного редактора журнала «Новый мир».

...черкни в Секретариат свое мнение...— Б. Полевой писал в ответ Симонову 5 августа 1957 г.: «...оба рассказа твои я прочел сразу же, как только они вышли. Прочел и статью И. Кремлева. И сразу же, как прочел ее, с ходу, пока не погасло возмущение, я написал письмо Дмитрию Поликарпову (в то время заведующему Отделом культуры ЦК КПСС.— *Л. Л.*) — очень горькое и злое...

Теперь о самих рассказах. «Пантелеев» понравился мне целиком, безоговорочно. Добротный кусок отличной прозы. Весомый, яркий, очень

насыщенный, дышащий большой правдой жизни... «Еще один день» несколько фрагментарней или незаконченней. Узелки завязаны и не развязаны. Так мне показалось. Но, может быть, потому что обе вещи я читал одну за другой и очень высокая мерка невольно накладывалась одна на вторую» *(АКС)*.

Привет Юле. — Кампова-Полевая Юлия Осиповна — жена Б. Полевого.

А. Ю. КРИВИЦКОМУ

24 июля 1957 г., ⟨Гульрипши⟩

Саша!

Письмо, о котором идет речь, ты уже прочел. Прошу тебя, если у тебя не будет возражений, дать следующее распоряжение. Пусть поездом, без лишних расходов, поедет на пять дней в командировку в Батуми кто-нибудь из толковых людей, рецензирующих рукописи по редакции. Лучше всего, если это будет коммунист, с тем чтобы он мог зайти в райком и горком и разузнать там необходимые стороны дела. Пусть этот человек вооружится копией письма, полученного нами, не отвлекаясь, проверит там все на месте, все стороны дела, и напишет подробную докладную записку на имя редколлегии журнала. А потом мы дадим ход этому делу. Причем дело тут не только в том, чтобы помочь этому конкретному парню, а в том, что людей, подобных ему, находящихся в тупике, очень много. Я с этим сталкиваюсь, наверное, уже в десятый раз. Тут требуется если не поправка в закон, то практическое разъяснение, которое было бы дано соответствующим органам и позволяло бы оказывать в виде исключения помощь этим людям, а их не столь уж мало. Сделай, пожалуйста. Это первое.

Второе. Так как я до сих пор не получил от тебя пейзажа для начала повести, то начать оную не смог и, упав духом, взялся за продолжение романа. Это — если шутя. А если серьезно, то провел десять дней в упорных, но бесплодных думах на тему, что и как писать в повести, ни к чему положительному не пришел и сегодня сел работать дальше над романом. Уезжая, никак не ожидал, что так выйдет, но, очевидно, при всем моем нигилизме в этом отношении есть какой-то закон писания и неписания. При огромном романе о войне, начатом и незаконченном, оказывается, не пишется о войне ничего другого. Думал, будет писаться, а оно не пишется. А те две вещи, что получились,— получились, очевидно, потому, что для них уже все было накоплено и оставалось их только превратить из части романа в нечто, самостоятельно от него живущее. Сознаю, что огорчаю тебя этим сообщением, но хочу написать

об этом сразу же, потому что в этом вопросе должна быть ясность.

Приветствую тебя на боевом посту в твоей адской кухне. Что касается нас, то мы тоже живем неплохо, сегодня имеем 47° по Цельсию на солнце!

Море понемногу ремонтируем — а вдруг приедешь?!

Лариса шлет привет тебе и Циле, Нина Павловна также.

Я лично тебе жму руку.

Твой

К. Симонов.

24 июля 1957 года

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Кривицкий Александр Юрьевич (1910—1986) — русский советский журналист и писатель, в то время зам. главного редактора журнала «Новый мир».

Письмо, о котором идет речь... — Как сообщил А. Кривицкий в письме от 20 июня 1982 г. в Комиссию по литературному наследию К. Симонова, «речь шла о юноше, страдавшем полиомиелитом. Полный инвалид, он находился в тяжелейших материальных условиях. Ему необходимо было срочно помочь. В батумскую командировку был в тот же день послан член редколлегии А. М. Марьямов. Делу был дан ход, больному человеку помогли» *(АКС)*.

...для начала повести... — Речь, видимо, идет о замысле одной из повестей цикла «Из записок Лопатина».

...взялся за продолжение романа. — Роман «Живые и мертвые».

А те две вещи, что получились... — Повести цикла «Из записок Лопатина» — «Пантелеев» и «Еще один день» («Левашов»).

...огорчаю тебя этим сообщением... — Задуманная повесть предназначалась «Новому миру».

Лариса — Жадова Лариса Алексеевна (1927—1981), искусствовед, жена К. Симонова.

Циля — Михайлова Цецилия Михайловна, русский советский критик, жена А. Кривицкого.

Н. ХИКМЕТУ

19 сентября 1957 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Назым!

Извини, что только сейчас, после трех недель, проведенных в Москве, пишу тебе о твоей пьесе. Причина только одна: я хотел проверить сложившееся у меня впечатление о пьесе мнением своих товарищей по редакции. Впервые за все это время вещь, вышедшая

из-под твоего пера, мне активно не понравилась, и притом прежде всего с художественной стороны. Настолько, как говорится, не легла на душу, что я невольно подумал: уж не ошибаюсь ли я, верно ли это? А подумав так, решил посоветоваться.

Сейчас пьесу, кроме меня и Кривицкого, прочли Лавренев и Марьямов, люди, любящие твой талант и знающие драматургию. И вот три дня тому назад мы собрались все вместе и обменялись мыслями о твоей пьесе. И надо сказать, что, с некоторыми небольшими оттенками, у нас сложилось общее и огорчительное для нас самих мнение: пьеса, на наш общий взгляд, тебе решительно не удалась. Мы постарались сами себе ответить на вопрос: почему же так вышло? И вот что нам кажется:

Все люди в твоей пьесе условны, они несут определенные социальные функции и, в общем, верно отражают в принципе расстановку классовых сил в то время, но они холодны именно потому, что они условны, они бесстрастны, хотя говорят о горячих вещах. И среди этих условных людей, говорящих условные вещи, начинает казаться условным человеком и твой Осман.

Условность пьесы подчеркивается условным приемом искусственной отъединенности, перенесенным из вереницы пьес, в голове которых стоит бергеровский «Потоп».

Эта последняя условность помогает построить действие, но в то же время доводит до предела его искусственность. Ты заставил застыть в неподвижности горсточку людей, в то время как эпоха революции полна движением масс, кипением перемен, ежечасным и бурным изменением ситуаций.

Неподвижная фотография плохо передает движение, тем более такое движение, как революция.

К этому надо добавить, что перенесенная из литературы, полная литературных и не самых хороших реминисценций ситуация треугольника — из начальника станции, телеграфиста и взбалмошной мятущейся бабы, дразнящей обоих,— подчеркивает еще более условность всей ситуации, далекость ее от жизни. И уже если стать на позиции условной драматургии, считать твою пьесу пьесой-притчей, пьесой, состоящей из символов,— то тут тем более странен и неудачен этот треугольник, ничего не символизирующий, а просто-напросто грубыми стежками связывающий разрозненные сцены и разрозненные судьбы.

Нельзя вообще возражать против символики, но она приобретает цену, когда за ней стоит глубина несказанного, когда в ней, как в фокусе, видно бесконечно многое.

Но в фокусе твоей заброшенной станции не видна громада революции, есть только признаки ее, есть хорошие и плохие, удачные и неудачные фразы о ней, но ни революции, ни людей революции в пьесе нет. И даже когда твой Осман пьет кофе с Лениным

и Марксом — это не символ, а только оболочка символа. Они просто пьют кофе, а для этого не стоило беспокоить Ленина и Маркса.

Нам всем показалось, что лучшая сцена в пьесе — сцена в бывшем помещичьем доме, нам показалось, что только одна она приближается к художественному выражению того, что у тебя было в замысле.

И вот, когда закрываешь пьесу — странное чувство: как будто в ней все верно и в то же время все мимо цели, ибо люди в пьесе не удались ни как символы, ни как живые люди — они и ни то и ни другое. А без людей все оказывается мертвым.

И еще одно — переводчики перевели твою пьесу плохим русским языком. Это вообще тревожно, может быть, надо тебе попробовать, чтобы над переводом потрудились совсем другие люди. Хоть раз-другой, для проверки. Монополия в таком деле ведь иногда толкает людей на частичную, если не полную халтуру. Они начинают работать хуже, чем м о г у т, а вдобавок еще, быть может, они и м о г у т не самым лучшим образом.

Однако это последнее соображение — не главное, боковое, хотя и существенное.

Главное же чувство после пьесы, что это неудача, художественный промах, и ни я, ни мои товарищи считаем себя не в праве скрыть это свое, может быть, и неверное, с твоей точки зрения, ощущение от тебя, нашего друга.

Я через два дня улечу на 10 дней, и поэтому, боясь, что мы можем не успеть увидеться, решил написать тебе, чтобы этот вопрос не висел в воздухе, где-то между мной и тобой.

Как только я вернусь, я сразу буду звонить тебе, чтобы повидаться.

Я огорчен тем, что огорчаю тебя, но кривить душой не могу.

Крепко жму твою руку.

Твой *Константин Симонов.*

19 сентября 1957 года.

Впервые — в *НМ,* 1985, № 11.

...о твоей пьесе.— Рукопись пьесы «Станция», переработанный вариант которой в переводе А. Бабаева и М. Павловой опубликован в кн.: Н. Х и к м е т. Пьесы. М., «Искусство», 1962.

Марьямов Александр Моисеевич (1909—1972) — русский советский писатель.

...стоит бергеровский «Потоп».— Бергер Юхан Хенниг (1872—1924) — шведский писатель. Его пьеса «Потоп» (1908) была в 1915 г. поставлена во МХАТе-2-м Е. Вахтанговым.

А. З. ВУЛИСУ

17 октября 1957 г., ⟨Москва⟩

Дорогой товарищ Вулис!

Я прочел Вашу рукопись и, прочтя ее целиком, в сокращенном виде в журнале читать ее уже не стал. Рукопись обрывается на полуслове, и в общем рано давать ей оценку, но тем не менее мне уже сейчас хочется сказать Вам: то, что Вы делаете, и то, что Вы уже сделали,— работа серьезная и, добавлю, интересная для чтения, а это немаловажно для литературоведческой работы. Я как раз принадлежу в данном случае к числу наименее благодарных читателей, ибо почти все, о чем Вы упоминаете, я только что прочитал, за исключением некоторых архивных материалов, и все это свежо у меня в памяти. Поэтому те сопоставления, которые Вы делаете, для меня менее неожиданны, чем для большинства других, и менее оглушительны, однако я все равно все это читал с интересом, потому что Ваш анализ мне кажется тонким, достоверным, в нем, что редко бывает в литературоведении, очень мало натяжек. Кроме всего прочего, по-моему, Ваша работа пишется хорошим живым языком и поэтому легко читается.

Чем я могу Вам быть полезен? На данном этапе едва ли чем. Вам просто-напросто надо кончить свою работу, а вот когда кончите и ежели Вы ее кончите на том же уровне, на котором начали, я приложу все усилия к тому, чтобы помочь Вам издать ее книгою. Очевидно, в январе или феврале я на какое-то время приеду в Ташкент, тогда мы с Вами увидимся и поговорим поподробнее.

Рукопись посылаю обратно. Одно замечание: мне кажется, что самая последняя страница рукописи написана несколько торопливо. Зря Вы связали в одну кучу Бендера, Фигаро, Скапена, Жиль Блаза и Санчо-Панса. Вообще тут не все додумано до конца. Ну, это легко исправить.

От души желаю Вам успеха в работе.

Жму Вашу руку.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

17 октября 1957 г.

P. S. Рукопись возвращаю.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

Вулис Абрам Зиновьевич (р. 1928) — русский советский литературовед.

...в журнале читать ее не стал.— Статья А. Вулиса «Вдвоем над одной рукописью» была напечатана в журнале «Звезда Востока», 1957, № 7.

...помочь Вам издать ее книгою.— Работа А. Вулиса «И. Ильф, Е. Петров. Очерк творчества» была выпущена в свет Гослитиздатом в 1960 г.

Б. А. ЛАВРЕНЕВУ

⟨Конец 1957 г., Москва⟩

Дорогой Боря!

Получил твое письмо. Спасибо тебе за него.

Дела идут более или менее нормально; вышел одиннадцатый номер, и я попросил, чтобы редакция послала тебе его бандеролью, авиапочтой, дабы не только читатели, но и удалившиеся на черноморские воды члены редколлегии получили оный номер до праздников.

Черкни мне, пожалуйста, в каком ты настроении в смысле чтения рукописей, и если в настроении, то я бы тебе сейчас от времени до времени посылал кое-какие прозаические опусы авиапочтой с обратной отправкой их при помощи оной же. Так я делал, когда был сам в Гульрипши, и это довольно быстро все оборачивалось.

Наш общий рыжий друг, доведя до конца одиннадцатый номер, отбыл на три недели в Грузию. У него было приглашение от юбилейного комитета Чавчавадзе, а затем он останется там готовить подборку грузинской поэзии для декадного номера, ну и потом еще отдохнет немного. Ему, по правде говоря, со всеми предпраздничными номерами изрядная досталась работа. Пишу это на тот случай, что если ты скучаешь: так, наверно, можно позвонить из Гульрипши в Тбилиси — может, он заглянет к тебе на обратном пути, навестит.

Что до меня, то я болею с самого приезда из Ташкента. Два раза вставал и второй раз опять свалился. На этот раз не только с гриппом, но и с каким-то диким карбункулом в носу, от коего температура 39, а ощущение брезгливости такое, словно тебя день и ночь держит грязной рукой за нос какая-нибудь вонючая сволочь, вроде ⟨...⟩ А ты не в состоянии ничего против этого предпринять... Сегодня первый день немножко полегчало.

Однако благодаря болезни дела «Нового мира» веду как будто в порядке. Двенадцатый номер уже почти целиком сдан, хотя и не особенно блещет достижениями.

Несколько дней назад, перед последним приступом болезни, позвонил мне Борис Сергеевич Рюриков и сказал, что наконец-то твоя просьба уважена и ты можешь уже не испытывать застарелой заочной ответственности за «Дружбу народов», с чем тебя от души поздравляю, так как, наверное, больше всех других знаю, насколько ты в последнее время тяготился этим. Сделали там редакционный совет вместо редколлегии, во главе его Сурков, а Корабельников первый зам. Есть еще разные реорганизационные подробности, но не пишу их, потому что вряд ли они тебя так уж интересуют. Итак, старик, ты снова весь наш, новомирский.

Я перебрался на новую квартиру. Адрес мой: Москва, 2-я Аэропортовская улица, дом 7/15, кв. 113, так что можно писать мне и сюда, и письма будут доходить пожалуй что быстрее, ибо дома я бываю каждый день, а в «Новом мире», слава богу, не каждый.

Чувствую, что письмо мое получается, как говорится, не шибко интеллигентное, но проклятый нос до того меня замучил, что на сегодня максимум на что я способен — это на информацию. Надеюсь, в дальнейшем мой интеллект воспрянет, и я напишу тебе что-нибудь более порядочное.

Крепко жму твою руку.

Сердечный привет супруге.

Твой

К. Симонов.

Жаль, что не могу снять с себя сейчас моментальную фотографию и отправить тебе. Думаю, что она бы доставила тебе несколько часов здорового безыдейного смеха.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Лавренев Борис Андреевич (1891—1959) — русский советский писатель.

Рыжий друг — А. Ю. Кривицкий.

...юбилейного комитета Чавчавадзе... — Чавчавадзе Илья Григорьевич (1837—1907) — грузинский писатель и общественный деятель; 19—22 октября 1957 г. в Тбилиси отмечалось 120-летие со дня его рождения.

...готовить подборку... для декадного номера... — К декаде грузинского искусства и литературы, состоявшейся в Москве в марте 1958 г., была подготовлена подборка «Грузинская тетрадь. Из стихов 1957 года» (*НМ*, 1958, № 3).

...позвонил мне Борис Сергеевич Рюриков и сказал, что наконец-то твоя просьба уважена... — Б. Рюриков работал в то время в Отделе культуры ЦК КПСС. Б. Лавренев, по его собственной просьбе, был освобожден от должности главного редактора журнала «Дружба народов».

Сделали там редакционный совет... — А. Сурков был назначен председателем редакционного совета, главным редактором журнала.

Корабельников Григорий Маркович (р. 1904) — русский советский критик.

...ты снова весь наш, новомирский. — Отвечая 13 февраля 1958 г. на письмо Симонова, Б. Лавренев писал: «Я глубоко тронут вниманием всей редколлегии. Оно особенно дорого в такие дни оторванности и одиночества.

Очень надеюсь, что еще смогу с пользой поработать в журнале. Главного редактора «Дружбы народов» из меня по инвалидности не получилось, но членом редколлегии я еще постараюсь держаться.

Материалы читать могу, и если они есть, то пусть мне присылают,— это поможет выздоровлению» *(АКС)*.

...привет супруге.— Лавренева Елизавета Михайловна — жена Б. Лавренева.

Датируется по содержанию.

Е. Н. ПЕРМИТИНУ

3 марта 1958 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Ефим Николаевич!

Я прочел Ваше «Раннее утро» и искренне благодарен Вам за то удовольствие, которое я получил при чтении. Образ мальчика возникает очень зримо и сильно при всей мягкости, а порой и тонкости красок, которыми он изображен.

Я сам лишен дара чувствовать природу, и, может быть, именно поэтому многое сказанное о ней в Вашей повести показалось мне до завидного точным и художественным.

Сильное впечатление на меня произвели последние сцены, связанные со смертью бабушки. Не только сама ее тихая смерть, но все, начиная с приезда деда Емельяна.

Таковы мои читательские чувства.

А теперь насчет практически редакционных дел: за опубликование повести в журнале то, что это хорошая проза. Против — то, что это лишь самое начало человеческой судьбы; еще нет разворота событий, нет крупно всей этой истории, нет, да и, должно быть, в этом самом начале и не может быть.

«Новый мир» поругивают — и справедливо — за отсутствие современной прозы, то есть, точнее говоря, за нехватку прозы о нашем времени, о наших днях. На поисках ее сейчас сосредоточены усилия редакции. Только в марте закончим публикацию исторического романа Голубова; начинать вскоре же вслед за этим публикацию повести о детстве, связанной с материалом дореволюционной деревни, нам довольно трудно.

Выкладываю Вам честно все «против».

Однако мне хочется, чтобы мои товарищи по редколлегии тоже прочитали Вашу вещь. Может быть, мы все-таки в том случае, если найдем и будем печатать прозу о наших днях, рядом с нею сумеем поместить в журнале и Вашу повесть.

В общем, отправляю ее товарищам, чтобы почитали, в сопровождении этой вот копии своего письма к Вам. Если меня не будет в Москве, прошу связаться с Александром Юрьевичем Кривицким по телефону К-4-39-88, примерно между 10 и 15 марта.

Жму Вашу руку.

Уважающий Вас

К. Симонов.

3 марта 1958 года.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Пермитин Ефим Николаевич (1896—1971) — русский советский писатель.

...Ваше «Раннее утро»... — Первая часть трилогии Е. Пермитина «Жизнь Алексея Рокотова»; повесть была опубликована в журн. «Москва» (1958, № 6, 7).

...закончим публикацию исторического романа С. Голубова... — Роман «Птицы летят из гнезд. О детстве и юности великого болгарина Христо Ботева, о друзьях и недругах его ранних лет» (*НМ*, 1958, № 1, 2, 3).

В. Я. БАРЛАСУ

25 марта 1958 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый товарищ Барлас!

Вашу статью «Воспитание поэта» я прочел. Статья мне показалась интересной,— в ней есть над чем поразмыслить и читателю, и самому поэту. Многое в работе Евтушенко, по-моему, Вы критикуете верно и глубоко, но в то же время, мне кажется, Вы зря уделили так мало внимания революционно-романтической струе в поэзии Евтушенко. Глубокое изучение жизни, большой собственный опыт — это все великое дело, и тут я к Вам целиком присоединяюсь; но и жизненный опыт приобретать можно по-разному, и жизнь можно изучать по-разному, и во всем этом необычно важна позиция, внутреннее душевное устремление. А это очень чисто революционное устремление есть в стихах Евтушенко, оно и должно повести его по правильному пути. И если уж называть статью «Воспитание поэта», то в такой статье необходимо более решительно опереться на то уже реально существующее в творчестве поэта, на что он сам должен опереться в своей дальнейшей работе.

Если речь пойдет о практической работе над статьей, у меня будет по ней несколько дополнительных, уже более частных соображений. Я бы считал в принципе возможным публикацию Вашей статьи, может быть, под рубрикой «В порядке обсуждения», на страницах «Нового мира». Но, разумеется, чтобы решить этот вопрос, нужна коллективная точка зрения. Поэтому я пересылаю сейчас Вашу статью заместителю главного редактора «Нового мира» Александру Юрьевичу Кривицкому и редактору критики и библиографии Александру Моисеевичу Марьямову с тем, чтобы они высказали свою точку зрения. После этого решим вопрос, и либо я, либо они свяжутся с Вами.

С товарищеским приветом

К. Симонов.

25 марта 1958 года.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Барлас Владимир Яковлевич (1920—1982) — русский советский критик. В письме от 13 ноября 1981 г. Л. А. Жадовой он писал: «Моя первая большая работа была о его (Симонова.— *Л. Л.*) лирике (1964 г., напечатана в той же книге) и своей задиристостью могла задеть его самолюбие. Он же (прочтя ее первым из работников, причастных к печатанию) меня отметил и привечал и помогал вплоть до выхода книги» (*АКС*).

Евтушенко Евгений Александрович (р. 1933) — русский советский писатель.

Я бы считал в принципе возможным публикацию Вашей статьи... — Статья не была опубликована в *НМ*, в сокращенном виде под названием «Всегда ли верить вдохновенью?» напечатана в *ЛГ*, 1960, 9 января, полностью в кн.: В. Барлас. Глазами поэзии. Об открытиях искусства и современных поэтах. М., «Советский писатель» 1966.

И. С. ИСАКОВУ

14 мая 1958 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Иван Степанович!

Я с большим интересом прочитал Ваш рассказ сразу же, как только получил его в Ташкенте. Хотел написать Вам, потом выяснилось, что скоро поеду в Москву, подумал, что лучше, чем писать, увидеть Вас и рассказать Вам о своем мнении, но здесь у меня в течение двух недель была совершенно сумасшедшая работа с приехавшими сюда французами — мы доделывали «Нормандия — Неман» в обстановке, для меня по крайней мере непривычной до обалдения.

В итоге я не написал Вам из Ташкента, не сумел навестить Вас, чтобы поговорить о рассказе здесь, в Москве, и вот сегодня ночью улетаю обратно в Среднюю Азию. Поэтому прибегаю к форме эпистолярной и надеюсь, что летом, когда вернусь, мы все-таки увидимся с Вами, а мне бы этого очень хотелось.

Начинаю с самого главного. Ваш рассказ, по-моему, талантлив, и то, что Вам просто нельзя дальше оставлять втуне эту сторону своих дарований, у меня лично не вызывает никаких сомнений.

Если говорить о большом плане, то мне кажется (я исхожу из Вашего письма), что Вам надо сразу выступить в печати не с одним рассказом, а с целым циклом их, то есть с объемистой вещью, включившей в себя ряд рассказов, в какой-то мере связанных канвой Вашей собственной жизни, и берущей разные этапы ее — от гражданской войны до нынешнего времени.

То, что я сейчас написал, весьма похоже на стандартную уловку редакторов, дескать, да, то, что Вы прислали, интересно, но

одно это печатать мы бы не рекомендовали, давайте еще, тогда вот возьмем все, посмотрим и т. д. Но в данном случае без всякой уловки мне кажется, что следует сделать именно так. Если Вы напечатаете один этот рассказ (который вполне можно напечатать и один!), Вы немедленно попадете в осаду и редакций, и разных литературных доброхотов, которые будут стараться растащить Вас по кускам, для которых будет играть весьма большую роль сочетание Вашего большого военного имени с такой пикантной неожиданностью, что вдруг адмирал Исаков, оказывается, пишет рассказы. Этого, по-моему, следует избежать.

Каковы мои практические предложения и чем я могу быть Вам полезен лично? Я могу, если Вы дадите «добро», посидеть, тщательно отредактировать Ваш рассказ и очень основательно сократить его. Думаю, что для пользы дела его нужно очень бережно, по мелочам, по кусочкам, но сократить почти вдвое, и к этому очень, как мне думается, ювелирному сокращению как раз должна главным образом сводиться редакторская работа.

Так вот, если Вы дадите мне это «добро», я сделаю это в ближайшие две недели, находясь в Ташкенте, и пришлю Вам рассказ обратно. Если Вам эта работа моя окажется по душе, Вы мне пришлете еще несколько вещей, я постепенно, скажем, до конца этого года, отредактирую Вам цикл рассказов, скажем, четыре-пять-шесть листов общим объемом, с тем, чтобы уже после этого Вы предложили их вниманию той редакции, которую Вы изберете. Это можно будет сделать, я думаю, в декабре этого года, когда я буду длительное время находиться в Москве — перед съездом писателей и во время него.

Если бы я прочел Ваш рассказ год или даже полгода назад, работу эту можно было бы делать с конкретным адресом — для «Нового мира», но, видимо, в ближайшие дни в связи с моим отъездом на два года в Среднюю Азию удовлетворят мою просьбу и освободят меня от редактирования «Нового мира», поэтому на данном этапе я могу быть Вам полезен как Ваш личный вольноопределяющийся редактор.

Итак, я лечу сегодня ночью в Ташкент и Ваш рассказ беру с собой. Адрес мой в Ташкенте: улица Алишера Навои, 14, Общежитие Совета Министров, К. М. Симонову. Если Вам могут пригодиться мои услуги — дайте мне телеграмму или черкните открытку, что, мол, давайте, действуйте. Между первым и пятым июля я, очевидно, буду 3—5 дней в Москве проездом в свободном от дел полукурортном состоянии и при всех обстоятельствах позвоню Вам.

Глубоко уважающий Вас

Ваш *Константин Симонов.*

14 мая 1958 года.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

Исаков Иван Степанович (1894—1967) — советский военачальник, адмирал флота Советского Союза, Герой Советского Союза, член-корреспондент АН СССР, русский советский писатель.

...прочитал Ваш рассказ...— Речь идет о рассказе, опубликованном под названием «Пленник тетушки Пэло» («Советский моряк», 1959, № 18).

...сумасшедшая работа с приехавшими сюда французами...— К. Симонов в соавторстве с Э. Триоле и Ш. Спааком писал сценарий художественного фильма «Нормандия — Неман», поставленного в 1960 г. Ж. Древилем.

...Вам надо сразу выступить в печати не с одним рассказом, а с целым циклом их...— И. Исаков последовал этому совету К. Симонова: он выступил с циклом «Невыдуманные рассказы» в журнале «Новый мир»: «Старшой с бульдогом», «Отеческое внушение», «Сципион уходит по-английски», «Человек, который проспал революцию» (1959, № 5), «Крестины кораблей» (1959, № 9), «Кавалеры» (1959, № 11).

...перед съездом писателей и во время него.— К. Симонов имеет в виду Первый учредительный съезд писателей РСФСР, состоявшийся 7—13 декабря 1958 г.

Л. И. ТИМОФЕЕВУ

17 марта 1959 г., ⟨Ташкент⟩

Дорогой Леонид Иванович!

Я только что за последнюю неделю прочел первый том «Истории русской советской литературы», прочел с радостью, потому что выходом этого тома сделано очень большое дело.

А главное, я прочел то, что скромно называется «Введением» к тому и что по существу является самым кратким, самым сжатым, какой только можно себе представить, очерком нашей литературы этого периода.

Мне кажется, это работа замечательная и по громадному материалу, который за ней стоит, и по тому, как необыкновенно лаконично она написана, и, главное, по тому мужественному, спокойному, справедливому взгляду на этот сложный период нашей литературы, который дан в этой работе.

Я, в общем, не могу считать себя неучем в истории нашей литературы, читал много вообще, а особенно за последнее время, но Ваша работа при всей своей сжатости мне, как читателю, очень много дала и об очень многом заставила заново подумать.

Мне хочется от души поздравить Вас с этой прекрасной вещью, плодом, я, конечно, понимаю это, поистине громадного труда. Мне

тем более хочется написать Вам об этом, что я, к моему сожалению и даже стыду, как-то не знаю уж, как это сложилось и получилось, недооценивал то, что Вы делали на протяжении целого ряда лет.

Может быть, ни к чему об этом писать, да это и не столь существенно для Вас, но поскольку возникла душевная потребность все-таки сказать об этом, я не удержался от такой, может быть и никчемушной, откровенности.

А за то, что Вы сделали, хочу еще раз сказать Вам горячее спасибо.

Константин Симонов.

17.III.59 г.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

Тимофеев Леонид Иванович (1904—1984) — русский советский литературовед, член-корреспондент АН СССР.

...прочел первый том «Истории русской советской литературы»... — Речь идет о созданной Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР «Истории русской советской литературы в трех томах». Том 1. 1917—1929 гг. (М., Изд-во АН СССР, 1958).

...скромно называется «Введением»... — Л. Тимофеев написал в 1-м томе «Истории...» обширное (с. 7—96) «Введение».

М. И. РОММУ

15 апреля 1959 г., Ташкент

Дорогой Михаил Ильич!

Спасибо за письмо. Хочу еще раз подтвердить, что я на протяжении будущей осени — зимы с удовольствием напишу сценарий под условным названием «Пехотинцы». В этом сценарии будет рассказываться об одном боевом дне одного взвода. Это один из тех дней, где-то на второй-третьей неделе наступления, когда оно уже начинает останавливаться перед новым рывком и требуется особенно много воли, характера, самоотверженности для того, чтобы с оставшимися силами взять еще один холм, еще одно село, занять перед временной стабилизацией фронта наиболее выгодные рубежи для нового будущего наступления.

Время действия примерно конец августа — сентябрь 1943 года, после Курской дуги. Место действия — где-нибудь на стыке Черниговщины, Орловщины, Брянщины.

Действующие лица: главный герой (он же, возможно, рассказчик) — солдат, еще 8—9 солдат — весь состав поредевшего в боях взвода; старший сержант, командир взвода. Женщина-санитарка, командир и политрук роты и трое танкистов — экипаж танка —

последние в эпизоде, 2—3 только что взятых в плен немца — тоже в эпизоде. Вот и всё.

Сделаю я этот сценарий к концу осени или в начале зимы — несущественно, потому что, по моей мысли, картина должна быть целиком снята на летней натуре, целиком или за редкими исключениями.

Непременное условие работы для меня — чтобы режиссер определился с самого начала работы, прежде чем я сяду писать сценарий, и чтобы у него был пафос сделать именно такую и никакую другую картину, именно картину о поредевшем взводе в один из будних дней великого наступления. Способность увлечься именно таким разрезом темы, именно этим одним будним днем взвода — с утра и до вечера — связан с определенным углом зрения на войну. Поэтому тут у автора и режиссера взаимопонимание должно быть полным, а увлечение — обоюдным.

Мне хочется в этом сценарии показать величие души пехотного русского солдата, хочется показать в нем то, что делает его именно советским, а не каким-нибудь другим человеком, хочется показать великую роль партии в войне; но сделать все это в этом сценарии только так, а не иначе, именно в масштабах одного дня и одного взвода.

Я думаю о том, что впоследствии попробую сделать картину о войне совершенно в других масштабах, но это уже, очевидно, будет последующая работа, а пока я готов именно к этой.

Вот пока и все мои соображения. Если они в какой-то мере могут натолкнуть Вас на мысль о режиссере — очень хорошо!

Все ближайшее время буду здесь, в Ташкенте. Сижу над романом. 15-го мая, если съезд писателей опять не отложат, приеду на две недели в Москву, тогда можно будет поговорить подробнее.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш

Константин Симонов.

Ташкент
15 апреля 1959 г.

Впервые — в *ЛР*, 1985, 29 ноября.

Ромм Михаил Ильич (1901—1971) — русский советский кинорежиссер, в то время художественный руководитель 3-го творческого объединения «Товарищ».

...рассказываться об одном боевом дне одного взвода.— В основе замысла Симонова его рассказ «Пехотинцы» (1943).

...чтобы режиссер определился с самого начала...— В 1972 г. в интервью Симонов говорил: «Я очень хотел сделать по рассказу «Пехотинцы» фильм. Жаль, что режиссер так и не нашелся. А я знаю, как

сделать этот фильм» (*СИД-3*, с. 581). Впоследствии этот замысел трансформировался в документальный фильм «Шел солдат...» (1975).

Сижу над романом.— «Живые и мертвые».

...съезд писателей...— Третий Всесоюзный съезд писателей состоялся 18—23 мая 1959 г.

И. С. ИСАКОВУ

19 апреля 1959 г., Ташкент

Дорогой Иван Степанович!

Пишу Вам с сравнительно легким сердцем, потому что наконец сделал то, что обещал,— отредактировал Ваш рассказ.

Хотя, как мне кажется, из него ничего существенного не вылетело, но в связи с решительными и неуклонными сокращениями — тут, надо признаться, я проявил характер,— мне кажется, он приобрел большую собранность и цельность. А впрочем, вместе с перепечатанным экземпляром посылаю Вам подлинник, по которому я редактировал, чтобы Вам был виден характер и направление сокращений и поправок.

Одно общее соображение, имеющее отношение не к этому рассказу, а вообще, и, может быть, существенное для Вас: когда я редактировал Ваш рассказ, я почти физически ощущал, как Вам мешает излишнее чувство свободы пера. Вы очень легко владеете пером и очень часто швыряете на бумагу пригоршни там, где нужно положить слова счетом, двумя пальцами каждое. Такой широкий бросок пригоршней хорош иногда, он привлекает внимание читателя, как отдельный взрыв среди тишины, а когда превращается в канонаду, то утомляет ухо и уже не действует на чувство. Скажем, к примеру, там, где Вы говорите о том, что представляет из себя морская бригада, этот щедрый бросок действует, он там неожиданен и эмоционален, а там, скажем, где Ваш разведчик излагает свои соображения,— это хоть и сокращено Вами, но и теперь длинно, длинно потому, что много фраз полунайденных заменяют единственную ненайденную. И тут уж редактор бессилен — кабы среди полунайденных фраз была одна точно найденная, он бы ее отшелушил и оставил; так я и делал в ряде других мест. А здесь не мог.

Я, в общем, буду рад, если оказался Вам полезным с этой пробной редактурой.

Что касается печати, то мне кажется, что в нынешнем объеме, может быть, рассказ мог бы подойти для «Огонька», но только если разговаривать с «Огоньком» — надо прямо говорить с Софроновым, он человек решительный. Если Вы сочтете это нужным, можно сослаться и на мой совет передать рассказ именно ему.

А теперь о «Матросских зверствах». Я как-то долго не решался написать Вам о своем впечатлении. Нет, все-таки, видимо, надо

написать о нем вполне откровенно. В этих Ваших рассказах, как в материале для будущей работы, чрезвычайно много интересного. И это не золочение пилюли, это так и есть. Но, повторяю, именно как в материале, потому что сейчас и направление предисловия, и общее направление самих рассказов, мне кажется, способно завести хорошее дело в тупик. Материал, который есть у Вас за душой, во много раз перерастает рамки той первоначальной задачи, которую Вы сами поставили себе в предисловии и исходя из которой потом стали отбирать в памяти факты для рассказов.

Мне не кажется вообще целесообразным излишне упирать на вопрос о том, были «матросские зверства» или не были «матросские зверства». Мне кажется, что это искусственная постановка вопроса. Эта тема может проходить через рассказы или воспоминания, но именно в том масштабе, в каком существовала в жизни и существует в Вашем представлении. А сейчас получается другое: несмотря на всю резкость такого огня, который Вы ведете в этой полемике, объект полемики как бы навязан Вам противником, и Вы ведете бой на том плацдарме, который выбрал противник, причем на очень узком, а не на том, где Вы свои силы могли бы развернуть во всю ширь и очень легко одержать победу — и вообще, и в частности в этом в вопросе. Не убежден, что я вполне ясно выразил то, что хотел сказать, но это только во-первых.

А во-вторых, и в-последних, мне кажется, что Вы чрезвычайно обокрали себя, убрав в ряде случаев собственное «я», собственную судьбу и биографию. Это неправильно. Уверяю Вас, и мне, и любому другому читателю гораздо интереснее, чем все вместе взятые судьбы людей, о которых Вы пишете, Ваша собственная судьба. Вы, молодой офицер дореволюционного флота, пошедший служить большевикам и ставший адмиралом флота, начальником штаба флота в Великой Отечественной войне,— на чьей же судьбе, как не на Вашей, показать поучительный путь военного интеллигента старой России к революции? И уже в связи с этой судьбой развернуть многие из тех картин, что развертываются в Ваших рассказах, развернуть судьбы других людей, других бывших офицеров, судьбы матросов, ставших в наше время офицерами, и т. д. В частности, займет свое место и так называемая проблема «матросских зверств».

Личность Ваша и биография Ваша не таковы, чтобы писать рассказы, воспоминания и в них упоминать о себе вскользь и держать себя где-то сбоку. Тут вопрос не в скромности, тут вопрос в целесообразности. Мичман царского флота стал адмиралом советского флота. Как? Это интересно читателю, этому и должен быть посвящен рассказ о тех годах, в которые совершились первые решающиее шаги этого превращения.

А сейчас от рассказов такое ощущение (простите меня за это нелитературное сравнение), как будто из связки бубликов выдерну-

ли веревку и они остались каждый сам по себе. Без Вас, без Вашей личности в рассказах все рассыпается. Да иначе и не может быть, потому что именно Ваша личность и должна представлять в них главный интерес. Ваша личность и мир, все окружающие люди, увиденные Вашими глазами.

Словом, я голосую против «Матросских зверств» в том виде, в каком они есть сейчас. Я голосую за включение этого материала в совершенно другую рукопись, в первую часть воспоминаний или автобиографической повести адмирала Исакова.

Я думаю, дорогой Иван Степанович, Вы не посетуете на меня за некоторую, быть может, излишнюю решительность в суждениях и поверите мне, что она продиктована горячей заинтересованностью в успехе дела и дружеским чувством к Вам. Кроме того, эта решительность продиктована тем, что я, как литературный профессионал, в данном случае совершенно уверен, что я прав.

Крепко жму Вашу руку.

Примерно до 15 мая буду в Ташкенте, буду две недели в Москве, а потом снова в Ташкенте.

Желаю Вам здоровья.

Ваш

Константин Симонов.

Ташкент
19 апреля 1959 года.

Впервые — журн. «Вестник архивов Армении», 1984, № 2.

...отредактировал Ваш рассказ.— Речь идет о рассказе «Пленник тетушки Пэло».

...положить слова счетом, двумя пальцами каждое.— В ответном письме Симонову от 25 апреля 1959 г. И. С. Исаков писал по этому поводу: «Понял. Абсолютно правильно».

...мог бы подойти для «Огонька»...— Рассказ был опубликован в журн. «Советский моряк» (1959, № 18).

...надо прямо говорить с Софроновым...— Софронов Анатолий Владимирович (р. 1911) — в то время главный редактор журн. «Огонек».

...теперь о «Матросских зверствах».— Речь идет о серии задуманных и отчасти написанных И. С. Исаковым рассказов, в основе которых лично пережитое. В ответном письме Симонову И. С. Исаков согласился с его точкой зрения: «Что касается «Матросских зверств», то никчемность и ошибочность — дошли раньше. На их появление повлияло то, что эта пластинка опять вытащена врагами в состав действующих средств. И не только историков.

Эта проблема будет решаться автоматически,— вернее — попутно, при публикации рассказов о фоне. Рта не закроет «Голосу Америки», но кое-кому поможет разобраться».

...гораздо интереснее... Ваша собственная судьба.— В ответном пись-

ме И. С. Исаков писал по этому поводу: «Согласен с Вами, что от меня ждут другого.

Но (инш-алла!) — не могу начинать с себя и о себе. Хотя, может быть, даже было бы полезно, т. к. один злопыхатель, улыбающийся в глаза, за глаза уверяет, что я сын графини. Бедная «графиня» не имела даже среднего образования.

Сколько конфликтов; сколько неопубликованных биографий и статей. И даже во вред мне.

Просил попридержать в качестве некролога.

Поэтому считайте № 5 «Нового мира» (речь идет об опубликованных там «Невыдуманных рассказах» И. С. Исакова.— *Л. Л.*) и последующие (а их много) — как подготовку к тому, что ждут. *Как фон.* Легче будет читателю проглотить «мои университеты», когда узнает среду, события и их хронику».

....начальником штаба флота в Великой Отечественной войне...— В ноябре 1940 г. И. С. Исаков был назначен начальником Главного морского штаба и занимал эту должность до февраля 1947 г., с перерывом на длительное лечение после тяжелого ранения в октябре 1942 г.

В. В. ОВЕЧКИНУ

5 сентября 1959 г. ⟨Ташкент⟩

Дорогой Валентин Владимирович!

Был очень рад твоему письму вообще и доброму слову о начале романа в частности. Для меня важно, что тебе это пришлось по душе. Сейчас сижу над своим хвостом романа и одновременно читаю верстку середины. Хвост-то тоже уже дописан, сдан и принят, но хочется еще повозиться и кое-что улучшить. Редакция все уже приняла — теперь дело за цензурой. Если будут нажимать на уровне нажима по первой части, то это терпимо — выдюжу. Ну, да ладно, посмотрим.

Прочитал в твоем письме про Крым и, как говорится, вспомнил и вздрогнул; весной я там уже не был, но ужасное по всем статьям наше февральское «наступление» в районе Акмоная, у Львова — видел и запомнил на всю жизнь и даже почти тогда, еще в войну, записал страницах на сорока. Если приедешь сюда, покажу.

Вообще очень будет хорошо, если приедешь. Я буду тут конец сентября и октябрь, очевидно, безвыездно (не считая выездов на машине туда-сюда — на 3—5 дней).

На всякий случай мой телефон — 42-377, а адрес: Полиграфическая, д. 113, кв. 2.

Буду очень рад тебя увидеть.

Сейчас я думаю пробыть здесь до будущего лета, очевидно, включительно. И этот год, как закончу с верстками, цензурой

и т. п., в основном использовать на поездку по среднеазиатским стройкам.

Ну, в общем, жду приезда, поговорим обо всем подробней.

Крепко жму твою руку.

К. Симонов.

5.IX.1959 г.

Только сейчас, заглянув еще раз в твое письмо, увидел дату. Но не винюсь, так как отсутствовал здесь июнь и август, вернулся только 30-го августа.

К. С.

...о начале романа...— Роман «Живые и мертвые», печатался в журнале «Знамя» (1959, № 4, 10, 11, 12).

...февральское «наступление» в районе Акмоная...— См. об этом *РДВ* (т. 9, с. 54—76), а также стихотворение «Дожди».

Львов Владимир Николаевич (1897—1942) — советский военачальник, генерал-лейтенант, зимой и весной 1942 г. командующий 51-й армией.

И. С. ИСАКОВУ

25 октября 1959 г., Ташкент

Дорогой Иван Степанович!

Прочел с интересом Вашего «Флагмана». Большое спасибо. Что касается совета, то думаю, что самое место этому эпизоду было бы в общем контексте Ваших воспоминаний, которые, как я понял из рекламы в 10-й книге «Нового мира», будут печататься там в будущем году.

Этот эпизод, несомненно, будет среди многого другого любопытной краской. Отдельно я бы его на Вашем месте не перепечатывал,— если давать отдельно, нужны пространные примечания: что было до, что стало после и т. д. И вещь утратит краткость и остроту. Словом, по-моему, лучше всего — вместе с другим — в «Новом мире».

Тружусь над хвостом своего романа. Оказывается, это самое сложное. Видимо, днями кончу все.

Крепко жму Вашу руку и желаю доброго здоровья.

Ваш

К. Симонов.

25.X.1959
Ташкент.

Впервые — в *ЛГ*, 1985, 1 мая.

...прочел с интересом Вашего «Флагмана».— Речь идет о рассказе «Дашнаки теряют своего флагмана», опубликованном в журн. «Литературная Армения», 1959, № 4.

...из рекламы к 10-й книге «Нового мира»...— Там был объявлен новый цикл «Невыдуманных рассказов» И. С. Исакова.

Тружусь над хвостом своего романа— «Живые и мертвые».

ИНСТИТУТУ ИСТОРИИ ИСКУССТВ АН АРМЯНСКОЙ ССР

25 октября 1959 г., Ташкент

Может быть, последние годы, много ездя по Средней Азии, видя и осенний юг, и летние и весенние горы, и песок, и камень, и много, очень много солнца, я как-то еще сильнее почувствовал очарование живописи Мартироса Сарьяна, правду ее природы, ее неба, ее красок, ее жестокого и сильного солнца, ее теней, делящих мир на мир прохлады и мир жары.

Но это только еще одно признание в любви — сегодняшнее. А Сарьяна я люблю давно, люблю его прекрасную живопись, люблю его самого, люблю и радуюсь, что мне посчастливилось быть лично знакомым с этим превосходным, добрым, даже добрейшим и как кремень твердым в своих принципах человеком.

Мне доставляет постоянную радость видеть у себя дома на стене маленький кусочек Сарьяна — его веселые тыквы, и гранаты, и лимоны на веселом, брошенном прямо на пол цветном платке.

А в памяти моей часто встает автопортрет — тот, где у него в руках кисть. Лицо вдохновенное и напряженное, рука сильная, а кисть как оружие — так и кажется, что вот сейчас он ударит, именно ударит ею по холсту, попадет, как рапирой, сильно и точно в самую цель.

На этом автопортрете как нельзя лучше видно, что кисть эта в руке сильного человека, борца и труженика. Так оно и есть. И этот человек, Мартирос Сарьян, замечательный сын своего армянского народа, уже давно стал одним из тех, кто составляет славу и гордость социалистического искусства нашей двухсотмиллионной могучей, доброй, широкой, плодородной талантами Страны Советов.

Щедрая, добрая, веселая кисть Сарьяна — большое богатство, большое и нужное людям. И мне, одному из этих миллионов людей, хочется в дни восьмидесятилетия славного седого мастера поклониться ему и поблагодарить его за его искусство.

К. Симонов.

25.X.1959 г.
Ташкент.

Сарьян Мартирос Сергеевич (1880—1972) — советский живописец.

Б. Н. ПОЛЕВОМУ

21 января 1960 г., Ташкент

Дорогой Боря!

Был рад услышать в «Комсомолке» твой голос о «Живых и мертвых». И рад еще и тому вдвойне, что это первое, что я услышал. Мне и до этого были дороги твои — то устные, то вдруг где-нибудь в открытке — краткие подбадривающие дружеские рецензии — мол, держись, старик, дело идет неплохо, а теперь ты их, так сказать, подытожил, чего скрывать, к радости, конечно, автора!

Тут меня вытаскивали еще раз в Москву на полтора суток по «Нормандии — Неман», говорят, в последний раз, но я уже никому и ничему в этом кино не верю, и если бы за два с половиной года возни с этим фильмом не дописал роман, то, наверное бы, удушился с тоски или перебил бы разную кинематографическую посуду!

Сейчас все ладно и складно. Немножко отдыхаю, остальное время сижу на заводе Таштекстильмаш — там есть интересные люди, думаю посидеть месяца полтора.

Сердечный привет нашего всего семейства тебе и твоей быстролетной в воздухе, мелькающей Юле!

Жму крепко руку, дорогой.

Твой
К. Симонов.

21.I.1960 г.
Ташкент.

Впервые — в *ЛО,* 1985, № 10.

...твой голос о «Живых и мертвых»... — Рецензия Б. Полевого «О тех, кто победил» («Комсомольская правда», 1960, 21 января).

...краткие подбадривающие дружеские рецензии... — Б. Полевой писал Симонову в письмах (без дат): «Как-то тут на днях разговаривал с двумя нашими общими знакомыми — полководцами, хорошими, умными людьми. Ты знаешь, оказывается, судя по их разговорам, все написанное тобою о войне они прочли с большим интересом, при мне поспорили между собой насчет Пантелеева, и в споре этом выяснилось, что обоим рассказ понравился, напомнил многое свое. А потом разговор перекинулся на роман (речь идет о романе «Товарищи по оружию».— *Л. Л.*), я сказал им, что ты работаешь над его продолжением, их очень это заинтересовало: как, что, почему, когда выйдет, какой период охватывает? А мне отвечать было нечего, ибо рукописи твоей я до сих пор не получил.

Ясно одно, старик,— военные тебя внимательно читают и очень много именно интересного, глубокого от тебя ждут. Вот об этом-то и хотелось мне доложить тебе в этом письме. Учти!» *(АКС).* И в следующем

письме после получения от Симонова рукописи первых глав романа «Живые и мертвые»: «Рукопись твою прочел не только со вниманием, но и с большим, настоящим интересом. Разом. До 2.30 ночи дул.

По-моему, запев сделан хороший. Даже отличный» *(АКС)*.

...по «Нормандии — Неман»... — Работа над сценарием фильма.

...сижу на заводе Таштекстильмаш... — На основе этих бесед с рабочими и инженерами, рассказывавшими об эвакуации, создании завода в Ташкенте, его работе, Симонов написал очерк «Штрихи эпопеи», опубликованный в журнале «Москва» (1960, № 12).

А. П. ШТЕЙНУ

26 января 1960 г., Ташкент

Дорогой Александр Петрович!

Спасибо Вам дружеское за письмо. Письма мы не так часто пишем друг другу по поводу наших книжек, тем дороже было мне получить его. Не буду благодарить за добрые слова, хотя, конечно, они мне очень приятны, но непременно хочу сказать Вам большое спасибо за принципиальную поддержку в одном важном и, как мне думается, не только для меня, а вообще для современной прозы важном вопросе. Вы пишете, что Вам нравится, что я не боюсь терять по дороге персонажей. Для того чтобы перестать этого бояться, мне пришлось по ходу дела провести известную борьбу с самим собой. А теперь, уже после окончания романа, видимо, придется, судя по некоторым письмам, спорить и со многими читателями, которые требуют и чтобы все судьбы были завершены, и чтобы в романе была поставлена какая-то другая, более солидная точка, чем стоит. А какая еще точка может стоять в декабре сорок первого года? Но дело не в моем только романе. Мне кажется, что само время наше, в том числе и военное время, вступает в противоречие с некоторыми из традиций семейного романа, с их закругленностью, с их порой притянутостью за уши. Конструкция семейного романа начинает делаться чем-то искусственным и неправдоподобным. Течение жизни начинает идти само по себе, а течение романа наперекор. Думаю, что не случайно и у меня оказалось самым плохим все, что связано в романе с традиционно-семейными связями. Кстати сказать, Маша мне тоже не до конца ясна, как и Вам, и в чем-то отнюдь не так интересна, как хотелось сделать поначалу. Возвращаюсь к тому, чем начал: хочу еще раз подчеркнуть, что вопрос, которого Вы коснулись, вопрос, как мне кажется, принципиальный для развития нашего романа, может быть, и не только романа, а и пьесы тоже. Хочется общими усилиями покатить этот камень немножко по другой и менее изведанной творческой

тропке, где бы читатель постепенно привыкал, что люди приходят и уходят, как в жизни, и порой о них при этом вспоминают, а порою — нет...

Еще раз спасибо Вам за письмо.

Ваш
Константин Симонов.

Ташкент
26 января 1960 г.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

Штейн Александр Петрович (р. 1906) — русский советский драматург.

Спасибо Вам дружеское за письмо...— А. Штейн в письме делился впечатлениями от прочитанного им романа «Живые и мертвые».

...вступает в противоречие с некоторыми из традиций семейного романа...— Подробно К. Симонов писал об этом затем в статье «Перед новой работой» (*ВЛ*, 1961, № 5).

И. С. ИСАКОВУ

7 февраля 1960 г., Ташкент

Дорогой Иван Степанович!

Был очень рад получить Ваше письмо и узнать Ваше доброе мнение о «Живых и мертвых». Что сделано, то сделано, но впереди еще один роман о войне, и как-то душевно важно укрепиться на уже занятых позициях. Ваше письмо помогает мне в этом.

За книгу спасибо — она интересная, я уже дочел ее до итальянских лодок.

Должен сказать, между прочим, что я вообще что-то не могу читать сейчас беллетристику и с настоящим удовольствием читаю только историю, главным образом — военную, мемуары и сборники документов. Так что Ваши подлодки, как говорится, попали в самую жилу!

Крепко жму Вашу руку, дорогой Иван Степанович!

Сердечный привет Вашей жене.

Ваш
Константин Симонов.

Ташкент
7 февраля 1960 г.

Впервые — в *ЛО*, 1985, № 10.

...Ваше доброе мнение о «Живых и мертвых»...— В этом письме от 29 января 1960 г. И. С. Исаков писал: «Прочел и кое-что перечел («Живые

и мертвые»). Спустя время прочту еще раз. Так всегда добираю упущенное, непонятое, незамеченное.

Пока скажу, что, собирая почти все значительное об этой войне, ваша — лучшая.

Смотря на мои раскачивания на тахте, жена сказала, еще не читая книги: «...с твоей нервной системой эту книгу тебе читать нельзя...»

И в другом месте этого же письма, вспоминая о Керченской операции 1942 г.: «Был свидетелем того, что если напишу, не поверят. Симонову — поверили бы.

Ношу в себе и мечтаю когда-либо рассказать Вам» («Адмирал флота Советского Союза Иван Степанович Исаков». Ереван, изд-во АН Армянской ССР, 1975, с. 282, 283).

За книгу спасибо...— И. С. Исаков, Л. М. Еремеев. Транспортная деятельность подводных лодок. М., Воениздат, 1959.

...привет Вашей жене.— Исакова Ольга Васильевна (1893—1971).

Е. Е. ПОПОВКИНУ

2 апреля 1960 г., Ташкент

Дорогой Евгений Ефимович!
Дорогой Лев Сергеевич!

Посылаю к Вам в «Москву» это письмо вдогонку за уже отправленной рукописью повести Татьяны Сергеевны Есениной «Чудо двадцатого века» (название, быть может, и не самое удачное).

Во-первых, мое мнение о повести. Мне кажется, что очень многое в ней здорово придумано, но в то же время довольно многое еще вовсе никак не придумано и не поставлено на свое место. Мне кажется, что в повести много здоровья, юмора, и при том, что в ней пока что не получились целые большие куски, по-моему, много таланта.

А теперь перейду к автору. Главное в том, что автор, на мой взгляд, очень природно талантливый человек. Это очевидно, особенно если прикинуть, что это его первая прозаическая вещь. Я, собственно, и позволил себе порекомендовать журналу и притом с практическими целями эту далеко не готовую вещь только потому, что автор, на мой взгляд, безусловно талантлив и, если ему помогут с этой его первой работой, может еще очень украсить это свое произведение.

Почему я уверен, что в данном случае автор (с помощью редакции) сможет радостно, а не мучительно довести работу до конца? Бывает и так, что по рукописи видно, что автор талантлив, а рукопись все равно не вышла и довести ее автор до конца не в состоянии. В данном случае у меня обратное ощущение. У автора хватит и запаса таланта, и запаса воли и трудолюбия, и запаса

знаний жизни, и запаса желания (а это тоже немаловажно) довести свою вещь до конца.

Татьяна Сергеевна Есенина — ей сейчас около 40 лет — журналистка, она работает в отделе советского строительства газеты «Правда Востока» литературным сотрудником и львиную часть своего времени проводит в командировках как разъездной корреспондент. Это веселая, умная, хорошо знающая жизнь женщина. В «Правде Востока» она работает уже десять лет, до этого работала в других газетах, до этого, как мне сказали ее товарищи по работе, была медсестрой. Имеет незаконченное высшее образование.

С повестью ей здесь разные товарищи — и недоброжелательные и доброжелательные — заморочили голову. Одни говорили, что надо переписать первую половину, другие наоборот, что надо переписать вторую половину, третьи говорили, что это вообще бред, четвертые — что повесть хороша, но ее, дескать, никто не напечатает. Мой взгляд на вещь, который я Вам изложил кратко, а автору подробно, не вызвал в авторе сопротивления. Она ответила, что сама чувствует сейчас, что повесть далеко не готова, что в ней еще надо многое переделывать и заново переписывать, но при этом добавила, что она сейчас как-то совсем запуталась под влиянием избытка советов. Она готова работать сколько угодно, но ей очень необходимы твердая рука помощи и ясные предложения о том, что она должна сделать практически, высказанные той редакцией, которая рискнет взяться и поработать с ней. Насколько я понял из разговора, она в ближайшее время может получить отпуск у себя в газете и использовать его на поездку в Москву и на работу над рукописью. Добавлю еще, что она на меня произвела впечатление опытного журналиста, живого, делового, вполне практического человека.

Ну, наконец, последнее. Татьяна Сергеевна дочь Сергея Есенина и в то же время, на мой взгляд, талантливый человек, который, если его помочь ввести в литературу, отнюдь не ограничится только одной этой повестью. Если это так, а мне верится, что это именно так, то мне, как старому редактору, кажется, что это радостное дело для журнала — ввести в литературу талантливую писательницу, которая к тому же еще дочь Сергея Есенина. В этом есть какая-то своя особая радость для всякого человека, любящего нашу русскую поэзию.

Вот, дорогие друзья, все, что мне хотелось сказать по этому поводу как писателю-единоличнику, который, будь он сейчас редактором, откровенно говоря, ни за что не прошел бы мимо этой рукописи.

Жму Ваши руки

Константин Симонов.

г. Ташкент,
2.IV.1960 г.

P. S. Поскольку у меня есть совесть, то я хотел бы подтвердить, что обещанный рассказ или, вернее, маленькую повесть журнал во второй половине этого года, надеюсь, от меня получит. То есть одну вещь я написал, но сколько я ни перечитываю ее, все никак не могу придумать, что с ней сделать, чтобы она меня удовлетворила. Коли хотите, могу даже прислать не на предмет печатания, а на предмет доказательства того, что хотя и неудачно, но трудился. Сейчас, поставив пока крест на этой вещи, обдумываю другую из того же цикла, но, видно, сделаю ее не раньше, чем к осени, или осенью.

Впервые — в *ЛУ*, 1982, № 2.

Поповкин Евгений Ефимович (1907—1968) — русский советский писатель, в то время главный редактор журнала «Москва».

Овалов Лев Сергеевич (р. 1905) — русский советский писатель, в то время зам. главного редактора журнала «Москва».

Есенина Татьяна Сергеевна (р. 1918) — журналистка, русская советская писательница.

...порекомендовать журналу...— Юмористическая повесть Т. Есениной «Женя — чудо XX века» не была напечатана в журнале «Москва», она увидела свет в журнале «Новый мир» (1962, № 1), куда попала также по рекомендации К. Симонова.

...обещанный рассказ...— Речь, видимо, идет о рассказе «Иноземцев и Рындин». Автор не завершил в намеченные сроки работу над этим рассказом (он был опубликован в 1963 г.) и предложил журналу, выполняя свое обещание, очерк «Штрихи эпопеи» («Москва», 1960, № 12).

...обдумываю другую из того же цикла...— Речь идет о замысле повести «Жена приехала», входившей в цикл «Из записок Лопатина»; повесть была напечатана в 1964 г.

В. Д. БУБНОВОЙ

15 мая 1960 г., Ташкент

Дорогая Варвара Дмитриевна!

Получил и прочел Вашу статью. Мне она, откровенно говоря, показалась неудачной. В ней сказано и слишком обо многом, и слишком мало, поэтому она носит излишне общий характер, и, видимо, это и отталкивает от нее редакции. Между тем Вы располагаете богатым материалом. Это видно и по статье, и жаль не использовать этот материал. Я бы на Вашем месте решительно переработал статью, сосредоточил бы все внимание на четырех-пяти-шести людях, особенно много сделавших для перевода и популяризации русской и советской литературы в Японии. Из числа этих людей я бы на Вашем месте выбрал именно тех, которых Вы лучше знаете и с которыми больше лично сталкивались.

Что, если бы Вы взяли и написали бы не статью, а живые заметки об этих людях, посвятив каждому маленькую главку, написав о них и как о личностях, и об особенностях и условиях их работы, и о некоторых живых подробностях Ваших встреч с ними? Все это можно было бы объединить при помощи краткого вступления и заключения. Мне кажется, что в таком виде этот материал скорей привлек внимание наших журналов, а может быть, и «Литературной газеты». Но если Вы возьметесь за это дело, то, прежде чем куда-нибудь направлять, сначала пошлите рукопись мне по моему московскому адресу: 2-я Аэропортовская, д. 7/15, кв. 113.

Я почитаю, и мы посоветуемся.

Статью возвращаю Вам. Желаю здоровья.

Жму Вашу руку.

Константин Симонов.

Ташкент
15 мая 1960 г.

Бубнова Варвара Дмитриевна (1886—1983) — русская художница, жившая с 1922 по 1958 г. в Японии, много сделавшая там для пропаганды русской культуры. Симонов познакомился с В. Бубновой во время поездки в Японию в 1945 г., помог ей вернуться в 1958 г. на родину и после возвращения принимал участие в ее судьбе. В письме Г. Д. Гулиа от 8 сентября 1959 г. он писал: «Еще одна просьба: в Сухуми приехала из Японии искусствовед и график, прекрасный человек Варвара Дмитриевна Бубнова. Она в свое время там нам очень помогала, а я помогал ей вернуться на родину. Она живет в Сухуми у сестры и вообще пишет, что все хорошо, ее и в Союз художников уже приняли и т. д. Но так как она не из плакальщиц, то я думаю, а вдруг не все так уж хорошо, но только не пишет.

Словом, дорогой Георгий, навестите старуху, поглядите ее работы и как она живет. Я думаю, что Вам самому будет очень интересно. Старушка замечательный и замечательно знающий японское искусство человек» («Константин Симонов в Абхазии». Сухуми, «Алашара», 1981, с. 62).

...это и отталкивает от нее редакции.— Статья В. Бубновой «Наши соседи — японцы» не была опубликована.

П. А. САТЮКОВУ

16 мая 1960 г., Ташкент

Дорогой Павел Алексеевич!

Первого июля 1960 года истекает срок моей командировки сюда в Ташкент в качестве разъездного корреспондента «Правды». Это срок, так сказать, официальный, а фактически-то я здесь уже с середины марта 1958 года. Как мы говорили с Вами, за май —

июнь я подготовлю еще два материала — о Голодной степи (май) и о Памире (на поездку по которому машиной у меня уйдет первая половина июня).

То, что я сделал за это время для «Правды» (и опубликованное и — увы — неопубликованное), Вы знаете. Хочу добавить, что кроме этого у меня накопилось более тысячи машинописных страниц различных записей и заметок для будущей писательской работы. Кроме того, я в порядке дружеского общения с моими товарищами по перу — узбекскими писателями сделал еще две работы: перевел повесть А. Каххара «Птичка-невеличка» и закончил книгу моих переводов узбекской поэзии «Голоса друзей».

За эти два года и в Ташкенте, и во время многочисленных поездок я более 50-ти раз встречался с читателями в самых различных аудиториях, в том числе провел целый ряд бесед о литературе в университетах культуры.

Таковы основные пункты моего краткого отчета.

Я лично очень доволен тем, что прожил и пропутешествовал здесь. Это мне дало очень много как писателю. Я очень благодарен «Правде» за эту данную ею мне долговременную командировку. Со своей стороны я стремился в меру сил быть полезен редакции.

Работа над новым военным романом, который в определенной мере будет продолжать роман «Живые и мертвые», требует моего возвращения в Москву, необходимо заниматься в архивах и встречаться с рядом людей. Через какое-то время, может быть через год, я, видимо, снова попрошусь в дальнюю командировку, а сейчас прошу редакцию отозвать меня с 20-го июня в Москву, с этого же числа предоставить мне очередной отпуск, а после очередного — месячный творческий отпуск за мой счет. Ставлю этот вопрос по предварительной договоренности с Вами. Прошу после того, как редакция примет решение, сообщить об этом в ЦК КП Узбекистана, а также письменно известить и меня.

А в общем еще раз спасибо за ту большую помощь, что «Правда» мне, как писателю, оказала за эти два года.

С товарищеским приветом

К. Симонов.

г. Ташкент
16 мая 1960 г.

Сатюков Павел Алексеевич (1911—1976) — в то время главный редактор газеты «Правда».

...два материала — о Голодной степи (май) и о Памире... — Опубликован был лишь очерк о Памире — см.: К. Симонов. На Памире.— «Правда», 1960, 20 июля.

...перевел повесть А. Каххара «Птичка-невеличка»... — Перевод

«Птички-невелички» опубликован в журналах «Звезда Востока» (1959, № 1, 2) и «Знамя» (1959, № 2, 3).

...закончил книгу моих переводов узбекской поэзии...— См.: «Голоса друзей. Стихи поэтов Узбекистана в вольных переводах Константина Симонова». М., «Правда», 1960 (Б-ка «Огонек», № 37).

...над новым военным романом...— Роман «Солдатами не рождаются».

...снова попрошусь в дальнюю командировку...— В Автобиографии Симонов писал о своей работе резъездным корреспондентом «Правды» в Средней Азии и в последующие годы: «1963—1967 годы — я, тоже в качестве специального корреспондента «Правды», ездил в Монголию, на Таймыр, в Якутию, Красноярский край, Иркутскую область, на Кольский полуостров, в Казахстан, в Хабаровский край, в Приморье, на Камчатку, в Магадан, на Чукотку. В 1970 году был во Вьетнаме» (т. 1 наст. собр. соч.).

Э. УИКСУ

20 мая 1960 г., Ташкент

Дорогой мистер Уикс!

Получил Ваше любезное письмо. Был довольно долго в отъезде, поэтому отвечаю с некоторым запозданием.

За это время произошли невеселые события. История с этим проклятым самолетом, залезшим в наше небо и отравившим атмосферу мира, вызвала у меня чувство горечи и возмущения. С радостью узнал из газет, что эти чувства разделяют многие американцы. Наверно, и Вы, человек, предпринимающий такие горячие усилия для развития наших культурных связей, тоже разделяете эти чувства.

Очень рад, что специальный номер Вашего журнала, посвященный вопросам советской культуры, скоро выйдет из печати. Искренне рад этому, как и всякому доброму делу, которое может послужить расширению наших знаний друг о друге в области культуры, а тем самым миру и дружбе между Вашим и нашим народами. Ведь это нужно сейчас, как никогда!

Мне приятно, что моя специально написанная для этого номера статья найдет свое место среди других статей деятелей советской культуры. Благодарю Вас за те добрые слова, в которых Вы отзываетесь о ней. Мне, разумеется, самому трудно судить, насколько она удалась с литературной точки зрения, но если, как Вы пишете, она дает представление о тех больших изменениях, которые внес в жизнь Узбекистана наш новый социальный строй, то, видимо, главная задача, которую я перед собою ставил, в основном решена мною, разумеется, в пределах этой статьи.

Вы спрашиваете о том, как поступить с гонораром за статью. Гонорар в данном случае не самое существенное и не срочное, пусть он пока останется у Вас в редакции. Главное же и самое интересное будет получить авторские номера журнала, о которых Вы пишете. Если Вас не затруднит, то пошлите их мне на мой ташкентский адрес.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

Ташкент
20 мая 1960 г.

Впервые — в *ЛО*, 1985, № 10.

Уикс Эдвард (р. 1891) — американский писатель и издатель.

...самолетом, залезшим в наше небо... — В ноте Советского правительства правительству США об этом говорилось: «1 мая с. г. в 5 час. 36 мин. по московскому времени военный самолет нарушил границу СССР и вторгся в пределы Советского Союза на расстояние боле 2000 километров. Правительство СССР, естественно, не могло оставить безнаказанным подобное грубое нарушение советских государственных границ. Когда стал очевидным характер намерений самолета-нарушителя, он был сбит советскими ракетными войсками в районе Свердловска.

При изучении экспертами всех данных, оказавшихся в распоряжении советской стороны, неопровержимо установленно, что вторгшийся самолет принадлежал Соединенным Штатам Америки, постоянно базировался в Турции и был направлен через Пакистан в Советский Союз с враждебными целями» («Правда», 1960, 11 мая).

...специальный номер Вашего журнала... — Речь идет о редактировавшемся Э. Уиксом журнале «Атлантик Мансли» (1960, № 6).

...написанная для этого номера статья... — См. «Письмо господину Уиксу» (т. 11 наст. собр. соч.).

Д. И. ОРТЕНБЕРГУ

20 июня 1960 г., ⟨Ташкент⟩

Дорогой Давид!

Получил твое с долею горечи написанное письмо и не ответил на него сразу лишь потому, что уже собирался улететь в Тамды к Балиманову. Вчера вернулся из этой довольно канительной поездки. Старик сам по себе очень хороший, но живет и работает в очень тяжелых условиях, которые, хотя он и дважды герой, так же тяжелы для него, как и для других. К сожалению, именно этот Тамдинский глухой заброшенный район за последние 10 лет почти ни в чем не изменился в смысле тяжелых условий жизни чабанов.

Достаточно сказать, что на громадный колхоз в 93 000 голов скота всего две скважины со сколько-нибудь механизированным подъемом воды, 67-летний Балиманов, как и 100 лет назад, таскает воду с помощью верблюда, а, в общем, вручную поит 700 овец. Много и другого в том же роде — в частности, крайне тяжелый быт при очень высоких заработках.

Вернулся с тяжестью на душе. Пока что это наихудший по условиям жизни и работы людей животноводческий район из тех, что я до сих пор видел.

Врать не могу, хотя Балиманов личность во многом замечательная, но сейчас надо не писать о нем парадный очерк, который подтвердит нерадивым руководителям района, что у них все на высоте, а надо подумать о серьезном критическом материале в газету, а может быть, и о докладной записке — куда надо.

Об этом сейчас и думаю. Прости, что невольно подвел тебя. От души хотел сделать обещанное и, хотя мне сейчас было это очень трудно, все же вырвался и съездил.

Об этом не жалею, но очерк написать не могу.

Вот так, дорогой мой друг! Не обижайся на меня. В Москве в начале июля расскажу все подробнее.

Твой

Симонов.

6.VI.1960 г.

* Впервые с сокращениями — в воспоминаниях Д. Ортенберга «Каким я его знал» (см.: «Константин Симонов в воспоминаниях современников»).

Балиманов Джабай (1893—1966) — чабан колхоза «Актау» (ныне колхоз им. Балиманова) Бухарской области, дважды Герой Социалистического Труда.

...невольно подвел тебя... — Очерк предназначался для сборника, посвященного дважды Героям Социалистического Труда, составлять который взялся Д. Ортенберг. Сборник не вышел.

Ю. А. ШЕВКУНЕНКО

2 февраля 1961 г., Москва

Уважаемый Юрий Александрович!

Я получил Ваше дружеское письмо и в свою очередь хотел бы поставить перед Вами, как перед директором объединения, и перед «Мосфильмом» вообще, вопрос об экранизации «Живых и мертвых» с той дружеской прямотой, без которой его нельзя решать.

Три недели назад мы все вместе обсуждали на «Мосфильме» сценарий А. Б. Столпера, написанный по моему роману. Все участвовавшие в обсуждении в один голос сказали, что первая половина сценария, до 16-го октября 1941 года, удалась и что, в сущности, по ней уже можно приступать к работе над первой серией фильма. Все единодушно пришли к выводу, что вторая половина сценария скомкана и над ней надо проделать большую работу, чтобы все события, связанные в романе с периодом от 16 октября до разгрома немцев под Москвой, построились во вторую серию фильма, по силе равную первой. Таким образом, все пришли к убеждению, что Столперу надо довести до конца работу над сценарием, который с самого начала является и по своему замыслу, и по своим масштабам сценарием двухсерийного фильма. Я, как автор, разделил это общее мнение и присоединился к нему.

Теперь, спустя три недели, Вы приглашаете меня подумать над тем, нельзя ли превратить сценарий Столпера в сценарий односерийной картины? Отвечаю на это с полной убежденностью: сценарий Столпера задуман как двухсерийный, близко следующий за тканью романа, и задним числом переделывать его в сценарий односерийного фильма — значит калечить всю работу. А если мы с Вами считаем, что сценарий — основа фильма, то я не вижу, как можно по искалеченному сценарию сделать хороший фильм. Если студия теперь решила делать не двухсерийный, а односерийный фильм, то по сценарию Столпера его снимать нельзя. Значит, студия должна отказаться от этого, почти готового, сценария и — если она захочет — заказать другой сценарий другому человеку. Насколько это справедливо и целесообразно — судить не мне, а студии. Мое дело внести ясность в этот вопрос.

Но я хочу внести ясность и еще в один вопрос, затронутый в Вашем письме. Вы пишете: «Справедливо ли, что мы ввергаем зрителя в необходимость в течение сотен и сотен кинематографических метров смотреть на то, как отступала, претерпевая всевозможные муки и унижения, Советская Армия?»

Насколько я понял, с этими соображениями связано и желание сделать по «Живым и мертвым» более короткую, компактную картину. Но я не могу согласиться с этими соображениями ни в двухсерийном, ни в односерийном фильме. Какой бы фильм ни делался по моей книге, в нем должна быть показана и горечь наших поражений и ошибок, и мера нашего мужества и стойкости, несмотря ни на что, уже в декабре 1941 года принесших нам первую большую победу над немцами. В фильме должно быть ровно столько же сказано и о том и о другом, сколько об этом сказано в романе. Если же заранее искать в будущем фильме других пропорций трагического и героического, чем те, которые есть в романе, то я, как автор романа, прошу вообще не делать в таком случае фильма

по моей книге — ни длинного, ни короткого, никакого. Я спокойно отнесусь к тому, если по моей книге вообще не будет сделан фильм. Делать его совсем не обязательно. Но если уж делать, то его нельзя делать вразнобой с книгой.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

Москва
2 февраля 1961 г.

Фрагмент письма впервые — в *РСТ*.

Шевкуненко Юрий Александрович (1920—1963) — киноработник, с 1960 г. до конца жизни директор 2-го творческого объединения студии «Мосфильм».

...задуман как двухсерийный фильм... — Экранизация романа «Живые и мертвые» была осуществлена А. Столпером в двух сериях.

А. Г. ДЕМЕНТЬЕВУ

8 марта 1961 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Александр Григорьевич!

Мне звонил А. М. Марьямов в связи с предполагаемой публикацией в «Новом мире» «Рассказов юного врача» М. Булгакова.

В 1956 году я был назначен председателем Комиссии по литературному наследству и в этом качестве прочел всю его прозу. Я лично очень рад был бы появлению «Рассказов юного врача» на страницах «Нового мира». Мне кажется, публикация этой вещи внесет новую и очень теплую краску в создавшийся в умах читателей литературный образ Булгакова.

В 1957 году мне довелось писать письмо-рецензию на прозу Булгакова. Вот что я там писал о «Рассказах юного врача»:

«Большое впечатление на меня произвели «Рассказы юного врача». События, происходящие в них, датированы семнадцатым годом, и это вызывает немножко странное чувство. За тот год, пока идет действие этих рассказов, происходит революция, но действующие лица так мало думают о ней, так мало слышат и говорят о ней, как будто это их не касается. Быть может, это сознательно, быть может, автор не хотел вводить эту тему именно в эти рассказы, но сейчас это звучит странно, и, мне кажется, все в рассказах встало бы на свое место и звучало бы естественно, если бы действие их происходило на год раньше. Это так и напрашивается.

Высказав это замечание, я хочу сказать о своем главном впечатлении. Мне кажется, что рассказы при их большой художе-

ственной силе имеют глубокое воспитательное значение. О профессии врача сказано с такой любовью к этой профессии, с такой силой гуманизма, с такой любовью к людям и верой в них, что многое просто восхищает. Первые шаги молодого врача описаны с таким проникновением в людскую психологию, что это звучит почти гимном одной из самых замечательных человеческих профессий.

Мне кажется, что эту серию рассказов, которая в то же время как бы составляет собою единую маленькую повесть, следовало бы издать отдельной книжкой. А может быть, некоторые из них стоило бы предварительно напечатать в журнале под рубрикой: «Из литературного наследства».

Такое ощущение у меня было тогда, четыре года назад, такое же осталось и сейчас. Словом, еще раз повторяю, мне, как человеку, входящему в Комиссию по литературному наследству Булгакова, будет очень радостно увидеть эту вещь напечатанной. Уверен, что это мнение подтвердили бы и все остальные члены комиссии (В. А. Каверин, В. С. Розов, В. Ф. Пименов).

Жму Вашу руку.

К. Симонов.

8 марта 1961 года.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

Дементьев Александр Григорьевич (1904—1986) — русский советский критик и литературовед, в то время зам. главного редактора журнала «Новый мир».

...в связи с предполагаемой публикацией в «Новом мире» «Рассказов юного врача»... — Публикация не была осуществлена.

Каверин Вениамин Александрович (р. 1902) — русский советский писатель.

Розов Виктор Сергеевич (р. 1913) — русский советский драматург.

Пименов Владимир Федорович (р. 1905) — русский советский критик и театровед.

КАНАТНИКОВУ

20 апреля 1961 г., ⟨Москва⟩

Дорогой товарищ Канатников!

Получил Ваше письмо, прочел и все приложенные к нему документы.

Хочу сразу внести ясность и изложить мою позицию: если Вы, располагая большим документальным материалом, пишете на этом материале повесть, то есть пытаетесь написать художественное

произведение, то я считаю, что в таком случае литературная обработка ничего не дает. Если Вы обладаете писательским дарованием, то Вам достаточно помощи обыкновенного редактора. Если же Вы не обладаете литературными способностями и сами написать повесть, то есть художественное произведение, не можете, то за Вас ее никто не напишет, да и никакой уважающий себя писатель не возьмется за это.

Другое дело, если речь идет о документальных записях, воспоминаниях, то есть об изложении событий, оставшихся в Вашей памяти, если, будучи приведены в порядок, они могут стать интересны для широкого читателя. В том случае, если материал интересен, редакция того или другого журнала, получившая этот материал, на мой взгляд, должна предложить Вам помощь.

Повторяю, на такую большую работу редакции следует идти тогда, когда сам документальный материал, пускай даже неумело или нескладно изложенный, представляет очень большой интерес, рассказывает читателю о чем-то новом, неизвестном, еще не затронутом в литературе. Если же материал не представляет большого интереса, то, конечно, затрачивать огромные усилия на его редактуру нет смысла, и обязанность редакции так прямо и сказать автору, даже пусть он будет очень заслуженным и уважаемым человеком: мы Вас уважаем, но Ваши записки не представляют настолько большого интереса, чтобы мы решили печатать их на своих страницах и занимались бы для этой цели их литературной обработкой. Рекомендуем Вам сдать их в архив с тем, чтобы они могли быть тогда, когда это понадобится, в той или иной мере использованы историками как архивный материал.

Иногда редакции, в сущности, стоят именно на такой точке зрения, но вместо того, чтобы прямо сказать это автору, начинают крутить и вертеть, направлять его в разные другие места, заведомо зная, что ничего из этого не получится. По-моему, прямо сказать человеку, что написанное им не представляет достаточного интереса для печати,— значит отнестись к нему уважительно, хотя, конечно, это ему и больно. А морочить голову человеку и тешить его несбыточными надеждами, по-моему, признак неуважения к нему.

Вот что мне хотелось откровенно сказать Вам в ответ на Ваше письмо. Подумайте сами, насколько интересен и нов тот материал, который Вы хотите послать в редакцию. Ответьте прежде всего сами себе — да или нет, годится это или нет?

Что касается писания повестей людьми, заранее знающими, что сами они литературно не могут довести подобной писательской работы до конца, то я к этому отношусь резко отрицательно. Воспоминания может написать каждый, повесть — только человек с ли-

тературным дарованием. Если у Вас нет веры в то, что у Вас у самого есть именно литературное дарование,— не надо браться ни за какие повести.

Жму Вашу руку.

С товарищеским приветом

уважающий Вас

Константин Симонов.

Все документы прилагаю.

20 апреля 1961 года.

Впервые с сокращениями — в *РСТ*.

САДОВНИКОВУ

25 мая 1961 г., ⟨Москва⟩

25 мая 1961 года

Дорогой товарищ Садовников, получил Ваше письмо. Фамилия артиллериста — капитана Гусева, которую Вы встретили в моем романе,— фамилия вымышленная. Такого человека в действительности не было. Но воевал весь наш народ, миллионы людей были в армии, и вот, оказывается, судя по Вашему письму, был где-то под Брестом во время войны артиллерист-капитан с подлинной фамилией Гусев.

Да, вообще надо сказать, какой фамилией ни назови героя в книге, непременно находятся люди с этой же фамилией, которые воевали, сражались иногда в тех же самых местах, которые описываются в книге. Это, конечно, немудрено, когда на войне был целый народ.

Жму Вашу руку.

С товарищеским приветом

К. Симонов.

К. Р. КАЛАДЗЕ

6 июня 1961 г., ⟨Москва⟩

6 июня 1961 года

Дорогой Карло!

Наконец имею на руках окончательный текст пьесы и спешу послать его тебе, как мы договорились.

11-го уезжаю в Болгарию. Возьму с собой в карман твои стихи, буду их переводить, иногда поглядывая на тебя через Черное море.

Если будет ясная погода — чем черт не шутит! — может быть, и увижу тебя из Варны. Выходи на берег перед своей дачей, я буду смотреть в подзорную трубу.

Обнимаю тебя, дорогой, если не полностью, то хотя бы частично.

Все мое семейство шлет самый сердечный привет всему твоему семейству.

Твой

Константин Симонов.

Каладзе Карло Ражденович (р. 1904) — грузинский советский поэт-драматург.

...текст пьесы...— Пьеса «Четвертый».

ПРОНИНУ

25 июля 1961 г., ⟨Москва⟩

25 июля 1961 г.

Дорогой товарищ Пронин, получил Ваше письмо. Рад, что Вам пришлась по душе моя книжка.

Вы предлагаете установить день 22 июня как день памяти погибших. Я очень хорошо понимаю мотивы, из которых Вы исходите, но мне все-таки кажется, что специального дня устанавливать не надо. Днем памяти погибших является День Победы. Мы никогда бы не завоевали победы, если бы не те люди, которые сложили головы за родину в годы Великой Отечественной войны. Для меня лично День Победы — это прежде всего день воспоминаний об этих людях. И когда мы, старые фронтовые товарищи — военные корреспонденты, встречаемся в этот день у себя в Доме писателей, то первые наши слова всегда, по традиции, о погибших. Мы вспоминаем их, встаем для того, чтобы почтить их память, да и в дальнейшем, на всем протяжении встречи, многих и многих вспоминаем, говорим о них. Мне кажется, что это точно так же происходит и у всех других товарищей, отмечающих в тех или иных местах, в том или ином коллективе День Победы.

Победу принесли и живые и мертвые, и мне кажется, что День Победы — это день и тех и других. В этот день наша память, наши сердца, наши души не могут пройти мимо людей, которые сложили головы за родину. Вот почему мне кажется, что не надо отделять живых от мертвых в этом смысле. Надо, отмечая День Победы, встречая его с живыми товарищами, вспоминать погибших фронтовых друзей.

С товарищеским приветом

К. Симонов.

Впервые — в *ВЛ*, 1985, № 5.

М. К. КАЛАТОЗОВУ

1 августа 1961 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Михаил Константинович!

Я еще раз самым серьезным образом подумал над Вашим предложением вместе делать картину о Кубе и все-таки, несмотря на то, что мне было бы очень интересно работать над этой темой и было бы очень интересно работать вместе с Вами и Урусевским, должен сказать «нет».

Причина одна — та самая, о которой я Вам уже говорил: моя работа над военным романом, продолжающим, а возможно, и завершающим все, что я писал на эти темы, сейчас находится в таком положении, что я не могу оставить ее на длительный срок. Именно сейчас я должен был заняться именно ею, а то, как это случается в нашем деле, все, что накоплено и готово к тому, чтобы лечь на бумагу, может перегореть и не получиться, если я именно теперь отложу все это. Эта работа по сей день была и остается главной моей работой, главным предметом всех моих дум, и я не могу разорваться, не могу приступать к такой работе, как Куба, все время продолжая думать о другом. А заставить себя не думать я не могу! Ни о Великой Отечественной войне, ни о Кубе нельзя писать вполдуши, вполсилы — и то и другое должно взять тебя целиком. Если бы я взялся за Кубу, то до тех пор, пока не была бы кончена картина (не сценарий, а, повторяю, картина), до того последнего дня я оставался бы душевно прикованным к этой работе. А это значит, как ни крути, примерно на год отставить в стороне роман. Я этого не могу себе позволить.

Если бы этот замысел о Кубе возник не сейчас, а где-то через год, в то время, когда я хотя бы довел до последней точки первый черновик романа, я бы не задумываясь присоединился к Вам в этой работе, но сейчас разорваться на куски не могу.

Прошу не сердиться, не обижаться, а понять меня.

Если я Вам сейчас или потом могу понадобиться по-товарищески, как советчик,— я к Вашим услугам и здесь, в Москве, и даже на Кубе, где я, очевидно, буду в ноябре в двухнедельной туристской поездке.

Я еще раз подумал над Вашими возможными помощниками в этой работе, и мне хочется еще раз посоветовать Вам (особенно учитывая, что Вы хотите делать фильм-поэму) взять в коллектив Евтушенко. Он уже два месяца просидел на Кубе; поездка на Кубу большое событие в его поэтической жизни, и я думаю, он вернется полный впечатлениями и замыслами. Он — человек, способный написать сценарий такой вещи, я почему-то убежден в этом. Мне кажется, кроме того, что в коллективе людей, делающих вещь

о современной Кубе, важно иметь человека, хотя бы одного, который по возрасту приходился под стать героям Вашей будущей картины, который бы воспринимал их как людей своего собственного поколения, возраста. Подумайте над этим.

Мне очень жаль, если я огорчил Вас этим письмом, но я очень серьезно думал над этим — можете мне поверить.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш

Константин Симонов.

1 августа 1961 года.

Впервые — в журн. «Советский экран», 1985, № 17.

Калатозов Михаил Константинович (1903—1973) — советский кинорежиссер.

Урусевский Сергей Павлович (1908—1974) — советский кинооператор и кинорежиссер.

...моя работа над военным романом... — Роман «Солдатами не рождаются».

...Вашей будущей картины... — Фильм «Я — Куба» М. Калатозов снял по сценарию Е. Евтушенко и Э. Барнеса в 1965 г.

И. С. ИСАКОВУ

25 августа 1961 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Иван Степанович!

Не ответил на Ваше письмо сразу, потому что хотел сперва прочесть Ваш рассказ в «Н⟨овом⟩ м⟨ире⟩».

Теперь — прочел. Рассказ очень горький — особенно история с сидением на мачте. Трудно представить себе более горькое, хотя и частное отражение в человеческой судьбе того позорного, ужасного и трагического 1937 года.

Все еще неизвестно, как об этом писать. Я сам не знаю. И не уверен бываю, когда думаю об этом, до чего можно дотрагиваться, а до чего еще невозможно, учитывая все, что происходит сейчас кругом в мире.

Но не коснуться этого вообще тоже нельзя, литература, мемуары с разных сторон должны понемногу, хоть со свечками в руках, понемногу осветить это время — будь оно проклято! Но это не значит: будь оно забыто!

Вы коснулись этого в своем рассказе, мне кажется, очень верно и точно. За текстом есть подтекст, говорящий о глубине тогдашнего потрясения и страны, и человеческой психики.

Есть подтекст и в конце: да, он вернулся, воевал, умер в почете,

а сколько других, ничем не худших, чем он, не вернулись, не испытали счастья поднять оружие против фашизма своими ничем не запятнанными, чистыми и мужественными руками, сколько их умерло *там*, так и не узнав никогда, что справедливость и их добрые имена будут восстановлены, хотя бы после их смерти.

Ничего, что Ваш рассказ наводит на эти горькие мысли,— так оно и должно быть, чтобы никогда и никому в истории нашей больше было неповадно такое, что было в 37-м.

Спасибо Вам за рассказ. Крепко жму Вашу руку.

А вообще хорошо бы как-нибудь повидаться!

Ваш

Константин Симонов.

25 августа 1961 г.

Впервые — в журн. «Вестник архивов Армении», 1984, № 2.

...хотел сперва прочесть Ваш рассказ...— Речь идет о рассказе «Пари «Летучего голландца» (*НМ*, 1961, № 8).

...неизвестно, как об этом писать...— Симонов отвечает на следующее место письма И. С. Исакова от 24 июля 1961 г.: «Этот рассказ — *мой долг* по отношению к чистой душе, оставшейся чистой...

Такой «наш современник» не может, не должен быть забыт, т. к. не только он один потом геройствовал на фронте.

А те, кому надо напоминать об этих героях и этих обстоятельствах? Они не знают.

Разве надо ждать, пока старый «начинающий» научится излагать свои мысли? И так лежало под спудом лет 15, т. к. не было смысла пытаться печатать. Теперь — можно, поэтому дал в «Новый мир».

Подхожу к главному.

У меня еще несколько подобных (не по фабуле, не чухраевские, а острые, человеческие документы) рукописей. Совесть говорит, что народ должен знать, хотя бы чтобы не повторялось! (илось!)

Так неужели еще откладывать, *пока* не научусь чуть сносно писать?» («Вестник архивов Армении», 1984, № 2, с. 71).

ПЕТРОВУ

26 августа 1961 г., ⟨Москва⟩

Дорогой товарищ Петров!

Вот и подошло время получить обещанное: с удовольствием делаю это. Посылаю Вам кусок из моих записей о Халхин-Голе, сделанных по памяти через несколько лет после событий. В этом куске записей есть некоторые обстоятельства и подробности, рисующие Владимира Петровича Ставского во фронтовой обстановке.

Чтобы не кривить душой, хочу сказать Вам, что в моей памяти он остался человеком очень разным. Иногда в мирное время в литературной обстановке, не скрою, он мне казался человеком просто-напросто дурным. А в то же время в моей памяти сидят и никогда не исчезнут из нее впечатления о нем как о фронтовом товарище. Во фронтовой обстановке он был, по моему глубокому убеждению, человеком исключительным. Так что свои впечатления о нем в других обстоятельствах оставлю при себе, а вот те странички, в которых в какой-то мере рассказывается, каким этот человек был на войне и как он там, на войне, относился к товарищам, с удовольствием посылаю Вам и буду рад, если они Вам пригодятся для Вашей работы.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

26.VIII.61 г.

...кусок из моих записок о Халхин-Голе...— «Далеко на Востоке» (см. т. 10 наст. собр. соч.).

Ставский Владимир Петрович (1900—1943) — русский советский писатель и журналист.

Л. И. ЛЕВИНУ

4 ноября 1961 г., Москва

Многоуважаемый Лев Ильич!

Я с большим интересом прочел Вашу книгу о Луговском. Посылаю Вам для сведения копию отзыва, который я послал в «Советский писатель». Хочу Вам написать об одном моменте, о котором не хотел писать в официальной рецензии издательству. Но, может быть, Вам стоит подумать об этом.

Вы, по-моему, очень хорошо, тактично и достойно сказали о периоде Отечественной войны и творчестве Луговского. Это был очень тяжкий для него период, и хорошо, что в книге сказано о нем кратко, честно и достойно, без всего лишнего и привходящего, но, может быть, Вам тут пригодится одно мое соображение, которое хочу изложить Вам.

Я, как и многие из поэтов моего поколения, близких Луговскому и очень любивших его, очень тяжело пережил его собственную драму военных лет. Мы ждали другого, ждали, что это будет один из самых сильных и мужественных голосов нашей поэзии в эту тяжкую годину, ждали мы и личного мужества, ждали, что кто-кто, а уж «дядя Володя», как мы звали тогда Луговского,— пройдет всю войну с армией.

Этого не случилось. Известно, что у каждого из нас возникал вопрос: почему? И под влиянием этого вопроса мы даже помимо собственной воли с горечью переоценивали кое-что и в прошлом — рассказы о гражданской войне, о басмачестве.

Представление о Луговском как об учителе мужества — поколебалось. Вернее, то, что он говорил, осталось в сердце, но представление о личности, стоявшей за этими верными, мужественными словами, заколебалось.

В первых числах августа 1941 года я после возвращения с Западного фронта и перед поездкой на Южный провел около недели в Москве. У меня был приступ аппендицита, и я лежал на квартире у матери. Однажды днем позвонили, мать ушла открыть, долго не возвращалась. А потом вдруг в комнату, где я лежал, вошел человек, которого я в первую минуту не узнал — так невообразимо он переменился: это был Луговской, вернувшийся с Северо-Западного фронта.

Он страшно постарел, у него дрожали руки, он плохо ходил, волочил ногу и вообще производил впечатление человека, только что перенесшего какую-то ужасную катастрофу, потрясенного и морально и совершенно выведенного из строя физически.

Он сказал, что он заболел на фронте, что ужасно себя чувствует, что, видимо, придется ложиться в больницу, и в том, что он действительно был тяжело болен,— не могло быть никаких сомнений,— их у меня и не возникло.

Человек, которого я за несколько месяцев до этого видел здоровым, веселым, еще молодым, сидел передо мной в комнате как груда развалин, в буквальном смысле этого слова. Я видел, что Луговской тяжко болен физически, но я почувствовал — я не мог этого не почувствовать — меру его морального потрясения.

Я видел уже на фронте таких потрясенных случившимся людей, я видел людей, поставленных обрушившимися на них событиями на грань безумия и даже перешедших эту грань. То, что это могло случиться с человеком, меня не удивило,— меня потрясло, что это могло случиться именно с Луговским. Это совершенно не вязалось для меня с тем обликом, который складывался до этого в моем сознании на протяжении ряда лет. В то же время я понимал, что Владимир Александрович болен физически, и о том, чтобы в таком состоянии возвращаться на фронт,— не может быть и речи.

Мы посидели и поговорили два или три тягостных часа, через два или три дня я уезжал на фронт и не видел Луговского вплоть до января 1943 года.

В Ташкенте, когда я его увидел снова, он уже не был в таком ужасном физическом состоянии, как в Москве, но все-таки производил впечатление человека больного и сильно физически ослабевшего. Мы не говорили об этом, но я ощущал, что он испытывает чув-

ство душевной вины за то, что он здесь, в Ташкенте, а не на фронте. Он был и рад увидеть меня, как одного из своих учеников, и в то же время его тяготило, что эта встреча со мной происходит в Ташкенте.

Я говорю это не в осуждение Луговскому, я видел многих и многих людей из нашей среды, которые вполне могли быть на фронте, но сидели в эвакуации и нисколько этого не стыдились и не испытывали ни малейшего чувства неловкости. Луговской, в противоположность им, был в то время человеком с израненной совестью, он говорил, несколько раз возвращаясь к этому разговору, что вот немножко подправится, получше себя почувствует и попросится на фронт, непременно поедет, может быть, даже летом или весной. Это были вполне искренние слова, он действительно хотел превозмочь что-то не только физическое, но и душевное и поехать. Но, очевидно, превозмочь этого так и не смог.

Он самоощущал, что он — Луговской — должен быть на фронте, он помнил все свои книги, все свои стихи, все свои разговоры о мужестве, все, что он нам говорил и читал. Он помнил это и терзался, и эти душевные раны его были так очевидны, что у меня тогда, при встрече, не возникло ни на одну секунду желания посыпать их солью.

Мне думается (думается уже сейчас, тогда, в 1943 году, я об этом не думал), что труд, над которым он запоем сидел тогда, труд над «Серединой века» — был необыкновенно важен для него. Это была не только творческая необходимость, но и жизненная, это было оправданием своего существования на земле там, вдали от фронта, в эвакуации. Я думаю, что именно эти поэмы, то, что он писал их тогда, именно это не дало ему тогда до конца сломаться, именно это в конце концов вывело его обратно в большую жизнь, к большому, последнему, предсмертному взлету.

Когда я сейчас, много лет спустя, читал Вашу рукопись, я, раздумывая над судьбой Луговского, еще раз пытался понять — почему так вышло у него с войной,— у меня возникает такой ответ на этот вопрос.

Многие люди не представляли себе, чем будет эта война, да и просто не представляли себе, что такое настоящая, страшная, большая война, страшная даже помимо того, что она началась с того, что они беспощадно били нас. На многих и многих людей, в том числе и писателей, война чрезвычайно, особенно тяжко обрушилась потому, что они ее себе не представляли. Но мне кажется, что с Луговским дело обстояло еще сложнее.

Он никак не представлял себе войны, никак. Но внутренне в течение многих лет приучал себя считать, что он представляет себе, что такое война. Я убежден, что он по-настоящему не видел гражданской войны, не видел боя, не видел крови, не видел настоящего страха. Представления юности были общие, отдаленные,

романтические. Но он внутренне, через стихи, как-то убедил самого себя, что он участник этой войны, что он видел все — кровь, пот, страдания, ужас. Я думаю, что и в Средней Азии борьба с басмачеством коснулась его только в каких-то поверхностных восприятиях. Я думаю, что и там он не видел крови и смерти.

То же самое надо сказать и о Польском походе. Там и пережить что-либо подобное было вообще невозможно.

Так сложилось в жизни. Но наперекор этому Луговской упорно стремился себя убедить, что он вполне приготовлен к войне, что он не может не быть приготовленный к ней. К такому стремлению убедить себя в этом толкало его многое: и сложившаяся поэтическая биография, и отношения с людьми, и то положение учителя мужества, в которое он стал по отношению к молодежи, и то внутреннее ощущение предгрозья, которое у него, конечно же, было, и было в очень сильной степени...

И вот на человека, совершенно не приготовленного жизнью и биографией к войне, к большой крови, но по ряду причин заранее уверявшего самого себя, что он вполне готов ко всему этому,— обрушилось все то, что обрушилось на Луговского на Северо-Западном направлении. Из-за ложного самоощущения своей готовности к войне он испытал удар еще большей силы, чем другие, откровенно не готовые к войне люди.

Во всяком случае мне лично кажется, что в этом лежит одна из причин той страшной силы потрясения, которая буквально одним ударом и очень надолго вывела его из строя.

Если некоторые из мыслей, высказанных здесь, покажутся Вам имеющими отношение к делу,— и поэтому небесполезными,— я буду искренне рад.

Жму Вашу руку, уважающий Вас

Константин Симонов.

Москва, 4 ноября 1961 г.

Впервые фрагменты из этого письма — в кн.: Л. Л е в и н. Владимир Луговской. Книга о поэте. М., «Советский писатель», 1963, с. 150—151; с небольшими сокращениями — в мемуарном очерке Л. Левина «Как никто другой. Из воспоминаний о Константине Симонове» («Нева», 1983, № 4).

Левин Лев Ильич (р. 1911) — русский советский литературный критик.

...прочел Вашу книгу о Луговском.— Л. Л е в и н. Владимир Луговской. Книга о поэте. М., «Советский писатель», 1963 (второе издание — 1972). Луговской Владимир Александрович (1901—1957) — русский советский поэт. См. воспоминания Симонова «О Луговском Владимире Александровиче» (т. 10 наст. собр. соч.).

...труд над «Серединой века»... — Книга поэм В. Луговского, опубликованная в 1958 г.

...о Польском походе... — Речь идет об освободительном походе Красной Армии в сентябре 1939 г. в целях оказания помощи народам Западной Украины и Западной Белоруссии, насильственно отторгнутым от Советской России в годы гражданской войны.

В. К. ГРУДИНИНУ

25 декабря 1961 г., Москва

Уважаемый Василий Константинович!

В соответствии с нашей предварительной договоренностью я еще раз перечел напечатанный в 4-5, 6-7 книжках «Знамени» за 1940 год «путевой дневник» П. Лавута «Маяковский едет по Союзу».

В разговоре с Вами я сказал Вам, что горячо ратую за издание этого «путевого дневника» отдельной книжкой, возможно, с некоторыми купюрами и некоторыми дополнениями. Сейчас, внимательно перечитав работу Лавута, я с тою же решительностью голосую за ее издание. Многих ценных подробностей и деталей в жизни и работе Маяковского, которые встречаются в этом дневнике, не встретишь ни в каких других воспоминаниях. Просто потому, что Лавут в 1926—30 гг. оказался, в сущности, единственным и систематическим свидетелем многих дней и часов жизни Маяковского, связанных с его поездками по Союзу. К этому следует добавить безусловную наблюдательность автора и, по-моему, его вполне очевидную добросовестность и тщательность.

Но интерес этих записок не сводится только к тому, что мы узнаем из них подробности и детали, многие и многие из которых неизвестны и не могут быть известны ни по каким другим источникам. Интерес дневника шире. В нем взята как раз та сторона жизни Маяковского, которая связана с его общением с очень широкой и разнообразной читательской массой. Дневник показывает, какое исключительно большое место в жизни Маяковского занимала эта живая связь с читателями. И думается, что в этом смысле публикация такого дневника, посвященного важной стороне деятельности крупнейшего советского поэта, будет очень важным и поучительным делом. И именно сейчас, когда мы так много и страстно говорим о необходимости тесной связи писателя с жизнью, публикация этого дневника будет восприниматься как весьма современное и своевременное дело.

А теперь вернусь к моему предварительному замечанию насчет купюр и дополнений.

Перечтя «Путевой дневник» Лавута, я подумал, что, в сущности, в нем нет необходимости делать никаких сколько-нибудь серьезных и принципиальных купюр. Возможны отдельные редакционные купюры отдельных строчек на отдельных страницах, но это уже чисто редакционная работа, которую может сделать редактор книги вместе с автором перед сдачей рукописи в набор.

С другой стороны, здраво все взвесив, я отказываюсь и от первоначальной мысли о дополнениях. Откровенно говоря, здесь меня останавливает вот что: я боюсь воспоминаний, распухающих от переиздания к переизданию. Времени прошло много, память слабеет, прошлое отодвигается, и даже без всякой злой воли авторов порой переделанные и дополненные воспоминания начинают чрезмерно обрастать подробностями не из первых рук, а порой и обобщениями, не столько объясняющими, сколько разжижающими факты. Я бы, пожалуй, издал книгу Лавута именно такой, какая она есть: плотной, набитой фактами, не разжиженной общими соображениями, издал бы примерно те семь листов, которые в ней есть по тексту «Знамени».

Уверен, что это будет очень ценная книжка.

С товарищеским приветом

К. Симонов.

Москва
23 декабря 1961 г.

Впервые фрагмент из письма — в *РСТ*.

Грудинин Василий Константинович (1911—1985) — издательский работник, в то время директор издательства «Советская Россия».

Лавут Павел Ильич (1898—1979) — с 1926 г. до конца жизни Маяковского был организатором его выступлений.

...горячо ратую за издание...— Книга была издана с предисловием Симонова — см.: П. И. Л а в у т. Маяковский едет по Союзу. М., «Советская Россия», 1963 (второе, дополненное издание — 1969, третье — 1978).

Л-НУ

25 декабря 1961 г., ⟨Москва⟩

25 декабря 1961 г.

Дорогой товарищ Л-н, получил Ваше письмо и стихи.

Во-первых, мне показалось по этому письму и стихам, что у Вас есть поэтическая жилка и Вам надо пробовать писать.

Во-вторых, по существу дела: Вы упрекаете меня за стихотворение «Политрук», по-моему, упрекаете несправедливо. Я пишу

в нем то, что думаю, а если я думаю сейчас о Сталине иначе, чем я думал в 1941 году, то я не чувствую себя виноватым в этом. Я вовсе не стыжусь того, что в 1941 году писал с фронта, из Заполярья, в «Красную Звезду» стихи, начинавшиеся словами: «Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?» Я писал их искренне и глубоко верил в этого человека. Но сейчас я, зная всю ту меру ответственности, которая лежит на Сталине и за разгром наших военных кадров в 1937—1938 году, и за связанную с этим разгромом неполноценную подготовку к войне, и за то, что война оказалась внезапной, хотя она могла не быть внезапной, если бы не его слепая вера в собственную правоту и полная глухота ко всем предупреждениям,— сейчас, зная все это, я не могу без горечи думать и о своем тогдашнем отношении к Сталину, и о своих тогдашних стихах, написанных о нем. Я не стыжусь их, но думаю о них с горечью. Эта горечь, это ощущение трагедии, связанное в нашей истории с именем Сталина, человека очень большого, но в то же время и очень страшного, заставляет меня сейчас писать так, как я пишу. Именно так я написал своего «Политрука», именно так написал свою последнюю книгу «Живые и мертвые».

Вычеркивать Сталина из нашей истории невозможно и неправильно. Но в то же время мы обязаны, отдавая ему в истории то место, которое он в ней действительно занимает, оценивать его действия с учетом всего, что мы о нем знаем. А знаем о нем мы необыкновенно много тяжелого, а, может быть, узнаем и еще больше.

Вот как обстоит дело, вот почему я написал свои стихи так, а не иначе.

Жму Вашу руку

С товарищеским приветом

К. Симонов.

...Вы меня упрекаете за стихотворение «Политрук»...— Речь идет о следующих строках стихотворения «Наш политрук», опубликованного в журнале «Огонек» (1961, № 44):

«В бой за Родину! — крикнул он хрипло.—
В бой за Ста...» — так смерть обрубила.
Сколько б самой горькой и страшной
С этим именем связанной правды
Мы потом ни брали на плечи,
Это тоже было правдой в то время,
С ней он умер, пошел под пули.

...стихи, начинавшиеся словами: «Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?» — Стихотворение «Суровая годовщина», опубликованная в *КЗ* (1941, 7 ноября).

А. Б. ВИНЕРУ

8 марта 1962 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Александр Борисович!

Прошло пять дней с тех пор, как мы вместе с Вами посмотрели «Живых и мертвых» на сцене. Те мои впечатления, которые я Вам высказал сразу же накоротке, за это время успели отстояться, и сейчас то, что я Вам сказал тогда, видимо, довольно сумбурно, я могу повторить уже более последовательно и в более систематическом виде. То, в чем я, как мне показалось, не смог убедить Вас сразу, все-таки, к моему искреннему огорчению, правильно.

Прежде всего хочу повторить то, что я Вам писал и говорил: к своей работе над инсценировкой моего романа Вы отнеслись с большой любовью и тщательностью и с большой бережливостью — к тексту книги. Хочу также сказать еще раз, что с точки зрения политической, с точки зрения соответствия общего замысла инсценировки общему замыслу книги — Ваша инсценировка не вызывает у меня как у автора принципиальных идейных возражений. Но это все я говорю, когда говорю об *общем* замысле. Однако здесь-то и наступает самое трудное.

Общий, самый добрый замысел должен найти в искусстве свое соответствующее ему художественное выражение. Я не судья своей книги, но все-таки, очевидно, мне в какой-то мере удалось в форме романа «Живые и мертвые» найти приемлемое для меня как для автора художественное воплощение тому замыслу, который был у меня в голове, когда я приступал к этой работе. Если Вы помните, я с самого начала, когда Вы написали мне о Вашем желании инсценировать мой роман, ответил Вам, что я лично не представляю себе, как этот роман может быть перенесен на сцену и осуществлен языком театра.

Когда я прочитал Вашу инсценировку, мне показалось, что с некоторыми трудностями, казавшимися мне непреодолимыми, Вы справились, но очень многое оставалось у меня под вопросом. А главное, оставалось под вопросом то, что почти всегда остается под вопросом в драматургии до того момента, когда рождается спектакль: как — будет жить это и звучать в полную художественную силу на сцене? Или не будет?

Именно поэтому я, дав свое согласие на выпуск спектакля по Вашей инсценировке «Живых и мертвых» на сцене Народного театра Ленсовета, оставил открытым вопрос об окончательном одобрении мною Вашей инсценировки на предмет ее распространения для других театров впредь до того, как посмотрю своими глазами спектакль и увижу на сцене, что получается.

Я прекрасно отдаю себе отчет, что многое из того, что Вам предстоит прочесть дальше, Вам будет горько и тяжело прочесть,

особенно учитывая большую и длительную проделанную Вами работу, но в искусстве нельзя идти на компромиссы, и поэтому я должен Вам сказать все, что думаю по этому поводу.

Я был прав в своих первоначальных ощущениях, что из этого романа не может получиться полноценной пьесы. И несмотря на то, что Вы употребили массу усилий, чтобы сделать эту пьесу и, быть может, никто другой на Вашем месте не проявил бы столько усилий и столько умения, однако если оценивать общие итоги, то все же это в большей степени поражение, чем победа. Видимо, сама конструкция романа — с его бесчисленными эпизодами, с его эпизодическими, на мгновение появляющимися и вновь исчезающими лицами,— глубоко антитеатральна. Вынужденные по законам сцены резкие смещения места и времени действия, как я это особенно отчетливо увидел сейчас на сцене, в корне разрушают то эпическое течение повествования, к которому я стремился в своей книге и которое, как мне представляется, является ее основным нервом.

Перенесение внутренних монологов героев, их размышлений из авторского текста в прямую речь персонажей для меня, когда я все это услышал со сцены, в большинстве случаев оказалось художественно неприемлемым. Те мысли и идеи, которые я вложил в роман, вроде бы и не искажены в инсценировке,— повторяю еще раз: Вы очень бережно отнеслись к авторскому тексту,— но в то же время все это оказалось упрощенным, огрубленным, а во многих случаях просто лишенным того художественного качества, которого я в меру своих сил добивался в романе. Очевидно, в данном случае художественная ткань просто-напросто не поддается перенесению из прозы на сцену.

Еще одно обстоятельство, тоже очень важное для меня. Мне как писателю свойственны многие художественные слабости, и я это прекрасно сознаю. Но я знаю войну и приложил все усилия к тому, чтобы в своем романе правдиво описать все подробности ее. Для меня как для писателя является предметом известной гордости то, что именно в этом отношении я почти не встречался до сих пор с упреками со стороны людей, провоевавших войну. Между тем, когда Вы в инсценировке попытались перенести прозу на сцену, то во многих местах спектакля я не могу смотреть на эту, происходящую на сцене, войну. Лишенная тех сотен и тысяч подробностей, которые были в авторском тексте романа и вполне закономерно не могут быть сохранены в инсценировке, эта война перестает быть достоверной, она становится театральной войной. И этого во многих местах мой глаз не в состоянии вынести.

Я хочу, чтобы Вы правильно меня поняли: я отнюдь не считаю, что нельзя написать пьесу о войне, что это вообще противопоказано театру, но если бы я писал *пьесу* о войне, я бы знал, что может быть в пьесе и чего в ней не может и не должно быть. Я бы, очевидно,

избрал другие ситуации, другие места действий, другие моменты, чем те, которые я взял в романе. То, что задумано в одном жанре, оказывается совершенно неподходящим для другого — в этом я с очевидностью убедился, глядя спектакль.

Я с большой тревогой думаю о постановке фильма по «Живым и мертвым» в кино и заранее и здесь готовлю себя к возможности разочарования и не скрываю эту свою тревогу от товарищей, приступающих к работе над картиной, хотя, конечно, кинематограф в большом двухсерийном фильме имеет значительно больше объективных возможностей, чем театр, пойти за тканью романа, сохраняя присущие ему особенности. Тем не менее я и тут в большой тревоге. С театром же для меня теперь ясно — не получилось! Не получилось и, очевидно, не могло получиться, несмотря на Ваше самое любовное отношение к этой работе.

Я не могу дать разрешение на распространение Вашей инсценировки и на ее передачу для работы в другие театры, потому что не верю в художественный успех этой работы. Я трезво сознаю целый ряд слабостей своего романа, особенно второй его половины. Роман, как я сейчас, уже отойдя на два года от него, понял, далеко не так хорош, как бы мне хотелось, но видеть этот и так, быть может, недостаточно хороший роман на сцене в сильно ухудшенном театральном издании я не хочу. Это не нужно ни мне, автору, ни зрителям. Пусть лучше тот, кто хочет, прочитает этот роман в книге, пусть недостаточно хорошей, а не смотрит его в инсценировке, которая все же много хуже этой, недостаточно хорошей книги.

Я очень серьезно обдумывал все это, прежде чем написать Вам. Обдумывал тем более, что прекрасно сознаю, что Вам нелегко будет все это читать. Думаю, что нам не следует больше возвращаться к этому вопросу, это принесет нам обоим только лишние огорчения, потому что решения своего я все равно не переменю.

Остается второй вопрос: как быть с поставленным Вами по Вашей инсценировке спектаклем в Народном театре Ленсовета. Мне кажется, что Вами как постановщиком очень много сделано для того, чтобы преодолеть органические слабости инсценировки. В спектакле, особенно в первой его половине, есть немало хороших сцен. Меня глубоко тронула работа коллектива Народного театра. Мне кажется, что исполнители ролей Серпилина, Синцова, маленькой докторши, Баранова, Зайчикова, Климовича, Золотарева, старшего лейтенанта Люсина, жены Серпилина, благодаря собственному таланту и увлеченности и благодаря Вашей большой режиссерской и педагогической работе, создали во многом интересные образы, несмотря на все трудности, связанные с перенесением романа на сцену. Я с большим уважением отношусь и к их и к Вашей работе, и так как в этом спектакле Народного театра есть ряд несомненных актерских удач, так как на эту работу затрачен гро-

мадный самоотверженный труд, за который я глубоко благодарен, у меня нет возражений против того, чтобы в этом театре уже поставленная в нем инсценировка продолжала идти, тем более что общее политическое звучание спектакля мне кажется совершенно правильным.

Я только просил бы Вас учесть некоторые высказанные мною конкретные замечания именно по этому спектаклю; в частности прошу несколько раньше закончить первый акт, убрав в нем последний монолог Синцова; прошу не забыть, что в сцене с танкистами Синцов должен быть ранен, иначе вся сцена звучит психологически фальшиво. Прошу убрать в двух-трех местах тавтологии с билетом. Некоторые другие более мелкие замечания, которые я Вам высказал после спектакля, не буду повторять,— они не столь существенны.

Сознаю, дорогой Александр Борисович, что огорчаю Вас этим письмом, но ничего не поделаешь. С «Днями и ночами» вышло, а с «Живыми и мертвыми» не получилось. Думая о Вас, невольно вспоминаю о себе. В июле 1956 года я закончил роман «1941 год». Было в нем ровно шестьдесят печатных листов, и он сгоряча казался мне очень хорошим. А потом оказалось, что этот роман не вышел, и когда в 1959 году я закончил роман «Живые и мертвые», то из того первого романа в «Живые и мертвые» вошло всего тринадцать или четырнадцать листов, а около сорока листов так и осталось в рукописях, и совершенно правильно, что осталось,— а это было делом нескольких лет труда. Вам, конечно, от этого моего воспоминания не легче, но просто хочу по-дружески сказать Вам, что бывают огорчения и тяжелее, бывают и неудачи куда сокрушительнее.

Крепко жму Вашу руку. Привет Вашей гостеприимной жене и Вашему сыну, который мне при нашем кратком первом знакомстве показался очень хорошим парнем.

Ваш

Константин Симонов.

8 марта 1962 года.

Впервые фрагмент из этого письма — в *РСТ*.

Винер Александр Борисович (р. 1896) — советский режиссер.

...посмотрели «Живых и мертвых» на сцене.— Речь идет об инсценировке А. Винера, им же поставленной в 1962 г. в Народном драматическом театре Дворца культуры им. Ленсовета.

...о постановке фильма по «Живым и мертвым»...— Автором сценария и постановщиком фильма, вышедшего на экраны в 1964 г., был А. Столпер.

С «Днями и ночами» вышло...— А. Винер был автором инсценировки повести «Дни и ночи», поставленной во МХАТе в 1947 г.

Х. ГУЛЯМУ

6 апреля 1962 г., Москва

Дорогой Хамид!

Позавчера в Ваши края по своим служебным делам улетел отец Ларисы. Будет там кочевать по разным местам, по которым и мы с Вами кочевали. А мы с Ларисой, провожая его, завидовали и вспоминали о наших друзьях. И конечно, о первом — о Вас.

Очень мне хотелось весной этой выбраться в Ташкент, но я совершенно застрял в романе. И когда ему конец, и где — пока не видно. Все-таки роман — это самое капитальное дело, и Вы, как мой товарищ по несчастью, знаете это не хуже меня.

Прочел Вашего «Влюбленного Ташбалту» и живо представил себе его на сцене Театра Мукими.

Мне кажется, что центральный образ самого Ташбалты просто превосходен. Это характер, в котором хороший актер должен чувствовать себя как рыба в воде.

Понравился мне и Мухаммад Салих. Но этот — не до конца. Мне кажется, что его смирение в конце не может быть искренним. Оно может быть только притворным — до лучших времен (по его мнению — лучших, конечно). Из этого моего замечания следует и то, что мне вообще не понравился весь конец комедии, с его всепрощением и снятием острых углов.

Мне бы казалось, что покаяние в конце должно быть мнимым, а впереди должна предчувствоваться какая-то новая фаза борьбы. Не стоит, по-моему, в комедии, в принципе очень современной и острой по постановке вопроса, все сводить к концу благополучному сверх всякой меры. Не стоит в комедии ставить точку там, где в жизни стоит многоточие... Не стоит на сцене до конца развязывать те узлы, которые в жизни еще далеко не развязаны и к которым еще придется возвращаться и возвращаться, бог весть сколько раз еще возвращаться.

В общем, читая конец Вашей комедии, я злился. А читая ее начало и середину, радовался от души, смеялся. Особенно всему, что связано с Вашим чудесным Ташбалтой.

Может быть, мое суждение чем-то и огорчит Вас, дорогой Хамид, но мы ведь друзья, что уж я с Вами-то буду кривить душой! Что подумал, то и написал.

У нас в Москве зима долго сопротивлялась, так долго, что уж и терпения под конец не было. Но сейчас все же настали первые весенние дни.

Семейство мое все здорово и вместе со мной шлет привет Вашему.

Крепко жму Вашу руку и очень бы хотел поскорей Вас увидеть.

Ваш
Константин Симонов.

Москва
6 апреля 62 г.

Гулям Хамид (р. 1919) — узбекский советский писатель; Симонов переводил стихи Х. Гуляма, вместе с ним работал над документальным фильмом «Голодная степь».

...отец Ларисы — Жадов А. С.

...совершенно застрял в романе.— «Солдатами не рождаются».

...как мой товарищ по несчастью...— Х. Гулям в 1961 г. закончил роман «Светоч» (в русском переводе «Первые ласточки»), над которым работал с 1958 г.

«Влюбленный Ташбалта» — комедия Х. Гуляма, опубликованная на русском языке в 1961 г.

ШЕНДЕРОВУ

13 мая 1962 г., Москва

Уважаемый товарищ Шендеров!

Мне так же, как и Вам, много приходилось думать над вопросами, связанными с проблемами развития национальных культур в нашей стране. Да и не только в нашей стране, потому что этими проблемами придется, наверное, заниматься и в том далеком будущем, когда коммунизм победит на всем земном шаре. Все равно эти проблемы, приобретая новые формы, будут существовать и тогда, к ним и тогда нужно будет подходить очень разумно, осторожно, а не рубить все сплеча, как делаете Вы в своем письме.

Давайте зададим себе один простой вопрос. Вот мы с вами люди, для которых русский язык является родным языком. И Вы, взяв это как данность, очень легко подходите к проблеме отказа от родного языка и замене его русским. Но представьте себе, что в будущем коммунистическом обществе (предположим себе это хоть на минуту) общечеловеческим языком будет избран, скажем, язык, на котором в настоящее время говорит наибольшее число людей на земном шаре, ну, например, английский или китайский, и Вам придется, по Вашей концепции, для пользы дела отказаться от своего родного языка и перейти на английский или китайский язык? Как только Вы себя, не других, а именно себя поставите в такое положение, я думаю, для Вас сразу эта проблема поднимется в полный рост, и Вы почувствуете, что она не так-то проста для любого человека, представителя большой или малой нации.

Это первое, что мне хотелось Вам сказать.

Второе. Нельзя так скоропалительно судить о том, какой язык имеет перспективы в будущем, какой не имеет. Вы, например, отзываетесь о башкирском языке как о языке бесперспективном. Я не хочу даже вступать с Вами в спор по этому вопросу, хочу только, чтобы Вы сначала задумались над следующим: башкирский язык, татарский язык, узбекский язык, казахский язык, туркменский язык, азербайджанский язык и еще целый ряд языков нашей страны принадлежат к одной и той же группе тюркских языков. Только в нашей стране на этих языках, понимая друг друга в общем-то без перевода, разговаривают свыше двадцати миллионов людей. Но этим дело не ограничивается. К этой же группе языков относятся такие языки, как турецкий и некоторые другие, на которых тоже разговаривают десятки миллионов людей. Итак, на языках этой группы в мире разговаривает несколько десятков миллионов людей, а Вы заявляете о бесперспективности одного из языков, принадлежащих к этой группе. Не кажется ли Вам, что Вы и здесь рубите сплеча? Мне думается, что путь к общечеловеческому единому языку — путь долгий и сложный, рассчитанный на многие десятилетия и, очевидно, столетия, подчеркиваю — *столетия*, и ничего нет более вредного для нашего коммунистического дела, чем искусственно давить в этом вопросе, чем искусственно торопить. Так ребенок не рождается, так получаются только выкидыши.

Думаю также, что путь к общечеловеческому языку лежит не через отказ от родных языков, а через овладение вторым языком, кроме родного, через абсолютное владение двумя языками, постепенно через это, и только через это, можно прийти к общечеловеческому языку. И с этой точки зрения я думаю, что, конечно, настоящее, серьезное, такое же страстное, я бы сказал, изучение русского языка, как и своего родного, во всех уголках нашей родины, представителями всех национальностей — это глубоко прогрессивное дело. А попытки искусственно затормозить изучение русского языка, попытки искусственно создавать препятствия русским школам, искусственно создавать излишнее количество национальных школ там, где и не набирается в них достаточного количества учащихся, в общем, весь нажим обратного порядка так же вреден, как и тот нажим на обязательное изучение русского языка, на отказ от родных языков, о котором пишете Вы. Вредно и то, и другое, и чрезвычайно вредно, я бы добавил.

Вот в общих чертах моя точка зрения на этот вопрос, если она Вам интересна.

К. Симонов.

Москва.
13 мая 1962 г.

Впервые с сокращениями — в *РСТ*.

К. Г. ПАУСТОВСКОМУ

25 мая 1962 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Константин Георгиевич. Поздравляю Вас, крепко жму Вашу руку, желаю Вам здоровья, желаю Вам счастья, желаю Вам всего самого доброго. Думая о Вас сейчас, с волнением вспоминаю свою молодость, Ваши добрые слова о моих первых опытах. Вспоминаю лето тридцать восьмого года, Солотчу, и как Вы предводителем ходили с нами по лесам, и как Вы слушали по вечерам стихи, глядя на меня своими добрыми, серьезными, внимательными глазами. Вспоминаю почему-то и одну довольно большую щуку, которую мы поймали с Вами, а точнее Вы со мной. Это была единственная щука в моей жизни, и я до сих пор горжусь, что содействовал Вам при помощи сачка в поимке этой щуки, и руки у меня, хорошо помню, ужасно дрожали. Очень уж не хотелось перед Вами осрамиться, да и потом, насколько я понимаю, Вы мне простонапросто этого бы не простили. Не сердитесь на это недостаточно серьезное воспоминание — мне хочется, чтобы Вы улыбнулись над ним. Крепко жму Вашу руку. Поправляйтесь, выздоравливайте, будьте счастливы.

Ваш
Константин Симонов.

25 мая 1962 г.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

Паустовский Константин Георгиевич (1892—1968).

Поздравляю Вас...— К. Паустовскому 31 мая 1962 г. исполнилось 70 лет. Телеграмма была послана К. Симоновым в больницу.

...Ваши добрые слова о моих первых опытах...— К. Симонов имеет в виду статью К. Паустовского «Константин Симонов» (*ЛГ*, 1938, 30 октября).

М. И. КОТОВУ

24 июня 1962 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Михаил Иванович!

По просьбе Театра Моссовета и по Вашему поручению я прочел очень остроумный политический фарс «Бунт женщин», сочиненный Назымом Хикметом и Комиссаржевским по мотивам комедии датского прогрессивного писателя Сендербю. А в подосновe всего этого вместе взятого лежат мотивы аристофановской «Лисистраты».

Как я уже сказал, вещь эта очень остроумна, и думается, что Ю. А. Завадский и превосходные актеры Театра Моссовета могут создать на основе этого материала веселый, умный и талантливый спектакль.

Тема «Бунта женщин» в этом фарсе повернута как тема борьбы за мир, как бунт против войны, против ее поджигателей, против их политиканства, тупоумия, жестокости.

Решается эта тема чисто комедийными, даже фарсовыми приемами, и решается, по-моему, очень остро, хлестко и при этом политически, на мой взгляд, очень точно.

Так их и надо лупить, этих мерзавцев, и не только благородными гневными словами, но и смехом, издевкой, пощечинами комедии. Для борьбы, которую мы ведем против врагов мира, нужно искать разные формы, и то, что мы иногда мало еще задумываемся над этим, недостаток нашей работы.

Комедия-фарс «Бунт женщин» — одна из форм этой борьбы, и мне кажется, форма удачная, действенная.

С уважением

К. Симонов.

24 июня 1962 г.

Впервые — в журн. «Театр», 1985, № 11.

Котов Михаил Иванович (р. 1914) — русский советский журналист и писатель, в то время ответственный секретарь Советского комитета защиты мира.

...по Вашему поручению... — В письме от 1 марта 1982 г. в Комиссию по литературному наследству К. Симонова М. Котов рассказывает: «Однажды в Советском комитете защиты мира состоялась встреча с Назымом Хикметом и режиссером В. Г. Комиссаржевским. Н. С. Тихонов высказал во время этой встречи пожелание создать комедию, в которой бы разоблачались и высмеивались поджигатели новой войны. 〈...〉 Назым Хикмет буквально загорелся этой темой. Прошло немного времени, и Хикмет и Комиссаржевский прислали пьесу Тихонову. 〈...〉 Николай Семенович высказал пожелание послать пьесу на отзыв К. М. Симонову, что я и сделал» *(АКС).*

Комиссаржевский Виктор Григорьевич (1912—1981) — советский актер и режиссер.

Сендербю Кнуд (р. 1909) — датский писатель, в 1955 г., используя сюжет «Лисистраты» Аристофана, он написал комедию «Бунт женщин», по мотивам которой создали свою пьесу В. Комиссаржевский и Н. Хикмет.

Завадский Юрий Александрович (1894—1977) — советский режиссер и актер, главный режиссер Театра им. Моссовета.

...умный и талантливый спектакль. — Спектакль «Бунт женщин» был поставлен Ю. Завадским в 1962 г.

В. С. ПОТАПОВУ

15 июля 1962 г., ⟨Москва⟩

15.VII.62 г.

Уважаемый Владимир Степанович!

К сожалению, я не имею сейчас времени, чтобы ответить на те Ваши вопросы, на которые требуется отвечать обширно, оценивая вообще всю деятельность Фадеева как критика. Отвечаю только на то, на что могу.

В свое время я был благодарен Фадееву за его очень интересное для меня письмо о пьесе «Доброе имя». Но со многим в этом письме не был согласен. Сейчас, на расстоянии, думаю, что был прав Фадеев,— пьеса «Доброе имя» вообще моя неудача. Насчет оценки Фадеевым поэмы «Первая любовь» не был согласен с ним ни тогда, ни сейчас. Не исправил в поэме ни одной строчки и напечатал ее, как была, во время войны. Это не значит, что я считаю поэму столь хорошей,— в ней есть и много юношеского, слабого, но оценка Фадеева была для меня неприемлема по существу. Да, в данном случае, мне кажется, она случайна и для него. Он гораздо шире и по-другому смотрел на вещи о любви, чем это можно подумать по его рецензии на «Первую любовь».

Если будете в Москве, позвоните (Д.7.27.21), может быть, я и смогу показать Вам кое-что интересное, связанное с Фадеевым как с критиком.

С товарищеским приветом

К. Симонов.

Впервые с небольшими сокращениями — в *РСТ*.

Потапов Владимир Степанович — русский советский литературовед, автор ряда работ, посвященных творчеству А. Фадеева.

...письмо о пьесе «Доброе имя».— Письмо А. Фадеева Симонову от 17 сентября 1953 г., в котором он, в частности, писал: «...ты *облегчил* свою драматическую задачу, убрав на протяжении всей пьесы и до последней картины того человека, который страдает, убрав Твердохлебова, его среду, его мучения. Мало того,— в последней картине выясняется, что он, пока дела его решались в таком утвердительно-тяжелом для него смысле в его учреждении или институте, вообще отсутствовал, занимался своим любимым делом и даже — по характеру своему — не очень-то мучился, зная, что хорошие люди ему помогут и без него! Таким образом, ты сознательно и намеренно ушел от того, что делает настоящие комедии (например, у Островского) наполненными тяжестью жизненных конфликтов в их реальности, в их жестокой правде, не лишая их комедийного характера! С этой точки зрения комедия твоя слишком легковесна для взятой темы» (А. Фадеев. Письма. 1916—1956, с. 464).

...оценки Фадеевым поэмы «Первая любовь»... — Речь идет о письме А. Фадеева Симонову от 10 июня 1939 г. (А. Ф а д е е в. Письма 1916—1956, с. 152) и об его внутренней рецензии для издательства «Советский писатель», в которой он, в частности, писал: «...в целом поэма меня, как читателя, не удовлетворяет. Любовные переживания юноши, показанные на таком длинном полотне, точно вынуты из окружающей жизни, из всего многообразия дум и чувствований героя. Основной замысел не нов, все это было уже не раз в классической поэзии. Только включение нашей, очень своеобразной, неповторимой эпохи во все клеточки поэмы заставило бы ее ожить, как новое и свое. А так — это общо, для всех и — ни для кого» (А. Ф а д е е в. За тридцать лет. Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. М., «Советский писатель», 1957, с. 806).

В. А. К-ЦУ

3 сентября 1962 г., ⟨Москва⟩

3 сентября 1962 года

Уважаемый Владимир Антонович, Ваш рассказ получил и прочел. Очень занят сейчас, совершенно не имею времени подробно разобрать его, могу только сказать в самой общей форме, что рассказ мне не понравился. Не понравилось мне и то, что он написан умозрительно о жизни, которую Вы, очевидно, не знаете. Я являюсь писателем-профессионалом, то есть более опытным человеком, чем Вы, например,— но я бы никогда не рискнул писать художественное произведение из алжирской жизни, не побывав там. А Вы, судя по рассказу, по его поверхностности, там не были, а если даже и были, то рассказ написан так, словно Вы там не были.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

Рассказ возвращаю.

В ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

3 сентября 1962 г., ⟨Москва⟩

Я взялся читать для издательства эту рукопись (хотя и не являюсь специалистом ни по истории, ни по истории литературы) потому, что меня исключительно заинтересовала сама тема этой работы. Какое у меня чувство сейчас, когда я прочитал рукопись Дорошенко, причем прочитал ее при максимально благожелательном отношении к этой работе?

С одной стороны, я, когда прочитал ее, очень много получил от этой работы, много узнал того, чего не знал до сих пор; гораздо

отчетливее, яснее представляю себе, как протекала военная служба Толстого, какая сумма впечатлений, переживаний, связанных с войной и военной службой, была у него за плечами, когда он писал «Войну и мир». Все это для меня было очень интересно и существенно, и, читая рукопись Дорошенко, я понимал, с каким громадным материалом ему пришлось иметь дело для того, чтобы написать свою работу,— и это тоже вызывало чувство благодарности к автору.

Однако рукопись вызывает и чувство разочарования. Мне кажется, что в ней чрезвычайно много повторов, она писана как бы кругами, и автор, благодаря построению книги, по нескольку раз возвращается к одному и тому же. Слишком много в работе полемики по самым частным поводам, слишком много уличений различных других авторов в тех или иных неточностях, при этом, особенно в первой части книги, там, где идет речь о Шкловском, Эйхенбауме и других историках литературы, полемика эта ведется в несколько развязном тоне, огульно, без достаточной аргументации. Но это происходит, хочу добавить, только в одной главе, в других местах эта полемика и ведется по-другому, и каждый раз подкрепляется аргументами. Тот стиль, с которым автор разделывается с некоторыми литературоведами двадцатых годов, вообще ему во всей остальной рукописи совершенно не свойствен.

Итак, очень много полемики по множеству частных поводов, очень много всякого рода повторений, возвратов и т. д. и т. д., то есть очень много загромождающего рукопись материала, который, думаю, может оттолкнуть от книги менее терпеливого читателя, чем я. Кроме того, такое обилие повторов и длиннот нарушает связность изложения, мешает созданию общей картины того, чем была в жизни Толстого военная служба и военная деятельность. Думаю, что, предлагая свою рукопись издательству «Советский писатель», автор имеет в виду не опубликование диссертации, а издание книги, и книгу эту, видимо, будут читать не десятки или сотни специалистов, профессионально занимающихся Толстым, а тысячи, а может быть, и десятки тысяч читателей, разумеется, подготовленных к чтению подобной книги, но все же являющихся не специалистами по Толстому, а поклонниками Толстого, и, открывая эту книгу, желающих приоткрыть еще одну страницу жизни любимого писателя.

Если иметь в виду этого читателя, то полагаю, что рукопись С. Дорошенко должна быть сильно сжата, освобождена от многочисленных повторов; думаю, что полемика в подавляющем большинстве случаев должна быть исключена из текста. Взгляды автора на спорные пункты биографии Толстого должны быть высказаны в тексте книги как позитивные, и пусть кто хочет с ними впоследствии спорит. В некоторых же случаях, там, где это совершенно

необходимо, можно давать те или иные краткие полемические экскурсы в примечаниях к книге, а примечания в ней, очевидно, при всех обстоятельствах потребуются.

У С. Дорошенко нет дарования занимательного исторического рассказа, но его работа очень серьезна, в большинстве случаев очень хорошо аргументирована и чрезвычайно богата материалами. Мне лично кажутся правильными и большинство оценок, даваемых автором, большинство выводов, к которым он приходит, хотя, повторяю, я не специалист по этому вопросу.

Мне не кажется, что нужно как-то особенно олитературивать эту книгу. Мне думается, что она не нуждается в каком-то расцвечивании, а нуждается в очень строгом и тщательном редактировании, прежде всего непримиримом ко всем длиннотам и повторам.

Наконец, последнее. Рукопись эта, как указывает автор, является первой частью его работы. Судя по некоторым строкам рукописи, можно понять, что во второй части работы автор намерен проанализировать то, как военная служба Толстого отразилась в его художественных произведениях. Это самостоятельная громадная тема, и о том, как она будет решена С. Дорошенко, мне трудно судить по первой части его рукописи. Должен признаться, что почти до самого конца чтения я рассматривал эту работу как вполне самостоятельную и в общем-то и остался при этом убеждении. Мне кажется, что при всех своих недостатках, а вернее сказать, излишествах, эта работа обещает стать интересной и вполне самостоятельной книгой; а напишет или не напишет Дорошенко следующую книгу об отражении военной службы Толстого в его произведениях и как у него получится эта книга — это уже вопрос другой, который, по-моему, при решении судьбы данной рукописи можно не рассматривать. В целом я «за» издание этой работы в издательстве «Советский писатель», с учетом необходимости очень серьезной редактуры.

Константин Симонов.

3 сентября 1962 года.

Рукопись возвращаю. Вынужден был ее расшить, потому что иначе читать ее было невозможно.

Если у автора готова вторая часть — могу прочесть и ее, только не очень быстро.

...взялся читать для издательства эту рукопись... — Речь идет о рукописи С. Дорошенко «Военная служба и военная деятельность Л. Н. Толстого».

Дорошенко Сергей Сергеевич (1907—?) — военный историк, русский советский литературовед.

Шкловский Виктор Борисович (1893—1985) — русский советский писатель и литературовед.

Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959) — русский советский литературовед, автор ряда капитальных работ о творчестве Л. Толстого.

...эта работа обещает стать интересной и вполне самостоятельной книгой...— См.: С. Дорошенко. Лев Толстой — воин и патриот. Военная служба и военная деятельность. М., «Советский писатель», 1966.

ЕЛКИНОЙ

4 сентября 1962 г., ⟨Москва⟩

4 сентября 1962 года

Дорогая товарищ Елкина, я прочитал Ваше письмо и нахожусь в некотором колебании, что Вам ответить. Хотя Вы и считаете, что ответ «я занят своей литературной работой», полученный уже Вами от одного писателя,— это казенный ответ, но что поделать, если действительно занят своей литературной работой и действительно если буду читать хотя бы половину присылаемых мне рукописей, то больше, очевидно, не напишу ни одной строчки, а мне хочется еще что-то написать!

Давайте договоримся с Вами о следующем: пришлите мне одну тетрадку из того, что написано Вами, какой-нибудь кусок, который Вы считаете сами наиболее удачным, хорошим, я его почитаю. Если это окажется неинтересным и не имеющим отношения к литературе, я Вам честно об этом напишу. Если это окажется интересным, то тогда попрошу прислать и остальное.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

В. В. ДАРКОВУ

14 ноября 1962 г., ⟨Москва⟩

14 ноября 1962 года

Дорогой товарищ Дарков, получил Ваше письмо и рецензии, присланные Вами вместе с письмом. Прочел также и полученную мною в вырезках рецензию на мою пьесу, напечатанную, очевидно, в горьковской комсомольской газете.

Разумеется, я не могу согласиться с той оценкой моей пьесы «Четвертый», которую дает Барсуков в своей рецензии. Не произвел на меня особенно приятного впечатления и тон этой рецензии по отношению к актерам. Но вообще-то говоря, я не считаю, что произошло что-то из ряда вон выходящее: две газеты оценили

спектакль как в общем хороший и оценили мою пьесу как в общем полезную, а одна газета высказала противоположную точку зрения. Я не думаю, что в этом есть нечто необыкновенное или из ряда вон выходящее, хотя читать такую рецензию, написанную довольно-таки развязно, мало приятно мне и, очевидно, совсем уже неприятно театру. Вот если бы в соответствии с этой рецензией были бы приняты какие-то меры против спектакля, кто-то возражал бы против того, чтобы он продолжал идти, препятствовал этому,— вот тогда я бы считал необходимым вмешаться в это дело. То есть если бы шла речь об администрировании на основе этой рецензии, тогда другое дело, повторяю. А если дело ограничилось этой рецензией, ну что ж, разница мнений — вещь законная, это во-первых. Во-вторых, на всякое чихание не наздравствуешься, это тоже надо помнить. Я остаюсь своего мнения о своей пьесе. Вы, очевидно, не отступитесь от своего мнения о своем спектакле и будете продолжать его играть — и все будет в порядке. А зритель будет делать свои выводы, будет решать по-своему.

Вы приглашаете меня приехать в Горький — посмотреть спектакль. Я, если буду иметь такую возможность, с удовольствием сделаю это вне всякой связи с рецензией Барсукова. Просто мне интересно поглядеть спектакль вашего театра. Попрошу Вас прислать мне репертуар на вторую половину ноября — первую половину декабря, чтобы я мог знать, когда, в какие дни он идет, и если я сумею, постараюсь приехать.

Желаю успехов коллективу театра, в том числе коллективу исполнителей моей пьесы.

С товарищеским приветом.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

Впервые с небольшими сокращениями — в *РСТ*.

...рецензии, присланные Вами...— Речь идет о следующих рецензиях: Л. Шерешевский. Ответственность каждого («Ленинская смена», 1962, 5 октября); С. Фих. Суд совести («Горьковский рабочий», 1962, 28 сентября); Н. Барсуков. «Милые призраки» («Горьковская правда», 1962, 5 октября).

...с той оценкой моей пьесы «Четвертый», которую дает Барсуков...— Эта рецензия была затем оспорена Ю. Зубковым в статье «Фантазия, питающая режиссуру» («Театральная жизнь», 1963, № 3), автор брал под защиту спектакль, поставленный Е. Табачниковым в Горьковском театре имени А. М. Горького. *Барсуков* Николай Алексеевич (1910—1968) — советский журналист, в то время сотрудник «Горьковской правды».

Г. С. ГУСЕВУ

15 ноября 1962 г., ⟨Москва⟩

15 ноября 1962 года.

Дорогой Григорий Степанович, получил Ваше письмо. Простите, что отвечаю с опозданием,— дело в том, что я был в отъезде, и довольно долгом, и лишь теперь прочел его.

Спасибо Вам за добрые слова о моей книжке. Рад, что Вам, фронтовику, она понравилась.

Я должен сказать Вам, что, когда я писал о капитане Гусеве, артиллеристе, в своем романе, я не имел в виду какое-то конкретное лицо. Я просто в начале войны видел артиллеристов, выходивших из-под Бреста с пушками, и это воспоминание врезалось мне в память. Я даже тогда еще, в сорок первом году, написал стихотворение, начинавшееся словами: «Майор привез мальчишку на лафете...»

Потом я, работая над фильмом «Бессмертный гарнизон», столкнулся со многими людьми, участвовавшими в обороне Бреста и в боях под Брестом, и со многими героическими фактами, связанными с этой обороной.

Когда я работал над «Живыми и мертвыми», видимо, эти беседы и собственные воспоминания начала войны толкнули меня на то, чтобы, давая эпизод с артиллеристами, вытащившими пушку и дотащившими ее через все препятствия за Могилев, написать, что они шли с ней из-под Бреста. Фамилии я дал вымышленные. Эпизод этот придумал. Но, видимо, когда придумываешь что-нибудь, то все-таки опираешься на многое виденное и перечувствованное, и, если бы не было в действительности таких близких к этому героических фактов в тот тяжкий для нас период Великой Отечественной войны, наверное, я бы не решился придумать этот эпизод. Он придуманный, но он близок к истине, и Ваше письмо лишний раз говорит мне об этом.

Я рад был получить Ваше письмо и узнать из него, что реальный, оставшийся в живых человек совершил подвиг, которым можно восхищаться, о котором можно говорить с благодарностью, подвиг, который я изобразил в своем романе как символ стойкости и мужества наших людей в ту лихую годину. Оказывается, это не просто символ, оказывается, что именно такой подвиг совершил живой человек!

Я с радостью и гордостью за Вас думаю об этом.

Большое спасибо Вам за Ваше товарищеское письмо. Когда я закончу свою новую книгу — продолжение романа «Живые

и мертвые»,— над которой я сейчас тружусь, я непременно и с большой радостью пошлю ее Вам.

Крепко жму Вашу руку.

С товарищеским приветом, глубоко уважающий Вас

Константин Симонов.

Впервые с небольшими сокращениями — в *РСТ*.

В ПРАВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДОМА ЛИТЕРАТОРОВ

20 ноября 1962 г., ⟨Москва⟩

Хочу поделиться с Правлением идеей, возникшей у нескольких литераторов (П. Антокольского, В. Катаняна, В. Масса, Б. Слуцкого, К. Симонова).

Было бы очень хорошо, скажем, в январе месяце организовать на неделю-другую в верхнем фойе Дома литераторов выставку картин Нико Пиросманашвили, находящихся в Москве в частных коллекциях (в том числе и у автора этих строк).

Среди этих полотен немало первоклассных. Думается, что такая выставка — двадцать пять — тридцать полотен — может дать вполне солидное представление о творчестве Пиросманашвили, будет свидетельствовать об интересе москвичей к этому замечательному грузинскому художнику и вообще будет первой ласточкой в этом смысле.

Я не сомневаюсь, что через год-другой в Москве будет еще всесоюзная выставка этого художника и что потом она еще поедет по всему миру.

Хорошо будет, если Дом литераторов окажется застрельщиком в этом хорошем деле.

К открытию выставки можно было бы приурочить демонстрацию недавно сделанной и имеющейся в Москве кинокартины о творчестве Пиросманашвили и, очевидно, в Малом зале можно было бы сделать небольшой вечер с лекцией-воспоминаниями художника Кирилла Зданевича, который знал Пиросманашвили, в свое время многим помог ему, а сейчас выпускает в «Искусстве» книгу о нем.

Просьба к Правлению включить это мероприятие в календарный план на январь. А в практической организации его лица, поименованные в начале этого письма, окажут всяческое содействие.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

20 ноября 1962 г.

Пиросманашвили Николай Асланович (1862(?)—1918) — грузинский живописец-примитивист.

...находящихся в Москве в частных коллекциях... — Вскоре, однако, было решено не ограничиваться только этими картинами, и 28 ноября 1962 г. Симонов обратился к директору Музея искусств Грузии Ш. Я. Амиранашвили со следующей просьбой: «...мы располагаем в Москве в частных коллекциях примерно 20—25 работами художника, среди них много известных, первоклассных работ.

Все эти работы мы выставим. Но нам бы хотелось не ограничиваться этим, сделать даже и эту первую выставку все-таки более широкой. Мы просим Вас поэтому прислать нам для этой выставки, которая откроется 15-го января и продлится от двух недель до месяца, то количество работ художника, которое Вы сочтете возможным. Если это будет 30—40 работ, то это будет очень хорошо...» (*АКС*).

...кинокартины о творчестве Пиросманашвили... — Речь идет о документальном цветном фильме «Пиросмани» (1959), дипломной работе кинорежиссера Г. Шенгелая.

Зданевич Кирилл Михайлович (1892—1970) — советский художник. К. Зданевич познакомился с Н. Пиросмани в 1912 г., помогал ему, собрал крупную коллекцию его картин. Речь идет о кн.: К. З д а н е в и ч. Нико Пиросманашвили. М., «Искусство», 1966 (до этого в Тбилиси в 1963 г. в издательстве «Литература и искусство» вышла его кн.: «Нико Пиросмани» (2-е издание — 1965).

...включить это мероприятие в календарный план... — Выставка Н. Пиросманашвили открылась в Центральном Доме литераторов 21 января 1963 г., на ней экспонировались 50 картин художника из фондов Музея искусств Грузии и частных собраний Москвы; выставка завершилась 30 января вечером, который открыл и вел Симонов.

К. И. ПОЗДНЯЕВУ

25 января 1963 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Константин Иванович!

История есть история, письма такого крупного писателя, как Куприн, такому замечательному художнику, как Репин, имеют право на публикацию.

В первом письме устами Куприна рассказано о том, кто в те годы работал на революцию, кто бежал от революции. Это ценное в устах Куприна свидетельство, надо, конечно, сознавать при этом, что Куприн выглядит здесь не очень красиво: ну что ж, он потом пересмотрел свои взгляды, вернулся на родину и умер уже другим человеком. А из писем слова не выкинешь, да и не надо выкидывать, пусть все знают, как, когда и с кем что было.

История с продажей рисунка Репина — печальная и даже жалкая, но она живописует жалкую судьбу писателя в эмиграции и поэтому тоже поучительна.

Я — за.

К. Симонов.

25 января 1963 г.

...письма такого крупного писателя, как Куприн... — Письма Куприна Александра Ивановича (1870—1938) в *ЛР* не были опубликованы, напечатаны в *НМ*, 1969, № 9.

...он потом пересмотрел свои взгляды, вернулся на родину... — С 1919 г. А. Куприн жил в эмиграции, в 1937 г. вернулся в Советский Союз.

Я — за. — Симонов в 1963 г. был несколько месяцев членом редколлегии «Литературной России».

А. И. КОВТУНУ

6 марта 1963 г., (Москва)

Дорогой товарищ Ковтун!

Прежде всего хочу сказать Вам, что был очень, очень рад получить Ваше письмо с таким добрым, хорошим отзывом о телефильме «Левашов».

Когда я написал повесть, то мне стало жалко расставаться в ней с Левашовым, и сейчас, работая над вторым томом романа «Живые и мертвые», я решил продолжить его судьбу, сделать одним из героев романа, послав его под Сталинград.

Одновременно с этим письмом посылаю Вам первый том «Живых и мертвых», а когда выйдет следующий том — пришлю его тоже.

С Балашовым я виделся после Одессы еще один раз — в дни боев под Москвой, в 10-й армии у Голикова, где-то между Епифанью и Богородицком. Встреча была радостная, но очень короткая — обстановка не позволяла ничего другого.

А теперь хочу попросить у Вас прощения за то, что в повести «Левашов» дал командиру полка не вымышленную, как все остальные, а Вашу подлинную фамилию. Вообще я, сколько помню, почти никогда этого не делаю. Сознательно дал одну подлинную фамилию командиру роты в первом томе «Живых и мертвых» и делаю такую же вещь с одним человеком во втором томе, имея слабую надежду на то, что вдруг эти люди живы, пробую таким образом, если живы, разыскать их.

А о Вас я знал от Ивана Ефимовича Петрова, что Вы живы, и мне сейчас, прося у Вас прощения, даже просто трудно объяс-

нить, как это вышло, что я в данном случае дал подлинную фамилию. Она как-то засела в меня накрепко, и хотя я несколько раз собирался заменить ее, в конце концов так и не заменил. Трудно сказать, почему так вышло. Может быть, потому, что Иван Ефимович, когда я приезжал к нему в пятидесятом году, несколько раз и с большой теплотой вспоминал о Вас, и поэтому я в последний момент все-таки оставил фамилию. Несмотря на Ваше в высшей степени благородное и великодушное письмо, в высшей мере тактичную форму вполне справедливого упрека, содержащегося в Вашем письме, я понимаю, что виноват перед Вами, и все, что я пишу,— пишу не в оправдание, а просто в объяснение.

Если уж говорить об оправданиях, то единственное оправдание, пожалуй, то, что свою повесть я писал с большой любовью к тому полку, в котором Вы служили, к его людям, знакомым мне и лично и по рассказам, к Балашову, к Вам, к Ивану Ефимовичу, ко всему тому хорошему и благородному, что было на фронте в те тяжелые и незабываемые дни.

Хотя Вы вправе сердиться на меня, но тем не менее посылаю Вам книгу «Южные повести». Пусть она у Вас будет. Если Вы сочтете нежелательным, чтобы в дальнейших изданиях книги оставалась Ваша подлинная фамилия,— пожалуйста, напишите мне об этом. Сейчас готовится новое издание, и в этом случае я изменю в нем фамилию, хотя, откровенно говоря, мне этого очень не хотелось бы делать.

Книги идут к Вам одновременно с этим письмом.

Буду очень рад, если Вы напишете мне. А если окажусь в Ваших краях летом или если Вы окажетесь в Москве,— рад буду повидать Вас.

Мне очень неловко, что пишу Вам это письмо, не зная Вашего имени и отчества.

Крепко жму Вашу руку.

С товарищеским приветом, Ваш

Константин Симонов.

6 марта 1963 года.

Впервые с небольшими сокращениями — в *РСТ*.

Ковтун-Станкевич Андрей Игнатьевич (р.1900) — советский военачальник, генерал-майор; Симонов встречался с капитаном А. И. Ковтуном на фронте (см. об этом *РДВ* — т. 8, с. 241, 244 наст. собр. соч.).

Балашов Никита Алексеевич (1907—1943) — советский военачальник, гвардии полковник. Симонов встречался со старшим политруком Н. А. Балашовым на фронте (см. об этом *РДВ* — т. 8, с. 237, 239—244, 450 наст. собр. соч.). Встречи с Н. А. Балашовым послужили Симонову первотолчком для создания образа Левашова.

6 марта 1963 г., ⟨Москва⟩

6.III.63.

Дорогая товарищ Яблоновская!

Получил Ваше письмо. Отвечаю на Ваш вопрос в связи с предстоящим у Вас диспутом, но кратко. Длинно не могу, нет времени, много работы.

Итак, что такое счастье?

Счастье — это работа, которую любишь и которую хорошо хочешь делать.

Счастье — это женщина, которую ты любишь и понимаешь и которая тебя любит и понимает.

Счастье — это друзья, в которых веришь, что они тебя никогда не предадут, и которые верят тебе так же, как ты — им.

Счастье — это дети, которых удается воспитывать такими, какими ты их хотел видеть, и которые, начиная вырастать, начинают разделять твои взгляды (на самое главное, конечно; на второстепенное — это совсем не обязательно).

Счастье — это чистая совесть перед людьми и обществом. Все, что ты сделал в своей жизни не по совести, недавно или давно, все это,— если ты человек, не потерявший совести, — остается в твоей памяти и мешает тебе быть до конца счастливым. Когда человек честно оценивает свои прошлые поступки — хорошие или дурные,— это украшает его, но самое главное — это с юности знать наперед, что каждый нечестный поступок будет до конца жизни сидеть занозой в твоей совести и потом ты с этим уже ничего не сделаешь.

Наконец, последнее: самое главное в жизни человека — это чувствовать себя нужным другим людям. Чувствовать себя нужным — самое главное счастье в жизни человека; чувствовать себя ненужным — самое главное несчастье в жизни человека. И иногда, когда сам человек, особенно в старости, начинает чувствовать себя ненужным, очень важно помочь ему снова почувствовать себя хоть в какой-то мере нужным людям. И когда мы этого не делаем, то очень часто на наших глазах, и в значительной мере по нашей вине, люди морально умирают гораздо раньше, чем они умирают физически.

Вот и все.

Желаю успеха Вашему диспуту. А в особенности желаю Вам, чтобы на этом диспуте Ваши ребята и девушки, думая о своем счастье, не забыли подумать и о счастье окружающих их людей — и тех, что на работе, и тех, что дома, в семье. Собственное счастье, окруженное несчастьем других людей,— это неполноценное

счастье. И, воюя за свое счастье, надо воевать за счастье других людей. Без этого весь разговор о том, что мы — люди коммунистического общества,— пустая болтовня, больше ничего.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

Впервые с небольшими сокращениями — в *РСТ*.

А. З. АНФИНОГЕНОВУ

13 марта 1963 г., ⟨Москва⟩

13 марта 1963 года.

Дорогой Артем!

Во-первых, посылаю Вам стихи Николюкина с моим маленьким предисловием и с его фотографией, которую он привез мне, когда я ему сказал, что она нужна.

Во-вторых, у меня к Вам следующая просьба. Это очень хороший парень, живет он очень трудно, на одну стипендию. Родители его, колхозники Калачского района, живут не слишком хорошо. В общем, у парня нет возможности рассчитывать на какую-нибудь помощь родных. Подготовка у него до института была слабая, так что ему приходится учиться в хвост и гриву. И насколько я понимаю, ему очень и очень туго материально. Он на грани того, чтобы перейти на заочное отделение. А это именно для него будет неверно. Ему нужно для его развития закончить именно очный институт в Москве. Я вижу, как много ему это дало за полтора года.

К чему сводится моя просьба, адресованная к Вам и к редакции «Молодой гвардии», если ее возможно выполнить: нельзя ли использовать Николюкина на чтении каких-нибудь писем, самотека и т. д. и т. д., в общем, на какой-то редакционной или околоредакционной работе, которая могла бы ему давать регулярно 30 рублей в месяц, чтобы он мог, регулярно прикладывая к стипендии, прожить и не уйти из института. Если бы это можно было сделать — это было бы замечательно.

Я пришлю Николюкина к Вам, чтобы он с Вами поговорил.

Если же этого нельзя будет сделать, то тогда позвоните мне. Я буду думать над каким-то другим путем, потому что что-то подобное необходимо сделать.

Жму Вашу руку

К. Симонов.

Я уже говорил по телефону Смирнову, что есть одна интересная повесть о любви, которую мне прислали из Ташкента. Я сейчас завернул ее автору, чтобы сделал то, что я считаю необходимым. Когда пришлет новый вариант — передам ее Вам.

Анфиногенов Артем Захарович (р. 1924) — русский советский писатель, в то время член редколлегии журнала «Молодая гвардия».

...посылаю Вам стихи Николюкина с моим маленьким предисловием...— Николюкин Иван Константинович (р. 1936) — русский советский поэт. Подборка стихов И. Николюкина с предисловием Симонова была опубликована в журн. «Молодая гвардия» (1963, № 7). Симонов и в дальнейшем принимал участие в судьбе И. Николюкина.

Смирнов Олег Павлович (р. 1921) — русский советский писатель, в то время главный редактор журнала «Молодая гвардия».

Я сейчас завернул ее автору...— Речь идет о повести Т. Тамариной «Сполохи».

А. И. КОВТУНУ

5 апреля 1963 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Андрей Игнатьевич!

Получил Ваше письмо и был очень рад ему. Простите, что не сразу отвечаю,— уезжал в Сибирь. Я буду очень рад, если Вы пришлете мне свои севастопольские дневники, с интересом буду читать их.

Вы говорите о Иване Ефимовиче и о том, что о нем надо бы написать. Это абсолютно правильно. Это действительно нужно сделать, потому что он человек был замечательный. Видимо, осенью, когда я закончу работу над тем романом, над которым сейчас сижу, надо будет всерьез задуматься над этим — как это сделать. У меня есть несколько десятков страниц стенограммы разговоров с ним, уже послевоенных, в которых он многое рассказывал мне о первом периоде войны. Но этого, конечно, еще недостаточно для того, чтобы о нем написать, надо, наверное, поговорить с людьми, знавшими его в разные периоды жизни, в том числе и в Севастополе, а потом подумать, как, в какой форме написать. Во всяком случае это одна из мыслей, которые у меня давно сидят в голове и давно меня тревожат. Это не просто мысль даже, я бы сказал, а мысль — душевное обязательство.

Крепко жму Вашу руку. Буду ждать Вашего письма.

С дружеским приветом

Ваш

К. Симонов.

5 апреля 1963 г.

...свои севастопольские дневники...— См. примеч. к письму А. И. Ковтуну от 7 июня 1963 г.

...о Иване Ефимовиче...— Речь идет о Петрове И. Е.

В. А. СОСНОРЕ

16 апреля 1963 г., ⟨Москва⟩

16 апреля 1963 года

Дорогой Виктор Александрович!

Прежде всего прошу прощения, что так долго не писал Вам. Жизнь моя сложилась так, что хотя и намеревался сразу же после разговора с Вами прочесть рукопись, но это не вышло. Читать наспех, на перекладных не хотел, а свободного утра долго не мог выбрать — сдавал роман.

Сейчас я внимательно прочитал книгу два раза подряд. Один раз насквозь, а другой — с остановками, с карандашиком. В таких случаях писать труднее, чем говорить, сидя друг против друга, и, может быть, нам, вообще-то говоря, есть смысл потом просто поговорить. Но я не твердо уверен, как сложатся мои дела в ближайшее время, не уеду ли я на какой-то срок из Москвы, а поэтому пока, хотя бы накоротке, несколько соображений в письме.

Во-первых, мне показалось, что эта книга как-то несколько второпях собрана. Просто сложили вместе то самое разное, что написалось у автора книги. У меня по отношению ко многим стихам есть ощущение, что они — еще один поэтический шаг вперед по сравнению с «Январским ливнем». Это относится больше всего к стихам последнего раздела — «Цветы и рыбы». Есть, по-моему, и несколько превосходных стихотворений и о природе и о любви; понравилось мне и стихотворение «Марсово поле», и даже очень понравилось. А в то же время ощущения какого-то нового шага в поэзии и в жизни, который делает поэт, шагая из первой книги во вторую, у меня не сложилось. В частности, мне показалось, что стихи на разные древнерусские темы и вокруг них — это что-то отсеевшееся от первой книги, не вошедшее в нее и теперь приторочennое ко второй.

Я уже писал, что для меня главное обаяние Вашей первой книги было не в древнерусских стихах. Мне они показались скорее занятной и веселой игрой своей поэтической мускулатурой, чем делом жизни. А в этих новых стихах на древнерусские темы тут, в рукописи, и игра-то мускулатурой более вялая, какая-то уже не первичная, а вторичная, по крайней мере в моем восприятии.

В первой Вашей книжке меня очень привлекало то ощущение любви к людской жизни и людским делам и занятиям, которое я там

почувствовал. Меня обрадовал ее не наигранный и не бездумный, телячий, а настоящий оптимизм, ощущение, что человек может сделать все, что жизнь в его руках. А жизнь-то, в общем, это прежде всего труд, самый разный труд, кончая и таким тяжелым трудом, как труд войны. И вот это проявившееся в первой Вашей книге высокое умение гордо, весело и умно говорить о труде меня очень обрадовало, потому что, признаться, это умение далеко не часто в поэзии.

Как Вы сами, наверное, хорошо понимаете, в чем-то весь ход Вашей поэзии, все направление ее поисков в области формы мне как поэту или, если хотите, как бывшему поэту субъективно далеки. Но меня все равно потянуло написать о Вашей книжке потому, что при всей отдаленности моих личных пристрастий от того поэтического пути, которым идете Вы, меня привлек Ваш талант и душевное содержание Ваших, чем-то для меня трудных и непривычных, но все равно нравящихся мне своей главной сутью стихов.

И вот, когда я прочитал Вашу рукопись, у меня возникло очень сложное чувство. Я, уже прочитав ее, даже несколько дней думал, прежде чем написать Вам это письмо.

В чем сложность этого чувства? В том, что, с одной стороны, я и в рукописи Вашей второй книги испытал на себе воздействие таланта, и таланта крепнущего. А с другой стороны, от этой книги у меня не возникло того ощущения большого душевного содержания, которое возникло от первой. А если это чувство душевного содержания и осталось, то оно, пожалуй, связано теперь больше всего со стихами о природе да, может быть, еще со стихами о доме, в котором Вы живете. А если говорить не о природе, а о людях, о жизни, о человеческих отношениях, то в первой книге Вы говорили о том, что Вы любите, и о том, что Вы не любите,— и, пожалуй, даже больше о том, что любите,— а в этой Вы словно на время сознательно или бессознательно расстались с этим драгоценным свойством любви к жизни и людям. Эта, как мне показалось, совершенно органичная черта Вашей поэзии как-то примята, затолкана в угол в Вашей новой книжке. Словно Вы решили на время отложить это в сторону, перестать об этом говорить. А мне не хочется расставаться с этим первоначальным ощущением Вашей поэзии, которое у меня возникло от первой книжки. И поэтому я в чем-то очень существенном не приемлю Вашу новую работу как целое, как второй, по крайней мере, шаг Ваш в поэзии.

Бывает, что книги стихов строятся по сюжетному или хронологическому признаку. Это особое дело. Но чаще всего книги открываются в какой-то мере программным для поэта стихотворением. Первое стихотворение как бы флаг книги. А у меня возникло ощущение, когда я прочитал Вашу книгу, что открывающее ее стихотворение «Марсово поле» — прекрасное стихотворение — флаг

не к этой книге, а к какой-то другой, в которой, конечно, вполне есть место для многих и многих стихов, включенных в эту книгу, но которая в целом не может не выглядеть по-другому. Не обижайтесь на меня, но первое стихотворение мне показалось не столько флагом, сколько щитом. А зачем он, этот щит? Мне кажется, Вы в нем не нуждаетесь. Мне кажется, что за этим стихотворением «Марсово поле» у Вас могут подняться и другие прекрасные стихи, прекрасные и, добавлю, разнообразные, говорящие о революции, о ее идеалах, ее жертвах.

Повторяю, я прекрасно представляю себе в Вашей второй книге многие из прочитанных мною стихов, но всю ее в целом я както просто не представляю себе без этой вот линии, на которой пока что у Вас одиноко маячит Ваше «Марсово поле».

В каком-то смысле это ощущение связывается у меня и с восприятием Ваших стихов вокруг Пушкина. В них есть и о тщете жизни, и о том, что поэтам всегда туго приходилось (мысль, кстати, не новая, давно кочующая по разным стихам!), но нет восприятия пушкинской бурной любви к жизни, к делу, к работе. А без этого восприятия Пушкина не существует, ибо как бы ни был скорбен и трагичен его конец, но закатилось-то все-таки «солнце поэзии русской», именно солнце — и это хорошо понимали его современники. Ну, да ладно, это все уж так, между прочим.

Я не редактор, а просто Ваш доброхот, поэтому не хочу в своем письме влезать в излишние конкретности и подробности. Если Вам все-таки это будет интересно, то я, читая стихи по второму разу, ставил справа на полях маленькие «птички». Те стихи, где стоят красные птички, я бы на Вашем месте не включал в сборник. Те, где стоят черные, включил бы. А те, где стоят и красные и черные птички, отражают мои собственные душевные колебания. Видимо, если бы был редактором, вместе с Вами колебался, а может быть, и спорил насчет этих стихов.

Если подвести итог всему этому, может быть, не очень складному разговору, то мне кажется, что второй книги стихов еще не возникло, и я бы дружески советовал Вам не спешить с нею. При Вашем таланте вторая книга Ваших стихов должна быть книгой отличной и целеустремленной. Говоря целеустремленной, я не имею в виду книгу, написанную в одну дуду, я имею в виду книгу со всеми и всяческими разностями, но притом с твердым хребтом и крепкими костями.

Не знаю, как быть с рукописью? Черкните мне два слова. Если хотите, я пришлю ее Вам; если хотите, пусть лежит у меня. Второй экземпляр ее, по просьбе Лили Юрьевны, я дал почитать ей.

Жму Вашу руку

Ваш

Константин Симонов.

Впервые с сокращениями — в *РСТ*.

Соснора Виктор Александрович (р. 1936) — русский советский поэт. *«Январский ливень»* — первая книга В. Сосноры (М., «Советский писатель», 1962).

...«солнце поэзии русской»... — «Солнце нашей поэзии закатилось!» — так начиналось сообщение о смерти Пушкина в «Литературных прибавлениях к «Русскому Инвалиду» (1937, № 5).

...по просьбе Лили Юрьевны... — Брик Лиля Юрьевна (1891—1978).

В. П. АСТАФЬЕВУ

7 июня 1963 г. ⟨Москва⟩

Дорогой Виктор Петрович!

Я получил Ваше дружеское, очень дорогое моему сердцу письмо и Вашу книжку за несколько дней до отъезда из Москвы на лечение в Карловы Вары.

Я бы, конечно, сразу ответил на Ваше письмо, хотя Вы и написали, чтобы я не отвечал, но то, что вместе с письмом пришла книжка, меня остановило.

Книги я не читал, читал только, не помню уже чью, рецензию, кажется, в «Литературной газете» о Ваших повестях, несколько месяцев назад. Рецензия запомнилась, повести захотелось прочесть, и вот так вышло, что Вы сами их мне прислали, и захотелось прочесть их, прежде чем написать Вам ответ на письмо.

Теперь я прочел Вашу книгу, и она доставила мне большую радость. Я был рад Вашему таланту, проявившемуся в этой книге, но таланту радуешься по-разному: если не потерял чувства справедливости, то радуешься таланту и тогда, когда он тебе далек и даже в чем-то чужд; а когда читал Вашу книгу, радовался не только таланту, но и той душевной близости, которую испытал к Вам, радовался тому, что много раз соглашался с Вами и Вашим отношением к жизни, к людям, к людскому мужеству и людской любви.

Еще когда я читал «Стародуб», меня обрадовало такое Ваше писательское свойство, как обостренное чувство справедливости к людям. Я разделял Вашу ненависть к тому старому, злому, идиотическому укладу жизни, который, кстати сказать, во многих книгах иные наши современники не только недостаточно ненавидят, но порой проявляют какую-то глубинную, но хорошо прощупывающуюся тоску по нему. Повторяю, я разделял Вашу ненависть и в то же время почувствовал Вашу справедливость, особенно проявившуюся в том, как Вы написали Амоса со всем его ходом жизни и со всем его ходом чувств и мыслей.

А потом, когда я читал «Перевал», меня до глубины души тронула та справедливость, которую Вы почувствовали внутренне необходимым проявить по отношению к мачехе Ильки. Повесть была и до этого хорошей, а тут, когда Вы на эту мачеху как бы взглянули еще по второму разу, другими глазами, повесть сразу шагнула в гору, на другой этаж. И Ваш Илька с его чувствами стал не просто мальчуганом, а человеком с задатками, стал из просто мальчика — мальчиком, который сделается настоящим человеком.

Чтобы не возвращаться потом к этому, скажу по ходу дела, что кое-где у Вас в «Перевале» расставлены «подпорки», до того неуклюжие, валкие, что в каком-то месте я подумал: уж не редактор ли какой-нибудь ставил их вместо автора? Мне показалось, что эти подпорки насчет того, как все это начиналось — все наше строительство, все, что было потом, не нужны. Ощущение времени с достаточной силой дано через людей, и уж если надо еще его, это ощущение, закрепить в каких-то знаках того времени, то надо, на мой взгляд, очень тщательно и экономно изобрести — где это и как сделать. Причем, как мне думается, сделать мимоходом, а не так вот, как сейчас — подпирая бревном забор. Он ведь у Вас и так не валится, зачем это?

Поверьте, что известная доля злости, с которой написаны предыдущие фразы, вызвана только тем, что повесть Вашу я полюбил, а те несколько абзацев, о которых я пишу, воткнуты в нее уж больно очевидными и чужеродными, и очевидными на самый невооруженный глаз, занозами!

Из четырех Ваших рассказов один — «Захарка» — мне понравился очень, так же, как «Перевал», да он внутренне и очень сильно примыкает к «Перевалу». Такое ощущение, что Ваш Илька как бы совершает в этом рассказе свой следующий на жизненном пути поступок.

«Сибиряк» мне тоже понравился, и, может быть, понравился бы еще больше, если бы не один маленький, но существенный просчет, который у Вас есть там перед концом. Сейчас у Вас конец — смерть Матвея — воспринимается как заранее решенное автором дело. Я даже во второй раз весь конец рассказа прочитал, хотел понять: почему так получается, может, вообще ему не надо здесь умирать? Может, смерть именно в этом бою — придуманная смерть?

Но, видимо, дело не в этом, а в том, что нет у Вас перехода от осторожности к неосторожности, нет фокуса внимания на том моменте, где Матвей, делавший до этого все, что должен делать солдат, чтобы выполнить долг и остаться живым в таком бою, вдруг оплошал. Где-то в этом месте Вам надо вселить в читателя внезапную тревогу. Читатель уже чувствовал, что все будет хорошо, уже вроде бы все опасности позади, и вдруг, в какую-то секунду он

начинает чувствовать, что сейчас, вот сейчас, на его глазах Матвей оплошает и погибнет. Если в этом месте рассказа вот такое ощущение, о котором я говорю, сосредоточить, как в фокусе, то смерть Матвея перестанет в конце ощущаться как нечто преднамеренное с самого начала. Может быть, я неправ, но я думал над этим, перечитывая Ваш рассказ, и, может быть, Вам это пригодится.

Вы написали в своем письме, что «Звездопад» Ваша последняя вещь. Когда я прочел ее, то порадовался, что последняя: это хорошо, когда последняя и в то же время самая лучшая. Когда я начал читать повесть, то самый зачин ее меня испугал: показался как-то вялым и в то же время слишком красивым и где-то даже вроде бы уже читанным... А когда я дочитал до слов: «Вам когда-нибудь приходилось быть под наркозом?», то дальше стал читать уже без отрыва, со все возрастающей радостью. Грешным делом, у меня осталось чувство, что вообще повесть была бы лучше, если бы именно отсюда и начать. Что это за любовь будет дальше — все ясно, объяснять заранее не надо. А очень дорогие черточки насчет того, что солдаты сохранялись в Вашей памяти ребятами,— нетрудно переместить и куда-нибудь вглубь.

Мне показалось, что Вы в Вашем «Звездопаде» решили одну необыкновенно трудную задачу. Вы написали грубую правду о войне, в данном случае прежде всего — о госпитале. Ну, конечно, не только о нем! Хотя иногда эту грубую правду иронически и даже осуждающе именуют «так называемая грубая правда»,— эту правду можно и нужно писать о войне. Только мы не все и не всегда умеем это делать. И вот у Вас сквозь эту грубую правду о войне, окунаясь в нее, продираясь сквозь нее или совершенно естественно и ненатянуто сосуществуя рядом с ней, идет правда о первой большой юношеской любви. Никому не известно — не оборвись, продолжись эта любовь, пройди она через другие этапы,— стала бы она счастьем в жизни этого человека? Вполне возможно, что нет. Но оборвавшаяся — она незабываема, и то, что она оборвалась, человеку потом всю жизнь кажется величайшим несчастьем. И ему это так и должно казаться, потому что именно этим его последующим ощущением, и ничем другим, и определяется — была ли это любовь.

Насчет начала повести я Вам уже написал.

Дальше в ней меня зацепило в одном или в двух местах одна или две фразы насчет «психов» и о контуженых, где Вы вдруг, как мне почудилось, чуть-чуть щегольнули грубостью, что вообще Вам никак не свойственно. Я только прошу меня правильно понять: я имею в виду не вообще все то, что связано с контуженными и с отношением к этому герою, а какой-то еще ощутимый на пальцах перебор в одной-двух фразах.

Вот и все, что по старой, непреодоленной редакторской привычке мог заметить худого в этой Вашей вещи. Она мне очень, очень нравится. И я Вам от всей души желаю всего самого хорошего в Вашей дальнейшей работе, ну и вообще в жизни, конечно.

Крепко жму Вашу руку.

Константин Симонов.

7.VI.1963.

Я читал Вашу книгу, когда был в Чехословакии, и рассказал о ней, а в особенности о «Звездопаде», своим друзьям-литераторам. Мне показалось, что было бы хорошо, если бы там перевели «Звездопад», и они заинтересовались этим. Но мне было жалко оставлять там книжку с Вашей надписью. Если у Вас найдется экземпляр книги, пришлите мне. Я обещал чешским друзьям переслать ее им.

Впервые с сокращениями — в *РСТ*.

Астафьев Виктор Петрович (р. 1924) — русский советский писатель; о Симонове он написал воспоминания «По горячим следам» (см.: «Константин Симонов в воспоминаниях современников»).

...Вашу книжку...— В. А с т а ф ь е в. Звездопад. Повести и рассказы. М., «Молодая гвардия», 1962.

...читал только, не помню уже чью, рецензию, кажется в «Литературной газете»...— Рецензия В. Монастырева «Вторая встреча», опубликованная под рубрикой «Голоса молодых» (*ЛГ*, 1962, 19 июля).

А. И. КОВТУНУ

7 июня 1963 г., Москва

Дорогой Андрей Игнатьевич!

Я с очень и очень большим интересом прочел Ваши «Севастопольские дневники». Хотя это, в общем, военные дневники, написанные военным человеком, в которых обращено главное внимание на военную сторону дела, но у меня перед глазами, когда я их прочел, встал целый ряд живых человеческих фигур во всей характерности их личного поведения.

Ивана Ефимовича я знал хорошо, и мне было очень интересно увидеть в Ваших дневниках черты этого знакомого и дорогого мне облика, в том числе и некоторые черты и черточки, по тем или иным причинам ускользнувшие от меня.

Образ Петрова получился в Ваших дневниках очень живым, цельным и обаятельным.

Крылова я не знал, никогда не видел ни во время войны, ни после нее, так как-то уж вышло. И этот второй образ человека, мне

совершенно незнакомого, тоже после чтения Ваших дневников, как живой стоит перед глазами: спокойный, умный, хладнокровный, выдержанный и в высшей степени скромный человек. Это тоже большая удача Ваша.

И еще много хорошего и разного в дневниках. А время, о котором они написаны, тяжелое, трагическое при всем своем героизме,— и это тоже чувствуется.

Первый период действий Приморской армии, первое столкновение с немцами, сложность обстановки, момент принятия решения идти не на Керчь, а на Севастополь, дальнейший ход выполнения этого решения, вплоть до прибытия войск в Севастополь,— все это меня особенно заинтересовало, потому что все это я представлял себе очень отдаленно и в общем слабо.

И Иван Ефимович, хотя мы вообще много разговаривали с ним, об этом периоде,— как-то так вышло,— мне ничего не говорил.

У меня, когда я прочел Ваши дневники, откровенно говоря, укрепилась мысль написать еще одну, третью, и последнюю «Южную повесть», назвав ее «Ефимов», и, быть может, сосредоточиться в ней главным образом на одних сутках, на тех сутках, в которые Петровым было принято решение, в общем-то предопределившее на много месяцев вперед судьбу Севастополя,— решение идти на Севастополь.

Мне очень хочется встретиться с Вами и поговорить об этом, может быть, не сейчас, может быть, несколько позже, когда я уже докончу новый роман и будет душа развязана для новой работы, которую непременно хочется сделать. Надо обо многом Вас расспросить.

Решаюсь Вам писать об этом потому, что я понял по Вашему письму, что Вы хотели бы, чтобы о Петрове было написано еще и еще, в разных жанрах.

А Вы в дневниках написали об Иване Ефимовиче очень и очень хорошо. Я много раз вспоминал его живого, читая страницы Ваших дневников.

Напишите мне, пожалуйста, дорогой Андрей Игнатьевич, как сейчас дела с Вашими дневниками в «Новом мире», собираются или не собираются они публиковать и в каком объеме, и с кем Вы там имеете дело, и какие последние сведения оттуда? Может быть, я, вооруженный этими предварительными сведениями, если это понадобится, в чем-то смогу быть Вам полезным. И вообще, какие перспективы издания дневников и где: там, в Симферополе, или в Воениздате?

В общем, напишите мне, пожалуйста, как с этим обстоит. Помимо всего прочего, я ведь председатель Военной комиссии Союза писателей и буду рад, если смогу оказаться Вам в чем-нибудь полезным.

И еще черкните мне, пожалуйста, как мне поступить с рукописью — отправить ли Вам или пока держать у себя?

Крепко жму Вашу руку.

Глубоко уважающий Вас

Константин Симонов.

Москва.
7 июня 1963 г.

Ивана Ефимовича...— Речь идет о Петрове И. Е.

Крылов Николай Иванович (1903—1972) — советский военачальник, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, во время боев в Крыму в 1941 г. начальник штаба Отдельной Приморской армии.

...момент принятия решения идти не на Керчь, а на Севастополь...— 31 октября 1941 г., когда прорвавшиеся в Крым немцы обошли еще не дошедшие до Перекопа части Отдельной Приморской армии, командующий армией генерал-майор И. Е. Петров после совещания в с. Экибаш принял решение отводить войска к Севастополю.

...третью, и последнюю «Южную повесть»...— Этот замысел не был Симоновым осуществлен. Историю поворота Отдельной Приморской армии на Севастополь вспоминает в романе «Солдатами не рождаются» Левашов в главе 35-й.

...я уже докончу новый роман...— Роман «Солдатами не рождаются».

...как дела с Вашими дневниками в «Новом мире»...— «Севастопольские дневники» (с некоторыми сокращениями) были опубликованы в *НМ*, 1963, № 8, отдельное издание — под названием «Севастопольские записки» (Симферополь, «Таврия», 1972).

К. Ш. КУЛИЕВУ

7 июня 1963 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Кайсын!

Вернувшись из Чехословакии, с радостью увидел у себя на столе Ваше письмо и Ваши книги. Спасибо Вам большое за этот дружеский дар. Спасибо и за добрые, дружеские слова в письме.

«Избранное» я читал. «Огонь на горе» прочел сейчас впервые. Прочел с чувством душевной близости. Не знаю, может, об этом и не обязательно писать в письме, лучше поговорить, когда увидимся, но все-таки хочется под свежим впечатлением этой книги просто-напросто сказать Вам о стихах, которые, как говорят, особенно пришлись по душе своей строгостью и сдержанным спокойствием настоящих страстей. Это «Руки горца», «У очага», «Ты скажи на милость, человек...», это «Моему сердцу», в нем в особенности «Жили мы, горели — не чадили...» и следующая строфа, и еще следующая. И «Глаза матерей», и «Продавщица молока», и «Воз-

вращение», и «Женская красота», и «Я слово искал...», и «Не пни вековые на выжженных склонах...», и «Большие поэты и реки большие!..», и «Ты камнем стал...». И еще, знаете, мне очень полюбилось стоящее, может быть, немножно особняком от других, но удивительно точное и прозрачное стихотворение «Иней».

А в общем, еще раз спасибо. Может быть, это перечисление стихов даже выглядит как-то глуповато, но мне вот так, накоротке, в письме хотелось сказать Вам просто о том, как полюбились очень и очень многие стихи в Вашей новой книге. Остальное — до разговора. Может быть, конец июля — начало августа я буду в Ваших местах.

Крепко жму Вашу руку.

Примите от меня последнюю книжку, в которой, к сожалению, очень мало нового.

Ваш

Константин Симонов.

7 июня 1963 г.

...за добрые, дружеские слова...— К. Кулиев писал Симонову 12 мая 1963 г.: «Я люблю Ваше творчество и Вас. С наслаждением читаю и Ваш роман «Живые и мертвые». Это прекрасная, глубокая, очень правдивая книга о войне, полная драматизма и мужества. Этим она захватывает меня и близка мне. Как и многие и многие Ваши читатели, я, тоже бывший фронтовик, благодарю Вас за эту книгу. ⟨...⟩ Я хорошо помню, как были близки моей душе Ваши стихи в годы войны. Помню, как приходил к Вам снежным февральским днем 1944 года в «Красную звезду». На стене у Вас висел автомат. Это были самые трагические для меня дни. Вы это, конечно, помните. Вы отнеслись ко мне тогда сердечно и благородно, как полагается не только поэту, но и мужественному человеку. Я помню это. О таких вещах не забывают» (*АКС*).

«Избранное» я читал.— К. Кулиев. Стихотворения. М., Гослитиздат, 1959.

«Огонь на горе» прочел.— К. Кулиев. Огонь на горе. М., «Советский писатель», 1962.

Примите от меня последнюю книжку.— К. Симонов. Стихи. Поэмы. Вольные переводы. 1936—1961. М., «Советский писатель», 1962.

И. А. ГРИНГОЛЬЦУ

7 июня 1963 г., Москва

Уважаемый Исидор Абрамович!

Простите, что отвечаю с запозданием.

Большое спасибо за присланные Вами переводы. По-моему, Вы здорово чувствуете Киплинга, переводы мне очень понравились. Хороши все три. Но в особенности мне понравилась «Гауптвахта».

Я думаю, что через некоторое время, а, может быть, это время уже не за горами, стихи Киплинга будут снова изданы. Откровенно говоря, непонятно, почему бы нет? В 20-х годах его издавали, в 30-х годах его издавали. Хуже он за это время не стал, и у нас вроде бы нет причин бояться этого «барда английского империализма» сейчас, в 60-е годы, больше, чем в 30-е. Вроде бы мы духовно слабее за это время не стали.

В общем, я это говорю к тому, что, если такое издание будет, я, с Вашего разрешения, порекомендую туда Ваши переводы, а, может быть, если я буду в какой-то мере причастен к этому делу, я обращусь к Вам с какой-нибудь дополнительной просьбой.

Еще раз спасибо.

Жму Вашу руку.

Константин Симонов.

Москва, 7 июня 1963 г.

Гринголъц Исидор Абрамович (р. 1928) — юрист, переводчик.

Хороши все три.— И. Гринголъц прислал Симонову переводы из *Киплинга* Джозефа Редьярда (1865—1936) «Гауптвахта», «Денни Дивер», «Служба Королевы» («Новобранцы»).

...порекомендую туда Ваши переводы...— Впервые шесть стихотворений Р. Киплинга в переводе И. Гринголъца были опубликованы в кн.: О. У а й л ь д. Стихотворения; Портрет Дориана Грея; Тюремная исповедь; Р. К и п л и н г. Стихотворения. Рассказы. М., «Художественная литература», 1976.

Е. А. БРОДСКОМУ

12 июля 1963 г., Москва

Москва, 12 июля 1963 года

Дорогой товарищ Бродский!

Я прочел Вашу работу, посвященную героической деятельности БСВ, с очень большим интересом. Ваша работа носит строго исторический характер, а я не историк, и, быть может, мое мнение об этом историческом сочинении будет страдать дилетантизмом, но как писатель, много лет тоже по-своему занимающийся историей этой войны, я бы хотел все-таки высказать Вам свое мнение о Вашей работе.

Для меня было как раз особенно интересным и важным то, что Ваша работа носит не беллетризованный, а чисто исторический характер. Может быть, я не прав, но мне кажется, что у нас порой излишне много занимаются беллетризацией фактического материала, в особенности когда речь идет о материале, связанном с лагерями, подпольными группами, побегами из лагерей, партизанскими

диверсионными действиями. В известной мере это можно объяснить тем, что такой материал своим трагизмом соблазняет пойти на дальнейшее его заострение, связанное с беллетризацией. Но очень часто с приходом беллетризации из сочинений на эти темы уходит достоверность. Многое становится проще, чем было, фашисты оказываются менее страшными и опасными врагами, а усилия бойцов Сопротивления увенчиваются более легкими, более частыми успехами, чем это было в действительности. Читатель, который всей душой хочет успеха правому делу, от души радуется всему этому и оказывается дезинформированным в смысле понимания меры трудности той неимоверно тяжелой подпольной борьбы, которую люди вели в логове фашизма в те годы.

Я, как говорится, начал от обратного. Так вот, для меня Ваша работа крайне привлекательна именно отсутствием всякой беллетризации, отсутствием тех натяжек, при помощи которых, случается, тот или иной автор с самыми добрыми намерениями спешит выдать желаемое за действительное. Ваша работа — строгая работа, показывающая действительную меру трагизма всех описываемых Вами событий, происходящих в антифашистском подполье.

Мне кажется, что Вы соблюли очень точно чувство меры, включая в повествование тот или иной человеческий документ, главным образом связанный с последующими воспоминаниями и последующей перепиской с теми, кто остался в живых. Эти материалы, включенные Вами в работу, вносят в нее свою необходимую ноту, в то же время не разрушая единства замысла.

В общем, если сказать о впечатлении в целом, то Ваша работа дала мне лично очень большой и важный познавательный материал, во многом совершенно новый для меня. И это при том, что я в общем сам довольно давно занимался этими проблемами и не так уж мало знаю об этом.

С отрывками из Вашей работы я знаком давно, еще с времен «Нового мира». Был рад увидеть главы из нее теперь в книге «Германский империализм и вторая мировая война». Но, вообще-то говоря, пора бы сделать так, чтобы читатели могли познакомиться с этим Вашим трудом целиком и не в рукописи, как пришлось это делать мне, а в печатном виде. И пора, и важно, и, на мой взгляд, политически правильно было бы превратить эту рукопись в книгу. Я не знаю, насколько мое мнение писателя может иметь значение в решении судьбы такого исторического сочинения, как Ваше, но если это мое мнение где-либо и кому-либо может показаться сколько-нибудь интересным, то я прошу Вас воспользоваться этим письмом по своему усмотрению, и я буду только рад этому.

С товарищеским приветом, уважающий Вас

Константин Симонов.

Впервые — в *ВЛ*, 1985, № 5.

Бродский Ефим Аронович (р. 1913) — советский историк, доктор исторических наук.

...героической деятельности БСВ.— В марте 1943 г. в офицерском лагере Мюнхен-Перлах группой советских военнопленных была создана подпольная организация антифашистского сопротивления — Братское сотрудничество военнопленных (БСВ). БСВ просуществовало 1943—1944 гг., распространив свою деятельность на Южную Германию, Австрию, граничащие с Германией департаменты Франции, установило связи с подпольной организацией Антинацистский немецкий народный фронт (АНФ). Для раскрытия БСВ и ее уничтожения в гестапо был создан специальный отдел. Руководители и многие активисты БСВ в 1944 г. были схвачены и казнены.

...еще с времен «Нового мира».— Документальный очерк Е. Бродского «БСВ» был опубликован в *НМ*, 1957, № 8.

Был рад увидеть главы из нее...— Е. Бродский. Участие советских патриотов в антифашистском сопротивлении в Южной Германии (1943—1944).— В кн.: «Германский империализм и вторая мировая война (Материалы научной конференции комиссии историков СССР и ГДР в Берлине 14—19 декабря 1959 г.)». М., Изд-во иностранной литературы, 1963.

...превратить эту рукопись в книгу.— В 1965 г. Воениздат выпустил книгу Е. Бродского «Живые борются».

Н. А. ТРИФОНОВУ

25 июля 1963 г., ⟨Москва⟩

Дорогой товарищ Трифонов!

Я просмотрел весь тот материал, который Вы предполагаете дать. Что я могу сказать по этому поводу? Очевидно, если «Литературное наследство» считает невозможным дать в полном тексте то очень немногое, что успел написать Евгений Петров, начиная свой роман, то, быть может, вообще не следует давать в вашей публикации главы из этого романа, а следует дать только оба подробных плана и подготовительные записи.

Может быть, стоит сделать именно так, чтобы не закрывать возможности в будущем — а такая возможность рано или поздно все равно будет — напечатать все те главы, которыми мы располагаем.

Я лично против половинчатых решений в таких случаях.

Если «Литературное наследство», сейчас или потом, решится публиковать все главы романа, которыми мы располагаем, то я го-

тов к ним написать предисловие и в меру своих сил постараться объяснить непонятное и странно звучащее. Если «Литературное наследство» не считает сейчас возможным это сделать — и я тут даже не берусь судить, права в данном случае редакция или нет, может быть, и права,— то я не вижу целесообразности в том, чтобы мне писать предисловие к части глав и к отрывкам из других глав.

Я хочу оставить за собой возможность когда-нибудь написать предисловие ко всему вместе.

Мой совет, повторяю, такой: или печатать все, или не печатать никаких глав, а напечатать только планы и записи.

Что касается моего предисловия, то буду его писать только в том случае, если публиковаться будут все главы. В других случаях — если будет печататься часть глав или если будут печататься только планы и подготовительные записи,— необходимости в моем предисловии не вижу. Считаю, что в этом случае вполне достаточно научного текстологического комментария.

Материал возвращаю.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

25 июля 1963 года.

Трифонов Николай Алексеевич (р. 1906) — русский советский литературовед, сотрудник редакции «Литературного наследства»; письмо написано в связи с работой над кн.: «Из творческого наследия советских писателей».— «Литературное наследство», т. 74. М., «Наука», 1965, редактором которой был Н. Трифонов.

...начиная свой роман...— Речь идет о неоконченном «публицистическом» (как его определил в плане автор) романе «Путешествие в страну коммунизма», над которым Е. Петров работал с 1939 г. (работа была прервана начавшейся Великой Отечественной войной).

...решится публиковать все главы романа...— В томе «Из творческого наследия советских писателей» опубликованы 5—8-я главы романа Е. Петрова, фрагменты начальных глав, два плана и большая часть набросков к роману.

К. В. ВОРОНКОВУ

18 декабря 1963 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Константин Васильевич!

Жаль, что я не сумею быть на заседании Секретариата, но проект постановления и план мероприятий я прочел и одно соображение хотел бы высказать. Может быть, оно пригодится.

Мне показалось, что среди всех разумных и правильных мероприятий, которые намечаются, не хватает одного. И Министерству культуры, и нам, Союзу писателей, надо как-то помочь рождению новых актерских студий, молодых коллективов. Я, скажем, очень люблю Театр «Современник», но мне кажется глубоко неправильным, что мы до сих пор говорим о нем как о самом молодом театральном коллективе в Москве,— ведь ему уже 9 лет от роду. А какие новые театральные коллективы создались после него и достаточно ли мы думаем об этой проблеме? Ведь Москва — театральный центр мира; это город с таким мощным театральным искусством, который должен рождать новые и новые коллективы, если не каждый год, то, во всяком случае, каждые два-три года. Эти новые коллективы, новые студии должны двигать наше театральное искусство вместе с уже сложившимися, имеющими большие традиции, лучшими театрами нашей страны.

Мне кажется, что забота об этом не отражена в плане и проекте постановления. А ведь мы, писатели, тоже в состоянии этому помочь. В свое время, до войны, горячее участие в создании такой студии принимал Арбузов, мы могли бы пойти заведующими репертуарной частью в такие молодые коллективы, пойти в художественные советы при них. Я, например, если бы куда-то пошел заведовать литературной частью, то именно в такую новую молодую театральную студию, потому что я именно там чувствовал бы себя наиболее необходимым.

Мне кажется, эту проблему о создании молодых театральных студий следует обдумать как одну из первоочередных, и в связи с этим я бы предложил включить в план мероприятий смотр — еще в этом театральном сезоне — работы всех тех коллективов, которые уже так или иначе пробуждаются в Москве к жизни.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

18 декабря 1963 года.

Впервые — в *ЛР*, 1985, 29 ноября.

Воронков Константин Васильевич (1911—1984) — русский советский писатель, в 1959—1970 гг. секретарь правления СП СССР.

...проект постановления и план мероприятий...— О каком проекте и плане идет речь, установить не удалось.

...в свое время, до войны, горячее участие в создании такой студии...— В 1939 г. в Москве была создана молодежная театральная студия, которую возглавляли драматург А. Арбузов и режиссер В. Плучек.

Э. МЕЖЕЛАЙТИСУ

20 февраля 1964 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Эдуардас!

Наконец кончил перевод Вашей второй «Голубоглазой скалы». Дело было не только во времени, а и в том, что никак не получались некоторые вещи в конце. А хотелось сделать получше, потому что вещь эта мне очень нравится. В общем, закончил и посылаю Вам. Если что-нибудь не так Вам покажется, черкните, я поправлю.

На всякий случай одновременно с этим отдаю еще один экземпляр Арутчевой.

Вы окончательно решили, куда это давать? Если еще не решили, то можно дать, в общем-то, очевидно, куда угодно (за исключением «Литературной России»): можно в «Огонек», можно в «Литературку». А если Вы уже решили, то действуйте на Ваше усмотрение, посылайте, куда считаете нужным.

Крепко жму Вашу руку и вместе с Ларисой приветствую все Ваше семейство.

Ваш

Константин Симонов.

20.II.1964 г.

Межелайтис Эдуардас (р. 1919).

Симонов перевел стихотворение Э. Межелайтиса «Голубоглазая скала», написал к нему предисловие («Известия», 1962, 27 августа), перевел стихотворение «Голубоглазая скала. Еще раз», написал рецензию «Читая Межелайтиса» на кн. Э. Межелайтиса «Человек» («Советская Латвия», 1962, 22 апреля).

...второй «Голубоглазой скалы».— Речь идет о стихотворении «Голубоглазая скала. Еще раз».

Арутчева Елена Аветовна — сотрудница аппарата СП СССР.

...куда это давать? — Стихотворение было опубликовано в *ЛГ*, 1964, 26 марта.

Ф. И. ГОЛИКОВУ

26 февраля 1964 г., Москва

Уважаемый Филипп Иванович!

Хочу ответить на тот основной вопрос, который Вы поставили в своем письме мне как председателю Военной комиссии Союза писателей. Кроме Вашего письма, я прочел любезно присланный Вами текст Вашей рецензии на книгу генерала армии Поплавского в том первоначальном виде, который был потом изменен в «Красной звезде».

Я, к сожалению, не читал книги Поплавского, и поэтому мне

трудно высказать свое мнение по существу Ваших критических замечаний, адресованных как Поплавскому, так и Милецкому. Но, насколько я понимаю, дело не в этом, и Вас, может быть, даже и не заинтересовали бы мои соображения по этой конкретной книге. Вы ставите вопрос в принципе: отвечает ли автор литературной записи военно-мемуарного произведения за содержание последнего или не отвечает? Отвечаю Вам прямо: безусловно, на мой взгляд, отвечает. Встает вопрос: в какой мере? Вот здесь надо, по-моему, разобраться.

Если бы книга принадлежала двум авторам и на ней стояли две фамилии — Поплавский и Милецкий, то оба товарища, поставившие свои фамилии над заголовком книги, отвечали бы на равных правах и за содержание книги, и за ее литературно-художественные достоинства. Но над заголовком книги стоит фамилия Поплавский, а Милецкий указан как автор литературной записи. Думаю, что в этом случае в первую очередь за содержание отвечает автор книги, а автор литературной записи отвечает за содержание во вторую очередь.

Разумеется, автор литературных записей не может быть безразличен к содержанию. Если его что-то не устраивает в этом содержании, если он принципиально не согласен с теми или другими взглядами, которые хочет высказать автор мемуаров, то тут, видимо, он должен спорить и отстаивать свою точку зрения в ходе работы. Если в таких спорах люди не пришли к единому решению, очевидно, автор литературной записи, как человек принципиальный, должен отказаться от этой работы; если же в результате споров и представления взаимных доказательств автор литературной записи согласен с теми или иными положениями автора мемуаров, то в дальнейшем он не вправе отделять себя от автора мемуаров и уходить в кусты в случае критики.

Это насчет содержания. А теперь насчет формы; хотя тут, конечно, невозможно отделить одно от другого глухой стеной, но все-таки.

Если книгу упрекают за ее литературно-художественные слабости, то тут, я считаю, в первую очередь отвечает за это автор литературной записи. Он профессионал своего дела, он именно для того и привлечен к работе, чтобы книга оказалась приемлемой в литературно-художественном отношении, и он несет за это ответственность в первую очередь. Если тот материал, который предоставил ему автор мемуаров, не удовлетворял его, если он считал, что из этого материала не может получиться книга мемуаров на достаточно высоком литературно-художественном уровне, незачем было браться за это. А раз взялся, то делай дело как следует и отвечай за сделанное в этом случае в первую очередь именно ты, автор литературной записи.

Хочу заметить, что так же, как автор литературной записи не вправе открещиваться от содержания книги, так же точно автор мемуаров не вправе открещиваться от ее формы. Он по доброй воле привлек к работе автора литературной записи, он вместе с ним работал, его, очевидно, устраивала та форма литературной записи, которая была сделана, он скрепил ее своей подписью и в дальнейшем, как мне кажется, не вправе в случае критики кивать только на автора литературно-художественной записи, потому что хотя в этой сфере ответственность лежит в первую очередь на авторе записи, но часть ее лежит и на авторе мемуаров.

Вообще, как во всякой совместной работе, негоже, чтобы товарищи по работе, если они действительно товарищи, в случае неудачи или критики кивали друг на друга. Раз вместе делали — значит, надо вместе и нести ответственность.

Вы, Филипп Иванович, не столько в своем письме, сколько в своей рецензии косвенно ставите еще один вопрос, требующий ясности: что такое литературная запись вообще и в чем ее отличие от редактирования? Я считаю, что идеальный случай в мемуарной литературе, когда автор приносит в издательство рукопись и эта рукопись нуждается в какой-то, большей или меньшей, литературной редактуре. Редактор разговаривает с автором, высказывает ему свои замечания и предложения, автор уходит домой и, послушавшись опытного в литературном отношении человека, исправляет те погрешности, которые он сам в результате разговора осознал. Параллельно с этим редактор проводит — при условии непременного согласования каждого слова с автором — ту или иную стилистическую правку рукописи, если она этого требует. Это называется редактурой.

Но есть другие случаи, и их немало. Человек прожил большую, богатую событиями жизнь, но при этом не владеет пером. Может рассказать о своей жизни, но не может сам написать о ней. К такому человеку приходит автор литературной записи, слушает его, расспрашивает, записывает, и в результате создается книга, где на обложке стоит фамилия автора мемуаров (и это совершенно правильно), а на титульном листе или его обороте стоит фамилия автора литературной записи, что тоже совершенно правильно.

Это два наиболее ясных случая.

Есть третий, который находится между ними и порождает наибольшее количество недоразумений.

Человек, обладающий большим запасом воспоминаний, большим жизненным опытом, не владеет пером в достаточной степени для того, чтобы написать свои воспоминания. Но все-таки он пишет их и приносит в издательство. Эти воспоминания драгоценны по фактам, но изложены так, что книгой они в таком виде стать не могут. Для того чтобы они стали книгой, их надо не просто редакти-

ровать, то есть вносить небольшие сокращения, уточнения, исправления, а их надо, по существу, переписать заново, переписать опытной литературной рукой.

Я считаю, что такое переписывание не является редактурой, и требовать, чтобы это называлось редактурой, нельзя. Я допускаю и я знаю такие случаи, когда люди соглашаются, по существу, переписывать наново рукопись, числясь при этом редакторами. Я лично считаю это неправильным, хотя это иногда и делается из самых благородных побуждений. Очевидно, в таких случаях автор мемуаров, убедившийся в том, что его книгу необходимо страница за страницей переписывать, должен или отказаться от издания своей книги, или согласиться на то, чтобы человек, делающий над его рукописью такую огромную работу, выступал как автор литературной записи. Другого выхода я лично в таких случаях не вижу.

Вот некоторые соображения, которые мне хотелось высказать Вам, Филипп Иванович, по затронутому Вами вопросу. Это мои личные писательские соображения. Если они Вас в той или иной мере не удовлетворяют, то мы, по Вашему желанию, можем поставить тот принципиальный вопрос, который Вы затронули в своем письме, на одном из заседаний Бюро Военной комиссии и в Вашем присутствии обсудить его.

Ваш адъютант сказал мне, что Вы интересовались записями из моего дневника, связанными с наступлением руководимой Вами 10-й армии в декабре сорок первого года под Москвой. Я нашел эти записи и с удовольствием посылаю их Вам. Если Вам что-нибудь покажется там интересным,— буду очень рад.

Я со своей стороны хорошо запомнил тогдашние короткие встречи с Вами, потому что они произвели тогда на меня большое впечатление.

Пользуюсь случаем поблагодарить Вас за то участие, которое Вы приняли, когда я пришел просить Вас о помощи в период сбора материалов для романа «Живые и мертвые». Короткое, но врезавшееся мне в память пребывание в 10-й армии подтолкнуло меня много лет спустя на то, чтобы написать некоторые страницы романа именно так, как я их написал. Если сравнить те строчки из дневника, которые я Вам посылаю, с некоторыми страницами последней части романа, да, пожалуй, и с некоторыми кадрами фильма «Живые и мертвые», который сейчас вышел, то нетрудно убедиться в источнике.

С товарищеским приветом.

Глубоко уважающий Вас

Константин Симонов.

26 февраля 1964 года
Москва.

Впервые фрагмент из этого письма — в *РСТ*.

Голиков Филипп Иванович (1900—1980) — советский военачальник, Маршал Советского Союза.

...текст Вашей рецензии...— Рецензия Ф. И. Голикова «Товарищи по оружию» опубликована в *КЗ*, 1964, 15 января.

...книгу генерала армии Поплавского...— Поплавский Станислав Гилерович (1902—1973) — советский и польский военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза. Речь идет о его книге «Товарищи в борьбе» (М., Воениздат, 1963).

Милецкий Яков Аркадьевич (1899—1974) — русский советский журналист.

Вы ставите вопрос в принципе...— Ф. И. Голиков писал Симонову 26 февраля 1964 г.: «После весьма длительных затяжек рецензия наконец была напечатана. В ней вычеркнуты абсолютно все и любые критические замечания в адрес Я. Милецкого как автора литературной записи.〈...〉

На мою претензию к представителю редакции мне было сказано, что это сделано по решению редколлегии, сделано «в последний момент» и по той причине, что за все недостатки литературной записи отвечает только сам автор.

На вопрос о степени ответственности автора литературной записи я получил ответ, сводящийся к тому, что не отвечает, т. к. за все должен нести ответственность автор книги» *(АКС)*.

...записями из моего дневника, связанными с наступлением руководимой Вами 10-й армии...— См. эти записи в *РДВ* (т. 8, с. 440—454).

Ф. И. ГОЛИКОВУ

10 марта 1964 г., 〈Москва〉

Уважаемый Филипп Иванович!

Получил Ваше письмо. Если те странички из моего декабрьского дневника, которые я Вам послал, Вам пригодятся,— я буду очень рад этому. Если Вам покажется целесообразным включить это свидетельство военного корреспондента о событиях тех дней в качестве документального материала в Вашу книгу о Московской битве, то я, разумеется, не имею никаких возражений против этого, если это Вам покажется нужным для пользы дела.

А теперь насчет литературных записей, редактуры и т. д. Я думаю, что в общем наши с Вами точки зрения близки. Думаю также, что если у Воениздата возникнет желание обсудить некоторые проблемы, связанные с литературной записью и редактурой мемуаров, то мы, писатели, члены Военной комиссии, охотно примем участие в этом обсуждении. Думаю, оно могло бы быть полезным.

Если Вы считаете целесообразным послать в редакцию «Красной звезды» копию нашей переписки по этим проблемам, то у меня

нет никаких возражений. Напротив, я думаю, что в редакции с интересом, даже, пожалуй, и с пользой для себя ознакомятся с теми суждениями, которые были высказаны в этой переписке.

А теперь, в заключение, хочу сказать, что меня порадовало то, что Вам пришелся по душе тот отрывок из моего дневника и что я, судя по Вашему письму, ничего существенного там, в этом дневнике, не напутал.

Жму руку. С товарищеским приветом уважающий Вас
Константин Симонов.

10 марта 1964 года.

...включить... в Вашу книгу о Московской битве...— Речь идет о кн.: Ф. И. Голиков. В Московской битве. Записки командарма. М., «Наука», 1967. Ф. И. Голиков писал Симонову 3 марта 1964 г.: «Может быть, Вашу запись впечатать в книгу? При этом впечатать совершенно официально с указанием на Ваше любезное согласие, в кавычках» *(АКС)*. Однако автор не стал цитировать дневниковые записи Симонова, а лишь помянул о его пребывании в 10-й армии (Ф. И. Голиков. В Московской битве, с. 78).

...в общем наши с Вами точки зрения близки.— Ф. И. Голиков писал в том же письме: «Теперь о Вашем ответе на вопрос об ответственности автора литературной записи.

Я с Вами согласен. Согласен полностью и без всяких слов типа: «в общем», «в целом», «в основном» и т. д.».

...ничего существенного там, в этом дневнике, не напутал.— Ф. И. Голиков писал в том же письме: «Прежде всего о выписке из дневника. Она очень интересна и правдива».

А. А. Ч-ву

18 марта 1964 г., ⟨Москва⟩

18 марта 1964 года

Дорогой Алексей Андреевич!

В связи с нашим предварительным разговором по телефону несколько слов о рукописи первой книги стихов Ивана Николюкина и о нем самом.

Первые стихи Николюкина я прочел, если не ошибаюсь, в 1958 году. Я жил тогда в Ташкенте, и он мне прислал их туда. Стихи его были еще очень неумелые, но что-то стоящее в них я почувствовал. Стал переписываться с ним, указывать на недостатки стихов, заставлять выправлять их. Он по многу раз выправлял стихи, присылал мне их снова, и старые и новые. В то время он работал у себя на родине, в Калаче, грузчиком и кончал вечернюю десятилетку. Потом я рекомендовал его в Литературный институт. По стихам он прошел конкурс, а на экзаменах провалился, подвела грамотность.

К себе в деревню под Калачом он после этого не вернулся, а поехал дорожным рабочим в Крым. Работал там на строительстве крымской троллейбусной линии и готовился во второй раз сдавать в институт. Во второй раз он сдал, его приняли. Сейчас он учится уже четвертый год.

Некоторые стихи его печатают в газетах и в журналах. Я в «Литературе и жизни» писал о нем небольшую заметку пожеланием доброго пути, она была опубликована вместе с несколькими его стихотворениями.

Сейчас у Николюкина собралась книга. Ту рукопись, что он мне дал, я довольно сильно пошерстил, отобрал из нее примерно половину. Эти стихи, по-моему, складываются в цельную и своеобразную книгу. В некоторые из этих стихов, по-моему, надо внести поправки, кое-где я это пометил на полях, но некоторую нескладность стиля, угловатость править бы не хотелось, потому что она мне представляется чертою органической для этих стихов. Стихи искренние, честные, живые, за ними стоит жизнь, работа, трудовая биография — невыдуманная — молодого человека. Одним книжка понравится, другим, наверное, не понравится, но я бежден, что она найдет своих сторонников и читателей.

Разумеется, это первая книжка совсем еще молодого поэта. Это чувствуется во многих стихотворениях. И в отрицательном смысле — в смысле еще недостаточной умелости стихов, и в положительном смысле — в смысле свежести, непосредственности восприятия жизни, откровенности души, какой-то хорошей, я бы сказал, наивности.

Над многими из стихов, включенных в эту книгу, Николюкин работал очень много. Я в свое время по пять-шесть раз посылал их обратно со своими замечаниями. Можно их, наверное, строгать и еще, но где-то тут есть предел, где-то становится опасным для первой книжки.

Сейчас у меня такое ощущение, что ему надо выпустить первую книгу и заново начать думать над второй. Бывает такая минута жизни у молодого поэта, и, по-моему, для Николюкина она наступила. Если книга Вам понравится и Вы займетесь ее судьбой и если издательство согласится включить ее в план, то я с удовольствием, когда к этому подойдет время, напишу к ней небольшое предисловие. А пока ограничусь сказанным.

С товарищеским приветом.

Жму руку

Константин Симонов.

P. S. Я при отборе оставил в книге тридцать пять стихотворений. Может быть, Николюкин в состоянии еще кое-что добавить в нее. Насколько я понимаю, у него есть еще и новые стихотворе-

ния, которых я не читал пока. Но думаю, что книжка уже в принципе сложилась, и в таком виде, в каком я предлагаю ее Вашему вниманию.

Впервые — *ЛУ*, 1982, № 2.

...писал о нем небольшую заметку... — В газете «Литература и жизнь» от 5 марта 1961 г. под рубрикой «Доброго пути» были напечатаны три стихотворения И. Николюкина с небольшой заметкой К. Симонова. В ней, в частности, говорилось:

«Меня радовало упорство моего корреспондента. Хотя бывало и так, что он переделывал свои стихи, не улучшая, а портя их, но я всегда чувствовал, что такая порча происходит не от легкомысленного отношения к делу, а потому, что он непременно хочет сказать именно то, что задумал.

Бывало и так, что вместе с новыми стихами, казавшимися мне удачными, приходили совершенно слабые, явно подражательные стихотворения, настолько плохие, что подчас я диву давался. А в общем-то работа все больше и больше шла на лад, и весною прошлого года я попросил Николюкина, к этому времени закончившего десятый класс вечерней школы, написать мне поподробнее о своей жизни. Он прислал мне большое письмо, прочтя которое я подумал, что, быть может, со временем этот человек начнет писать и прозу.

В стихах, к которым я пишу это предисловие, еще не все до конца удалось, но мне хочется познакомить с ними читателей. Это плод упорной работы человека, которому еще нужно учиться и учиться, но который, как мне думается, сумеет преодолеть многие трудности, стоящие на его пути, и найдет свою дорогу в поэзию».

Небольшое предисловие к стихам И. Николюкина К. Симонов написал и для журнала «Молодая гвардия» (1963, № 7).

...если издательство согласится включить ее в план... — Сборник стихов И. Николюкина «Сенокос» выпущен издательством «Советская Россия» в 1969 г.

Р. Х. СОЛНЦЕВУ

24 марта 1964 г., Москва

Москва, 24 марта 1964 года

Дорогой Рома!

Получил еще одно твое письмо, еще одну пачку стихов. Есть в тебе противоречие: человек ты терпеливый, шлешь стихи — терпеливо ждешь ответа, шлешь письма — долго не получаешь ответов от меня и не обижаешься, терпишь, а вот терпения доделать до конца стихи, не раскидываться, не метаться из угла в угол вселенной, возникающей в твоем воображении,— вот на это терпения или терпеливости не хватает.

Среди стихов, что прислал, додуманы до конца, по-моему, только три: «Баллада о пионере», «В парке культуры» и третье стихотворение, начинающееся некрасивым словом «Сука», которое здесь, впрочем, к месту. Остальное все сумбурно и растрепано и не доведено до конца. А «Ночной триптих» меня разозлил. Если рассматривать это сочинение как один из экзерсисов, созданных тобой в период первоначального накопления,— тогда куда ни шло; почитал Луговского, понравилось, зацепило — взял да и махнул что-то вроде этого.

Неужели ты сам не видишь, что написал сочинение на чужую тему, по чужим следам, по чужим впечатлениям? Зачем тебе это?

Поменьше космизма. Мне все больше начинает казаться, что избыток космизма в некоторых и стихотворных и прозаических сочинениях является новой, самоновейшей формой ухода от действительности, да в какой-то мере и лакировкой оной. Подумай над этим. Ей-богу, это так.

Испугала меня твоя идея насчет поэмы о цветомузыке и о Скрябине. Испугала из-за моей необразованности. Что такое цветомузыка, я не знаю, музыку вообще плохо понимаю, Скрябина знаю понаслышке только. Боюсь — напишешь, пришлешь, а я ничего не пойму. Как тогда быть? Признаваться в своей малограмотности?

Что касается поэмы «Пикассо, кочегарка и Наташа», то возможно, она и будет хорошая, в особенности если с самого начала переменить заглавие. А заглавие прямо-таки завлекательное; прочел и вздрогнул.

Немножко шучу, конечно, когда пишу это письмо,— по-прежнему желаю тебе добра и верю в твой талант, но пугаюсь твоей раскиданности. И это уже всерьез.

Летом, безусловно, увидимся, в Сибирь приеду. До лета — навряд ли.

Засыпал ты меня стихами: их у меня много, уже не разберусь в них. Давай-ка поступим мы так: вот из тех, что сейчас прислал,— отобрал и отложил три, о которых сказал. Давай-ка сам разберись в том, что не напечатано — и послано мне, и не послано,— и напиши мне письмо: что из посланного, по-твоему, годится для той же цели. Но только чтобы у нас где-нибудь не вышли ошибки, чтобы я не сунул куда-нибудь напечатанное из твоих стихов. Вот тогда посмотрим, вернее, я погляжу все, что ты пришлешь и что у меня есть, и разберемся. Может быть, и напечатаем где-то большой цикл. Сейчас я уеду на месяц, а в конце апреля — в начале мая буду; вот к этому времени давай и присылай.

Привет твоей Гале, и пусть она иногда придерживает тебя за вихры, когда ты лезешь в космос без достаточных к тому оснований.

Жму руку

Константин Симонов.

Впервые фрагмент из этого письма — в *РСТ*.

Солнцев Роман Харисович (р. 1939) — русский советский поэт, Симонов переписывался с Р. Солнцевым с 1960 г., когда тот, студент физмата Казанского университета, прислал ему на суд свои стихи. Печатающиеся в наст. томе письма только часть обширной многолетней переписки. В своем письме от 15 декабря 1981 г. в Комиссию по литературному наследию К. М. Симонова Р. Солнцев поясняет: «Выбранные из полутора десятков писем К. М. Симонова, эти четыре письма (речь идет о письмах от 24 марта, 14 мая и 3 ноября 1964 г., 9 июля 1966 г.— *Л. Л.*) относятся, пожалуй, к самому трудному времени для меня — внешне удачливому, но, говоря честно, кризисному, когда я метался, много печатал стихов и от многого отказывался, рвал целые тетрадки стихов... В частности, из упомянутых стихотворений, даже похваленных Константином Михайловичем, я в конечном счете ни одного не напечатал, хотя возможность для этого появилась ⟨...⟩ Именно эти, строгие письма 1964—1966 годов, я постоянно перечитываю. А веселые, добрые, великодушные я и так помню. И за все — за те и за эти — бесконечное мое спасибо...» (*АКС*).

Скрябин Александр Николаевич (1872—1915) — русский композитор и пианист.

С. Я. ФРАДКИНОЙ

30 марта 1964 года

30 марта 1964 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемая Сарра Яковлевна, получил Ваше письмо. Простите, что отвечаю с запозданием, вызванным тем, что был очень занят работой над романом.

Отвечаю на Ваши вопросы.

1. Вклад Пудовкина в сценарий «Смоленская дорога» очень велик. Хотя материал сценария всецело мой и сценарий сделан на 90 процентов по моим военным дневникам, но идея написать этот сценарий по моим военным дневникам — всецело идея Пудовкина, и он очень горячо настаивал на этой идее, прежде чем я решился взяться за такой сценарий. Ему хотелось сделать вещь поближе к жизни, на подлинном материале, без условных сюжетных ходов, без необоснованных искусственных коллизий, и в этом состоял пафос Пудовкина.

Сценарий не осуществился по двум причинам. Первая состояла в том, что первоначально нам был заказан сценарий об обороне Москвы, и те, кто заказывал сценарий, ждали, видимо, что мы создадим так называемую «эпохальную» картину. А у нас вышел сценарий гораздо более скромный и сдержанный, не столь масштабный, как, видимо, ожидался. Да к тому же в центре его оказался военный корреспондент, лицо в кинематографических канонах того

времени не предусмотренное. Правда, по существу-то он не герой сценария, он только киноглаз, он только способ показать других людей способ показать различные картины войны, но с этими соображениями считаться не хотели. Логика железная: раз этот военный корреспондент чаще всего появляется в фильме и проходит сквозь него — значит, он главный герой! А главными героями в битве под Москвой были не корреспонденты, а бойцы, командиры, политработники.

Такова логика, казавшаяся тем, кто ее придерживался, железной, и под нее и попал наш сценарий.

Кроме того, как Вы сами поймете, прочтя его сейчас, там были какие-то вещи, очевидно, не устраивающие тех, от кого зависела судьба сценария, и по мере откровенности изображения войны. Особенно в начале сценария, там, где он идет совсем уж впритирку к моим военным дневникам. Но в это, когда решали вопрос о сценарии, особенно даже не вдавались. Главным возражением было, что в картине о защите Москвы не мог быть главным героем военный корреспондент.

Я не могу и не хочу говорить, что по отношению к нашему сценарию была какая-то особая предвзятость, или к нам особенно плохо относились, или кто-то имел, как говорится, зуб на нас. Нет, и со мною и с Пудовкиным разговаривали уважительно. Но просто сценарий, с точки зрения людей, читавших его, по тому времени не лез ни в какие ворота, и к нам скорее просто относились с сожалением, как к людям, по наивности потратившим зря массу трудов и дорогого времени.

Писали мы сценарий с Пудовкиным совместно, день за днем, около месяца, обдумывали вместе каждую фразу. Если говорить о том, кто что делал, то, грубо говоря, я автор этого материала, а Пудовкин автор его кинематографического видения.

Меня недавно запрашивало издательство «Искусство» относительно возможности напечатать этот сценарий в двухтомнике избранных сочинений Пудовкина. Я дал принципиальное согласие на это. Если они будут печатать его, очевидно, снабжу сценарий послесловием, где более подробно и более связно изложу то, о чем написал здесь Вам.

Ваш второй вопрос, на мой взгляд, поставлен не совсем верно. Разумеется, то, что, находясь в действующей армии, в первые месяцы войны я стремился найти прежде всего такие факты, которые бы показывали стойкость людей среди обрушившегося на них ужаса, их героизм, их веру в то, что не все пропало, их постепенно возникающее воинское умение и их тоже постепенно возникающую веру в возможность убивать немцев. Разумеется, все это суживало рамки того материала, который через меня шел в те дни непосредственно в газету. Разумеется, в моих дневниках того времени

картина шире, но это самоограничение было сознательным, и я в нем ни секунды не раскаиваюсь. Примеры стойкости, героизма, твердости, воинского умения были необходимы тогда в газетах как хлеб. Такие примеры были — и их было немало. Если бы их не было, то мы бы погибли тогда — немцы дошли бы до Москвы и взяли ее (подумайте об этом). Эти примеры были, и о них надо было говорить людям, чтобы поддержать их, чтобы научить их на этих примерах, чтобы сказать им: если у вас плохо, это еще не значит, что всюду так же плохо, как у Вас; бывает по-разному. И это тоже правда — бывало по-разному!

Еще один момент,— говорю в данном случае не о себе, а вообще о многих военных корреспондентах из того сорта, которые старались писать прежде всего об увиденном собственными глазами,— увидеть панику было тогда не трудно, увидеть беженцев на дорогах, отступающих солдат, неразбериху, бесконечные бомбежки тоже не представляло особенного труда, достаточно было для этого выехать в прифронтовую полосу,— а вот увидеть дивизию, полк, батальон или роту, которая не отступает, которая стоит и дерется,— для этого надо было залезть не на мнимый, а на действительный передний край. И это было не так-то просто, и не всем это удавалось, и многие на этом сложили головы. Но таких мест, где стояли и не отступали, убивали немцев, дрались до конца, было очень много. Только не всегда мы добирались, не всегда попадали, не обо всем сумели написать. Но если бы это было не так, то, повторяю, немцы покончили бы с нами уже в августе.

При таком выборе тем для изображения возникала известная ограниченность, если хотите — историческая ограниченность, но в таком выборе тем была в то время железная необходимость, если хотите — историческая необходимость. И еще одно — если Вы внимательно прочитаете фронтовые корреспонденции 1941 года, да и последующих лет войны, Вы, я думаю, легко увидите — и в литературе этого периода, как и во всей нашей литературе и военного, и предвоенного, и послевоенного времени,— две линии: линию более правдивого показа действительной жизни, действительных трудностей и опасностей, и линию более облегченного показа всего того, что происходило в жизни. Тут есть, конечно, много градаций, много ступеней, но склонен считать, например, что хотя я — если говорить о своем личном опыте — писал не обо всем, что я видел на войне, и не обо всем мог писать по условиям военного времени и по соображениям здравого смысла, но я всегда стремился к тому, чтобы война, изображенная в моих очерках, корреспонденциях и рассказах военного времени, не вступала в противоречие с личным опытом солдат. Короче говоря, писал не обо всем, но о том, о чем я писал, я стремился писать, в меру своих сил и способностей, правду. И я не помню, чтобы во время войны или после нее фронто-

вики упрекали меня в какой-нибудь «липе». Во всяком случае, когда я выпускал свои «Живые и мертвые», я совершенно сознательно одновременно с этим выпустил книгу фронтовых очерков и рассказов «Фронт», не внося в них никакой правки, кроме чисто художественной, и сознательно поставив под каждым из них дату и место первоначальной публикации, чтобы любой человек мог проверить, как этот очерк или рассказ выглядели в первозданном виде во время войны. Сделал я это потому, что тогда начала бытовать ходячая и во многом несправедливая по отношению ко многим военным корреспондентам и писателям точка зрения, что, дескать, вот теперь-то вы пишете правду о войне, а тогда всё лакировали и только и делали, что писали аллилуйя Сталину и «гром победы раздавайся».

Ну что ж, в таких случаях лучше всего спорить с фактами в руках, поэтому я и выпустил книгу своих старых очерков и рассказов, так что читатель мог ее положить рядом с «Живыми и мертвыми». Книги, конечно, разные,— в «Живых и мертвых» осмыслено и написано много такого, чего я не писал тогда во время войны, но положить перед любым человеком рядом эти две книги я не боялся, потому что в своем отношении к войне как к тяжелому, трудному, трагическому делу я противоречий между этими двумя книгами не видел.

Думаю, что с такой же спокойной душой могли бы положить рядом свои военные и послевоенные книги и многие другие мои товарищи по военной печати тех лет. Есть, правда, такие, кому бы я не советовал этого делать, но таких, к чести нашей литературы, меньшинство.

Вот моя точка зрения на этот чрезвычайно важный и не простой вопрос. А дальше, как говорится, судите нас, грешных,— последнее слово не за нами, а за вами!

Третий вопрос — насчет моей прозы. Видите ли какая вещь, я тянулся к прозе давно, и у меня было еще очень давно, еще в войну, ощущение, что в прозе я смогу сделать больше всего. С этим самоощущением живу и сейчас. Даже в войну, в период наибольшей популярности моих стихов, я не считал себя крупным поэтом, не считал, что я нашел что-то свое в поэзии. Какие-то стихи любил, какие-то нет, но чего-то такого, чтобы ощутить, что я в поэзии могу сделать то, что никто другой не может,— вот такого чувства мне всегда не хватало. А для по-настоящему крупного поэта, такого, например, как Твардовский, такое чувство безусловно необходимо и закономерно. У меня же выходило так, что в какой-то период все главное, что было за душой, лезло в стихи, в какой-то период — в пьесы, и, наконец, в последние десять лет все, что есть за душой, укладывается в прозу. Там, в написанных за последние годы романах, закопано и несколько пьес, и несколько десятков стихотворе-

ний, и я об этом не жалею, потому что, повторяю, как мне кажется, нашел себя в прозе больше, чем в чем-нибудь другом.

Четвертое: в некотором аскетизме, как Вы пишете, стиля «Дней и ночей», разумеется, была сознательная полемика с приподнятым, романтизированным изображением войны, но это не есть свойство одних только «Дней и ночей». Элементы такой полемики есть и в пьесах, в «Русских людях» к примеру. Есть они и в стихах, таких, как, скажем, «Дожди»; да и в ранних стихах еще о Монголии, таких, как «Сверчок», «Деревья», «Тыловой госпиталь», «Орлы». Есть эта полемика и во многих очерках и рассказах военного времени. Это линия, которой я придерживался в своей работе, и придерживался довольно последовательно. В частности, она выразилась и в «Днях и ночах». Только я не очень понял Вас, о каком «последнем» варианте Вы говорите? «Дни и ночи» имеют два варианта: первый вариант — журнальный, как они были напечатаны в «Знамени». Этот вариант отличается тем, что в нем присутствует одна очень скверно написанная шпионская история с перебежчиком, сыном попа. Помню, Вера Васильевна Смирнова, которая редактировала в «Знамени» роман, буквально умоляла меня еще тогда выкинуть эту дешевую историю. Но я заупрямился, не послушался, и только уже готовя роман к отдельному изданию, вышедшему в 1944 году, все-таки внял ее совету и выкинул эту историю. Таким образом, первое издание романа, вышедшее в конце 1944 года в издательстве «Советский писатель», и было его последним вариантом. После этого, в последующих изданиях, я либо печатал роман без изменений, либо вносил в него некоторые в общем малозначительные и главным образом стилистические поправки.

Еще раз простите, что с таким опозданием отвечаю Вам, но сочинять наспех какую-то отписку не считал полезным ни для Вас, ни для себя, а подробно ответить на Ваши вопросы, пока не кончил романа — не мог.

Жму Вашу руку

Константин Симонов.

Впервые с сокращениями — в *РСТ*.

Фрадкина Сарра Яковлевна — русский советский литературовед, автор работы «Традиции В. В. Маяковского в книге стихов Константина Симонова «Друзья и враги» (Ученые записки Пермского государственного ун-та им. А. М. Горького, т. 9, вып. 2, 1956), кн.: С. Фрадкина. Творчество Константина Симонова. М., «Наука», 1968.

...работой над романом.— Роман «Солдатами не рождаются».

Вклад Пудовкина в сценарий «Смоленская дорога»...— См. об этом также воспоминания Симонова «О Всеволоде Илларионовиче Пудовкине» и примеч. к ним (т. 10 наст. собр. соч.).

...напечатать этот сценарий в двухтомнике избранных сочинений

Пудовкина.— Сценарий «Смоленская дорога» с предисловием Симонова «О Всеволоде Илларионовиче Пудовкине» был напечатан в журнале «Искусство кино» (1968, № 2) с небольшими сокращениями и полностью: В. Пудовкин. Собр. соч. в 3-х томах, т. 1. М., «Искусство», 1974.

...одновременно с этим выпустил книгу фронтовых очерков и рассказов...— См.: К. Симонов. Фронт. Очерки и рассказы. 1941—1945. М., Воениздат, 1960.

...как они были напечатаны в «Знамени».— «Дни и ночи» были опубликованы в журн. «Знамя», 1943, № 9-10, 11-12; 1944, № 1-2.

Смирнова Вера Васильевна (1898—1977) — русский советский критик.

А. Е. РЕКЕМЧУКУ

17 апреля 1964 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Александр Евсеевич, дорогие товарищи из редакции «Молодая гвардия»!

Я прочел по вашей просьбе рассказ Виктории Токаревой «День без вранья» и охотно желаю доброго пути в литературе автору этого рассказа, потому что рассказ, на мой взгляд, хороший, умный и при всей своей серьезности написан с юмором, а это не так часто у нас случается и с молодыми и со старыми авторами.

Но не кажется ли вам, что этот рассказ лучше напечатать без всяких предварительных добрых пожеланий маститых или полумаститых литераторов? Не кажется ли вам, что мы в последнее время несколько злоупотребляем формой этих предварительных рецензий на вполне профессиональные и талантливые произведения молодых писателей? Нуждаются ли они во всех случаях в таких моральных подпорках? Не бывает ли тут запоздалого стремления выводить за ручку на люди тех, кто в этом уже не нуждается и прекрасно дойдет до читателя сам, на своих двоих?

Не кажется ли вам, что краткие писательские предисловия подходят скорее для публикации произведений бывалых людей, для сочинений непрофессионалов? Там это действительно нужно, там иногда требуется сказать в предисловии писательское слово, выразить писательский взгляд на тот или иной человеческий документ.

А люди, ставшие на путь профессионального занятия литературой, пусть с самого начала этого пути идут сами с первых же шагов. Не вернее ли это будет?

Может быть, я прав только отчасти, может быть, в иных случаях и такая форма, как пожелание доброго пути,— форма приемлемая и полезная, но меня настораживает, что это на моих глазах начинает превращаться чуть ли не в непременную традицию.

Не лучше ли вам завести в журнале отдел в несколько строк,

в котором печатать короткие отклики писателей на произведения молодых, уже напечатанные в вашем журнале?

Может быть, это больше устроит и читателей, и самих молодых.

Если вы захотите напечатать в журнале это мое полемическое пожелание доброго пути в порядке обсуждения, я ничего не имею против, потому что вопрос этот мне кажется существенным.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

17 апреля 1964 года.

Впервые — в качестве послесловия к рассказу В. Токаревой «День без вранья» («Молодая гвардия», 1964, № 7).

Рекемчук Александр Евсеевич (р. 1927) — русский советский писатель, в то время зам. главного редактора журнала «Молодая гвардия».

Токарева Виктория Самойловна (р. 1937) — русская советская писательница.

И. С. ИСАКОВУ

13 мая 1964 г., Гульрипши

13 мая 1964 года, Гульрипши

Дорогой Иван Степанович!

Мне переслали Ваше письмо из Москвы сюда, в края, близкие к тем, которые Вы описываете в своем «Неистребимом майоре». Я чувствую, конечно, что с этим «Майором» я в долгу перед Вами, но уж очень трудно у меня сложились обстоятельства. До последних чисел марта сдавал последнюю, самую трудную часть романа, а потом меня отправили сразу в две командировки от «Правды» — сначала в Заполярье, потом в Германию — с двухдневным перерывом между ними. Приехал из второй, написал за два дня два очерка, и домашние вкупе с врачами буквально потребовали, чтобы я немедленно уехал хотя бы на двадцать дней отдохнуть,— и выпроводили меня сюда, на юг, где с утра до вечера лупят дожди. Вот здесь-то я и закончил наконец редактировать Вашего «Майора». Половина была сделана давным-давно, а до второй половины никак не мог добраться. А послать Вам обратно вещь, отредактированную до 35-й страницы, просто не мог, да и все тут.

Сегодня кончил, и вот пишу Вам это письмо. Очевидно, дня через три, когда перепечатают, пошлю вслед за письмом и отредактированный текст повести вместе с правленным экземпляром. Я сделал на свой страх и риск очень большие сокращения, но я убежден, что они были совершенно необходимы. Мудрое и доброе зерно Вашего повествования тонуло в различных напластованиях, отвлечениях и отступлениях, и мне показалось, что моим дружеским дол-

гом по отношению к Вам было решиться на целую серию больших и маленьких хирургических вмешательств в Вашу повесть.

Если говорить совсем откровенно, то я делал эти сокращения даже с удовольствием, с таким же, с каким я сокращал собственный роман «Живые и мертвые» с шестидесяти первоначальных листов до двадцати восьми. Тут дело происходило примерно в такой же пропорции, но мне кажется, что и результаты тоже, как и в моем случае, во благо. А в общем, если будете сердиться на мою раззудившуюся руку, то черновик у Вас вместе с беловиком — вставляйте, воля Ваша! Хотя, опять-таки совершенно откровенно говоря, лучше, если Вы ею не воспользуетесь.

Крепко жму Вашу руку, Иван Степанович. От всей души желаю Вам добра. Очень хочу повидать Вас, поговорить, в частности узнать Ваше мнение о последних главах моего романа. Не знаю, как они получились, но, когда писал их, много думал с глубокой признательностью о Вас, потому что если бы не Вы и не наши откровенные разговоры с Вами, многое из написанного в этих последних главах просто-напросто не пришло бы в голову.

Сердечный привет Вашей жене.

Константин Симонов.

P. S. Я буду в Москве 21 мая и 10 июня и буду рад повидать Вас.

Впервые — в *ЛГ*, 1985, 1 мая.

...в своем «Неистребимом майоре».— Речь идет о «Повести о неистребимом майоре», опубликованной в журн. «Москва», 1965, № 3.

...написал за два дня два очерка...— Очерк «Мурманск — Штральзунд», опубликованный в «Правде», 1964, 1, 3 мая.

...если бы не Вы и не наши откровенные разговоры с Вами...— В предисловии к публикации писем И. С. Исакова Симонов рассказывал об этом: «...он прочитал опубликованные в газете первые главы романа «Солдатами не рождаются», и хотя прочитал их с интересом, но одновременно выразил и некоторые претензии. «Как жаль, что Иван Алексеевич многого не знал, как жаль, что Иван Алексеевич не мог одновременно говорить о некоторых, как бы прослаивающих и умных и человечных чертах». В сущности эти слова в письме были адресованы не одному из героев романа, а, конечно же, автору. Ивану Степановичу хотелось, чтобы автор, продолжая работать над своим романом, знал больше, чем знает. Он хотел этого и осуществил свое желание. Вскоре после этого письма, едва-едва успев почувствовать себя немного лучше, Иван Степанович пригласил меня приехать к нему в Барвиху. Повторив и развив те мысли, которые он высказал мне в письме, он сказал, что считает своим долгом поделиться со мной теми впечатлениями, которые сложились у него в результате многих встреч со Сталиным, происходивших в разные годы» («Адмирал флота Советского Союза Иван Степанович Исаков», с. 276).

14 мая 1964 г., Гульрипши

14 мая 1964 г., Гульрипши

Дорогой Рома!

Про «Пикассо, кочегарку и Наташу» — прочел. Твое намерение переменить заголовок является, на мой взгляд, вполне прогрессивным.

Поэма, как, к сожалению, и все или почти все, что ты в последнее время пишешь, начата, но не кончена, и я еще раз с тревогой думаю о тебе и о твоем неумении сосредоточиваться и добиваться соответствия выполнения с замыслом. Пока — я все больше убеждаюсь в этом — твоя талантливость ограничивается способностью писать талантливые черновики, но превращать их в законченные вещи ты не умеешь и, по-моему, не учишься, во всяком случае по-настоящему не учишься.

А положение очень серьезное. Если ты не научишься превращать эти черновики в беловики, то пройдет еще какое-то количество лет — и окажется, что ты как поэт не состоялся. И о тебе будут говорить люди, вполне доброжелательные к тебе: «Смотри, как интересно начинал! Кто бы мог подумать, что из него ничего не получится». Бойся этого. Я чувствую, что ты еще недостаточно этого боишься, иначе бы, наверное, работал уже сейчас по-другому.

В поэме твоей никуда не годное начало, прекрасна Наташа и все, связанное с ней,— то есть, в общем, хорошая середина и довольно бестолковый конец, написанный по принципу с бору по сосенке. Все это результат того, что вся поэма недодумана и недочувствована. То, что додумано и дочувствовано, получилось хорошо, а то, что мерещилось в общем и целом, и получилось весьма приблизительно, то есть, грубее говоря,— плохо. Ибо приблизительность в поэзии — это синоним низкого качества.

Что бы я на твоем месте делал с этой поэмой: или додумал начало и конец так, как додумалась середина, и переписал бы их на том же уровне, или, если ты этого не в состоянии сделать, взял бы середину поэмы, взял бы Наташу и твоего героя на этом этапе и сделал бы из этого небольшую хорошую поэму. В этом случае, я думаю, нашлись бы для такой поэмы и конец и начало. Но откровенно скажу, пока я добрался до твоей Наташи, я едва пересилил в себе желание отложить и не читать дальше.

Вот так, на мой взгляд, обстоят дела с твоей поэмой, а в каком-то смысле и вообще с твоей работой, потому что твоя поэма — это

вообще портрет твоей работы. Вот так ты все и делаешь — что сразу вышло хорошо, то хорошо, а что сразу не вышло хорошо, то залатал на скорую руку, пришил на живую нитку и на том успокоился.

Ну, и наконец, хочу сказать тебе еще одну неприятность: до каких пор ты, талантливый человек, будешь продолжать то там, то здесь петь с чужого голоса. То непрожеванный Луговской появляется, то теперь вдруг, во сне Наташи, появляется вариация на тему, очевидно, слишком сильно запавшей тебе в память песенки Окуджавы,— не буду даже писать какой, сам знаешь. Нравится, ну и пой на здоровье, мне она тоже нравится. А зачем волочь ее ритмический и эмоциональный ход в свою, не имеющую никакого отношения к этому поэму.

Хочу, чтобы ты меня правильно понял. Я человек скорее мягкий, чем грубый, и я не хочу резать тебе этакую отцовскую правду-матку грубым баском человека, которому делать это в разговоре с тобой позволено нашими добрыми отношениями. Я в самом деле очень встревожен тем, что в последнее время никак не могу получить от тебя ничего доведенного до конца, ничего такого, что можно было бы взять и дать в печать куда угодно со спокойной душой, потому что качество сделанного тобой было бы безукоризненно. Все в набросках, все в исканиях, все в деланиях и бросаниях, и нигде нет железной черной работы поэта, умеющего доводить дело до конца.

Ну, хорошо, допустим, ранний Солнцев был парень талантливый и разбросанный, еще не умел по-настоящему работать в поэзии. Но ведь ты уже не ранний, и годов тебе не восемнадцать уже и не двадцать. Ты ощущаешь свою талантливость и готов легко отказаться от невышедшего. Это хорошая черта, черта богатого талантом человека. Но она одна, сама по себе, ничего не стоит, если рядом с ней нет способности то, что начало получаться, довести до конца, до внутренне осознанной пятерки.

Привет твоей Гале. Если она похожа на твою Наташу, то, может быть, она доведет тебя до ума лучше, чем я.

Жму твою руку и желаю тебе всего самого хорошего.

Твой

Константин Симонов.

Впервые фрагмент из этого письма — в *РСТ*, полностью — Р. Солнцев, «С товарищеским приветом — К. С.» («Константин Симонов в воспоминаниях современников»).

Окуджава Булат Шалвович (р. 1924) — русский советский писатель.

А. Г. Ф-ву

⟨Апрель — май 1964 г., Москва⟩

Дорогой Алексей Григорьевич!

С большим интересом прочитал Вашу книгу воспоминаний. Это одна из самых интересных документальных книг — мемуаров об авиации в годы Великой Отечественной войны, и если бы возник вопрос о рецензии или заметке об этой книге в тот или иной журнал или газету, я бы с удовольствием в самом положительном смысле отозвался о Вашей работе.

Но в то же время должен Вам сказать по-товарищески, по-честному, что я считаю себя не вправе писать Вам рекомендацию для приема в Союз писателей. Ваша книга ценна жизненным материалом, положенным в ее основу. События изложены в ней просто и ясно, без ложных красот, без всякой литературщины. В этом ее достоинство как документальной книги. Но считать ее самостоятельным художественным произведением, а Вас — человеком, который может стать писателем, я не имею оснований.

Если рекомендовать Вас в Союз писателей, то с таким же основанием можно было бы рекомендовать в Союз писателей целый ряд наших военачальников и командиров, написавших свои воспоминания о Великой Отечественной войне, изданные ныне книжками. Я думаю, что это было бы неправильно делать. Мы уже совершали ошибки в этом смысле, и в итоге получалось, что хороший человек, с замечательной биографией, написавший о собственной жизни и работе ценные воспоминания, который, после того как его из уважения к его личности и к его делам приняли в Союз писателей, считая себя писателем, начинал писать плохие повести и романы, терпел горькие обиды и разочарования, которых вполне могло бы у него не быть.

Вот причина, по которой, высоко оценивая Вашу книгу как книгу документальных записей, я не могу, не покривив душой, дать Вам рекомендацию в Союз писателей.

Хотел бы, чтобы Вы не сердились на меня за мою прямоту. Если рассердитесь — то зря.

Жму Вашу руку.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

P. S. Если бы речь шла о приеме Вас в Союз журналистов, я бы, разумеется, охотно дал Вам рекомендацию. Но Вы, наверное, уже давно состоите в этом Союзе.

Датируется по содержанию.

В БУХГАЛТЕРИЮ ПОЛИТИЗДАТА

30 июля 1964 г., ⟨Москва⟩

Прошу авторский гонорар, причитающийся мне по сборнику «В редакцию не вернулся...», переслать или передать Елене Николаевне Ксенофонтовой, дочери погибшего фронтового фотокорреспондента младшего лейтенанта Николая Ксенофонтова.

Константин Симонов.

30 июля 1964 года.

...гонорар, причитающийся мне по сборнику «В редакцию не вернулся...»...— В этом сборнике (М., Политиздат, 1964) Симонов напечатал воспоминания «С «лейкой» и блокнотом» (о фотокорреспондентах П. Трошкине и М. Бернштейне), «Предпоследняя глава» (о Е. Петрове), послесловие «Мы помним!..».

Ксенофонтов Николай Петрович (1917—1945). Н. Ксенофонтов погиб 21 марта 1945 г. при штурме Бреслау (Вроцлава), дочь родилась уже после его гибели. В сборнике «В редакцию не вернулся...» Н. Ксенофонтову посвящены воспоминания Д. Холендро «Папа Коля», о его гибели рассказывается в воспоминаниях С. Борзенко «На поле брани». В письме комментатору этого тома от 27 января 1986 г. Д. Холендро рассказал историю письма Симонова в бухгалтерию Политиздата. При подготовке сборника «В редакцию не вернулся...» возникла идея отдать гонорар Е. Н. Ксенофонтовой как одной из последних сирот войны. «⟨...⟩ требовалось согласовать это с К. М. Симоновым, редактором издания. Мы пошли к нему, он поддержал тоже, но сказал, что это дело каждого автора, надо написать всем письма, ни на чем не настаивая, кто сколько захочет, столько и отдаст — часть, половину или все. Мы с Корзинкиным (один из составителей сборника.— *Л. Л.*) написали это письмо. Ответы пришли быстро (в бухгалтерию Политиздата), и все согласились — на половину или на все ⟨...⟩

Мы с К. М. Симоновым написали письмо Лене, говоря, что она может и должна считать эти деньги полученными от отца и лучше всего использовать их на то, чтобы спокойно сдать экзамены и получить образование. Так она и сделала, поступив в медицинский техникум».

П. А. САТЮКОВУ

8 октября 1964 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Павел Алексеевич!

Хочу информировать Вас о некоторых впечатлениях, сложившихся у меня после ряда поездок в командировки, и предложить, как мне кажется, важную тему для выступления на страни-

цах «Правды». В течение этого года я побывал на ряде строительств в Мурманской области (Заполярный, Никель), в Красноярском крае (Норильск, Дивногорск, Красноярск), в Иркутской области (Братск, Железногорск, Марково), в Якутии (Мирный, Чернышевский).

Среди других вопросов, которые меня интересовали, были вопросы о текучести рабочей силы и о коэффициенте занятости населения, в особенности в условиях отдаленных северных строек. Я много раз говорил на эту тему с партийно-хозяйственными и профсоюзными работниками, работниками культуры, с рабочими и инженерно-техническим персоналом.

На основании всех этих разговоров я пришел и не мог не прийти к выводу, что, кроме других причин, текучесть рабочей силы и недостаточно высокий коэффициент занятости на отдельных строительствах вызваны неправильно складывающейся практикой проектирования детских учреждений, школ, кинотеатров, домов культуры, спортивных сооружений, предприятий общественного питания и других мест, связанных с заботой о детях, о бытовом обслуживании, отдыхе и культурных развлечениях взрослого населения, в том числе молодежи.

Несколько примеров для иллюстрации.

В городе Никель, с двадцатитысячным населением и огромным количеством молодежи, до сих пор не закончен Дом культуры; есть одно маленькое кино на триста мест, билеты в которое распределяют на работе цеховые комитеты и в которое люди не могут попасть чаще раза в месяц. В Мирном при населении в двадцать тысяч на очереди для записи в детские сады и ясли стоят более тысячи детей. При длинной северной зиме из всех городов и поселков, в которых я был (не считая Братска), только лишь в Норильске есть нормальный, хороший спортивный зимний зал.

Можно привести целый ряд других фактов. О каждом таком факте, взятом в отдельности, мы обычно пишем. Но думается, что пришло время посмотреть в корень этой проблемы и подсчитать, во что практически обходится государству сложившаяся практика проектирования культурно-бытовых учреждений во вторую и даже в третью очередь, а детских учреждений — без учета реальных масштабов рождаемости.

К чему это приводит, в особенности в сочетании с отсутствием заботы о бытовых удобствах населения, можно увидеть на примере Мирного. Как мне сообщили в горкоме Мирного, при населении города в двадцать тысяч в него ежегодно приезжает восемь — десять тысяч человек и столько же, то есть восемь — десять тысяч каждый год, уезжает из него. Я бы сам не поверил этим цифрам, если бы мне их сообщили не секретари горкома.

Какие причины этого, если говорить о Мирном? Помимо отдаленности и суровых условий жизни причинами являются отсутствие бытовых удобств: один из самых холодных городов нашей страны после семи лет существования до сих пор практически не имеет канализации; недостаток детских садов (тысяча детей на очереди); недостаток культурных учреждений.

При том количестве молодежи, которое живет в новых городах и поселках, рождаемость примерно вдвое выше тех норм, исходя из которых проектировщики планируют количество мест в детских садах и яслях. Коэффициент занятости на северных стройках, конечно, выше, чем в среднем по стране; как правило, семейные пары едут в суровые условия Севера с намерением устроиться так, чтобы работали и муж и жена. Но на пути к этому стоит такое препятствие, как недостаток детских садов и яслей и недостаток школьных помещений, практически исключающий возможность занятий с продленным днем. В результате огромное количество женщин лишено возможности работать, и это приводит сплошь и рядом к отъезду многих семей со строек.

Оставляя в этом письме в стороне моральные факторы, хочу остановиться на другом — на необходимости тщательного подсчета, во сколько сложившееся положение обходится государству. Думаю, что такой подсчет приведет нас к выводу, что экономия на количестве детских учреждений, экономия на строительстве кино, клубов, кафе, спортзалов оборачивается громадными лишними затратами государственных денег. Эти затраты складываются из:

1. необходимости строить очень большое количество излишней жилищной площади, которую можно было бы не строить, если бы в этих городах было достаточное количество яслей, детских садов и школ с продленным днем, и тысячи матерей, которые живут в этих городах, но не работают, могли бы работать, что, как правило, соответствует их желанию;

2. громадных расходов на подъемные и проездные, которые государство вынуждено оплатить громадному количеству людей в результате очень большой текучести рабочей силы;

3. потерь, которые государство несет в результате недостаточно высокой производительности труда людей, слишком часто сменяющих друг друга и каждый раз заново привыкающих к специфическим условиям Севера.

Если сложить все это вместе взятое, то я убежден, что в результате эти суммы будут намного больше, чем суммы, которые надо было дополнительно потратить на своевременное широкое строительство детских и культурных учреждений, на улучшение быта, удобств жизни, то есть на те мероприятия, которые бы, несомненно, привели к резкому уменьшению текучки и к значительному повышению коэффициента занятости населения.

Наряду с этими — основными — есть и ряд других назревших вопросов. Например: у нас на Севере работают сотни и сотни геологических экспедиций, в суровых условиях, годами. А будут работать тысячи таких экспедиций. Между тем до сих пор нет типового проекта поселка геологов — легкого, теплого, удобного для доставки к месту и включающего в себя все необходимые объекты: школу, детский сад, клуб с кино, столовую, прачечную и другие бытовые учреждения. У нас продуманы архитекторами-планировщиками целые наборы микрорайонов. Каких и где только не строят микрорайонов! А вот такой микрорайон, как стандартный поселок геологов, до сих пор не разработан и не внедрен. А это тоже связано и с проблемой текучести, и с проблемой занятости.

Причем проблема коэффициента занятости обостряется еще и тем, что содержание каждого человека на Севере обходится государству по крайней мере в два раза дороже, чем содержание его в средней полосе. Подсчитывая, что дорого и что дешево, надо иметь в виду и эту сторону дела.

Что я предлагаю. Избрать три-четыре населенных пункта на Севере (в числе этих трех-четырех конкретно предлагаю взять город Мирный и город Никель) и направить в командировки для всестороннего изучения вопроса на месте редакционные двойки, каждая в составе корреспондента и опытного экономиста. Надо с карандашом в руках (сначала с карандашом, а потом, когда будем подбивать итоги, может быть, и со счетной машиной) подсчитать, во что, например, обошлось за последние три года Мирному отсутствие достаточного количества детских садов и яслей, школ с продленным днем, культурно-бытовых учреждений, отсутствие канализации и других удобств. Надо подсчитать, каких затрат избежало бы государство, если бы текучесть рабочей силы в Мирном была не десять — восемь тысяч в год, а вдвое меньше — пять — четыре тысячи, а коэффициент занятости был бы при этом на несколько десятков процентов выше. И надо после этого сопоставить полученные цифры с цифрами затрат на детские, культурно-бытовые и иные учреждения и благоустройства, затрат, которые бы сделали город иным — более приемлемым для жизни — и которые позволили бы — я убежден в этом — по крайней мере вдвое снизить текучесть рабочей силы.

Когда мы все это подсчитаем по трем или четырем населенным пунктам, подсчитаем дотошно и тщательно и подобьем итоги, то на эту тему, на мой взгляд, следует выступить в «Правде» с постановочной статьей, которая бы поставила вопрос о необходимости внесения целого ряда изменений в планирование строительства городов на Севере, а возможно, и не только на Севере.

Я со своей стороны готов на основании собственных наблюдений, а главное, на основании собранных материалов написать

такую статью в любой нужной для редакции форме: в виде коллективного письма в редакцию, в виде статьи редакционной или подписной, словом, как это будет признано более целесообразным.

Прошу обсудить этот вопрос и привлечь меня к работе над этой темой, если разработка ее будет признана необходимой.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

8 октября 1964 года.

М. Б. ЧАРНОМУ

⟨1964 г., Москва⟩

Дорогой Марк Борисович, простите, что пишу Вам с промедлением. Оно вызвано только одной причиной: несколькими подряд поездками.

Большое спасибо за книгу. Я с большим интересом читал ее. В особенности много мне дали Ваши статьи о Горьком, о Маяковском и «Последний вечер у Луначарского». А из этих трех статей с самым большим интересом прочел про Горького. У Вас как-то очень хорошо, интересно выставились все эти годы, и, когда прочтешь эту статью, возникает не только ощущение живого Горького, но и его живых литературных и политических взглядов в их движении. Правда об этом — сложная правда, и Вы не убоялись этой сложности. И это очень привлекло меня к Вашей статье.

Насчет диалога «Человек на войне» я как-то немножко теряюсь,— что писать Вам? Ведь автор книги, которая еще, как говорится, не отвалилась от души, еще где-то так и продолжает жить приросшей к ней, судья плохой и малокомпетентный в отношении правоты или неправоты критических мыслей по адресу этой книги. Плохой, некомпетентный, добавлю — пристрастный.

Но если попробовать отвлечься от этого и сказать, что мне прежде всего дорого в Вашей статье, касающейся на этот раз меня,— мне больше всего дорого то, что, расходясь в каких-то оценках эстетических, психологических, мы с Вами, как мне кажется, похоже думаем о том времени, про которое я писал, и близки в оценках самого главного, то есть именно этого времени.

И еще я был рад тому, что, рассматривая в этом диалоге вместе с моей книгой книги Бондарева и Бакланова и указывая на многие различия, которые есть между этими книгами, Вы в то же время, в противоположность многим товарищам, и подробно и вскользь писавшим на эту тему, не противопоставляете одно другому, чувствуете и понимаете, что о войне не только может, но и должно быть написано многое и разное многими и разными и по-разному на многое смотрящими людьми. Ох, как часто нам этого не хватает

в критике! Я говорю, конечно, не только о критике произведений на военные темы, а гораздо шире.

Еще раз спасибо за книгу.

Спасибо большое и за вырезку.

Жму Вашу руку

Ваш

Константин Симонов.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

Чарный Маркус Борисович (1901—1976) — русский советский писатель, литературный критик.

...спасибо за книгу.— М. Ч а р н ы й. Направление таланта. Статья и воспоминания. М., «Советский писатель», 1964.

...Ваши статьи о Горьком, о Маяковском и «Последний вечер у Луначарского»...— Речь скорее идет о мемуарных очерках, широко опирающихся на воспоминания автора,— «Горький в Италии», «Маяковский в нашей газете».

...диалога «Человек на войне»...— Статья М. Чарного написана в форме диалога.

...вместе с моей книгой...— Роман «Живые и мертвые».

...книги Бондарева и Бакланова...— Речь идет о повестях Бондарева Юрия Васильевича (р. 1924) «Батальоны просят огня» (1957) и «Последние залпы» (1959) и Бакланова Григория Яковлевича (р. 1923) «Пядь земли» (1959).

Датируется по содержанию.

В. Р. ЩЕРБИНЕ

24 декабря 1964 г., Москва

Дорогой Владимир Родионович, к сожалению, я лишен возможности присутствовать на обсуждении двух полутомов «Литературного наследства», посвященных литературе эпохи Великой Отечественной войны. Но я ознакомился с общим составом томов, с расположением материала, а также с рядом рукописей и хотел бы высказать свое мнение.

Мне кажется, что сделана большая и хорошая работа. Состав томов мне кажется интересным, разнообразным и объективным. Я думаю, что после выхода этих томов представление читателя о нашей литературе в эпоху Отечественной войны и о деятельности писателей очень существенно дополнится. Так я оцениваю эту работу на данном этапе в целом. А теперь несколько частных соображений.

1. Вступительная статья Бялика (меня познакомили с нею

в том предварительном виде, в котором она сейчас существует), думается, в основном отвечает той задаче, которую можно поставить перед такой статьей. Задача эта очень трудная, и в принципе Бялик, на мой взгляд, с ней справился. Недостаток статьи — некоторое излишество суждений общего характера. В целом ряде мест статьи они абсолютно необходимы, а в некоторых на данном этапе, как мне кажется, восполняют недостаток фактического материала. Мне кажется, в статью надо добавить целый ряд фактов, дополнительно иллюстрирующих правильные авторские положения. Статья эта — не словарь имен, и это, может быть, стоит даже оговорить, но в то же время каждый вывод должен опираться на сумму литературных фактов. А этого в статье порой не хватает.

Одно частное замечание, касающееся второй страницы статьи. Там речь идет о сообщении ТАСС от 14 июня. Сообщение это было на самом деле направлено и внутрь и вовне. Смысл его заключался в том, чтобы сказать немцам: мы осведомлены о ваших приготовлениях и ставим вас об этом в известность; в то же время мы попрежнему не хотим и не собираемся воевать и поддаваться на какие бы то ни было провокации. Беда не в том, что было опубликовано сообщение ТАСС,— в его публикации был известный смысл,— беда в том, что, извещая немцев, что мы осведомлены об их приготовлениях, мы в то же время не провели действенных практических мер в области собственных приготовлений и в смысле готовности номер один или готовности номер два в армии и в смысле хотя бы конспиративно или полуконспиративно обеспеченной идеологической готовности. Это место стоит поправить, оно у автора не додумано.

2. Я жалею, что в состав сборников не вошла неопубликованная повесть Уткина. В ней много недостатков, присутствует известная искусственность, нарочитость, но в то же время это единственное прозаическое произведение покойного поэта, и, наряду со слабыми местами, в нем есть и места удивительно интересные. Я думаю, что ее можно было бы опубликовать с толковым предисловием. И если в дальнейшем по ходу дела выяснится, что она по объему могла бы войти в сборники, то стоило бы ее включить, а сейчас — во всяком случае — рассматривать в качестве резервного материала.

3. Я прочел военные заметки Пастернака. Они мне кажутся крайне интересными, очень ценными, глубоко патриотическими по своему духу. Именно такой материал, как этот, помогает составить правильное представление о действительном духовном единстве всех слоев нашего народа, в том числе и интеллигенции, в трудную годину фашистского нашествия.

Еще не читая материала, я думал, что он нуждается в чьем-то предисловии. Сейчас же вижу, что в предисловии он совершенно не нуждается. Наоборот, такое предисловие будет разжевыванием

того, что и так вполне понятно из самого текста записок. Я бы еще думал, что их следует снабдить только краткими деловыми примечаниями, касающимися времени, места и обстоятельств этой военной поездки Пастернака, первой половины которой я, кстати, был свидетелем.

4. Мне кажется, что ни в коем случае не следует вносить в текст публикуемых материалов купюры и исправления, имеющие характер модернизации. В частности, я увидел в материале Пастернака скобочки в двух местах, где по тому времени вполне к месту и с большим внутренним достоинством упоминается Сталин. Я категорически против таких купюр. Кому они нужны? Наличие таких упоминаний подчеркивает сложность проблемы Сталина для всей нашей литературы, для самых разных ее представителей. И не дело «Литературного наследия» изменять упоминания, свидетельствующие об этой сложности. Я упомянул об этой рукописи как о примере. Такую же позицию я занимаю к подобным упоминаниям во всех других рукописях. За исключением тех, в которых купюры делаются по личному настоянию самих авторов. Этого права у них отнять нельзя.

Я считаю также, что надо пресекать любые попытки менять задним числом тогдашнюю фразеологию, в частности, там, где написано «немцы», заменять это на «враги», «фашисты» и т. д. Такой тогда была фразеология, такой она и должна остаться на страницах «Литературного наследства». Мы в то время называли врага и фашистами, и немцами, как когда. И в том, что называли его и так и эдак, была — особенно в первый период войны — своя историческая закономерность, с которой не стоит бороться задним числом, тем более что под всеми материалами стоят даты, и каждому понятно, что тогда о многом могли писать и писали иначе, чем сейчас.

А в целом, повторяю, по-моему, выход этих томов будет замечательным делом.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

Прилагаю рукопись Пастернака и рукопись Бялика.

27 декабря 1964 года.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

Щербина Владимир Родионович (р. 1908) — русский советский литературовед и критик, член-корреспондент АН СССР, зам. директора ИМЛИ.

...двух полутомов «Литературного наследства»... — Речь идет о состоявшем из двух книг семьдесят восьмом томе «Литературного наследства»

«Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны» (М., «Наука», 1966).

...вступительная статья Бялика...— Бялик Борис Аронович (р. 1911) — русский советский литературовед. Статья: Б. Б я л и к. Подвиг советской литературы.

...о сообщении ТАСС от 14 июня.— «14 июня 1941 г. радиовещание и печать распространили в стране успокоительное сообщение ТАСС. В нем говорилось: «...слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, и происходящая в последнее время переброска германских войск... в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям». Какие бы внешнеполитические цели ни преследовало это сообщение, его обнародование за восемь дней до начала войны могло только притупить у нашего населения чувство бдительности» («Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история». М., Воениздат, 1957, с. 58—59).

...неопубликованная повесть Уткина.— Незавершенная повесть Уткина Иосифа Павловича (1903—1944) — «Рассказ майора Трухлева» (1942—1943), рукопись которой хранится в ЦГАЛИ.

...военные заметки Пастернака.— Военные очерки Б. Пастернака «Освобожденный город» и «Поездка в армию» не были напечатаны в «Литературном наследстве», а опубликованы в *НМ*, 1965, № 1, в общей подборке архивных материалов Б. Пастернака «Стихи и проза».

...этой военной поездки Пастернака, первой половины которой я, кстати, был свидетелем.— См. об этом *РДВ* (т. 9 наст. собр. соч.).

Такую же позицию я занимаю к подобным упоминаниям во всех других рукописях.— В «Предисловии» К. Симонова, А. Суркова, Н. Тихонова к тому «Литературного наследства», которому посвящено это письмо К. Симонова, говорилось: «...мы приветствуем и со своей стороны поддерживаем ту традицию редакции «Литературного наследства», которая последовательно проводится в этом томе,— традицию публиковать старые рукописи в их подлинном виде, сохраняя, как правило, и те строки, которые ныне, с высоты нашего исторического знания, кажутся неловкими, наивными или неверными. История есть история,— и это относится не только к истории фактов, но и к истории чувств» (кн. 1, с. 8).

О. А. БОГОМЯКОВУ

14 января 1965 г., Москва

Дорогой товарищ Богомяков, получил Ваше письмо. Ну что ж, видимо, Вы остаетесь при своих позициях, а я при своих, несмотря на нашу общую заинтересованность в том, чтобы получше рассказать людям об истории Великой Отечественной войны. Бывает так — люди хотят одного и того же, но пути к этому видят разные.

Думаю, что при всем значении упоминаемого мною в «Солдатами не рождаются» июльского приказа № 227 — о том, чтобы ни шагу назад! — я, как мне кажется, правильно оценил его в своей книге, а Вы несколько преувеличиваете, придаете приказу какое-то гипнотическое, неимоверное значение. Нельзя сводить все дело к хорошим приказам, хотя этот приказ был нужный и хороший. Если так смотреть на вещи, то возникает мысль, что подобный приказ можно было отдать и раньше. Однако раньше он не был отдан. Видимо, он явился результатом определенным образом сложившейся ситуации. И сказать,— как Вы это говорите,— что именно этот приказ впервые остановил советские войска,— значит забыть о сорок первом годе, о разгроме немцев под Москвой. Дело, между прочим, немалое, хотя этот разгром начался без зачтения в армии такого приказа, который понадобился в июле сорок второго года.

Думаю, что наметившийся в сентябре — октябре 1942 года перелом на фронте был связан не только с приказом, но и с результатами работы эвакуированной промышленности, с усилением нашей техники, которой уже все больше давалось в армию и при наличии которой нам удалось в ноябре сорок второго года начать Сталинградскую наступательную операцию. А если бы не было этой техники, если бы не были подготовлены резервы, вооруженные этой техникой, то, сколько ни отдавай приказов, наступления с такими огромными результатами не получилось бы.

К чему я веду речь? К тому, что нельзя вырывать из контекста войны один, даже очень важный, абзац — такой, как этот приказ,— и делать его чуть ли не символом победы. Он был очень, очень важен, повторяю еще раз, очень нужен в тот момент, но все-таки преувеличивать его значение не следует.

С товарищеским приветом

К. Симонов.

Москва, 14 января 1965 года.

Впервые с небольшим сокращением — в *СИД-1.*

...при всем значении упоминаемого мною в «Солдатами не рождаются» июльского приказа № 227...— Речь идет о приказе Верховного Главнокомандующего от 28 июля 1942 г. «В этом приказе излагалась суровая правда об опасном положении, создавшемся на советско-германском фронте, осуждались «отступательные» настроения, указывалось на необходимость любыми средствами остановить продвижение немецко-фашистских войск, предусматривались самые строгие меры ко всем, кто проявит в бою трусость и малодушие, намечались практические меры по укреплению боевого духа и дисциплины воинов» («История второй мировой войны», т. 5. М., «Наука», 1975, с. 165). В главах первой и пятнадцатой романа «Солдатами не рождаются» герои размышляют о приказе № 227.

О роли и значении этого приказа Симонов подробно пишет и в *РДВ* (т. 9, с. 132—134 наст. собр. соч.).

...придаете приказу какое-то гипнотическое, неимоверное значение.— В предыдущем письме О. А. Богомякову от 28 октября 1964 г. Симонов вежливо давал это понять: «Насчет приказа № 227 думаю, что Вы правы, когда говорите, что я недостаточно показал масштаб психологического перелома, связанный с этим приказом в армии. Это произошло, конечно, отнюдь не потому, что в черновике было так, а потом стало этак и что я сперва написал, а потом по чьему-то совету обкорнал. Нет, так я и написал, как напечатано, а просто не уделил этому столько места, сколько, очевидно, нужно было уделить. А произошло это потому, что у меня, по существу, для повествования взят период более поздний — январь 1943 года; 1942 год дан только в кратких отступлениях, и вот в эти отступления подробная расшифровка того психологического момента не вошла» *(АКС)*.

А. А. ЗИМИНУ

29 января 1965 г., Москва

Многоуважаемый Александр Александрович!

Благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу и дали возможность познакомиться с Вашей работой о «Слове».

Я прочел ее с захватывающим интересом. В том круге вопросов и научных споров, которые Вы затрагиваете в своей работе, я, человек очень мало компетентный, боюсь высказывать свое суждение и становиться на чью-либо сторону в этом научном споре. Я просто-напросто недостаточно образован для этого. Но мне хотелось бы в то же время высказать свой взгляд на Вашу работу в другом, более общем смысле.

Я, повторяю, прочел ее с громадным интересом. Думаю, что с таким же интересом ее прочли бы во всяком случае тысячи людей, так или иначе профессионально причастных к литературе и к истории литературы. И меня удивляет, что я читал не книгу, а номерной экземпляр стеклографического издания. Почему Ваша работа не издана книгой? Очевидно, к тому были препятствия. Задаю себе вопрос: почему могли возникнуть эти препятствия? Очевидно, потому, что другие ученые, может быть, многие ученые, допускаю, что большинство ученых, не разделяют Вашей, достаточно неожиданной точки зрения на «Слово», его автора и на время создания. Но одно дело не разделять, а другое дело ставить под вопрос возможность публикации книги автора, взгляды которого ты не разделяешь.

Не буду кривить душой: я читал Вашу работу, с одной стороны, с интересом, а с другой — с болью. Там, где вы как будто

начинали вынуждать меня соглашаться с Вами,— я огорчался. Там, где из скудного арсенала своих знаний я как будто подыскивал возражения против Вашей концепции,— я радовался. Мне не хотелось и не хочется переносить время создания «Слова» в XVIII век. Мне хочется, чтобы «Слово» было создано тогда, когда оно создано по моим привычным представлениям. В моем представлении о ходе развития русской литературы, если я соглашусь с Вами, выпадает какое-то очень нужное для меня душевное звено. Словом, мне очень хочется, чтобы Ваши оппоненты Вас опровергли и доказали мне, что Вы, несмотря на всю убедительность многих Ваших доводов, в конечном итоге не правы в этом научном споре. Но мне хочется, чтобы они Вас опровергли при всем честном народе. Чтобы в ответ на Вашу книгу появились другие книги или критикующие ее статьи, но именно в ответ на книгу. Мне не хочется верить в то, что кто-то боится сделать достоянием широкой публики Вашу точку зрения. Такая боязнь была бы в моих глазах признаком недостаточной веры в силу своих, направленных против Вашей концепции аргументов. А мне хотелось бы, чтобы эти аргументы были бы сильнее Ваших аргументов и чтобы Вы были публично разбиты в этом споре. Тем более что сама Ваша работа интересно написана, с полемической остротой, и полемика вокруг нее тоже обещает быть интересной и острой.

Уважающий Вас
Константин Симонов.

Москва,
29 января 1965 г.

Зимин Александр Александрович (1920—1980) — советский историк, доктор исторических наук, специалист по вопросам русской истории и литературы XI—XVIII веков.

...экземпляр стеклографического издания. — Речь идет о напечатанной на ротапринте обширной (45 печатных листов) работе А. Зимина, суть которой сводилась к тому, что «Слово» создано в конце XVIII века.

...чтобы Вас опровергли при всем честном народе. — В мае 1964 г. состоялось обсуждение работы А. Зимина в Академии наук СССР, на котором большинство участников подвергло ее положения серьезной критике (см. «Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве».— «Вопросы истории», 1964, № 9). Затем дискуссия была перенесена на страницы специальной научной печати. А. Зимин в журнальной статье «Когда было написано «Слово»?» изложил свою концепцию. Эта статья была опубликована в *ВЛ*, 1967, № 3. В том же номере журнала положения статьи А. Зимина опровергли Б. Рыбаков, В. Кузьмина, Ф. Филин — три их выступления появились под общим заголовком «Старые мысли, устарелые методы».

А. Т. ТВАРДОВСКОМУ

22 февраля 1965 г., Барвиха

Дорогой Саша!

Получил и прочитал юбилейный номер «Нового мира». Он очень хороший и — думаю, что это входило в замыслы редколлегии,— дает предметное представление о составе и направлении журнала. (Чтобы быть совершенно точным — хорошо все, за исключением дешеватого стихотворения Евтушенко. Ну, да бог с ним.)

Я с глубоким уважением к тебе и с такой же глубокой благодарностью прочел твою статью, написанную с решимостью сказать о связи литературы с жизнью, то, без признания чего литература не в состоянии выполнить свои обязанности перед народом. Ты поддержал честь и достоинство нашей литературы своей речью на съезде партии и теперь вновь сказал о том, чем должна и чем не имеет права быть наша литература, с еще большей уверенностью и силой. И право так говорить тебе дала не только твоя собственная литературная работа, но и то, как ты на протяжении долгих и трудных лет ведешь «Новый мир».

Хочу в день этого нелегкого, но тем более хорошего юбилея журнала крепко пожать твою руку, поздравить тебя и твоих товарищей по работе и пожелать журналу выполнения той, очень важной для всей нашей литературы программы ведения «Нового мира», которая дана в твоей статье.

Твой

Константин Симонов.

22.II.65.
Барвиха.

Впервые с небольшим сокращением — в *НМ*, 1985, № 11.

...юбилейный номер... — *НМ*, 1965, № 1; номер посвящен сорокалетию создания журнала.

Он очень хороший...— В этом номере среди прочих напечатаны произведения М. Карима, К. Федина, А. Кулешова, О. Берггольц, Е. Дороша, А. Ахматовой, И. Соколова-Микитова, К. Кулиева, И. Эренбурга, Г. Троепольского.

...стихотворения Евтушенко.— «Баллада о браконьерстве».

...прочел твою статью...— Юбилейный номер *НМ* открывается статьей А. Твардовского «По случаю юбилея».

...своей речью на съезде партии...— А. Твардовский выступал с речами на XXI и XXII съездах КПСС.

РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И КОЛЛЕКТИВУ РЕДАКЦИИ «НОВЫЙ МИР»

23 февраля 1965 г., Барвиха

Дорогие друзья!

От всей души поздравляю всех вас с сорокалетием «Нового мира».

Мне, человеку, в течение ряда лет причастному к работе журнала, особенно очевидно, как много, упорно и самоотверженно пришлось всем вам работать, чтобы журнал стал таким, каким он стал за последние годы.

Как одному из бывших редакторов журнала мне особенно хочется отметить редакторскую деятельность Александра Трифоновича Твардовского, к которой я отношусь с глубочайшим уважением и полным сочувствием.

Как и в жизни всякого журнала, в жизни «Нового мира» бывали и неудачи и полуудачи, но все равно именно этот журнал сегодня, среди всех других, говорит больше всего правды о жизни и непримиримей всех других относится ко лжи в литературе.

Пусть так будет и дальше! Ничего лучшего пожелать не могу — и как читатель, и как литератор, считающий для себя за честь сотрудничать в Вашем журнале.

Константин Симонов.

23.II.65.
Барвиха.

Впервые — в *НМ*, 1985, № 11.

В. М. ОМЕЛЬЧЕНКО

2 апреля 1965 г., Москва

Уважаемый Василий Михайлович!

Получил и прочитал Ваши письмо и повесть «Степан Прасолов».

Прочел повесть с интересом. Понравилось мне в ней то, что вся история Наташи и Степана воспринимается как правдивая, и то, что оба они хорошие люди, и каждый по-своему прав, и горе каждого из них вызывает сочувствие; хорошо и то, что о многом трудном пишете Вы тактично, сдержанно. Психологически верно дано и поведение Наташи, ее мысли, двойственность ее чувства к Степану, осознание непосильности взятой на себя жертвы — быть женой Степана. Верно дан и весь сложный путь, который прошел Степан, прежде чем решился уйти от Наташи.

Если говорить о недостатках, то прежде всего повесть несколько растянута, есть стилистические погрешности, повторы. Но это все легко устранимо.

Но встает один нравственный вопрос.

Вы сами пишете о «Русском характере», «Просто любви» и других произведениях примерно на эту тему, считая, что такие произведения, может быть, и были нужны во время войны и непосредственно после ее окончания, но что судьба людей, подобных Прасолову, от этого не становилась легче.

Мне думается, что вряд ли правильно утверждать, что судьба людей от таких произведений не становилась легче. Нравственное влияние таких произведений было, несомненно, велико и могло в ряде случаев подтолкнуть колеблющееся человеческое сознание к определенным поступкам, которые облегчали судьбы Прасоловых. Поэтому мне кажется, что Вы несколько односторонне подходите к этому вопросу.

Со времени окончания войны прошло двадцать лет. Видимо, в масштабах нашей страны есть сотни тысяч людей, инвалидов войны, жены которых продолжают с ними жить, свыклись с непоправимым несчастьем. Давайте говорить правду. У этой проблемы тоже две стороны. Почему многие и многие жены остались со своими мужьями, искалеченными войной? По глубокой любви? Да, бывало и так. Бывало и по-другому — оставались, исходя из своих нравственных правил, чувства долга, большой человеческой жалости, сострадания.

Но бывало и другое. Не надо забывать и такой вещи, что на войне погибло двадцать миллионов, и это поставило женщин в необычайно трагическое положение, когда перед огромным, подавляющим числом их не было и речи о свободе выбора, если женщина не хотела остаться одна, отказаться от замужества. Об этой стороне дела тоже нельзя забывать.

Вам, мне кажется, следовало бы задуматься о том, как прозвучит та правда, о которой Вы пишете, для этих людей. Ведь самую горькую правду можно и нужно сказать людям, если она может им помочь, если благодаря этой правде они поймут, что и как им надо сделать, что и как изменить в своем поведении, в своих взаимоотношениях с людьми, чтобы добиться счастья, любви, найти свое место в жизни.

Я лично не убежден, что сказанная в Вашей повести правда способна оказать такое действие на человеческие отношения. Ваша повесть навела меня на эти мысли.

Подумайте над тем, какое впечатление может произвести чтение повести на людей, подобных Вашим героям. Подумайте, может быть, над тем, чтобы, учитывая эту опасность и предусмотрев ее, Вам, как автору, что-то сделать в повести.

Конечно, повести пишутся не специально для какой-то определенной группы людей, а для широкого читателя, но среди них, естественно, будут и такие люди. Больше того: людям свойственно интересоваться в литературе судьбами, схожими с собственными их судьбами, так что, будь Ваша повесть напечатана, ее особенно пристально будут читать именно люди, подобные герою Вашей повести.

Повторяю, мне кажется, что все это должно заставить Вас, человека, видимо, хорошего и душевного, задуматься над этой жестокой стороной литературы. Подумайте над правдой повести в этом аспекте.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

Москва,
2.IV.65 г.

Впервые — в газ. «Известия», 1985, 24 ноября.

Омельченко Василий Михайлович (р. 1931) — русский советский писатель.

...прочитал... повесть «Степан Прасолов». — В письме в Комиссию по литературному наследию К. М. Симонова от 5 декабря 1981 г. В. Омельченко рассказывает: «Повесть была опубликована дважды: первый раз в том же 1965 году в издательстве «Прапор» (г. Харьков) в моем сборнике повестей «Одни сутки» без поправок и переделок; письмо Константина Михайловича я получил в начале апреля 1965 года, а повесть вышла осенью того же года — она ко времени получения письма была в производстве... Но в 1973 году я решил ее переиздать с учетом многих очень важных для меня советов К. М. Симонова. Так с доработками в сборнике повестей и рассказов «Впереди — день» в издательстве «Прапор» была опубликована повесть «Степан Прасолов» второй раз» *(АКС).*

...о «Русском характере», «Просто любви»...— Рассказ А. Н. Толстого «Русский характер» (1944), повесть В. Василевской «Просто любовь» (1944).

С. Я. ФРАДКИНОЙ

6 мая 1965 г., Москва

Москва, 6 мая 1965 года.

Дорогая Сарра Яковлевна, получил Ваше письмо. Хочу кратко ответить на Ваши вопросы.

История стихов, вошедших в книжку «С тобой и без тебя», следующая. Пять или шесть стихотворений из этого цикла были написаны перед самой войною, потом, в начале войны, в июле — августе месяце, были написаны стихи: «Жди меня», «Майор привез

мальчишку на лафете...», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...». Во время поездки на Южный фронт, в Одессе и в Крыму и во время плавания на подводной лодке были написаны стихи: «Над черным носом нашей субмарины...», «Я не помню, сутки или десять...», «Если бог нас своим могуществом...». Все остальные стихи были написаны во время поездки на Север, в октябре — ноябре сорок первого года, главным образом в разных длинных дорогах, которые приходилось совершать за время этой поездки.

В первых числах декабря сорок первого года, вернувшись в Москву, я привез с собой весь этот цикл. В нем было 25 стихотворений. Они, собственно, и составили эту книжку — «С тобой и без тебя». Стихи «Хозяйка дома» и другие — все это было написано уже в сорок втором году и позже, а в основном цикл был — 25 стихотворений.

Я действительно не думал о их печати, писал, совершенно не думая об этом. Потом, во время поездки по Северу, в особенности на Рыбачьем и Среднем полуостровах, где я был вместе с моим товарищем фотокорреспондентом Зельма, и он — сам любитель стихов — подначивал меня почитать то там, то здесь в землянках то те, то другие стихи. А потом слух об этих стихах пошел там кругом, и меня уже другие люди заставляли читать их. «Жди меня» слушалось с каким-то особенно пристальным вниманием, это верно.

Когда я вернулся в Москву, то в декабре я читал ее, эту книжку, нескольким товарищам, которым она понравилась. Потом дал два, по-моему, или три стихотворения из нее в «Красную звезду» — «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», по-моему, «Майор привез мальчишку на лафете...». Это было напечатано. Вместе с ними давал и «Жди меня», но в «Красной звезде» они почему-то не пришлись по душе.

Не помню, где-то примерно уже в это время, в январе или в феврале сорок второго года, возник вопрос о том, чтобы напечатать эти стихи где-то в журнале. Товарищи, читавшие их, все время советовали мне это сделать. Да, собственно, я и не видел особенных душевных препятствий к этому, просто не был уверен, что их напечатают. Дал, помнится, в «Новый мир» и в «Красную новь», и часть цикла была напечатана в одном журнале, а часть — в другом. Когда, точно не помню.

Если не ошибаюсь, в феврале сорок второго года я был у редактора «Правды» Поспелова; он спросил меня, нет ли у меня каких-нибудь стихов для «Правды». У меня ничего не было под рукой, я сказал ему, что есть только лирика. Он сказал: «Ну, что ж, лирика так лирика». Я прочел ему «Жди меня». Ему понравилось. Он вытащил с другого этажа Емельяна Михайловича Ярославского и заставил меня еще раз прочесть, уже при нем. Тому тоже понравилось. Кстати, там же в редакции возник спор по поводу эпитета

«желтые дожди», и тут меня поддержал Ярославский. Он сам был художником, писал картины и, объясняя этот эпитет, стал говорить, что бывают такие дожди, когда почва глинистая, и от этого дождь становится желтым. Хотя у меня лично ассоциировался эпитет «желтые дожди» с какой-то тоской, но это объяснение спасло мой эпитет от попыток его заменить на более привычный.

На следующий день стихи были напечатаны в «Правде». Дальнейшее известно.

Так что верно то, что я, когда писал эти стихи, не думал их печатать, но верно и то, что под влиянием восприятия людей, читавших и слушавших эти стихи, мне довольно быстро захотелось их напечатать. «Жди меня» тогда в моем сознании было просто-напросто одним из этих стихотворений, и я не придавал ему большего значения, чем всем остальным.

Моя песня о военных корреспондентах целиком и в неискаженном виде напечатана в сборнике «Три тетради», вышедшем в издательстве «Воениздат» в прошлом году.

Историю со шпионом Васильевым, напечатанную в журнальном варианте «Дней и ночей», я выкинул, готовя издание отдельной книгой, по доброму совету редактора Веры Васильевны Смирновой. И сделал это совершенно правильно, так как история эта была худо написана. А худо написана она была, в частности, еще и потому, что за ней не стояло никаких конкретных жизненных наблюдений, просто было желание обострить сюжет.

Что касается рассказа «Ловушка», напечатанного в журнале «Красноармеец», то такого рассказа просто-напросто не помню.

Эпизод с японским раненым, связанный со стихотворением «Самый храбрый» и с последней главой романа «Товарищи по оружию», имел место в действительности. Я сам был свидетелем этого эпизода, когда мы там, на Халхин-Голе, на аэродроме, после боев передавали пленных японцев.

В Лопатине от Павленко нет ничего, кроме, может быть, какого-то сходства внешности. Субъективно мне казалось, что я придал Лопатину некоторые человеческие черты писателя Бориса Лапина, с которым мы были вместе на Халхин-Голе и который впоследствии в начале войны погиб под Киевом. Но возможно, это чистое субъективное восприятие.

На Халхин-Гол я поехал очень просто. Сначала меня никто не собирался туда посылать, я был, как говорится, слишком молод и зелен, и я должен был ехать не туда, а на Камчатку в войска, но потом редактор «Героической красноармейской» — газеты, которая выходила там, в Монголии, в нашей группе войск,— прислал телеграмму в Политуправление Армии: «Срочно пришлите поэта». Ему понадобился поэт. Очевидно, в этот момент в Москве не нашлось никого более солидного по своему поэтическому багажу, чем

я, меня вызвали в ПУР что-то так в час или в два дня, а в пять часов я уехал на владивостокском скором в Читу, а оттуда уже и в Монголию. Так что единственная сложность заключалась в том, что между вызовом в ПУР и отъездом на поезде у меня было всего три часа времени. И даже переобмундировался там, в Монголии, ехал в штатском.

Ранений у меня не было, была легкая контузия в первых числах января 1942 года, когда я возвращался из Феодосии.

В военные годы замысла поэмы о солдате и о народе на войне у меня не было, были отдельные стихи по ходу войны. Но что понимать под военными годами? Если брать военные годы, начиная с тридцать девятого, с первого, так сказать, боевого крещения в Монголии, то я написал поэму о людях на войне. Она называется «Далеко на Востоке». Написана она в сороковом — в сорок первом году, закончена где-то в марте сорок первого — в преддверии Великой Отечественной войны. Если прочесть эту поэму, то нетрудно убедиться, что она была не только о минувшей, небольшой войне в Монголии, но и о будущей войне. Она говорила о необходимости самым серьезным образом отнестись, с точки зрения собственной душевной закалки, к этой надвигавшейся на нас возможности.

Мхатовскую постановку «Дней и ночей» я оцениваю высоко. Из четырех спектаклей, которые поставил МХАТ по моим пьесам,— это, на мой взгляд, безусловно самый лучший. Меня удивляло, как Кедров, человек, не имевший никакого личного представления о войне, в то же время удивительным чутьем художника чувствовал обыденность войны, ее реальность, ее труд, чувствовал все ее оттенки. Именно поэтому мне кажется, что спектакль был хорошим. Не говоря уже о сильном составе исполнителей.

Спектакль уже какое-то время шел во МХАТе, когда, по-моему, зимой сорок восьмого года ко мне — я жил тогда в Абхазии — приехал режиссер МХАТа Александр Михайлович Карев, привез «Культуру и жизнь», в которой была довольно сердитая статья о спектакле «Дни и ночи», и рассказал о том, что за этой статьей стоит посещение спектакля Сталиным, которому не понравилась камерность этого спектакля, что в нем нет настоящего размаха Сталинградской битвы.

Я лично не знаю таких подробностей, чтобы Сталин критиковал спектакль именно за то, что там нет Военного совета или недостаточно военной техники, но то, что в спектакле нет масштабов Сталинградской битвы, ему не понравилось.

Положение мое было безвыходным. Сталинградская битва в ее оборонительный период именно и состояла из десятков и сотен таких узлов сопротивления, один из которых был описан мною под наименованием «батальона Сабурова». Все эти узлы сопротивле-

ния, вместе взятые, с их упорной борьбой, были огромной битвой. Но огромной битвы в понимании того, как битва представляется людям, глядящим на Севастопольскую или Бородинскую панораму,— такой огромной битвы в Сталинграде не было и не могло быть в этот оборонительный период. Единственно, до чего мы договорились с приехавшим ко мне Александром Михайловичем Каревым, это до того, что я вставил в трех или четырех местах инсценировки упоминание о мощной артиллерийской поддержке с левого берега Волги. Тут я нисколько не кривил душой — это вполне соответствовало действительности. В самом деле, не помогай защитникам Сталинграда всей своей мощью с того берега наша артиллерия,— они бы не удержались на том краешке над Волгой, на котором они сидели. Но эти три-четыре поправки, которые увез с собой в Москву режиссер, видимо, никого не устроили, в итоге вскоре спектакль был снят. Не то снят, не то он уже до этого был снят и его не возобновили, теперь уже не помню, как было.

На Ваш восьмой вопрос насчет пьесы «Русские люди» мне трудно ответить. Самокритическая фраза в одной из статей, которую я написал не то в сорок шестом, не то в сорок седьмом году, относившаяся к «Русским людям», не была неискренней. Мне отнюдь не казалась ни тогда, ни теперь эта пьеса венцом совершенства. Но, может быть, в данной статье известную роль сыграло то, что, говоря о недостатках других пьес других авторов, я считал неправильным не упомянуть о себе и выдвинул в отношении собственной пьесы «Русские люди» упрек, в какой-то мере, может быть, и правильный, но в то же время поверхностный, не подкрепленный анализом. Но, в общем, это сложная проблема, и мое авторское мнение нет смысла принимать в расчет.

Толстой для меня всегда был писателем, которого я больше всего любил и который с наибольшей силой отвечал всем моим мыслям и чувствам, в том числе и моим чувствам и мыслям, связанным с войной. Что к чему больше или меньше тяготеет, мне самому судить трудно. Но, конечно, Толстой очень сильно влиял на меня. И мне вообще трудно представить себе, чтобы писатель, пытающийся в меру своих сил написать войну правдиво и будничнo, как великий и страшный труд, и делающий это вполне сознательно,— мне трудно представить себе, чтобы такой писатель мог не испытывать на себе влияния Толстого.

Да, я собираюсь довести некоторых из героев своих романов до дня победы — тех из них, которые останутся к этому времени живы.

На Ваш последний вопрос насчет лиризма поэзии и деромантизации прозы мне трудно ответить. Судить обо всем этом — не дело автора. Могу только сказать, что сознательно я не противопоставлял никогда одного другому. Да и вообще, если пишешь всерьез и от

души, очень мало думаешь сам о таких вещах, хотя, возможно, в итоге объективно они и получаются.

Вот, пожалуй, все, что пока могу Вам ответить.

С товарищеским приветом. Жму Вашу руку.

Ваш

Константин Симонов.

Впервые небольшие фрагменты этого письма — в кн.: С. Я. Фрадкина. Творчество Константина Симонова, с. 36, 94, 199.

Зельма Георгий Анатольевич (р. 1906) — фотокорреспондент.

Это было напечатано. — «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» — под названием «Письмо другу» (*КЗ*, 1942, 3 февраля), «Майор привез мальчишку на лафете...» — под названием «Воспоминание» (*КЗ*, 1941, 20 декабря).

Когда точно, не помню. — Стихи Симонова были напечатаны — *НМ*, 1941, № 11-12, журн. «Красная новь», 1942, № 1-2.

...в феврале сорок второго года я был у редактора «Правды»... — Симонов ошибся: «Жди меня» опубликовано в «Правде», 1942, 14 января. См. об этом также *РДВ* (т. 9, с. 37—38 наст. собр. соч.).

Поспелов Петр Николаевич (1898—1979) — советский партийный и государственный деятель, в те годы редактор газеты «Правда».

Ярославский Емельян Михайлович (1878—1943) — советский партийный и государственный деятель, в то время член редколлегии «Правды».

...песня о военных корреспондентах... — «Корреспондентская застольная».

Историю со шпионом Васильевым... — См. об этом также письмо Симонова С. Я. Фрадкиной от 30 марта 1964 г.

...имел место в действительности. — См. об этом халхин-гольские записки Симонова «Далеко на Востоке» (т. 10 наст. собр. соч.).

Лапин Борис Матвеевич (1905—1941) — русский советский писатель, на Халхин-Голе корреспондент «Героической красноармейской», во время войны — «Красной звезды».

На Халхин-Гол я поехал очень просто... — См. об этом халхин-гольские записки Симонова «Далеко на Востоке» (т. 10 наст. собр. соч.).

Мхатовскую постановку «Дней и ночей»... — «Дни и ночи» (инсценировка А. Винера) поставлены в 1947 г. М. Кедровым, О. Герасимовым, А. Каревым.

Из четырех спектаклей, которые МХАТ поставил по моим пьесам... — Кроме «Дней и ночей», во МХАТе были поставлены: в 1943 г. В. Станицыным и М. Кнебель «Русские люди», в 1947 г. М. Кедровым, А. Каревым, Г. Конским «Русский вопрос», в 1949 г. М. Кедровым и А. Каревым «Чужая тень».

...довольно сердитая статья о спектакле «Дни и ночи»... — Речь идет

о статье В. Кеменова «Дни и ночи» («Культура и жизнь», 1948, 21 января).

Самокритическая фраза в одной из статей... — Речь идет о следующем месте из доклада Симонова «Драматургия, театр и жизнь» на Всесоюзном совещании театральных деятелей и драматургов в ноябре 1946 г., созванном ССП и Комитетом по делам искусств в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению»:

«Не будем думать о том, что безусловно плохо, а упрекнем себя и за то, что недостаточно хорошо для художника социалистического общества.

Если мы к этому вопросу подойдем так серьезно и глубоко, то мы увидим, что мы упомянуты (в Постановлении ЦК. — *Л. Л.*). Упомянуты, хотя и не названы по именам. Упомянут Корнейчук, который не сумел в пьесе «Фронт» дать положительных героев армии хотя бы на том же художественном уровне, на котором он показал отрицательных. Упомянут Симонов, который в пьесе «Русские люди» не сумел подняться выше русского патриотизма и не показал, что такое патриотизм советский» (*ЛГ*, 1946, 23 ноября).

Э. А. ФЕЙГИНУ

12 июля 1965 г., Москва

Москва, 12 июля 1965 года.

Дорогой Эммануил Абрамович, я получил Вашего «Мальчика», находясь недалеко от Вас — в Гульрипши, но оттуда не успел написать Вам.

Книга мне понравилась. Она хорошая, чистая, добрая и в то же время и суровая,— там, где людям приходится быть суровыми, где им без этого не обойтись. В этом смысле кусок «В степной коммуне» — очень, кстати, хороший — был для меня как бы душевным камертоном для всей книги.

Образ человека из этой книги вырастает живой и привлекательный. Но еще важнее, что за этим образом человека вырастает образ поколения, которому, в общем, принадлежит и он, и Вы, и я.

Книга показалась мне привлекательной и по своему жанру. Документальность и романное начало не только уживаются в книге, но как бы и украшают даже друг друга.

Название книги мне не понравилось, показалось, что оно не идет ни к герою книги, ни к поколению, о котором Вы пишете.

В этом Вы, пожалуй, может быть, бессознательно, отдали дань современной литературной моде.

Прочтя книгу, был очень рад, что могу искренне написать Вам о ней добрые слова.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

Фейгин Эммануил Абрамович (1913—1985) — русский советский писатель.

...получил Вашего «Мальчика»... — Э. Фейгин. Мальчик пляшет под дождем. М., «Детская литература», 1964.

...находясь недалеко от Вас... — Э. Фейгин жил в Тбилиси.

СОЛОВЬЕВУ

29 августа 1965 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый тов. Соловьев!

Из «Правды» мне переслали Ваше письмо, адресованное мне. Простите, что с таким опозданием отвечаю, почти все время был в разъездах и только сейчас взялся за разборку почты.

Вы резко осуждаете меня за то, как я в своей повести «Левашов» изобразил комиссара дивизии Бастрюкова.

В доказательство моей неправоты и своего мнения, что в природе не было никогда плохих комиссаров, Вы ссылаетесь на пример двадцати шести комиссаров, на кинокартину «Мы из Кронштадта» и на женщину-комиссара из «Оптимистической трагедии». Я бы мог перечислить Вам имена комиссаров, взятые не из литературных произведений, а тех, с которыми мне лично пришлось много раз встречаться на фронтах войны, людей, по праву носивших это высокое звание. Кстати, Вы, вероятно, не читали моих произведений, где немало места уделено именно таким комиссарам, являвшимся душой тех воинских частей, в которых они работали.

Что же касается правдоподобия или неправдоподобия существования таких типов, как Бастрюков, то это уж я беру на свою писательскую совесть. Вам, видимо, очень повезло в жизни, если никогда не приходилось, особенно в условиях тяжелых боев, встретиться с таким вот Бастрюковым. Мне, к сожалению, это довелось. И я не считаю себя вправе искажать то, что есть в жизни, и показывать одно только хорошее, замалчивая то, что бывает и не все так гладко, как хотелось бы. А в жизни с такими Бастрюковыми сталкиваются ведь тысячи людей, и если мы будем молчать о них, то читатели вправе будут сказать, что мы замазываем те недостатки, которые еще встречаются в политико-воспитательной работе, покрываем прохвостов, проникших в ряды партии. К сожалению, пока такие случаи еще есть, нельзя умалчивать о них и писать и о недавнем прошлом, и о настоящем только в радужных тонах — все чудно и все прекрасны.

Уважающий Вас

К. Симонов.

29 августа 1965 года.

Впервые с небольшими сокращениями — в *РСТ*.

И. П. Ж-НУ

31 августа 1965 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Иван Петрович, Вашу рукопись получил давно, но вскоре уехал, так и не успев прочесть ее, а возвращать, снова пересылать, не хотелось. И вот только сейчас выкроил время, чтобы прочесть и ответить Вам. Простите за такую задержку.

Говорить о рукописи буду в двух планах. Первый — это те проблемы, которые Вы поднимаете в своей рукописи. Второй — о ее художественной ценности.

Проблемы, собственно, две: значение и роль армии не только во время войны, но и в мирное время, и вторая — положение, место в жизни страны и роль в этой жизни уволенных в запас и на пенсию кадровых военных, командиров Советской Армии. В основном Вас занимает вторая проблема, и ей уделено основное место в рукописи. Вы пишете тут и о недостаточном внимании к уходящим в запас и по демобилизации командирам, и о необходимости расширения некоторых их прав, и о законном месте хозяев в тех городах, за которые сражались воины Советской Армии, и о необходимости продолжать и в запасе занятия военным делом, чтобы не отставать, и о правах и обязанностях уволенных в запас влиять на все стороны жизни страны, и о значении запасников и пенсионеров армии как организаторов и воспитателей гражданского населения и т.д.

Как человек, вся жизнь которого с самого детства и весь творческий путь которого связаны с жизнью нашей армии, я с глубоким сочувствием отношусь к Вашей беззаветной и безраздельной любви к ней, понимаю невозможность для людей Вашего склада оторваться от привычного армейского уклада жизни, отказаться от той дисциплины, четкости, умения подчиняться приказу и умения требовать безоговорочного выполнения Ваших приказов, от всего того, чем характерна жизнь командиров нашей армии и к чему Вы привыкли с юности. Не может у меня не вызвать сочувствия и тот горячий протест, с которым Вы выступаете против тех, порой еще не старых командиров, которые, уволившись из армии, ищут легкой, «курортной» жизни, а в худшем случае превращаются в спекулянтов, жуликов, выпивох. С моей точки зрения, Вы правильно ставите вопрос о моральном долге бывших командиров, в особенности членов партии, продолжать «оставаться в строю», включаться в гражданскую жизнь, в работу, особенно на тех стройках и в тех районах страны, где остро ощущается недостаток в работниках, в руководящих кадрах и имеющих опыт работы с людьми и достаточную политическую, а порой и техническую подготовку.

Однако при всем том, что я признаю и своевременность, и важность затронутых Вами проблем, есть одно «но», которое,

возможно, и вызывает сомнения и у Воениздата, и у других издательств (здесь я не касаюсь художественной стороны рукописи). Вся рукопись, от первой до последней строчки, как бы пронизана, хотели Вы этого или нет, чувством превосходства военного начала над гражданским, противопоставлением одного другому, я сказал бы, мечтой о внедрении в жизнь гражданского населения всех тех взаимоотношений, методов воспитания людей, дисциплины, строгого распорядка, которые присущи жизни армии.

В центре Вашего повествования как некая иллюстрация ко всем рассуждениям, публицистическим отступлениям, рассказам о судьбах отдельных людей стоит история с преобразованием заброшенных, отсталых Кочек, бывших оплотом спекулянтов, грязных дельцов, разных подонков, в передовой социалистический город: преображается город, преображаются люди прямо на глазах. И обязаны Кочки этому чуду, собственно, только энергии, воле, воинской выдержке и дисциплинированности бывших военных, которые «по праву завоеванному» считают себя хозяевами в Кочках. Пришедшие только что из армии «орлы» заставляют и гражданскую молодежь, рабочих тянуться за ними; в общежитии комнаты стали сразу похожи на казармы — койки заправлены по-военному, чистота, порядок; всех, вплоть до ребятишек, втягивают в обучение военным профессиям, не говоря уже о допризывниках... Одним словом, у меня лично, да, вероятно, не только у меня, осталось впечатление, что уход в запас и демобилизация это, ну что ли, «командировка» в гражданский мир для наведения там порядка, внедрения духа армии. Вот это, как мне кажется, вряд ли правильно.

Гражданское население — и во время войны, и в мирное время — делало и делает все, что от него требуется, а иногда и сверх того, для основного в жизни страны дела — для построения коммунизма. Жизнь и армии, и гражданского населения направляет одна и та же партия, в основе взаимоотношения людей лежит один для всех моральный кодекс. Вряд ли надо стремиться к тому, чтобы жизнь гражданского населения организовывалась бы по образу жизни армии, лишь с некоторым налетом демократизма. Строжайшая дисциплина армии, распорядок, регламентирующий все двадцать четыре часа в сутки — от сна, занятий, еды и до развлечений и писания писем,— все это необходимо в таком организме, как армия, но тягостно, ненужно, немыслимо в жизни гражданского, то есть подавляющего большинства населения страны. А вольно или невольно у Вас так получается, что вся страна должна жить и трудиться по-армейски.

А теперь о художественных качествах рукописи. Ее трудно отнести к какому-нибудь определенному литературному жанру. По построению своему она несколько напоминает гоголевские «Мертвые души»: Храбров путешествует по городам и поселкам, разы-

скивая старых своих однополчан, знакомится с новыми людьми — и это дает вам, как автору, возможность написать целую серию рассказов-очерков. Есть и сюжетная линия, есть полные публицистического пафоса страницы, есть лирические отступления, авторские размышления. Но все это очень неровно, разноценно, разностильно, очень растянуто, множество повторов. В общем, должен сказать, к большому своему огорчению, что художественного произведения у Вас не получилось. У меня совершенно нет времени дать подробный разбор вещи, как на примере одного из серьезных художественных просчетов остановлюсь на главе шестой второй части «Потап Потапович Петухов».

Спекулянт, проходимец, пьяница Петухов, бывший командир, хозяин дачи, у которого Горелов (несомненно, возбуждающий у Вас большую симпатию) снимает по спекулятивным ценам комнату. И этот самый Горелов, презирающий перерожденца Петухова, едет с ним на рыбалку, приглашает с собой Храброва, они вместе выпивают, пользуются пусть и своеобразным, но гостеприимством Петухова; мало этого, Горелов «с базара» перегоняет купленную Петуховым неизвестно как и неизвестно на какие деньги «Волгу». И если бы еще были какие-то намеки на желание перевоспитать, как-то повлиять на Петухова,— нет, ничего этого нет. Эта беспринципность и Горелова и Храброва просто неприятна и непонятна. Глава написана безвкусно, юмор натянутый, надуманный, некоторые места просто непонятны (например, о «шаловливых чужих бычках»), коробит упоминание рядом с «флотилией» Петухова нахимовской дороги к Синопской бухте... И чем дальше, тем хуже. И Ирочка, и история с «чудесным флакончиком», и описание «куриного парада», простите меня за резкость, все это не только не смешно, а просто пошло. Эта глава из рук вон плоха.

В рукописи на полях я пометил галочками те места, которые или по существу, или стилистически вызвали у меня возражения.

Как общее замечание — не понравилась мне та необычайная легкость, с которой преодолеваются все трудности, перерождаются люди. Местами это переходит не только в облегченный показ жизни, но и просто приобретает слащавость.

Вот все, что могу в основном сказать о своем впечатлении от чтения рукописи. Посылаю ее Вам одновременно с этим письмом.

Возможно, что со многим, мною сказанным, Вы не согласитесь. Может быть, пошлете рукопись еще кому-нибудь. Как говорится, ум хорошо, а два лучше.

Жму Вашу руку.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

31 августа 1965 года.

8 сентября 1965 г., ⟨Москва⟩

8 сентября 1965 года

Дорогие товарищи!

Мне переслали ваше письмо о моей книге, и я от души благодарен вам за то доброе, внимательное отношение к моей писательской работе, которое я почувствовал в вашем письме.

Конечно же и в этой книге моей, как и в предыдущих книгах, не все у меня вышло так, как хотелось. Одно удалось лучше, другое хуже. Я далеко не всем доволен — и сейчас, начиная новую работу над последним романом этого цикла — о конце войны, думаю о том, как бы написать его получше, как избавиться от некоторых художественных слабостей, которые проявились в моих предыдущих книгах и сейчас более очевидны для меня, чем раньше.

Но все это — одна сторона дела. А есть и другая. Вопрос о том, как писать войну — во всей ее тяжести или облегченно? Как писать героев войны — такими людьми, какими они были в действительности, или такими, какими их задним числом хотят видеть некоторые критики?

Вот в этих вопросах надо гнуть свою линию, качаться нельзя. И робеть перед критиками, которые хотят, чтобы ты приглаживал картину войны,— тоже нельзя.

И я рад был вашему письму не потому, что вы вообще хвалите мою книгу,— повторяю, в ней много недостатков,— а прежде всего потому, что вы поддерживаете в своем письме мою позицию, мой взгляд на войну. Вот за это главное вам спасибо, потому что для меня это важно.

А важно это для меня еще и потому, что перед Великой Отечественной войной тоже были у нас и в литературе, и в литературной критике такие лакировщики, которые вместо суровой правды требовали от писателей песнопений или сами писали такие песнопения. И с точки зрения готовности армии к войне деятельность таких людей тогда ничего, кроме вреда, не принесла. Да и сейчас возросшие попытки подобной деятельности тоже, думаю, ничего, кроме вреда принести не могут.

Желаю всего самого хорошего всему вашему армейскому комсомольскому коллективу.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

Впервые с небольшими сокращениями — в *РСТ*.

...и в этой книге моей... — Роман «Солдатами не рождаются».

...последним романом этого цикла... — Роман «Последнее лето».

15 сентября 1965г., ⟨Москва⟩

Дорогой Григорий Наумович!

Дорогой Владимир Александрович!

Хотел бы внести ясность в вопрос о форме моего дальнейшего участия в работе Экспериментальной студии.

Как вы помните, я с самого начала работы говорил о том, что первым и основным заместителем художественного руководителя должен быть кинематографист, режиссер, желательно при этом, чтобы он был еще и человеком, не чуждым литературе. Свою работу в студии я рассматривал как работу литературного советчика, если угодно, «выдумщика», и ни в какой мере никогда не рассматривал себя как человека, который может в условиях кинематографического производства в какое бы то ни было время и в какой бы то ни было форме практически помогать художественному руководителю студии.

До сих пор человека, о котором я тогда говорил, так и не нашли. Студия вот-вот войдет в стадию производства фильмов, и такого человека надо искать, и чем скорее, тем лучше. Боюсь, что без такого человека студии будет очень трудно вступить в производственный период.

Номинально числясь заместителем художественного руководителя студии и притом оказавшись еще в положении единственного заместителя, я оказываюсь в положении для себя неприемлемом. То, что я должен был бы делать по этой части, я делать не умею и не могу, не сумею и не смогу. А психологически это место вроде как бы считается занятым. Думаю, что с этим надо покончить.

Те обязательства, которые я на себя брал, мне думается, выполняю и готов выполнять в дальнейшем. Я был и готов быть литературным советчиком и «выдумщиком» сценариев и тем, но ни в коем случае не в качестве заместителя художественного руководителя, что ставит меня в ложное положение, а лишь в качестве одного из членов художественного совета студии.

Если по каким-нибудь причинам формального порядка я должен буду, по вашему мнению, какое-то время оставаться еще и членом правления студии, то я не возражаю, но прошу рассматривать это как временное явление, с которым тоже надо будет покончить. Чем скорее, тем лучше, ибо по характеру той помощи, которую я могу и готов оказывать студии, я, очевидно, буду иметь основания входить в ее художественный совет, но не буду иметь никаких оснований входить в ее правление.

Что касается моего заместительства, то прошу решить этот вопрос как можно скорее,— оно меня тяготит. Давайте договоримся, скажем, о месячном сроке — с нынешнего дня и по 15 октября. Я думаю, этого будет вполне достаточно.

Хочу еще раз подчеркнуть, что все сказанное ни в коем случае не означает моего выключения из работы студии. Я буду продолжать делать то, что я делал, но я не хочу числиться тем, кем я и не являюсь.

Крепко жму ваши руки.

Уважающий Вас

К. Симонов.

15 сентября 1965 года.

Чухрай Григорий Наумович (р. 1921) — советский кинорежиссер, в то время художественный руководитель Экспериментальной студии.

Познер Владимир Александрович (1908—1975) — киноработник, в то время директор Экспериментальной студии.

...как работу литературного советчика, если угодно, «выдумщика»... — Один лишь пример, подтверждающий это. Во второй половине 1964 г. Симонов прислал на студию рукопись (на 19 машинописных страницах), представлявшую собой замыслы восьми сценариев (один из этих замыслов напечатан в журн. «Искусство кино», 1985, № 11 — в предисловии к подборке публиковавшихся там писем Симонова), рукопись предваряло следующее письмо: «Я попробовал в самой краткой и сугубо предварительной форме записать несколько замыслов тех фильмов, которые, на мой взгляд, в принципе могли бы быть в течение ближайших лет осуществлены нашей студией. Это даже не заявки, а именно замыслы, на основе которых, если они кому-то покажутся стоящими, могли бы быть впоследствии составлены заявки.

Ни по одному из замыслов я сам, как автор, писать сценариев не собираюсь, но по любому из них готов выступать в роли советчика, в чем и вижу основной смысл своего участия в работе студии. А записал все это на бумагу потому, что, быть может, есть смысл познакомить с этими замыслами какой-то круг авторов, которых в той или иной мере может заитересовать работа над соответствующими сценариями» («Искусство кино», 1985, № 11, с. 103).

Л. М. ЯНОВСКОЙ

15 сентября 1965 г., ⟨Москва⟩

Дорогая Лидия Марковна!

Вернувшись из нескольких, навернувшихся одна на другую поездок, наконец прочитал обе Ваши рукописи.

И главная рукопись, и глава про «Мольера» очень интересны.

И написано хорошо, и материала много — интересного, разнообразного, часто на первый взгляд неожиданного, а в то же время вполне закономерного. В общем, это уже, очевидно, большая часть книги, которая обещает стать, наверное, первой большой, интересной книгой о Булгакове.

Я со своей стороны готов, чем смогу, содействовать превращению этой рукописи в книгу. Сообщите, пожалуйста, мне, какие у Вас перспективы, с каким издательством Вы намерены связаться или связались. Я готов сделать все для того, чтобы Вашу книгу включили в перспективный план и заключили с Вами договор. Не уверен в том, насколько мои возможности соответствуют моим желаниям, но все, что смогу,— сделаю.

В будущем году выйдет однотомник. Пишу это Вам, на всякий случай плюнув три раза через левое плечо, но все же надеюсь, что будет именно так. Затем на очереди «Мастер и Маргарита». Надеюсь, что не через год, так через два, не через два, так через три этот роман,— по-моему, лучшая вещь Булгакова (а если говорить об истории Христа и Пилата, то это вообще одни из лучших страниц русской литературы 20-го века) — будет напечатан. Вы, наверное, предусматриваете в своем труде главу об этом романе. Можно представить себе, как временное явление, выход избранных сочинений Булгакова без этого романа, но представить себе книгу о Булгакове без истории и анализа «Мастера и Маргариты» я, прочитав этот роман, не могу.

В вашей рукописи есть с чем поспорить. Литература и литературная критика — сложный вопрос. И в оценке тех или иных явлений критики двадцатых—тридцатых годов нельзя брать людей той эпохи отторженно от всего круга их деятельности, рассматривая их только как доброжелателей или недоброжелателей Булгакова. И среди принципиальных противников, и среди принципиальных сторонников Булгакова были очень разные люди, и их нельзя мерить только этой меркой их отношения к Булгакову. Иначе легко впасть во всякого рода исторические несправедливости, хотя бы эмоционально и вызванные тем, что судьба разбираемого в книге автора несла на себе печать трагизма.

Был или не был Маяковский на «Днях Турбиных», более или менее дружелюбно разговаривали они с Булгаковым при личных встречах — все это не меняет сущности дела. Маяковский, исходя из своих тогдашних литературно-политических позиций, не мог не быть решительным литературным противником Булгакова — это было бы противоестественно, и все это нет никакой нужды смягчать.

Я беру Маяковского просто как пример. Многие другие люди в ту эпоху не могли не быть литературными противниками Булга-

кова, но все это не означало, что кто-то вправе был наложить на уста Булгакова печать молчания и создать вокруг него обстановку, которая объективно мешала этому крупному писателю найти общий язык с эпохой. Говоря «эпоха», я имею в виду эпоху строительства социализма во всех ее сложностях.

Мне также думается, что, защищая Булгакова в связи с «Белой гвардией» от обвинений в чуждости, антисоветскости, контрреволюционности, Вы пытаетесь доказать недоказуемое — близость Булгакова к общепринятым у нас взглядам на революцию и гражданскую войну. Он в этом романе далек от общепринятых взглядов. В чем-то слеп, в чем-то удивительно прозорлив, не контрреволюционен ни в коем случае. Но, повторяю, далек. Конечно, этот роман — роман человека, презиравшего контрреволюционную шваль, но это роман не о революции, а о крестном пути русской интеллигенции в ходе революции, да вдобавок еще в специфических условиях гражданской войны на Украине.

Может быть, Вам еще раз стоит поглядеть рукопись с точки зрения уязвимости некоторых Ваших доказательств близости Булгакова к общепринятой точке зрения на революцию и гражданскую войну. «Общепринятая точка зрения» — понятие растяжимое, я его применил просто как термин. Думаю, что Вы понимаете то, что я хочу Вам сказать.

Как быть с рукописью — напишите. Повторяю, что я готов всячески содействовать ее включению в издательские планы и последующему изданию.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

15 сентября 1965 года.

Впервые с сокращениями — в *РСТ*.

Яновская Лидия Марковна (р. 1926) — русский советский литературовед. Печатаемое письмо — начало продолжительной переписки Симонова с Л. Яновской, посвященной ее работам о творчестве М.Булгакова и их издательской судьбе. Трижды — в 1965, 1967 и 1973 годах — Симонов читал рукописи Л. Яновской и писал на них письма-отзывы.

...заключили с Вами договор. — В том же году с Л.Яновской договор на книгу о М. Булгакове заключило издательство «Художественная литература». Книга не была издана.

...выйдет однотомник.— М. Булгаков. Избранное М., «Художественная литература», 1966.

...на очереди «Мастер и Маргарита»...— Роман «Мастер и Маргарита» был опубликован в журн. «Москва» (1966, № 11; 1967, № 1).

Х. ГУЛЯМУ

30 октября 1965г., Москва

Дорогой Хамид,

большая к Вам дружеская просьба. В наши с Вами узбекские солнечные края едет наш друг Рихтер — один из крупнейших писателей ФРГ и руководителей знаменитой «Группы 47», в которую входят все лучшие прогрессивные антифашистские силы Западной Германии. Он едет с женой и будет делать книгу о своей поездке.

Я никогда не забуду, как Вы помогли мне узнать и полюбить Узбекистан, поэтому и пишу Вам. Если Вы выкроите для этого время, покажите Рихтеру настоящий Узбекистан, чайхану, и стариков, и плов на ветерке, и лагман на Старом базаре, а не только те удобства, которые предоставляет «Интурист». Рихтер — писатель, и если он побывает, скажем, у нашего друга Джуракулова или у нашего друга Латыпова, это ему очень много даст для живого ощущения страны.

Я очень завидую Рихтеру, что едет он, а не я, но надеюсь, что если не осенью, то ранней весной мы еще с Вами вместе поездим по знакомым дорогам.

Сердечный привет всей Вашей милой семье от всего нашего семейства.

Обнимаю Вас

Ваш

Константин Симонов.

Москва,
3.X.65.

Впервые — в воспоминаниях Х. Гуляма «В Ташкенте» (см. «Константин Симонов в воспоминаниях современников»).

Рихтер Ханс Вернер (р. 1908) — немецкий писатель (ФРГ).

Джуракулов Умар (1894—1973) — советский мастер художественной керамики, создал школу самаркандской керамики.

Латыпов Туренбай (р. 1920) — Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Коммунизм» Сырдарьинской области.

Г. К. ЖУКОВУ

5 декабря 1965г., ⟨Москва⟩

Дорогой Георгий Константинович, мне хотелось сказать Вам, что Ваше письмо было большой радостью для меня. Я горжусь той оценкой моей писательской работы, которую Вы дали в своем пись-

ме. И поверьте мне, что я сделаю буквально все, что в моих силах, для того, чтобы во всю меру этих сил писать еще и еще все о том же — о нашей армии, о ее людях, о их великих и тяжелых трудах, о их дорого доставшихся им победах, о их сердцах и душах.

Желаю Вам здоровья. Поправляйтесь скорей.

Крепко жму Вашу руку.

Глубоко уважающий Вас

Константин Симонов.

5 декабря 1965 года.

Впервые — в *ЛГ*, 1985, 1 мая.

Жуков Георгий Константинович (1896—1974) — советский военачальник, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза.

...оценкой моей писательской работы, которую Вы дали... — В этом письме от 28 ноября 1965 г. Г.К.Жуков писал: «Своим многолетним и полезным трудом литератора Вы внесли большой вклад в сокровищницу мировой литературы, отразив в нем величие советского народа и его вооруженных сил.

Советские воины особенно высоко ценят Вас за правдивое отображение ратных дел их в вооруженной борьбе с врагами нашей Родины.

Желаю Вам, дорогой Костя, крепкого здоровья, многих лет жизни и успехов в Вашей творческой деятельности.

Не имея возможности по состоянию здоровья лично Вас приветствовать в день юбилея (28 ноября 1965 г. Симонову исполнилось 50 лет.— *Л. Л.*), мысленно обнимаю Вас и целую» (*АКС*).

В. В. ОВЕЧКИНУ

5 декабря 1965г., Москва

Москва, 5 декабря 1965 года

Дорогой Валентин Владимирович, был очень рад получить твое письмо. Спасибо тебе. Хотя письмо твое и невеселое, но был рад узнать из него, что ты собираешься домой, в подмосковные края. Напиши мне, пожалуйста. Может быть, я чем-нибудь могу быть тебе в этом смысле полезен — что-нибудь подсказать или что-нибудь заранее помочь устроить, наладить. Я с большой радостью сделаю все, что могу и сумею.

Что касается меня, грешного, то живу, в общем, неплохо, даже хорошо. Главным образом потому, что удается регулярно работать. Обычно половину времени и даже больше сижу на известной тебе даче, а немножко меньше половины — в городе. Сидел бы, может быть, на даче и погуще, побольше, но скучаю по семейству, которое может выбираться сюда только с вечера субботы до вечера воскресенья. Ребята учатся, а жена работает в институте.

Последнее время главным образом занимаюсь, в порядке подготовки к новой книге, разговорами с участниками войны и сидением в Подольском военном архиве. Я даже отдаленно не представлял себе, пока не влез в это дело, какое там колоссальное количество интереснейших материалов. И не абстрактно интересных, а просто-напросто необходимых для работы в самом прямом смысле. Видимо, до осени будущего года продолжу эти занятия и только после этого засяду писать.

Насчет новостей в литературной сфере, как тебе сказать? В общем, живу сейчас так, что не очень в курсе дела этих новостей. И оно, очевидно, и к лучшему. Если же сказать об общем ощущении, то происходят разные схватки, возня и метания то туда, то обратно. Но где-то под этим есть чувство, что все эти туда-обратные движения происходят все-таки на конвейере, движущемся хотя и медленнее, чем хотелось бы, но в одну, и при этом правильную сторону.

Может быть, я оптимист, но мне так все-таки кажется при всех многочисленных «но», с которыми приходится иметь дело и на которые нельзя, конечно, не обращать внимания.

То, что я написал,— это главное чувство. Есть и разные привходящие, но о них вряд ли стоит долго распространяться.

Недавно, разбирая архив, нашел в нем копию твоей большой статьи в «Правду», которую ты когда-то писал и дал один экземпляр почитать мне. Перечел ее и снова подумал о том, какой ты мужественный, хороший, настоящий человек. Человек, у которого большинству из нас, я бы добавил — почти всем, есть чему поучиться.

Очень рад буду увидеть тебя в Москве. Буду ждать твоего письма. А пока крепко жму твою руку.

Твой
Константин Симонов.

Впервые — в *ЛО,* 1985, № 10.

...в порядке подготовки к новой книге... — Симонов работал над комментарием к фронтовым дневникам сорок первого года «Сто суток войны».

5 декабря 1965 г., Москва

Москва, 5 декабря 1965 года.

Многоуважаемая Валентина Владимировна, спасибо за поздравление. Я был очень рад получить от Вас телеграмму и одновременно из этой телеграммы и из звонка саратовских товарищей узнать, что вы живы и здоровы.

Совсем недавно я нашел несколько первых военных блокнотов, которые считал безнадежно потерянными, и там обнаружил карандашные записи, сделанные под Могилевом, когда я Вас видел накоротке, где-то в лесу. Эти записи позволили мне сообщить саратовским газетчикам те данные, по которым они, к счастью, теперь Вас разыскали.

Тогда, в июле сорок первого, я напечатал о Вас небольшой очерк в «Известиях». Может быть, он Вам даже и не попадался на глаза. Скорей всего так.

Я буду рад Вас увидеть, как только к этому представится малейшая возможность, и буду очень рад, если Вы мне напишете пока еще до нашей встречи о себе и о том, как Вам тогда удалось выйти живой и здоровой из той каши, которая была под Могилевом.

Я сейчас занимаюсь своими дневниками того времени, составляю к ним современный комментарий, и для меня было бы очень дорого и важно Ваше письмо.

С глубоким уважением к Вам вспоминаю Вас такой, какой Вы были тогда, в июле сорок первого года,— маленькой мужественной женщиной, которую глубоко ценили за это мужество все окружающие ее люди.

Очень рад, что Вы живы и здоровы. Буду ждать письма от Вас, а пока крепко жму Вашу руку.

С товарищеским приветом, уважающий Вас

Константин Симонов.

Впервые — в *ЛР*, 1980, 9 мая.

...карандашные записи, сделанные под Могилевом...— Эти записи опубликованы в *РДВ* (т. 8, с. 96—97 наст. собр. соч.). Встреча с В. В. Тимофеевой послужила писателю первотолчком для создания в романе «Живые и мертвые» образа «маленькой докторши» Тани Овсянниковой.

...напечатал о Вас небольшой очерк...— Очерк «Валя Тимофеева» был опубликован под псевдонимом С. Константинов («Известия», 1941, 19 июля).

...для меня было бы очень дорого и важно Ваше письмо.— Выдержки из ответного письма В. В. Тимофеевой Симонов опубликовал в *РДВ* (т. 8, с. 98—99).

9 декабря 1965 г., Москва

Дорогой Эрлом, дорогой Георгий, я еще раз перечел Вашу «Жизнь Нико Пиросмани» и пришел к убеждению, что это второе чтение ничего не меняет в моих мыслях о сценарии. Очевидно, первое впечатление было точным, во всяком случае — с моей точки зрения. Поэтому мне остается изложить вам письменно главным образом то же самое, что я уже говорил устно при обсуждении сценария.

Сценарий, по-моему, хороший, — и что для меня очень существенно — я вполне реально представляю себе, как он может быть осуществлен на экране.

Двумя главными удачами сценария я считаю, во-первых, центральный образ самого Пиросмани — человека наивного и мудрого, вполне обыкновенного в одних своих поступках и совершенно необыкновенного в других. Вы даете ощутить глубину этого человека, не вкладывая разных премудростей в его уста. И это правильно. Мудрость его заключалась не в том, что он говорил, а в том, как он смотрел на мир и каким писал этот мир на своих картинах.

Созданный вами образ Пиросмани глубоко симпатичен мне и вполне соответствует тем представлениям об этом человеке, которые у меня постепенно сложились на протяжении двух десятков лет, что я знаю и люблю его картины. Мне кажется это важным не потому, что я придаю столь большое значение своим собственным представлениям о Пиросмани, а потому, что, как мне кажется, главным и наиболее достоверным источником информации о его жизни являются его картины. Именно по ним, я убежден, можно составить себе наиболее точное представление о личности художника, который создан в сценарии.

Так вот, на мой взгляд, в вашем сценарии образ Пиросмани выдерживает проверку его картинами.

Я с тревогой ждал эпизода с Маргаритой — каким он будет и сколько места он займет? И был очень рад за вас и благодарен вам, когда увидел, что этот эпизод занял очень скромное место и что эта пресловутая Маргарита проходит через сценарий мимоходом, как нечто отнюдь не столь важное в судьбе художника. Мне всегда казалось обидным, когда и в литературных сочинениях, и в рассказах о Пиросмани этому эпизоду, очевидно имевшему реальную основу в жизни, отводилось столь большое место, что иногда казалось, что людям, пишущим и рассказывающим об этом, этот изумительный художник интересен не сам по себе, а главным образом в свете его эффектной истории с Маргаритой. Вы поставили эту историю на свое место, лишили ее той дешевой эффектности,

которую она приобрела в некоторых рассказах и сочинениях, и она сразу стала печальной и правдивой — именно потому, что она рассказана мимоходом.

Я долго говорю об этом потому, что в какой-то мере ваш подход к этой истории был для меня вообще камертоном вашего подхода к Пиросмани в целом.

Итак, первая ваша удача — привлекательный и правдивый образ этого, казалось бы, неправдоподобного в своих странностях человека.

Вторая главная ваша удача — и она, разумеется, логически связана с первой — это сам способ, которым вы хотите дать на экране творчество художника, сам подход ваш к связи между его жизнью и его искусством. Этот подход лишен даже намека на пошлую иллюстративность. Связь между тем, чем живет Пиросмани и что он видит, и тем, что он пишет, дана у вас очень широко и многообразно. Но вы правильно пошли тут по пути не иллюстраций, а ассоциаций, иногда прямых и простых, иногда очень сложных и глубинных, иногда сочетающих в себе как бы несколько ассоциативных пластов сразу, от самого первого, внешнего, и до самого глубокого, внутреннего, как это, скажем, сделано в истории «Девочки с ягненком».

Очень трудно делать фильм о художнике. Мне кажется, что вы нащупали принципиально очень верный путь и смело пошли по нему. И в этом ваша вторая главная удача.

А теперь некоторые замечания и предложения, относящиеся главным образом к началу сценария.

Однако, прежде чем высказать их, я должен поставить один принципиальный вопрос, касающийся будущего фильма. На кого рассчитан этот фильм? На людей, пришедших в зал, уже зная и любя Пиросмани, или на людей, которые, только придя в зал и досмотрев до конца картину, узнают и полюбят его? Я думаю, что и для тех и для других. Иначе нет смысла делать фильм, который будут смотреть миллионы людей. Значит, берем как исходную позицию: люди, не знающие, кто такой Пиросмани, и не видевшие его картин, должны понять, во имя чего делается эта картина, о ком она делается, какого масштаба был этот художник. И чем раньше зрители начнут это понимать, тем будет лучше для восприятия фильма.

В связи со сказанным я бы внес предложение — специально обдумать начало сценария. Как я уже говорил вам при обсуждении (а сейчас я только утвердился в этом взгляде), я бы советовал найти способ в самом начале фильма, на титрах, рядом с титрами, перед титрами, наконец, между титрами дать галерею картин Пиросмани. Картин и деталей картин. Надо сразу дать зрителю ощутить, что перед ним проходят замечательные картины пре-

красного художника. Среди этих картин можно свести к минимуму те, которые потом играют роль в сюжете фильма, чтобы не возникало ощущения, что фильм есть рассказ о создании именно этих картин.

Мне кажется, что если зритель увидит в начале 10 — 15 — 20 картин и деталей картин, то у него появится большой дополнительный интерес к судьбе человека, написавшего вот это, только что виденное на экране. А уже вслед за этим перед ним должны открыться картины Тбилиси времен Пиросмани. Но я глубоко убежден, что эти картины надо дать в другом темпе и другими средствами, чем они даны сейчас в вашем сценарии, в экспозиции, которая мне кажется наиболее растянутой и наименее оригинальной его частью. Я бы советовал вам, после титров, или, если хотите, после пролога, данного на красках картин Пиросмани, вдруг перейти на старое немое кино, сопровождаемое музыкой того времени, и дать в очень быстром темпе, как бы на истертой, старой, поцарапанной пленке, сохранившиеся до нашего времени черно-белые хроникальные картинки тогдашнего Тбилиси, снятые в ритме немого кино, а потом, через новый резкий переход, вторгнуться в эту специально снятую черно-белую хронику вместе с Пиросмани, с его красками, с его друзьями и недругами, со всем тем, что составляет его живописный мир.

То, что я сказал здесь, и есть мое основное замечание и основное предложение. А теперь несколько дополнительных замечаний.

Во-первых, мне бы очень хотелось, чтобы в фильме была музыка того времени: очень не хочется, чтобы в нем звучала мнимо новаторская, а в общем уже затертая во многих фильмах электронщина, которая якобы должна иллюстрировать глубину и загадочность творческого процесса. Нет, пусть будет другая музыка. Пусть будет бубен, будет шарманка, будут народные инструменты того времени, а, может быть, где-то и старинный надтреснутый рояль.

Мне это кажется очень важным для общей тональности картины.

Мне кажется, что где-то там, где происходят встречи Нико с художниками, его выставка, есть и затянутость в эпизодах, и некоторая тавтология в диалогах, и некоторый схематизм в этих диалогах. В общем, в этих эпизодах есть какая-то потеря того качества, которое отличает весь сценарий. Я бы на вашем месте еще раз внимательно прошелся по этим эпизодам.

Мне кажется также, что перед людьми, делающими сценарий о Пиросмани, стоит нравственная задача — найти ту или иную форму, чтобы отметить деятельность людей, которым мы прежде всего обязаны сохранением большинства, или, во всяком случае, очень многих дошедших до нас картин Пиросмани. Я говорю о

братьях Зданевичах. На их деятельность в сценарии даже нет и намека, и мне кажется это несправедливым.

Посмотрите, пожалуйста, эпизоды, связанные с религиозными мотивами. Мне думается, что можно найти такие повороты (и это будет только правомерно и правдиво), при которых станет ясно, что вера Пиросмани в святого Георгия — это не столько вера в бога, сколько вера в добро и справедливость.

Думаю также, что вы верно сделаете, если подчеркнете, найдя для этого соответствующую форму, что рассказанная вами история — это не документальная история, а скорей основанная на устных преданиях легенда о человеке, от которого не осталось документов, если не считать самого главного и решающего документа — его картин, к которым вы прежде всего и обратились.

Вот, пожалуй и все. Если надо будет в русском варианте кое-где поискать адекватного звучания в диалоге, я в меру своих возможностей готов вам в этом помочь. А в остальном — в добрый час. Я очень верю в эту работу и голосую за нее.

Ваш
К. Симонов.

9 декабря 1965 г.,
Москва.

Ахвледиани Эрлом Сергеевич (р. 1933) — советский грузинский писатель.

Шенгелая Георгий Николаевич (р. 1937) — грузинский кинорежиссер.

...о братьях Зданевичах... — Зданевич Илья Михайлович (1894—1975) — русский поэт-футурист и критик; Зданевич Кирилл Михайлович (1892—1970) — советский художник. Братья Зданевичи в 1912 г. открыли Пиросмани, были организаторами его первых выставок, положили начало сбору и хранению его картин.

КРАСНОКАМСК, ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

10 января 1966 г., ⟨Москва⟩

Дорогие товарищи!

Получил ваше письмо. Тронут вашим вниманием, но дать согласие на то, чтобы вашу городскую библиотеку назвали моим именем, я, конечно, не могу. Мне вообще кажется абсолютно неправильным, когда что бы то ни было где бы то ни было называется именем живого человека. Мне думается, что называть, в частности, библиотеку именем писателя можно только тогда, когда он закончил свой жизненный и литературный путь, сделав все, что мог

сделать, когда есть возможность оценить все сделанное от начала до конца. А за внимание и доброе отношение ко мне еще раз, повторяю, товарищеское спасибо.

Одновременно с этим письмом посылаю библиотеке на память одну из своих книг.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

10 января 1966 г.

А. В. РОМАНОВУ

10 января 1966 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Алексей Владимирович!

Роман Лазаревич Кармен обратился ко мне с предложением сотрудничать с ним в создании художественно-публицистического фильма на испанскую тему.

К сожалению, я, по обстоятельствам работы, не смогу быть завтра вместе с ним у Вас, поэтому хочу письменно изложить Вам некоторые соображения, которыми для меня обусловлено участие в этой работе.

Первое. Я вижу смысл и актуальность этого фильма в том, чтобы, основываясь в значительной своей части на материалах гражданской войны в Испании, он был в то же время шире этой темы. Восстание фашистских генералов в июле 1936 года было началом той огромной и длительной вооруженной борьбы с фашизмом, которая кончилась в Берлине в мае 1945 года, почти через девять лет. Благодаря позиции Англии и Франции, благодаря мюнхенцам фашизму удалось после жестокой борьбы одержать победу в Испании, но если говорить о европейском фашизме в целом, то это была все-таки частная победа. А окончательная победа, в масштабах Европы, осталась на стороне антифашистов, и в первую очередь на нашей стороне. Муссолини и Гитлер, торжествовавшие победу Франко как свою победу, были уничтожены и морально и физически. В силу сложившихся обстоятельств мы не смогли сделать для Испанской республики все то, что мы хотели бы сделать, но люди, которые были советниками испанской республиканской армии — Шумилов, Воронов, Батов, Малиновский, Родимцев и многие другие — через несколько лет оказались именно теми людьми, которые принимали капитуляцию Паулюса, брали Кенигсберг, освобождали Прагу, вступали в Берлин.

Все это должно быть сказано в фильме, иначе я не вижу смысла его делать. В нем, несмотря на поражение Испанской республики, должна чувствоваться огромная сила единого антифашистского фронта, огромная сила, сломавшая хребет фашизму после жесточайшей в мировой истории борьбы.

При этом условии некоторые трагические аспекты эпохи 37—38 годов имеют право прозвучать в таком фильме. В нем должно быть сказано и о судьбах таких героических людей, как Берзин, Кольцов, Антонов-Овсеенко.

Через этот фильм должны также пройти различные участники интернациональных бригад, не только такие, как Тольятти или Лонго, а и как Ненни и Паччарди. Что касается этих последних, то пусть их славное прошлое в годы гражданской войны в Испании будет звучать как упрек их настоящему. Об этом надо будет сказать и этого нечего бояться.

Вот некоторые из тех мыслей, которые я считаю необходимым положить в основу фильма. Эти мотивы должны соседствовать в нем с непосредственно испанскими мотивами.

Второе. В связи с моей работой над книгой и работой над фильмом о Москве, я, прикинув сроки, могу согласиться сотрудничать с Карменом без боязни подвести его только в том случае, если срок сдачи этого фильма будет установлен не раньше февраля 1967 года. Кстати сказать, если говорить о тридцатилетии со времени испанских событий, то дата февраль 1967-го, на мой взгляд, даже более закономерна, чем дата июль 1966 года. Резоннее связывать тридцатилетие с первыми победами республиканской армии, чем с началом фашистского мятежа.

Третье. Для того, чтобы мне по-настоящему почувствовать атмосферу Испании, а Кармену возобновить ее в своих ощущениях, нам с ним, в ходе работы, весной этого года надо было бы хотя бы на две недели постараться съездить в Испанию. Я буду просить Вас содействовать нам в этом. А кроме того, чтобы такая поездка оказалась возможной, в том случае, если мы будем работать над фильмом, попрошу Вас дать указание, чтобы ни в Комитете, ни на студии до нашего возвращения из Испании не давалось никакой информации в печать о том, что мы работаем над этим фильмом.

Четвертое. Характер и объем работы над таким фильмом, как он мне видится, дают основания приравнять его к художественным фильмам как в отношении производственных возможностей, так и в смысле материальных вопросов и вопросов проката.

С товарищеским приветом уважающий Вас

Константин Симонов.

10 января 1966 года.

Впервые в очерке А. Романова «Вспоминая Константина Симонова...» — в журн. «Искусство кино», 1980, № 9.

Романов Алексей Владимирович (р. 1908) — советский государственный и партийный деятель, журналист, в 1965—1971 гг. председатель Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР.

Мюнхенцы — политические и государственные деятели Великобритании и Франции, сторонники заключенного 29—30 сентября 1938 г. в Мюнхене соглашения с Германией и Италией, которое предусматривало отторжение от Чехословакии и передачу Германии Судетской области, предопределило захват всей Чехословакии, способствовало развязыванию второй мировой войны.

Франко Баамонде Франсиско (1892—1975) — испанский генерал, возглавивший в 1936 г. фашистский мятеж против Испанской республики; затем до своей смерти диктатор Испании.

Шумилов Михаил Степанович (1895—1975) — советский военачальник, генерал-полковник, Герой Советского Союза; в 1938—1939 гг. был советником республиканской армии в Испании.

Воронов Николай Николаевич (1899—1968) — советский военачальник, главный маршал артиллерии, Герой Советского Союза; в 1936—1937 гг. старший военный советник республиканской армии в Испании.

Батов Павел Иванович (1897—1985) — советский военачальник, генерал армии, дважды Герой Советского Союза; в 1936—1937 гг. военный советник в 12-й интернациональной бригаде.

Малиновский Родион Яковлевич (1898—1967) — советский военный и государственный деятель, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза; в 1937—1938 гг. военный советник республиканской армии в Испании.

Родимцев Александр Ильич (1905—1977) — советский военачальник, генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза; в 1936—1937 гг. военный советник во 2-й интернациональной бригаде.

Берзин Ян Карлович (1889—1938) — советский военачальник, армейский комиссар 2-го ранга; в 1936—1937 гг. главный военный советник республиканской армии в Испании.

Кольцов Михаил Ефимович (1898—1942) — русский советский писатель и журналист; во время войны в Испании корреспондент «Правды».

Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883—1939) — советский военный и государственный деятель; во время испанской войны генеральный консул СССР в Барселоне.

Тольятти Пальмиро (1893—1964) — деятель итальянского и международного коммунистического движения, генеральный секретарь ИКП с 1926 г.; во время испанской войны представитель Исполкома Коминтерна при Коммунистической партии Испании.

Лонго Луиджи (1900—1980) — деятель итальянского и международного коммунистического движения, генеральный секретарь ИКП с 1964 г., председатель ИКП с 1972 г.; во время испанской войны генеральный инспектор интернациональных бригад.

Ненни Пьетро (1891—1980) — один из лидеров итальянской социалистической партии и Социалистического интернационала; во время испанской войны комиссар интернациональных бригад, член Военной джунты, руководившей обороной Мадрида.

Паччарди Рандольфо (р. 1899) — во время испанской войны командир батальона, затем бригады итальянских добровольцев имени Гарибальди; после второй мировой войны деятель республиканской партии, министр обороны Италии, выступавший за вступление Италии в НАТО.

...моей работой над книгой и работой над фильмом о Москве... — Речь идет о книге фронтовых дневников «Сто суток войны» и фильмом «Если дорог тебе твой дом...».

...срок сдачи этого фильма будет установлен не раньше февраля 1967 года. — Фильм «Гренада, Гренада, Гренада моя...» был закончен в 1967 г.

...хотя бы на две недели постараться съездить в Испанию. — В июне 1966 г. Симонов совершил туристическую поездку в Испанию.

Д. А. ГРАНИНУ

12 сентября 1966 г., ⟨Москва⟩

Мне захотелось написать Вам несколько слов о том куске Вашей книги, что я прочел в «Литературной России».

Мне кажется, что это не только хорошо, но и необыкновенно важно.

Я только что вернулся из ГДР, был и в Польше, в Вольфшанце, объездил сейчас несколько лагерей. Все мы ходим вокруг необходимости сказать то, что Вы сказали. Много и долго ходим и не говорим. А Вы сказали, и с большой силой. И насчет необходимости подумать о будущем — тоже очень важно, и точно, и пора!

В общем, спасибо.

Жму Вашу руку.

Ваш
К. Симонов.

12.IX.66.

Гранин Даниил Александрович (р. 1918).

...о том куске Вашей книги, что я прочел в «Литературной России»... — Речь идет о первой главе повести Д. Гранина «Прекрасная Ута», опубликованной под названием «Однажды темной весенней ночью...» (*ЛР*, 1966, 9 сентября).

...в Вольфшанце... — «Волчье логово» — условное наименование места расположения ставки Гитлера в Восточной Пруссии, в 1 км восточнее г. Растенбург (Кентшин).

А Вы сказали... — Д. Гранин писал Л. Жадовой 13 ноября 1981 г. в связи с этим письмом Симонова: «Письмо К. М. было для меня важно тогда, в 1966 году я начал трудную для себя тему отношения к немцам, к тем самым, с которыми мы воевали. Военное наше чувство было еще достаточно болезненно, и мы все остро испытывали недружелюбие, по-

дозрительность, встречаясь даже с немцами демократической Германии. Как себя вести с ними, как строить совместную нашу жизнь, общение — мне хотелось разобраться в этих проблемах, не уклоняясь от сомнений и не скрывая всего того, что поднимается в душе. Письмо К. М. Симонова, писателя, прошедшего всю войну, пишущего о ней, понимающего ее, поддержало меня чрезвычайно» (АКС).

А. КАХХАРУ

12 сентября 1966 г., Москва

Москва, 12 сентября 1966 года.

Дорогой Абдулла Каххарович, я с очень большим интересом приступил к чтению Ваших «Сказок о былом» и с великим удовольствием прочел эту очаровательную книгу. Я перевернул ее последнюю страницу с радостным ощущением того, что эта работа — Ваша новая и очень большая удача. Тут все сплелось — и присущая Вам острота зрения, и ощущение глубокого трагизма изображаемой Вами жизни, и чувство народного здоровья, которое продолжает существовать рядом с этим трагизмом и несмотря на него; тут и Ваш превосходный тонкий юмор, тут и портреты людей — то развернутые и противоречивые, как портрет отца и матери, то броские, моментальные, на удивление точные.

Короче говоря, по-моему, это очень хорошая вещь. Отличная.

Единственным недостатком книги мне показался ее конец. Он как-то уходит в песок. Если это прием, то надо его как-то подчеркнуть. Если это не прием, то надо подумать над каким-то одним-двумя абзацами, над какой-то полустраничкой. Иначе на 167-й странице вдруг рождается ощущение оборванности: а где же следующая страница? Хотя в то же время есть ощущение, что книга примерно где-то именно здесь и должна закономерно кончаться. У меня такое чувство, что там не хватает каких-то строчек, может быть, даже слов, может быть, даже фразы.

Не могу умолчать об этом, потому что это мне бросилось в глаза, и мне хотелось бы, чтобы Вы обратили внимание на это ощущение доброжелательного и любящего Вас читателя.

Теперь насчет перевода. Очевидно, хорошо было бы напечатать эту вещь не позже сентября будущего года в одном из московских журналов. Может быть, по традиции, в «Знамени», может быть, в одном из других журналов,— об этом еще время есть подумать. Я думаю, что если «Знамя» заинтересуется этой вещью, то есть основания первым поторопиться и предложить им, как Вы считаете?

Я два раза перечел всю вещь и подумал над тем, чем я могу быть полезен. Тот перевод, который я читал, вряд ли справедливо рассматривать только как подстрочник. Это уже не подстрочник,

хотя и не вполне литературный перевод. В общем, это весьма доброкачественно. Вместе с тем, когда думаешь о том, как это должно зазвучать на русском языке, невольно начинаешь искать другие синонимы, обороты речи — словом, все то, что могло бы точнее передать голос автора, его интонацию, его юмор.

Если считать, что у нас в распоряжении около девяти-десяти месяцев до сдачи рукописи в журнал (в ее окончательном виде), то я мог бы попробовать приложить к ней руку в той мере, в какой мне это удастся. Я отношусь, надо Вам сказать, к этому делу с известной робостью, ибо такая повесть о детстве — вещь по самому своему характеру необыкновенно точная, связанная с необыкновенно большим количеством чисто национальных ассоциаций, и тут очень боязно, что, работая над переводом, можешь наломать дров. Но так или иначе, я бы, пожалуй, рискнул попробовать сделать эту работу,— посмотрим, что получится.

Но прежде чем браться за это, я хотел бы, чтобы, во-первых, Вы утвердили сроки окончания этой работы. Может быть, я сделаю ее и быстрее, но поручиться, что я сделаю ее раньше первого июля будущего года (то есть имеется в виду срок окончания), я не могу. А во-вторых, я бы просил Вас в том случае, если Вы доверите эту работу мне, привлечь предварительно кого-то, кто бы под Вашим руководством сделал все необходимые многочисленные примечания бытового, языкового, идиоматического характера, чтобы при работе над переводом не спотыкаться об это.

Я, разумеется, думаю, что, прежде чем приступать к такой работе, мы с Вами повидаемся — в Москве или Ташкенте, и посидим, и поговорим так же, как мы обговаривали некоторые проблемы, связанные с «Птичкой». Но хорошо бы еще до этого сделать такую работу с примечаниями, чтобы мы с Вами обговаривали только то, что останется неясным после того, как будут существовать такие примечания.

Я пока оставляю рукопись у себя и буду ждать Вашего ответа. Если Вы согласны в принципе, если Вас не пугают сроки, то, может быть, в течение ближайшего месяца-двух можно сделать эти примечания? Может быть, Вы также подумаете над последней страницей, если это, как говорится, Вам не поперек души. А где-нибудь в конце ноября или в начале декабря мы могли бы встретиться или в Москве, или в Ташкенте и пройтись вместе глазами по всему тексту.

Еще раз хочу Вас от всей души поздравить с прекрасной книгой.

Передайте мой самый сердечный привет Кибриё Лутфуллаевне. Лариса Алексеевна крепко жмет руку Вам обоим.

Обнимаю Вас

Ваш

Константин Симонов.

Впервые — в воспоминаниях А. Вулиса «Наш земляк Константин Симонов» («Звезда Востока», 1985, № 11).

Каххар Абдулла (1907—1968) — узбекский советский писатель. Симонов перевел произведения А. Кахара: повесть «Птичка-невеличка», пьесу «Голос из гроба», повесть «Сказки о былом» (в соавторстве с К. Хакимовым).

...может быть, по традиции, в «Знамени»... — «Сказки о былом» были опубликованы в *ДН*, 1970, № 6.

Ю. П. ГЕРМАНУ

13 сентября 1966 г., Москва

Москва, 13 сентября 1966 года

Милый Юра! Я одновременно и виноват и, вот те крест, не виноват перед Вами. Виноват, что Ваше письмо так долго пролежало у меня без ответа, и не виноват, потому что мне его передали ровно за два часа до моего отъезда, из которого я вернулся всего лишь несколько дней назад.

Хочу начать с Вашего P. S.

Ваше трехтомное сочинение я сперва читал в разное время вразброд, а потом дочитывал его уже как трехтомное. И не написал Вам про него, когда прочел, не потому, что не понравилось, а совсем по другой причине. Сидел доколачивал тридцатилистную книгу под названием «Сто суток войны», где одна половина — дневники сорок первого года в их первозданном состоянии, а вторая половина — мои соображения про те времена, написанные сейчас на базе двухлетних архивных изысканий, а также отсебятины. То есть, иначе говоря, собственного взгляда на вещи.

С непривычки к архивам и также от желания, наверно, сказать что-то очень для меня важное по поводу того времени я находился в состоянии такого душевного истощения, что просто ничего не мог писать, кроме этого. Не мог — свинья — даже написать Вам письма про Ваши книги, которые я прочел с любовью к Вам, а главное, к тем, кого Вы сами в них любите, и с нелюбовью к тем, кого Вы не любите, и с какой-то очень важной для меня сейчас душевной уверенностью в том, что все-таки, что бы там ни было, люди-то хорошие; были хорошими и будут хорошими, хотя между ними шмыгает и гуляет немало всякой сволочи.

Мы очень по-разному многое с Вами видим, по-разному приглядываемся, часто разное замечаем в людях, но непоколебимость веры в них, в этих людях, идущая даже не от ума и не только от сердца, а откуда-то еще глубже, подспуднее, от брюха, что ли, эта

вера, мне кажется, делает нас близкими друг другу. Я, во всяком случае, это так ощущаю и заново ощутил, читая Вашу трилогию. А что не получили за нее премию, я думаю, Вы, наверно, не расстраиваетесь. Бог с ней, с премией. Она важна для тех, чьи книжки без этого не читают. А Ваши так читают, что будь здоров! Где бы я ни кочевал за последнее время, в каких бы архивах ни сидел, в каких бы воинских частях ни встречался с людьми во время поездок, всюду так или иначе, не по тому поводу, так по другому, разговор нет-нет да и завернет на Вас.

Мне будет очень интересно, если Вы поглядите мое новое сочинение. Оно — тьфу, тьфу, тьфу — вроде начинает печататься с сентябрьской книжки «Нового мира».

А теперь насчет того дела, про которое в Вашем письме. Буду в ближайшее время пробовать что-нибудь предпринять. Насчет поближе к матери не берусь, а насчет того, чтобы перевести его в госпиталь, где он мог бы работать по профессии, оперировать,— приложу старания. Начну с того, что одновременно с письмом Вам пошлю письмо ему, чтобы он мне написал все подробно, как и чем практически я могу помочь.

Крепко жму Вашу руку и обнимаю Вас.

Ваш
К. Симонов.

Впервые фрагмент из этого письма — в кн.: Л. Л е в и н. Дни нашей жизни. Книга о Юрии Германе и его друзьях. М., «Советский писатель»,1981, с. 442—443.

Хочу начать с Вашего P. S.— Ю. Герман писал Симонову 7 июня 1966 г.: «P. S. Месяца три назад послал Вам свое трехтомное сочинение. Вы не ответили. Здорово не понравилось?» *(АКС).*

Ваше трехтомное сочинение...— Речь идет о кн.: Ю. Г е р м а н. Дело, которому ты служишь. М.— Л., «Советский писатель», 1965; Ю. Г е р м а н. Дорогой мой человек. М.— Л., «Советский писатель», 1965; Ю. Г е р м а н. Я отвечаю за все. М.— Л., «Советский писатель», 1965.

А что не получили за нее премию...— В 1965 г. романы Ю. Германа были выдвинуты на Ленинскую премию, но премии не получили.

Оно... начинает печататься с сентябрьской книжки «Нового мира».— Эти, не опубликованные тогда, страницы дневников Симонова с отредактированным комментарием вошли как часть дневников за весь 1941 г. под назв. «Разные дни войны» (*ДН,* 1974, № 11, 12; 1975, № 1), а затем в одноименный его двухтомник военных дневников.

...насчет того дела, про которое в Вашем письме.— Ю. Герман писал Симонову: «Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Вот какая история: лет десять тому назад, если не больше, я, Герман Ю. П., заразил друга своего

сына — тогда школьника, хорошего рыжего парня — страстью к медицине. Заразил в том смысле, что давал ему разные книжки и рассказывал разные истории. Мальчик мне внял и поступил в Военно-морскую медицинскую академию или в ВМА им. Кирова, боюсь соврать. Заведение сие он с блеском кончил и, сопровождаемый напутствием коллег и профессуры, отбыл на ТОФ для прохождения дальнейшей службы. И вот уже ПЯТЬ лет он сию службу проходит. ⟨...⟩ Но... там у себя он буквально гибнет. ⟨...⟩ А ведь хочет он совсем немного и хочет совершенно исполнимого: попасть в госпиталь, где МОЖНО оперировать, т. е. быть хирургом, т. е. тем, ради чего он живет».

...чтобы он мне написал все подробно... — В тот же день, 13 сентября 1966 г., Симонов писал Э. Т. Резнику: «Прошу Вас, пожалуйста, напишите мне, как сейчас обстоят у Вас дела, сколько Вы уже работаете там, где Вы работаете, и о какой другой работе конкретно Вы хотите поставить вопрос. Только получив от Вас такое письмо, я смогу что-нибудь предпринять. В том случае, конечно, если у меня будет внутреннее ощущение, что Вы правы. Надеюсь, что так оно и будет» *(АКС)*.

Г. К. ЖУКОВУ

30 ноября 1966 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Георгий Константинович!

От всей души поздравляю Вас со славным днем Вашего семидесятилетия.

Люди моего поколения, бывшие свидетелями Вашей военной деятельности, никогда не забудут того, как много Вы сделали для Родины в годы такого тяжелейшего за всю нашу историю испытания, как Великая Отечественная война.

25 лет назад, как раз в эти дни, начиналось крушение немецкой армии под Москвой. Вспоминая об этом, москвичи закономерно вспоминают о Вас как о человеке, стоявшем во главе нашего Западного фронта в самые трудные для Москвы дни.

Есть что вспомнить в день Вашего семидесятилетия и ленинградцам.

А я, как старый халхинголец, вспоминаю Вас еще и тогда, в тридцать девятом году, на Хамардабе, молодого, 43-летнего, полного сил и мужества. Халхин-Гол, если можно так выразиться, был запевкой, славным началом всего того, что Вы на поле брани сделали для отечества.

Хорошо помню Вас и в Берлине в счастливый для нас день капитуляции германской армии. Только подумать — каких шесть лет прошло между Халхин-Голом и Карлсхорстом и сколько еще

надо написать и сделать для того, чтобы это время во всем своем трагизме и величии навсегда осталось в памяти потомков.

От всей души желаю Вам в день 70-летия здоровья и счастья.

Прошу Вас передать мой поклон Галине Александровне.

Глубоко уважающий Вас

Константин Симонов.

30 ноября 1966 года

Впервые — в *ЛГ*, 1985, 1 мая.

...днем Вашего семидесятилетия...— 1 декабря 1966 г. Г. К. Жукову исполнилось 70 лет.

А. В. ЮДАХИНУ

7 февраля 1967 г., ⟨Москва⟩

Милый Саша, прочел твою поэму и стихи. Поэма немножко подсобралась, стала лучше. Вся она вместе говорит что-то сильное и выстраданное, а если взять по строчкам — во многих местах по-прежнему сыплется; живет общим движением, а как только остановишь взгляд, начинает разрушаться, потому что по-прежнему многие двухстрочия кажутся приделанными на скорую руку. И чаще первые, чем вторые.

Про стихи писать рано — есть в них остро прочувствованное и есть недодуманное до легкомыслия,— а вообще это скорей проба, чем результат. Пока.

Еще о поэме — верней, об этом большом стихотворении. Писать к нему рекомендации не буду, что писать — не знаю, кроме того, что в ней есть нечто талантливое и честное, что, вообще-то говоря, порой надо печатать вдруг, наобум Лазаря, при всех несовершенствах и заранее зная, что будут ругать. Но снабжать перед этим снегоочистителями предисловий не надо. Они глупо выглядят. Надо просто или печатать, или нет.

Посылаю тебе стихи и поэму. Сказать что-нибудь более мудрое не могу. Мысли совсем о другом и про другое, свое и трудное. С трудом оторвался от них, чтобы написать тебе это письмо.

Жму руку.

К. Симонов.

7.II.67.

Юдахин Александр Владимирович (р. 1942) — русский советский поэт.

...твою поэму...— Как сообщил в письме Л. Жадовой от 7 декабря 1981 г. (*АКС*) А. Юдахин, поэма эта полностью не печаталась, отрывки из

нее в качестве отдельных стихотворений опубликованы в кн.: А. Юдахин. Дым осенних костров. М., «Советский писатель», 1977; А. Юдахин. Перелетные листья. М., «Современник», 1979.

Р. С. АГАМИРЗЯНУ

10 февраля 1967 г., Москва

Москва, 10 февраля 1967 года

Дорогой Рубен Сергеевич, прочитал в вырезках две рецензии на спектакль — в «Вечернем Ленинграде», кажется, и в «Ленинградской правде» — и захотелось написать Вам несколько слов. Очень рад за театр, что в общем спектакль встретили тепло, по-хорошему. Мне самому он доставил радость, и я с душевной теплотой вспоминаю и свои ощущения после него, нашу нескладную, по моей вине, куцую встречу перед поездом.

Но все-таки хорошо, что тогда посидели. Для меня это было очень дорого.

Рецензии в общем, по-моему, справедливые. Несправедливо в них только одно — то, что в одной из них кисло отзываются, а в другой просто в общем-то ругают Акуличеву. Это настолько несправедливо, что я даже захотел написать ей, чтоб она не огорчалась, но не знаю ее имени и отчества. Поэтому просто попрошу Вас: при случае передайте ей, чтобы она не расстраивалась. Она отличнейшим образом сыграла в этом спектакле именно то, что нужно, и даже какой-то своей очень точно найденной характерностью перечеркнула ту голубизну, которая есть в этой роли, идет от автора как авторский недостаток. И очень правильно сделала, что перечеркнула. И именно это как раз, должно быть, и не нравится критикам. А мне как раз нравится. И тут прав я, а не они, у меня на этот счет никаких сомнений. Вот так.

Черкнули бы, как идут Ваши дела. Я очень, от всей души желаю успеха и Вам и театру.

Жму Вашу руку.

Константин Симонов.

Впервые — в воспоминаниях Р. Агамирзяна «Благородство и мужество» (журн. «Театральная жизнь», 1984, № 9).

Агамирзян Рубен Сергеевич (р. 1922) — театральный режиссер, главный режиссер Ленинградского государственного драматического театра имени В. Ф. Комиссаржевской. Р. Агамирзян поставил в Большом драматическом театре имени М. Горького в 1961 г. пьесу Симонова «Четвертый», в Ленинградском государственном драматическом театре имени В. Ф. Ко-

миссаржевской в 1966 г.— инсценировку повести «Дым отечества» (автор инсценировки Т. Лондон), в 1975 г.— инсценировку «Записок Лопатина» под названием «Несколько дней без войны» (автор инсценировки И. Штокбант), в 1982 г.— инсценировку романа «Солдатами не рождаются» под названием «Генерал Серпилин» (автор инсценировки Р. Агамирзян). Р. Агамирзян написал воспоминания о встречах с Симоновым «Благородство и мужество» (журн. «Театральная жизнь», 1984, № 9, 12).

...прочитал в вырезках две рецензии на спектакль...— Речь идет об инсценировке «Дыма отечества» и рецензиях А. Бартэна «Дым отечества» («Вечерний Ленинград», 1967, 4 января) и В. Дмитриевского «Не выпустив память из рук...» («Ленинградская правда», 1967, 18 января).

Акуличева Елизавета Александровна — советская актриса, в спектакле «Дым отечества» играла роль Кати Басаргиной.

А. Д. САЛЫНСКОМУ

17 марта 1967 г., Узкое

Узкое, 17 марта 1967 г.

Дорогой Афанасий Дмитриевич, как-то не вышло у меня дозвониться к Вам отсюда, из Узкого, хотя звонил дважды. А завтра уезжаю в Югославию, и так не поговорили о пьесе. А хотя бы несколько слов обязательно хотелось сказать Вам хоть в такой вот эпистолярной форме.

Мне ваши «Мужские беседы» нравятся по самому главному признаку своему — по своему духу мужественного разговора о тех главных последствиях культа личности, которые продолжают еще с достаточной силою разъедать и сегодня жизнь нашего общества, к великому нашему несчастью.

Мне при этом не кажется, что действие Вашей пьесы отнесено к шестьдесят третьему или шестьдесят четвертому году из лукавства или робости. Мне кажется, что время действия пьесы исторически правильно отнесено к этому времени, потому что именно тогда наблюдалось у нас в наиболее очевидной форме странное гибридное сочетание ожесточенной критики в адрес Сталина и культа личности с огромными рецидивами бездумного послушания вопреки здравому смыслу, которое само по себе было самым очевидным и самым страшным последствием культа личности, продолжавшего сохраняться в обстановке, казалось бы, внешне яростного его разоблачения.

Думается, что, несмотря на многие последующие шатания и еще на достаточно обильное количество людей, прислушиваю-

щихся к тому, откуда ветер дует, и путающих климат с погодою, все же мы сильно отодвинулись, если брать в целом, от того состояния нашего общества, в котором оно пребывало в шестьдесят третьем году. Но много корней и корешков того, о чем Вы пишете в своей пьесе, еще осталось, и они способны к прорастанию и укреплению, коли с ними не воевать. Они как те водоросли в водоемах, которые сейчас, судя по газетам, какими только способами не уничтожают. То какую-то рыбу пускают, которая их поедает, то еще чего-то делают, а они все забивают и забивают водоемы, как только ослабевает бдительное наблюдение за ними.

Вот по этой склонной к развитию водоросли, оставшейся нам в наследство от культа личности, и бьет Ваша пьеса. И это очень и очень важно. И поэтому я за нее, потому что она делает нужное и правдивое, необходимое для нашего общества дело. Добавлю, к сожалению, еще весьма и весьма необходимое.

Что касается драматургического хода самой пьесы, то я как-то последние годы опять отстал от драматургии и не думаю ее категориями. Думаю категориями романа. Но все же два-три соображения, которые, может быть, покажутся Вам в какой-то мере существенными, хочу Вам высказать.

Мне показалась несколько условной, водевильной ситуация с двойным известием о том, дали или не дали Вашему герою орден. И с мотивировкой того заблуждения, которое произошло; да и некоторые обороты в поведении действующих лиц, именно, как мне думается, из-за не совсем достаточной естественности ситуации, кажутся мне грубоватыми.

Может быть, тут что-то можно было бы придумать другое, чтобы не желающие прийти к Вашему герою все же были понуждены прийти к нему — прежним обещанием, неудобством положений, совестливостью, а в другом случае, быть может, и цинизмом, с которым можно потом отбрыкаться от этого или объяснить это. В общем, здесь чисто драматургический ход, мне кажется, не в ключе всей пьесы.

Мне нравится отношение Эрика и Марфуши к отцу, но не думается ли Вам, что есть чуть-чуть где-то перебор в лексике, в той дружеской игре словами, которая происходит у Кудинова с Марфушей? Здесь где-то, мне кажется, слегка потеряно чувство меры, хотя сами по себе эти отношения, так, как они у Вас написаны, мне нравятся.

Пожалуй, к этим двум соображениям и сводятся мои критические замечания. Второе из них очень частное, а первое, как мне кажется, существенно.

В Вашей пьесе сказано о людях много хорошего и интересного. И говорят они друг с другом интересно, говорят много умных вещей. Это хорошо. Очень надоела в этом смысле бытов-

щинка, с одной стороны, и игра в недозрелого Хемингуэя, во все эти белые слоны, плохо понятые и переваренные, с другой стороны.

Особенной же удачей в Вашей пьесе мне кажется то, как Вы написали жену Кудинова Еву. Удивительно экономно, точно и привлекательно. В этого человека веришь абсолютно и постепенно начинаешь любить ее и понимать, что нельзя расстаться с такой женщиной. Это работа для большой актрисы.

Желаю Вам успеха. Крепко жму Вашу руку. Надеюсь, что во время поездки на Дальний Восток поговорим подробнее.

Ваш

Константин Симонов.

Салынский Афанасий Дмитриевич (р. 1920) — русский советский драматург.

«Мужские беседы» — пьеса А. Салынского, написанная и поставленная в 1967 г., опубликованная в 1969 г.

В. В. ОВЕЧКИНУ

31 мая 1967 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Валентин Владимирович!

Прости, что отвечаю тебе с запозданием. Пока шел съезд, просто физически не смог этого сделать.

Как прошел съезд, ты, очевидно, имеешь некоторое представление, если не по газетам, то хотя бы изустно. На мой лично взгляд, лучшими среди других были выступления Кетлинской и Гончара. Я тоже старался коснуться некоторых, как мне кажется, существенных вещей, хотя чувствую, что мне это удалось далеко не в полной мере. Стенографический отчет вряд ли выйдет раньше, чем через три месяца, а в отчете «Литературной газеты» содержится далеко не все, что было сказано. Поэтому посылаю тебе копию своего выступления, не потому, что придаю ему существенное значение, а просто потому, что мне хочется, чтобы ты знал, о чем я пытался поговорить. Мне кажется, что ты разделяешь некоторые из этих мыслей.

Мне хочется, чтобы ты знал, что во время разговоров до и во время съезда многие из нас в этих разговорах снова и снова вспоминали тебя как достойный подражания пример мужества и стойкости. Вспоминал и я, и вспоминал много раз.

Лето буду сидеть в Москве, так вынуждает работа. Но, воз-

можно, или в августе, или в октябре поеду в Ташкент. Так что надеюсь увидеться с тобой во всяком случае в ближайшее полугодие.

Желаю здоровья, крепко жму твою руку

Константин Симонов.

31.V.67.

Впервые — в *ЛР*, 29 ноября.

Пока шел съезд...— Речь идет о Четвертом съезде писателей СССР, состоявшемся в мае 1967 г.

Г. Ф. Л-НУ

Июль 1967 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Григорий Федорович!

Я получил Вашу повесть в стихах. Наверное, если бы я заведовал поэтическим отделом журнала «Юность», я бы не взял Вашей повести для публикации в журнале. Просто потому, что в журнал, а особенно в такой журнал, как «Юность», приходит огромное количество стихов и поэм, и они теснят друг друга. Литература — жестокая вещь, редакционная работа — тоже, и приходится отбирать лучшее, наиболее сильное, удачное. Тут уж ничего не поделаешь.

Ваша повесть — плод большого, серьезного и, видимо, длительного труда. Ее содержание и образ мыслей автора вызывают во мне чувство симпатии. Но в то же время должен вполне откровенно сказать Вам, что Ваша повесть в стихах при внешней литературной гладкости не производит впечатления талантливой вещи. Чувствуется, что Вы любите поэзию, что Вам есть о чем рассказать в жизни и что Вас тянет рассказать это в стихах. Но настоящие стихи у Вас все-таки, к несчастью, не получаются. Я лишен возможности подробно проанализировать Вашу повесть, просто-напросто на это нет времени, у меня очень трудно со временем. Откровенно говоря, я сначала даже хотел вернуть Вам Вашу вещь не читая, слишком много приходится читать, а ведь у меня нет ни помощников, ни редакционного аппарата, все, что мне присылают, приходится читать самому или не читать вовсе. Но когда я увидел, что работник редакции откликнулся на Ваш пусть неудачный, но большой и добросовестный труд всего одной действительно казенной строчкой,— я счел своей обязанностью прочесть Вашу повесть и хотя бы кратко, но ответить Вам.

Желаю Вам доброго здоровья, с товарищеским приветом

Константин Симонов.

Июль 1967 г.

ДАЛЬИЗДАТУ

20 ноября 1967 г., ⟨Москва⟩

Дорогой товарищ Иващенко!

Посылаю Вам два экземпляра подписанного мною договора.

В бытность мою в Арсеньеве я обменялся там мыслями с товарищами насчет личных взносов на общественную постройку памятника Арсеньеву. Насколько я понял, они пришли именно к такой идее, и мне бы хотелось тоже сделать взнос на строительство этого памятника. Поэтому прошу Вас деньги, которые мне будут причитаться за выход в Вашем издательстве моей книги «Признание в любви», перевести на текущий счет в Арсеньев на строительство памятника Арсеньеву.

Если же такой счет еще не открыт, то прошу издательство открыть такой счет в Арсеньеве и перевести в качестве первого взноса на этот счет причитающийся мне за эту книгу гонорар.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

20 ноября 1967 года.

Иващенко Лев Яковлевич (р. 1930) — советский историк, в то время директор Дальневосточного книжного издательства.

В бытность мою в Арсеньеве... общественную постройку памятника Арсеньеву.— Арсеньев Владимир Клавдиевич (1872—1930) — русский советский этнограф и писатель. Историю создания этого памятника рассказала в письме составителю от 14 мая 1986 г. зав. отделом культуры Арсеньевского горисполкома В. В. Нагорная. Путешествуя по Дальнему Востоку в апреле — мае 1967 г., Симонов обратил внимание в г. Арсеньеве на проект памятника В. Арсеньеву, подаренный городу скульптором Г. И. Потаповым, и предложил соорудить этот памятник. «По приглашению горисполкома г. Арсеньева Г. И. Потапов приехал со всеми своими вариантами памятника, которые были выставлены на суд зрителя. Самим горожанам было предоставлено право выбора. ⟨...⟩ По желанию трудящихся города строительство велось за счет средств, собранных среди населения. Первый вклад в фонд строительства внес К. Симонов ⟨...⟩». Памятник был сооружен на сопке Увальной и открыт 10 сентября 1972 г., в 100-летие со дня рождения В. Арсеньева.

...выход в Вашем издательстве моей книги...— К. Симонов. Признание в любви. Дальневосточные заметки. Владивосток, Дальневосточное книжное издательство, 1967.

26 ноября 1967 г., Москва

Москва, 26 ноября 1967 года

Дорогая Вера Федоровна, простите, что не сразу ответил на Ваше письмо. Беда состояла в том, что меня мотало из одной зарубежной поездки в другую, и только теперь, после праздников, я наконец осел в Москве.

Ваши «Лики на заре» я прочел с огромным интересом. Хотя, откровенно говоря, сначала, наверное так же, как и многие Ваши старые читатели, был поражен самим фактом столь внезапного в Вашей писательской биографии углубления в историю. Но это удивление было, пока слышал о Вашей книге, а когда сел читать, удивление сразу исчезло. Стало все понятно и логично.

Мне полюбились все четыре вещи. По первому восприятию, может быть еще связанному с неожиданностью, особенно задела какие-то струны души «Ольга». Может быть, еще и потому, что я эту историю знаю с пяти лет, что в гражданскую войну, в голодный год, меня учила грамоте одна старушка, приват-доцент, и сперва она читала мне, а потом я уже и сам читал как первую свою книгу русскую историю, начиная от Рюрика, Олега, Игоря, Ольги, Святослава. Не помню, что это была за история, но книга была толстая, и читали мы ее долго, целый год.

Но вот сейчас, когда уже прошло десять дней после того, как прочел Вашу книгу, на каком-то расстоянии, самым сильным в ней кажется уже не «Ольга», хотя она по-прежнему нравится своей прозрачностью и точностью, а история Феодосия. Все-таки, наверное, она, эта история, самая главная в этой книге. И самая поучительная для нас, грешных, живущих в нашу сложную эпоху.

Суровую и справедливую историю Вы написали, заставляющую думать над всей сложностью времени, над всем несоответствием желаний и результатов и над деформацией людей. Причем особенно страшно, когда деформация эта происходит с людьми, казалось бы, непреклонно идейными и не подверженными деформации. Во всяком случае, в своем субъективном представлении о самом себе.

В Вашем «Феодорце» та же горькая тема взята с другого боку, менее, что ли, духовного, более плотского, житейского, но и тут тоже много мыслей бродит в голове, когда прочтешь.

А в смысле прямой изобразительной силы удивительно хорошо написана кончина великого князя Московского. Некоторые страницы — да что там некоторые! — большинство страниц этой вещи читал с прямым восторгом и завистью. Это настоящая история, во

всем жесточайшем сплетении ее противоречий, столкновений судеб, взглядов, страстей. В общем, очень это хорошо, по-моему.

Вот то главное, что мне хотелось сказать Вам о Вашей книге, дорогая Вера Федоровна.

А теперь насчет дел киношных отдельно.

Экспериментальная студия, при которой я состою и из которой давно хочу уйти и давно уже прекратил деятельность в ее руководстве фактически, но не делаю этого формально, чтобы не нанести таким актом вреда другим товарищам,— эта студия в качестве организма, способного осуществить постановку фильма об Ольге, мне не кажется удачным адресом. Боюсь, что она не сможет этого сделать, даже если и будут благие пожелания. По своему профилю она вошла в конфликт с устаревшей системой производства, и она просто не может делать сейчас большую картину, связанную с большими затратами, с большими масштабами всяческих исторических аксессуаров.

Что Вам сказать? Экспериментальная студия вынуждена была отказаться от постановки отличной, на мой взгляд, инсценировки «Хаджи-Мурата», потому что никто так и не дал для этого производственной базы.

Мой совет: поставить «Ольгу» на одной из больших, устоявшихся, обладающих широкими возможностями студий.

Если в этом смысле было бы что-то уже заварено, начато и если бы тут потребовалось суждение Комитета кинематографии, то я в качестве члена этого Комитета был бы готов оказаться полезным всем, чем смогу. Только дайте знать, когда это понадобится.

Но опыт мне подсказывает, что начинать надо все-таки со студии, с режиссера, с того, чтобы кто-то ратовал за такую постановку. Тогда можно с реальной надеждой на успех продвигать ее в Комитете, коли встретятся трудности.

Словом, я, если понадобится,— к Вашим услугам.

Крепко жму Вашу руку. Желаю Вам здоровья 〈...〉

Ваш

Константин Симонов.

Впервые фрагмент этого письма — в *РСТ*.

Ваши «Лики на заре»...— В. Панова. Лики на заре. М.— Л., «Советский писатель», 1966.

...задела какие-то струны души «Ольга».— Повесть «Сказание об Ольге».

...история Феодосия.— Повесть «Сказание о Феодосии».

В Вашем «Феодорце»...— Повесть «Феодорец, белый клобучок».

...удивительно хорошо написана кончина великого князя...— Повесть «Кто умирает».

...насчет дел киношных... — Посылая в дар Симонову «Лики на заре», В. Панова 20 сентября 1967 г. писала ему: «При чтении очень прошу Вас обратить внимание на первую новеллу: «Сказание об Ольге». Я бы хотела ее предложить Вашей экспериментальной студии для экранизации.

Если Вы отнесетесь к этому предложению положительно, я была бы очень рада и охотно поработала бы над нею с режиссером, хотя, на мой взгляд, она являет собою уже законченный сценарий, и не только литературный.

В подкрепление своего предложения хочу Вам напомнить, какой успех в свое время имели «Нибелунги» на экране. А о наших истоках вообще ничего нету» (*ДН*, 1985, № 5).

...инсценировки «Хаджи-Мурата»... — Авторы сценария Г. Данелия, Р. Гамзатов, В. Огнев.

А. К. БАБОРЕКО

15 января 1968 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Александр Кузьмич, большое спасибо Вам за Вашу книгу о Бунине. Прочел ее с величайшим интересом. Чрезвычайно много нового, значительного, дополняющего, а иногда и открывающего с новых сторон облик Бунина.

Одно маленькое замечание личного порядка. В примечаниях Вы приводите письмо Зурова. В связи с этими примечаниями хочу подчеркнуть один принципиальный момент. О своем презрении к Мережковскому и к Гиппиус — к ним обоим — Бунин говорил мне, и говорил в резкой, саркастической форме. Тут я полностью отвечаю за свои слова. Может быть, другим он не говорил. А мне, и именно по тому поводу, по которому шел разговор,— говорил.

Я написал об этом потому, что это существенно; Бунин непримиримо говорил о Мережковском и Гиппиус, как о людях, сотрудничавших с итальянскими и немецкими фашистами.

Еще раз спасибо Вам за присланную Вами книгу. Очень она интересная.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

15.I.68.

Бабореко Александр Кузьмич (р. 1913) — русский советский литературовед.

...Вашу книгу о Бунине. — Бунин Иван Алексеевич (1870—1953). Речь идет о кн.: А. Бабореко. И. А. Бунин. Материалы для биографии (С 1870 по 1917). М., «Художественная литература», 1967.

...Вы приводите письмо Зурова. — Зуров Леонид Федорович (1902—1971) — русский писатель, друг И. Бунина и исследователь его творчества.

А. Бабореко привел в примечаниях письмо Л. Зурова к нему от 12 августа 1966 г., которое является откликом на мемуарный очерк Симонова «Из записей об И. А. Бунине» (т. 10 наст. собр. соч.). В этом письме Л. Зуров заметил: «С Мережковскими у Ивана Алексеевича были отношения чрезвычайно сложные. Но о презрении к З. Н. Гиппиус Ив. Алексеевич никогда не говорил...» (А. Бабореко. И. А. Бунин. Материалы к биографии, с. 298).

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941) — русский писатель, белоэмигрант, занимавший воинствующую антисоветскую позицию.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — русская писательница, жена Д. Мережковского, разделявшая его общественную и политическую позицию.

Может быть, другим не говорил. А мне... говорил.— И. Бунин проникся к Симонову дружеским расположением, сохранив и в последующие годы к нему доброе отношение, о чем свидетельствуют его письма московским адресатам — Н. Телешову (см.: «Иван Бунин». М., «Наука», 1973, «Литературное наследство», т. 84, кн. 1, с. 629, 631; журн. «Исторический архив», 1962, № 2, с. 164), Н. Рощину (см.: *ВЛ*, 1981, № 6, с. 176). Это подтверждается и воспоминаниями Г. Адамовича: «Знаю со слов Бунина, что через несколько дней он встретился с Симоновым в кафе и провел с ним с глазу на глаз часа два или больше. Беседа произвела на Ивана Алексеевича отличное впечатление: он особенно оценил в советском госте его редкий такт» (журнал «Подъем», 1980, № 1, с. 139).

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»

Январь 1968 г., ⟨Москва⟩

Дорогие товарищи!

Недавно я прочел одну работу, которую, как мне казалось бы, есть прямой смысл отрецензировать на страницах «Вопросов литературы». В 53-м номере выпуска «Ученых записок» Ярославского педагогического института имени К. Д. Ушинского «Русский язык и литература» опубликована по существу занимающая весь этот объемистый том, во всяком случае 95 процентов, работа Н. Г. Зеленова «Толстой о языке и критика о языке Толстого». Работа содержит около 30-ти авторских листов.

Названа она скромно: «Аннотированный биобиблиографический указатель». Но на самом деле при всей своей биобиблиографической ценности — тоже немалой,— это в то же время очень серьезное и очень плодотворное, на мой взгляд, исследование о языке Толстого, о спорах в литературной критике вокруг языка Толстого, о том, как сам Толстой относился к проблеме литературного языка.

Я, например, как писатель, всю свою сознательную жизнь преданно любящий Толстого, прочел эту работу с огромным интересом, нашел в ней очень много неизвестного мне, поучительного и, закрывая последнюю страницу, испытывал чувство глубокой благодарности автору этой работы Н. Г. Зеленову.

Может быть, для рецензирования этой работы в Вашем журнале сейчас является препятствием то, что «Ученые записки» вышли сравнительно давно, уже в 1965 году, но, очевидно, эта работа осталась неотрецензированной только потому, что она прошла мимо внимания критиков, будучи запрятана в том «Ученых записок». Появись эта работа как отдельная книга, наверное, ее уже давно бы заметили. Не могли бы не заметить.

Мне кажется, что, помимо ценности самой этой работы, было бы важно поговорить о ней на страницах «Вопросов литературы» еще и потому, что, наверно, вот так же проходят мимо внимания нашей критики и другие интересные, содержательные работы наших литературоведов, которые трудятся на периферии и публикуют эти работы в периферийных «Ученых записках».

С товарищеским приветом

К. Симонов.

Январь 1968.

P. S. Не знаю, есть ли в редакции книга, о которой идет речь? Чтобы не затягивалось дело, посылаю ее одновременно с этим письмом и прошу вернуть мне по миновению надобности.

Зеленов Николай Григорьевич — русский советский литературовед, преподаватель Ярославского педагогического ин-та им. К. Д. Ушинского.

...есть прямой смысл отрецензировать... — Работа Н. Зеленова не была отрецензирована по той причине, на которую указал сам Симонов в письме.

А. Б. СТОЛПЕРУ

30 марта 1968 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Александр Борисович!

При всех наших самых дружеских с тобой отношениях хочу все же перед отъездом внести принципиальную ясность в те проблемы, которые возникли перед тобой и передо мной в связи с новыми замечаниями Комитета по фильму «Солдатами не рождаются».

Считаю, что ты вправе, как автор сценария и постановщик фильма, сделать в связи с этими новыми замечаниями все то, что ты считаешь возможным сделать и что не расходится с твоими принци-

пиальными взглядами на вопрос. Я буду очень рад, если в результате твоей работы, когда мы вместе посмотрим фильм, окажется, что у меня нет принципиальных возражений против сделанных тобою поправок. Если это будет так, значит, вопрос исчерпан.

Но если у меня возникнет чувство, что новые поправки, сделанные в фильме, вступают в противоречие с содержанием моего романа, по которому поставлен фильм, и таким образом они окажутся принципиально неприемлемыми для меня,— мне придется как-то решать для себя вопрос: может ли фильм, входящий в противоречие с содержанием и направлением моего романа, иметь отношение к моему писательскому имени?

Повторяю: хочу верить, что ты прав, что тебе удастся сделать те поправки, которые тобой намечены, не входя в противоречие с идеей романа. Но полного убеждения, что это возможно, у меня пока нет, и, только посмотрев то, что ты сделаешь, я смогу определить свое отношение к сделанному.

Крепко жму твою дружескую руку, твой

Константин Симонов.

30 марта 1968 г.

Столпер Александр Борисович (1907—1979) — советский кинорежиссер; экранизировал следующие произведения Симонова: пьесы «Парень из нашего города» и «Жди меня» (вместе с Б. Ивановым), повесть «Дни и ночи», романы «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются», пьесу «Четвертый».

...я смогу определить свое отношение к сделанному.— Посмотрев этот вариант фильма, Симонов 13 мая 1968 г. писал А. Столперу: «...на этот раз твой фильм в поправках не нуждался, они только ослабили некоторые его эпизоды.

Однако поскольку в этом, вторично поправленном виде фильм не вступает в прямое противоречие с идейным замыслом моей книги «Солдатами не рождаются», я как автор экранизируемой книги не возражаю против выпуска фильма на экран в этом, полагаю, теперь уже окончательном варианте и от души желаю тебе как автору сценария и постановщику фильма успешной премьеры и доброго приема у зрителей» *(АКС).*

После этого последовали новые замечания Комитета по делам кинематографии, и, ознакомившись с планом переделок, намеченным А. Столпером, Симонов 24 июля 1968 г. писал тогдашнему генеральному директору киностудии «Мосфильм» В. Н. Сурину: «...поправки, которые Столпер собирается сделать в четвертом варианте фильма, а именно ту их часть, которой намечается исключение из фильма всей линии романа, связанной с письмом Серпилина Сталину, с историей командарма Гринько и со встречами Серпилина с Иваном Алексеевичем, я считаю входящим в противоречие с содержанием и направлением моего романа.

Исходя из того, что фильм в том виде, в каком его теперь предполагается сделать, не будет отвечать содержанию и направлению моего романа в той мере, в какой я считаю это необходимым, прошу «Мосфильм» в Вашем лице снять с титров фильма мое имя и название моего романа, дать фильму другое название по Вашему усмотрению, указав, что в этом фильме с другим названием, поставленном А. Б. Столпером по его же сценарию, использованы мотивы моего романа «Солдатами не рождаются».

Никакого отношения ни к дальнейшей работе над фильмом, ни к его выпуску на экран я в сложившихся обстоятельствах не могу и не хочу иметь» (*АКС*). Фильм вышел на экраны в 1969 г. под названием «Возмездие».

А. Л. БАРТО

17 мая 1968 г., ⟨Москва⟩

Милая Агния Львовна, что-то у меня никак не выходит дозвониться к Вам с дачи, поэтому пишу.

Ваша книга «Найти человека», по-моему,— чудесная книга, добрая, умная, благородная. И главное, при этом она получилась шире, крупнее той важной, но все-таки более ограниченной по своим масштабам темы, которая лежит в центре нее.

Соединение семей, розыски детей, родителей, братьев и сестер — это само по себе важное, благородное дело,— вдвойне важное и вдвойне благородное в стране, где в годы войны с фашизмом двадцать миллионов погибло и несколько десятков миллионов оставалось под фашистской оккупацией и где повсюду, в сущности, почти не было семьи, в которой бы война не оторвала одну часть ее от другой. Масштабы поисков в такой стране огромны, а сами поиски особенно нелегки.

Обо всем этом дает представление Ваша книга. И если бы она была только об этом,— она все равно была бы очень хорошей книгой. Но Ваша книга, повторяю, шире, крупнее той темы, которой она впрямую посвящена.

Ваша книга рассказывает о нравственном уровне нашего общества, о его нравственных принципах и устоях. Она с большой силой напоминает о том, что при всех наших, еще продолжающих существовать бедах и неустройствах общество наше за годы Советской власти накопило очень большие нравственные ценности и очень многое преобразовало в душах людей в лучшую сторону.

Бывают книги, в центре которых герой — образец прекрасного жизненного поведения, образец выполнения долга перед обществом. Воспитательное значение таких книг очень велико. В Вашей книге нет такого героя. Но в ней есть коллективный портрет — множество людей, принявших участие в большом общественном деле. Эта книга — свидетельство высокого нравственного поведе-

ния сотен и тысяч людей. Шире говоря — общества. И в этом ее очень большое значение. И в этом для меня и ее главная красота.

Мне остается только от души поздравить Вас с окончанием этой работы, в успех которой я верил с тех пор, как Вы мне рассказали о ней. Желаю Вам всего самого доброго.

Ваш
Константин Симонов.

17.V.68.

Впервые — в *ЛО*, 1985, № 10.

Барто Агния Львовна (1906—1981) — русская советская писательница.

Ваша книга... — А. Б а р т о. Найти человека. Документальная проза. М., «Советский писатель», 1969.

МОСКОВСКИМ ПОЭТАМ

17 мая 1968 г., ⟨Москва⟩

Хочу поделиться одной идеей и попросить помочь в ее осуществлении.

Этой осенью в Ташкенте будет проходить юбилей Навои. К этому времени выйдет много академических изданий переводов его поэм, будет много однотомных и многотомных трудов. А у меня и у наших узбекских товарищей возникла такая идея: параллельно со всеми большими изданиями выпустить маленькую книжку миниатюр — газелей Навои — всего-навсего двадцать стихотворений в переводе двадцати московских поэтов,— каждый по одному стихотворению. Эту книгу можно назвать, скажем, «Нитка жемчуга». Узбекское издательство в том случае, если мы сделаем все переводы не позже конца июня, выпустит эту маленькую книжку в сентябре, к юбилею, в простом изящном издании, дав каждое стихотворение параллельно на арабском и русском языках.

Этой идеей заинтересовался и отдел поэзии «Нового мира», готовый напечатать в сентябре, к юбилею Навои, на страницах журнала эти двадцать стихотворений в переводе московских поэтов как единую подборку с соответствующим предисловием или послесловием.

Мне кажется, что если в дополнение ко всему тому, что уже сделано для перевода Навои на русский язык теми, кто занимается этим долгие годы — учеными, поэтами и переводчиками,— мы подготовим еще эту маленькую книжку, предназначенную для широкого читателя поэзии, мы выполним свой дружеский долг по отношению к нашим узбекским товарищам.

Мне прислали около сотни подстрочных переводов газелей Навои. Я их все прочел и посылаю каждому из участников нашей предполагаемой работы по две-три газели в подстрочных переводах на выбор. Можно перевести любую из них, какая больше ляжет на душу.

Я, как составитель этой подборки, думаю, что переводить можно по-разному — тут не надо следовать единому рецепту. Можно переводить, в точности соблюдая форму газели, можно, как мне кажется, переводить и более вольно в смысле рифмовки. Главное, чтобы эти стихи передали дух поэзии Навои и прозвучали как подлинные стихи на русском языке.

Что касается меня, то я свою часть работы, свою газель перевел. То же сделали уже и несколько других участников работы.

Я думаю, что было бы прекрасно завершить все это к середине июня. В конце-то концов двадцати московским поэтам предстоит всем вместе перевести около 400 строк, неужто мы не сумеем это сделать за 15—20 дней?

С дружеским приветом

Константин Симонов.

17 мая 1968 г.

Впервые — в воспоминаниях А. Вулиса «Наш земляк Константин Симонов» («Звезда Востока», 1985, № 11).

...будет проходить юбилей Навои.— В сентябре 1968 г. отмечалось 525-летие со дня рождения Алишера Навои.

...выпустить маленькую книжку миниатюр-газелей...— См.: А л и ш е р Н а в о и. Газели. Ташкент, Издательство художественной литературы, 1968 (составитель К. Симонов).

...заинтересовался и отдел поэзии «Нового мира»...— Эту идею Симонов хотел осуществить вместе с «Новым миром».

...мы выполним свой дружеский долг...— В предисловии к сборнику газелей Алишера Навои Симонов писал: «Семнадцать московских поэтов решили в этом юбилейном году внести свой посильный вклад в общую работу и перевели каждый по одной из лирических газелей великого поэта.

Пусть эти семнадцать вольных переводов, в которых Навои прозвучит по-русски на разных поэтических голосах, будут данью нашей общей любви и уважения к поэзии братского узбекского народа».

...я свою часть работы, свою газель перевел...— Симонов перевел газель «Весна без тебя — палача жгут, смертные муки, ад!..» Кроме Симонова в сборнике в качестве переводчиков выступили: М. Матусовский, Р. Казакова, Я. Хелемский, М. Алигер, Н. Гребнев, Н. Матвеева, П. Антокольский, В. Солоухин, С. Липкин, С. Наровчатов, Я. Козловский, Л. Пеньковский, К. Ваншенкин, Т. Стрешнева, Б. Ахмадулина.

18 мая 1968 г., ⟨Москва⟩

Дорогая Кибриё-ханум! Письмо Ваше давно лежит передо мной на столе, и я несколько раз, уезжая из Москвы и вновь приезжая в нее, все возвращаюсь к мысли о том, как же мне ответить Вам. Я понимаю, что это вопрос трудный для Вас и для Абдуллы Каххаровича. Но и Вы поймите тоже, насколько он труден сейчас для меня. Мое отношение к Абдулле Каххаровичу и к его работе в литературе Вы знаете. Когда писатель, никогда не выступавший в роли профессионального переводчика и не имеющий никаких практических причин выступать в этой роли, трижды на протяжении десятилетия берется за перевод на русский язык произведений своего товарища по перу,— это можно объяснить только одним: любовью к таланту того человека, которого ты переводишь.

Буду с Вами вполне откровенен. «Птичку-невеличку» я переводил с большим интересом, я бы даже сказал — с азартом; я очень полюбил эту вещь, и мне очень хотелось донести до русского читателя обаятельные черты прозы Каххара.

С несколько другим чувством я переводил комедию Каххара. Почему? Мне, как драматургу, чужд жанр комедии. Кроме того, специфический быт Махалы, специфическое содержание комедии делали ее очень трудной для перевода, заставляя меня думать, что навряд ли комедия будет сколько-нибудь широко поставлена на русской сцене. Однако я взялся за этот перевод. Во-первых, потому, что комедия была злая и талантливая, и, во-вторых, потому, что (и это тоже было для меня существенно) Абдулле Каххаровичу приходилось тогда трудно и мне хотелось его душевно поддержать.

Я имел случай высказать Вам свое мнение о «Сказках о былом». Эта вещь мне по душе ни в чуть не меньшей мере, чем «Птичка-невеличка». Вещь очень талантлива. Я был очень обрадован за Абдуллу Каххаровича, прочитав ее, увидев, в каком расцвете таланта писал он ее. Я был бы очень рад перевести ее всю и сделал бы это, если бы мои обстоятельства складывались хоть сколько-нибудь нормально. Но у меня сейчас нет ни физических, ни душевных сил делать эту огромную и трудную работу — переводить эту повесть. Я считал для себя долгом дружбы, несмотря ни на какие свои обстоятельства, к юбилею Абдуллы Каххаровича сделать перевод нескольких глав повести для публикации в «Литературной газете». Я много и тщательно работал над этим переводом и был рад увидеть эти главы на страницах «Литературной газеты». Но переводить всю повесть я не могу, и я Вам об этом уже говорил. Я думаю, что причину этого именно Вы и Абдулла Каххарович можете понять лучше других, просто вспомнив некоторые собственные обстоятельства.

Два с половиной года я работал над книгой, которую считаю лучшей из всего, мною написанного. Теперь эта книга уже полтора года лежит в цензуре, и неизвестно, через сколько месяцев или лет она появится в печати. У меня нет чувства, что я кончил работу и могу в перерыве между законченной и новой работой заняться на какое-то время каким-то другим делом. Наоборот. У меня ощущение, что у меня почти четыре года оказались вынутыми или, во всяком случае, временно вынутыми из жизни и что мне для того, чтобы просто-напросто сохранить душевное равновесие, немедленно надо сесть за новую большую работу, что я и сделал. Я не могу сейчас отвлекаться в сторону, бросив роман, не могу и параллельно с романом делать перевод повести, который потребует от меня огромного и усидчивого труда. У меня просто нет на это сил.

И вот что мне хочется Вам объяснить так, чтобы Вы меня поняли: не случись всей этой истории с моей последней книгой, я бы, конечно, перевел всю повесть Каххара, с радостью бы перевел. А сейчас не могу. Поэтому мой вклад в эту работу должен ограничиться только тем, что я уже сделал и что напечатано в «Литературной газете».

Если переводчик, который будет переводить всю остальную повесть, не захочет воспользоваться моей частью работы, я не буду ни в малейшей претензии. Если захочет воспользоваться, пусть включит в свой перевод, указав, что перевод совместный, или указав, какие главы повести переведены мною. Я согласен на любое решение этого вопроса. Но я чувствую, что должен ответить Вам со всей ясностью для того, чтобы Вы еще раз убедились в том, о чем я говорил уже Вам в свое время,— что я не в состоянии сейчас сделать эту работу, а повесть не может лежать непереведенной и ждать, ее надо переводить, не откладывая, это прекрасная вещь...

Вот какие дела, дорогая Кибриё-ханум!

Показывать или не показывать это письмо Абдулле Каххаровичу — решайте по своему усмотрению, в зависимости от настроения и состояния здоровья. При всех обстоятельствах мои самые сердечные приветы и ему и Вам.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

18.V.68.

Каххарова Кибриё Лутфуллаевна (р. 1914) — узбекская советская писательница, переводчица, жена А. Каххара.

...трижды на протяжении десятилетия берется за перевод...— См. примеч. к письму А. Каххару от 12 сентября 1966 г.

...сделать перевод нескольких глав повести для публикации...— См.:

А. К а х х а р. Господь бог. (Предисловие и перевод К. Симонова.) — *ЛГ*, 1966, 13 сентября.

Два с половиной года я работал над книгой...— Речь идет о фронтовых дневниках сорок первого года «Сто суток войны».

...за новую большую работу...— Роман «Последнее лето».

Л. И. СЛАВИНУ

27 октября 1968 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Лев Исаевич, большое спасибо Вам за Ваше письмо.

Мне очень дорого Ваше мнение вообще и еще вдвойне дороже в данном случае потому, что я, как-то вдруг, неожиданно для себя решившись напечатать эти старые, двадцатилетней давности записки, где-то в душе боялся того, как прочтут их два человека — Ортенберг и Вы.

Большое спасибо Вам за уточнения, которые я внесу в отдельное издание.

Прочитав Ваше письмо, я задумался: в самом деле, почему так вышло? Почему у меня так подробно написалось о Ставском? Почему так цепко задержались в памяти какие-то дорогие моему сердцу подробности, связанные с Захаром, и почему действительно такой глубокий и сильный человек, как Борис Лапин, прошел в этих записках как-то мимоходом?

Задумавшись, я попробовал дать себе ответ на это. Дело, видимо, в том, что о Борисе у меня остались только воспоминания, связанные с довольно коротким нашим совместным пребыванием там, на Халхин-Голе. После этого судьба нас сводила только мельком. А с Захаром я потом подружился, жил с ним довольно долгое время в одном доме отдыха, потом в другом, и, очевидно, вот эти впечатления последующих встреч как-то наслоились на те первые халхин-гольские впечатления и позволили с какой-то точностью написать некоторые детали его поведения, характера.

А со Ставским вышло по-другому. После Халхин-Гола меня несколько раз резко столкнула с ним жизнь. И эти резкие, принципиальные столкновения, об одном из которых, наиболее тяжелом, нет ни слова в этих записях, очевидно, как-то легли поверх тех первых впечатлений Халхин-Гола и потребовали от меня какого-то анализа. Поэтому я вольно или невольно отвел так много места Ставскому.

А там, на Халхин-Голе, я, в общем-то, был совсем мальчишкой и хотя, может, это не до конца показывал, но сильно робел перед всеми вами. Робел, конечно, по-разному, но, в общем-то, робел. Должно быть, еще и поэтому-то, что потом нашло продолжение

в жизни уже в более зрелом возрасте или хотя бы чуть-чуть в более зрелом,— запечатлелось с большею силою. Поэтому так и вышло и с Захаром, с одной стороны, и со Ставским, с другой.

Не знаю, как быть с тем местом, где речь идет о Жукове и Штерне. Разговор, который приведен в записках,— одно из очень точных и отчетливых и накрепко застрявших у меня в голове воспоминаний о Халхин-Голе. Я долго колебался над этим местом, но потом все-таки не решился его выкинуть, пожалел.

В то же время я чувствую, что Ваш упрек имеет свои резоны. Я попробую подумать над тем, как бы вставить в этот кусочек какую-то фразу, которая бы дала более отчетливо понять, что мнение человека, чьи слова я привожу, есть его мнение, а я как автор допускаю, что есть и другие.

Ваш рассказ я прочел с огромным интересом и благодарностью к Вам за то, что Вы его прислали. В описании разговора со Штерном и Смушкевичем такая соединенная с глубиной пронзительная грусть, что даже стало тяжело на душе. Характеристика Мехлиса мне кажется блистательной, тем более что вы истратили на нее так удивительно мало слов.

Ваша концепция двойного подчинения — Сталин — Жуков, Сталин — Штерн,— как мне кажется, содержит часть истины. Но в то же время думаю, что вся истина сложнее. Есть еще и другие, привходящие и очень важные обстоятельства. Но об этом, наверное, надо поговорить при свидании, чему я был бы очень рад. Я завтра улетаю, вернусь в середине ноября и, с Вашего позволения, позвоню Вам.

Еще раз спасибо.

Константин Симонов.

27 октября 1968 г.

Славин Лев Исаевич (1896—1984) — русский советский писатель.

Мне очень дорого Ваше мнение...— В письме от 21 октября 1968 г., на которое отвечает Симонов, Л. Славин писал: «Очень хорошо, что Ваш монгольский дневник появился в печати. Эта маленькая война стоит особняком в событиях века, и неповторимость ее следует доводить до людей. Ваши «Записи» существенно дополняют «Товарищей по оружию». Л. Славин отмечал «смелость ⟨...⟩ пера, которая так понравилась и которая придала «Халхин-гольским записям» интонацию искренности, столь украшающую их» *(АКС)*.

...эти старые, двадцатилетней давности записки...— Халхин-гольские записи «Далеко на Востоке». Все упоминающиеся в этом письме литераторы в 1939 г. служили на Халхин-Голе в газете «Героическая красноармейская».

...связанные с Захаром...— Хацревин Захар Львович (1903—1941).

Штерн Григорий Михайлович (1900—1941) — советский военачаль-

ник, генерал-полковник, Герой Советского Союза; во время боев на Халхин-Голе командующий фронтовой группой, созданной на базе Забайкальского военного округа.

...где речь идет о Жукове и Штерне.— В том же письме Л. Славин писал: «Наконец, о том, с чем согласиться не мог: об отношениях Штерн — Жуков. Они (и связанная с ними роль Мехлиса) нуждаются в более глубоком разборе, ибо корень их — в болезненной подозрительности Сталина к своим генералам. Вопрос этот — о двоевластии командования — начал меня интересовать еще там же, на Халхин-Голе, и я в меру своих возможностей постарался его там же исследовать. А впоследствии перепроверил его уже здесь, в Москве. Я пришел к определенным выводам, результатом чего явился мой рассказ «Помнишь Хемингуэя?», до сих неопубликованный».

Мехлис Лев Захарович (1889—1953) — советский государственный и партийный деятель, генерал-полковник, в то время начальник Политуправления РККА.

Смушкевич Яков Владимирович (1902—1941) — советский военачальник, генерал-лейтенант, дважды Герой Советского Союза; во время боев на Халхин-Голе зам. начальника ВВС РККА и командующий ВВС 1-й армейской группы.

А. В. РОМАНОВУ

25 декабря 1968 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Алексей Владимирович!

Во время работы над фильмом «Если дорог тебе твой дом...» нами были засняты на пленку беседы с Маршалами Советского Союза Жуковым, Коневым, Рокоссовским и некоторыми другими военачальниками.

В фильм вошли лишь небольшие кусочки этих бесед. Все остальное находится в материале и могло бы быть смонтировано для показа членам Комитета с тем, чтобы в дальнейшем посоветоваться не только по поводу использования конкретно этих материалов, но и о проблеме организации ряда других исторических киноматериалов этого типа.

Думаю, что Комитету необходимо организовать создание целого ряда кинобесед с еще живыми, к нашему счастью, выдающимися участниками Великой Отечественной войны, великого подвига эвакуации на восток нашей промышленности и других важных исторических этапов жизни и строительства советского общества.

Учитывая развитие кино и телевидения, такого рода материалы в дальнейшем, несомненно, смогут использоваться как учебно-исторические и в системе высшего, и в системе среднего образования, не говоря уже о многих других возможностях.

Представим себе на минуту, к примеру, что через 20 или через

30 лет или через 50 или через 100, после урока истории или в ходе этого урока, посвященного эпохе Великой Отечественной войны, со школьного экрана или с экрана школьного телевизора уже не учитель, а маршал Жуков или маршал Василевский в течение часа или сорока минут расскажет потомкам-школьникам о битве под Москвой или о битве под Сталинградом. Ведь этому цены не будет.

Я прошу обсудить на Комитете этот вопрос, может быть, приурочив это обсуждение к годовщине Советской Армии.

Для того, чтобы всем на конкретном примере было ясно, о чем идет речь,— предлагаю с участием товарищей, работавших над фильмом «Если дорог тебе твой дом...», смонтировать на Центральной студии научно-популярных фильмов для начала один фильм под названием «Маршал Жуков рассказывает о битве под Москвой».

Такой фильм, учитывая состояние материала, который уже полностью подобран, думается, может в одной рабочей копии быть изготовлен в полуторамесячный срок и представлен на обсуждение Комитета для того, чтобы наш разговор о такого рода работах опирался на конкретный пример. Затраты будут минимальные. Товарищ Тихонов, при предварительных переговорах, выразил готовность оказать помощь силами студии, а товарищ Ордынский, так же как и я, согласен принять участие в этой работе безвозмездно.

А если говорить о тех общих предложениях, которые я считаю нужным выдвинуть на основе этого конкретного примера, то они сводятся к двум основным пунктам.

1. Необходимо составить план и к 25-летию Победы произвести съемки целого ряда интервью с выдающимися участниками войны, деятелями фронта и тыла, взяв темами этих интервью решающие этапы войны и согласовав состав участников этих интервью с военными и директивными органами.

2. Необходимо создать в Госфильмофонде специальный фонд киноинтервью, имеющих существенное значение для нашей истории. Поставить дело так, чтобы после съемок любой картины все материалы, связанные с этими интервью, полностью попадали в этот специализированный фонд. Так, в частности, надо поступить с материалами, полученными в ходе создания фильмов «Если дорог тебе твой дом...» и «Гренада, Гренада, Гренада моя...». Очевидно, целый ряд такого рода материалов остался в распоряжении разных студий и в ходе создания других фильмов, ибо прием интервью в последнее время все шире используется в нашем кино.

Таковы мои предварительные соображения. Если Вы в принципе согласитесь с их важностью и поставите вопрос на Комитете, я, разумеется, подготовлю более обстоятельную докладную записку.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

25 декабря 1968 года.

Тихонов Михаил Васильевич (1900—1985) — директор киностудии «Центрнаучфильм» в 1947—1969 гг.

Ордынский Василий Сергеевич (1923—1985) — советский кинорежиссер. Один из авторов сценария (вместе с Е. Воробьевым и К. Симоновым) и режиссер документального фильма «Если дорог тебе твой дом...».

В. П. АСТАФЬЕВУ

14 января 1969 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Виктор Петрович!

Спасибо Вам сердечное за книгу и за письмо.

Некоторое время спустя напишу Вам письмо — тоже хочется поделиться некоторыми мыслями. А пока хочу только ответить на Ваш вопрос: мне самому «Пантелеев» нравится больше, чем «Левашов», и я рад Вашему выбору.

Спасибо!

Жму Вашу руку

Ваш

Константин Симонов.

14 января 1969 года.

...хочу только ответить на Ваш вопрос...— В письме Л. А. Жадовой от 12 ноября 1981 г. В. Астафьев рассказал, что послужило поводом для этого письма Симонова: «К 25-летию со дня Победы я составлял сборник повестей и рассказов для Пермского книжного издательства «Дорога в отчий дом», куда включил и повесть Константина Симонова «Пантелеев». Повесть эту я особо выделял в творчестве Константина Михайловича Симонова, считал ее вершиной среди коротких его вещей того времени и, отправляя книгу, написал ему об этом. Симонов есть Симонов. Он даже на провинциальный сборничек, на коротенькую записку издалека не мог не отозваться» *(АКС)*.

К. Л. КАХХАРОВОЙ

16 января 1969 г., ⟨Москва⟩

Дорогая Кибриё-ханум, простите, что долго не отвечал на Ваше письмо,— сидел взаперти за городом и работал.

Дела обстоят так. «Мираж» я перечел, и мне кажется, его надо включать в гослитовское издание. «Милые мои матушки» я прочел. К автору подстрочника у меня претензий нет. По-моему, подстрочник квалифицированный. Но я очень боюсь, что в русском переводе сам этот водевиль не прозвучит ни на сцене, ни в чтении. Уж очень это сугубо национальная, локальная вещь. И как на русском языке, в русском театре обыграть все то, что читает и видит

между строками узбекский читатель и зритель, я просто ума не приложу. Ведь вот «Голос из гроба» я перевел со всем старанием, на какое только был способен, и все-таки ни один русский театр так его и не поставил. А «Голос из гроба» несет в себе более глубокий смысл и более широкие ассоциации, чем «Милые мои матушки».

Пишу Вам все как на духу. Не знаю, что и делать.

Камрон прислал мне две главы «Сказок о былом», которые он перевел на пробу. Мне кажется, что он способный парень, и этой его работой не следует пренебрегать. Я во всяком случае готов буду ему помочь, если Вы не будете возражать. Я уже с ним говорил по первым кускам и дал ему ряд советов. Он продолжает работу.

Предисловие к шеститомнику получил и прочел. Оно интересное, и думаю, что я прочел его с пользой для себя. Но за все это время Гослитиздат не связывался со мной. Видимо, у них что-то передвинулось со сроками. Как я уже и говорил, я готов написать к «Избранному» свое краткое писательское слово о Каххаре, которое должно сочетаться, как мы говорили, с биографической статьей критика. Я напишу это, когда мне дадут биографическую статью (чтобы не повторяться) и состав «Избранного». На работу я возьму всего-навсего две недели. Так что это можно будет сделать перед самой сдачей в набор. Буду ждать сигнала Гослитиздата.

Жму Вашу руку.

Константин Симонов.

16.I.69.

«Мираж» я перечел...— Роман А. Каххара, опубликованный в 1937 г.

«Милые мои матушки» я прочел...— Комедия А. Каххара, опубликованная в переводе на русский язык А. Наумова в 1972 г.

...«Голос из гроба» я перевел...— Пьеса А. Каххара в переводе К. Симонова опубликована в журн. «Звезда Востока», 1967, № 4.

...ни один русский театр так его и не поставил.— Симонов предлагал пьесу Театру сатиры. 30 марта 1963 г. он писал художественному руководителю этого театра В. Н. Плучеку: «Посылаю Вам ту комедию Абдуллы Каххара «Голос из гроба», о которой я Вам говорил. Мне кажется, что эта вещь и злей и острей каххаровского «Шелкового сюзане», которое шло когда-то лет десять назад. Я в принципе обещал Каххару перевести эту его комедию, но мне хотелось бы это делать в соучастии с театром, а не просто для журнала. То, что я Вам пока посылаю, довольно квалифицированный подстрочный перевод. В свое время я переводил повесть Каххара «Птичка-невеличка». Мне кажется, что я чувствую его юмор и сумею приложить руки к этому подстрочному переводу. Так что пока рассматривайте это, так сказать, в принципе» *(АКС)*.

Камрон прислал мне две главы «Сказок о былом»...— Хакимов Камрон Маруфович (р. 1942) — узбекский советский критик, переводчик. В соавторстве с Симоновым К. Хакимов перевел «Сказки о былом».

Предисловие к шеститомнику...— Вступительная статья О. Шарафутдинова к 1-му тому Собр. соч. на узбекском языке А. Каххара в 6-ти томах, вышедшему в Ташкенте в 1967 г.

...я готов написать к «Избранному» свое краткое писательское слово...— См. «Слово о Каххаре» в кн.: А. К а х х а р. Избранные произведения в 2-х томах. Том 1. М., «Художественная литература», 1977.

...с биографической статьей критика...— Издательство ограничилось лишь предисловием Симонова.

Н. Г. ЗЕЛЕНОВУ

14 апреля 1969 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Николай Григорьевич, извините, что не сразу пишу Вам,— отсутствовал подряд два раза. Сперва был в санатории, а потом ездил на Дальний Восток и только что вернулся.

Разумеется, я с большим интересом прочел Вашу статью. Но, по совести говоря, мне очень трудно выступать перед Вами с какими-нибудь суждениями или замечаниями по ней. Слишком все это тесно связано с моей работой, и я, попросту говоря, теряюсь,— что же написать Вам? Ведь все, что бы я ни написал, будет, очевидно, совершенно субъективно.

Могу только сказать, что для меня традиции Толстого действительно дороги на всем протяжении моей, если можно так выразиться , сознательной литературной жизни. Толстой для меня не только предмет самой большой любви в литературе, но он как бы хлеб насущный. Без знания его, без понимания его я бы просто не представлял себе, как бы я мог писать о войне.

Да, собственно говоря, несмотря на весь личный опыт, на пережитое, даже самый изначальный мой взгляд на войну, подход к ней — отношение к людям, к событиям, к храбрости, к трусости, к испытаниям,— связаны с Толстым, с его восприятием войны. Для меня Толстой — воспитатель не только в литературном смысле, а и воспитатель в житейском, нравственном смысле. Под его влиянием я формировался в то время, когда еще и не думал, что стану писателем.

Вот что такое для меня Толстой. А из этого можете сами судить, как мне трудно высказать какие-либо соображения, учитывая тему Вашей статьи. И я, пожалуй, воздержусь от этого, сказав лишь одно: что читал я ее с чувством благодарности и симпатии к Вам.

В Москве я буду до первого мая. Потом, очевидно, уеду до начала июля. В июле и августе буду некоторое время в Москве, потом, очевидно, снова уеду и буду в Москве где-то в середине октября.

Все эти отъезды связаны с работой над романом, который никак не могу закончить.

Крепко жму Вашу руку.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

14.IV.69.

...прочел Вашу статью.— Н. Зеленов, «Л. Толстой в романах К. Симонова», опубликована в газете Ярославского педагогического института им. К. Д. Ушинского «За педагогические кадры» (1967, 25 мая). В работе исследуется влияние толстовской традиции на творчество К. Симонова.

...с работой над романом...— Роман «Последнее лето».

Г. Н. ШЕНГЕЛАЯ

27 августа 1969 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Георгий!

Вчера я посмотрел Вашего «Пиросмани». Картина вышла проникновенной и печальной. Да никакой иной она не могла и не должна была быть. Ее смотришь с острым чувством горя за судьбу Пиросмани. Сидишь в зале, и все время хочется что-то сделать, чтобы помочь ему, подсказать, как быть, переустроить его судьбу. И сила этого чувства подчеркивает нравственную значительность картины. В картине с большой силой звучит требование справедливости, чистоты и благородства в человеческих отношениях. От неустроенности жизни Пиросмани испытываешь очистительное чувство горечи. Нет, не такой должна быть жизнь художника! Нет, он должен быть счастливым! Вот что хочется крикнуть, посмотрев картину.

Но Пиросмани не был счастливым, и мы задним числом не можем изменить его жизнь. Но этот несчастливый человек оставил людям свои картины, то есть осчастливил людей, многих людей.

А сколько людей, если вдуматься, так и прожили свою жизнь, ничем не осчастливив других, хотя их собственная жизнь выглядела в сто раз более счастливой, чем жизнь Пиросмани?

Я поздравляю Вас от души с этой глубокой вещью.

Два соображения, которые возникли после просмотра в разговоре с Вашим товарищем по работе. Может быть, они пригодятся Вам.

Мне показалось, что, если есть возможность, было бы хорошо в финале дать последнюю написанную картину не общим планом, как сейчас, а панорамой или серией фрагментов, чтобы это воспринималось как завещание Пиросмани людям в большей степени, чем это ощущается сейчас.

Но еще более существенно, на мой взгляд, продлить концовку, которая, как мне кажется, сейчас слишком туманна, в особенности для зрителей, не знающих заранее судьбы Пиросмани. О таких зрителях необходимо помнить. Я бы советовал после последнего кадра картины дать на черной клеенке стилизованную надпись — под те надписи, которые есть на картинах Пиросмани,— с таким, примерно, текстом: «Люди еще и до сих пор спорят о том, где его могила и когда он умер — в марте или апреле...»

Конечно, я пишу условный текст, но мне кажется, что нужно именно в таком духе. А в русском варианте надо дать эту же грузинскую надпись и на ней голос диктора.

Кстати, мне очень нравится идея дать русский вариант на голосе диктора.

Обнимаю Вас. Желаю счастья!

Константин Симонов.

27 августа 1969 года.

Два соображения... Может быть, они пригодятся Вам.— В письме в Комиссию по литературному наследию К. Симонова 9 февраля 1982 г. Г. Шенгелая писал об этом: «Что касается первого предложения К. М. насчет показа последней картины Пиросмани в фильме я согласился с К. М. и сделал так, как он советовал. Картина была снята панорамой, и этот кадр был вставлен в фильм. Насчет концовки фильма не удалось учесть предложения К. М. по производственным причинам. Студия не дала возможность доснять что-нибудь на натуре. Предложенная К. М. надпись мне показалась излишней, с чем он потом в беседе со мной согласился» *(АКС)*.

Н. Н. МЕСЯЦЕВУ

10 сентября 1969 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Николай Николаевич!

В декабре прошлого года я уже поставил этот вопрос, по которому обращаюсь сейчас к Вам, перед Комитетом по делам кинематографии, и за это время там кое-что сделано в этом направлении и продолжает делаться. Однако проблема, о которой идет речь, настолько важна и неотложна, что она, на мой взгляд, не может быть замкнута лишь в одни какие-нибудь ведомственные рамки. Над этой проблемой, очевидно, надо работать всем — и кинематографистам, и работникам телевидения, и писателям, и журналистам, и историкам.

О чем идет речь?

В интересах истории нашего советского общества необходимо общими усилиями, не откладывая, теперь же, в течение этого года, в преддверии 25-й годовщины Победы, и в течение последующих

лет организовать создание целого ряда кинобесед с еще живыми, к нашему счастью, выдающимися участниками Великой Отечественной войны, великого подвига эвакуации на Восток нашей промышленности и других важных исторических этапов жизни и строительства советского общества.

Учитывая развитие кино и телевидения, такого рода материалы в дальнейшем, несомненно, смогут использоваться как учебно-исторические и в системе высшего, и в системе среднего образования, не говоря уже о многих других возможностях.

Представим себе на минуту, к примеру, что через 20 или через 30 лет или через 50 или через 100, после урока истории или в ходе этого урока, посвященного эпохе Великой Отечественной войны, со школьного экрана и с экрана школьного телевизора уже не учитель, а маршал Жуков или маршал Василевский в течение часа или сорока минут расскажет потомкам-школьникам о битве под Москвой или о битве под Сталинградом. Ведь этому цены не будет.

После того, как я поставил этот вопрос перед Комитетом по кинематографии, по моему предложению, на материале кадров, заснятых в ходе работы над фильмом «Если дорог тебе твой дом...», на студии научно-популярных фильмов был смонтирован опытный фильм-интервью «Маршал Жуков рассказывает о Московской битве». Этот фильм был сделан именно как опытный, для того чтобы всем, кто будет решать в целом всю эту проблему о создании такого рода кинодокументов, было наглядно видно, как примерно это может выглядеть, что мы способны сделать. Вы вместе со мною видели этот фильм и теперь имеете представление, о чем идет речь, гораздо более конкретное, чем если бы я просто излагал все это на бумаге.

Хотя начало такой работе положено в Комитете по делам кинематографии, но меня крайне тревожат темпы, которыми все это делается. Если говорить о самых неотложных темах, которые надо сделать к двадцать пятой годовщине Победы, то ведь до этой годовщины осталось всего-навсего 7 месяцев. А если говорить о продолжении этой работы после годовщины Победы,— а ее, конечно, надо продолжать,— то и тут темпы очень многое решают, потому что участники Великой Отечественной войны старятся, болеют, умирают, и если мы еще потеряем какое-то количество драгоценного времени, мы уже не сумеем поговорить перед объективом и запечатлеть на пленке воспоминаний многих людей, чья память о прошлом драгоценна для нашей истории.

В общем, у меня такое чувство, что нашему телевидению, как наиболее оперативному виду искусства, необходимо взяться за это дело в широких масштабах. Пусть одновременно это делается и в кино,— очень хорошо, чем больше будет сделано, тем лучше,— но для меня лично наибольшие надежды на выполнение в короткий

срок этого огромного коллективного труда все больше связываются с телевидением.

Хочу изложить некоторые предварительные практические соображения.

Телевизионные интервью, которые надо постараться сделать в первую очередь, на протяжении 70-го года — года 25-летия Победы,— а частично и к самой этой дате.

1. Битва за Москву. Маршал Жуков рассказывает о Московской битве.

Надо, приобретя для телевидения у студии научно-популярных фильмов экземпляр этого, вышедшего в кинолетописи фильма, сделать с опытным режиссером новый вариант этого фильма для телевидения, возможно включив в него дополнительный изобразительный ряд.

Предлагаю, если это окажется возможным, привлечь к этой работе режиссера Василия Ордынского. Фильм может быть сделан очень быстро.

2. Рассказывает маршал Василевский. Рассказ о работе Ставки и Генерального штаба.

К этой работе можно было бы привлечь историка войны и человека, уже неоднократно общавшегося с Василевским,— Льва Безыменского.

3. Ленинград в блокаде. Киноинтервью с генералом Федюнинским, адмиралом Трибуцем и министром торговли Павловым, бывшим уполномоченным ГКО по снабжению Ленинграда.

Возможные кандидатуры людей, которые могли бы взять у них интервью,— Л. Славин, В. Кетлинская, Г. Холопов.

4. Сталинград. Интервью у нескольких человек: Василевского, Еременко, Чуйкова, Шумилова, Родимцева.

В этой работе могли бы принять участие Л. Безыменский, Долматовский,— пока еще не могу назвать других кандидатур, но они тоже найдутся.

5. Маршал Рокоссовский. Следует приобрести у бывшей Экспериментальной студии киноматериалы бесед с Рокоссовским и Белобородовым, которые остались от фильма «Если дорог тебе твой дом...», и следует привлечь другие киноматериалы о Рокоссовском. А также взять интервью у нескольких его соратников, в том числе у Батова, Белобородова, Телегина.

Думаю, что этой работой могли бы заняться Евгений Воробьев и В. Познер.

6. Партизанская Белоруссия. Интервью с П. К. Пономаренко.

К этому можно было бы привлечь белорусских писателей, в частности А. Адамовича.

7. Конец войны. Киноинтервью с маршалом Коневым.

Следует приобрести у бывшей Экспериментальной студии киноматериалы бесед с Коневым, использовать другие съемки Конева, а также взять и у него интервью.

Этой работой мог бы заняться я, Симонов, и привлечь к ней бывшего редактора фильма «Если дорог тебе твой дом...» Л. Хволовского.

8. Полный кавалер. Фильм-интервью, быть может, с одним, а быть может, с несколькими кавалерами трех орденов Славы. Надо решить вопрос о кандидатурах, но фильм этот непременно надо сделать к Дню Победы и показать в этот день.

9. Эвакуация промышленности. Фильм, видимо, надо составить из нескольких интервью: государственного деятеля, партийного работника, директора завода, рядового рабочего.

10. Хлеб. Фильм-интервью с женщинами советской деревни, которые четыре года войны кормили страну хлебом.

Не прикрепляя к определенным темам, назову несколько людей, кроме уже названных мною, которых можно было бы привлечь к работе над интервью: С. С. Смирнов, А. Бек, Б. Полевой, А. Сурков, Н. Атаров, И. Андроников. Это только первые имена, которые мне пришли на ум, список может быть довольно большим.

С точки зрения организации дела я, конечно, не имею опыта и мои советы могут быть и недостаточно обоснованными, но два соображения все-таки у меня есть.

Первое: все это дело хорошо бы поручить какому-то уже существующему в телевидении ядру, организму, разгрузив его от других обязанностей и возложив на него эту работу. К этому ядру можно было бы добавить целый ряд людей, но все-таки в основе должен быть уже какой-то сработавшийся организм. Иначе мы потеряем слишком много времени на организацию его. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что это так.

Второе: думаю, что было бы правильно при этой специальной редакции организовать общественный совет, включив в него нескольких деятелей телевидения, кинематографии, литературы, журналистики и хотя бы одного видного военного историка. Я бы, в частности, предложил на эту роль начальника кафедры военной истории Академии Генерального штаба Н. Г. Павленко, с которым уже есть опыт совместной работы над документальными фильмами о Великой Отечественной войне.

Таковы, может быть несколько сумбурно изложенные, мои первоначальные предложения. Товарищи Воробьев и Познер, очевидно, дополнят их.

Пишу все это в день отъезда. Буду в Москве 13 октября.

С товарищеским приветом.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

10 сентября 1969 года.

Месяцев Николай Николаевич (р. 1920) — в то время председатель Комитета по радио и телевидению при Совете Министров СССР.

...перед Комитетом по делам кинематографии... — См. письмо от 25 декабря 1968 г. А. В. Романову.

Безыменский Лев Александрович (р. 1920) — русский советский журналист и писатель; участвовал в качестве переводчика в допросах плененных в Сталинграде немецких генералов.

Федюнинский Иван Иванович (1900—1977) — советский военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза, в 1942—1943 гг. командующий Ленинградским фронтом, 54-й армией, зам. командующего Волховским фронтом.

Трибуц Владимир Филиппович (1900—1977) — советский военачальник, адмирал, в годы Великой Отечественной войны командующий Балтийским флотом.

Славин Лев Исаевич, *Кетлинская* Вера Казимировна, *Холопов* Георгий Константинович (р. 1914) — русские советские писатели, участники обороны Ленинграда.

Еременко Андрей Иванович (1892—1970) — советский военачальник, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, во время Сталинградской битвы командующий Сталинградским фронтом.

Чуйков Василий Иванович (1900—1982) — советский военачальник, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, во время Сталинградской битвы командующий 64-й армией.

Шумилов Михаил Степанович — во время Сталинградской битвы командующий 62-й армией.

Родимцев Александр Ильич — во время Сталинградской битвы командир 87-й (с января 1943 г. 13-й гвардейской) дивизии.

Долматовский Евгений Аронович — участник Сталинградской битвы.

Рокоссовский Константин Константинович (1896—1968) — советский военачальник, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза.

Батов Павел Иванович — с октября 1942 г. до конца войны командующий 65-й армией, входившей в состав Донского, Центрального, Белорусского, 1-го Белорусского фронтов, которыми командовал К. К. Рокоссовский.

Белобородов Афанасий Павлантьевич (р. 1903) — советский военачальник, генерал армии, дважды Герой Советского Союза; во время Московской битвы командир 78-й (с ноября 1941 г. 9-й гвардейской) дивизии, входившей в состав 16-й армии, которой командовал К. К. Рокоссовский.

Телегин Константин Федорович (1899—1981) — советский военачальник, генерал-лейтенант, член Военного Совета Донского, Центрального, Белорусского и 1-го Белорусского фронтов, которыми командовал К. К. Рокоссовский.

Воробьев Евгений Захарович (р. 1910) — русский советский писатель.

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902—1984) — советский партийный и государственный деятель, генерал-лейтенант, в 1942—1944 гг. начальник Центрального штаба партизанского движения.

Адамович Александр Михайлович (р. 1927) — белорусский советский писатель, участник партизанского движения.

Конев Иван Степанович (1897—1973) — советский военачальник, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, в конце войны командующий 1-м Украинским фронтом, войска которого участвовали в Висло-Одерской, Берлинской и Пражской операциях.

Хволовский Лазарь Израилевич (р. 1926) — сценарист документального кино.

Бек Александр Альфредович (1903—1972); *Андроников* Ираклий Луарсабович (р. 1908) — русские советские писатели.

М. В. ИСАКОВСКОМУ

Январь 1970 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Михаил Васильевич, позвольте мне с чувством глубокого уважения и давней любви к Вам поздравить Вас и с семидесятилетием, и — самое главное — со всем тем, что сделано Вами для людей за долгие и столь плодотворные годы Вашей поэтической деятельности.

У каждого человека своя судьба. И, в общем-то, каждый читатель по-своему читает стихи поэта. Что до меня, то я с чувством особенно глубокой благодарности к Вам неизменно вспоминаю все то, что связано в Вашей поэзии с Великой Отечественной войной. И даже раньше — с тем предчувствием ее, которое было в Ваших довоенных стихах.

Именно поэтому эти довоенные стихи тоже стали военными песнями.

Я не могу вспомнить войну, не вспомнив Вас. Не вспомнив многие минуты собственной жизни и жизни моих товарищей, когда в наших устах, умело или неумело спетое или сказанное, звучало Ваше поэтическое слово. Мы с Вами начинали войну и с Вами кончали ее. И то стихотворение, которое Вы включили когда-то в книгу стихов, отобранных самими авторами как свое лучшее,— «Враги сожгли родную хату...»,— для меня осталось на долгие годы, может быть, самым пронзительным отголоском войны в нашей поэзии.

Я желаю Вам здоровья. Желаю Вам хороших, счастливых дней и часов — за письменным столом.

Глубоко уважающий Вас

Ваш

Константин Симонов.

Январь 1970 г.

Впервые — в *ЛО*, 1985, № 10.

Исаковский Михаил Васильевич (1900—1973).

...поздравить Вас и с семидесятилетием... — 19 января 1970 г. М. Исаковскому исполнилось 70 лет.

...в книгу стихов, отобранных самими авторами как свое лучшее... — «Мое лучшее стихотворение. Стихи московских поэтов». М., Гослитиздат, 1961.

Г. Н. ДАНЕЛИЯ

15 марта 1970 г., Кисловодск

Дорогой Георгий!

Наконец нам с Ларисой повезло, и мы посмотрели здесь, в Кисловодске, Ваше «Не горюй!». Бывает, что долго не видимся, поэтому хочу написать сразу отсюда. Поздравляю Вас от всей души с очень хорошей картиной. Она добрая, умная, сердечная и безукоризненная по вкусу. Уходишь с нее в состоянии добра и душевного равновесия, в самоощущении любви к людям, которые после Вашей картины как бы заново кажутся заслуживающими любви.

И еще одно, очень для меня важное. Очень много толкуют и плетут сейчас всякого о национализме, интернационализме, национальном своеобразии и национальном характере. А мне кажется, что в искусстве все решается тем — истинная ли, скромная любовь к Родине у художника или нескромная, показная? У Вас — истинная и скромная. От этого, от Вашего мироощущения — национальный грузинский характер дан в фильме с интернационалистической позиции, и в этом секрет обаяния Ваших грузинских героев, которых я люблю, чуть-чуть улыбаясь при этом вместе с Вами. Ах, как это важно и дорого сейчас, когда в литературу и искусство все чаще лезут громкие «национальные герои», напыщенно любящие Родину и так гордящиеся своим «истинно» русским или каким-либо иным национальным характером, что на этот утрированный и самовлюбленный характер и его обладателя и глядеть-то противно.

Родина — слово великое, но при этом застенчивое, а национальные характеры хотя и существуют в природе, но не выражают себя в искусстве средствами плакатной живописи.

Ваш фильм очень близок мне и душевно, и теми взглядами на жизнь, которые я за ним почувствовал.

Крепко жму Вашу руку, Ваш

Константин Симонов.

Кисловодск, 15.III.70.

Впервые с небольшими сокращениями — в *СИД-1.*

Данелия Георгий Николаевич (р. 1930) — советский кинорежиссер. *...Ваше «Не горюй!».*— Фильм снят в 1968 г. (авторы сценария — Р. Габаридзе, Г. Данелия, режиссер — Г. Данелия).

А. И. АКБАРОВУ

22 апреля 1970 г., ⟨Москва⟩

22 апреля 1970 года

Дорогой Адхам Ибрагимович!

Простите, что не сразу сумел ответить на Ваше письмо — отсутствовал в Москве.

С большой охотой готов ответить на Ваш вопрос о Гафуре Гуляме, к которому я неизменно испытывал и испытываю чувство любви и уважения.

В моем представлении трудно отделить Гафура Гуляма — поэта от Гафура Гуляма — человека. Он был цельной личностью, и поэтому стихи его неотделимы от жизни и, наоборот, его жизнь неотделима от стихов. И в жизни и в стихах он был человеком большой и щедрой души, он глубоко любил людей. У него была любвеобильная душа. Но именно поэтому, когда люди были в опасности, он испытывал гнев и возвышал свой гневный голос в защиту людей. Так это было в годы войны. Он был добрый человек, но он умел и ненавидеть!

Я бы не сказал, что способность любить и способность ненавидеть жили в нем рядом. По своей натуре он был больше приспособлен для того, чтобы любить людей. Но именно эта его любовь к людям находила свое естественное продолжение в его ненависти к врагам человечества.

Гафур Гулям был в полном смысле этого слова сын революции. И тот глубокий дух интернационализма, которым веяло и от стихов этого человека, и от всего его житейского поведения, был настолько органичен и естествен в нем, что над этим даже как-то не приходилось задумываться. Насколько я помню, он не склонен был в беседах с другими людьми произносить громкие слова об интернационализме. Способность любить и уважать людей других наций, их интересы, их обычаи, их нравы, их язык — эта способность была как бы естественной частью его собственного человеческого дыхания.

Именно таким остался в моей памяти облик Гафура Гуляма, поэта и человека, которого я имел радость знать на протяжении многих лет и совсем неподалеку от которого целых два года жил в его родном Ташкенте.

Вот, дорогой Адхам Ибрагимович, те краткие слова, которые я в ответ на Ваше письмо испытываю желание сказать о Гафуре Гуляме — как поэте и как человеке. Я буду, конечно, только рад, если вы сочтете нужным привести эти слова в своей работе, посвященной Гафуру Гуляму.

С товарищеским приветом, уважающий Вас
Константин Симонов.

Впервые с небольшими сокращениями — в кн.: А. Акбаров. Гафур Гулям. О жизни и творчестве народного поэта Узбекистана. Ташкент, «Ёш гвардия», 1974.

Акбаров Адхам Ибрагимович (р. 1931) — узбекский советский писатель.

Гулям Гафур Гулямович (1903—1966).

А. Т. ТВАРДОВСКОМУ

15 июня 1970 г., Гульрипши

Дорогой Александр Трифонович! Милый Саша!

Хочу в день твоего шестидесятилетия выразить тебе свою любовь к твоему прекрасному, редкому на земле таланту и свое глубокое уважение к твоему образу жизни в литературе, к твоим взглядам на ее назначение, ее роль в жизни нашего народа и к твоей твердости и последовательности в защите и утверждении этих взглядов. Говорю об утверждении, ибо то, что, если брать поверхность явлений, выглядит как защита, есть на самом деле самое настоящее утверждение, и значение всего того, что ты сделал, работая в «Новом мире», не может быть отменено тем, что сегодня не ты его редактируешь, и значение того, что сказано «Теркиным на том свете», не может быть снято снятием спектакля в Театре сатиры.

Так хотели бы думать те, кто приложил руку к этим административным победам, но они выдают желаемое ими за действительное. А действительность литературы состоит в том, что целая эпоха ее отмечена твоим творчеством, твоей деятельностью. И никуда этого не деть, и не вынуть, и не переложить, кто бы и какую бы ловкость рук для этого ни употреблял.

Я поздравляю тебя с шестидесятилетием и горжусь твоим высоким примером нашей советской литературе, которая все равно есть во многих отношениях литература замечательная и не спо-

собная захиреть ни от нападок ее врагов, ни от медвежьих услуг ее горе-друзей.

Желаю тебе здоровья и обнимаю тебя и целую руку Марии Илларионовне.

Твой *К. Симонов.*

Гульрипши
15 июня 1970 г.

Впервые с сокращением — в *ЛО,* 1985, № 10.

...твоего шестидесятилетия...— 21 июня 1970 г. А. Твардовскому исполнилось 60 лет.

...работая в «Новом мире»...— А. Твардовский был главным редактором журнала «Новый мир» в 1950—1954 и 1958—1970 гг.

...что сказано «Теркиным на том свете»...— Поэма А. Твардовского, написанная в 1954—1963 гг.

...снятием спектакля в Театре сатиры.— См. об этом «Реплику автора» А. Твардовского (А. Твардовский. Собр. соч. в 6-ти томах, т. 5, с. 144—147).

Твардовская Мария Илларионовна — жена А. Твардовского.

В. БУРДОН

15 августа 1970 г., ⟨Москва⟩

Уважаемая Вивиенн Бурдон, извините, что отвечаю Вам с некоторым опозданием, так как не имел возможности из-за работы ответить Вам раньше.

В связи с Вашим письмом и с Вашей работой над докторской диссертацией об Александре Фадееве хочу высказать несколько соображений.

«Молодая гвардия» Фадеева — отнюдь не единственный, конечно, пример произведения, которое еще при жизни автора выходило в разных редакциях. Чтобы далеко не ходить за примерами, сошлюсь хотя бы на Толстого, на его «Войну и мир». Как раз недавно, работая над статьей о «Войне и мире» и занимаясь в связи с этим различными материалами, я познакомился не только с разными точками зрения на то, какой из опубликованных при жизни Толстого редакции «Войны и мира» отдавать предпочтение, но даже и на то, какую именно из этих редакций считать канонической.

Я в данном случае вспоминаю Толстого, могу вспомнить и другие произведения — и классической нашей литературы, и советской литературы, а Вам, наверно, придут на память соответствующие случаи из английской литературы. Наверное, и там они тоже существуют.

Выскажу на этот счет свою личную точку зрения. Мне кажется, что, поскольку существуют две различных редакции одного и того же произведения — опубликованные, то есть представленные на суд многочисленных читателей, то естественно право и читателя, и критика, и историка литературы сравнивать эти редакции и составлять свое собственное мнение относительно их достоинств и недостатков. Сам факт существования двух опубликованных редакций одного и того же произведения, будь то «Война и мир», или «Молодая гвардия», или что-то третье,— сам этот факт — широкое поле для споров и дискуссий о том, что лучше и что хуже и почему так, а не эдак.

Но есть и вторая сторона вопроса, мне лично представляющаяся бесспорной. Кто бы ни был автор и в какую бы эпоху он ни жил, если он при жизни, находясь в здравом уме и твердой памяти, после первой опубликованной редакции своего произведения опубликовал еще и вторую или третью, то мне представляется единственно верным считать канонической ту редакцию, которая являлась выражением последней воли автора. Поэтому в данном случае, с Фадеевым, я тоже считаю его вторую редакцию романа «Молодая гвардия» редакцией канонической, а первую редакцию — первоначальным вариантом романа.

Повторяю, можно по-разному оценивать и то и другое, но уважение к личности автора и к авторской воле при всех обстоятельствах заставляет нас считать его последнюю прижизненную редакцию романа — канонической. И эта сторона вопроса мне кажется бесспорной.

А теперь насчет Вашего вопроса о Лютикове. Если говорить с точки зрения художественной, то, на мой личный вкус, страницы, посвященные Лютикову во второй, как мы с Вами условились, канонической редакции романа мне представляются более сильными и психологически достоверными, чем некоторые страницы, связанные с героями старшего поколения, в первой редакции романа.

Пока я говорю о художественной стороне дела. Если же говорить о фактографической стороне, то я не берусь делать выводов в связи с конкретной историей «Молодой гвардии», имея для этого слишком малое количество фактов,— не исследовал их. Но хочу Вам сказать вот что. Занимаясь историей войны, а некоторыми периодами ее истории — довольно основательно, изучая документы и свидетельства, особенно документы и свидетельства, связанные с первым, самым тяжелым, периодом войны, я прихожу к убеждению, что ни в коем случае нельзя становиться на такую заранее решенную для себя точку зрения, что первые сведения, первые документы, первые свидетельства очевидцев во всех случаях являются наиболее полными и достоверными. Часто это бывает именно так. Но часто бывает и совсем не так. Я имел много случаев в этом

убедиться, потому что очень часто первые свидетельства являются неполными и односторонними. Люди рассказывают о происходившем, зная только какую-то одну его сторону, одну его часть, одно его направление. А впоследствии, вскапывая пласты истории, находя новые свидетельства и новые документы, мы часто обнаруживаем совершенно новые для себя вещи. Новых участников событий, новые случаи героизма, а иногда — и новые случаи предательства.

И особенно это, конечно, относится к такой сложной обстановке на войне, как подполье, партизанская деятельность или борьба в окружении.

Повторяю, то, что я говорю, я говорю на основании собственного опыта писателя, занимающегося историей того периода войны, которому посвящена «Молодая гвардия» Фадеева, и не беру на себя — высказывать взгляд на те или иные фактические вопросы, связанные с историей именно этой организации, не будучи достаточно осведомленным в этом.

А вообще к этому вопросу нужно подходить очень осторожно, учитывая, что иногда даже через много лет историки раскапывают такие данные, такие новые сведения, такие новые человеческие поступки, что это порой заставляет по-новому взглянуть на, казалось бы, даже устоявшиеся в истории факты. А поскольку вопрос, заданный в Вашем письме, связан с этой проблемой, мне хотелось бы обратить внимание Ваше на ее сложность.

Желаю Вам всего доброго.

Константин Симонов.

15 августа 1970.

Впервые — в *СИД-1.*

...работая над статьей о «Войне и мире»...— Статья «Читая Толстого» (см. т. 11 наст. собр. соч.).

А. А. РОМАНОВУ

⟨Конец ноября — начало декабря 1970 г., Москва⟩

Дорогой Александр Александрович, простите, что не писал Вам раньше — хотел сначала доделать до конца дело, о котором мы говорили, а потом написать. Но неожиданно ускорившийся отъезд во Вьетнам заставляет меня написать Вам сейчас.

Еще в конце сентября я перевел пятьсот рублей в Вологодское городское управление Госбанка СССР на расчетный счет № 60907 художественно-производственных мастерских вологодского отделения Художественного фонда СССР — на памятник Яшину.

Я не сомневаюсь, что московские друзья Яшина соберут в ближайшее время вторую половину этой суммы. И не их вина, что

они этого не сделали. Просто я не успел этим заняться и сообщить им об этом деле.

Хочу сказать Вам, что мною написано предисловие к двухтомнику Яшина и послезавтра оно будет в издательстве. Так что это дело, о котором мы говорили, я тоже сделал.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Вас за сердечную и доброжелательную статью.

Жму Вашу руку.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

Романов Александр Александрович (р. 1930) — русский советский поэт.

...ускорившийся отъезд во Вьетнам...— Симонов ездил во Вьетнам в декабре 1970 г.

...на памятник Яшину.— Памятник А. Яшину (работы скульптора М. Таратынова) был открыт 11 июля 1972 г. в г. Никольске (Вологодская обл.) у школы-интерната, где в свое время учился писатель.

...мною написано предисловие...— Предисловие «Об Александре Яшине» в кн.: А. Я ш и н. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., «Художественная литература», 1972 (см. также т. 11. наст. собр. соч.).

...поблагодарить Вас за сердечную и доброжелательную статью.— Статья А. Романова «Константин Симонов в Вологде» (газ. «Красный Север», 1970, 2 сентября).

Датируется по содержанию.

В. Я. ЛЯШУКУ

29 декабря 1970 г., ⟨Москва⟩

Дорогой товарищ Ляшук!

Спасибо за добрые слова, содержащиеся в Вашем письме. Меня действительно давно и глубоко интересовала история Брестской обороны, о которой так прекрасно написал Сергей Сергеевич Смирнов. Но, отвечая на Ваш вопрос, хочу сказать, что лично я в годы войны в этих местах не был. Попал в Брест впервые только где-то в 44-м или в 45-м году, уже после его освобождения. Конечно, и эта встреча со следами героической Брестской обороны произвела на меня очень сильное впечатление и подтолкнула на дальнейшее. Но в дни обороны Бреста я был далеко оттуда — под Борисовом, потом под Могилевом.

В написанном в конце июля 41-го года стихотворении есть упоминание о мальчике, которого везут на лафете пушки артиллеристы, отступавшие из-под Бреста. Насколько мне помнится, это не с воздуха взято: где-то в Белоруссии я видел в те дни именно такую

картину. Видимо, люди мне ответили на мой вопрос, что идут из-под Бреста, может быть, не из самого Бреста, а откуда-то оттуда. Иначе неоткуда бы появиться именно слову «Брест», оно не для рифмы взялось. Но в подробностях, честно скажу, этого не помню. Просто мне кажется, что так оно было. Но утверждать это сейчас, почти что через тридцать лет,— не берусь.

Желаю Вам всего доброго, с товарищеским приветом

Константин Симонов.

29.XII.70 г.

Впервые в кн.: «Слова, пришедшие из боя». Вып. 2. М., «Книга», 1985.

...написал Сергей Сергеевич Смирнов.— Смирнов Сергей Сергеевич (1915—1976) — имеются в виду его книги: «В поисках героев Брестской крепости». М., «Молодая гвардия», 1957; Брестская крепость. Краткий очерк героической обороны 1941. М., Воениздат, 1957.

...подтолкнула на дальнейшее.— К. Симонов имеет в виду работу над киносценарием «Бессмертный гарнизон» (*НМ*, 1955, № 5), по которому в 1956 г. режиссер З. Аграненко снял одноименный фильм.

В написанном в конце июля 41-го года стихотворении...— «Майор привез мальчишку на лафете...»

И. М. ПЕТРОВУ

6 января 1971 г., ⟨Москва⟩

6 января 1971 года

Дорогой Иван Михайлович, чувствую себя виноватым перед Вами, что только сейчас пишу Вам по поводу Вашего «Ильинского поста». Я прочел его сразу же, через день или два после того, как взял у Вас, и хотел сразу же написать Вам. Но потом, против моих ожиданий, вдруг ускорился мой отъезд во Вьетнам, все пошло колесом, и я так и не успел написать Вам. И вот пишу лишь теперь, вернувшись.

Я прочел «Ильинский пост» с большим интересом по двум причинам. Во-первых, потому, что передо мной в ряде незнакомых мне, но, по моему человеческому чутью, достоверных подробностей предстало время, мне неведомое и интересное. Да вдобавок все происходит у Вас в очень интересных для меня местах.

Вторая причина, почему я прочел с интересом и сочувствием Вашу вещь,— это та человечность, которой веет от личности автора или, если угодно,— от личности рассказчика. Для меня в данном случае это одно и то же. Человечность эта — суровая, не мягкотелая, не абстрагированная от обстоятельств времени, от его взглядов и нравов. Такая человечность для меня особенно дорога и, если

можно так выразиться, убедительна. Такую человечность проявлять нелегко. И прежде всего нелегко потому, что она — не слово, а дело.

Вот то главное чувство, которое у меня вызвала Ваша вещь.

К сожалению, сейчас прошло уже больше месяца после того, как я ее прочел, у меня стерлись в памяти детали, о которых тогда, с первопутка, если бы я сразу написал, я бы, наверное, упомянул. Но мне кажется, что при некоторых неровностях изложения, иногда даже при некоторой разностилице (местами) — это интересная проза, которую будут с интересом читать.

Думаю, что при общем благоприятном отношении редактору придется вместе с Вами посидеть над ней, а в каких-то местах, может быть, даже и помучиться. Но дело того стоит.

Прочтешь Вашу вещь, и остаются в памяти два характера — рассказчика и Максима Петровича — в их сложном, порожденном сложностью жизни столкновении. А когда в памяти остаются два человеческих характера — это уже немало.

Я от души желаю Вам успеха и думаю, Вы на меня не посетуете, если я передам сейчас, не теряя времени, для предварительного прочтения Вашу вещь Михаилу Михайловичу Зотову — редактору прозы журнала «Знамя», человеку, который редактировал в журнале «Знамя» мой последний роман и мнению которого я доверяю.

Я пошлю ему Вашу вещь вместе с копией этого моего письма к Вам, чтобы он знал мое мнение об этой вещи. Я думаю, что помимо моих высказанных здесь соображений Вы через некоторое время сможете узнать и то мнение, которое сложилось у Зотова.

Крепко жму Вашу руку.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

Петров Иван Михайлович (Тойво Вяхя; 1901—1984) — финский советский писатель.

...мой отъезд во Вьетнам...— См. примеч. к письму А. Романову от ноября — декабря 1970 г.

...для предварительного прочтения...— См. письмо М. М. Зотову от 6 января 1971 г. «Ильинский пост» И. Петрова был опубликован в сб.: «Граница. Ленинградские писатели о пограничниках». Л., Лениздат, 1974.

М. М. ЗОТОВУ

6 января 1971 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Михаил Михайлович, посылаю тебе интересную, на мой взгляд, рукопись, которую дал мне на мой суд Иван Михайлович Петров. Он же в прошлом — Вяхя.

Это тот самый человек, сейчас полковник пограничных войск в отставке, который когда-то словил Рейли и на своей спине перетащил его через границу. Человек необычайно интересной жизни, умный, высококультурный и, на мой взгляд, литературно одаренный.

До этой вещи я читал его очень интересные записки в журнале «Север» — «Красные финны».

Почитай, пожалуйста; по-моему, это могло бы подойти для «Знамени». Можно было бы дать и врезку об авторе. Он человек феерически интересной судьбы и высоких достоинств.

Жму твою руку.

С Новым годом, дорогой!

Константин Симонов.

6.I.71.

Зотов Михаил Михайлович (р. 1912) — русский советский журналист; написал о Симонове воспоминания «Только факты» (см. «Константин Симонов в воспоминаниях современников»).

...интересную, на мой взгляд, рукопись... — См. письмо И. М. Петрову от 6 января 1971 г.

...который когда-то словил Рейли... — В 1925 г. И. М. Петров участвовал в захвате английского разведчика, начальника европейского отдела Интеллидженс сервис Сиднея Джорджа Рейли.

...очень интересные записки... — Воспоминания И. М. Петрова были опубликованы в журнале «Север» (1969, № 3—5).

А. М. АЛЬТШУЛЕРУ

Февраль 1971 г., Кисловодск

Дорогой товарищ Альтшулер!

Пишу это письмо в дополнение к тому официальному отзыву, который я Вам послал как председатель Комиссии Союза писателей СССР по литературному наследству М. А. Булгакова.

Начну с повторения того, что сказано в отзыве. Ваша работа меня глубоко заинтересовала и написанное Вами показалось мне самым серьезным из всего, что я до сих пор читал о Булгакове как в печати, так и в рукописях.

Для меня несомненно, что Ваша диссертация дает все основания для присвоения Вам соответствующего научного звания. Но еще более важным мне кажется, что Ваша диссертация не только может, но и должна быть издана книгой, и эта книга будет очень интересной и очень полезной. Она прояснит многие вопросы, связанные и с творчеством Булгакова в двадцатые годы, и с той

проблемой — интеллигенция и революция — в его творчестве, которая является главной в Вашей работе.

Повторяю, это должна быть очень интересная и важная книга.

И именно это заставляет меня высказать Вам все те соображения, которые у меня накопились по ходу чтения и которые могут быть Вам в той или иной мере полезны. Так кажется мне. Вам, естественно, может показаться по-другому, и Вы, обратив внимание на то, что покажется Вам существенным, пройдете мимо того, что будет выглядеть для Вас неубедительным.

Я очень сожалею, что я не делал пометок примерно на первых ста страницах диссертации; я думал поначалу, что прочту ее сразу же, за один-два дня, и у меня все останется на памяти. А потом вышло по-другому, и после первых ста страниц произошел длительный перерыв в чтении. В дальнейшем я пометки делал.

К некоторым из них не буду возвращаться в этом письме, а некоторые прокомментирую. Быть может, некоторые из непрокомментированных моих пометок покажутся Вам мелочными придирками, но я хотел бы заметить Вам по собственному опыту, что при чтении литературоведческих и критических работ какая-то часть специфически литературного круга читателей, к сожалению, порою не дают себе труда вникнуть в то, что хотел сказать автор. Или еще хуже — хорошо понимают, что именно хотел сказать автор, но из-за тех или других неудачных фразеологических оборотов, пользуясь ими, пытаются создать впечатление, что автор хотел сказать совсем не то, что хотел сказать.

К некоторым таким нечетким формулировкам и неудачным оборотам, которые могут Вам сослужить дурную услугу, я и придрался в тексте Вашей диссертации с тем пуризмом, на который просил бы не обижаться. Поглядите это в тексте.

А теперь об остальном, более существенном.

Первое критическое соображение, которое у меня возникло, когда я прочел Вашу диссертацию,— это ощущение того, что, часто обращаясь к предыстории русской интеллигенции и выводя из этой предыстории очень многое в творчестве и во взглядах Булгакова, Вы рассматриваете эту предреволюционную интеллигенцию очень уж нерасчлененно.

Может быть,— так мне, по крайней мере, пришло в голову,— тот замечательный анализ «Скифов» Блока, который Вы дали столь широко в своей диссертации, сослужил Вам в этом втором смысле, как ни странно, дурную службу. Сравнив взгляды и концепции Булгакова со взглядами и концепциями Блока, Вы как бы подменили в своей диссертации Блоком всю среду русской интеллигенции, как бы замкнули все это на Блоке. Но хотя через Блока, через его взгляды, через все написанное им можно прощупать многое в истории русской интеллигенции,— в то же время гениальный поэт

Блок — явление исключительное; на нем одном замкнуть представление о предреволюционной интеллигенции нельзя.

Хотел бы поставить несколько риторических вопросов.

Первый вопрос. Из кого состояла к началу революции партия большевиков и какую роль в ее создании и укреплении сыграла русская интеллигенция? (О п р е д е л е н н ы е к р у г и русской интеллигенции, конечно. Но дело именно в том, что Вы недостаточно расчленяете это понятие.)

Наверно, мы с Вами не разойдемся в ответе, сказав, что русская интеллигенция сыграла тут огромнейшую роль.

Второй вопрос, связанный уже с эпохой гражданской войны и военного коммунизма. Какую роль играла русская интеллигенция в той борьбе, которая развернулась в годы гражданской войны между белыми и красными? Какую роль, в частности, она сыграла в этой борьбе, находясь на стороне красных? Какую роль она сыграла в работе партии, государственного аппарата, аппарата военного, в котором, с одной стороны, на фронтах работали и в ролях комиссаров (чаще), и в ролях командиров (реже) тысячи русских интеллигентов, членов партии большевиков. А с другой стороны, в том же военном аппарате работали тысячи и тысячи, а к девятнадцатому — двадцатому году уже и десятки тысяч русских интеллигентов из числа бывших царских офицеров, в большинстве — офицеров военного времени.

Я вовсе не считаю, что обо всем этом должно говориться в Вашей книге (я буду дальше говорить — книга, а не диссертация), но иметь все это в виду следует.

Произошел ли в годы революции и гражданской войны крах русской интеллигенции? На это можно ответить утвердительно. Совершила ли русская интеллигенция подвиг в момент Октябрьской революции и в годы гражданской войны? Да, и на это также можно ответить утвердительно.

Можно ответить еще определеннее — что ни революция не могла бы совершиться, ни гражданская война не могла быть выиграна без участия во всем определенных кругов русской интеллигенции. Ежели мы рассматриваем Октябрьскую революцию как всемирно-историческое событие,— какая-то часть русской интеллигенции потерпела в ходе свершения этого события и последовавших за ним событий крах, а какая-то другая часть совершила подвиг.

Этой расчлененности мне и не хватает в Вашей книге.

Мне кажется, что Вам стоило бы ввести в Вашу книгу преамбулу, в которой поставить точки над «и» в этом вопросе. И уже на этой базе анализировать и жизненные и писательские позиции Булгакова.

Не знаю, как это принято делать в диссертациях, а в книге мне не хватает вступления. Не хватает Вашего кратко изложенного

взгляда на место Булгакова в истории литературы двадцатых годов, Вашей собственной оценки его позиции — человеческой и писательской — до того, как Вы начинаете излагать во введении, как и кто смотрел в это время на Булгакова. Изложение это очень интересное, и это именно то, что мне крайне не хватало во всех предыдущих работах о Булгакове, которые я читал. Но такой обзор, как мне думается, должен следовать за изложением, хотя бы кратким, собственных взглядов.

Не помню, на какой странице работы Вы пишете, что, к сожалению, серьезный разговор критики с Булгаковым при его жизни не произошел. Наверно, так. Видимо, Вы правы. А если бы произошел? Может, стоит попробовать восстановить его? Реконструировать? Каким мог быть серьезный разговор с Булгаковым тогда, в начале и середине двадцатых годов? И в конце их? Как бы Вы сами, представив себя человеком того времени, интеллигентом, стоящим на позициях поддержки советского строя, реконструировали этот разговор с Булгаковым?

Я призываю Вас представить себе его. И найти во вступлении к книге место для того, чтобы отразить этот реконструированный Вами серьезный разговор с Булгаковым в двадцатые годы. Я думаю, что тогда, в этом случае, и обзор критической литературы о Булгакове приобретет большую стройность. Сразу станет очевидней и приемлемое и неприемлемое для Вас и справедливое и несправедливое в тогдашнем разговоре критики с Булгаковым.

Я не хочу растягивать это письмо; мне приходилось уже писать на близкую к этому тему. Я попрошу Вас, если у Вас будет к этому интерес,— заглянуть в мою книжечку «Разговор с товарищами»; там опубликованы два письма, связанные с вопросом о необходимости реальней представлять себе политическую обстановку того времени, в том числе международную обстановку, для того чтобы более точно оценивать атмосферу, сложившуюся тогда вокруг Булгакова.

Так выглядит первый круг вопросов, на которые мне хотелось обратить Ваше внимание.

Второй круг вопросов связан с тем, что некоторые Ваши достоинства как аналитика творчества Булгакова, аналитика профессионального, глубоко чувствующего материал, кое-где превращаются в свою противоположность. И прежде всего там, где в Вашем анализе слишком многое привязывается к литературному процессу. И только к нему.

В этом смысле меня особенно встревожило место насчет Достоевского и Слащева. Здесь Вы увлеклись настолько, что поставили все с ног на голову.

Конечно же, Булгаков — человек, писавший в традициях классической русской литературы, связанный с нею всеми корнями,

прочитавший эту литературу, великолепно помнивший ее и — явно и не явно — цитировавший ее в своих книгах. Но при той крайней постановке вопроса, которая вдруг появилась у Вас в этом месте работы, увы, творчество Булгакова превращается в некую литературную реминисценцию. Булгаков у Вас уже не использует литературу и литературные цитаты для того, чтобы с наибольшей силой изобразить жизнь, а, наоборот, конструирует жизнь в зависимости от того, с руки или не с руки ему использовать при этом тот или иной литературный прием.

Извините меня,— но это неправда. Если бы это было так, то все написанное Булгаковым было бы не литературой, а лишь блестящими литературными реминисценциями. А корни литературы — в жизни, и прежде всего — в жизни самого писателя, и в данном случае — прежде всего в жизни самого Булгакова, и не будь он в Киеве, не было бы «Белой гвардии» и «Дней Турбиных». И не проделай он мысленно тот путь, который проделал его Голубков, не было бы «Бега». И не вернись он мысленно, проделав этот путь, на родину, «Бег» на заканчивался бы так, как он заканчивается.

И это лежит в основе. А уже затем, т о л ь к о з а т е м, идет использование Достоевского, Библии и чего угодно.

Не отбрасывайте так легко Слащева. Вы привели великолепную цитату из него, подтверждающую, что книга Слащева могла быть весьма существенной для замысла «Бега». А дальше сами опровергаете это, говорите, что первоначальный замысел «Бега» явился раньше.

Возможно, первоначальный замысел «Бега» явился раньше. Возможно, и даже наверное, Булгаков написал бы «Бег» и без той истории, которая произошла с врангелевским генералом Слащевым, потому что в жизни происходили и другие схожие истории, потому что многие люди, сражавшиеся с Советской властью до конца и ушедшие в эмиграцию, потом так или иначе переоценивали свои поступки. Возможно, в центре «Бега» могла оказаться и другая фигура. Но такой именно фигуры, как Хлудов, наверное, не было бы, не будь в жизни истории Слащева, достаточно трагичной и к тому времени, когда Булгаков писал «Бег», известной ему от начала и до конца. Булгакову было известно и то, что делал Слащев в Крыму, и то, как он вернулся в Советскую Россию, и как он был прощен и стал преподавать в военной академии, и как он выпустил книгу с предисловием Фурманова. Но Булгакову было известно и то, как Слащев погиб, как он был застрелен после одной из своих лекций братом одного из погибших в боях со Слащевым командиров Красной Армии. Слащев в своей очередной лекции отозвался о погибшем как о малоспособном военачальнике. И вслед за этим получил пулю. Возмездие пришло не оттуда, откуда Слащев его ждал,— факт достаточно пронзительный.

Он был известен даже мне, в то время девятилетнему мальчишке, и запомнился на всю жизнь. А уж Булгаков-то все это, конечно, великолепно знал.

Прототип булгаковского Хлудова едет домой навстречу смерти. Не той, о которой он думает, но все-таки навстречу смерти. И это тоже надо помнить, анализируя «Бег».

Еще раз вернусь к теме интеллигенции.

У Вас в книге есть место, где Вы как бы отдаете все чеховские надежды на будущее только той части русской интеллигенции, которая терпит духовный крах в годы революции. И в собственном понимании именно той части интеллигенции это логично; она считала себя единственной духовной наследницей Чехова.

Но так ли это? Единственная ли она наследница Чехова, именно эта часть интеллигенции? И правильно ли Вы делаете, как бы отдавая ей всего Чехова? Не становитесь ли Вы тут, неожиданно для себя, союзником тех, кто, критикуя Булгакова с левацких позиций, объявлял его мертвым довеском к мертвому Чехову, акцентируя это в связи с постановкой «Дней Турбиных» на сцене МХАТа?

И наконец, главное, что мне хотелось бы сказать Вам в связи с темой русской интеллигенции.

У меня создается ощущение, что, говоря о художественной честности и стойкости Булгакова, о его внутреннем праве на свое понимание пути русской интеллигенции и соответствующее изображение ее, Вы, увлеченный незаурядным талантом Булгакова, начинаете убеждать меня, читателя, в том, что, изображая трагедию Турбиных, писатель изображает наиболее психологически интересные, наиболее глубинные процессы, происходящие в те годы с русской интеллигенцией: Вы подчеркиваете — вот оно, поле для деятельности художника! Вот трагедия, достойная его кисти! Вот люди, анализируя душевную жизнь которых художник может сделать это с наибольшей глубиной!

Ничего не отнимая у Булгакова, хочу поставить перед Вами вопрос — так ли это? Разве та часть русской интеллигенции, которая пошла на службу революции, еще до революции, во время нее и после нее,— разве изображение этих людей — не поле для действия художника? Разве глубина их переживаний меньше, чем глубина переживаний того круга интеллигенции, которую условно назовем «Турбиными»? Разве в этом, ином, чем Турбины, кругу интеллигентов меньше людей идеи, людей чести, людей долга, наконец, людей, у которых в душе разыгрывается трагедия, которые ищут дорогу, заблуждаются, возвышаются и падают? Разве изображение духовной жизни этой части русской интеллигенции дает меньше возможностей для глубочайшего проникновения в человеческую психологию? Разве здесь все это менее глубоко, или менее тонко, или менее противоречиво во многих своих аспектах?

Мне в каких-то местах книги вдруг начинает казаться, что Вы, с достаточными основаниями иронизируя над кожаными куртками Пильняка, сами вдруг становитесь в своем восприятии интеллигенции, пошедшей на службу революции, на позиции представлений о ней как о «кожаных куртках». И это противоречит общему духу Вашей книги.

Определяя место Булгакова в нашей литературе двадцатых годов, анализируя споры вокруг него,— надо определить и то место, которое занимала в жизни общества интеллигенция. Одно дело — субъективное ощущение Булгакова, для которого трагедия Турбиных в какой-то период была трагедией всей русской интеллигенции, а другое дело — объективная мера вещей. Сколько бы впоследствии ни развертывалось в жизни драм и даже трагедий на историческую тему — интеллигенция и народ,— в ту эпоху, когда создавалась «Белая гвардия», реально существовали широкие круги русской интеллигенции, в том числе и художественной интеллигенции, которые воспринимали Октябрьскую революцию как свою победу, как свое будущее,— если угодно, как небо в алмазах!

Без этого невозможно ни понять то время, ни справедливо оценить место Булгакова в тогдашней литературе, ни объективно оценить споры вокруг его творчества.

Пишу об этом, может быть, слишком заостренно, но в таком общеисторическом вопросе должна существовать ясность. И только на базе этой ясности можно отстаивать справедливые позиции в анализе булгаковского творчества, его сложности, его трагедийности.

И наконец, несколько частных замечаний.

Ваш анализ произведений Булгакова мне кажется замечательным. Не боюсь этого слова. Он очень глубок и очень убедителен, и в нем,— что для меня самое главное,— формальная острота соединена с остротой глубинной. Здесь элементы формального анализа Вам нужны для того, чтобы сказать о самом глубинном в Булгакове, в его вещах. Это-то и дорого...

Но, думается, что кое-где Вы, как бы это получше выразиться, форсите, что ли, вдруг переходите при этом формальном анализе на какой-то литературоведческий жаргон. Как мы, грешные, иногда, описывая войну, щеголяем своими фронтовыми познаниями, вворачиваем шикарно звучащие, но большинству непонятные словечки из фронтового лексикона, так и Вы вворачиваете их из своего, литературоведческого. По-моему, Вам никакой нужды нет это делать.

Мне также кажется, что Вы слишком механически переносите (это в конце книги) понятия, сформулированные Бахтиным на материале Рабле и вокруг Рабле, на совершенно иной временной материал. Это получается навязчиво, все эти упоминания об игре, карнавале и т. д и т. п. в применении к тому жизненному материа-

лу, о котором идет речь у Булгакова. Бахтин — большой ученый, и его методика много дала и еще много даст нашему литературоведению, но мне в последнее время начало казаться, что в упоминаниях о нем и в цитатах из него появляется некий элемент модничания. Отголосок этого прозвучал для меня и в Вашей книге, главным образом в ее лексике.

Насчет некоторых цитат. В частности, цитат Булгакова о Станиславском и цитат из Станиславского о Булгакове. Мне кажется, что «Театральный роман» должен был бы предостеречь Вас от неосторожности цитирования. Атмосфера, описанная в этом романе, достаточно сложна и, очевидно, достаточно близка к действительности (при всех ее сатирических оттенках). И вот когда рядом стоят письмо Булгакова о Станиславском и Немировиче, написанное куда-то кому-то — не в театр — и в качестве противовеса письмо, адресованное Булгаковым Станиславскому, то того эффекта, которого Вы хотите, Вы не достигаете. Вам кажется, что Вы показали разные стороны отношения Булгакова к театру, к его руководителям в разные времена, а может возникнуть и иное ощущение: одна цитата — это крик души, а другая — вынужденная дипломатия.

Я не хочу сказать, что так оно и есть, но задумайтесь над этим. Так же, как и над цитатой из Станиславского о том, что Булгаков, в сущности, поставил «Дни Турбиных». Нет ли внутри этого высказывания чего-то такого, что отражало противоречия и взаимную ревность внутри театра?

Я не за изъятие этих цитат. Я скорее за дополнение их. И во всяком случае за тщательную продуманность всего того, что стоит за этими цитатами.

Еще по поводу цитат. Это уже не замечания по тексту, а размышления в связи с текстом.

Когда я прочел то место, где у Вас в книге Горький рассказывает, как он читал три раза «Бег», в том числе Рыкову, я вспомнил свои старые недоумения. Почему Сталин не только терпимо, а в общем даже и благожелательно отнесся к постановке «Дней Турбиных» на сцене МХАТа и обрушился потом на «Бег», не принял его? Хотя безусловно — и это Вы еще раз справедливо подчеркиваете в своей работе,— «Бег» был для Булгакова большим шагом вперед. Во всяком случае в его расчетах с прошлым. Почему же Сталин этого не почувствовал?

До сих пор у меня напрашивался один ответ,— что было уже другое время, начинались пятилетки, начиналась коллективизация, начинался совершенно новый тур исторических событий, и история крушения эмиграции была Сталину как политику уже ни к чему в тот исторический момент. А вот прочитавши приведенную Вами цитату из Горького, я подумал еще об одном. А не усугуби-

лось ли еще все и тем, что, апеллируя в защиту «Бега», Горький обратился не по тому адресу? Если вспомнить, в какой исторический момент все это происходило,— догадка, мне кажется, не лишена резона. Это уж я так просто пишу, потому что пришло на ум. К Вашей книге это отношения не имеет.

Хочу вернуться к тому, с чего начал.

Все те вопросительные «но», о которых я написал, есть лишь следствие большого и искреннего желания увидеть Вашу работу успешно завершенной, а Вашу книгу — напечатанной. Может быть, в своих «но» я многое преувеличил, может быть, многое из того, о чем я Вам написал, следует вынести за скобки Вашей работы. Может быть, в частности, мое предложение о необходимости преамбулы неправильно и это архитектонически испортит Вашу книгу. И то предуведомление об авторской позиции, о котором я пишу Вам, следует осуществить в книге совсем по-другому, на другой манер. Я хорошо осознаю, что в написанном мной есть крайности, которые будут для Вас очевидными. Однако я думаю, что Вы не посетуете на меня за эту попытку проверки на прочность тех из устоев Вашего исследования, которые мне показались недостаточно прочно поставленными на фундамент реальной истории.

А если говорить в целом, то мне хочется повторить, что я очень высоко оцениваю Ваш труд и мало что читал за последние годы с таким интересом.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

Февраль 1971 г.
Кисловодск.

Альтшулер (Смелянский) *Анатолий Миронович* (р. 1942) — русский советский литературовед и театровед.

...Ваша диссертация дает все основания для присвоения Вам соответствующего научного звания.— Кандидатскую диссертацию «Дни Турбиных» и «Бег» М. А. Булгакова в истории советского театра 20-х годов» А. Альтшулер защитил в 1972 г.

...но и должна быть издана книгой...— Продолжая работать над этой темой, автор опубликовал несколько статей, в том числе «Ненавидящая любовь (Заметки о «Скифах» А. Блока)» (*ВЛ*, 1972, № 2),— эту статью рекомендовал редакции Симонов, а затем выпустил кн.: А. Смелянский. Михаил Булгаков в Художественном театре. М., «Искусство», 1986.

...анализ «Скифов» Блока...— Стихотворение «Скифы» написано в 1918 г.

...там опубликованы два письма...— Речь идет о фрагментах из писем. Одно из них — Л. Яновской от 15 сентября 1965 г.— полностью печатается в этом томе.

Слащёв Яков Александрович (1885—1929) — белогвардейский гене-

рал-лейтенант; после эвакуации белогвардейских войск в Турцию выступал в печати против Врангеля, по приказу которого был судим и разжалован в рядовые, осенью 1921 г. с разрешения Советского правительства с группой офицеров вернулся на родину, был амнистирован.

...книга Слащёва...— Я. А. Слащёв. Крым в 1920 году. М.— Л., Госиздат, 1924.

...Булгакову было известно и то, как Слащёв погиб...— Симонов ошибся: «Бег» был закончен в 1928 г. и в октябре этого же года поставлен во МХАТе, Слащёв убит в 1929 г.

...кожаными куртками Пильняка...— Пильняк Борис Андреевич (1894—1937) — русский советский писатель. Симонов имеет в виду его роман «Голый год» (1921), в котором в главе «Кожаные куртки» большевики изображались следующим образом: «...собирались наверху люди в кожаных куртках, большевики. Эти вот, в кожаных куртках, каждый в стать, кожаный красавец, каждый крепок, и кудри кольцом под фуражкой на затылке, у каждого крепко обтянуты скулы, складки у губ, движения у каждого утюжны. Из русской рыхлой, корявой народности — отбор. В кожаных куртках — не подмочишь» (Б. Пильняк. Избранные произведения. М., «Художественная литература», 1976, с. 159). Этот образ — «кожаные куртки» — стал обозначением подобного типа изображения героя революционной эпохи.

...сформулированные Бахтиным на материале Рабле...— Бахтин Михаил Михайлович (1895—1975) — русский советский литературовед, теоретик искусства. См. кн.: М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., «Художественная литература», 1965.

...над цитатой из Станиславского...— Симонов имеет в виду следующее место из письма К. Станиславского М. С. Гейтцу от 3 сентября 1930 г.: «Вот из него (М. Булгакова.— *Л. Л.*) может выйти режиссер. Он не только литератор, но он и актер. Сужу по тому, как он показывал актерам на репетициях «Турбиных». Собственно — он поставил их, по крайней мере дал те блестки, которые сверкали и создавали успех спектаклю» (К. Станиславский. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 8. М., «Искусство», 1961, с. 269).

...отражало противоречия и взаимную ревность внутри театра?..— О том, что предположение Симонова не лишено основания, свидетельствует, например, письмо К. Станиславского режиссеру В. Г. Сахновскому от 2 сентября 1932 г., в котором он писал, что режиссерская слава И. Судакова, поставившего «Дни Турбиных», «очень преувеличена», что вся «внутренняя линия» в спектакле принадлежит М. Булгакову (И. Виноградская. Жизнь и творчество К. С. Станиславского. В 4-х томах, т. 4. М., ВТО, 1976, с. 290).

...как он читал три раза «Бег»...— Об этом М. Горький говорил во время обсуждения «Бега» на Художественном совете МХАТа 9 октября 1928 г.

15 марта 1971 г., ⟨Москва⟩

Дорогая товарищ Затуловская!

Вы сердитесь на меня за то, что в конце моего романа погиб Серпилин. Мне самому было жалко расставаться с человеком, которого я полюбил, пока писал о нем. Полюбил, наверно, потому, что когда писал — вспоминал нескольких хороших людей, с которыми меня свела война и которые приходили мне на память, подталкивали меня на то, чтобы написать Серпилина именно таким, каким я его написал.

Но, к несчастью, война — жестокая вещь. И она была жестокая и трагическая до последнего дня; люди гибли и в день победы, в Берлине, в самые последние дни, и я сам этому свидетель.

Но Серпилин погиб у меня в романе не только потому, что так случилось, что примерно так погибли другие люди, ну, скажем, к примеру, командующий 3-м Белорусским фронтом Черняховский, погиб в расцвете сил, таланта, когда уже казалась совсем близкой окончательная победа. Серпилин погиб не только потому, что так бывало, что это правда. Он погиб у меня в романе еще по одной причине.

Дело в том, что, как я Вам уже сказал, война до последнего своего дня была трагедией. Потому что на ней погибали люди. И трагедией она была в этом отношении и тогда, когда мы стали побеждать немцев, громить, окружать. И вот для того, чтобы показать, что война до своего последнего дня оставалась трагедией, что нам пришлось платить самую дорогую, какую только можно вообразить, цену за победу и за каждый шаг этой победы; для того, чтобы читатели это почувствовали, мне пришлось расстаться на поле боя с самым дорогим для меня в романе человеком.

Если бы я расстался с человеком, которого я меньше люблю, который мне меньше дорог, то и читатель не почувствовал бы, насколько трагична война и каких людей она нас лишила.

Вот почему я кончил роман именно так, а не иначе. Хотя Вы, наверно, меня хорошо понимаете, что мне было не просто и не легко расстаться со своим героем.

Желаю Вам всего доброго.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

15.III.71.

Впервые — в *ЛГ*, 1982, 4 августа.

...командующий 3-м Белорусским фронтом Черняховский, погиб в расцвете лет... — Черняховский Иван Данилович (1906—1945) — советский военачальник, генерал армии, дважды Герой Советского Союза. И. Д. Черняховский был тяжело ранен в районе г. Мельзак (Восточная Пруссия) 18 февраля 1945 г. и в тот же день скончался.

Г. Д. ГУЛИА

31 марта 1971 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Георгий Дмитриевич!

Испытывая известное чувство робости, попытаюсь, однако, ответить на Ваши вопросы, связанные с М. Ю. Лермонтовым.

Я люблю Лермонтова, особенно его прозу, стихи последних лет; из поэм больше всего люблю «Валерик», из пьес — «Маскарад».

Главным уроком из Лермонтова для меня — и как для поэта, и как для прозаика — был и остался «Валерик». Вообще-то главный урок для меня — это Лев Толстой. Но я почему-то думаю, что для самого этого недосягаемого учителя большинства русских прозаиков лермонтовский «Валерик» тоже был в свое время одним из первых уроков мастерства и правды.

Сколько бы я ни перечитывал Толстого,— ранние его кавказские рассказы, «Севастопольские рассказы» или военные страницы «Войны и мира»,— мне всегда вспоминается еще и «Валерик», как тот ручеек под Осташковом, с которого начинается Волга.

А если оценить «Валерик» поуже — только как стихи — то думаю, что во всей русской поэзии не было написано ничего равноценного о войне до тех пор, пока не появились через сто лет главы «Василия Теркина», такие же удивительные, как «Валерик».

Итак, когда я слышу: «Лермонтов»,— где-то внутри меня как эхо возникает: «Валерик».

Больше всего в Лермонтове меня поражает его возраст. Как мало жил, как много успел.

27 лет Лермонтова — это неотъемлемая часть нашего восприятия и его имени, и его произведений.

Лермонтов, доживший до 80 лет, как Толстой, наверняка был бы в нашем сознании совсем другим человеком.

А 27-летний Толстой в моем сознании чем-то очень похож на Лермонтова: способен стреляться, неуживчив с людьми, отважен и смертен.

Кстати, попади Лермонтов на бастионы Севастополя, ему было бы не так уж много — всего-навсего сорок.

В смерти Лермонтова меня больше всего поражает то, что мы еще и сейчас, через 130 лет после нее, никак не можем с ней примириться, подозреваем прикрытое дуэлью убийство и придумываем разные обстоятельства, при ином стечении которых он мог бы остаться жив.

В личности Лермонтова меня больше всего поражает то, как много сказал он о ней сам в своих стихах и прозе и как мало оставил следов вокруг.

А когда мне хочется мысленно восстановить течение жизни Лермонтова, я читаю дневники молодого Толстого.

Вот и все!

Ваш
Константин Симонов.

31.III.71.

Впервые — в *СИД-1.*

Гулиа Георгий Дмитриевич (р. 1913) — русский советский писатель.

В ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА

⟨Июнь 1971 г., Москва⟩

Дорогие товарищи!

Прошу извинить, что я с опозданием отвечаю на Ваши вопросы, но я был долго в отсутствии.

На все вопросы я ответить не готов, надо перечитать Лескова, а по пятому вопросу надо перечитать и много другой литературы — я сейчас не могу это сделать. Поэтому позвольте ответить на первый, второй и четвертый вопросы.

Первое. Я начал читать Лескова очень рано, наверно, лет в девять, десять, и хотя был уже тогда грамотный, конечно, но впервые Лескова я не читал, а слушал. Мать, которая очень любила Лескова, наверное, целые две недели подряд понемножку читала вслух «Соборян». А где-то, наверное, лет в двенадцать читал уже сам рассказы — «Тупейный художник» и «Левшу».

И наконец, в двадцать лет, студентом, с некоторым усилием над собой — для полноты знаний о Лескове — прочел «На ножах» и «Некуда». Их с тех пор не читал, а почти все остальное много раз перечитывал в разные годы жизни.

Второе. Больше всего, если действительно назвать то, что больше всего, безусловно люблю у Лескова — «Левшу». Самое глубокое и сильное из всего, что им написано. Здесь за велико-

лепным лесковским юмором не только откровенная горечь, но еще под этой горечью какая-то потаенная нестерпимая грусть за свою русскую землю и за несовершенство русской жизни.

Четвертое. Трудно однозначно ответить на вопрос — в чем жизненность произведений Лескова? Жизненность их, прежде всего, конечно, в таланте, в самой силе дарования писателя, который тебя берет в плен независимо от того, что и время другое, и люди другие, и всему, о чем писалось, уже сто лет с лишним, а то и больше.

Жизненность, конечно, и в языке Лескова, в его антистерильности. Он был яростный борец с литературными дезинфекциями русского языка. Был не только наблюдателен и чуток слухом, но и находчив, изобретателен. Не боялся контрастов, умел сталкивать одно с другим так, что ты, читатель, начинал смеяться не из-за неожиданности оборота речи — из-за неожиданности столкновения слов и понятий.

Жизненность Лескова и в том, что лучшие его вещи, такие как тот же «Левша», обращены далеко в будущее. Это же ведь не только история казака Платова и кузнеца Левши, а еще и заповедь, обращенная к русским людям,—замечать свое, беречь таланты, давать им ход. Заповедь, сдобренная горечью, для которой и сейчас нет-нет да и бывают в жизни причины.

Константин Симонов.

Впервые — в *ВЛ,* 1982, № 5.

Лескова Николая Семеновича (1831—1895) роман «Соборяне» написан в 1872 г., рассказ «Тупейный художник» — в 1883 г., рассказ «Левша (Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе)» — в 1881 г., роман «На ножах» — в 1870—1871 гг., роман «Некуда» — в 1864 г.

Датируется по содержанию.

КОМСОМОЛЬЦАМ 9 «Б» КЛАССА ШКОЛЫ № 95 ВОЛГОГРАДА

Июнь 1971 г., ⟨Москва⟩

Дорогие комсомольцы из 9 «Б» класса, дорогой товарищ классный руководитель — не имею возможности обратиться к Вам по фамилии, ибо она в Вашем письме написана неразборчиво!

Я вполне сознательно не ответил на ваше первое письмо. Писем с просьбой что-то рассказать, о чем-то написать, поделиться воспоминаниями присылают много, из многих школ. Так это происходит со мной, так, наверное, происходит со многими другими писателями. Я отвечаю на те письма, которые пишутся не для галочки и рассматриваются самими товарищами, которые их пи-

шут, не как мероприятие; отвечаю на те письма, которые написаны серьезно, в которых чувствуется действительный интерес, действительное желание что-то узнать.

В вашем письме я этого не обнаружил. Ни в первом, ни во втором.

Если бы вы в своем письме, присланном из Волгограда, попросили меня рассказать об участии в Сталинградской битве, поделиться воспоминаниями того времени, то я бы нашел что вам ответить. Адресовал бы вас к тому, что я уже написал об этом, может быть, добавил бы еще что-то, послал бы фотографии того времени, снятые в Сталинграде.

Но вы в вашем письме, которое, очевидно, составлено по шаблону, просите меня написать хоть несколько строчек о «Вашей литературной деятельности в период становления Советской власти». Но дело в том, что, если бы вы прочли хоть одну мою книжку, вам из нее было бы совершенно ясно, что я не мог заниматься литературной деятельностью в период становления Советской власти хотя бы потому, что мне было тогда два года. Это видно из любого предисловия к любой моей книжке, это написано и в любой вступительной статье и в энциклопедии. Таким образом вы спрашиваете «о литературной деятельности в период становления Советской власти» у человека, которому было тогда два года, у писателя, чьи книги вы не читали и о котором ничего не знаете.

Зачем же вы тогда ко мне обращаетесь? Какой в этом смысл? Почему мой ответ может представлять для вас интерес?

Исходя из этого, я понял, что вы не настроены на серьезную работу, а занимаетесь очередной кампанейщиной,— это, к сожалению, у нас еще бывает,— поэтому и не ответил вам. А теперь, когда вы прислали второе письмо, в котором упрекаете меня в том, что я равнодушен к тому, каким вырастет новое поколение, и снова, во второй раз, спрашиваете меня о том, что я делал в период становления Советской власти,— на этот раз я уж хочу вам ответить и хочу, чтобы вы прочитали этот мой ответ на вашем комсомольском собрании и обсудили те вопросы, которые я затронул в своем письме. А потом написали мне. Может быть, тогда у нас и наладится с вами переписка, но не формальная, а по существу.

А если у вас к этому нет охоты, так и не надо этим заниматься.

Вот что мне хотелось вам написать именно потому, что я не могу оставаться равнодушным к тому, каким вырастет новое поколение.

С товарищеским приветом.

Константин Симонов.

Июнь 1971 г.

Впервые — в *СИД-1.*

9 июля 1971 г., ⟨Москва⟩

Дорогая товарищ Дунаева, получил и с интересом прочел Ваше письмо.

Думаю, что вопрос сложный: Толстому никто не мешал написать роман о декабристах. Однако он написал роман о войне 1812 года. А по Вашему письму выходит так, что вроде бы для него главным было одно, а написал он все-таки о другом. Вряд ли это было так.

И второе. Остаюсь все же при убеждении, что совершенно не случайно вышло в русской литературе, что самый ее великий роман, связанный с войной, написал человек, познавший войну на своей шкуре. Именно он, а не другие — тоже великие русские писатели. И позвольте Вам заметить, что человек, которого, по Вашим словам, никогда не интересовала тема войны, не написал бы книги под названием «Война и мир».

Мне кажется, что Вы совершаете ошибку, канонизируя взгляды Толстого и перенося их на предыдущий период его жизни — когда им к сорока годам было написано, при всем величии других его произведений,— все-таки самое великое из них — «Война и мир».

Как видите, я с Вами не согласен. Но за письмо все равно — спасибо Вам.

Уважающий Вас
Константин Симонов.

9.VII.71.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

А. В. ЮДАХИНУ

18 ноября 1971 г., ⟨Москва⟩

Саша, прочитал Вашу книжку стихов и пишу Вам просто письмо, а не отзыв, потому что отзыв писать пока бесполезно. Книжки стихов у Вас еще нет. И неизвестно, когда она будет,— если Вы будете продолжать работать так, как работали до сих пор, ничего и никогда не доводя до конца.

Стихи не могут получаться без какого-то наития, озарения, без какой-то сумятицы в мыслях, из которой потом вылезают строчки. Стихи не могут получаться без мгновенных находок, без «вдруг», без открытий.

Но если все свести только к этому, если удовлетворяться тем, что получилось сразу, в первый момент, тем, что вспыхнуло, загорелось, и не доводить потом до конца силу мысли, силу чувства,— стихов не будет. Будут заготовки для стихов. Иногда прекрасные заготовки. А стихов — не будет.

Ваша книга — это (за редким исключением) заготовки, которые могут стать стихами, а могут и не стать, потому что того накала, который достаточен для заготовки, может не хватить на законченное стихотворение. Читаешь Вашу книгу и просто диву даешься, насколько все не доведено до конца, насколько все разбросано, раскидано, не сведено воедино. Создается такое впечатление, что Вы предлагаете вниманию читателя, в данном случае — моему вниманию, не книгу стихов, над которой Вы, судя по датам, работали восемь лет, а папку листков из своих поэтических записных книжек, которые у Вас так и не хватило времени или воли превратить в книгу.

Такое впечатление, что Вас в каждом стихотворении слишком сильно радует первый непосредственный успех: ах, вот Вы что-то нашли, почувствовали, что-то загорелось, сверкнуло, блеснуло — и Вы уже довольны. Это Вас уже удовлетворяет!

Я воспринимаю Вашу рукопись как рукопись человека явно одаренного, но столь же явно пока что не способного, не умеющего по-настоящему работать в поэзии. Зло берет, когда все это читаешь. Думаешь — а ведь мог бы из этого человека получиться поэт, и, быть может, хороший, но если он будет и дальше работать так, как он работал эти восемь лет,— не будет из него поэта!

Не стал бы этого говорить, если бы не считал, что ту одаренность, которая в Вас заложена, Вы не развиваете, а губите.

Среди Ваших стихов нет ни одного, которое можно было бы рассматривать иначе, чем черновик, над которым еще надо работать. А если говорить о том, что стоит хотя бы на полпути от черновика к беловику, в чем чувствуется не только наитие, но хотя бы какая-то часть совершенной после этого наития работы, то я бы набрал во всей книжке семь-восемь стихотворений, не больше того.

Все остальное, как правило, кажется очень далеким от завершенности. А порою это вообще стихи, которые и завершать не для чего — в них все с налета, все подражательно, все рысью. Говорю не обо всех стихах, но есть и такие — именно рысью! Все в них держится на маленьком собственном мимолетном впечатлении, подпертом литературными реминисценциями от Пастернака до Вознесенского.

Мой Вам совет — не читайте стихи вслух симпатизирующим Вам доброхотам! Взяв кого-то за лацкан и прочитав ему стихи вслух, можно внушить и ему и себе, что стихи — хороши. Не надо писать и сразу с налета читать вслух,— что это обман — полбеды,

что это самообман — вот беда! Лучше давать читать стихи глазами. Это опаснее, но надежнее; скорей узнаете правду о своих стихах.

Прекрасно понимаю, что письмо мое малоприятно для Вас. Может быть, оно даже и разозлит Вас. Но это не беда, если Вы в состоянии злости способны работать и доказывать работой, что Вы правы, а те, кто Вас разозлил,— ошибаются. Хорошо, если так.

Какими бы ни были Ваши эмоции, мне бы очень хотелось, чтобы Вы обратили внимание на это письмо. Вы как поэт находитесь в очень опасном положении и в очень опасный момент. Подумайте над этим.

Желаю Вам всего доброго.

Константин Симонов.

18.XI.71.

...прочитал Вашу книжку стихов...— Первый вариант рукописи кн.: А. Юдахин. Судовое Время. М., «Молодая гвардия», 1975.

...очень хотелось, чтобы Вы обратили внимание на это письмо.— В письме Л. Жадовой от 7 декабря 1981 г. А. Юдахин писал: «Резкое его письмо, несмотря на мою ершистую реакцию самолюбивого человека, отрезвило меня, заставило вопреки первоначальному компромиссу поступить более принципиально и заменить большинство произведений на другие (острые, как мне казалось, и важные на том этапе). Когда вышла книга «Судовое Время», я послал ее Константину Михайловичу в качестве отчета и был благодарен ему за серьезную оценку и добрые слова в мой адрес, переданные мне...» *(АКС).*

Г. К. ЖУКОВУ

1971 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Георгий Константинович, журнал «Смена» обратился ко мне с просьбой выступить на его страницах в связи с близящеюся датою Вашего семидесятипятилетия.

Встречи с Вами оставили глубокий след в моей памяти. А так как я, будучи писателем, а может быть, немножко и историком войны, всегда достаточно хорошо понимал, насколько существенны для истории и Ваши суждения о войне, и Ваши воспоминания о ней, слышанные мною из Ваших уст,— естественно, что я кое-что записывал для памяти после встреч с Вами, считая это своим долгом литератора и участника войны.

После некоторых колебаний я, получив предложение «Смены», показал им у себя дома, как говорится — не выпуская из рук, двадцать страничек своих записей о встречах и беседах с Вами, в данном случае связанных главным образом с халхин-гольскими событиями.

Посылаю эти страницы Вам. «Смена» в принципе хочет их печатать. Но, разумеется, я считаю возможным это сделать лишь в том случае, если Вы сами этого захотите, а также при наличии этого желания укажете мне на те или иные коррективы по тексту в том случае, если они у Вас возникнут.

Если же Вам не захочется, чтобы эти страницы моих записей оказались напечатанными, или покажется это несвоевременным,— прошу Вас просто-напросто оставить эти странички себе на память как знак моей любви и глубокого уважения к Вам.

Прошу передать мой поклон Галине Александровне.

Жму Вашу руку.

Глубоко уважающий Вас, Ваш

Константин Симонов.

Рукопись прилагаю.

1971.

Впервые — в ЛГ, 1985, 1 мая.

«Смена» в принципе хочет их печатать.— «Халхин-гольская страница (Из записок о Г. К. Жукове)» была опубликована в *ЛГ,* 1974, 24 июля.

...если Вы сами этого захотите... укажете мне на те или иные коррективы...— Г. К. Жуков 17 октября 1971 г. ответил Симонову: «Вашу рукопись «Халхин-гольская страница» я прочитал с большим удовольствием. Она правдиво и метко отражает обстановку и характеристику людей тех дней.

В рукопись я внес небольшие уточнения. Думаю, что Вы не будете возражать против них» *(АКС).*

МАТВЕЕВУ

29 мая 1972 г., ⟨Москва⟩

Дорогой товарищ Матвеев!

Хотя и поздно это делаю, но хочу ответить на Ваше письмо.

Вы с большой горечью описали то поле боя, с которого не вернулся Ваш отец. Понимаю Ваше горькое чувство, с которым Вы там были. С этим горьким чувством и мне доводилось встречаться на многих местах неудачных, тяжелых для нас боев сорок первого, сорок второго годов, где мне пришлось побывать тогда и пришлось оказаться впоследствии. Наука войны далась нам тяжело. И когда я читаю, скажем, замечательные стихи Твардовского «Я убит подо Ржевом», я всегда думаю о тех жертвах первых лет войны, которых могло бы быть меньше, если бы мы были лучше готовы к ней. Это горькое чувство.

Насчет изображения женщин в моем романе не хочу с Вами спорить — это не дело автора. Одних женщин в своей книге я люблю, уважаю, других не люблю и не уважаю. Я не сторонник распущенности нравов, знаю и цену верности, и что она значила для человека на фронте. Но все-таки оценивать женщину только с одной этой стороны, мерить ее нравственные качества только тем, была у нее в жизни одна любовь или оказалось не одна, а две, свела ее жизнь с одним человеком или свела с двумя или даже с тремя,— одним этим не могу оценивать женщину. Потому что есть в ее жизни еще и война, на которой люди ведут себя по-разному. Если, скажем, такая женщина, как изображенная в моих книгах Таня Овсянникова, прошла эту войну честно, как дай бог всякому мужчине пройти, то для меня все-таки самое главное это, а не ее неудачная семейная жизнь с первым мужем или ее дальнейшая непростая личная судьба.

Мы, говоря о мужчинах на войне, привыкли все-таки, беря в соображение все обстоятельства, главным считать, однако, то, как воюет этот человек. О женщинах на войне почему-то иногда начинают рассуждения совсем с другого. Не думаю, чтобы это было правильно.

Я говорю о принципе. А понравилось или не понравилось Вам, как написаны у меня женщины в книге, спорить мне, конечно, трудно. Раз не понравилось, значит, не понравилось.

Желаю Вам всего доброго.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

29.V.72.

Впервые — в кн.: «Слова, пришедшие из боя». Вып. 2. М., «Книга», 1985.

...в моем романе...— Трилогия «Живые и мертвые».

Н. М. ПУШКИНОЙ

29 мая 1972 г., ⟨Москва⟩

Уважаемая Наталья Михайловна!

Был рад получить Ваше письмо. Для меня очень важно, когда я чувствую, что мои книги дают представление о войне людям другого поколения, людям, не видевшим войны. Для меня важно, конечно, и чтобы люди моего поколения, прошедшие через войну, подтвердили, что я написал правду, не осудили меня за ложь или умолчание. Но, может быть, еще важнее все-таки — это возможность рассказать правду о войне людям, не видевшим ее. В общем-

то, это огромная задача, требующая труда многих людей. Но я испытываю известное удовлетворение от того, что сделал свою небольшую частицу этого общего труда и старался сделать ее как мог лучше и добросовестнее.

В общем, спасибо за Ваше письмо. Такие письма помогают работать и дальше.

Я все-таки решил кончить роман там, где я кончил, и заставить читателей самих подумать над будущими судьбами моих героев, и Ваше письмо кажется мне еще одним доказательством того, что я был прав. Я не знаю, как сложатся судьбы, взять, к примеру, Синцова, Тани и Маши. На примере их судеб я хотел сказать, что война не только убивает людей, она убивает человеческое счастье. Она создает такие положения, когда, казалось бы, никто не виноват и все виноваты. В этом, образованном войной треугольнике я сам своим личным человеческим пристрастием выше всех нравственно ставлю Таню, маленькую докторшу. И на ее плечи я обрушил тяжесть знания и тяжесть решения. И она приняла то неимоверно трудное решение, за которое я ее люблю. Я не мог бы написать по-другому, заставить принять ее другое решение — для меня она была бы уже не она. И это для меня главное. Главное, что она приняла это решение. А как дальше сложится ее судьба и другие судьбы — я не знаю вместе с Вами!

Всего доброго. Передайте привет Вашему отцу и Вашей матери. Мы тоже в нашей семье спорим о разных книгах. Спорим с женой, с сыном, с дочкой и даже с моей мамой, которая, к счастью моему, жива и читает книги и судит о них по-своему, часто совсем по-другому, чем я и мои дети.

Всего доброго.

Константин Симонов.

29.V.72.

Впервые — в кн.: «Слова, пришедшие из боя». Вып. 2. М., «Книга», 1985.

...кончить роман... — Трилогия «Живые и мертвые».

М. Н. ПЕТРОВСКОЙ

30 мая 1972 г., ⟨Москва⟩

Уважаемая Марианна Нестеровна, извините, что не сразу отвечаю на Ваше письмо.

Я менее пессимистически настроен, чем Вы, в отношении будущего. Думаю, что правду не спрячешь и история останется подлинной историей, несмотря на различные попытки фальсификации ее — главным образом при помощи системы умолчания.

А что касается того, чему больше будут верить, когда мы все помрем, будут ли больше верить, в частности, тем мемуарам, о которых Вы пишете в своем письме, или тому роману, о котором Вы пишете, то это еще, как говорится, бабушка надвое сказала.

Хотелось бы добавить — поживем — увидим, но поскольку речь идет об отдаленных временах, то мы уже не увидим. Однако думаю, что будут верить как раз тому, что ближе к истине. Человечество никогда не было лишено здравого смысла. Не лишится его и впредь.

Спасибо Вам за письмо.

Желаю Вам всего доброго.

Константин Симонов.

30.V.72.

Л. В. РЕШЕТНИКОВУ

30 мая 1972 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Леонид Васильевич, простите меня великодушно, что не сразу ответил Вам. Был очень много раз в отсутствии, в разных командировках и ничего не поспевал сделать.

Спасибо Вам за книжку. Спасибо и за Ваши сердечные «Воспоминания о Твардовском». Я прочел эти стихи — и горло сдавило. Никак не могу помириться с его уходом из жизни.

Насчет поездки на Смоленщину. Ну что ж, очень хорошо, я буду рад, если поедем вместе. Только это дело что-то отодвинулось — не по нашей вине. Я за это время съездил в Вязьму, а смоляки что-то пока приглашения приехать бригадой не возобновляют.

Если такая поездка состоится осенью или зимой — давайте поедем.

Крепко жму Вашу руку.

Константин Симонов.

30.V.72.

Решетников Леонид Васильевич (р. 1920) — русский советский писатель.

Спасибо Вам за книжку.— Л. Решетников. Белый свет. М., «Советский писатель», 1971.

...Ваши сердечные «Воспоминания о Твардовском».— Цикл стихов Л. Решетникова, напечатанный в *ЛГ,* 1972, 9 февраля.

...поездки на Смоленщину.— В письме Л. Жадовой от 18 декабря 1981 г. Л. Решетников рассказывает об этом: «В то время затевалась поездка бригады писателей на смоленскую землю, войти в которую — от имени Бюро пропаганды художественной литературы — получил приглашение и я. Так как бригаду эту должен был возглавить К. М., я и

сообщил ему о своем согласии войти в нее. Поездка эта, однако, не состоялась — и, очевидно, не в последнюю очередь по причинам, которые в какой-то мере объясняются самим письмом К. М.» (*АКС*).

А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ

24 июля 1972 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Александр Михайлович!

Вернувшись из отпуска, я, к великому моему сожалению, узнал, что мое письмо, написанное 12 июня этого года, которое я вручил для передачи Вам Николаю Григорьевичу Павленко и Владимиру Александровичу Познеру, так и пролежало у них больше месяца, потому что им не удалось за это время повидать Вас.

Эта история с письмом меня очень огорчила, потому что, не получив этого письма, Вы могли подумать обо мне хуже, чем я того заслуживаю. Поэтому вместе с этим письмом, которое я пишу Вам сегодня, посылаю Вам и то письмо, которое не по моей вине почти полтора месяца пролежало, так и не попав к Вам.

Группа киностудии научно-популярных фильмов в ожидании возможности встретиться с Вами продолжает делать всю подготовительную работу и проводит те съемки, которые она может провести без Вашего участия. Два дня назад мне удалось вместе с товарищами посмотреть материалы съемок Ивана Христофоровича Баграмяна, который сказал перед аппаратом необыкновенно много интересного о войне и о Вашем участии в руководстве ею.

Мне по-прежнему кажется, что было бы очень важно и очень нужно для истории, если бы Вы сочли возможным принять участие в той работе, которая уже начата, и начата, по-моему, успешно.

Что касается меня, то я всей душой готов принять в ней участие, как я Вам уже и говорил в записке.

На этот раз я, учитывая огорчительный для меня опыт с моим первым письмом, оба письма переправлю Вашему адъютанту с тем, чтобы он Вам доложил о них, и попрошу Вас по ознакомлении с этими письмами поручить товарищу Сорокину связаться со мной и, если у Вас будет возможность со мной встретиться, назначить для этой встречи любое время в любой день в ближайшие две недели за исключением суббот и воскресений, в которые я нахожусь вне Москвы.

Глубоко уважающий Вас

Константин Симонов.

24 июля 1972 года.

Сорокин Михаил Иванович — полковник, помощник А. М. Василевского.

Д. И. ОРТЕНБЕРГУ

23 сентября 1972 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Давид, попробую вспомнить, как это было с Толстым.

Если не ошибаюсь, то разговор этот был в «Красной звезде», у тебя в кабинете на улице «Правды», где-то осенью сорок второго года. Не то между моей поездкой на Брянский фронт и сталинградской поездкой, не то где-то вскоре после нашей с тобой поездки в Сталинград. Это, наверно, тебе легче, чем мне, проверить по датам приездов Толстого в Москву.

Я по какому-то делу был в редакции, кажется, заходил к тебе, потом ушел, чем-то занимался, а потом мне сказали, чтобы я шел к редактору. Я пришел к тебе. Не помню, может быть, был кто-то еще, может быть, Карпов, кто-то, по-моему, еще был, и был Алексей Николаевич Толстой.

Разговор с ним, очевидно, был редакционный — на столе, кроме бумаг и газет и подшивок, во всяком случае, ничего не было.

Ты сказал Алексею Николаевичу что-то вроде того, что — ну вот вам Симонов. Может быть, добавил что-нибудь в таком духе, что — вот вам Симонов, с которым вы хотели поговорить или — которого вы хотели похвалить, не помню, как именно.

У меня к этому времени стихи из сборника «С тобой и без тебя» были напечатаны в «Новом мире» и в «Красной нови» и, кажется, даже вышли отдельной книгой в «Молодой гвардии». Последнее, впрочем, не помню.

С Толстым я был лишь издалека и почтительно знаком. Ближе мы познакомились позже, когда вместе поехали на Харьковский процесс. В доме я у него никогда не бывал, но не раз видел его в Союзе писателей, в Доме литераторов. Однажды как-то он сказал добрые слова о моем стихотворении «Генерал», с которого я числю сколько-нибудь серьезное начало своей поэтической деятельности.

Мы поздоровались с Толстым. Я присел напротив него за стол, и он стал говорить о том, что ему понравилась моя любовная лирика.

Судя по тому, как он говорил, видимо, эти стихи ему действительно тогда понравились, пришлись по душе. Да и незачем ему было кривить душой, и не для чего. Да и не стал бы он кривить душой. Ведь и ты меня тогда позвал именно потому, что он хотел мне сказать что-то хорошее. Но оттенок, с которым он хвалил стихи, был — как бы сказать поточней — мужской оттенок; это был мужской разговор о стихах.

Он говорил, что вот пишут лирику, одни доводят дело до первого свидания, а другие, наоборот, главным образом вздыхают по поводу разлуки. А ваши стихи о любви действительно стихи

о любви, со всем, что в ней есть. Без стыдливых умолчаний, к которым мы привыкли в стихах.

Тут он выразился несколько грубовато,— что иногда, читая любовную лирику, не чувствуешь, что это ходит по земле и любит женщину мужчина и который ходит в штанах, и у которого в этих штанах есть все, что мужчине положено иметь,— а не только желание написать покрасивше и почувствительней.

В общем, стихи ему понравились, с этого начался и этим закончился разговор.

Больше ничего не помню. Чем богат, тем и рад.

Обнимаю тебя.

Твой

Константин Симонов.

23.IX.72.

Впервые — в *ЛО*, 1985, № 10.

Толстой Алексей Николаевич (1883—1945).

...между моей поездкой на Брянский фронт и сталинградской поездкой...— Симонов ездил на Брянский фронт в июле — августе, в Сталинград вместе с Д. Ортенбергом — в августе — сентябре 1943 г.

Карпов Александр Яковлевич (1903—1945) — русский советский журналист, в годы войны зам. главного редактора «Красной звезды».

...были напечатаны в «Новом мире» и в «Красной нови»...— *НМ*, 1941, № 11-12, и «Красная новь», 1942, № 1-2.

...вышли отдельной книгой...— См.: К. Симонов. Лирика. М., «Молодая гвардия», 1942.

...вместе поехали на Харьковский процесс...— В декабре 1943 г. в Харькове был первый процесс над военными преступниками, в качестве корреспондентов на процессе были К. Симонов, А. Толстой, И. Эренбург.

...о моем стихотворении «Генерал»...— Это стихотворение написано в июле 1937 г.

В БУХГАЛТЕРИЮ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СТУДИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ

10 ноября 1972 г., ⟨Москва⟩

Прошу вас гонорар, причитающийся мне как автору сценария и дикторского текста фильма «Чужого горя не бывает...», а также все другие суммы, которые могут мне причитаться за работу над фильмом,— полностью перевести на счет «В помощь детям Вьетнама».

К. Симонов.

10 ноября 1972 г.

М. К. КАЮМОВУ

13 ноября 1972 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Малик!

Простите великодушно, что не сразу ответил на Ваше письмо. Заканчивал документальный фильм о Вьетнаме, а Вы сами знаете, какая горячка в последний период такой работы.

Когда я писал товарищу Абдуллаеву, я предположительно думал о разных вариантах моих дальнейших планов работы в кино. С Голодной степью в моей памяти связано много важного и интересного, а главное, связаны воспоминания о прекрасных людях. Поэтому, думая о возможности своей дальнейшей работы в документальном кино, я думаю и об этой теме. Но сейчас, размышляя над ближайшим будущим, я пришел к выводу, что, видимо, мне, человеку, на протяжении стольких лет связанному с военной темой, следующей своей работой надо избрать работу, посвященную тридцатилетию со дня окончания Великой Отечественной войны. Боюсь, что работа над этой темой отодвинет за пределы 74—75 года все мои другие кинопланы и кинонамерения. Больше одной работы сразу я взять на себя не могу, потому что продолжаю еще ведь и писать, а выбор я после долгих размышлений сделал: ближайший фильм буду делать о Великой Отечественной войне. Имею в виду документальный фильм, только этим я и собираюсь заниматься — это мне за последние годы стало гораздо ближе, чем художественная кинематография.

Жму Вашу руку. Желаю Вам здоровья и новых творческих успехов.

Уважающий Вас, Ваш

К. Симонов.

13.XI.72.

Каюмов Малик Каюмович (р. 1912) — советский оператор и режиссер документального кино.

...документальный фильм о Вьетнаме... — Фильм 1972 г. «Чужого горя не бывает...» (режиссер М. Бабак).

...я писал товарищу Абдуллаеву... — Абдуллаев Абдулахат Абдуллаевич (р. 1928) — в ту пору директор киностудии «Узбекфильм». В письме А. А. Абдуллаеву от 25 июля 1972 г. Симонов писал: «Мы могли бы подумать в будущем году о той или иной форме участия в праздновании юбилея Узбекистана в плане какой-то работы над документальным, над хроникальным фильмом. Повторяю, мне трудно сейчас дать какой-нибудь твердый ответ на этот счет, но об этом во всяком случае можно будет подумать, и если мои другие работы, о которых я Вам пишу, позволят мне это сделать

и если я нащупаю ту тему, над которой бы я как документалист мог бы работать, то это было бы для самого меня очень интересно.

Меня действительно очень многое душевно связывает с Узбекистаном, и в душе моей — большая глубокая память о годах, проведенных там. Так что если я что-то сумею сделать, я буду рад этому» *(АКС)*.

С. Г. БИРМАН

15 ноября 1972 г., ⟨Москва⟩

Милая Серафима Германовна!

Спасибо за письмо. Сейчас, когда Вы прочли повесть, хочется сказать Вам, что, наверно, это написалось так, как написалось, не только потому, что я люблю Вас еще со времени «Семьи Ферелли, теряющей покой», но и потому, что — при всей разнице натур, характеров, судеб, испытаний жизнью и прочая и прочая — я всегда думал о Вас как о высоком для меня примере отношения к делу — то есть к искусству, неотделенному и неотделимому от жизни в целом и от жизни Вашей или моей в частности.

Целую Вашу руку.

Ваш
Константин Симонов.

15.XI.72.

Впервые с небольшими сокращениями — в комментариях к воспоминаниям «Об Иване Николаевиче Берсеневе» (т. 10 наст. собр. соч.).

Спасибо за письмо.— В письме без даты, на которое отвечает Симонов, С. Бирман писала: «...белый большой конверт с надписью «От К. М. Симонова» вывел меня из «клетки» в мир искусства, мир человеческой и творческой дружбы... Вы напомнили обо мне вслух, к Вам люди прислушиваются, считаются с Вашими взглядами и утверждениями ⟨...⟩ Касаюсь Вашей повести по Вашему позволению (не могу прочесть ее вторично — плохо со зрением),— самое простое становится значительным, потому что идет война, потому что человек находится не в «предлагаемых», а в «обступающих» обстоятельствах, не тщится сохранить равновесие,— и сильному человеку это удается» *(АКС)*.

...когда Вы прочли повесть...— «Двадцать дней без войны»; в этой повести черты С. Бирман отражены в образе Зинаиды Антоновны.

...со времени «Семьи Ферелли, теряющей покой»...— «Семья Ферелли теряет покой» («Стража на Рейне») — пьеса Л. Хелман, поставленная С. Бирман в 1945 г. в Театре им. Ленинского комсомола.

28 ноября 1972 г., ⟨Москва⟩

Дорогой товарищ Варга!

В дополнение к тому, что я Вам говорил во время наших встреч в Венгрии, мне хотелось бы, познакомившись с оглавлением Вашей работы, сказать о том принципиальном сочувствии и о том принципиальном интересе, которые я питаю к работам такого характера.

«Страницы из литературно-художественной жизни эпохи военного коммунизма. 1917—1920» — само название этой работы уже привлекает к ней внимание всякого человека, который неравнодушен к истории России и развитию советской литературы и советского искусства во всем их огромном и широком и многообразном объеме.

Судя по оглавлению, Вы привлекаете огромный и очень широкий материал, в котором одни авторы полемизируют с другими, в котором представлены многие позиции и многие взгляды на развитие искусства тех лет — и верные и неверные, и близкие нам и далекие,— то есть дана картина той реальной борьбы, которая происходила тогда и в результате которой советское искусство, преодолевая величайшие трудности роста, развивалось по социалистическому пути.

Мне, при моем очень большом пристрастии к документальным материалам, к монтажу этих документальных материалов, такая работа представляется весьма важной и интересной.

Должен оговориться при этом, что, конечно, далеко не все из поименованного в оглавлении Вашей работы я читал. Многое читал, многого не читал. Многое из того, что читал, помню хорошо, а многое помню приблизительно. Для того чтобы составить более четкое, более полное представление о всем Вашем труде, конечно, мне бы пришлось прочесть на русском языке от первого до последнего все те отрывки из работ и работы, высказывания и отрывки из высказываний, которые Вы приводите на протяжении всей своей книги.

Я этой возможности лишен, поэтому могу высказывать только свое общее принципиальное мнение о характере работы и о том, что ее широта, широкий охват материала, широкий показ той идейной борьбы, которая происходила тогда, мне, в принципе, кажется плодотворным.

Я лично меньше занимался эти годы историей литературы и искусства, чем просто историей. Гораздо больше занимался самою историей, и в частности на протяжении последних пятнадцати лет прочел подряд с карандашом все вышедшие за это пятнадцатилетие тома протоколов и стенограмм партийных съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза. Начиная с тридца-

тых годов, многое происходило на моей памяти, а в послевоенные годы я многое видел своими глазами и слышал своими ушами. Но двадцатые годы для меня, человека 1915 года рождения, в общем, практически были историей, и я с величайшим интересом читал, в частности, стенограммы партийных съездов и конференций, происходивших как раз в тот исторический период, который Вы разрабатываете в своем сборнике в применении к литературе и искусству эпохи военного коммунизма.

Это было для меня очень важное и очень поучительное, много давшее мне чтение. Стенограммы этих съездов и конференций опубликованы у нас в полном виде. Там представлены все острейшие дискуссии того времени, все точки зрения, выступления всех ораторов. И именно эта полнота была для меня не только интересна, не только поучительна, но именно эта полнота, с каждым прочитанным мною томом этих стенограмм, снова и снова убеждала в величии Ленина как человека и политика, в правоте его идей, в правоте его практической политики, проводившейся в тогдашних сложнейших условиях эпохи военного коммунизма.

Почему я вспоминаю обо всем этом здесь, в этом письме к Вам? Может быть, я ломлюсь в открытые двери, но мне бы хотелось, чтобы в этой Вашей работе читатель в той или иной мере встретился с тем фоном общеполитических событий и общеполитической борьбы, на котором разворачивалась борьба литературно-художественная.

Вам, разумеется, виднее, в какой форме и масштабах будет у Вас этот фон существовать. В прямых ли цитатах, высказываниях, отрывках или во введении и в комментариях к тем или иным главам Вашей работы, но мне кажется, сама по себе литературная борьба, страсти, кипевшие в искусстве тех лет, теряют какую-то часть своей значительности для нас, если мы не ощущаем,— хотя бы в известной мере, хотя бы пунктирно,— на фоне каких общеполитических событий все это происходило.

Наверно, мы в этом вопросе с Вами единомышленники, но мне хотелось сказать об этом, ибо, когда я, например, думаю сейчас о хронике литературы и искусства в годы Великой Отечественной войны, мне трудно представить себе книгу без фона военных и военно-политических событий, происходивших в то время, данных, повторяю, хотя бы пунктирно.

И наконец, одно частное замечание: у меня возбуждает некоторое сомнение традиционное и красивое название Вашей книги «Время больших ожиданий».

Действительно, литература эпохи военного коммунизма, искусство этой эпохи — это литература и искусство эпохи больших ожиданий.

Но в то же время — это и эпоха великих свершений!

Не будет ли на первый взгляд красивое и даже, с одной стороны, точное название «Время больших ожиданий» на поверку однобоким и не появятся ли охотники перетолковывать такое название спекулятивно? Говорю об этом, потому что с подобными охотниками жизнь меня сводила.

Простите за те невольные вторжения в Вашу работу, которые, может быть, прозвучали в моем письме, но все они продиктованы лишь одним — глубокой заинтересованностью в этой работе, которую Вы предприняли, которой отдали так много труда и которую бы хотелось увидеть книгою!

Желаю Вам всего доброго.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

28.XI.72.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

Варга Михай (р. 1946) — венгерский литературовед, доцент кафедры русской филологии Будапештского университета им. Л. Этвеша, специалист по советской литературе. Как сообщил М. Варга, письмо Симонова побудило составителей существенно расширить рамки работы, в настоящее время она готовится к изданию в двух томах.

В. С. ФРОЛОВУ

21 декабря 1972 г., ⟨Москва⟩

Несколько замечаний на полях внутренних рецензий на роман А. Никулькова «На планете, мало оборудованной».

1. А. Метченко в своем отзыве на роман А. Никулькова пишет:

«Биограф Маяковского не может не знать, что кое-кто из ближайшего окружения поэта прилагал (и это делается до сих пор) огромные усилия, чтобы восторжествовала их, и только их версия сущности творчества поэта, о его личных и литературных связях, эстетических вкусах. Показательна в этом отношении «хроника» В. Катаняна».

Судя по словам Метченко, взятая им в кавычки «хроника» — есть нечто зловредное и злокозненное. На самом же деле эта книга, без которой трудно обойтись любому исследователю Маяковского (не мог без нее обойтись, конечно, и Метченко), представляет собой наиболее полный фактографический труд о жизни Маяковского и его литературной деятельности. Все четыре издания книги имели положительную оценку в советской печати.

В редактировании первых двух изданий этой работы принимал непосредственное участие А. А. Фадеев, как известно, не принадле-

жавший к (пользуюсь выражением Метченко) «кое-кому из ближайшего окружения поэта».

Для большей ясности стоит привести, очевидно, позабытое А. Метченко письмо А. Фадеева в Управление агитации и пропаганды ЦК по поводу книги В. Катаняна, опубликованное в «Вопросах литературы», 1969 г., № 2, стр. 171.

«Товарищ Поликарпов!

По поручению Президиума я просматривал эту книгу, внес очень много редакционных исправлений, теперь имеется верстка книги в ее, так сказать, окончательном виде.

Это первая книга о Маяковском, дающая представление о нем как о поэте и общественном деятеле. Необходимо, чтобы Вы л и ч н о ее просмотрели, т. к. думаю, что такую книгу нельзя выпускать без санкции Управления агитации и пропаганды ЦК, и, очевидно, нужно, чтобы Союз писателей имел свое мнение о ней.

Мне лично кажется, что такая книга была бы сейчас нужна и полезна. Вопрос этот — срочный, так как типография не может долго ждать верстку.

С приветом — *Ал. Фадеев.*

Январь, 1944 г.»

Допускаю, что в книге «Маяковский. Литературная хроника» могут быть пробелы, или спорные с чьей-то точки зрения моменты, или неточности. Долг исследователей указать на них с тем, чтобы если они есть, то эти недостатки были бы исправлены при следующем издании книги, которое, кстати, весьма необходимо. А сделанная А. Метченко попытка поставить под сомнение роман А. Никулькова только потому, что он в числе других данных опирается на данные, взятые из книги Катаняна, кажется мне весьма странной. Метченко, как исследователь Маяковского, не может не знать, что в десятках работ о Маяковском, если не в сотнях, даются многочисленные сноски на книгу «Маяковский. Литературная хроника». В случае необходимости это не трудно доказать.

А. Метченко в своем отзыве на роман пишет:

«В настоящее время, когда только-только открываются многие факты и публикуются некоторые сведения о людях революции, с которыми так или иначе был связан Маяковский (например, публикация о дальнейшей судьбе Марии, героини «Облака в штанах»), когда, по существу, только начался сбор исторически важных сведений, торопиться с романом, основанным на заведомо односторонних сведениях, значит вводить в заблуждение читателя».

Странный взгляд на состояние советского маяковедения. Странно и не к лицу исследователю Маяковского писать в 1972 году, через 42 года после смерти поэта, что «только начался сбор

исторически важных сведений» о поэте. А как быть с десятками вышедших у нас книг о Маяковском, с томами «Литературного наследства», воспоминаниями и т. д. и т. п.? Что, неужели же все написанное о Маяковском до сих пор не принадлежит к числу «исторически важных сведений»? Позиция, отдающая каким-то странным нигилизмом!

Роман А. Никулькова построен, по словам А. Метченко, «на заведомо односторонних сведениях». Но ведь эти слова А. Метченко заведомая неправда, потому что уж он-то, как исследователь Маяковского, должен прекрасно знать, какое огромное количество самых разных сведений, взятых *из самых разных* книг, начиная от исследований В. Перцова и кончая воспоминаниями П. Лавута, использовано в романе Никулькова. Все как раз наоборот — роман Никулькова построен на разносторонних сведениях, а А. Метченко, судя по его рецензии, хотел бы, чтобы этот роман был построен только на односторонних сведениях, и именно таких, какие нравятся ему, Метченко.

2. «Направляем рецензию на рукопись научных сотрудников Музея имени Маяковского, т. т. Макарова В. В., Сальниковой Г. Р. и Л. В. Маяковской»,— пишет в сопроводительном письме в Западно-Сибирское издательство т. В. Казаков, который от имени Главного управления книжных издательств РСФСР «не поддерживает издание романа».

В этой рецензии, в которой рядом с подписями двух сотрудников музея стоит подпись покойной Л. В. Маяковской, я с удивлением прочел на ее 5-й странице слова о том, что «значительным вкладом в изучение жизни и творчества явились воспоминания Л. Маяковской «О Владимире Маяковском».

Чувство уважения к Л. В. Маяковской не позволяет мне допустить мысль, чтобы она в написанной ею рецензии сама приводила как пример «значительного вклада в изучение Маяковского» свою же собственную книгу. Мне остается предположить другое — что эта рецензия была подписана ею по доверию к двум другим авторам, которые использовали это доверие. Таким образом, исходя из своего внутреннего убеждения, я буду говорить дальше об этой рецензии как о принадлежащей перу В. В. Макарова и Г. Р. Сальниковой.

В рецензии сказано: «Маяковский как личность, Маяковский как поэт интересен и дорог нам прежде всего тем, что он прочно связан с национальной основой, его вырастившей».

О ком это пишут авторы? Неужели о Маяковском! Неужели Маяковский дорог нам *прежде всего* тем, что он прочно связан с национальной основой, его взрастившей? А я-то думал до сих пор, что Маяковский дорог нам *прежде всего тем,* что он поэт Октябрьской революции. Тем, что он крупнейший поэт советской эпохи,

тем, что он — великий русский поэт — был *прежде всего* советским поэтом, поэтом-интернационалистом.

Разумеется, никто не собирается забывать о национальных основах и вообще, и в данном случае, когда мы говорим о Маяковском. Но когда авторы рецензии заявляют, что Маяковский нам дорог *прежде всего* своими национальными основами, это концепция ложная вообще и прежде всего по отношению к Маяковскому.

Авторы пишут: «С легкой руки «друзей», а то и просто равнодушных деляг от литературы, его биографов и исследователей, принято говорить: Маяковский и футуризм, Маяковский и Леф, Маяковский и Бурлюк, Маяковский и Брик... Но разве эти величины соизмеримы? Разве подобные параллели не приносят обычно больше вреда, чем пользы?»

Возьмем автобиографию Маяковского «Я сам», которую он в 1928 году предпослал первому тому своего Собрания сочинений. Судя по тексту этой последней прижизненной автобиографии Маяковского, он придерживался совершенно иных взглядов, чем авторы рецензии, и на «вредные» и «полезные» параллели, и на «соизмеримость» величин.

«У Давида — гнев обогнавшего современников мастера, у меня — пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья. Родился российский футуризм».

«Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом».

Так, вопреки автору рецензии, писал сам Маяковский. Так у него обстоит дело с Бурлюком и с футуризмом.

Кстати, в другом месте рецензии авторы написали: «Бурлюк — этот предприниматель и коммерсант в искусстве». Хоть бы постыдились Маяковского! Хоть бы задумались над тем, как мог Маяковский считать до конца жизни своим «прекрасным другом и действительным учителем» «предпринимателя и коммерсанта в искусстве»?

Что же касается параллели «Маяковский и Брик», то сам Маяковский в автобиографии писал об этом так:

«РАДОСТНЕЙШАЯ ДАТА.

Июль 915-го года. Знакомлюсь с Л. Ю. и О. М. Бриками».

И еще одна вредная, по мнению авторов рецензии, «параллель» — «Маяковский и Леф». От этой «параллели» в автобиографии Маяковский тоже не воздержался:

«Организуем «Леф». «Леф» — это охват большой социальной темы всеми орудиями футуризма. ⟨...⟩ Сплотились тесно: Брик, Асеев, Кушнер, Арватов, Третьяков, Родченко, Лавинский».

Вдвойне «вредная параллель»,— подумайте только, в ней, кроме Лефа, еще и Брик!

И в той же, до крайности неудобной для авторов рецензии автобиографии Маяковский допускает еще одну «вредную» параллель с Лефом:

«Восстанавливаю (была проба «сократить») «Леф», уже «Новый».

Авторы рецензии пишут: «...когда речь идет о Маяковском, можно в стороне оставить футуризм и его мертворожденное дитя — Леф».

Навряд ли согласился бы с ними сам Маяковский. Во всяком случае, в 1928 году, заканчивая свою автобиографию, он писал нечто совершенно противоположное авторам рецензии.

«Подъем и опадание многих литератур, символисты, реалисты и т. д., наша борьба с ними — все это, шедшее на моих глазах: это часть нашей весьма серьезной истории. Это требует, чтобы об нем написать. И напишу».

Авторы рецензии пишут: «Писать о политической поэзии Маяковского — значит писать его портрет».

Я долго думал над этой несколько загадочной фразой. Если в ней есть какой-то смысл, то, очевидно, он сводится к тому, что портрет Маяковского — это его политическая поэзия? Вряд ли это точно. Портрет Маяковского — это вся его поэзия, и он будет неполным и без «Окон РОСТа», и без «Хорошего отношения к лошадям», и без «Хорошо», и без «Про это».

Авторы рецензии сами явно склонны и к схематизации и к вульгаризации, но главная беда в том, что они хотят заставить идти по этому пути и Никулькова.

Авторы рецензии дают список наиболее значительных, по их мнению, статей и книг о жизни и творчестве Маяковского. Вот их список.

«Статьи и книги о жизни и творчестве Маяковского с каждым годом пополняются новыми фактами, добротными мыслями, бесспорной аргументацией. В качестве примера можно назвать публикацию В. Воронцова и А. Колоскова «Любовь поэта» («Огонек», 1968, № 16) и вслед за этим (в том же журнале) исследование А. Колоскова «Трагедия поэта». Значительным вкладом в изучение жизни и творчества явились воспоминания Л. Маяковской «О Владимире Маяковском» (М., «Детская литература», 1968), сборник мемуаров «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей» («Московский рабочий», 1968), второе издание книги А. Колоскова «Маяковский в борьбе за коммунизм» (М., «Политическая литература», 1969)».

Далее они пополняют этот список работами А. Метченко и стыдят автора романа за то, что он не положил эти работы в основу романа.

«Никакой попытки самостоятельно художественно осмыслить

факты и фактики, никакого труда глянуть, положить в основу романа фундаментальные труды А. Метченко о Маяковском А. Никульков не сделал».

«Никакого труда... положить в основу труды... не сделал»,— сказано не шибко грамотно, но достаточно категорично: как это так — посмел не положить в основу фундаментальные труды А. Метченко!

Ни о каких других работах наших маяковедов во всей рецензии ни разу хоть в сколько-нибудь положительном смысле не упоминается, так, словно к нескольким упомянутым книгам и статьям сводится все советское маяковедение. Словно и на самом деле лучшим примером «бесспорной аргументации» в обширнейшей литературе о Маяковском является статья В. Воронцова и А. Колоскова «Любовь поэта» в «Огоньке», написанная словно бы специально наперекор предсмертной просьбе поэта: «Пожалуйста, не сплетничайте».

В целом рецензия является фактом групповой борьбы, чуждой и интересам литературы, и интересам изучения жизни и творчества Маяковского. Рецензенты пишут, что книга Никулькова — «это конгломерат различных, часто вкусовых оценок авторов многочисленных воспоминаний, в которых А. Никульков утонул только потому, что не знал, к какому берегу плыть».

В этой оценке вся соль рецензии, она обнажает причины гнева авторов на Никулькова. Никульков в своем, конечно же, не свободном от недостатков и художественных слабостей романе на основе изучения многочисленных воспоминаний о Маяковском выработал собственную точку зрения и честно следовал ей на протяжении всего романа, не желая плыть к берегу тех или иных литературных групповщиков. Вот это нежелание Никулькова «плыть к их берегу», очевидно, и вывело из себя рецензентов В. Макарова и Г. Сальникову, и они настолько вышли из себя, что даже сюжет и композицию романа обозвали «пасквильными». «Пасквильная композиция» — подумать только! Давненько я такого не читал.

Хотя, впрочем, надо сказать, что это критическое излишество, в общем-то, отражает дух и пафос всей рецензии.

Константин Симонов.

21.XII.72.

Фролов Валерьян Степанович (р. 1935) — в то время главный редактор Западно-Сибирского книжного издательства. От имени издательства В. Фролов обратился к Симонову с просьбой прочесть и отрецензировать роман А. Никулькова «На планете, мало оборудованной», напечатанный в журн. «Сибирские огни» (1967, № 10, 11; 1970, № 7, 8) и запланированный к изданию отдельной книгой. 9 ноября Симонов ответил телеграммой: «Согласен прочесть, отрецензировать роман Никулькова.

Высылайте срочно, потом буду занят другими делами. Хотел бы получить от Вас для ознакомления копии всех имеющихся у Вас рецензий. Вышлите их вслед или вместе с романом» (*АКС*). Отправляя одновременно отзыв и свои замечания о прочитанных внутренних рецензиях, Симонов в сопроводительном письме от того же числа В. Фролову писал: «Копии двух этих рецензий — А. Метченко и Музея — я передал Г. М. Маркову, который с ними познакомился. Передал я ему также копии своего отзыва и своих замечаний на полях рецензии.

После прочтения романа Никулькова я обменивался с Г. Марковым мнениями, и его точка зрения в принципе совпадает с моей. А именно — он тоже считает, что следует роман А. Никулькова издать, не считаясь с той групповой возней, которую совершенно напрасно поднимают вокруг этого вопроса некоторые лица» *(АКС)*.

Метченко Алексей Иванович (1907—1985) — русский советский литературовед, автор ряда работ о творчестве В. Маяковского.

...«хроника» В. Катаняна...— В. К а т а н я н. Маяковский. Литературная хроника. М., «Советский писатель», 1945, 1948; Гослитиздат, 1956, 1961.

...начиная от исследований В. Перцова...— Перцов Виктор Осипович (1898—1980) — русский советский критик и литературовед. Речь идет о его трехтомной работе «Маяковский. Жизнь и творчество» (М., Гослитиздат, 1956—1965) и многочисленных статьях, посвященных В. Маяковскому.

Макаров Владимир Васильевич (р. 1929) — в то время директор Музея Маяковского.

Сальникова Галина Ростиславовна — в то время старший научный сотрудник Музея Маяковского.

Маяковская Людмила Владимировна (1884—1972) — сестра В. Маяковского.

Казаков Вячеслав Акимович (1919—1981) — издательский работник, в то время зам. начальника Росглавиздата Госкомиздата РСФСР.

Бурлюк Давид Давидович (1882—1967) — русский художник и поэт.

Брик Осип Максимович (1888—1945) — русский советский литературовед и писатель.

«У Давида — гнев обогнавшего современников мастера...»...— Здесь и далее цитаты из автобиографии «Я сам» (см.: В. М а я к о в с к и й. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. 1. М., Гослитиздат, 1955).

Воронцов Владимир Васильевич (1906—1980) — советский журналист, партийный работник.

Колосков Александр Иванович — русский советский литературовед.

...наперекор предсмертной просьбе поэта «Пожалуйста, не сплетничайте».— Речь идет о следующем месте из последнего письма В. Маяковского от 12 апреля 1930 г., адресованного «Всем»: «В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил» (В. М а я к о в с к и й. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. 13, с. 138).

3 февраля 1973 г., ⟨Москва⟩

Уважаемая Лидия Марковна!

Я непростительно долго читал этот второй вариант Вашей работы о Булгакове, хотя и первый прочел не быстро.

Мне кажется, что эта работа сейчас представляет собой творческую биографию того типа, который в принципе подходит для издания в серии «Жизнь замечательных людей». И я в качестве таковой готов этим письмом к Вам рекомендовать эту работу к рассмотрению в издательстве «Молодая гвардия».

Самое интересное и новое для меня в Вашей работе — это рассмотрение биографии Булгакова, основанное, как мне это ясно, на огромной исследовательской работе. Особенно это относится к периоду юности, молодости, становления Булгакова как художника.

Я бы хотел рекомендовать этим письмом одному из наших толстых журналов опубликовать первые четыре главы Вашей работы — как отдельную статью. Мне такая публикация кажется весьма интересной. И будь я редактором журнала, я бы напечатал, после некоторой редакционной работы, эти главы без колебаний.

Ваш анализ творчества Булгакова для меня менее интересен, чем Ваш анализ истоков этого творчества, чем анализ биографии писателя.

Но, видимо, у каждого исследователя бывает и более сильная, и более слабая сторона, это естественно. Говорю об этом при общей положительной оценке Вашей работы.

Вы вправе воспользоваться моим письмом всецело по Вашему усмотрению.

Уважающий Вас

К. Симонов.

3.II.73.

P. S. Еще в сентябре до меня Вашу работу по моей просьбе прочла мой сотрудник Т. Д. Скаловская и сделала по ней много замечаний, которые в той или иной части, думаю, Вам пригодятся. Если Т. Д. Скаловская даст мне на это разрешение, я приложу к своему письму ее замечания, присланные мне.

К. С.

...к рассмотрению в издательстве «Молодая гвардия».— Работа Л. Яновской была отвергнута издательством.

Скаловская Тамара Дмитриевна (1902—1982) — литературный секретарь Симонова в 1952—1955, 1959—1963 гг., после этого выполняла его отдельные поручения.

И. Л. Б-ву

6 февраля 1973 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Иван Леонович!

Прочитал Вашу рукопись. Я долго думал, что Вам ответить, и все-таки решил из чувства уважения к Вам написать правду. Мне кажется, что вы стали жертвой того довольно распространенного заблуждения, что каждый человек, обогащенный каким-то жизненным опытом, может писать. Увы, это совсем не так. Писательство, так же как и всякое другое дело, требует умения и таланта. Знакомство с Вашими рассказами не дает мне основания судить о Вашем таланте, но я с полной уверенностью могу сказать, что умения писать у Вас нет. И отвергнуты Ваши рассказы «Волгой» и «Комсомольской правдой» вовсе не потому, что они велики, а потому, что очень и очень несовершенны. Это я Вам говорю с уверенностью в своей правоте. То, что Вы написали, пожалуй, вообще нельзя назвать рассказами по их художественному уровню.

Что я могу Вам посоветовать? Если у Вас есть потребность писать, конечно, пробуйте, пишите, и, по-моему, лучше воспоминания, а не рассказы. Но в мыслях своих при этом заранее не претендуйте на то, чтобы все, что Вы напишете, было напечатано, иначе не оберетесь огорчений.

А о журналистах и газетчиках плохо думать не надо. Они, в общем-то, чаще всего люди понимающие. Только они, видимо, не решились Вас огорчить, написать Вам правду. А мне пришлось написать. И если хотите, чтобы людям было легче написать Вам правду, лучше в другой раз посылать рукописи в редакцию для начала не указывая, что Вы Герой Советского Союза. Ведь о рукописи *рассказов*, а не *воспоминаний* люди в редакциях должны судить исходя из художественного качества вещей, а не из боевых заслуг автора.

Впрочем, это, конечно, Вам видней, это просто мой дружеский совет.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

6.II.73.

В. А. Архангельскому

21 марта 1973 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Виктор Алексеевич!

Я с интересом прочел оба присланные Вами материала, связанные с предложением о создании научно-мемуарных кинобиографических программ. Вопрос серьезный, и я в принципе со-

чувственно отношусь к Вашим предложениям, но мне кажется, что в них следует внести некоторую ясность.

Думается, что проблема распадается на две части.

Первый вопрос. Необходимо сделать так, чтобы кинобиографические материалы, отснятые при создании тех или иных фильмов и не вошедшие в эти фильмы, не исчезали и не уничтожались. Видимо, надо сделать так, чтобы режиссеры документальных и научно-популярных студий не имели права и возможности сдать очередную картину, связанную с теми или иными кинобиографическими материалами, без того, чтобы не сдать одновременно с нею приведенный в порядок, элементарно смонтированный в е с ь отснятый ими кинобиографический материал.

Небольшая по объему работа, связанная с монтажом и сдачей этих материалов, должна быть заранее включена в смету по картине, а сдача этих материалов, повторяю, должна быть заранее предусмотрена одновременно со сдачей картины.

Если это превратится в систему — а это должно превратиться в систему,— то, очевидно, должен быть разработан и план хранения, выдачи, использования всех этих накапливающихся кинобиографических материалов.

Добавлю к сказанному, что при планировании кинофильмов, связанных с кинобиографическими материалами, должно предусматриваться, чтобы съемки людей, представляющих интерес для истории, проводились в более широких объемах, чем это нужно непосредственно для данного фильма, и чтобы с этой целью предусматривались определенные дополнительные расходы (небольшие), в том числе и дополнительные расходы пленки (иногда довольно значительные).

В целом этот вопрос, который я попытался здесь сформулировать — и на основе двух Ваших записок, и на основе собственных соображений, сложившихся у меня по этому поводу,— мне кажется в принципе интересным, и я думаю, что его следовало бы обсудить на творческом совещании работников документальной и научно-популярной кинематографии, может быть, специально созванном для этого Союзом кинематографистов. И уже после практических предложений, выработанных в результате такого совещания, надо поставить вопрос на обсуждение Госкино.

Второй вопрос — о выпуске кинобиографических программ — для меня не представляется вполне ясным после того, как я прочел обе Ваши записки. Конкретные предложения потонули среди общих соображений, и я так и не мог себе представить реально, что же будет из себя представлять предлагаемый Вами историко-биографический киноальманах «Люди и годы»? Мой совет — в данном случае начать немножко с другого конца: предложить выпустить, скажем, в этом или в 1974 году опытный киноальманах

такого типа, постараться сделать его как можно лучше, как можно интереснее. Показать на конкретном примере, как это может быть сделано, проверить на этом же примере, как принимают такие кинобиографические альманахи зрители, и лишь после этого ставить вопрос о его периодическом выпуске. То есть сделать нечто вроде пробного номера журнала, как мы это делаем обычно в издательской практике, когда предлагаем выпускать новый журнал или другое, нового типа издание.

Вот те соображения, которые у меня складываются в связи с Вашими записками, которые я в данном случае читал не только как литератор, но и помня о том, что я являюсь членом коллегии Госкино и членом правления Союза кинематографистов.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

21.III.73.

P. S. Если Вы будете ставить волнующие Вас вопросы официально перед Госкино или перед Союзом кинематографистов, Вы вправе воспользоваться моим письмом всецело по Вашему усмотрению. Но у меня есть к Вам один совет: если Вы собираетесь официально ставить эти вопросы, то следовало бы, на мой взгляд, коротко и четко, на двух, максимум на трех страницах сформулировать практическую суть Ваших предложений так, чтобы было совершенно ясно и конкретно изложено, о чем идет речь, чтобы это не тонуло среди всякого рода мыслей и соображений, отвлекающих от сути. К такому конкретному письму-предложению, адресованному в Госкино или в Союз или туда и туда, можно приложить дополнением памятную более обширную записку, но по возможности тоже более четко построенную, чем это есть сейчас в обоих написанных Вами документах.

К. С.

Впервые — в журн. «Искусство кино», 1985, № 11.

Архангельский Виктор Алексеевич (1932—1982) — советский режиссер и сценарист научно-популярного и документального кино.

М. И. ЦАРЕВУ

16 апреля 1973 г., Ялта

Дорогой Михаил Иванович!

Ваше, испытанное десятилетиями доброе дружеское расположение ко мне позволило мне прямо, без обиняков, обратиться к Вам с просьбой, суть которой изложу.

Дело идет о книжке «Обретение мужества», состоящей из

статей о современной театральной жизни за последние десять лет, принадлежащей перу Константина Щербакова и имеющей выйти в находящемся под Вашей рукой издательстве ВТО.

Книжку эту, испытывая за многие его статьи симпатию к автору и следя за его работой, я вразброс читал почти всю раньше. А сейчас, еще до выхода, прочел в сверке и подумал, что это по-настоящему хорошая работа молодого и талантливого театрального критика. И притом критик этот не из тех, что главным образом спешит побыстрей стать кандидатом искусствознания, а из тех симпатичных мне людей, которые живут жизнью театра, хлопочут, трудятся, болеют за несовершенства, радуются удачам нашей сцены и в последнюю очередь думают о самих себе и своем благополучии. Наверно, поэтому вышло так, что Щербаков за многие свои статьи уже член Союза писателей, а собрать их в книжку собрался только сейчас.

Книжка эта, конечно, важна для него: она — итог работы, на мой взгляд, честной, глубокой и нелицеприятной.

Почему же я, не дождавшись выхода, стал читать эту книжку в верстке, т. е., верней, не в верстке даже, а в сверке, за которой должен был следовать сигнал? Очень просто: потому что почувствовал тревогу за судьбу книги в издательстве ВТО, а прежде чем обратиться со своей тревогой к Вам, счел себя обязанным прочесть заново от доски до доски то, о чем идет речь.

А в чем, верней, из-за чего тревога? А из-за того, что, как я узнал, *сверка,* то есть прошедшая все этапы подготовки книга, накануне выхода задержана для внезапного дополнительного обсуждения, как я понял, на совете ВТО. И узнал также, что это чуть ли не первый случай в практике издательства.

А аврал всегда тревожит. И вот я подумал: отчего же возник аврал? Книжка идейная, строгая, проблемно и серьезно рассматривающая все то, о чем в ней идет речь, и особенно строгая в рассмотрении проблем молодой нашей драматургии, которой уделено много внимания и половина книги, к которой предъявлен такой серьезный творческий счет, в котором она давно нуждается. Тут, по-моему, все правильно. Картина театральной жизни в книге, конечно, неполна, да и книжка невелика — 200 страниц, но в то же время картина эта отнюдь не однобока. Отдавая много внимания молодой драматургии и молодым (теперь уже относительно) театрам, автор не теряет чувства общей картины нашей театральной жизни. На страницах книги проходят спектакли и МХАТа, и Малого, и Александринки, и Вахтангова, и Маяковского.

Но есть в книге пробел, который наводит меня на мысль: а не отсюда ли, не с этой нашей писательской стороны произошли пассы, приведшие вдруг к задержке книги? Не от того ли, что в ней нет спектаклей по пьесам Симонова, Софронова, Штейна, Арбузова? Не от этого ли вышла вдруг и задержка? Вдруг кто-то из нас, грешных,

взвился: да как же это так, книга о современном театре — а меня там нет! Ведь еще бывает у нас такое, что та книжка, где меня нет, глядишь, уже и не народная, и не партийная, и вообще не та!

Такого рода подход к работе критиков не приемлю, хоть, конечно же, человек есть человек и ему охота, чтоб его помянули. Но что поделаешь, в книжке Щербакова драматург Симонов помянут где-то мимоходом, как автор сценария стародавнего фильма «Жди меня». И все. И, говоря о спектаклях Малого, Щербаков написал про «Достигаева» и про «Перед заходом солнца» и не написал про «Так и будет», а когда писал про «Современник», не написал про «Четвертого», а когда писал про Театр Ленинского комсомола, написал про «104 страницы про любовь» и не написал про «Дым отечества».

Ну и что тут будешь делать? Не написал и не написал. А книжка и без этого хорошая, и мне нравится, и никто не приговаривал ее автора писать про пьесы Симонова. И Симонова, кстати, от этого не убудет. Все равно, что сделал — то сделал.

Боюсь, однако, что кто-то из моих коллег стал на иную точку зрения и попытался под свою личную болячку подвести какую-нибудь общеидейную базу. Обиделся-то сам лично, а изобразил свою обиду чуть не как всенародную.

Ну, а если всерьез об общеидеологической базе, то думаю, что пора нам, грешным, отказаться от себялюбивого взгляда на критику как на обслуживающий персонал при литературе. Обхаживать наши самолюбия и тщеславия — не дело критики. Ее дело — заботиться о движении литературы, о ее нынешнем и завтрашнем дне.

И постановление ЦК о критике как раз напомнило нам об этом, что критика не прилагательное, а существительное.

Простите, Михаил Иванович, за столь длинное послание. Но вопрос с этой книжкой мне кажется принципиальным, и я надеюсь на Ваше принципиальное заступничество.

Все сказанное мною, конечно, сказано в личном письме к Вам и несет соответствующий личный оттенок. Но по существу я готов повторить это вслух и в печати, на обсуждении в любом разговоре — где угодно.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш

Константин Симонов.

Ялта, 16 апреля 1973 г.

Впервые — в журн. «Театр», 1985, № 11.

Царев Михаил Иванович (р. 1903) — советский актер, в то время председатель президиума совета Всероссийского театрального общества (ВТО).

Щербаков Константин Александрович (р. 1938) — русский советский театральный и литературный критик. Его книга «Обретение мужества. Критика и публицистика» вышла в свет в издательстве ВТО в 1973 г. Симонов написал о ней рецензию «Требовательная любовь» («Неделя», 1974, 31 декабря — 6 января).

...накануне выхода задержана... — После этого письма Симонова книга К. Щербакова была отправлена в печать.

...написал про «Достигаева» и про «Перед заходом солнца» и не написал про «Так и будет»... — «Достигаев и другие» М. Горького поставлен в 1971 г. Б. Бабочкиным, «Перед заходом солнца» Г. Гауптмана — в 1972 г. Л. Хейфецем, «Так и будет» — в 1970 г. Л. Варпаховским.

...не написал про «Четвертого»... — «Четвертый» поставлен в 1961 г. О. Ефремовым.

...написал про «104 страницы про любовь» и не написал про «Дым отечества». — Пьеса Э. Радзинского «104 страницы про любовь» поставлена в 1964 г. А. Эфросом, инсценировка повести «Дым отечества» (автор инсценировки Т. Лондон) — в 1967 г.

...постановление ЦК о критике... — Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» принято в 1972 г.

Б. М. КЕРБАБАЕВУ

1 марта 1974 г., Москва

Дорогой Берды Мурадович!

Зная, что приближается славная дата Вашего восьмидесятилетия, хочу от всей души пожелать Вам всяческого добра, здоровья и счастья.

С неизменным восхищением перед Вашей духовной и физической молодостью вспоминаю наши с Вами путешествия по Туркменскому каналу и Каракумам. С благодарностью и нежностью к Вам вспоминаю и часы, проведенные в дружеских беседах в стенах Вашего гостеприимного дома.

Вся моя семья вместе со мной обнимает Вас и желает Вам счастья!

Глубоко уважающий Вас

Ваш
Константин Симонов.

Москва
1.III.74.

Кербабаев Берды Мурадович (1894—1974) — туркменский советский писатель.

...дата Вашего восьмидесятилетия... — Б. Кербабаеву 15 марта 1974 г. исполнилось восемьдесят лет.

В РЕДАКЦИЮ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»

13 марта 1974 г., ⟨Москва⟩

Дорогие товарищи!

Оставляю всецело на ваше усмотрение — печатать или не печатать это письмо,— делайте, как сочтете правильней для дела. Самое же главное для меня в том, чтобы газета широко и серьезно рассмотрела на своих страницах тот, весьма важный вопрос, который она затронула 3-го марта этого года в реплике Вадима Соколова на статью Анатолия Елкина в 11-й книге журнала «Москва» за прошлый год.

Начну со статьи Елкина. Она называется «Память», и одиннадцать из двенадцати ее главок, не всегда соглашаясь с автором в частностях, я читал, сочувствуя правильной и своевременной в целом постановке вопроса о том, что такое подлинная память народа в своей истории и что такое и небрежение к этой памяти, и спекуляция на ней.

Отметив эту общую направленность статьи (зря, кстати, не отмеченную в реплике В. Соколова), я тем резче отрицательно оцениваю ее последнюю, двенадцатую главку «Горизонты субъективного «историзма», посвященную нашим школьным учебникам. Откровенно говоря, даже не понял, как и зачем этот абсолютно несерьезный, составленный по принципу телефонной книги довесок был прицеплен автором к его, посвященной совершенно другой теме, интересной статье.

Из-за чего сыр-бор? А. Елкину не нравится 21-е издание учебника А. Дементьева, Е. Наумова, Л. Плоткина «Русская советская литература». А. Елкин считает, что А. Дементьев, Е. Наумов и Л. Плоткин недостаточно широко осветили в учебнике нашу послевоенную литературу, и, приведя 19 имен прозаиков и 5 имен поэтов из числа названных в учебнике, добавляет к этим спискам еще 7 имен прозаиков и 19 имен поэтов, которых А. Дементьев, Е. Наумов и Л. Плоткин, по мнению А. Елкина, должны были назвать в дополнение к названным.

Итак: 19 + 5 + 7 + 19 — и все будет хорошо?

Увлеченный пафосом А. Елкина, я поднатужился и вспомнил еще 11 прозаиков, 4 поэтов и 3 драматургов, которых можно назвать в учебнике с не меньшими основаниями, чем тех, кто назван А. Дементьевым, Е. Наумовым, Л. Плоткиным и А. Елкиным.

Итак: 19 + 5 + 7 + 19 + 11 + 4 + 3 — и учебник будет удовлетворять коллективным взглядам А. Дементьева, Е. Наумова,

Л. Плоткина и К. Симонова? Во всяком случае, до того дня, когда еще один литератор или критик не вспомнит еще несколько имен прозаиков и поэтов и не пополнит ими наши списки, имея, наверно, к тому достаточные основания, ибо литература наша богата и талантов в ней немало. И будет еще + сколько?

Полноте, да разве в этом дело? Разве можно, споря о таком серьезном деле, как учебник литературы, сокрушать друг друга дубинками со списками имен? На одной дубинке — один. На другой — другой.

Серьезное дело требует и серьезного к себе отношения. Реплика «Комсомольской правды» заставила меня со стыдом подумать, что я, литератор, ведь не читал ни 21-го издания того «устарелого» учебника русской советской литературы, который критикует А. Елкин, ни того «пробного» учебника, который критикует В. Соколов.

А надо бы прочесть. И основательно прочесть. И не мне одному, а многим литераторам, ибо имею основания думать, что не один я не читал ни того, ни другого.

А прочтя оба учебника, надо бы собраться в стенах «Комсомольской правды» вместе с педагогами, преподающими литературу, вместе с авторами, пишущими, и редакторами, редактирующими учебники,— и поговорить спокойно, не спеша, всерьез об этом деле, одинаково важном для литературы, для школы, для комсомола.

А потом бы опубликовать те выводы, к которым мы придем. Надеюсь — сообща. И надеюсь — полезные для дела.

Константин Симонов.

13.III.74.

...печатать или не печатать...— Письмо Симонова не было опубликовано.

...в реплике Вадима Соколова...— Соколов Вадим Павлович (р. 1927) — русский советский критик. Реплика называлась «Как попасть в хрестоматию».

Елкин Анатолий Сергеевич (1929—1975) — русский советский писатель.

...не нравится 21-е издание учебника...— См.: А. Дементьев, Е. Наумов, Л. Плоткин. Русская советская литература. Пособие для средней школы. М., «Просвещение», 1972.

Наумов Евгений Иванович (1909—1971), *Плоткин* Лев Абрамович (1906—1978) — русские советские литературоведы и критики.

...того «пробного» учебника...— См.: «Русская советская литература. Учебное пособие для 10-го класса средней школы». Под ред. В. А. Ковалева. М., «Просвещение», 1972.

М. К. КАЮМОВУ

21 марта 1974 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Малик Каюмович,

две недели назад мы съехались в Рязани с Хамидом Гулямом, и помимо того, что я был рад этой дружеской встрече, я был рад еще и тому, что Хамид показал мне набросанный им сценарий будущего документального фильма «Голодная степь».

Не знаю, правильно ли я понял Хамида, но мне кажется, что понял правильно и что Вы, дорогой Малик Каюмович, в работе над этим фильмом будете участвовать не только как руководитель студии, но и как режиссер фильма. Это было для меня радостным известием, я заново вспомнил Ваши работы, которые мне довелось видеть, и в частности Ваш очень поэтичный фильм о Вьетнаме, который резко отличается от многих других какой-то особой высокой одухотворенностью в изображении людского труда. И, вспомнив все это, я подумал о том, что здесь, если говорить о Голодной степи и о том труде, который вложен в нее, Вам, как у нас говорится, и карты в руки.

Сценарий я прочел с интересом, в нем уже и сейчас немало и существенного и любопытного, хотя я, конечно, как человек, уже причастный к документальной кинематографии, достаточно хорошо понимаю, что окончательный сценарий — это в документальном кино не что иное, как окончательный текст монтажных листов. И тут впереди у Хамида еще будет много работы до последнего дня.

Может быть, я ломлюсь в открытую дверь, но у меня есть одно соображение, относящееся к съемкам в Голодной степи, которые, очевидно, предстоят еще и сейчас, этой весной и летом. Хотелось бы почувствовать в фильме ее суровую,— подчеркиваю это слово,— суровую красоту. Ведь почему с такой силой и яркостью остаются в памяти те маки, которые вдруг высыпают в степи? Именно потому, что они ненадолго, что потом будет жара, будет ветер, будет непогода, будет много трудного на этой так прекрасно, так удивительно выглядящей земле. Будет после этого и было до этого.

Очень хочется увидеть в фильме ту глубинную красоту человеческого труда, которая состоит в преодолении трудностей природы, погоды, непогоды, воды, соли — всего и не перечтешь, с чем приходится сталкиваться человеку в Голодной степи.

Говорю об этом потому, что где-то в сценарии мне немножко не хватило добавочного упора на красоту этого рода, а без красоты этого рода красота труда в полную свою меру вообще не ощущается с тою силой, с какою должна ощущаться, тем более в фильме, повествующем о необыкновенно трудном, длительно трудном, требующем адского терпения деле.

Вот, пожалуй, все, что мне хотелось написать Вам в связи со сценарием. И, как я уже писал Вам, я готов, когда это понадобится, потрудиться над русским вариантом дикторского текста, сделаю это с охотой, но мне бы, учитывая то, что я с головой залез сейчас в работу над собственной картиной «Шел солдат...», и работа эта очень объемна и трудна, хотелось бы знать для лучшего планирования, когда примерно может пойти речь о написании русского варианта дикторского текста? Когда я Вам понадоблюсь? Кстати, с 20-го по 23-е мая у нас в Москве, в Союзе писателей, при участии и кинематографистов и телевизионщиков будет проходить пленум нашего Совета по очерку и публицистике, посвященный участию писателя в работе документального, научно-популярного кино, телевидения и радио. Первые дня два предполагается просмотр многих фильмов и кино- и телефильмов, разумеется, документальных, а следующие два дня будут отведены выступлениям. Не будет ли у Вас возможности и желания приехать на эти дни в Москву и показать что-нибудь из фильмов, сделанных узбекскими кинематографистами, и, может быть, выступить на этом пленуме? Это было бы очень хорошо.

Буду ждать Вашего ответа. Примерно до 5-го апреля я буду в Москве, с 10-го апреля по 10-е мая мой временный адрес: Кисловодск, санаторий Совета Министров СССР «Красные камни». После этого — опять Москва.

Крепко жму Вашу руку, Ваш

Константин Симонов.

21.III.74.

Впервые — в журн. «Искусство кино», 1985, № 11.

...мы съехались в Рязани... — В Рязани проходили Дни советской литературы.

...Ваш очень поэтичный фильм о Вьетнаме... — Фильм «Вьетнам — страна моя» (1960).

...как я уже писал Вам... — См. письмо Л. Каюмову от 13 ноября 1972 г.

Когда я Вам понадоблюсь? — Документальный фильм «Голодная степь» был завершен в 1975 г. (авторы сценария — Х. Гулям, М. Каюмов, К. Симонов, режиссер И. Гибалевич).

М. Л. ГАЛЛАЮ

3 апреля 1974 г., Кисловодск

Милый Марк, вот и тебе, теперь уж по подтвержденным печатью сведениям, стукнуло шесть гривен! Поздравляю, потому что когда человек находится в хорошей форме и вкалывает много,

талантливо и умно, то его можно поздравлять с любыми датами, даже с теми, дожить до которых мы с тобой в юности вовсе не предполагали.

Но главное мне хотелось сказать не это, а то, что в широком понятии «наше поколение», или, точней, «наше поколение советской интеллигенции», ты для меня одно из самых конкретных человеческих выражений этого понятия. Когда я думаю о таких людях, как ты, я горжусь нашим поколением нашей советской интеллигенции, и по этому случаю крепко обнимаю тебя, моего дорогого и уже немолодого юношу тридцатых годов.

Твой
Костя Симонов.

3.4.74.
Кисловодск.

P. S. Спасибо за твою телеграмму.

Моя — самая умная в моей семье — жена сказала про твою телеграмму, что она тоже самая умная из всех. Вот!

Твой
К. С.

Галлай Марк Лазаревич (р. 1914) — заслуженный летчик-испытатель, Герой Советского Союза, доктор технических наук, русский советский писатель. М. Галлай написал о встречах с Симоновым воспоминания «Менялся и оставался самим собой» (см.: «Константин Симонов в воспоминаниях современников»).

М. В. ПОЛИЦЕЙМАКО

4 апреля 1974 г., ⟨Кисловодск⟩

Милая Марина Витальевна,

получив Вашу записку, я несколько раз звонил Вам, но не заставал, а потом был болен и отсутствовал.

К Виталию Павловичу Полицеймако я питал самые добрые чувства как к человеку, и добрые, дружеские встречи с ним, в разные годы происходившие, оставили в моей памяти облик сердечного, хорошего человека.

Однако, когда речь идет о таком крупном художнике, как Ваш отец, существенней, конечно, память о нем как об актере, о встречах с ним на сцене театра. Если говорить о его работах в пьесах, написанных мною, то в моей памяти чаще всего встают две из них: одна в «Русском вопросе», в пьесе, которую я, в общем, люблю и до сих пор, и в пьесе «Чужая тень», которую не люблю и считаю своей неудачей. В «Русском вопросе» Виталий Павлович играл Макфер-

сона, играл крупно, жестко, напористо, убеждая зрителя, да и меня самого, автора, в реальности этого, действующего на сцене американца. Виталий Павлович нисколько не был озабочен тем, чтобы непременно внешне быть похожим на американца, и, правильно, на мой взгляд, мало интересовался деталями быта и подробностями поведения. Он хотел показать нутро этого крупного по-своему человека, силу его хватки, органичность его житейского цинизма, короче говоря, мне было очень по душе то, как он играет эту роль — человека сильного и опасного еще и тем, что он отнюдь не лишен своеобразного жестокого обаяния. Виталий Павлович был актером удивительного, можно сказать, сверхъестественного обаяния. И надо сказать, этого своего обаяния он никогда не боялся, кого бы он ни играл. Поэтому-то всегда хотелось, чтобы он появился на сцене! И становилось сразу скучнее, неинтереснее существовать в зрительном зале, как только он со сцены уходил.

Когда ты, человек, пишущий пьесы, смотришь их, то чувства, которые ты испытываешь, бывают противоположными, в зависимости от силы актерской игры. Бывает и так, что тебе хочется, чтобы написанная тобою роль сама собой сжалась, стала покороче; ты смотришь, и тебе хочется, чтоб этот твой персонаж поскорее исчез со сцены, тебе кажется, что он говорит что-то лишнее, ненужное, что хорошо, кабы его было поменьше! И бывает обратное, счастливое для драматурга чувство, когда актер, живущий в шкуре одного из твоих героев, играет его так, что тебе становится жаль с ним расставаться, хочется еще подержать его на сцене, дать ему еще какие-то слова, чтоб он еще походил, поговорил, только бы не уходил. Вот такое чувство я не раз испытывал, видя в своих пьесах Виталия Павловича Полицеймако, испытывал это чувство и когда смотрел «Русский вопрос», и когда видел его в роли Макеева в плохой моей пьесе «Чужая тень». Пьеса была плохая, роль Макеева, мягко говоря, не без дидактики, и все-таки Виталий Павлович Полицеймако играл ее так, что я верил ему больше, чем себе: я-то написал человека в значительной мере заданного ситуацией, не самодвижущегося, а подталкиваемого к тем или иным поступкам мною, автором, а Полицеймако играл человека живого, веселого, темпераментного, что-то он глотал, что-то ему мешало в роли, и он быстро, как бы мимоходом, отделывался от этого, а то, что ему нравилось в этом персонаже моей пьесы, играл озорно, с огоньком, с каким-то своим собственным внутренним отношением ко всему происходящему и с тем, повторяю, сверхъестественным обаянием, которое его никогда не покидало даже при исполнении худо написанных авторами ролей.

И в заключение хочу сказать, что, хотя нам, драматургам, вроде бы положено самолюбиво помнить больше всего те роли, которые актеры сыграли именно в наших пьесах, однако, когда

я вспоминаю Виталия Павловича Полицеймако, я все же с самой большой силой и с самой большой благодарностью вспоминаю не свои пьесы, а чужую, вспоминаю, как потрясающе играл он Эзопа. Играл так, что в моем сознании человека, воспитанного на русской литературе, это уже не была пьеса, написанная на чужом языке и на материале античности, для меня это было наше русское горе от ума, и это горе от ума с огромною силой играл передо мной на сцене Эзоп — Полицеймако. Прошло много лет, я закрываю глаза, и он по-прежнему стоит у меня перед глазами, неукротимо умный и, несмотря ни на что, трагически веселый.

Боюсь, что сказанное мною о Вашем отце здесь, в этом письме,— почти все, что я могу сказать сейчас, через столько лет. Если в книгу о нем, в какую-то ее главу, будут включены не только воспоминания, но и короткие отклики современников и благодарных зрителей, видевших на сцене замечательного актера, то, разумеется, Вы вправе располагать всем, написанным в этом письме, по Вашему усмотрению.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

4.IV.74.

Впервые с небольшими сокращениями — в *СИД-2.*

Полицеймако Виталий Павлович (1906—1967) — советский актер.

...одна в «Русском вопросе»... и в пьесе «Чужая тень»...— Поставленные в 1947 г. и 1949 г. З. Аграненко в Ленинградском Большом драматическом театре им. М. Горького спектакли.

...как потрясающе он играл Эзопа.— Пьеса Г. де Фигейредо «Лиса и виноград», поставленная в 1957 г. в Ленинградском Большом драматическом театре им. М. Горького Г. Товстоноговым.

Е. И. КОТОВОЙ

18 апреля 1974 г., Кисловодск

Милая Елизавета Исааковна!

Всякие соображения, что я Вам высказал по телефону насчет «Эшелона», наверно, мало полезны, как всякие критические замечания, лишенные позитивного зерна. И я все хожу и думаю, что же все-таки главное для меня «не так» в этой пьесе, которая в принципе по душе мне — стремлением восстановить душу времени.

И вот что я наконец придумал. Видимо, не хватает этому, движущемуся в пьесе эшелону того ощущения, что он именно эшелон, а не поезд с беженцами. Да, люди в нем и так знакомы между собой, но знакомы только бытово, вне связи с тем делом, что

делалось на этом их эвакуированном заводе, и вне связи с будущим этого их завода и с тем, что этот их завод будет делать, когда приедет на место.

Завод и война. Надо его было страгивать с места или нет? Что он мог бы делать для войны на старом месте и что сможет делать на новом? Кого надо на нем заменить — ушедших на фронт? Какие будут из-за этого перемены в судьбе женщин? Кого забронировали из мужчин и кого нет? Справедливо ли? Может, как раз этого вохровца надо было разбронировать, а кого-то другого зря разбронировали — ему бы ехать с заводом? А может быть, кто-то сам не захотел брони, ушел в армию, хотя по делу, как мастер, нужен будет заводу как хлеб? А может быть, кого-то еще и отзовут обратно с фронта на завод?

Вот всех этих мыслей и иных (я даю лишь схему) крайне не хватает в пьесе об этом заводском эшелоне. Без этих мыслей — это всего лишь пьеса о поезде с беженцами, жившими на одной улице и знавшими друг друга в быту.

Так выглядит то позитивное зерно, которое, может быть, и способно вытеснить авторские отступления, пока что воспринимаемые мною как внешние пристройки к недостроенному внутри зданию.

И еще одна мысль. Спрашиваю, почему меня, отнюдь не пуриста, раздражает в пьесе надсадно-бабье, плотское? Очевидно, потому, что степень накала этого надсадно-бабьего искусственно перенесена автором из второго и даже третьего года войны в первые ее месяцы, когда это надсадно-бабье еще не образовалось, когда была неизвестность и тревога, ни с чем потом уже не сравнимые, но еще не было ни долгой разлуки, ни похоронок. Тогда еще не погибали, тогда еще пропадали без вести. Регулярные похоронки за все сразу посыпались позже, когда война стала входить в норму. По-моему, стоит подумать и об этом — настроения, как же быть, как же жить без мужиков, образовывались постепенно по ходу войны. С этой точки зрения в пьесе правдивее порывы юных изведать *это*, пока живы, пока еще можем успеть, чем тоска по плоти взрослых, еще не успевших стосковаться.

Успеха Вам!

Ваш *К. Симонов.*

18.IV.74.
Кисловодск.

Впервые — в журн. «Театр», 1985, № 11.

Котова Елизавета Исааковна — в то время зав. литературной частью театра «Современник».

...насчет «Эшелона»... — Пьеса М. Рощина, поставленная в Театре «Современник» в 1974 г. Г. Волчек.

Д. В. ПАВЛОВУ

19 апреля 1974 г., Кисловодск

Дорогой Дмитрий Васильевич!

К сожалению, не уложился в намеченные мною же самим сроки из-за того, что здесь, после московских перегрузок, против ожидания, не сразу вошел в норму. Простите великодушно за проволочку.

В общем, в значительной мере чтение Вашей рукописи было для меня вторичным. И это еще более укрепило меня в убеждении, что она должна вызвать широкий и серьезный читательский интерес, и чем скорей она превратится в книгу — тем лучше.

Во-первых, это для большинства — нераскрытая страница нашей общественной истории, причем страница, имеющая отношение к быту, повседневной жизни и уровню этой жизни миллионов и миллионов людей. Из этой книги ее читатели узнают не только как выглядели в общегосударственном масштабе те или иные перемены, имевшие прямое отношение к их личной жизни, быту, уровню питания, они узнают из книги не только к а к было, но во многих случаях узнают и п о ч е м у было так, а не иначе. Какие государственные неотвратимые потребности и необходимости вынуждали обрекать людей на те или другие лишения.

И то, что это во многих случаях объяснено автором книги, и объяснено чаще всего просто, понятно и убедительно, это очень важно. Думаю, что именно таких объяснений нам еще не хватает при историческом рассмотрении разных сторон нашего и более и менее давнего прошлого.

Во-вторых, для меня как для читателя книги немаловажно и ощущение личности ее автора — человека дела, всецело и до конца преданного этому делу, энергичного, умеющего отстаивать свои взгляды и способного по совести, по чести рассказывать об историческом прошлом и о своем собственном пути, не сглаживая острых углов, о которых люди все равно помнят и поэтому с порога не доверяют любителям сглаживания.

Чувство доверия к автору — чувство одинаково важное и в художественной и в мемуарной литературе. Книга, автору которой не доверяют читатели, есть мнимая ценность, не более того. Это именно то соображение, которое мне не раз приходилось приводить в спорах со своими разного рода оппонентами, просившими, а то и требовавшими стесать те или иные углы истории, смягчить что-нибудь из того, что неудобно, торчком стоит в памяти.

Приходилось отвечать: стешу это, смягчу то — не поверят и всему остальному. Нет, не смягчу и не стешу! Пишу это Вам потому, что боюсь таких советчиков и по Вашей рукописи.

Какие у меня соображения и замечания:

1. Проблема выдвижения кадров в 1938—39 годы, поставленная Вами широко и объективно, требует, по-моему, однако, упоминания не только о тогдашнем Пленуме ЦК, исправлявшем ошибки, но и упоминания, а еще лучше — цитирования Постановления ЦК КПСС о культе личности и его последствиях. Иначе выйдет, что в конце 1938 года Сталин начал исправлять только ч у ж и е ошибки. Да — и так! Но не только так. Ибо в корне чужих, «периферийных» ошибок лежали его собственные, что вполне очевидно из Постановления ЦК КПСС о культе личности и его последствиях.

2. Там, где Вы пишете о неправильно обвиненном начпроде — я не согласен с Вами в оценке того факта, что дивизия (целая дивизия!) жила 6 суток на сухарях и чае с сахаром — единственно из-за бездорожья. И вроде бы это нормально и по-другому и быть не могло.

Да, бывали обстоятельства и похуже, особенно в окружении. Но в излагаемых Вами обстоятельствах, когда, оказывается, потом по живому конвейеру в 6 км все же переправляли продукты, я не верю в закономерность предыдущего.

Конвейер такой можно было организовать в л ю б у ю распутицу. Дали бы только знать вниз не жравшим людям, откуда добыть продукты!

Думаю, все было на деле иначе. Конвейер пришел в голову не тогда, когда д о л ж е н был прийти, а тогда, когда возникло ЧП и кое-кому накрутили хвоста!

В связи с этим мне кажется, что, говоря вообще о продовольствии армии, Вы, в единственном, пожалуй, за всю книгу случае, изображаете дело слишком в розовом свете. В армейском звене, особенно в весну 42 года (но бывало и позже), бывало много вопиющих непорядков с продснабжением. Бывали факты длительных — месяцами — недоеданий в целых частях и соединениях. Я мог бы привести Вам примеры из своих нынешних бесед с трижды кавалерами ордена Славы — они хорошо помнят, как это бывало, даже через тридцать лет.

Короче говоря, по-моему, где-то в общих формулировках Ваших на этот счет не хватает, как говорится, критики и самокритики, а она нужна, а то, читая это место, именно это место, иные фронтовики, особенно находившиеся в годы войны в солдатских должностях и на переднем краю, могут рассердиться на автора и в данном, именно в данном случае, поколебаться в своем доверии к нему. Я говорю об этой стороне дела, хорошо понимая, как много хорошего и многотрудного было сделано для продовольствования армии в целом, в глобальном масштабе. Но ведь отдача внизу не всегда соответствует масштабам глобального успеха. Так бывало и на войне, и коли уж говорить о том, как это было там, внизу, навер-

но, надо сказать о том, что там, внизу, бывало по-разному. И зависело это не только, конечно, от начпродов, а часто и от того, каким хозяином был тот или иной командарм, какова была е г о мера заботы о своем солдате, т. е. в конечном счете, как он относился к человеку. Кажется, я увлекся, но это больная для меня тема.

3. Мне кажется, что как-то мимоходом и недостаточно четко сказано о неурожае 1946 года. Правда, потом Вы возвращаетесь к нему, но все же это ощущение у меня осталось.

4. Мне показалось, что при оценке Сталина, стоило бы и в данном случае прямо процитировать Постановление ЦК КПСС о культе личности и его последствиях, так же развернуто, как Вы в другом месте цитируете замечательное место из застольной речи Сталина 1945 года.

В общем, чтоб действительно было: «Тут ни убавить, ни прибавить», что, как мне кажется, как нельзя более соответствует основному духу Вашей работы.

5. У меня возникло ощущение некоторой скороговорки на страницах примерно 338—358 — словно бы какой-то вакуум образовывается между предыдущим и последующим. Может быть, тут было бы полезно довольно решительное сокращение?

6. С большим интересом читал Ваши выводы, Ваше заключение. Думается, оно хорошо завершает книгу; и мне лично очень импонирует та заинтересованность в будущем, то стремление, чтобы из Вашей книги сделали ряд практических выводов, которое звучит в ее финале. И не только в финале, а, добавлю, и во многих местах книги. Ее деловой целеустремленный пафос — вообще сильная ее сторона. ⟨...⟩

Вот, пожалуй, и все, дорогой Дмитрий Васильевич.

От души желаю Вам успеха!

Глубоко уважающий Вас

Ваш *Константин Симонов.*

Кисловодск
19.IV.74.

Впервые фрагмент из этого письма — в *СИД-3.*

Павлов Дмитрий Васильевич (р. 1905) — советский государственный деятель, в предвоенные годы нарком торговли РСФСР, в 1941—1942 гг. уполномоченный ГКО по снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда продовольствием, затем начальник Главного управления продовольственного снабжения Красной Армии, после войны министр пищевой промышленности СССР, затем министр торговли СССР. Симонов написал рецензию «Мера мужества» о кн.: Д. П а в л о в. Ленинград в блокаде. 1941. М., Воениздат, 1967 («Известия», 1968, 28 февраля).

...чтение Вашей рукописи было для меня вторичным. — Рукопись кн.:

Д. Павлов. Стойкость. Политиздат. 1979, в которой автором была использована его предыдущая кн. «Ленинград в блокаде».

...о тогдашнем Пленуме ЦК... — Пленум ЦК в январе 1938 г. принял постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков».

...место из застольной речи Сталина 1945 года. — Симонов имеет в виду следующее место из речи Сталина на приеме в честь участников Парада Победы 24 июня 1945 г.: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала...» (И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., Госполитиздат, 1953, с. 196—197).

...«Тут ни убавить, ни прибавить»... — Цитата из поэмы А. Твардовского «За далью — даль».

...желаю вам успеха. — Симонов и в дальнейшем интересовался судьбой книги Д. Павлова. 15 мая 1979 г. он писал автору из больницы: «Очень рад доброму известию о Вашей книге и буду очень благодарен Вам за нее, когда она выйдет» (*АКС*).

Н. С. ТИХОНОВУ

1 мая 1974 г., Кисловодск

Многоуважаемый Николай Семенович!

Мне хочется, чтобы денежная часть Ленинской премии, присужденной мне за мои романы о Великой Отечественной войне, была использована на дело защиты мира.

Прошу Вас дать распоряжение перечислить денежную часть премии на текущий счет Советского Фонда мира.

Глубоко уважающий Вас Ваш

Кисловодск *Константин Симонов.*
1 мая 1974 года.

Тихонов Николай Семенович (1896—1979) — русский советский писатель и общественный деятель; письмо адресовано ему как председателю Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР.

Д. И. ОРТЕНБЕРГУ

Май 1974 г., ⟨Кисловодск⟩

Дорогой Давид,

отвечаю на поставленные тобой в *приказном* порядке вопросы.

1. Почему я перешел в газете со стихов на прозу? Придется вернуться к началу, к Халхин-Голу. Насколько мне не изменяет

память, вызван я туда был именно как поэт, и ничего другого мне писать и не предлагалось. Я должен был писать стихи, прозаиков было достаточно: Ставский, Славин, Лапин, Хацревин, которые (последние двое), правда, и сами могли писать стихи, но все-таки я был вызван как поэт, которого не хватало в газете. И, видимо, те стихи, которые я писал, а они были сюжетные, главным образом связанные с реальными историями, о которых я узнавал на ходу на фронте, и были они посвящены реальным людям,— видимо, эти стихи в какой-то мере удовлетворяли мое стремление рассказать на газетной полосе о реальных событиях (а не только откликнуться на них стихами). А форма была выбрана стихотворного рассказа. Если проанализировать эти стихи, то в сущности большинство из них — это стихотворные рассказы, это то, что я мог бы, в сущности, написать на газетную полосу и в прозе.

Когда я поехал на Западный фронт, я написал два или три стихотворения для газеты «Красноармейская правда», но они, так сказать, родились оттого, что на меня смотрели как на поэта, я был известен больше как поэт к тому времени, а поэт должен дать стихи в газету, но мое внутреннее ощущение было, что я должен видеть то, что происходит, и писать об этом, и писать, естественно, в прозе, потому что я рассматривал, самоощущал себя в данном случае не как писателя, поэта, ощущал себя как корреспондента, как человека, который должен — вот сегодня на газетной полосе рассказать о том, что он вчера увидал. Так, худы ли они или хороши, в общем, они скорее худы, чем хороши, и родились мои первые очерки в «Известиях», очерки очень еще неопытного газетчика, достоинство у них было только то, что за ними стояло подлинно увиденное.

Когда я вернулся с Западного фронта, и был назначен уже в «Красную звезду», и поехал в недельную поездку еще раз на Западный фронт (в таком сложном положении — придя в «Красную звезду», но еще не уйдя из «Известий»), то мы договорились, как ты помнишь, что в «Известия» я в эту поездку напишу корреспонденции, а для «Красной звезды» — стихи, что и отражено в моем дневнике военном. И в эту поездку я действительно написал одну или две последних корреспонденции в «Известия», а для «Красной звезды» написал две баллады, помнится, о летчике Терехине и еще одну — о наводчике Полякове.

Когда возникла идея ехать в поездку от Черного до Баренцева моря — на юг, то уже речь о стихах не шла, и я себя рассматривал, и я думаю, и ты меня рассматривал как корреспондента. Со мной ехал фотокорреспондент, предполагалось, что мы будем писать о том, что видели, и давать к этому снимки.

Так это естественным образом произошло, просто я думаю, что дело тут в потребностях газеты и потребностях реальной войны, потому что сюжетные стихи меньше интересовали, наверно, в об-

щем, читателей, чем очерки, чем корреспонденции, а потом, сюжетные стихи не по каждому поводу и не всегда напишешь, это можно раз в месяц писать, а корреспонденцию надо — сегодня увидел, сегодня же написал, дал в номер — вот это все продиктовало такой переход на журналистику, в общем, с поэзии не на прозу, а на журналистику, на ежедневную работу на газетный лист очерком, корреспонденцией.

Что еще добавить к этому? Ну, стихи я продолжал писать в годы войны, но военных-то, в непосредственном смысле, стихов у меня очень мало, это больше лирические стихи, больше стихи о любви, а военные стихи рождались тогда, когда что-то уж такое происходило, что требовало именно такого вот отклика, взрыва каких-то чувств, которые существовали во мне, и хотелось выразить его именно стихами. Ну, вот так получились «Открытое письмо», «Убей его!», «Безымянное поле», то есть, в сущности, это была, я бы сказал, поэтическая публицистика на самые больные и острые темы войны, она получалась — лучше, хуже, но смысл ее был в этом. И она где-то смыкается с какими-то лирическими и публицистическими местами в прозе, если взять, скажем, некоторые очерки, можно найти перекличку между этими стихами и теми же корреспонденциями, которые я писал в «Красную звезду», в тех случаях, когда в них такое публицистическое начало бывало, проявляло себя.

Второй вопрос: когда и почему я стал вести дневник?

На Халхин-Голе я дневника не вел и очень жалею об этом, но ряд записей у меня сохранился, я еще до сих пор их не пустил в дело даже. Сохранились в том числе записи, связанные с допросами японских пленных и так далее, кое-что интересное там есть.

Ну, с самого начала войны во фронтовые блокноты многое записывалось, главным образом то, что казалось нужным для корреспонденции, но попутно записывались какие-то вещи, которые хотелось, так сказать, не забыть, потом над ними подумать, может быть, написать какие-то строчки, связанные с теми или иными наблюдениями, которые могут пойти в корреспонденцию, могут не пойти, неизвестно, но надо записать.

Вот, собственно, такого рода записи я и вел всю войну. Постепенно они стали пополняться подробными рассказами людей, с которыми я говорил, причем я старался их записывать от первого лица, то есть так, как именно рассказывал человек, писал я очень быстро, не стенографически, но близко к этому, и записывал точно то, что мне рассказывали. Это составило содержание значительной части моих блокнотов, которых было, в общем, около ста, насколько я помню, из которых около семидесяти сохранилось. А где-то уже после начала нашего наступления под Москвой, когда я уже писал пьесу «Русские люди», и, возможно, потому, что я почувствовал,

насколько для меня важно то, что я видел на фронте, для того, чтобы написать эту пьесу, что я бы ее не написал, если б за этим не стояло увиденное, может быть, это еще как-то меня подтолкнуло к ощущению, что надо бы в какой-то форме записать поподробнее все то, что я видел и чего я пока не забыл. И вот весною — в марте, в апреле, да, главным образом, в марте, в апреле — я продиктовал Музе Николаевне Кузько у нас же в редакции, в ночные часы, в значительной мере в часы дежурств стенографических,— продиктовал, очень торопясь, продиктовал подневниковую запись войны за июнь, июль, август, сентябрь, примерно включая сентябрь, возвращение с юга; диктовал я это день за днем, не проверяя себя, иногда, может быть, где-то путая даты,— но все они сидели в памяти, а кроме того, у меня, передо мной было много блокнотов, и я их — они последовательно тогда шли, ни один из них еще тогда не был потерян, потом многие потерялись,— и я, перелистывая их, восстанавливал по памяти, как все происходило, иногда к ним и не прибегал, потому что очень отчетливо это помнил, диктовал день за днем, очень помногу, и, в общем, продиктовал около, по-моему, трехсот пятидесяти или четырехсот страниц вот этого, так называемого, дневника. В общем, это дневник, поскольку это подневная запись, но сделанная весной, в марте — в апреле 42-го года, то есть с позиции человека, который уже ощутил, что мы можем бить немцев, уже видел битву под Москвой и какую-то имел дистанцию с начала войны — значит, от событий, которые описаны в дневниках, и до того времени, когда записывались они, прошло — в одних случаях восемь месяцев, в других — всего пять-шесть. Вот такова дистанция.

Дальнейшие дневники, конец 41-го года — начало 42-го — вот это дневник сплошной, который идет без пропуска ни одного дня, я вел в следующие моменты затишья, где-то в разные времена, когда возникала возможность, кусочками диктовал, и где-то к началу 43-го года — в начале 43-го года я и эту тетрадь закончил.

А дальше — в разное время по-разному выходило. Об этом я рассказываю в предисловии к дневникам.

Еще кусок наиболее подробных дневников относится к 45-му году, это то, что вошло в книгу «Незадолго до тишины»,— там я имел возможность, возвращаясь с командных пунктов или с передовой, вообще оттуда, где я был, диктовать ночами, диктовать на стенограммы, иногда прямо на машинку, диктовать впечатления дня, поэтому они туда прямо с записных книжек перекочевывали в ту же ночь или на следующую, появляясь как дневник на машинке очень быстро. Поэтому там очень точные записи, очень точные и подробные.

А в остальное время по-разному бывало, с разной мерой подробности, с разным разрывом во времени от событий к записи, по-разному происходило.

Третий вопрос: как я стал диктовать корреспонденции? Ну, бывало по-разному. Во-первых, я до конца войны часто писал корреспонденции. Когда я находился там, где не было машинистки и не было возможности такой, я писал, писал и разборчиво переписывал, и в начале войны, и в середине, всегда, когда я писал после фронта, передавал, почти всегда я не диктовал, а писал корреспонденции. Когда выходило, что машинистка оказывалась рядом — диктовал, когда не выходило этого — писал и передавал на узел связи рукописи. Переписывал их так, как все нормальные люди. Если случалась под боком машинистка, и это могло ускорить работу, я диктовал ей. Когда приезжал в Москву, ну ты сам помнишь, как, скажем, приехал из Калинина — давай через час — через два в номер. Ну, пока я напишу, пока машинистка будет перепечатывать все, я диктовал на машинку. Так я диктовал, по-моему, уже «Дорогу на запад» — первую статью о наступлении, составлял план и диктовал. Потом начал диктовать стенографисткам. Научила меня работать со стенографисткой как раз диктовка дневников, по-моему, это была моя первая диктовка, и я почувствовал, что я это могу.

В общем, ощущение, видимо, и темпа, который требовался, и — у меня никогда не было смущения перед человеком, которому я диктую, может быть, этому помогло на первых порах даже — индивидуально, что я диктовал Музе Николаевне Кузько, она была такой прекрасный, заинтересованный в событиях человек, да вообще машинистка, которой ты диктовал в то время — я ли, другой — о войне, или стенографистка — им хотелось же знать, что происходит на фронте, поэтому ты диктовал заинтересованному слушателю, ты как-то общался, ты не то что, так сказать, не стеснялся, а наоборот — рассказывал как бы человеку прямо то, что ты видел. У меня не возникало никогда вот этого барьера, который мне препятствует написать то, что я думаю, и то, что я чувствую, в присутствии человека, который на стенограмму или на машинку это переносит.

Четвертый вопрос, как я понял,— с какими целями я вел дневник? Я вел дневник, потому что у меня было ощущение, что надо закрепить в памяти то, что я видел, что это важно. Где-то уже к середине войны пришло ощущение, что записанное во время войны, записанное так, как оно было, будет нужно после войны, если будешь писать о войне. Я даже об этом писал, ты можешь найти об этом упоминание, видимо, в 43-м году я об этом писал. Значит, сознание важности дневников пришло еще в середине войны, и сознание важности не только как документа, но как источника будущей работы над военной темой. Я укреплялся, постепенно укреплялся в ощущении, что я буду писать о войне, если, так сказать, слава богу, будем живы, и после войны, потому что —

сначала написал «Русские люди» — было ощущение, что какое-то дело нужное сделал и что не все еще, конечно, при этом сказал, что надо к этому возвращаться. Потом, когда уже написал первую серьезную прозу, «Дни и ночи»,— было ощущение, что, наверно, и о других событиях надо будет рассказать в прозе потом, а не только о Сталинграде того периода, о котором я написал в «Днях и ночах».

У меня параллельно с работой укреплялось это ощущение, что буду писать об этом и после войны и что дневники, записи, блокноты — все это понадобится потом для работы. Поэтому у меня, в общем, сохранились блокноты, я их не рвал и не истреблял, пропали те, которые пропали по несчастному случаю — по одному, по другому,— сгорели, утонули или еще что, а так — больше двух третей осталось.

Твой *К. С.*

Май 1974 г.

Впервые с небольшими сокращениями — в *ЛГ*, 1980, 5 ноября.

...на поставленные тобой в приказном порядке вопросы.— Письмо представляет собой ответы на вопросы, возникшие у Д. Ортенберга в связи с работой над книгой воспоминаний (см.: Д. Ортенберг. Время не властно. М., «Советский писатель», 1975; второе издание — 1979).

...написал два или три стихотворения для газеты «Красноармейская правда»...— В «Красноармейской правде» были напечатаны «Рассказ бойца» (1941, 1 июля), «Слава пехоте» (3 июля).

...мои первые очерки в «Известиях»...— «Майор Бандурко» (1941, 9 июля), «Фотография» (19 июля), «Валя Тимофеева» (под псевдонимом С. Константинов) (19 июля), «Горячий день» (20 июля).

...что и отражено в моем дневнике...— См. *РДВ* (т. 8, с. 144 наст. собр. соч.).

...написал одну или две последних корреспонденции в «Известия»...— «Люди из фашистского тыла» (1941, 25 июля), «Разведчики» (29 июля).

...для «Красной звезды»... две баллады...— «Презрение к смерти» (1941, 24 июля) — памяти наводчика Сергея Полякова, и «Секрет победы» (1941, 6 августа) с посвящением истребителю Николаю Терехину.

...об этом я рассказываю в предисловии...— См. *РДВ* (т. 8, с. 5—6 наст. собр. соч.).

...в книгу «Незадолго до тишины»...— Так назывались журнальная публикация (*ДН*, 1973, № 1, 2) и отдельное издание (М., «Советская Россия», 1974) фронтовых дневников Симонова 1945 года.

...приехал из Калинина...— См. об этом *РДВ* (т. 8, с. 457—458 наст. собр. соч.).

«Дорога на Запад»— очерк Симонова (*КЗ*, 1941, 17 декабря), рассказывающий о начале разгрома немцев под Москвой и освобождении от оккупантов одного из первых наших городов — Михайлова.

В. П. АСТАФЬЕВУ

3 июля 1974 г., Кисловодск

Дорогой Виктор Петрович!

Открыл здесь, в Кисловодске, в санатории, газеты и прочел о Вашем пятидесятилетии и награждении. И захотелось поздравить Вас и с тем и с другим, а главное, с доброй прекрасной работой, которую Вы делаете. Я не только люблю, но и глубоко уважаю Ваши книги. Бывает так, что в любви присутствует вот такой еще, особый оттенок уважения, очень для меня всегда важный при чтении литературы.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

3.7.74.
Кисловодск

Не имею здесь Вашего адреса, так что письмо пойдет на перекладных, наверно, долго.

К. С.

...о Вашем пятидесятилетии и награждении. — 1 мая 1974 г. В. П. Астафьеву исполнилось пятьдесят лет, он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В. Е. БАСКАКОВУ

11 ноября 1974 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Владимир Евтихианович,

простите, что с запозданием отвечаю на присланные Институтом вопросы. Если делаю это слишком поздно — ничего не поделаешь, сам виноват.

Итак, в том порядке, в каком они заданы в анкете.

1. Из фильмов о войне, сделанных за последний десяток лет, на меня, пожалуй, самое сильное впечатление произвел «Белорусский вокзал», хотя в общем-то это фильм не о войне, а о бывших фронтовиках, но в нем есть нечто самое важное: есть дыхание войны, есть то место в душе человека, прошедшего войну, которое она в этой душе занимает, а через это частное есть ощущение необыкновенной важности и значительности всего, связанного с Великой Отечественной войной в истории нашего народа и нашего общества. Вот чем мне особенно близок этот фильм. Дорог он мне еще и тем, что его сделали молодые люди, которые сами не знали войны или почти не знали ее, но которые зато хорошо знают — это ясно из фильма,— какое место занимает война в душах людей, прошедших через нее.

Отвечаю на 2-й вопрос: думаю, что в общем, если взять и художественное и документальное кино, то можно говорить о большем внимании, интересе к теме минувшей войны именно в последние годы по сравнению с годами предыдущими.

Ответ на 3-й вопрос: думаю, что лучше всего и плодотворнее всего будет, если мы не будем намечать генеральных путей развития темы войны на ближайшие годы. Не будем канонизировать ни фильма типа «Летят журавли», ни фильма типа «Освобождение», беру и то и другое как знаки, к примеру.

Плодотворнее всего, если тема войны будет развиваться в разных аспектах, масштабах, в поисках разных художественных решений.

А если уж говорить об угрозе самого неплодотворного пути движения темы войны в нашем киноискусстве, то это уже намечающиеся сейчас попытки превратить и Отечественную войну, и гражданскую войну в некий «дикий Запад», в некое поле действия для ковбоев и разведчиков.

В приключенческом жанре о войне — и о минувшей и о гражданской — сделано несколько хороших, стоящих фильмов, но рядом с ними на экран кино и телевидения так и прет макулатура, и это опасно.

4-й вопрос: что касается моих личных планов, то я занимаюсь и буду и дальше заниматься документальным кино и буду стараться в разных его жанрах сказать побольше достоверного, опираясь на подлинный опыт людей войны, прежде всего солдат, и на подлинные записи разговоров с ними.

Вот, пожалуй, все, что я могу ответить на эти вопросы. Простите, если поздно.

Жму Вашу руку, Ваш

Константин Симонов.

11.XI.74

Впервые — в журн. «Искусство кино», 1985, № 11.

Баскаков Владимир Евтихианович (р. 1921) — искусствовед, русский советский писатель, в то время директор Всесоюзного научно-исследовательского института киноискусства.

...отвечаю на присланные Институтом вопросы.— Анкета, на вопросы которой отвечает Симонов, была разослана в связи с подготовкой «круглого стола» о фильмах на военно-патриотическую тему.

...произвел «Белорусский вокзал»...— Фильм, снятый А. Смирновым по сценарию В. Трунина в 1971 г.

...типа «Летят журавли»... типа «Освобождение»...— «Летят журавли» — фильм, снятый М. Калатозовым по сценарию В. Розова в 1957 г.; «Освобождение» — фильм, снятый Ю. Озеровым по сценарию Ю. Бондарева, О. Курганова, Ю. Озерова в 1970 г.

Г. Н. КАРАВАЕВУ

11 ноября 1974 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый товарищ Караваев,

обращаюсь к Вам по фамилии, потому что Вы не написали Вашего отчества.

Я долго не имел возможности прочесть Ваши рассказы; сейчас болен, не знаю, когда подымусь — скоро ли, и поэтому не хочу задерживать с ответом, и так Вы долго ждали.

Мне очень трудно сказать о Ваших трех рассказах что-то определенное, потому что этого, до конца определенного мнения у меня не сложилось.

Прежде всего, и это, разумеется, главное, независимо от того, нравятся мне эти Ваши рассказы или не нравятся, нравятся меньше или больше, напечатаете Вы их или нет,— потому что все это, в общем, не столь уж важно по сравнению с главным,— а главное, конечно, в том, что Вы человек с несомненными для меня литературными способностями. Как Вы их употребите, с какой мерой тщания и успеха — сказать не берусь, но что они у Вас есть, по рассказам Вашим ясно,— во всяком случае, для меня.

А теперь о рассказах, о каждом из трех:

Рассказ «Цветы» мне не нравится: он одновременно и претенциозный и поверхностный, несерьезно говорится о серьезных вещах, такое ощущение, что человек замахивается всем кулаком, а потом разжимает руку и почесывает себе ладонь. При всем том в рассказе есть подробности и фразы, свидетельствующие о способности автора писать.

Рассказ «Пятигорск» наиболее, я бы сказал, организованный, или, как у нас иногда выражаются, «проходимый», в нем места и хорошие и плохие, написанные с разною силою, но больше всего в нем не хватает определенности личности автора, то есть, вернее, рассказчика: что же он, кто же он? Чего он тут? Что до этого? Что после этого? В такого рода лирическом монологе определенность характера и судьбы, на мой взгляд, необходима, хотя она может быть выражена по-разному, в том числе тонко и очень коротко, но должна быть выражена.

Рассказ «Старый дом», наверное, лучший из трех, эта неопределенность, свойственная Вам, здесь уж и вовсе запутывает дело: читаешь, и возникает такое ощущение, что человек, быть может, рассказывая о самом себе, вынужден все окружающее сделать неопределенным и не до конца узнаваемым. Но такие вещи мстят за себя. У меня такое чувство, что, если этот рассказ переписать, сказать о том, что было и есть, о том, что вспоминается и что чув-

ствуется — просто, ясно — рассказ мог бы стать хорошим. Грешный человек, думаю, что простота и ясность не исключают ни глубины, ни тонкости. Без простоты и ясности и глубина и тонкость иногда начинают казаться мне мнимыми, манерными. Добавлю, чтоб быть вполне откровенным, что элемент манерности, несомненно, есть в том, что Вы пишете.

Вот, пожалуй, и все, наиболее существенное, что мне хотелось сказать, прочитав Ваши рассказы.

Желаю Вам всего доброго.

Константин Симонов.

11.XI.74

Впервые — в *ЛУ*, 1983, № 3, вместе с письмами от 17 марта 1975 г. и 9 апреля 1976 г. в качестве приложения к воспоминаниям о Симонове Г. Караваева «Короткие встречи».

Караваев Георгий Николаевич (р. 1947) — русский советский писатель, см. о нем письмо Симонова С. Баруздину от 9 февраля 1979 г. В 1983 г. вышел сборник рассказов Г. Караваева «У меня появился брат» в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Молодые голоса».

Р. Я. РАЙТ

8 февраля 1975 г. ⟨Москва⟩

Дорогая Рита Яковлевна!

Очень Вам признателен за присланные Вами фотографии.

Встреча с Куртом Воннегутом была для меня приятным и существенным событием, ибо я очень люблю и очень уважаю этого писателя — уважаю и как художника и как человека, занимающего достойные гражданские позиции.

Его роман «Бойня номер пять», на мой взгляд, одна из лучших книг о второй мировой войне. Я читал ее с громадным интересом и очень острым волнением еще и потому, что мне довелось в первые же дни его освобождения — видеть Дрезден, страшный Дрезден, изуродованный варварской американской бомбежкой, которая не вызывалась никакой военной необходимостью в тот период войны. Зрелище было страшное, и оно неизменно вспоминалось мне, когда я читал роман Воннегута.

В моем представлении это книга человека, ненавидящего войну, ее жестокость, ее варварство, и одновременно считающего, что перед фашистами нельзя было вставать на колени, с ними надо было, пришлось воевать, и воевать до конца, прежде чем они не были разбиты.

Собственно говоря, эта позиция настолько близка к моей, что я разделяю ее.

Вы пишете, что в Театре Советской Армии собираются поставить инсценировку по роману Воннегута. Я отношусь к этому с большим интересом и буду очень благодарен, если меня пригласят на спектакль или на генеральные репетиции, словом, мне это будет интересно посмотреть как можно раньше.

Убежден, что инсценировка романа Воннегута, по своему духу соответствующая роману, будет вещью и глубоко гуманной, и бескомпромиссно антифашистской. А в общем-то, очень интересно будет это посмотреть.

Спасибо Вам за Ваше письмо.

Жму Вашу руку.

Давно и глубоко Вас уважающий

Константин Симонов.

8.II.75

Райт Рита Яковлевна (р. 1898) — русская советская писательница, переводчица.

Встреча с Куртом Воннегутом...— Воннегут Курт (р. 1922) — американский писатель. Встреча с К. Воннегутом, в которой принимал участие и Симонов, состоялась в 1974 г. Тогда же были сделаны его женой Джилл Кременц фотографии, о которых идет речь в письме.

...собираются поставить инсценировку...— По роману К. Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» Ю. Михайловым и М. Розовским была сделана инсценировка «Странствия Билли Пилигрима», поставленная в ЦАТСА в 1976 г. М. Левитиным.

...инсценировка романа Воннегута... будет вещью и глубоко гуманной, и бескомпромиссно антифашистской.— Р. Райт обратилась 4 февраля 1975 г. к Симонову с письмом в связи со следующим обстоятельством: «...хотя пьеса принята ПУРом и понравилась в Министерстве культуры СССР ⟨...⟩, иногда раздается унылый, мелко-редакторский голос какого-нибудь «сомневающегося»: «А нет ли в пьесе — страшно сказать — пацифизма?»

И вот мы решили спросить Вас: неужели *всякая* пьеса, где автор по личному опыту рассказывает о бессмысленной бомбежке мирного города, должна считаться пацифистской? Воннегут — антифашист, добровольно пошел драться с нацистами, сам видел бомбежку Дрездена,— и *везде* пишет, что вторая мировая война была справедливой войной ⟨...⟩.

Милый Константин Михайлович, если вы напишете *мне* хоть два-три слова о том, что роман хороший и что пьеса, наверно, будет интересной,— мы все будем очень благодарны. Ваши слова сейчас могут просто «очистить воздух» от унылого тумана сомнений...» *(АКС).*

17 марта 1975 г., ⟨Москва⟩

Добрый день, Георгий!

Получил Ваше последнее письмо. Спасибо за фотографию, присланную вместе с предыдущим.

Прочел все, что Вы мне прислали. Какое-то у меня двойственное чувство, которое все-таки попытаюсь объяснить.

С одной стороны, всюду присутствует мысль, чувство, наблюдение, иногда тонкое, иногда точное,— словом, присутствует все то, без чего не существует таланта. И в то же время то, чего еще талантом не назовешь, потому что, на мой взгляд, талант включает в себя и некую точность в организации материала, точность в архитектуре,— а этого все время не хватает, это где-то все время рядом. Это — первое ощущение.

Второе: я все время слышу как бы два голоса — Ваш собственный и чей-то чужой,— знакомый, даже симпатичный мне душевно, вроде бы платоновский голос,— но чужой, вторгающийся в Ваш собственный, заставляющий Вас как-то вывертываться в своих рассказах в какую-то несколько неестественную позу. И не только платоновский — бывает, и другие голоса слышатся. В Вашем «Фестивале» что-то другое рядом со своим — заемное, из какой-то устарело-новой прозы. А в то же время всюду есть хорошее, и, наверное, будь у меня больше сил и физических возможностей, да и будь у меня рядом люди, вкусу которых бы я доверял, и журнал, в котором бы я мог печатать то, что мне показалось интересным,— наверное, я бы вместо вот таких писем, как это, позвал бы Вас для разговора в редакции, после этого разговора с Вами и с человеком, который бы дальше занимался работой, готовил бы к печати Вами написанное — вместе с Вами, поговорил бы, а потом бы еще и раз, и другой прочел бы то, что появилось бы в результате работы,— если бы Вы оказались человеком способным на длительную и повторную работу над одной и той же рукописью. Говорю это с осторожностью, потому что бывает так, что человек, к своему несчастью, имея дарование как бы выбросить из себя то, что легло на душу, выбросить это на бумагу,— потом не в состоянии сидеть и доводить это до окончательного результата. Надеюсь, что с Вами — не так. Хочу надеяться.

Думаю, что и «Чай пьем» могло бы быть основой для работы, и некоторые из Ваших маленьких рассказов, таких, как, скажем, «В автобусе», или «Тень», или «Утрата», или «Узбекские мотивы». А что касается Вашего — не знаю, как это назвать — рассказа «Люба и Павлик», то в нем есть что-то бесконечно мне симпатичное

и в то же время что-то удивительно недоделанное, недодуманное, которое, однако, наверное, можно додумать.

Вот Вам мои размышления над Вашими рукописями.

Уважающий Вас
Константин Симонов.

17.III.75 г.

Впервые — в *ЛУ*, 1983, № 3.

ЯНКЕ БРЫЛЮ

25 марта 1975 г., Кисловодск

Дорогой Иван Антонович,

спасибо Вам за Ваши «Витражи». Взял их с собой на отдых сюда, в Кисловодск, и прочел за три тихих здешних вечера с чувством глубокой к Вам симпатии и оттенком — нечуждой и Вам — грусти от того, что мы понемножку стареем и, наверное, точнее чувствуем это в перерывах между работой — таких, как у меня сейчас.

Ваша книга дорога мне своею добротою, соединенной с той непримиримостью, без которой и доброту-то добротой называть неохота.

А кроме того, что-то есть щемящее, когда следуешь по пятам за жизнью человека примерно своих лет и вдобавок одной профессии, за пунктирным и честным рассказом о его жизни, и где-то примеряешь на себя, и проверяешь свои собственные чувства и мысли, иногда трудные.

В общем, сердечное Вам спасибо.

Ваш
Константин Симонов

25.III.75
Кисловодск.

Брыль Янка (Иван Антонович; р. 1917) — белорусский советский писатель.

...за Ваши «Витражи».— Я н к а Б р ы л ь. Витражи. Миниатюры и лирические записи. Минск, «Мастацкая література», 1974.

П. Р. КОЛЕСНИКОВУ

8 июня 1975 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Петр Романович,

получил Ваше письмо. Вы просите меня сказать свое мнение по затронутому Вами вопросу. Ну, что же, я не считаю себя специали-

стом, но мнение свое выскажу. Думаю, что причиной наших неудач на Керченском полуострове была все-таки не пассивность защитников Севастополя в тот период, когда немцы сняли из-под Севастополя часть сил.

Дело в том, что, насколько это известно мне, сил у нас на самом Керченском полуострове было много — три армии, и сил этих было достаточно для того, чтобы прорвать оборону противника — кстати сказать, против нас на Керченском полуострове было больше румын, чем немцев,— и выйти на просторы Крыма. Просто наступление было организовано крайне неудачно, без учета многих обстоятельств, а после того, как оно не удалось, не позаботились о том, чтобы организовать как следует оборону на Керченском полуострове. И это последнее уже и привело к катастрофе на Керченском полуострове в мае 42-го года, к катастрофе, которая была самым жестоким образом охарактеризована в приказе Ставки, где все было названо своими именами.

Думаю, что действия Приморской армии планировались, но планировались они на тот период боев, когда три армии, находившиеся на Керченском полуострове, прорвав оборону румын и немцев, должны были выйти из горловины Керченского полуострова на просторы Крыма. Вот тогда, видимо, и планировались соответствующие активные действия Приморской армии навстречу прорвавшимся на просторы Крыма нашим войскам. Таким образом, повторяю, дело, по-моему, не в пассивности Приморской армии, а в неудачных действиях Кавказского фронта и его трех армий, действовавших на Керченском полуострове. Если бы они выполнили свою задачу и прорвались в глубь Крыма, это было бы как раз подходящим моментом для встречного удара Приморской армии. Очевидно, она этого и ожидала, но этого не произошло. Вот Вам мое мнение по затронутому Вами вопросу. Так мне кажется, на основании некоторых сведений, которыми я в той или иной мере располагал, работая над своими книгами, да и просто исходя из здравого смысла.

Желаю Вам всего доброго, уважающий Вас

Константин Симонов.

8.VI.1975 г.

Впервые — в *ВЛ*, 1985, № 5.

...сил у нас... было много — три армии... — На Керченском полуострове боевые действия вели 47-я, 51-я и 44-я армии. В своих воспоминаниях маршал А. М. Василевский отмечает, что предпринимавшиеся в феврале — марте 1942 г. «попытки с Керченского полуострова освободить весь Крым, несмотря на большое превосходство в силах над противником, закончились

неудачей» (А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1974, с. 186).

...самым жестоким образом охарактеризована в приказе Ставки... — В приказе Ставки от 4 июня 1942 г. говорилось, что неудачи на Крымском фронте «во многом объясняются тем, что командование его не сумело организовать взаимодействия между армиями и между наземными и воздушными силами. Утратив возможность управлять войсками при помощи проводной связи, командование фронта и армии, их штабы не смогли использовать радио и другие средства связи. Личное общение с войсками не практиковалось. Отдавая приказы, командование не знало действительной обстановки на фронте. Командующий генерал Д. Т. Козлов и член Военного совета дивизионный комиссар Ф. А. Шаманин в критические дни операции вместо конкретного руководства войсками тратили время на многочисленные и бесплодные заседания Военного совета. Большая вина за поражение в Крыму лежит на представителе Ставки армейском комиссаре 1-го ранга Л. З. Мехлисе, который не справился со своими обязанностями. Он грубо вмешивался в функции командующего фронтом, подменял его, ставил войскам задачи без учета конкретной боевой обстановки» («Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история». М., Воениздат, 1965, с. 155—156).

Г. Э. Ш-му

8 июня 1975 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Григорий Эльевич,

отвечаю Вам со столь большим запозданием, потому что лишь сейчас вернулся из длительной и дальней зарубежной командировки.

Вполне понимаю Ваши чувства, которые подтолкнули Вас написать письмо мне, высоко ценю и то благородство, с которым Вы, поднявшись выше соображений кровного родства, стали на сторону пострадавшего и оказавшегося в таком драматическом положении человека. В известной мере понимаю и Ваше желание, чтобы всего случившегося как бы не было, чтобы расставшиеся вновь соединились, а ребенок имел отца. Но способы лечения этой травмы, которые Вы предлагаете, простите меня, не понимаю и не разделяю. Неужели Вы в самом деле серьезно считаете, что какая бы то ни было общественная организация может потребовать от взрослого и немолодого человека,— кем бы он ни был — писателем или лицом другой профессии,— чтобы он вынудил свою дочь отказаться от брака с Вашим сыном, и этим заставить его вернуться к его прежней семье? Простите меня, но я не верю в такие насильственные способы лечения душевных травм. Не верю я и в то, что возвращение Вашего сына к его прежней жене после всего слу-

чившегося, после поведения, которое Вы сами столь жестко, с такой принципиальной твердостью охарактеризовали, что это возвращение могло бы принести счастье ей, тем более ее ребенку. В насильственно склеенных семьях дети очень редко бывают счастливы, а женщина превосходных душевных качеств — именно так Вы отзываетесь о своей невестке,— наверное, лучше воспитает ребенка одна, чем вместе с насильственно возвращенным ей мужем; тем более что, как я понял из Вашего письма, Вам дорога и она, и ее ребенок, а справедливое и душевное отношение родителей мужа в случаях, подобных этому, обычно очень дорого для женщины,— такое отношение если и не лечит горя, то во всяком случае смягчает одиночество, помогает выйти из состояния отчаяния.

Вот, пожалуй, и все, что я могу по чистой совести ответить на Ваше письмо.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

8.VI.1975 г

А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ

25 сентября 1975 г., ⟨Гульрипши⟩

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Михайлович!

Я был в высшей степени тронут и тем, что Вы прислали мне второе издание Вашей прекрасной книги, и той лестной для меня надписью на ней, которую я с радостью и гордостью прочел. Не написал Вам свою благодарность раньше, ибо хотел прочесть заново книгу. Прочел с огромным интересом. Новые ее главы, мне кажется, открывают перед нами дополнительно очень важные аспекты войны. Особенно связанные с работой Ставки и Генерального штаба. Трудно преувеличить масштабы того значения, которые имеют здесь именно Ваши личные свидетельства.

Приближается день Вашего славного восьмидесятилетия. Позвольте от души поздравить Вас и пожелать Вам доброго здоровья.

Вы столько сделали для своей Родины, что миллионы ее сыновей будут желать Вам в этот день добра и счастья.

Глубоко уважающий Вас Ваш

Константин Симонов.

25 сентября 1975 года.

Впервые — в *ЛГ*, 1985, 1 мая.

...второе издание Вашей прекрасной книги, и той лестной для меня надписью...— А. М. Василевский. Дело всей жизни. Изд. 2, доп. М., Госполитиздат, 1975. На подаренной книге надпись:

«Герою Социалистического Труда, Народному писателю СССР Константину Михайловичу Симонову.

Дорогой Константин Михайлович! В знак глубокого уважения к Вам и благодарности за внимание ко мне — прошу принять эту книгу во втором издании. С сердечным приветом, с чувством искренней благодарности за все свершенное Вами и с пожеланием дальнейших успехов.

Ваш *А. Василевский.*

август 75».

...день Вашего... восьмидесятилетия... — 30 сентября 1975 г. А. М. Василевскому исполнилось 80 лет.

Л. А. КУДРЕВАТЫХ

Сентябрь 1975 г., ⟨Гульрипши⟩

Дорогой Леня,

сидя здесь, в Сухуми, хотя и с некоторой проволочкой, но зато всю подряд и без отвлечений в сторону прочел подаренную тобою книжку.

Книжка, если брать ее в целом, на мой взгляд, получилась славная. И вдобавок, эта книжка, как говорится, «лица с необщим выраженьем», эта книжка человека, отдавшего много лет жизни журналистской работе, продолжающего ее любить до седых волос не только через свое собственное, им самим сделанное, но и через работу, через личность своих товарищей. В этом смысле хотелось бы сказать тебе, что удивительно точно написал ты нашего дорогого Петю Белявского — без преувеличений, точно, с любовью, с уважением, с проникновением в душу человека и в особый характер его обаяния.

Мне кажется, что по характеру проникновения в существо человека к этой большой вещи примыкает и такая маленькая, как «Почему мы так говорим?» — об Уразове, человеке, которого, в противоположность Белявскому, я никогда не знал, не видел и чей портрет в моем сознании — и очень живой портрет — существует лишь на этих страничках твоей книги.

С особенным интересом, наново, прочел то, что ты написал о Борисе Рюрикове и о Твардовском. Второй, по-моему, у тебя написан сейчас шире, чем в том виде, в каком я читал. Повторяю, и то и другое читал наново, с интересом, но думаю, что не случайно ты поставил в начало книги твою работу о Рюрикове, потому что она дает как бы камертон всей книге, она ее внутренний стержень, как бы залог отношения твоего к другим людям и к другим делам.

Есть, конечно, в книге и вещи более проходные, по-своему тоже интересные или любопытные многими неожиданными под-

робностями, которых у тебя вообще много, и это очень дорого. Но мне хотелось бы сказать тебе не о них, а прямо перейти в твое «Путешествие в юность». Понимаю всю сложность задачи соединения разных элементов этой, вроде бы документальной повести о самом себе и своем деле, понимаю эти трудности и с радостью вижу, что ты с ними управился, и управился хорошо. Очень это повествование восстанавливает, возобновляет в сознании эпоху. Есть в нем что-то очень существенное для нашего времени, чего даже я не берусь сформулировать. Существенна ведь не только громкость событий, а их внутренняя весомость в жизни человека. Вот эта внутренняя весомость всего, о чем ты вспоминаешь, есть в твоем «Путешествии в юность», а то, что ты смог вот так по-смелому, по-неожиданному все это собрать и сопоставить, делает тебе честь.

Вот, знакомы мы с тобой столько лет, а как ты о Петре Ивановиче Белявском — многое о тебе я узнаю только вот сейчас, из этой лирической анкеты, которою ты завершаешь свою книгу.

Обнимаю, желаю здоровья. Еще раз спасибо за книгу. Крепко жму твою руку, твой

Константин Симонов.

Сентябрь 1975

Кудреватых Леонид Александрович (1906—1981) — русский советский писатель и журналист.

...подаренную тобою книжку.— Л. Кудреватых. Признание в любви. М., «Советский писатель», 1975.

...«лица с необщим выраженьем»...— Цитата из стихотворения Е. Баратынского «Не ослеплен я музою моею...» (1830).

Белявский Петр Иванович (1899—1965) — русский советский журналист, в годы войны фронтовой корреспондент газеты «Известия». Л. Кудреватых посвятил ему очерк «Писал только об увиденном...».

Уразов Измаил Алиевич (1897—1965) — русский советский журналист.

...то, что ты написал о Борисе Рюрикове и о Твардовском.— Очерки «О Борисе Рюрикове, его отце и немного о наших с Борисом друзьях» и «Встречи с Александром Твардовским».

...из этой лирической анкеты...— Автобиографический очерк «Путешествие в юность».

Н. П. ГОРДОН

10 октября 1975 г., ⟨Гульрипши⟩

Дорогая Нина Павловна,

в ближайшие дни не приеду в Москву, поэтому отвечаю на Ваш вопрос письменно, чтобы не откладывать.

28 ноября, когда мне стукнет шестьдесят, в Центральном Доме литераторов так же, как и десять лет назад, будет литературный вечер под председательством — так же, как и в прошлый раз,— Сергея Владимировича Михалкова, давшего на это мне свое согласие.

Кроме этого вечера, который будет именно в день моего шестидесятилетия, я в связи с этою датою не собираюсь ни проводить каких-либо литературных вечеров, ни принимать в них какого-либо участия ни в Москве и ни в каком другом месте.

Дата эта напоминает о том, что далеко еще не все сделал, что хотел, и что еще многое надо успеть сделать, следовательно, надо работать, и побольше. Чем я и собираюсь заниматься вплоть до самого дня своего шестидесятилетия и начиная со следующего дня после него.

Если у Вас встретится необходимость кого-то познакомить с этой моей точкой зрения, она, таким образом, к Вашим услугам в письменном виде.

Второй вопрос — об интервью, беседах, ответах на вопросы. О моей работе и моих планах, о всей той работе, которую я делал и делаю в последнее время, я очень много говорил, может быть, даже больше, чем нужно. О своих планах тоже говорил и писал, и тоже, может быть, больше, чем нужно. Ничего на эту тему ни говорить, ни писать больше не буду — по крайней мере до конца будущего года. Надо побольше работать и поменьше говорить слов о работе, а то превратишься из писателя в сказителя.

Разговор о читательских конференциях — если кто-то предложит их проведение — реален и даже желателен для меня, но не раньше зимы 1977 года, когда выйдет из печати в полном, двухтомном виде моя новая работа «Разные дни войны».

Вот, пожалуй, я и высказал Вам все, что собирался, и прошу Вас в мое отсутствие поступать соответственно этому письму.

Уважающий Вас Ваш

Константин Симонов.

10.X.75

Гордон Нина Павловна — литературный секретарь Симонова с 1944 г.

М. КАРИМУ

4 ноября 1975 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Мустай, не могу удержаться от того, чтобы не написать тебе это письмо, прочитав «Комсомольскую правду» от 31 октября. То ли мы бываем какими-то невнимательными друг к другу, то ли забывчивыми, то ли виной тому твоя особенная сдержанность и нелюбовь говорить о себе, но я узнал из «Комсомолки»

о тебе то, что мне как твоему старому товарищу давно было положено знать, и подумал о тебе с каким-то еще дополнительным уважением, как бы приложившимся к тому уважению и любви и всем другим добрым чувствам, которые я к тебе всегда испытывал до этого.

Обнимаю тебя, мой дорогой, и вдвойне желаю тебе здоровья.

Твой

Константин Симонов.

4.XI.75

Карим Мустай (р. 1919) — башкирский советский писатель и общественный деятель. Симонов в соавторстве с М. Каримом и Р. Фишем написал «Через тридцать лет... (Заметки о поездке в Турцию)» («Правда», 1966, 8 апреля). М. Карим написал о встречах с Симоновым «Воспоминания у кромки моря» (см.: «Константин Симонов в воспоминаниях современников»).

...прочитав «Комсомольскую правду» от 31 октября.— В этом номере газеты был напечатан очерк М. Гафурова и В. Муссалитинова «Дорога поэта, дорога бойца...», посвященный фронтовой судьбе М. Карима (в ту пору мл. лейтенанта).

...давно было положено знать...— 24 ноября 1981 г. М. Карим писал Л. Жадовой: «Константин Михайлович, конечно, знал о том, что я был ранен. Но, видимо, я ему никогда не говорил о комсомольском билете и билете кандидата в члены Союза писателей СССР, пробитых осколком. Поэтому некоторое удивление в его письме» *(АКС)*.

Р. Н. АДЖУБЕЙ

2 января 1976 г., ⟨Москва⟩

Дорогая Рада Никитична!

Публикация моей заметки в «Науке и жизни» была для меня одним из самых важных подарков в эту круглую дату.

Спасибо Вам и Вашим товарищам по журналу. Вокруг Малевича и у нас, и за рубежом так старательно и долго наводили тень на плетень, что я, для проверки дав журнал двум прекрасным во всех отношениях людям — одному академику-физику и одному профессору-литературоведу, выяснил, что оба они находились в убеждении, что Малевич помер где-то в эмиграции. Так что мы с Вами сделали полезное для истории нашего искусства и, шире говоря, общества дело.

А если горлохваты, долго шившие на таких вещах себе шубу, затеют вокруг возню, то я буду защищать это правое дело до конца всюду, где это понадобится, если понадобится.

Еще раз спасибо Вам!

Передайте мои поздравления с Новым годом всем Вашим близким!

Уважающий Вас

Константин Симонов.

2.I.76.

Аджубей Рада Никитична (р. 1929) — советская журналистка, зам. главного редактора журнала «Наука и жизнь».

Публикация моей заметки...— «Ввиду заслуг перед советским изобразительным искусством...» (Несколько редких фотографий и несколько слов в связи с ними)» («Наука и жизнь», 1975, № 12).

...в эту круглую дату.— 28 ноября 1975 г. Симонову исполнилось шестьдесят лет.

Малевич Казимир Северинович (1878—1935) — советский художник, основоположник одного из видов абстрактного искусства — супрематизма.

А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ

4 января 1976 г., ⟨Москва⟩

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Михайлович!

Вернувшись из Кисловодска, имел счастье прочесть Ваше письмо, которое для меня необыкновенно много значит и очень мне дорого как мнение о моей работе человека, чей суд для меня, как для военного писателя,— суд самый высокий.

По правде сказать, я горжусь и буду гордиться тем, что Вы, знающий войну во всей ее глубине и во всем ее размахе и, добавлю, во всем ее трагизме, Вы, столько сделавший для победы в этой неслыханно тяжелой и героической борьбе, сочли, что я, как литератор, в меру своих сил честно написал, как все это было в нашей жизни.

Ваше письмо — высочайшая для меня награда, заставляющая думать о том, что я должен постараться успеть сделать еще и все то, чего я пока не успел или не сумел сделать.

Письмо Ваше накладывает на меня эту нелегкую, но радостную для меня ответственность.

Благодарю Вас!

Желаю Вам доброго здоровья и буду рад поблагодарить Вас лично, когда Вам это позволит здоровье и время.

Ваш

Константин Симонов.

4.I.1976

Впервые — в *ЛГ*, 1985, 1 мая.

...имел счастье прочесть Ваше письмо, которое для меня необыкновенно много значит... — В этом письме от 29 ноября 1975 г. А. М. Василевский, в частности, писал: «Наши Вооруженные Силы и я лично как солдат, испытавший на себе от первого до последнего дня всю тяжесть минувшей войны, разве можем забыть ту исключительную роль и то незаменимо высокое значение, которые имели на протяжении всей войны непрерывно выходящие из-под Вашего пера строки, всегда и немедленно зажигавшие в сердцах всех воинов еще большую ненависть к врагу, вселяли в них необходимую изумительную отвагу, мужество и героизм на поле боя и укрепляли веру в победу советского народа над фашистским врагом? ⟨...⟩

Очень важно для нас и то, что все Ваши всенародно известные и безоговорочно любимые творческие труды, касаясь почти всех важнейших событий войны, преподносятся читателю наиболее капитально, а главное — строго правдиво и обоснованно, без каких-либо попыток в угоду всяким веяниям послевоенных лет и сегодняшнего дня отойти от порою суровой правды истории, на что, к сожалению, многие из писателей и особенно из нашего брата, мемуаристов, по разным причинам идут так охотно.

Все это, дорогой Константин Михайлович, результат Вашей неподкупной честности, кристаллической партийности, результат того, что Вы, всегда бывая на самых ответственных, опасных для жизни и во всех отношениях важных и наиболее трудных участках фронта, сами лично видели и пережили все перипетии в боевой жизни и деятельности бойца, командира, политработника и так неподражаемо своим творческим трудом и личным примером помогали всем» *(АКС)*.

Чтобы у читателя не сложилось ложного впечатления, что оценки и характеристики в процитированном выше письме носят по преимуществу «юбилейный» характер, приведем отрывок из другого — от 3 мая 1977 г. — письма А. М. Василевского, не связанного с какими-либо датами и юбилеями Симонова: «...сердечное спасибо, мой земной поклон Вам, дорогой, за все то неоценимо огромное, что Вы, используя свой редкостный, универсальный литературный талант, свою силу, мужество (в полном понимании этого слова), работая непосредственно на самых ответственных направлениях и опасных участках советского сухопутного и морского фронта, свершили ради этой Победы. Спасибо Вам, дорогой, за все то чудесно прекрасное, чем Вы порадовали и так искусно продолжаете радовать буквально на всем культурном фронте нашу Родину и по сегодняшний день. ⟨...⟩ Спасибо Вам, Константин Михайлович, за этот огромный и полезный труд, который Вы уделили своей книге — дневникам «Разные дни войны». Подаренный Вами двухтомник этой книги я прочел не только с огромным вниманием и удовольствием, но и с огромным удовлетворением и благодарностью» *(АКС)*.

В. Я. П-ву

9 марта 1976 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Владислав Яковлевич!

Вы, наверное, удивитесь, получив это письмо. Быть может — скорее всего так и будет поначалу,— рассердитесь на Вашу жену, которая написала мне о том, что происходит с Вами в последние годы. Но если Вы сохранили в себе еще мужское достоинство, если сидит в Вас еще фронтовая закваска, уверен: поймете правильно и поступок жены, переборовшей чувство стыда перед совершенно посторонним человеком, и мою реакцию на ее письмо.

Мы с Вами не знакомы. Я мог бы и не отвечать на письмо Вашей жены. Но представил себе Ваш путь на войне и после нее, и стало очень обидно за товарища, который хорошо воевал, нашел в себе силы окончить институт и высшую партийную школу, успешно работал в партийном и советском аппаратах, вырастил и поставил на ноги дочь и сына,— и спасовавшего перед... выпивкой.

Как все люди, я тоже человек со слабостями. Люблю и выпить, особенно в компании, и трубку покурить. Но, не хвастая, могу, положив руку на сердце, сказать, что обхожусь, когда надо, и без того и без другого.

Хочется верить, что и Вы возьмете себя в руки.

Желаю Вам и Вашей семье добра.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

9.3.1976

Впервые — в газ. «Известия», 1985, 24 ноября.

Л. П. Лыковой

9 марта 1976 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемая Лидия Павловна!

Очень прошу Вас изыскать время, чтобы прочитать прилагаемое письмо, полученное мною от участника Великой Отечественной войны Л. И. С-ва, проживающего в Москве ⟨...⟩.

Я поверил в рассказ Л. И. С-ва, в частности, о его мытарствах с оформлением военной инвалидности, и думаю, что это письмо — повод для переоценки некоторых установок, которыми руководствуются органы ВТЭК, отказывая участникам войны с явными следами ранений, полученных в боях, в установлении военной инвалидности. Кстати сказать, письмо Л. И. С-ва — далеко не первый сигнал в получаемой мною корреспонденции по поводу

очень формального подхода к решению таких вопросов. По-видимому, медицинские учреждения и органы ВТЭК в определенных случаях должны иметь право устанавливать инвалидность и без справок о ранениях, на основе врачебных заключений в сопоставлении с фактом пребывания человека на фронте.

Что же до конкретного случая, до пенсионного дела Л. И. С-ва, то это дело представляется мне заслуживающим не только самого пристального внимания и самой тщательной проверки, но и того, чтобы оно было взято под контроль в Вашем аппарате. Потому что несмотря на явную очевидность связи нынешнего состояния здоровья Л. И. С-ва с его пребыванием на фронте, с ранениями, которые он перенес,— ни в Мосгорсобесе, ни в Министерстве социального обеспечения РСФСР человеку так и не помогли.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

9.3.1976

Лыкова Лидия Павловна (р. 1913) — советский государственный деятель, в то время зам. председателя Совета Министров РСФСР.

Н. В. ШАХАЛОВОЙ

17 марта 1976 г., ⟨Москва⟩

Дорогая Наталья Владимировна!

Спасибо за лестное для меня предложение, только какой же я член *Ученого* совета!

Если помочь по строительной части — походить, попросить за Музей — это я могу. В этом смысле я Ваш слуга.

Желаю Вам всего доброго.

Ваш

К. Симонов.

17.III.76

Шахалова Наталья Владимировна — русский советский литературовед, директор Государственного Литературного музея.

Н. Я. СЫЧЕВУ

30 марта 1976 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Николай Яковлевич,

я сделал несколько предложений с уточнением текста плана.

Кроме этого, хотел бы выдвинуть две важные, как мне кажется, для обсуждения на Комитете темы:

1. Неблагополучие со сценарным портфелем на национальных студиях (многих), думается, кроме всего прочего, связано с неправильным зачастую подходом к тематике сценариев. Зачастую игнорируется важнейшее политическое положение о многонациональном единстве советского общества. Очевидно, не всегда обязательно ставить на студиях картины *только* на собственном национальном историческом и современном материале. Спрашивается — почему не могут быть экранизированы на национальных студиях произведения не только национальной, но и русской классики или сделаны фильмы о деятелях культуры и науки разных национальностей? Делались же в Москве такие фильмы, как фильм о Шевченко, скажем.

Есть, например, основания к тому, чтобы, скажем, сделать в Киргизии фильм по «Мятежу» Фурманова, действие которого развертывалось именно в тех местах.

Почему бы не сделать в Узбекистане фильм о генерале И. Е. Петрове, вся жизнь которого до войны была связана со Средней Азией, которого в среднеазиатских республиках помнят и любят и который, кстати, владел языками тех республик, в которых служил?

Почему бы на Украине не сделать фильм о Репине — авторе «Запорожцев», жившем и работавшем на Украине в лучшие свои годы?

Почему бы не сделать в Армении фильм о Валерии Брюсове, столько сделавшем для проникновения армянской культуры в Россию?

Почему бы не сделать в то же время в Москве фильм о замечательной женщине-армянке, столько сделавшей для многонациональной советской культуры, о Мариэтте Шагинян?

Не обязательно такие фильмы прикреплять к именам — речь идет не об именах, а об образцах.

Словом, речь идет о проблеме взаимопроникновения и перешагивания через порой слишком узко и неверно понимаемые национальные границы в культуре и искусстве.

Думаю, что, соответствующим образом сформулировав, нам надо поставить этот глубоко принципиальный и отвечающий духу XXV съезда вопрос.

2. Думаю, что нам надо на материале закончившегося пятилетия выяснить наконец для себя и проанализировать, для кого мы делаем документальные и научно-популярные фильмы? На основе объективного анализа проката за пять лет надо уяснить: кто смотрит эти фильмы, где и как они прокатываются? Какие из них доходят до зрителя с экрана кинотеатров и какие фактически только с экрана телевизоров? И какие лежат годами без проката где бы то ни было, на сколько-нибудь широкой аудитории?

Надо сделать жесткие выводы о том, что может впредь и что и впредь не сможет претендовать на широкий кинопрокат.

Словом, надо это изучить и принять реальные меры, в том числе и меры по производству фильмов приемлемого *прокатного* материала.

В плане много хорошего и важного сказано о производстве и пропаганде этих фильмов. Но это может остаться всего-навсего добрыми пожеланиями, если при этом не будут решены проблемы проката.

Формулировок я не нашел, но суть поставленных здесь проблем, думаю, ясна.

К. Симонов.

30.III.76

Впервые — в журн. «Искусство кино», 1985, № 11.

Сычев Николай Иванович (р. 1926) — в то время первый заместитель председателя Госкино СССР.

...по «Мятежу» Фурманова... — Роман «Мятеж» (1925) посвящен событиям, участником которых автор был в качестве уполномоченного Туркфронта в Семиречье.

...о генерале Петрове... — И. Е. Петров с 1922 по 1932 г. участвовал в боях против басмаческих банд в Туркмении и Таджикистане, в предвоенные годы командовал Ташкентским военным пехотным училищем им. В. И. Ленина, после войны, с 1945 по 1952 г., — командующий Туркестанским военным округом.

...фильм о Валерии Брюсове... — В 1916 г. Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) в качестве составителя, редактора, автора ряда переводов создал антологию «Поэзия Армении», для русского читателя эта антология была открытием сокровищ армянской поэзии, Брюсову было присвоено звание народного поэта Армении.

Телевизионный фильм о *Шагинян* Мариэтте Сергеевне (1888—1982) был сделан в 1978 г.

В ПРАВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДОМА ЛИТЕРАТОРОВ

31 марта 1976 г., ⟨Москва⟩

Дорогие товарищи!

Вношу следующее предложение.

Хорошо было бы подобно тому, как мы в свое время впервые устроили в нашем Доме литераторов выставки Пиросмани и Петрова-Водкина, организовать выставку еще одного интереснейшего нашего художника Владимира Евграфовича Татлина. Он родился

в 1885-м и умер в 1953-м году, оставив нам в наследство всем известный проект памятника III Интернационалу, который демонстрировался в Доме союзов на выставке, открытой к 8-му съезду Советов в декабре 1920-го года, а затем в советском павильоне на первой нашей крупной международной выставке в Париже в 1925-м году. (Макетом этого памятника мы располагаем.)

В Музее авиации и космонавтики имеется сделанная Татлиным интереснейшая модель так называемого «Летатлина», летательного аппарата, конструкция которого интересовала и продолжает интересовать авиаторов и планеристов. (Она в принципе тоже может быть выставлена.)

Мы имеем возможность широко выставить живописное и графическое наследие Татлина. Он был первоклассным живописцем и блистательным рисовальщиком. Русский музей уже выразил свое принципиальное согласие предоставить нам для выставки ряд живописных работ Татлина. Примерно сорока полотнами Татлина, находящимися сейчас в реставрации, располагает ЦГАЛИ. В ЦГАЛИ имеется также несколько сот рисунков Татлина, а также различные интереснейшие материалы его архива.

Мы можем представить на выставке книги Маяковского и Хлебникова, которые оформлял и иллюстрировал Татлин, и можем также экспонировать на выставке фотокопии письменных и печатных оценок работ и личности Татлина, принадлежащих таким деятелям нашей культуры, как Маяковский, Луначарский, Эйзенштейн.

Музей Бахрушина, насколько мне известно, располагает эскизами театральных декораций, которые делал Татлин.

Татлин занимался как художник проблемами нового быта, проектированием рабочей мебели и рабочей одежды. Образцы того и другого могут быть также представлены на выставке.

Словом, это может быть интереснейшая выставка даровитого и разностороннего советского художника, удостоенного при жизни правительством звания заслуженного деятеля искусств.

Предлагаю запланировать эту выставку в верхнем фойе нашего Дома на декабрь — январь месяц сроком на одну-две недели.

Думаю, что хорошо бы уже сейчас создать по этой выставке специальную выставочную комиссию, если не будет возражений, под моим председательством, включив в нее: Д. Данина, лично хорошо знавшего Татлина, Н. Б. Волкову — директора ЦГАЛИ, В. А. Пушкарева — директора Русского музея (уже давшего мне на это свое принципиальное согласие), заведующего секцией истории советской архитектуры Института истории и теории архитектуры доктора наук С. О. Хан-Магомедова (тоже уже давшего принципиальное согласие), художника В. В. Медведева (готового взяться за

подготовку каталога) и представителей Союза художников СССР и Союза архитекторов СССР по согласованию с руководством этих союзов, которое прошу поручить мне.

Подготовка выставки потребует кропотливой работы, поэтому если мы решим организовать у себя эту выставку, то комиссию надо утвердить без отлагательства.

Мне кажется, что в принципе нам бы стоило ежегодно организовывать такого рода интересные выставки, освещающие всю широту и многообразие нашей советской культуры. Поэтому я прошу обсудить на Правлении не только вопрос об этой выставке, но и о дальнейших предложениях и перспективах в этом направлении.

Константин Симонов.

31 марта 1976 г.

...в нашем Доме литераторов выставки Пиросмани и Петрова-Водкина... — О выставке Пиросмани см. письмо в Правление Центрального Дома литераторов от 20 ноября 1962 г. и примеч. к нему. Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878—1939) — советский живописец; выставка его работ в ЦДЛ состоялась в 1965 г.

...художника Владимира Евграфовича Татлина. — Подробно о жизни и творчестве В. Татлина см. статью К. Симонова «Какая интересная личность!» (т. 11 наст. собр. соч.).

Предлагаю запланировать эту выставку... — Выставка В. Татлина состоялась в ЦДЛ в феврале 1977 г.

Данин Даниил Семенович (р. 1914) — русский советский писатель.

Волкова Наталия Борисовна (р. 1924) — русский советский литературовед.

Пушкарев Василий Алексеевич (р. 1915) — искусствовед.

Хан-Магомедов Селим Омарович (р. 1928) — историк и теоретик архитектуры.

Медведев Владимир Васильевич (р. 1931) — советский книжный график.

...о дальнейших предложениях и перспективах... — В письме председателю Союза художников СССР Н. Пономареву от 2 августа 1976 г., рассказав о ходе подготовки выставки В. Татлина, Симонов остановился и на планах: «Правление Центрального Дома литераторов рассматривает выставку Татлина лишь как одну из форм своей работы в этой области в преддверии всесоюзного съезда художников.

Вслед за этой выставкой мы хотели бы предложить Союзу художников организовать до начала съезда еще две выставки. Для одной из них мы предлагаем тему «Художник и писатель». На ней можно было бы представить произведения советских художников, навеянные в той или иной мере произведениями советской литературы, представить книги наших писателей — художественные и публицистические, связанные с проблемами изобразительного искусства, и материалы Центрального государственного

архива литературы и искусства, взятые из находящихся в этом архиве личных фондов видных советских писателей и художников.

Как о теме третьей выставки на Комиссии говорилось о выставке иллюстраций к детской книге, но, разумеется, возможна и какая-то другая тема, которую Союз художников сочтет более подходящей» *(АКС)*.

В. И. МАЛАХОВУ

4 апреля 1976 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Валериан Иванович,

простите, что отвечаю Вам с опозданием. Спасибо за доброе слово о книге «Сегодня и давно». Книга эта для меня важна, и радуюсь, когда узнаю, что ее заметили и что она пришлась по душе или чем-то и как-то оказалась полезной.

О толстовской традиции. Думаю, что о толстовской традиции в разных случаях говорят по-разному, подразумевая то понятие более узкое, то понятие более широкое. В связи с войной и с военной литературой толстовскую традицию иногда понимают как необходимость следования Толстому в попытках создать эпопею, похожую на «Войну и мир»,— занятие, на мой взгляд, бесполезное. Но сами эти напоминания, эти толчки, эти упреки даже, связанные с тем, что вот, мол, прошло уже столько лет со времени Отечественной войны, а у нас все еще нет «Войны и мира»,— в чем-то и полезны: они напоминают нам о том, что еще действительно многого не сделано, подталкивают к тому, чтобы делать, работать,— и такие подталкивания, несмотря на порой весьма наивную форму их, в общем, не вредят, а помогают литературе. Ну, а когда кто-нибудь всерьез начинает мнить себя чем-то или кем-то вроде Толстого и начинает соображать, как бы ему написать новую «Войну и мир», то, разумеется, ничего похожего не получается, хотя бы потому, что в литературе ничего не получается по второму разу. Но когда тщета подобных подражательных попыток выносится на всеобщее обозрение — это тоже на поверку не бесполезно для литературы и литературной критики.

В более широком понимании и, добавлю, в более серьезном понимании традиции Толстого — это в общем-то традиция, связанная со стремлением приблизиться к правде, не отступить от нее тогда, когда эта правда сложна и трудна. Это традиция, связанная со стремлением в меру своих талантов до конца разобраться в движениях души человеческой,— и в таком, более широком понимании этого слова или, вернее, этих слов — «толстовская традиция», на мой взгляд, разговоры о толстовской традиции и в применении к «Разгрому» Фадеева, и в применении к «Тихому Дону» Шолохова имеют свой резон.

Есть, конечно, и оттенки в этом понятии, оттенки, связанные с особенностями языка Толстого, его непреклонным стремлением объясниться до конца, не отступая ни перед обилием вводных предложений, ни перед длиною фраз, ни перед тавтологией,— в этом стилистическом — хотя это слово несколько узко, но условно употреблю именно его,— в этом стилистическом смысле, на мой взгляд, «Разгром» Фадеева имеет касательство к толстовской традиции, а язык и стилистика Шолохова замешены на другой, довольно далекой от Толстого — они взошли на собственных дрожжах, настолько самобытно, что мне, например, как-то не видится в русской литературе XIX века той традиции, которая достаточно очевидно могла быть воспринята как некие стилистические истоки шолоховской прозы. Скорее уж, если говорить о влиянии на молодого Шолохова, можно говорить о влиянии современной ему литературы двадцатых годов с ее орнаментальностью, метафоричностью, сочностью, грубостью, буйностью. Тут многое вспоминается, начиная от раннего Всеволода Иванова, раннего Малышкина, Серафимовича, Артема Веселого, раннего Лавренева, можно вспомнить и других. Я говорю не о прямых влияниях, а о атмосфере литературы, в которой возникали первые книги «Тихого Дона», да и предшествовавшие им «Донские рассказы». Может быть, я не прав, просто пишу Вам то, что пришло в голову в связи с Вашими размышлениями о толстовской традиции.

А теперь насчет Твардовского. Во-первых, мне кажется, что великим писателем или поэтом или живым классиком никого из живых называть не следует,— есть в этом некая неловкость даже при наличии очевидности. Наверное, даже Горькому было как-то не просто или, может быть, даже неуютно слушать от других, что он — великий. Мне кажется, что эпитет «великий» следует употреблять с осторожностью и только по отношению к тем, кто сделал на земле все, что он смог сделать, и ушел от нас.

Разумеется, ощущение масштаба, талантливости или величия чьей-то поэзии связано с нашими собственными субъективными оценками, поэтому в них и надо быть особенно осторожными. Я, например, положа руку на сердце, в XX веке ощущаю как великих русских поэтов Блока, Маяковского и Твардовского. Больше никого — внутренне, про себя, молча — такими эпитетами не наделяю. При этом, очевидно, в сознании соседствуют не только масштабы поэтического дарования, но и масштабы его отданности людям, масштабы проблемности, народности, действенности. Очевидно, поэтому в моем сознании эпитет «великий» в XX веке как-то не прикрепляется к другим именам, только к этим трем.

По своей удивительной, уникальной поэтической одаренности Пастернак иногда вызывает у меня желание назвать его великим поэтом. Иногда, когда разговор происходит в сфере поэзии, только

поэзии, я решаюсь на этот эпитет, а иногда, соизмеряя этот эпитет со значением поэзии Пастернака в жизни общества, испытываю противодействие, что-то мешает мне сказать это слово, которое я с уверенностью произношу, говоря о Блоке, Маяковском и Твардовском.

Очевидно, если голосовать, я почти всегда останусь в меньшинстве, но при всей своей громадной популярности в народе, при всей своей поэтической силе и одухотворенности поэзия Есенина никогда не требовала от меня употребления слова великий перед именем этого — замечательного, конечно — поэта. Чего-то, какой-то последней глубины мне в его поэзии не хватает для того, чтобы ощутить его как великого. Быть может, я не прав, субъективен,— но раз Вы спросили — отвечаю.

Что же касается до других упомянутых Вами имен, то это имена больших поэтов, но думать о всем, сделанном ими, как о деле поистине великом,— а именно так я думаю о том, что сделал Твардовский,— мне в голову, по правде говоря, не приходит. И, наверное, не придет.

Желаю Вам всего доброго, уважающий Вас

Константин Симонов.

4.IV.76 г.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

...о книге «Сегодня и давно». — К. Симонов. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. М., «Советский писатель», 1974.

В. Д. БУБНОВОЙ

9 апреля 1976 г., ⟨Москва⟩

Глубокоуважаемая Варвара Дмитриевна!

Прежде всего мне хочется поздравить Вас с приближающейся круглою датою, за которой стоит столько лет Вашего художнического труда, отданного искусству и людям.

Позвольте мне, как одному из людей, знающих Вас лично и наслышанных о Вас на протяжении теперь уже немалого срока в тридцать лет, пожелать Вам доброго здоровья. Каждый раз, когда я захожу к Марии Илларионовне Твардовской,— а захожу я туда довольно часто, ибо мы занимаемся Собранием сочинений Твардовского,— неизменно с восхищением перед Вами и перед Вашей удивительной молодостью гляжу на Ваши работы, висящие на стенах этого дома.

А теперь, поскольку наша жизнь это всё продолжающиеся дела,— дела, не обращающие внимания даже на круглые даты,— несколько слов об этих делах.

Ваша заметка, посвященная памяти Твардовского, я думаю, может быть в украшение этой памяти использована в том или ином виде при издании сборника воспоминаний о нем. Может быть, сама заметка и слишком коротка для того, чтобы включаться в такой сборник на правах воспоминаний, но некоторые слова, сказанные Вами там об Александре Трифоновиче, заслуживают, мне кажется, того, чтобы привести их и как свидетельство Вашего доброго отношения к нему, и как свидетельство его отзывчивости и широты круга его художественных интересов. Очевидно, на этот предмет мне следует посоветоваться еще с Марией Илларионовной.

Заметка о селе Берново, как мне кажется, могла бы прийтись к месту в одном из сборников «Прометея», где публикуются схожие материалы. Жаль, что так вышло, что лишь недавно появился из печати их специальный пушкинский номер.

Ваши историко-теоретические статьи по искусству, я имею в виду «Пластический символ», «О пластической тяжести в живописи» и «О трудной работе художника», я прочел с интересом тем большим, что в этой сфере я очень мало, по совести говоря, начитан и сведущ, и новое для меня всегда привлекательно. Однако, разумеется, я не судья в оценке этих статей, ибо, наверное, для того, чтобы их оценить по достоинству, надобно прочесть то, что пишется и печатается другими на эти историко-теоретические темы, сравнить — и лишь после этого определить для себя, что в Ваших статьях представляет собой интерес как первооткрытие и что является лишь напоминанием о тех истинах, которые должны быть известны молодому профессиональному художнику уже в начале его пути. Мне кажется, что в Ваших статьях содержится и то и другое, точнее, что они — синтез того и другого, поэтому, на мой несведущий взгляд, одно в них кажется более интересным, чем другое, другое ощущается как если не читанное, то слышанное,— это с учетом того, что я человек, повторяю, несведущий. Наверное, эти статьи надо читать специалистам, лишь они могут вынести по ним суждение, на которое я не вправе. Я имею в виду действительно компетентное суждение, а не оценки ощупью, которые напрашиваются у меня.

Статья «Пластические принципы в японской живописи» почему-то показалась мне знакомой. У меня такое чувство, что я читал если не ее, то нечто, написанное Вами на эту же или близкую тему. Читал, помнится, в опубликованном виде,— неужели я ошибаюсь? Если я ошибаюсь, то, очевидно, надо думать о возможности публикации этой статьи.

Ваша работа, которая меня самого наиболее увлекла,— это «Моя академия». Мне показалось, что это интересно для достаточно широкого читателя, хотя, может быть, именно для широкого читателя и нуждается в некоторых сокращениях. Прочел эту статью

и подумал: ну, а куда мне ее рекомендовать? И удивился тому, какая у нас неправильная сложилась традиция с нашими журналами по искусству. Ведь вот же есть у нас журнал «Вопросы литературы», в котором рассматриваются вопросы литературы и эстетики, причем эстетические вопросы, имеющие отношение ко всем родам и видам искусства. Почему у Союза художников есть только ежемесячники, переполненные репродукциями, хорошо издающиеся, но тонкие-претонкие, такие, куда просто невозможно поместить в том объеме, в котором Вы ее написали, такую Вашу статью, как «Моя академия». Я не знаю, может, я ошибаюсь, но мне кажется, что художники и скульпторы должны иметь свой толстый и, я бы сказал, художественно-литературный журнал — и художественно-литературный и теоретический,— тогда б не вставал вопрос, наверное, с кем советоваться мне о тех Ваших статьях, что я прочел, включая и «Мою академию». Вот прочел Ваши статьи и как-то диву дался, что такого журнала у нас не существует; и как без этого обходятся, и как это терпят — просто не понимаю.

Но, раз такого журнала нет, я попробую обратиться в наш литературный журнал. Пойду прежде всего в «Новый мир» и попрошу подумать о возможности публикации «Моей академии»,— может быть, с каким-то дополнительным введением или самого автора, или какого-то другого лица об авторе этой работы.

Вот те соображения, которые у меня возникли при чтении всего, что Вы мне прислали. Постараюсь принять те меры, которые в моих силах и возможностях.

Еще раз желаю Вам доброго здоровья, глубоко уважающий Вас

Константин Симонов.

9.IV.76 г.

...с приближающейся круглою датою...— В. Бубновой исполнилось 90 лет.

...мы занимаемся Собранием сочинений Твардовского...— Симонов возглавлял Комиссию по литературному наследию А. Твардовского.

...заметка, посвященная памяти Твардовского...— Эта заметка под названием «В памяти навсегда» опубликована в журнале «Литературная Грузия», 1977, № 8.

Заметка о селе Берново...— В. Бубнова по матери была в родстве с Вульфами, псковскими друзьями Пушкина, ее дед Н. И. Вульф четырнадцатилетним мальчиком встречался с Пушкиным; Берново — имение Вульфов, где бывал Пушкин (см. об этом: И. П. К о ж е в н и к о в а. Варвара Бубнова. Русский художник в Японии. М., «Наука», 1984). Заметка В. Бубновой не была опубликована.

...специальный пушкинский номер.— Альманах «Прометей», т. 10. М., «Молодая гвардия», 1974.

Ваши историко-теоретические статьи по искусству...— Из перечисленных статей опубликована в сокращенном виде «О трудной работе художника» в качестве предисловия к каталогу выставки в Государственном музее изобразительных искусств им. Пушкина «Варвара Дмитриевна Бубнова. Акварели, литографии» (М., «Советский художник», 1976).

Статья «Пластические принципы в японской живописи»... показалась мне знакомой.— Эта статья под названием «Пластические принципы искусства Японии» была напечатана в журнале «Творчество», 1975, № 9, там ее и читал Симонов.

...о возможности публикации «Моей академии»...— Статья не была напечатана.

М. П. БАЖАНУ

27 мая 1976 г., Гульрипши

Дорогой Микола,

ужасно жалко, что мы не повидались в Москве. Теперь выходит, что это уж до съезда. Ты писал доклад в Узком, а я здесь, в Гульрипши, попробую что-то накропать и шестого поеду в Москву. На всякий случай мои дачные телефоны — 334 59 74 и 247 93 04. Если приедете с Ниной раньше съезда, то шматок деревенского сала и бутылка «зубровки» в холодильнике.

Имею к тебе большую просьбу. Ты, наверное, теперь в Киеве уже получил мое письмо об однотомнике Твардовского. Мне было бы вдвойне важно, чтобы ты мне поскорее ответил и как член редколлегии, и как заместитель председателя Комиссии по литнаследству Твардовского.

Очень бы хотелось иметь твой ответ у себя к шестому-седьмому, к моему приезду в Москву.

Сразу же после этого, очевидно, будет редколлегия, и мне необходимо получить ответы до этого. Я послал письма всем членам редколлегии. Против моей точки зрения в ответном письме, как я и ожидал, высказался Грибачев, уклончиво — не мыча и не телясь — отписал Луконин, чего я не ожидал от него.

Прислали ответы, разделяющие мою точку зрения, Коля Тихонов, Всеволод Рождественский, Кулиев, Ираклий Абашидзе, Межелайтис, Перцов, Базанов, Западов.

Очень буду ждать твоего ответа, ибо во все это дело я влез именно как председатель Комиссии по наследству.

Крепко обнимаю тебя и целую ручку Нине.

Лариса целует вас обоих.

Твой

К. Симонов.

27.V.76
Гульрипши

Бажан Микола Платонович (1904—1983) — украинский советский поэт и общественный деятель.

...до съезда.— Шестой съезд писателей СССР состоялся 21—25 июня 1976 г.; М. Бажан делал на съезде доклад «Процессы взаимообогащения литератур советских народов и проблемы художественного перевода», Симонов — доклад «Художественная литература в кино, на телевидении и радио».

...приедете с Ниной...— Бажан Нина Владимировна — физиолог, доктор медицинских наук, жена М. Бажана.

...мое письмо об однотомнике Твардовского.— Речь идет о письме от 7 мая 1976 г. всем членам редколлегии «Библиотеки поэта» (в том числе и М. Бажану) в связи с проблемой, возникшей при подготовке однотомника стихотворений и поэм А. Твардовского. «...Вы, как один из членов редакционной коллегии «Библиотеки поэта», и я, как председатель Комиссии Союза писателей по литературному наследию А. Твардовского,— говорилось в письме,— несем общую ответственность за то, чтобы в этом обширном однотомнике, выходящем в таком авторитетном издании, как «Библиотека поэта», была учтена явно выраженная прижизненная воля автора. Воля эта, в частности, совершенно определенно выразилась в том, что в свое прижизненное собрание сочинений, закончившееся изданием в 1971 году, Александр Трифонович счел нужным включить все пять написанных им поэм: «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью — даль», «Теркин на том свете». Это вполне естественно, учитывая силу эпического начала в поэзии Твардовского и то место, которое в ней занимают его поэмы.

Однако в присланном мне главным редактором «Библиотеки поэта» Ф. Я. Приймой предварительном составе книги поэмы «Теркин на том свете» нет.

Я исключаю при этом возможность сколько-нибудь обоснованных аргументов против помещения этой поэмы в связи с объемом тома. Поэма эта — самая короткая из всех поэм Твардовского, в ней около тысячи восьмисот строк. ⟨...⟩

Итак, дело не в том, что для поэмы в два с половиной листа может не хватить места в столь обширном — в сорок восемь листов — однотомнике.

А в чем же?

Очевидно, в том, что составителю тома П. Выходцеву и редакции «Библиотеки поэта» показалось, что в книгу не следует включать этой сатирической поэмы, вокруг которой было много споров в нашей литературной критике. Отрицать этот факт нет нужды — он соответствует действительности, и споры эти, как это всегда бывает с произведениями, продолжающими свою жизнь в литературе, будут происходить и в дальнейшем. Но вывод, сделанный на данном этапе П. Выходцевым и редакцией «Библиотеки поэта», мне кажется неправильным и недальновидным» (АКС).

...чтобы ты мне поскорее ответил...— М. Бажан, еще не получив этого письма, 24 мая 1976 г. ответил на предыдущее, от 7 мая, письмо Симонова

всем членам редколлегии «Библиотеки поэта». Он писал: «Я лично считаю все Ваши аргументы, направленные против мнения П. Выходцева, поддержанного некоторыми работниками «Библиотеки поэта»,— вполне убедительными. Не вижу причин, которые бы сделали сейчас невозможным включение поэмы А. Твардовского «Теркин на том свете» в том «Библиотеки поэта», поэмы, не раз печатавшейся. Да, ее критиковали, и этой критики замалчивать ни в комментарии, ни во вступительной статье не следует. Однако не следует и вычеркивать из литературного наследия крупнейшего поэта нашего времени поэмы пусть в некоторых местах спорной, однако в целом нужной и для обрисовки творческого пути поэта, и для общей истории советской поэзии» *(АКС)*.

...очевидно, будет редколлегия...— Об этом заседании редколлегии «Библиотеки поэта» Симонов 18 октября 1976 г. писал М. И. Твардовской: «Заседание редколлегии происходило под председательством главного редактора «Библиотеки поэта» Ф. Я. Приймы, и в нем принимало участие пять членов редакционной коллегии — Н. С. Тихонов, А. А. Сурков, П. У. Бровка, Н. М. Грибачев, А. В. Западов.

Все они, единодушно признавая необходимость включения поэмы «Теркин на том свете» в собрание сочинений А. Т. Твардовского, одновременно с этим высказались против включения этой поэмы в том поэзии А. Т. Твардовского в большой серии «Библиотеки поэта». ⟨...⟩ в результате ⟨...⟩ одиннадцать голосов — большинство — устно и письменно было подано против включения в том «Библиотеки поэта», и в протокол решения было постановлено внести, что шесть членов редколлегии — И. В. Абашидзе, М. П. Бажан, К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов, В. Г. Базанов письменно высказались за включение в том поэмы «Теркин на том свете» *(АКС)*.

Ю. И. ДЮЖЕВУ

20 июля 1976 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Юрий Иванович,

уже довольно давно получил Ваше письмо и Ваши книги, но не сумел раньше ответить — сперва из-за болезни, а потом из-за сгрудившейся после болезни работы.

Это хорошо, что Вы написали в своем письме о своей жизни, вернее, о наиболее в ней существенном. Когда больше знаешь о человеке, легче с ним впоследствии разговаривать — и устно и письменно.

Вашу книжку «Слушайте Революцию» прочел. Многого из того, о чем идет в ней речь, не знал, не читал. В частности, к стыду своему, не читал эту старую повесть Леонида Максимовича Леонова.

Некоторые вещи, которые Вы анализируете, заинтересовали, захотелось прочесть, в частности то, что сделал Гусаров.

Мы иногда слишком категорически отзываемся о тех или иных работах, слишком произвольно определяем правильность или неправильность, плодотворность или неплодотворность того или иного подхода к темам.

С одной стороны, вроде бы в такой территориальной прикрепленности анализа литературных явлений, которой связаны работы типа Вашей работы, есть нечто ограничивающее критика и исследователя, есть некая искусственная замкнутость. Вроде бы так. Но с другой стороны, именно такого рода работы берут в фокус много неожиданного — и в биографиях писателей, и в корнях их произведений. Просто-напросто узнаешь вдруг при каком-то неожиданном, не приходившем тебе раньше в голову ракурсе зрения о литературе нечто такое, чего бы при другом ракурсе так и не узнал бы, наверное, никогда.

В этом, как мне кажется, одна из весьма ценных черт Вашей книги.

Спасибо и за присланный Вами сборник документальных материалов. Такого рода книги я люблю и очень уважаю людей, кладущих свой труд на создание этих книг. Книги эти — совершенно необходимые книги. С одной стороны, они как бы неизведанная еще территория, по которой, как геологи в поисках чего-то крайне необходимого, бродят и будут бродить литераторы, разыскивающие какую-то правду о том времени, или подтверждение догадок, или следы человека, или документальную запись только приблизительно известного, по слухам, события. А с другой стороны, такие книги — это и как бы минное поле для тех, кто пишет об истории недобросовестно, приблизительно, безответственно. Такого рода любители истории могут подорваться на подобной документальной книге как на мине — на действительном факте, вдруг обличающем их в невежестве, а то и в сознательной лжи. Вообще документы — великое дело. Я сам никогда не жалею времени ни на их собирание, ни на их изучение.

Вот вроде и все то главное, что хотелось Вам сказать после Вашего письма и получения этих книг.

Желаю Вам всяческого добра,

Уважающий Вас

Константин Симонов.

20.VII.76.

Дюжев Юрий Иванович (р. 1937) — русский советский критик и литературовед.

...книжку «Слушайте Революцию» прочел.— Ю. Д ю ж е в. Слушайте Революцию. Историко-революционная тема в русской литературе Севера. Петрозаводск, «Карелия», 1976.

...старую повесть Леонида Максимовича Леонова.— Повесть «Белая ночь» (*НМ*, 1928, № 12).

...захотелось прочесть, в частности то, что сделал Гусаров...— Гусаров Дмитрий Яковлевич (р. 1924) — русский советский писатель, речь идет о кн.: Д. Гусаров. Три повести из жизни Петра Анохина. Петрозаводск, Карельское книжное изд-во, 1968.

...присланный Вами сборник документальных материалов.— Ю. Дюжев. Великая Отечественная война на Севере в советской литературе. Указатель литературы за 1941—1972. Петрозаводск, «Карелия», 1976.

К. В. ВОРОНКОВУ

8 августа 1976 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Константин Васильевич,

с тем сугубым вниманием, которого она заслуживала, я прочел рукопись Ваших «Страниц из дневника». Прочел, разумеется, всю, за исключением трех страниц — 91-й, 92-й и 93-й, которых то ли не оказалось в рукописи, то ли они по моей собственной оплошности, когда, по ходу чтения, возил ее из города на дачу и обратно, где-то затерялись. В этом случае приношу свои извинения.

Изложу Вам безо всяких обиняков все, что думаю. К такой откровенности меня обязывают сразу три обстоятельства: наши давние добрые отношения с Вами, Ваше доверие ко мне, выразившееся в том, что Вы дали мне на прочтение эту рукопись, и то доверие к моим суждениям по этому поводу, которое, как Вы мне сказали, выразил Константин Александрович Федин в разговоре с Вами. Последнее тем более существенно для меня, поскольку Константин Александрович — главный объект изображения в Вашей рукописи, что усугубляет мое чувство ответственности — не только перед Вами, но и перед ним.

Первый вопрос, который встает перед человеком, прочитавшим Вашу рукопись,— вопрос о том, как рассматривать ее,— как мемуарный документ (в свою очередь включающий в себя множество документов, связанных с деятельностью К. А. Федина), связанный с существенными страницами жизни Союза писателей на протяжении многих лет и предназначенный пока что для закрытого хранения в Центральном государственном архиве литературы и искусства с возможностью использования его историками нашей литературы в более отдаленном будущем, или рассматривать Вашу рукопись как рукопись книги, подлежащей немедленному изданию? Если бы Вы остановились на первом решении (скажу кстати, что я, например, остановился именно на таком решении в связи с некоторыми своими записями, связанными с историей войны), то

мне бы осталось только, оценив масштабы предпринятого Вами труда, обратить Ваше внимание на несколько замеченных мною неточностей, которые бы стоило устранить сразу. К ним принадлежит, например, записанное Вами высказывание К. А. Федина о В. Б. Шкловском (записанное, очевидно, неточно), где упоминается о том, как Стасова и Свердлов принимали участие в судьбе Шкловского после 1922-го года. В отношении Свердлова — ошибка явная.

Однако, как я понял из предварительного нашего с Вами разговора, речь в связи с Вашей рукописью идет не о первом, а о втором случае, о намерении превратить ее в книгу и сделать это сейчас, а раз так, то речь пойдет о весьма сложных вещах.

Прежде всего для ясности давайте проанализируем, какие основные части включают в себя Ваши «Страницы из дневника», из чего они состоят? Грубо говоря, все, что я прочел, можно разделить на следующие несколько частей.

Во-первых, это Ваши записи о Ваших встречах с К. А. Фединым как в Союзе писателей, так и вне его стен и Ваши личные впечатления от этих встреч.

Во-вторых, это Ваши записи различных высказываний К. А. Федина по общественным и литературным вопросам, а также по вопросам, порой связанным непосредственно с его собственной жизнью и творчеством, записи, в которых Вы стремитесь изложить прямую речь Федина, причем, во многих случаях, за такими записями эта прямая речь, по моему впечатлению, чувствуется или угадывается.

В-третьих, это не прямое изложение тех или иных высказываний Федина, а изложение их общего смысла или те резюме, которые вытекали в той или иной мере из его выступлений (ну, скажем, приведу как пример страницы 74—75, где нет самого выступления Федина, а сказано только, что выступление его явилось основой принятого затем постановления, и дальше излагается это постановление, которое, разумеется, не несет и не может нести в себе индивидуальных черт, свойственных прямой речи Федина).

В-четвертых, это изложение того, что Вы и Ваши коллеги по секретариату сообщали Федину о тех или иных событиях литературной жизни или о тех или иных мерах, предпринятых Секретариатом, изложение иногда весьма подробное,— после чего следуют Ваши записи о тех или иных высказываниях или предложениях, сделанных К. А. Фединым по данному поводу.

В-пятых, это предварительно написанные, а затем произнесенные К. А. Фединым вступительные слова, речи и его приветствия разным лицам и организациям, а также написанные по тем или иным поводам короткие статьи, судя по их характеру, очевидно, в свое время опубликованные в печати (хотя в некоторых

случаях, быть может, я тут и ошибаюсь, иные из материалов этой категории могли остаться и неопубликованными).

Наконец, в-шестых, это письма и записки Федина, в огромном большинстве случаев адресованные Вам, а в некоторых случаях наряду с Вами и другим Вашим коллегам по Секретариату,— связанные с работой К. А. Федина в Союзе писателей и показывающие масштабы его деятельности, меру его внимания к общественным и литературным вопросам и меру его заботы о людях, причастных к литературе. Подавляющее большинство этих писем связано с общественными и литературными проблемами, а некоторая часть носит личный характер и свидетельствует о его добром отношении и уважении к Вам лично как к многолетнему товарищу по работе.

Вот те шесть частей, на которые я позволил себе анатомировать Вашу рукопись для того, чтобы проще было вести дальнейший разговор.

Итак, если мы с Вами условно примем такое деление на шесть частей, позвольте теперь высказать Вам свое откровенное мнение. Мне кажется, что в таком виде, в каком она сегодня существует, Ваша рукопись не может, а в какой-то мере, пожалуй, и не имеет права стать книгой, хотя в ней немало ценнейшего материала, связанного с биографией, с деятельностью, с личностью Константина Александровича Федина. Мне кажется, что первая ее часть (если мы примем мое условное деление), то есть записи Ваших впечатлений от многолетних и многочисленных встреч с Фединым, может стать основой для весьма интересной и обширной статьи, а может быть, и отдельной небольшой работы о Федине как об общественном и литературном деятеле, главным образом, в 60-е годы, в период Вашей совместной с ним работы в Союзе.

Мне кажется, что вторая (опять-таки условно) часть Вашей рукописи, Ваши записи прямых высказываний Федина, существует сейчас на правах неправленой, а в ряде случаев, видимо, и неполной стенограммы, которая при всех обстоятельствах для своей публикации нуждается в авторизации, в том, чтобы сам Константин Александрович прочел наново эти, записанные Вами свои высказывания порою довольно давних лет, внес бы в них исправления и уточнения в тех случаях (если они появятся), когда он сочтет это нужным, и высказал пожелание увидеть их опубликованными. Хочу для большей ясности мысленно поставить себя на Ваше место, а Вас — на свое. Представьте себе, скажем, что я в период нашей совместной работы в редколлегии «Литературной газеты» с Леонидом Максимовичем Леоновым или в период моей совместной работы в Союзе с Алексеем Александровичем Сурковым пытался записывать их прямую речь в ходе наших бесед, обсуждений, совместной работы и решился бы предложить это к публикации. Очевидно, первое, что Вы бы меня спросили: как, читали ли это те люди, прямую речь

которых я пытаюсь воспроизвести, внесли ли они поправки, одобрили ли они текст и дали ли согласие на его публикацию? Этот вопрос, который вполне естественно возник бы в таком случае у Вас, возникает в данном случае и у меня, вопрос весьма серьезный, который в данном случае, на мой взгляд, может решать только сам Константин Александрович, и не в общем и целом, а лишь с конкретным текстом в руках.

Третья и четвертая часть Вашей рукописи, как мне кажется, представляет интерес главным образом в качестве архивного материала, связанного с историей работы Союза писателей и с участием в этой работе Константина Александровича Федина, материала, который именно в таком качестве — как материал — может быть впоследствии использован историками литературы и литературного процесса.

Разумеется, если Вы возьметесь за ту статью или отдельную работу о Федине как литературном и общественном деятеле, о которой я написал выше, то третья и четвертая части Вашей рукописи будут служить прекрасным подсобным материалом Вам самому.

Пятая часть — приведенные Вами выступления, статьи, обращения Федина — на мой взгляд, должна подвергнуться Вашему собственному анализу: что из этого, где, когда и насколько широко опубликовано и что осталось неопубликованным. От этого, видимо, должно и зависеть предварительное решение в каждом отдельном случае, как и в какой мере использовать эти материалы. Окончательное же решение в отношении материалов, до сих пор не опубликованных, должно в каждом случае остаться за самим Фединым.

Шестая часть Вашей рукописи — письма и записки Федина — представляет, на мой взгляд, очень большой интерес, показывая и масштабы его деятельности, и ее многогранность, и его заботу о многих и разных, имеющих отношение к литературе, делах, и его чуткое отношение к людям. Мне кажется, что многие из этих писем и записок, соединившись вместе, выстроившись в ряд, представят большой интерес не только для литературных, но и куда более широких кругов. Речь идет не просто о литературных делах, а о самой идее общественного служения и о принципах проведения в жизнь этой идеи. Думаю, что если бы Вы предприняли публикацию значительной части этих писем и записок, сопроводив их введением и примечаниями,— такая обширная публикация была бы особенно уместна к февралю будущего года, к восьмидесятипятилетию со дня рождения Константина Александровича.

Надо ли добавлять, что решить этот вопрос, дать добро на подобную публикацию может только сам Федин, и никто кроме него.

Если об этом практически возникнет речь, хочу подать Вам один непрошеный, но, поверьте, искренний, дружеский, продиктованный собственным жизненным опытом совет: в адресованных

Вам письмах Федина на литературные, общественные темы, письмах многочисленных и доверительных, он настолько явно свидетельствует свое уважение и свое доброе к Вам отношение, все это настолько ясно из самого текста писем и из его обращений к Вам, что я бы не добавлял к этим письмам те, которые носят чисто личный, чисто дружеский характер. Добавление этих писем к другим может быть превратно истолковано. Не обижайтесь на меня за этот совет, его нелегко давать, но, не прислушавшись к нему, Вы сами себе подставите ногу. Вообще, очень прошу Вас после прочтения моего письма, несмотря на те невеселые, а может быть, и горькие эмоции, которые у Вас вызовут некоторые места в нем, подумайте над ним серьезно как над письмом дружеским, которое написать было куда труднее, чем отойти в сторонку и отделаться общими словами.

Жму Вашу руку, уважающий Вас

Константин Симонов.

8 августа 1976 года.

...Ваших «Страниц из дневника».— Рукопись книги К. Воронкова «Страницы из дневника. 1950—1970 гг.» (М., «Советская Россия», 1977).

...как Стасова и Свердлов принимали участие в судьбе Шкловского...— Стасова Елена Дмитриевна (1873—1966) — советский партийный деятель, имеется в виду период, когда Е. Д. Стасова была секретарем ЦК партии. Свердлов Яков Михайлович (1885—1919) — советский государственный и партийный деятель. Упоминаемый эпизод с В. Шкловским происходил в конце 1918 — начале 1919 г. (см.: В. Шкловский. Сентиментальное путешествие. Воспоминания. 1917—1922. Москва — Берлин, Геликон, 1923, с. 243—245).

Л. З. ТРАУБЕРГУ

9 августа 1976 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Леонид Захарович,

большое, большое спасибо Вам за Вашу книгу. Я высоко ценю Ваше внимание. Книгу я прочел с большим интересом и с чувством большой душевной симпатии и к Вам, и к тому интереснейшему времени, о котором Вы пишете и которое я, в общем-то, знаю понаслышке, потому что был в те годы мальчишкой, очень далеким от каких бы то ни было представлений об искусстве, хотя где-то с 32-го года и работал токарем в подвалах кинофабрики «Межрабпомфильм». Но даже и тогда мои чувства по отношению к кино справедливей было бы назвать любопытством, чем интересом. Интерес родился десятилетием позже, если говорить о первом интересе, связанном с собственной работой. А как-то всерьез я влез в это дело и почув-

ствовал его только где-то уже в пятьдесят лет, напрочно связавшись с документальным кино.

Читал Вашу книгу — искреннюю, доброжелательную, благородную по отношению к другим людям — и думал о том интереснейшем времени, к которому я не мог оказаться причастным ни по возрасту, ни по своим тогдашним интересам и думая про которое все равно как-то ужасно досадно, что ты к нему не причастен, что ты можешь только читать про него и разглядывать связанные с ним картинки,— кстати сказать, читая Вашу книгу, я долго их разглядывал, долго и внимательно, потому что они очень интересные — иногда смешные, иногда трогательные и чем-то, каким-то особым тогдашним ароматом своим берущие за душу.

А в общем, еще раз большое, большое Вам спасибо. Книжку я прочитал сразу же, как получил, но этот момент совпал с окончанием фильма, его монтажом и перемонтажом,— Вы-то давно знаете, что это такое, а я последние годы тоже узнал на своей шкуре,— в общем, некогда было дыхнуть, даже для того, чтобы написать письмо.

Всего Вам доброго, крепко жму Вашу руку.

Ваш

Константин Симонов.

9.VIII.76

Трауберг Леонид Захарович (р. 1902) — советский кинорежиссер и сценарист.

...спасибо Вам за Вашу книгу...— Л. Трауберг. Когда звезды были молоды. М., Бюро по пропаганде советского киноискусства, 1976.

...совпал с окончанием фильма...— Фильм «Шел солдат...».

Р. РЗЕ

20 сентября 1976 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Расул,

перевел во время поездки в Турцию одно из Ваших стихотворений. Пробовал перевести другие — не получилось. А вольный перевод этого, как мне кажется, в общем, удался.

Думаю при случае напечатать этот вольный перевод, но хотелось бы до этого знать — нет ли у Вас каких-либо замечаний и пожеланий?

Сердечный привет Вашей семье.

Ваш

Константин Симонов.

20.IX.76

Расул Рза (1910—1981) — азербайджанский советский поэт.

...одно из Ваших стихотворений.— «И если горы...», опубликовано в «Правде», 1976, 30 декабря, затем в кн.: Р. Р з а. Пунктиры времени. М., «Советский писатель», 1978 (печаталось под назв. «Путь жизни»).

...нет ли у Вас каких-либо замечаний...— Р. Рза писал 27 сентября 1976 г. Симонову: «Перевод стихотворения «Путь жизни», сделанный Вами, никаких возражений и замечаний не вызывает. Большое спасибо!

Если не возражаете, настоящий перевод я отошлю в издательство «Советский писатель» для включения в сборник. А Вы напечатайте, где найдете нужным» *(АКС).*

К. Ф. СЕДЫХ

21 октября 1976 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Константин Федорович, Ваш друг Василий Яковлевич Пляскин поделился со мной Вашей бедой, и мне, к счастью, удалось через своих друзей в Берлине добыть те очки, которые Вам нужны. Они у меня. Немножко боюсь отправлять их почтой. Подскажите, как быть?

Уважающий Вас

Константин Симонов.

21.X.76

Седых Константин Федорович (1908—1979) — русский советский писатель.

...через своих друзей в Берлине...— 25 сентября 1976 г. Симонов писал Карелу Хемцалю, сотруднику еженедельника «Фрейе Вельт» (ГДР): «Как условились по телефону, посылаю рецепт на очки для одного из наших известных писателей Константина Седых, автора знакомого и немецким читателям романа «Даурия».

Очень нужно помочь этому человеку!

Еще раз напоминаю: к оправе никаких претензий, устроит любая обычная. Главное — стекла!

Очень надеюсь на Вас!» *(АКС).*

В. П. ХАРХАРДИНУ

24 октября 1976 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Владимир Петрович,

мне переслали из «Известий» Ваше письмо, большая часть которого, в сущности, адресована мне. И мне захотелось написать несколько слов в ответ Вам.

За тридцать пять лет, прошедших с той поры, когда я написал стихи «Жди меня», среди многих писем, связанных с этим сти-

хотворением, я, помнится, получил два или три, в которых,— правда, не в столь резкой форме, как Вы, но все же стыдили меня за строчки: «Пусть поверят сын и мать в то, что нет меня...» И поскольку я сталкивался с человеком, который вдруг, в противоположность огромному большинству других людей, прочел эту строчку не так, как я ее написал, понял ее по-другому, и это задело его,— я в каждом случае считал своим долгом ответить на такое письмо. Отвечаю и на Ваше.

Разумеется, погибшего на войне сына чаще всего, дольше всего помнит мать, и чаще всего именно она не желает смириться с очевидностью, не желает поверить в его смерть.

Разумеется, что погибшего на войне отца не должен забывать его сын. Разумеется, сын тоже не хочет смириться со смертью отца, поверить в нее.

Вот именно это я и хотел сказать и сказал в своем, написанном в сорок первом году стихотворении. Говоря о силе ожидания, я привел те поэтические примеры, с которыми традиционно сильнее всего в людском сознании связана и сила ожидания, и сила памяти. Даже тогда, когда те, кто обычно дольше всего не верит и больше всего не в состоянии примириться с потерею, даже когда они будут перед лицом очевидности вынуждены поверить в эту потерю, даже тогда все-таки верь в чудо, которое еще может произойти! Вот смысл моих строк, и смысл этот не имеет ничего общего с тем смыслом, который Вы в них вкладываете, и мне нечего стыдиться этих строк, ни извиняться за них перед кем бы то ни было. Я просто считаю себя обязанным объяснить то, что в них вложено мною, тому, кто прочел в них нечто противоположное.

Если бы то, что Вы прочли в этих строчках, прочли другие люди, в том числе люди, воевавшие тогда — в сорок первом и в сорок втором, когда были напечатаны эти стихи, люди, наверное, не меньше Вашего и моего любившие своих матерей и своих сыновей, то, наверное, считая, как Вы, эти строчки оскорблением для своей матери или сына, они не отправляли бы эти строчки с фронта домой, не вырезали бы их из газет, не переписывали бы. Я в данном случае не для того пишу это, чтоб похвастаться популярностью этого стихотворения в годы войны, а для того, чтобы попробовать убедить Вас.

И еще одно: не приходило ли Вам в голову, что есть некая закономерность в том, что и стихотворение написано не матери, а жене, и солдаты посылали его с фронта чаще всего не матерям, а именно женам и невестам, именно им хотели сказать «Жди меня», и хотели, и говорили, совершенно независимо от того, было бы или не было бы написано мое стихотворение?

А что до упомянутых Вами стихов Некрасова, то не нужно быть таким запальчивым. Стихи эти я, разумеется, читал, и не

только читал, но и помню их наизусть — зря написали, это уж по принципу «раззудись, плечо». Такого писать не надо.

Желаю Вам всего доброго.

Константин Симонов.

24.X.1976 г.

Впервые — в кн.: «Слова, пришедшие из боя». Вып. 2. М., «Книга», 1985.

За тридцать пять лет, прошедших с той поры...— Стихотворение «Жди меня» было написано в июле 1941 г., а опубликовано в «Правде», 1942, 14 января.

...упоминаемых Вами стихов Некрасова...— Речь идет о стихотворении «Внимая ужасам войны...».

А. В. ФЕВРАЛЬСКОМУ

8 ноября 1976 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Александр Вильямович!

Пишу Вам потому, что с очень большим интересом прочел Вашу книгу «Записки ровесника века», прочел с интересом всю от начала до конца, но при этом у меня особый дополнительный интерес к ней как у председателя Комиссии по литературному наследию Назыма Хикмета вызвала, конечно, Ваша работа о Назыме. На мой взгляд, в ней много поистине драгоценного, правдивого, точного и во многом для меня нового, хотя я и принадлежу к числу людей, которые и знали самого Назыма, и довольно многое знают о нем.

Хочется поздравить Вас со всей этой книгой вместе взятой и в особенности с этой ее главою.

Мне думается, что стоило бы подумать о переводе этой главы на турецкий язык и об издании ее в Турции отдельной небольшой книжкою. Я недавно был там, ознакомился с некоторыми публикациями, связанными с биографией Назыма, и мне кажется в нынешней ситуации особенно важным, если Ваше правдивое повествование о Назыме и о годах его жизни в Советском Союзе — и ранних и поздних — станет достоянием по возможности более широкого турецкого читателя. Не исключаю и такой возможности, что книга, прежде чем будет напечатана, могла бы быть опубликована и в какой-то из турецких газет главками.

Книгу Вашу мне дали почитать друзья, у меня ее пока нет, но я ее в ближайшее время достану и дам почитать нашему консультанту по турецкой литературе В. Б. Феоновой для того, чтобы предпринять первые практические шаги в этом отношении, если

Вы, конечно, не будете против этого. Хочу также поговорить на эту тему в ВААПе, тоже если Вы не будете возражать. В том и в другом случае я приложу копию своего письма к Вам, чтобы те, к кому я обращусь, знали о моем отношении к этой Вашей работе как председателя Комиссии Союза писателей по литературному наследию Назыма Хикмета.

Глубоко уважающий Вас

Константин Симонов.

8.XI.76 г.

Февральский Александр Вильямович (1901—1984) — русский советский критик, литературовед, театровед.

...с очень большим интересом прочел Вашу книгу... — А. Февральский. Записки ровесника века. М., «Советский писатель», 1976.

...об издании ее в Турции... — Эта глава в переводе на турецкий язык вышла в Стамбуле отдельной книгой в 1979 г. под назв. «Воспоминания о Назыме».

Феонова Вера Борисовна — переводчица, сотрудница Иностранной комиссии СП СССР.

В. Я. ВИЛЕНКИНУ

9 ноября 1976 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Виталий Яковлевич,

надо ли говорить, с каким большим интересом я взялся за чтение Вашей работы об Ахматовой. Прочел я ее вскоре после того, как она оказалась у меня в руках, в три присеста, а не написал Вам сразу же отчасти потому, что колебался сперва — писать ли, может быть, просто поговорим. А потом, когда решил все же написать, то много думал над своими первыми сложившимися впечатлениями и какие-то вещи смотрел заново, не до конца уверенный именно в этих первых впечатлениях. Итак, в итоге для начала пишу, а продолжить можно будет и в разговоре. Повод столь серьезный, что есть потребность сформулировать какие-то вещи именно в письме, хотя бы как начало разговора на эту непростую тему.

Прежде всего, чтобы стало яснее все дальнейшее, хочу Вам сказать о своем восприятии Анны Андреевны Ахматовой и ее поэзии. В юношеском моем восприятии, когда мне было лет восемнадцать — девятнадцать и когда я особенно много читал стихов и, в общем-то, жил ими, для меня в плеяде акмеистов самым интересным и значительным поэтом был Мандельштам и, по этому первому юношескому впечатлению, таким и остался по сей день, среди других своих спутников и современников. Гумилева мне заслонил Киплинг. Но некоторые стихи Гумилева производили на

меня сильное впечатление и тогда и теперь, ну, скажем, чтоб далеко не ходить, его «Заблудившийся трамвай».

Ахматова была для меня в юности чем-то более далеким и менее интересным, хотя я и сознавал высоту качества почти всего, что в то время читал у нее.

Ахматову я увидел впервые в тридцать девятом году, на Фонтанке, в той самой комнате, о которой у Вас так много и хорошо сказано. Вместе с Николаем Атаровым и Александром Письменным мы вошли тогда в редколлегию так называемого «Московского альманаха», которого вышло всего два номера,— и вот за стихами для этого альманаха я поехал в Ленинград к Ахматовой. Идея была моя, и выполнение ее я тоже взял на себя. Что побудило меня к этому? Пожалуй, не столько любовь к стихам Ахматовой, которой не было при всем понимании качества ее поэзии, сколько ощущение несправедливости ее молчания, вернее, несправедливости по отношению к ней. Она дала мне стихи для альманаха, но главное для меня было не в этом, а в том очень сильном впечатлении, которое на меня произвела личность Ахматовой. Мои ощущения от ее личности схожи с Вашими, у Вас об этом прекрасно написано, а я тогда был дурак и считал, что память моя неистребима. Оказывается,— почти истребима,— и, в сущности, в ней остались только несколько подробностей и общее ощущение встречи с крупным и благородным человеком. Те несколько стихотворений Ахматовой, которые я прочел в годы войны, подтвердили для меня мое первое впечатление; вдобавок возникла радость ощущения общности перед лицом всенародной беды. После войны я почти год был далеко за границей.

То, что говорилось об Ахматовой в ту пору, когда я вернулся, задело меня прежде всего потому, что, наверно, нельзя было говорить так о человеке, перед лицом народной беды занявшем в годы войны ту позицию, которую заняла Ахматова, несмотря на все, что предшествовало этому в ее жизни. Я пытался понять, объяснить, даже уговорить себя, что, быть может, я неправ, но уговорить себя не смог. И когда ко мне обратились с предложением написать на эти темы в одну из газет — ответил, что о своем отношении к тому, что вышло из-под пера Зощенко в годы войны, написать могу. А об Ахматовой писать не буду. После этого к предложению написать статью больше не возвращались.

Моя разница в отношении к Зощенко и к Ахматовой объяснялась в то время различием моего восприятия их человеческого и писательского поведения в годы войны. Зощенко был для меня мужчиной, в прошлом боевым офицером, уехавшим на всю войну в эвакуацию и написавшим там напечатанную в «Октябре» повесть, которая по моим тогдашним чувствам и настроениям была мне поперек души. Вообще надо сказать, что мои тогдашние притяжения или отталкивания были связаны в литературе, и не только

в литературе, с моими представлениями о том, как люди вели себя во время войны, остались ли они на всю блокаду в Ленинграде, как Тихонов, или уехали в Ташкент, как Зощенко.

Короче говоря, в тот момент, о котором я говорю, я был взволнован случившимся с Ахматовой и был довольно равнодушен к происшедшему с Зощенко. Правда, потом, через какое-то время, я сообразил задним умом, что одно дело я — человек молодой и здоровый, а другое дело — человек совсем другого возраста, под пятьдесят лет, и, как я узнал о нем, далеко не здоровый. Почувствовав всю тяжесть положения, в которое попал Зощенко, я, став редактором «Нового мира», при первой представившейся мне возможности постарался помочь ему. Узнал, что у него есть партизанские рассказы, которые, по словам моих ленинградских друзей, можно было бы, наверное, судя по их содержанию, напечатать, я пригласил его приехать в Москву, отобрал большую часть этих рассказов и предложил опубликовать их в журнале. Это было в начале лета сорок седьмого года, и так вышло, что на вопросы, что из себя представляют эти рассказы и почему я предлагаю их напечатать, мне пришлось отвечать непосредственно Сталину. Он принял мои объяснения, и тем же летом рассказы эти были напечатаны в «Новом мире». Эта история немного уводит нас в сторону, но мне показалось необходимым написать Вам о ней, потому что одно без другого, наверное, было бы не до конца понятным.

Заботу о том, чтобы поставить в нормальное положение Ахматову, взял на себя Алексей Александрович Сурков. И при тех очень ограниченных возможностях, которые тогда у него были, сделал, к его чести, очень многое; занимался этим на протяжении ряда лет, не отступая и не забывая об этом. Не знаю, имела ли полное представление об этом сама Ахматова — может быть, и не имела; но Вам, как автору книги об Ахматовой, я считаю нужным написать об этом.

Что до меня, то надо сказать, что, сочувствуя Ахматовой, когда заходила об этом речь, я практических шагов для помощи ей не предпринимал. Знал, что ее любят и что ей помогают другие люди, много слышал о ней и от Германа, и особенно от Берггольц, но сам к кругу людей, помогавших ей, не принадлежал. То, что я слышал о ней в разные последующие годы и от разных людей, в частности о ее гордых и полных достоинства ответах домогавшимся встречи с ней приезжим из-за рубежа, вселяло в меня чувство глубокого уважения к ней. Но того постоянного живого интереса к ее стихам, который всегда сохранялся у меня к стихам, например, Мандельштама, у меня заново не возникало... В сознании существовали както отдельно — личность современной Ахматовой и ее давние стихи десятых и самого начала двадцатых годов — больше десятых, чем двадцатых,— которые при всей высоте их исполнения существова-

ли в моем нравственном мире где-то на периферии восприятия этой эпохи нашей поэзией, где главной и ни с чем другим не сравнимой страстью моей оставался Блок, а рядом существовала несравнимая по масштабам, но тоже постоянная, без колебаний, любовь к стихам Мандельштама.

Я был в Италии, в Таормине, когда Анне Андреевне присуждали там премию, когда вокруг нее шумели и суетились, в сущности, в огромном большинстве своем не имевшие представления о ее поэзии люди.

Когда Твардовский с волнением и достоинством произносил свою краткую, но, на мой взгляд, замечательную речь, Анна Андреевна, в чем-то неузнаваемо изменившаяся за те годы, что я ее не видал, а в чем-то, в то же время, неизменившаяся и неизменяемая, принимала все, что происходило вокруг нее, с гордым, но несколько отчужденным достоинством.

Мне тогда показалось даже, что все это, что было там, значительно сильнее взволновало Твардовского, чем ее самое. Жили мы рядом, в соседних или почти соседних комнатах, в тихой милой гостинице. Перед вручением премии женщины,— о чем знаю от своей жены, которая была тоже среди них,— куда-то ходили и что-то искали, какие-то мелочи, имевшие отношение к тому, как Анна Андреевна будет выглядеть на присуждении премии. Насколько я понял, это ее до известной степени заботило, и она относилась к этому с серьезностью, приправленной, впрочем, дозой юмора.

О том, что было в Таормине, сказано в заметках Твардовского, а о том, как потом, задним числом, оценивала все это Анна Андреевна, я прочел в записках Алигер. Должен сказать, что вынесенные Алигер из разговоров с Ахматовой впечатления о том, что Анна Андреевна испытала разочарование, когда почувствовала и поняла не слишком большую литературную весомость этой премии, ощутила суетливо-рекламный, даже отчасти литературно-туристский характер суеты вокруг этого,— впечатления эти меня не удивили, они шли навстречу моим собственным тогдашним ощущениям.

Может быть, по дороге в Италию Ахматова думала еще иначе, но где-то уже там, в Таормине, она почувствовала истинную меру значения всего происходившего, и я думаю сейчас — не этим ли объяснялась ее отчужденность, некоторая скованность человека, оставляющего для себя, на потом, окончательную оценку происходящего и не желающего слишком щедро духовно заплатить за ту меру внимания к себе, которая, в сущности, не заслуживает слишком щедрой благодарности? Уверен, что это именно так и было, и Ваша книга, и встающий из нее облик Ахматовой укрепляют меня в этой уверенности.

Последний раз перед чтением Вашей работы я раздумывал над стихами Ахматовой, с год или полтора тому назад читая от доски до

доски, подряд ее последний сборник, в котором я впервые прочел в том виде, в каком она там появилась, «Поэму без героя». Даже и после этой книги, в которой было для меня много нового и из которой, прочтя ее целиком, подряд, я вынес несколько иные ощущения и о характере поэзии Ахматовой, и о ее масштабности,— все-таки она не вошла для меня в круг наиболее любимых мною поэтов. Если ж говорить именно о масштабности ее как поэта в масштабах русской поэзии двадцатого века, то эти масштабы я по-прежнему никак не мог соотнести с масштабами Блока и Маяковского. А если говорить о масштабности несколько иного, того особого рода, когда сделанное поэтом совершает не столько поворот в душах современников, сколько поворот в самой поэзии, кладет неизгладимый и не всегда даже до конца осознаваемый след на последующую поэтику, на поэтов даже отдаленных и чурающихся того, чтобы нести на себе этот след,— такого рода масштабности, с которой для меня связано представление о Пастернаке, в поэзии Ахматовой я тоже не ощутил, не почувствовал в ней этих масштабов.

Почувствовал другое — что мои представления о ней, замыкавшиеся главным образом на десятых годах, были узки и несправедливы. Видимо, я принадлежал именно к тем, заочным, без вины виноватым, обидчикам Ахматовой, которые где-то для себя продолжали ее числить в десятых годах. Из Вашей работы я понял, какой болью отзывалось в ней это, так или иначе доходившее до нее, несправедливое ощущение. Конечно же, при всей, казалось бы, непреоборимой разрубленности на куски ее поэтической судьбы, она, эта судьба, все равно выстраивалась в ее однотомнике как нечто целое, при всей осененности этого целого печатью горечи и трагизма. И мне стал по-человечески понятен ее духовный протест против отдавания ее прошлому, и только прошлому, протест живого человека, которому непереносимо, когда его заживо канонизируют.

И еще одна перемена в восприятии поэзии Ахматовой, происшедшая со мной при чтении ее однотомника: это возникшее понимание куда большей эпичности ее как поэта, чем это представлялось мне раньше, куда большей связанности с жизнью, нерасторжимости, куда большего размаха ее мыслей о времени, об окружающем или окружавшем, чем это мне прежде казалось. Конечно, все равно Ахматова — поэт лирический, и тут дело не в преимущественном перечислении длиннейшего ряда стихов разных лет, которые было бы странно не относить именно к лирическим,— дело в другом: в органической ее далекости от эпических форм повествования и в столь же органической способности, идя от себя, постоянно и глубоко через себя думать не только о себе,— а и о людях и времени, о той его музыке, о которой говорил Блок. Для меня именно в этом эпичность лирики Ахматовой, которую я почувствовал, читая ее однотомник и раздумывая над ним.

В этом смысле Ваша работа очень подкрепила меня в моем собственном ощущении органичности эпического начала в лирике Ахматовой, хотя при этом я не согласен с Вами в Вашей общей оценке «Поэмы без героя» как венца творчества Ахматовой. Мне, наоборот, эта поэма представляется мучительной неудачей с многолетними приступами к ней и уходами от нее, с упорными попытками сделать именно то, что было чуждо ее дарованию,— создать своего рода,— да, конечно, своего рода, но все-таки именно эпическое повествование.

Цикл стихотворений «Реквием», которого я раньше не читал и прочел только в Вашей книге и который произвел на меня очень сильное впечатление,— это именно цикл стихов, а не поэма,— действительно принадлежит, на мой взгляд, к сильнейшим произведениям Ахматовой, к самым сильным, к самым горьким и самым пронзительным лирическим ее стихам, несущим в себе, внутри себя, то эпическое начало, о своем понимании которого я уже написал Вам. Это действительно одна из вершин творчества Ахматовой, тут я согласен с Вами.

Мне трудно с Вами спорить о «Поэме без героя» не только потому, что Вы написали о ней с удивительным знанием дела, включающим в себя знание мельчайших подробностей и упорнейшие поиски разгадок даже, казалось бы, наглухо замурованных для этих разгадок многих мест текста поэмы,— но и потому, что написанное Вами свидетельствует о Вашей огромной любви и особенно пристальном интересе именно к этому произведению Ахматовой. А с любовью трудно спорить, тем более когда такая любовь объясняется, как мне кажется, еще и связанностью многих особенностей поэмы с обстоятельствами жизни самого поэта, человека, через которого Вы любите и эту поэму. В данном случае мне кажется, что это именно так, а не наоборот, и это тоже затрудняет мой спор с Вами и в какой-то мере делает его бессмысленным.

Если говорить о моих собственных ощущениях, то для меня «Поэма без героя» как цельное произведение не существует или, скажу мягче, в этом качестве не воспринимается. Есть отдельные стихи, сцепленные между собою, порою — естественно, порою — искусственно. Существуют стихи, прекрасные сами по себе. Существует с большою, пронзительной силой написанное стихотворение, называющееся «Эпилогом», его можно с равным успехом называть и большим стихотворением, и маленькой поэмой, но при всем том эта вещь читается для меня отдельно и отдельно существует в моем сознании. Но целого — того целого, о котором Вы пишете, той поэмы, именно «Поэмы без героя» в моем восприятии не существует. Четырежды перечел — нет, не существует! И ничего с этим моим, чисто читательским, ощущением поделать не могу. Мне кажется, что я хорошо понимаю, особенно теперь, прочитав Вашу

работу, почему Ахматова ценила в этой поэме все, почему ей в ней было все дорого и почему это, очень разрозненное и по-разному написанное, ей страстно хотелось связать в одно целое. Это я тоже понимаю. В ее собственном ощущении это, очевидно, должно было венчать ее поэзию, связывать в ней все начала и концы, быть как бы кристаллом, через который можно рассматривать и все остальное. Но этого не получилось, так мне кажется. И венчают ее поэзию лучшие стихи разных лет, в том числе и «Эпилог» «Поэмы без героя», в том числе и некоторые другие стихи и строфы этой поэмы, но не сама поэма, рассматриваемая в целом именно как поэма.

К этому можно было бы многое добавить. Можно было бы сказать и о необыкновенной внутренней сложности положения поэта, находящегося между двух огней, между молчанием, непризнанием, полупризнанием, с одной стороны, и многократно обостренным именно существованием всего этого — безоговорочным преклонением, поклонением и всеприятием всего написанного — с другой. Пребывая между тем и другим, поистине необыкновенно трудно для поэта оставаться точным и справедливым по отношению к самому себе, в самооценках всего им сделанного. Это кажется мне существенным при попытках понять собственное отношение Ахматовой к ее «Поэме без героя».

Из того, что я уже написал Вам, вытекает и мое восприятие Вашей работы. Ее первая часть «Воспоминания с комментариями» читалась мною с чрезвычайным интересом. Вы взяли на себя трудную и благодарную задачу — написать правду. Правду иногда называют сложной правдой. Не уверен, что это самое точное определение, дело в другом: правда сама по себе в общем-то вещь простая, да вот писать ее иногда очень сложно. Эта сложность была и перед Вами, и Вы перед ней не дрогнули.

Где-то поначалу у меня возникало некоторое отталкивание не от сути дела, а от тона повествования. Отталкивание это связано, конечно, было и с иным, чем у Вас, восприятием масштабов и места поэзии Ахматовой в русской поэзии двадцатого века, но отчасти и с тоном некоторой коленопреклоненности, что ли. Не хочу Вас задеть этим словом, но оно где-то на первых двух-трех десятках страниц напрашивалось. Но потом, когда в Вашем повествовании Ахматова вступила в нравственные боренья и духовные счеты с другими людьми, когда стал проявляться ее характер, ее натура,— тон, принятый по отношению к загубленным ангелам, исчез, и стала возникать объемная фигура человека земного, сильного и страстного.

И таким этот образ и прошел через всю первую часть Вашей книги, вызывая глубокий интерес к себе.

Если же говорить о частностях, то мне отдалась в ушах какая-то маленькая благостная натяжечка там, где Вы чуть-чуть насиль-

ственно слишком крепко связуете Василия Ивановича и Анну Андреевну, пожалуй, несколько прочнее, чем это было на самом деле, насколько я могу судить из глубинного ощущения от этих же самых страниц Вашей же работы.

А в общем, первая часть Вашей работы — это книга в книге, наподобие романа в романе в булгаковском «Мастере». Я эту книгу приемлю и глубоко Вам благодарен за то, что смог ее прочесть. Если отвлечься от моих субъективных чувств, думаю, что и объективно она очень и очень интересна для достаточно обширного круга читателей.

Вторая часть Вашей работы, «Комментарии с воспоминаниями», тоже читалась с интересом, хотя я все время и спорил с Вами. И спор тут, видимо, безвыходный, ибо для Вас «Поэма без героя» самое классическое произведение поэта, которого Вы считаете классиком русской поэзии двадцатого века; а для меня эта поэма как целое,— подчеркиваю: именно как целое — драматическая, неосознанная, а быть может, где-то в глубине души отчасти и осознанная,— неудача Ахматовой — поэта крупного, но человека, в моем ощущении, может быть, еще более крупного, чем поэта.

Вторая часть Вашей работы — для Вас самого — есть комментарий к краеугольному камню неоспоримой для Вас классики. А я бы, взявшись за эту тему, наверное, искал бы причин крушения замысла — причин исторических, психологических и чисто поэтических, связанных с индивидуальностью дарования. Позиции несовместимые,— стало быть, не о чем и спорить. Хочу только сказать, что отдаю Вам должное и понимаю, какая бездна труда стоит за этой второй частью исследования и сколько в ней поисков, сколько остроумия и находчивости, помноженной на эрудицию, в решении всякого рода загадок и полузагадок,— словом, это огромный, заслуживающий большого уважения труд, но совершенный на фундаменте совсем иного восприятия, чем мое, поэтому Вашему труду в этой его части я судья только со своей, неприемлемой для Вас, колокольни.

Читая Ваш «Постскриптум», был благодарен Вам за то, что он расширил мои представления о написанном Ахматовой, но читался он мною, по правде говоря, как-то уже дополнительно, что ли, без тех страстей притяжения и отталкивания, которые я испытывал, читая первую и вторую часть работы. Это исследование серьезное, со многими серьезными наблюдениями, а в то же время — порой с излишествами в непосредственном анализе стихов. Вообще должен покаяться, что о человеке, писавшем стихи, мне всегда бывало интереснее читать, чем о его стихах. Стихи я привык воспринимать непосредственно, как удар в душу: попало или не попало? В тех случаях, когда через анализ стихов не возникает что-то ошеломляющее тебя, неожиданное для твоих представлений о человеке, их

писавшем,— анализ этот оставляет меня в числе читателей внимательных, но в какой-то степени отчужденных и порой равнодушных. Анализ, не затрагивающий личности поэта, оставляет во мне память отдельную, почти не соприкасающуюся с памятью о самих стихах. Я не хочу отнести сказанное ко всему Вашему «Постскриптуму», но к каким-то страницам его — да.

Вот, дорогой Виталий Яковлевич, то, что мне хотелось по нашему старому и доброму знакомству с Вами написать Вам не только о Вашей работе, но и в связи с ней.

Благодарный Вам за доверие и глубоко уважающий Вас
Константин Симонов.

9.XI.76 г.

Впервые с небольшими сокращениями — в *СИД-3.*

Виленкин Виталий Яковлевич (р. 1911) — русский советский литературовед и театровед.

Ахматова Анна Андреевна (1889—1966).

Мандельштам Осип Эмильевич (1891—1938).

Гумилев Николай Степанович (1886—1921).

Письменный Александр Григорьевич (1909—1971) — русский советский писатель.

...так называемого «Московского альманаха»...— См. письмо В. Виленкину от 5 декабря 1977 г. и примеч. к нему.

...напечатанную в «Октябре» повесть...— Речь идет о повести М. Зощенко «Перед восходом солнца» («Октябрь», 1943, № 6-7, 8-9).

...тем же летом рассказы эти были напечатаны...— М. Зощенко, «Никогда не забудем» (*НМ*, 1947, № 9).

Берггольц Ольга Федоровна (1910—1975) — русская советская поэтесса.

...в Италии, в Таормине, когда Анне Андреевне присуждали там премию...— Ежегодная литературная премия, присуждаемая в Сицилии; в 1964 г. ею была удостоена А. Ахматова.

О том, что было в Таормине, сказано в заметках Твардовского...— В своих заметках «А. А. Ахматова» (см.: А. Твардовский. Собр. соч. в 6-ти томах, т. 5) А. Твардовский этого не касается.

...прочел в записках Алигер.— Речь идет о воспоминаниях Алигер Маргариты Иосифовны (р. 1915) «В последний раз» («Москва», 1974, № 12).

...читая от доски до доски, подряд ее последний сборник...— Речь идет о кн.: А. Ахматова. Избранное. М., «Художественная литература», 1974.

...Василия Ивановича...— Качалов Василий Иванович (1875—1948) — советский актер.

С. Г. ЛАПИНУ

10 ноября 1976 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Сергей Георгиевич!

Хочу написать Вам о том, о чем вкратце рассказывал Вам устно. Хочу поставить вопрос о создании телевизионного фильма о Михаиле Булгакове, фильма, связанного с его произведениями, с его личностью и с воспоминаниями о нем его современников.

Думаю, что если взяться за дело вместе с теми же людьми, с которыми мы делали телевизионный фильм о Твардовском, с режиссером Дмитрием Чуковским и оператором Мариной Голдовской, то можно было бы где-то в семьдесят восьмом году завершить такую работу, потихоньку начав ее уже сейчас. Сейчас, потому что в такой фильм хорошо было бы включить воспоминания некоторых людей, близко и хорошо знавших Булгакова по их работе рядом с ним в литературе и в театре и еще раньше в газете «Гудок». Я имею в виду Евгения Габриловича, П. А. Маркова, Валентина Катаева. К этим именам можно добавить еще два-три, и именно эту часть работы, наверное, лучше начать, не слишком откладывая на будущее.

Среди материалов, связанных с Булгаковым, есть интересные записи и воспоминания и письма — Фадеева, Всеволода Иванова, Паустовского, Яншина, Черкасова, Топоркова. Какие-то фрагменты из этого можно будет, наверное, с успехом использовать.

Может быть, стоит, не очень откладывая, снять некоторые места, связанные с жизнью писателя в Москве и в Киеве. С этим как бы не опоздать, уж очень иногда быстро и неожиданно меняются наши городские пейзажи.

В дальнейшем можно поговорить с теми читателями Булгакова, которые сами по себе являются интересными и значительными людьми. Говоря об этой стороне дела, я думаю, скажем, об Улановой, об авиаконструкторе Антонове, о космонавте Феоктистове и о некоторых других людях — интересных и значительных.

Наверное, одним из мест съемок, а может быть, и главным местом съемок стоило бы выбрать рукописный отдел Библиотеки имени Ленина, где находится и сохраняется в образцовом порядке литературное наследие Булгакова, все целиком переданное туда его вдовой Еленой Сергеевной Булгаковой, замечательной русской женщиной, о которой, наверное, нужно будет тоже сказать несколько слов. Как плацдарм для съемок, рукописный отдел Библиотеки имени Ленина — место не только интересное, но и поучительное, и связанное со многими страницами истории нашей отечественной литературы.

Мое предложение сводится к тому, что, если Вы дадите на то «добро», стоило бы потихоньку начинать эту работу.

Жму Вашу руку, уважающий Вас, Ваш

Константин Симонов.

10.XI.1976.

Лапин Сергей Георгиевич (р. 1912) — в то время председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию.

...фильма о Твардовском... — Телевизионный фильм «Александр Твардовский» был сделан в 1976 г.

Чуковский Дмитрий Николаевич (р. 1943) — режиссер телевидения.

Голдовская Марина Евсеевна — кинооператор.

...в семьдесят восьмом году завершить такую работу... — Телевизионный фильм «Михаил Булгаков («Литературное наследство») был сделан в 1978 г. См. письмо С. Г. Лапину от 27 октября 1978 г.

Габрилович Евгений Иосифович (р. 1899) — русский советский кинодраматург.

Марков Павел Александрович (1897—1980) — советский режиссер, театральный критик и историк театра.

К этим именам можно добавить еще два-три... — См. письмо К. С. Кузакову от 6 марта 1978 г.

Яншин Михаил Михайлович (1902—1976), *Черкасов* Николай Константинович (1903—1966), *Топорков* Василий Осипович (1889—1970) — советские актеры.

Уланова Галина Сергеевна (р. 1910) — советская балерина.

Антонов Олег Константинович (1906—1984) — советский авиаконструктор, Герой Социалистического Труда.

Феоктистов Константин Петрович (р. 1926) — летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза.

И. КАСУМОВУ

14 ноября 1976 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Имран, посылаю Вам стихи, посвященные Самеду. Попробую завтра параллельно передать их по телефону в «Бакинский рабочий».

Я очень огорчен невозможностью приехать. 22-го утром сдаю последний фильм серии «Солдатские мемуары», все дни до этого, включая воскресенье,— авральная двухсменная работа на киностудии. 2-го декабря фильм уже стоит в программе телепередач — Вам понятно, что с этим связано.

Гейдар Алиевич был огорчен тем, что я не буду в Баку, сказал мне об этом, и я, в свою очередь очень огорченный безвыходностью сложившихся для меня обстоятельств, как мне показалось, не смог

достаточно ясно объяснить ему, что в Грузию я еду только *после* сдачи картины и буду там только 24-го. А этот срок, связанный с выездным заседанием Совета по грузинской литературе, где я — председатель, и с командированием полутора десятков литераторов и представителей издательств, был в свое время перенесен с октября на ноябрь *именно по моей* просьбе и *именно потому*, что юбилей Самеда, как Вы это хорошо знаете, первоначально намечался на октябрь. И я боялся совпадения.

В общем, оказался без вины виноватым, огорчил других людей и сам огорчен не меньше их, ибо не меньше их люблю Самеда и чту его память.

Ну да что поделаешь! Кто не верит этому — бог тому судья.

После четырех дней работы в Грузии я 29-го вернусь в Москву, чтобы принять участие в юбилее Самеда, там и увидимся.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш

Константин Симонов.

14.XI.76

Касумов Имран Ашум оглы (1918—1981) — азербайджанский советский писатель.

...посылаю Вам стихи... — Стихотворение «Вот тебе и семьдесят, Самед!..», посвященное памяти Самеда Вургуна и написанное в связи с этой юбилейной датой, исполнившейся 21 марта 1976 г. Стихотворение было опубликовано в газ. «Бакинский рабочий», 1976, 18 ноября.

...последний фильм серии «Солдатские мемуары»... — «Пехота есть пехота...»

Гейдар Алиевич — Алиев Гейдар Али Рза оглы (р. 1923), советский партийный и государственный деятель, член Политбюро ЦК КПСС, в то время первый секретарь ЦК КП Азербайджана.

В. Н. СЕДЫХ

10 февраля 1977 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Вольф Николаевич!

Хочу обратить Ваше личное внимание на рукопись, которая еще несколько лет назад была подготовлена в «Прогрессе» к набору, но до сих пор не издается. Это — «Дневники» Франца Кафки (составление, перевод и комментарии Е. Кацевой).

Об этой рукописи единодушно положительно отозвались и рекомендовали ее к изданию Б. Л. Сучков, Д. В. Затонский, М. Б. Храпченко, В. М. Озеров, Е. Ф. Книпович, А. Л. Дымшиц, Ю. Б. Кузьменко. По правде говоря, я не знаю других специалистов, более компетентных, чем названные, и убежден в том, что

после перечисленных отзывов не должно было бы оставаться сомнений в целесообразности издания этой рукописи.

Я сам не специалист, но просто как писатель, прочитавший эту очень интересную рукопись, думаю, подобно Е. Книпович, что издание «Дневников», кроме всего прочего, будет и немалым подспорьем для нас в различных международных литературно-идеологических дискуссиях. Особенно для тех из нас, кто, увы, не владеет иностранными языками и не может ссылаться на «Дневники» ни в подлиннике, ни в переводах на другие языки. Думаю, что и сам факт издания этой книги на русском тоже немаловажен в кругу многих проблем, существующих вокруг так называемой третьей корзины.

Прилагаю составленную Е. Кацевой справку о прохождении рукописи и копии тех четырех отзывов, которые были у Е. Кацевой,— М. Б. Храпченко, В. М. Озерова, Б. Л. Сучкова и Е. Ф. Книпович.

Как видно из справки, парадоксальность сложившейся ситуации заключается и в том, что о рукописи широко известно из публикаций Е. Кацевой в журналах «Вопросы литературы» и «Звезда», а также из книг Б. Бурсова, Ю. Суровцева, Г. Куницына, Ю. Кузьменко, Д. Затонского, в которых авторы, цитируя Кафку, прямо ссылаются на работу Е. Кацевой.

Прошу Вас поддержать сторонников издания книги и помочь включить в повестку дня вопрос о выпуске ее в свет в 1978 году.

Крепко жму Вашу руку

10 февраля 1977 года *Конст. Симонов.*

Седых Вольф Николаевич (р. 1928) — журналист, директор издательства «Прогресс».

Кафка Франц (1883—1924) — австрийский писатель.

Кацева Евгения Александровна — германистка, переводчица с немецкого.

Сучков Борис Леонтьевич (1917—1974) — русский советский литературовед, член-корреспондент АН СССР.

Затонский Дмитрий Владимирович (р. 1922) — русский и украинский советский литературовед, член-корреспондент АН УССР.

Озеров Виталий Михайлович (р. 1917), *Книпович* Евгения Федоровна (р. 1898), *Дымшиц* Александр Львович (1910—1975), *Кузьменко* Юрий Борисович (1931—1982) — русские советские критики и литературоведы.

...из публикаций Е. Кацевой в журналах...— См.: «Из дневников Франца Кафки».— *ВЛ*, 1968, № 2; Ф. К а ф к а. Письмо к отцу.— «Звезда», 1968, № 8.

...а также из книг...— см.: Б. Б у р с о в. Реализм всегда и сегодня. Лениздат, 1967; Ю. С у р о в ц е в. В лабиринте ревизионизма. М., «Худо-

жественная литература», 1973; Г. К у н и ц ы н. Политика и литература. М., «Советский писатель», 1973; Ю. К у з ь м е н к о. Мера истины. Эволюция литературного героя и общественно-историческая практика. М., «Советский писатель»; Д. З а т о н с к и й. Франц Кафка и проблемы модернизма. М., «Высшая школа», 1972.

Бурсов Борис Иванович (р. 1905), *Суровцев* Юрий Иванович (р. 1931), *Куницын* Георгий Иванович (р. 1922) — русские советские критики и литературоведы.

...вопрос о выпуске ее в свет... — Книга не была издана.

В. В. БЛИНОВУ

16 февраля 1977 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Виктор Викторович, в конце января я получил напоминание от Первого творческого объединения Студии о том, что оно рассчитывает получить от меня заявку на сценарий, связанный с военными действиями на Рыбачьем полуострове, причем в ходе предварительных разговоров речь шла о том, чтобы этот сценарий осуществил на экране А. Ю. Герман.

В связи с письмом Объединения мне хотелось бы поставить Вас в известность о некоторых переменах в моих планах.

Работа, которой я занимаюсь в последние годы,— над документальными фильмами о солдатах — трижды кавалерах ордена Славы,— столкнула меня с очень интересными людьми и со многими замечательными военными биографиями. Помимо отснятого документального материала, эта работа дала мне еще и около четырех тысяч страниц стенограмм, которые следует рассматривать как исходный материал для будущих книг.

И вот в связи с этой работой и с теми впечатлениями, которые у меня возникли от людей, встреченных в ходе этой работы, мне захотелось сделать не сценарий об обороне Рыбачьего полуострова, а сценарий о действиях наших танкистов в последний период войны между началом операции «Багратион», то есть июнем сорок четвертого года, и финалом войны — маем сорок пятого. Это период наиболее широко развернувшихся действий шести наших танковых армий и многих отдельных танковых и механизированных корпусов. Период очень жестоких, тяжелых, напряженных танковых боев, больших глубоких прорывов, рейдов по тылам противника, неожиданного захвата городов и столь же неожиданного освобождения пленных из концлагерей в глубине Германии.

Я не собираюсь в этом сценарии показывать общую картину боевых действий наших танкистов в масштабах корпусов и армий; я хочу показать все это на, главным образом, людях одного танково-

го экипажа. Думаю, что и фильм — название это мне нравится, и как условное уж во всяком случае — может быть назван «Экипаж». В основу сюжета ляжет реальный ход войны, движение от восточных границ Белоруссии до выхода к Кенигсбергу, к Штеттину, к берегу Балтийского моря. А как все это было, я постараюсь рассказать на примере судьбы одного экипажа.

В основу мне хочется взять подлинные судьбы людей, которые они мне уже рассказали,— в художественном фильме объединив разных людей с их разными судьбами в одном экипаже. Но за каждой такой судьбой будет стоять в самом главном, решающем — реальная человеческая судьба. Просто-напросто мне хочется быть поближе к истине, рассказывая об этом периоде войны, который наши политические оппоненты иногда пытаются представить сейчас как период легкий или сравнительно легкий, а между тем мы и тогда отдавали себе отчет заранее, насколько он будет трудным.

Вот что — именно об этом периоде — о последних предстоящих боях было сказано в «Итогах войны за три года», опубликованных в канун начала нашего наступления в Белоруссии 22-го июня сорок четвертого года: «Война теперь идет к концу. Но оставшаяся часть пути к полной победе будет нелегкой. Война вступила в самую ожесточенную, решающую и наиболее трудную фазу...»

Если говорить о напряжении фильма, характере изображения войны в нем, то эту фразу, взятую из документа того времени, можно было бы поставить эпиграфом к фильму.

Я не хочу сейчас писать ничего сверх сказанного, потому что все это будет приблизительным, просто хочу, чтобы Вы знали, что я намерен этим заниматься, что, очевидно, мог бы сделать такой сценарий где-то в пределах текущего года и хотел бы, чтобы его поставил Алексей Герман. Собственно говоря, я заранее, задумывая этот сценарий, вижу именно его как режиссера и думаю, что сильные стороны его режиссерского дарования могут проявиться именно в такого рода работе.

А более развернутую заявку с элементами сюжета, если она понадобится, я, очевидно, мог бы представить месяца через полтора. Повторяю, если это понадобится.

Жму Вашу руку, уважающий Вас

Константин Симонов.

16.II.1977 г.

Впервые с небольшими сокращениями — в *ЛР,* 1982, 10 декабря.

Блинов Виктор Викторович (р. 1929) — в то время директор студии «Ленфильм».

...над документальными фильмами о солдатах — трижды кавалерах ордена Славы...— Симонов вместе с режиссером М. Бабак снял на Цен-

тральной студии документальных фильмов для телевидения фильмы «Шел солдат...» (1975) и «Солдатские мемуары» (1976) в шести сериях.

Операция «Багратион» — кодовое название наступательной операции, проводившейся 23 июня — 29 августа 1944 г. силами 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов с целью освободить Белоруссию от гитлеровских захватчиков.

...«Война теперь идет к концу... наиболее трудную фазу...» — Симонов приводит цитату из опубликованного Совинформбюро в «Правде» 22 июня 1944 г. документа «Три года Отечественной войны Советского Союза (Военные и политические итоги)».

Герман Алексей Георгиевич (р. 1938) — советский кинорежиссер.

В. Л. КОНДРАТЬЕВУ

2 марта 1977 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Вячеслав Леонидович!

Еще раз с карандашом в руках прочел Вашего «Сашкиного немца». Читал с тем вниманием, которого требует и серьезность темы, и уровень художественного ее решения, и чувство ответственности за ее публикацию на страницах журнала.

Судьба ее публикации зависит не от меня, а от тех, кто редактирует журнал. Но я мысленно поставил себя на их место и решал для себя — буду или не буду я за публикацию этой вещи? И что я, решив в принципе публиковать ее, сочту необходимым предложить автору как пожелания, стоящие на грани обязательности?

Вы взяли период горький и тяжкий, и места — одни из самых кровавых, и бои из числа самых неудачных и бесперспективных. Выбрали страницу войны едва ли не самую трудную для изображения. И я это приемлю. Но я не приемлю целого ряда настойчивых, повторяющихся нажимов на самые больные места, те, где чувство меры все еще и в этом варианте покидает Вас.

Я взял эти места в скобки и очень решительно советую Вам прислушаться к моему совету — сформулированному этими, не слишком многочисленными скобками. Поверьте, что сила того, что Вы хотите сказать, не уменьшится от этого необходимейшего самоограничения, и сила характера Вашего прекраснейшего человека — Сашки — не ослабеет и не нарушится тем, что он не будет по нескольку раз повторно думать, в сущности, о том же самом и вторить самому себе.

Картина, Вами изображенная, настолько правдиво-трудна, что не нужно вдобавок к ней еще драть и драть нервы; правда и без того тяжела, на грани невыносимости. И перешагивать эту грань Вам как художнику не следует и нет нужды.

Я поставил скобки и в других случаях, там, где, на мой взгляд, просто неудачно, просто нескладно, просто повтор или разжевывание уже понятого и почувствованного мною — читателем Вашего талантливого рассказа.

И еще одно — лексика Ваша мне во многом далека. И я поэтому именно осторожен в ее критике. Но я убежден, что в принципе в употреблении этой лексики при изложении мыслей и чувств Вашего героя Вы часто непоследовательны, порой недостаточно чутки, а порой некритичны к тому не Вашему собственному, а заемному, что нет-нет и проникает в эту лексику. Говорю все это исходя из общего звучания этой лексики, из Вашего же принципиального стилистического выбора.

И дело тут не в вычеркивании, а в поисках замен, в поисках не приблизительных, нравящихся Вам по первому разу лексических решений, а окончательных, действительно *найденных* и не поддающихся заменам.

Искать их можно и нужно, и мне жаль, что у меня недостает времени на поиски тех многих иных вариантов, которые следует в таких случаях предлагать автору как наиболее убедительный аргумент в каждом случае, где он не нашел, недоискался сам.

Ваш рассказ об очень важном, может быть, о самом важном — о силе души и характера, проявленных советским молодым человеком, солдатом весны 1942 года, в условиях наиболее тяжких, почти нечеловеческих, короче говоря, подо Ржевом, в горькой памяти боях так называемого местного значения, обошедшихся нам едва ли не дороже, чем Сталинград.

Все сказанное мною продиктовано единственным желанием — увидеть напечатанным на страницах журнала Ваш рассказ, столь дорогой мне в самом главном и решающем — в силе изображения той, вроде бы обыкновенной и вместе с тем незаурядной личности, которую Вы избрали своим главным героем.

Доброго пути Вашему Сашке, и не только в этом рассказе, а и в других!

Уважающий Вас

2.III.77 *Константин Симонов.*

Впервые — в *ВЛ*, 1985, № 5.

Кондратьев Вячеслав Леонидович (р. 1920) — русский советский писатель.

...Вашего «Сашкиного немца».— Первоначальное название рассказа В. Кондратьева, вошедшего в повесть «Сашка», опубликованную в журн. «Дружба народов» (1979, № 2) с предисловием Симонова «Доброго пути, Сашка!».

У. УМАРБЕКОВУ

5 марта 1977 г., ⟨Москва⟩

Дорогой товарищ Умарбеков,

мне не хотелось бы слишком задерживать ответ на Ваше письмо. Как я уже и говорил товарищу Абдуллаеву, я подумал о том, кого бы можно было порекомендовать как возможного автора сценария об Иване Ефимовиче Петрове или о таком, как он, человеке, если это будет образ собирательный.

Подумать над этим мне помог и недавний вечер, посвященный памяти Ивана Ефимовича Петрова, который мы проводили в Центральном Доме литераторов.

Если говорить о военной деятельности Ивана Ефимовича в годы Великой Отечественной войны, то я могу назвать таких писателей, как Петр Сажин или Дмитрий Холендро, которым довелось встречать Ивана Ефимовича в годы войны в Одессе, Севастополе и на Кавказе. Но при этом надо добавить, что период его жизни и работы в Средней Азии как до войны, так и после войны, по-моему, им не знаком или знаком недостаточно. Однако это дело, разумеется, поправимое. Материалов, связанных с деятельностью Ивана Ефимовича в Средней Азии, очевидно, достаточно много есть и в Ташкенте.

Вот те первые мысли, которые мне пока приходят в голову, и первые имена, которые я вспоминаю,— да много, наверно, имен и не вспомню, ведь прошло уже очень много лет со времени войны, слишком много людей ушло. Но если что-то придет в голову,— непременно напишу Вам.

Желаю Вам от всей души успеха в Вашем благородном замысле.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

5.III.1977.

Думаю также, что за сценарий об Иване Ефимовиче мог бы взяться и Владимир Васильевич Карпов, который знал Ивана Ефимовича и до и после войны, и знал близко.

К. С.

Умарбеков Ульмас Рахимбекович (р. 1934) — узбекский советский писатель, в то время директор студии «Узбекфильм».

...вечер, посвященный памяти Ивана Ефимовича Петрова...— Этот вечер под председательством Симонова состоялся 24 февраля 1977 г.

Сажин Петр Александрович (р. 1906) — русский советский писатель, участник обороны Одессы и Севастополя.

Холендро Дмитрий Михайлович (р. 1921) — русский советский писатель, участвовал в освобождении Крыма.

Карпов Владимир Васильевич (р. 1922) — русский советский писатель, Герой Советского Союза; о своих встречах с И. Е. Петровым В. Карпов рассказывает в книге «Полководец».

Я. И. Ц-КУ

3 апреля 1977 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Яков Иосифович!

Я прочел все, что Вы мне прислали, и Ваше письмо, которое вернее, конечно, назвать не письмом, а работой, связанной с проблемами школы, а шире говоря, с проблемами воспитания; Вашу уникальную в своем роде — по тщательности проделанной Вами работы — подборку высказываний нашей печати, связанных с той проблемой, вернее, с теми проблемами, которые Вы ставите. Прочел и Ваши наброски глав для учебника истории. Прочел несколько дней назад и ту критическую статью в «Правде» о наших школьных делах, в которой Вы, как это видно из примечаний, многое в принципе разделяете.

Все это, вместе взятое, потребовало от меня достаточно сил, которых осталось у меня, к сожалению, не столь уж много, и немало времени, которого вовсе мало,— поэтому не прошу у Вас извинения за то, что так долго читал все присланное Вами, но при этом хорошо понимаю, что, раз я все это уже прочел, заставлять Вас теперь хоть сколь-нибудь длительное время ждать моего ответа было бы неправильно с моей стороны. Думаю, что за мной остается право самому выбрать форму этого ответа — устную или письменную — и выбираю письменную. Выбираю письменную, во-первых, потому, что через недели полторы должен лечь в больницу, до этого обязан закончить некоторые незаконченные дела, а когда мы сможем встретиться после этого — пока не знаю и сказать не могу. А во-вторых, потому что написанное пером — не вырубишь топором, и пусть то, что я собираюсь Вам сказать, будет написано.

Прежде всего, хочу сказать Вам вполне определенно, что саму постановку вопроса о нетерпимости той практики процентомании и искусственного вытягивания, то есть, в конечном итоге, зачастую прямого обмана, при котором молодые люди, явно недостаточно образованные, выдаются за людей достаточно образованных,— считаю нетерпимой, считаю, что введение всеобщего образования, решение этой, конечно, очень и очень трудной проблемы требует иных педагогических решений, чем те, которые сейчас зачастую в ходу.

О необходимости иных педагогических, а шире говоря — общественных, а в конечном счете — общегосударственных решений этой проблемы и о неотложности поисков таких решений говорят и те материалы нашей печати, которые Вы приложили к своей работе.

На то, чтобы радикально изменить это положение, должны быть положены усилия тысяч и тысяч людей, которые сочтут решение этой задачи делом своей жизни и отдадут ей годы и годы, если можно так выразиться, тысячи человеко-годов. Говорю так, имея известный опыт и известные основания.

В свое время, будучи главным редактором «Литературной газеты» в 1950—1953-м году, я считал тогда и продолжаю считать и сейчас самым существенным из всего сделанного газетой за те три года постановку на ее страницах вопроса об отмене раздельного обучения и возвращения к обучению совместному. Вопрос этот в конце концов был решен,— не хочу преувеличивать, решен не «Литературной газетой», но с ее участием, с участием нескольких десятков человек, работавших в коллективе газеты, единодушно видевших в решении этого вопроса свой гражданский долг, и с участием тысяч и тысяч людей, писавших письма, тысячи писем о необходимости возвращения к совместному обучению. Именно на эти письма мы нравственно опирались, ставя этот вопрос на страницах газеты, именно эти письма тысяч людей, собранные нами, стали решающим доказательством правильности постановки этого вопроса, когда мы вносили его туда, где он в конце концов был решен в государственном масштабе.

Те педагогические вопросы, о которых Вы пишете в своей работе, не менее, а куда более сложны, требуют для своего решения еще большего количества усилий, еще большего количества людей, еще больше неотступности на протяжении, быть может, еще более длительного времени.

Говоря о трудности решения этого вопроса и о необходимости объединенных, упорных и долговременных усилий многих людей для его удовлетворительного решения, я говорю правду, но прятаться за эту объективную правду и делать из нее правду, удобную для себя, не хочу. Общие усилия складываются из усилий отдельно взятых людей, и если бы я — один из этих, отдельно взятых людей, в данном конкретном случае довольно известный писатель, располагающий какими-то дополнительными возможностями,— поставил главной целью своей жизни на несколько ближайших лет именно то, о чем идет речь,— борьбу за необходимые изменения в системе нашего школьного образования, то, очевидно, при неустанной работе, только на этом и сосредоточенной, я бы, очевидно, мог внести и свою личную лепту в это общее дело. Но, повторяю, сколько-нибудь серьезно говорить об этом можно только при реши-

мости отдать этому всецело по крайней мере несколько лет своей жизни. Однако силы человека ограничены, и если он будет сегодня хвататься за одно, а завтра — за другое, пусть за очень важное и за очень наболевшее,— он не сделает ни того, ни другого.

Если говорить о той общественной деятельности, которой я занимаюсь и которая непосредственно связана с моей писательской работой и с моим личным жизненным опытом, то еще несколько лет назад я сделал для себя окончательный выбор и решил до конца своей жизни класть все оставшиеся у меня силы на то, чтобы, во-первых, в меру своих сил и понимания писать и говорить правду о войне; во-вторых, на то, чтобы опять-таки в меру своих сил и понимания мешать тому, чтобы о ней говорили и писали неправду; в-третьих, стремиться к тому, чтобы роль рядового участника войны, вынесшего на своем горбу ее главную тяжесть, предстала перед последующими поколениями и во всем ее подлинном трагизме, и во всем ее подлинном героизме. И наконец, в-четвертых, я считаю своим личным долгом во всех тех случаях, когда я сталкиваюсь с несправедливостями, совершенными сейчас или раньше по отношению к тем или иным участникам войны, сделать все, что от меня зависит, чтобы, прибегая к помощи других людей, исправить подобные несправедливости.

И первое, и второе, и третье, и четвертое — все это для меня связано в один узел, этим я занят, и это является целью моей жизни.

Для того чтобы заниматься каким-то другим, пусть очень важным и очень наболевшим делом, я должен оставить это дело,— оставить его я не могу, не хочу и не считаю себя вправе, между прочим, еще и потому, что оно тоже имеет непосредственное отношение к нравственному воспитанию последующих поколений. Именно здесь, именно в этом деле, в силу своего жизненного опыта, в силу известного, именно в этом смысле завоеванного авторитета, я, как мне кажется, могу как отдельно взятая личность принести больше всего пользы, хотя при этом, разумеется, сознаю, что все мои собственные усилия в этом направлении не более, чем крупица общих усилий.

Я написал об этом Вам так подробно потому, что хочу, чтобы Вы меня поняли: почему, разделяя Вашу точку зрения на неотложность и сугубую важность решения наших школьных проблем, я не могу оставить то, чем я занимаюсь, и заняться ими. А заниматься и тем и другим у меня нет сил.

Ваше право — понять меня или не понять, согласиться или не согласиться, но добавить к этому объяснению мне нечего — ни письменно, ни устно.

Сказав все это, хочу напоследок коротко вернуться к Вашей работе.

То, что я согласен с Вами в том, что многое в жизни нашей школы складывается ненормально, в системе нашего образования накопились проблемы, которые необходимо неотложно решать в насущных интересах общества,— это я, как мне кажется, сказал уже достаточно определенно. Но с такой же определенностью хочу сказать Вам, что как бы у Вас ни наболело, с какими бы препятствиями Вы ни встретились, нельзя заменять доводы яростью, нельзя даже при готовности к самопожертвованию ставить себя и собственное самопожертвование выше интересов того дела, правоту которого Вы отстаиваете. Ни от жертвы собственной жизнью, ни от жертвы жизнью жены и дочери, ни от физического насилия над людьми, сопротивляющимися необходимым переменам в нашем школьном образовании, ни от чего из этого, о чем Вы пишете, дело не сдвинется. Подумайте над этим. И подумайте тем более серьезно, что одна только тщательнейшая, кропотливейшая подборка выступлений нашей печати по проблемам школы, сделанная Вами, стоившая Вам столько труда и сил, одна только она говорит о том, как страстно Вам хочется сдвинуть это дело,— но сдвинуть это дело можно только вместе с людьми. Сама эта подборка говорит, еще раз говорит о том, что эти люди есть, их много. Не надо, не скатывайтесь даже под влиянием самых тяжелых и трудных переживаний на гибельную и ожесточенную позицию — одного против всех. Еще раз хочу повторить то, что уже, в сущности, сказал: Вами же сделанная подборка газетных материалов свидетельствует о неправильности Вашей личной позиции по отношению к другим людям в том общественном деле, в главном принципиальном вопросе вместе с ними, а не против них.

Совсем забыл написать Вам,— я в этом смысле, конечно, никакой авторитет для Вас, но все же хочу сказать, что Ваша позитивная идея о детских городах мне не показалась привлекательной, как не кажутся мне привлекательными любые идеи, связанные с искусственным отъединением одних людей от других.

Все Ваши материалы возвращаю Вам. Ваши письма, адресованные мне, оставил у себя. Ваши письма, адресованные другим лицам, возвращаю Вам, ибо решать вопрос — посылать или не посылать адресатам такие письма — имеет право только один человек — тот, кто их написал.

Константин Симонов.

3.IV.77.

Впервые фрагмент из этого письма — в *ЛГ*, 1982, 4 августа.

...постановку на ее страницах вопроса об отмене раздельного обучения...— См. об этом письмо Н. А. Михайлову от 12 февраля 1953 г. и примеч. к нему.

ЖУРНАЛУ «ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»

25 апреля 1977 г., ⟨Москва⟩

Дорогому юбиляру «ВОПРОСАМ ЛИТЕРАТУРЫ»
посылает свои поздравительные ВОПЛИ его верный и неизменный
читатель Симонов Константин (он же Кирилл) Михайлович,
подписная квитанция № 25001.

Дорогие наши ВОПРОСЫ, огромное вам сердечное спасибо за то, что вы не только ВОПРОСЫ, а еще и ОТВЕТЫ. У нас достаточно много изданий, заголовки которых начинаются с этого многообещающего слова «ВОПРОСЫ», но — увы! — у нас еще явно недостаточно изданий, содержащих в себе крайне необходимое нам понятие «ОТВЕТЫ». А вы уже двадцать лет отвечаете и отвечаете! И на современные, и на исторические вопросы, и на историко-современные, и на современно-исторические, и про нашу литературу, и про хорошую, и про плохую, и про западную, и про гнилую, и про не гнилую.

В общем, если я за последние двадцать лет сделался сравнительно образованным недоучкой — этой сравнительной образованностью я обязан вам. А что все-таки недоучка — это и до вас было! И так, наверное, не только со мной, но и с другими братьями писателями, только не все признаются.

Конечно, ответить на вопросы труднее, чем делать вид, что отвечаешь на них. Поэтому вам иногда и под бока достается. Но какому же уважающему себя журналу не достается под бока? Тишь да гладь бывает только на литературных кладбищах, а вы молодые, двадцатилетние, значительно моложе, чем самые молодые из самых молодых наших писателей и критиков.

А говоря вполне серьезно, как один из людей, читающих вас от доски до доски, благодарен вам за принципиальность в ведении трудного журнального дела, за серьезность программы, за широту обзора явлений литературы, за понимание всей силы связи между современностью и историей, за справедливость и за отсутствие групповых пристрастий и козней, гаже которых ничего в литературе нет,— а вас от них, слава богу, бог миловал.

Будьте живы и здоровы всем своим мощным высотным коллективом.

Ваш
Константин Симонов.

25 апреля 1977.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

М. Л. Д-КО

3 июня 1977 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Михаил Лаврентьевич,

получил Вашу записочку и Ваши замечания по повести В. Быкова «Его батальон». Быкова я вообще люблю, это, по-моему, талантливый и сильный писатель, правдиво рассказывающий о войне, хотя это не значит, что мне нравится всякая его вещь и всякое место во всякой из его повестей. Попадаются и страницы, которые приходятся не по душе или кажутся недостаточно исторически и психологически выверенными. Бывает и так. Наверное, другие мои товарищи по профессии положа руку на сердце то же могут сказать и о тех моих книгах, что они читали.

Если говорить о Ваших замечаниях по повести Быкова, то с одним из них я в принципе согласен: для того чтобы сказать о своем вымышленном герое, о котором написано художественное произведение, что он впоследствии стал Героем Советского Союза, нет надобности давать вымышленную архивную справку,— это может запутать дело и сбить с толку читателя. Если автор пишет художественное произведение и если он указывает или упоминает в той или иной форме о том, что герои его являются вымышленными героями, то он вправе присвоить им и звания, и сделать их — в одном случае Героем Советского Союза, в другом случае — трижды кавалером ордена Славы, но не надобно при этом ссылаться на архивы. Я, например, позволил себе одному из своих героев в трилогии «Живые и мертвые» — Ильину — присвоить звание Героя Советского Союза, разумеется, при этом не ссылаясь ни на какие архивы, памятуя, что лицо это вымышленное. Видимо, в данном случае Быков, желая придать особую достоверность этому факту, прибег к приему неудачному, вызвавшему у Вас, например, желание проверить по архивным данным, действительно ли имеется Герой Советского Союза с таким именем, отчеством и фамилией, что — естественно — архивными данными не подтвердилось, ибо герой этот вымышленный. Так что тут Вы правы.

Что же касается других Ваших замечаний по повести, то, к моему огорчению, я с ними согласиться не могу. Может быть, в них есть и справедливые частности — тут не хочу с Вами спорить, но общий тон их мне кажется неправильным, ибо Ваше требование в данном случае сводится к полному соответствию желаемого с действительным и к соответствию уставных положений с реальной практикой войны. А как все это на самом деле не сходилось и как часто не сходилось, Вы знаете по своему большому военному опыту куда лучше меня. Кстати сказать, если вспоминать март 43-го года, то, хотя у нас за спиной был к этому времени Сталинград и победа над Паулюсом, но как раз в этом самом марте нам пришлось далеко

и тяжело отступать под Харьковом. Я об этом, кстати, пишу в «Последнем лете», и, как я помню, это не вызвало у Вас возражений. Еще далеко не всюду хорошо мы тогда воевали, и не так, отнюдь не так хорошо, как воевали в 44-м и в 45-м; впрочем, и тогда, как Вы не хуже меня знаете, воевали отнюдь не без огрехов — всякое бывало до самого конца войны.

Я не знал бы, как ответить Вам, если бы, порывшись в своем архиве, не нашел бы записи разговора с Вами, датированной февралем 1965-го года. В этот день Михаил Лаврентьевич Д-ко рассказал мне один эпизод из своей жизни, в котором война выглядела именно такой, какой она была и какой мы с Вами оба ее помним в ее наиболее тяжелые дни. Я был Вам очень благодарен тогда за этот рассказ, он был одним из тех рассказов фронтовиков, которые помогали мне писать свои романы. Вы, наверное, вспомните и тот день, когда Вы мне это рассказывали, заново вспомните тот эпизод, о котором Вы мне рассказывали, если перечтете эту, сделанную мною запись, которую посылаю Вам. Мне думается, что у писателя есть такое же право, как и у других участников войны, вспоминать о ней все, включая самые тяжелые ее минуты, и мне думается, что Вы, критикуя за это Быкова, вступаете в некоторое противоречие с Михаилом Лаврентьевичем Д-ко, рассказавшим мне тот эпизод, который я Вам посылаю в своей записи.

Не серчайте на меня, дорогой Михаил Лаврентьевич, но дружба требует в таких случаях полной откровенности.

Крепко жму Вашу руку, Ваш

Константин Симонов.

3.VI.77

Впервые — в *ЛГ*, 1982, 4 августа.

Быков Василь Владимирович (р. 1924) — белорусский советский писатель.

...в этом самом марте нам пришлось далеко и тяжело отступать под Харьковом.— В марте 1943 г. немецкие войска, стремясь взять реванш за Сталинград, перешли в контрнаступление, прорвали Воронежский фронт и заняли Харьков и Белгород. Однако план окружить советские войска в районе Харькова им не удалось осуществить. Отойдя на 100—150 км, наши части заняли жесткую оборону.

Н. И. ДУБОВУ

20 июня 1977 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Николай Иванович,

получил Ваше письмо. Не убежден, правы ли Вы с «Молодой гвардией», ибо издательство это ориентировано отнюдь не только на

подростков и юношество: целый ряд авторов, ну, например, из молодых Распутин, могу перечислить и много других, постоянно печатаются именно в этом издательстве, хотя написанное ими никак не ориентировано специально на подростков и юношей. В этом издательстве, если говорить об исторической теме, публикуются альманахи «Прометей», тоже рассчитанные на вполне взрослого читателя. Если говорить о моем собственном опыте, то я издал там ряд книг и сейчас издал книги военных дневников, которые никак не ориентировал специально на юношество. Разумеется, Вам самому виднее, я просто хотел поделиться своими сомнениями, связанными с собственной практикой.

Ваше «Колесо Фортуны» я прочитал еще до получения Вашего письма, и прочитал с большим интересом. Конечно, связь времен несколько условна и фантастична, но в то же время она внутренне оправдана фигурою графа Сен-Жермена как путешественника по времени.

Читал с интересом все, но не скрою, с особенно большим интересом — историческую часть: переворот, Екатерину, братьев Орловых и все, что с этим связано. Читал с тем бóльшим интересом, что давно хотелось прочесть об этом времени и об этих событиях книгу, написанную в наше время. Эпоха эта меня очень интересует, и у меня ощущение, что ее как-то очень напрасно долгое время — почти до самого последнего — обходили в нашей исторической романистике. Чтоб у Вас не создалось превратного представления, хочу добавить, что и современную часть романа читал с большим интересом, да и очень любопытно было, как одно переходит в другое — туда и обратно, это у Вас очень любопытно и как-то совершенно по-своему вышло, а больше пишу про историческую часть потому, что очень уж сам последнее время привержен к истории, читаю главным образом исторические книги. Последние лет пятнадцать почти целиком погрузился в них.

От души желаю успеха Вашему роману в критике и надеюсь на это, а в читательском успехе сомневаться не приходится — сужу по себе.

Жму Вашу руку.

Уважающий Вас, Ваш

Константин Симонов.

20.VI.77 г.

Дубов Николай Иванович (1910—1983) — русский советский писатель.

Не убежден, правы ли Вы с «Молодой гвардией»...— Н. Дубов писал Симонову 24 апреля 1977 г.: «Все мои вещи, включая и последний роман «Колесо Фортуны», публикацию которого сейчас (в пятом номере) за-

вершила «Звезда», печатались в «толстых» журналах, надо полагать потому, что они были интересны взрослым, т. к. сочинений для детей названные журналы не печатали и не печатают. Однако потом из круга взрослого чтения они выпадали. ⟨...⟩

В 1980 г. мне исполнится 70 лет. Юбилейные мероприятия меня совершенно не интересуют. Единственное, чего бы мне хотелось — сделать мои книги доступными взрослым читателям, а для этого добиться издания к семидесятилетию собрания моих сочинений издательством «Художественная литература» *(АКС)*.

Распутин Валентин Григорьевич (р. 1937) — русский советский писатель.

...сейчас издал книги военных дневников...— К. Симонов. Разные дни войны. Дневник писателя. М., «Молодая гвардия», 1977.

Ваше «Колесо Фортуны»...— Роман Н. Дубова, опубликованный в журнале «Звезда», 1977, № 3, 4, 5.

...переворот, Екатерину, братьев Орловых...— Речь идет о дворцовом перевороте 1762 г., когда заговорщиками был свергнут Петр III и на престол возведена Екатерина II. Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783) — граф, фаворит Екатерины II, генерал-фельдцейхмейстер русской армии; Орлов Алексей Григорьевич (1737—1808) — граф, генерал-аншеф русской армии; братья Орловы были в числе организаторов дворцового переворота 1762 г.

А. А. БЕГИЧЕВОЙ

20 июня 1977 г., ⟨Москва⟩

Дорогая Анна Алексеевна!

Я в высшей степени благодарен Вам — и за Ваше доброе письмо, и за присылку Вашей работы о Татлине. Я не искусствовед, не знаток искусства, и если у меня помимо писательской есть еще какая-то профессия, то это скорей, пожалуй, профессия историка. Но мне крайне досадно бывает, когда мы сами себя обкрадываем, не ценим тех больших и интересных людей, которым во всю их мощь помогла раскрыться революция. Берет зло, когда по своекорыстным мотивам, из зависти, из боязни чужого таланта и, пожалуй, реже просто из догматической тупости отказывают в признании тому, что составляет частицу славы нашего искусства и чему отказать в признании все равно в конечном счете не удастся. Единственно из стремления помочь восстановлению справедливости в отношении такой интереснейшей фигуры в нашей культуре и в нашем искусстве, как Татлин, я и взялся вместе со многими людьми, мне помогавшими, за организацию выставки Татлина в Центральном Доме литераторов, а потом и за работу над телевизионным

фильмом о нем, который был осуществлен так же, как и выставка, и прошел на экране.

Думаю, что этим всем вместе взятым сделано полезное для нашей культуры дело, и спокойно отношусь к попыткам некоторых людей, больше пекущихся, по-моему, о собственной карьере, чем о пользе искусству, поставить под сомнение то, еще немногое, что пока сделано для восстановления справедливости в оценке Татлина и его творческого пути.

Убежден, что в итоге все станет на свое место, но, реально глядя на вещи, вижу еще многих — и достаточно сильных — противников этого, которые, в частности, постараются сделать все, что от них зависит, чтобы помешать и выходу монографии о Татлине, и выходу книги о нем, скажем, в «Жизни замечательных людей», и выходу сборника воспоминаний о нем,— хотя думаю, что есть и материалы для того, и для другого, и для третьего и найдутся люди, которые захотят это сделать и преодолеть те препятствия, которые станут на этом пути.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Не знаю, успеем ли мы с Вами увидеть своими глазами те книги, о которых я говорю, но тем более я благодарен Вам за то, что Вы прислали мне свои воспоминания, как благодарен и ряду других людей, приславших иногда страничку, иногда две-три, связанных с теми или другими моментами в жизни и творчестве Татлина. Думаю, что не за горами время, когда все это пригодится для работы тому, кто за эту работу возьмется.

Центральный государственный архив литературы и искусства,— который заботливо сохранил фонды Татлина, сейчас, после выставки, в какой-то мере уже пополнил их,— наверное, самое подходящее место для того, чтобы сосредоточить там те материалы, которые поступают в связи с выставкой Татлина, с появлением его имени в печати. Я уже отправил туда все отзывы, написанные во время выставки, стенограммы вечера, посвященного Татлину, в Центральном Доме литераторов, и сейчас посылаю туда или подлинники, или копии писем, воспоминаний, связанных с Татлиным, которые попадают в мои руки. Если Вы не возражаете, то сниму копию и с Вашей рукописи и направлю ее туда или пошлю подписанную Вами рукопись, а для себя сниму с нее копию, потому что мне не хотелось бы расставаться с ней.

Более практических и кардинальных предложений у меня сегодня, к сожалению, еще нет, но если они возникнут, я напишу Вам.

Еще раз большое спасибо.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

20.VI.77 г.

Бегичева Анна Алексеевна (1899—1984) — русская советская журналистка.

...за организацию выставки Татлина... — См. письмо в правление ЦДЛ от 31 марта 1976 г. и примечания к этому письму.

...за работу над телевизионным фильмом... — Речь идет о документальном фильме «Какая интересная личность!» (автор сценария К. Симонов, режиссер Д. Чуковский), снятом в 1977 г.

С. И. ЮТКЕВИЧУ

13 июля 1977 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Сергей Иосифович!

Прежде всего, большое Вам спасибо за книгу «С Маяковским». За последние две недели, сидя на даче и прибаливая, я ее потихоньку прочел, и прочел с немалым интересом — и не только с чувством большого уважения к Вам, но и с ощущением некоторой даже огорошенности от того, как много Вами в жизни сделано.

Собственно говоря, чтение книги и задержало немножко мой ответ на Ваше письмо.

С заявкой М. Долинского давайте поступим так: я ведь не председатель юбилейного комитета, такого официального комитета еще не создано,— я всего-навсего председатель подготовительной комиссии по проведению блоковского юбилея, комиссии, созданной Союзом писателей и включающей в себя пока что только писателей. Тем самым пока что ограничивается и круг ее прав, и круг ее обязанностей. Поэтому я думаю, что писать какое-то официальное письмо в качестве председателя этой комиссии в другое, так сказать, ведомство мне не совсем удобно, лучше я к этому письму, что я пишу сейчас Вам, присовокуплю другое, Вам же и адресованное, которое, быть может, способно сыграть какую-то положительную роль в издательстве «Советский художник».

А теперь не могу обойти того трудного для меня вопроса, которого Вы коснулись в своем письме: это неверно, что у меня не нашлось времени для того, чтоб посмотреть Ваш фильм, Вашего «Маяковского». Я, разумеется, нашел для этого время, да и странно было бы не найти его для такого дела, и посмотрел фильм в просмотровом зале «Литературной газеты» вместе с теми товарищами из газеты, которые вели со мной предварительный разговор о выступлении на страницах газеты со статьей о Вашем фильме. Я дал на это принципиальное согласие, при том, однако, условии, что сначала посмотрю фильм. Если он мне придется по душе и я, не кривя душой, смогу поддержать его на страницах газеты, то я буду писать, или же у меня сложится к фильму иное отно-

шение, то писать о нем не буду. Договорившись об этом, я посмотрел фильм, и, к моему очень большому огорчению, он показался мне полуудачей в первой своей половине и неудачей — во второй.

Хорошо помня и высоко ценя все то, что Вы сделали для возрождения драматургии Маяковского на сцене театра, я не хотел, не мог, наконец, не вправе был кривить душой и ставить в один ряд с тем истинно прекрасным, что Вы сделали, эту работу в кино, где, как мне показалось, Ваш первоначальный и очень интересный замысел все-таки не нашел в итоге подлинного воплощения. Как бы высоко я ни оценивал в целом всю Вашу огромную работу над Маяковским, наряду с этим говорить в статье о том чувстве неудовлетворенности, которое у меня вызвал именно этот фильм, значило бы оказать Вам медвежью услугу. Так, по крайней мере, я считал, поэтому и отказался писать статью.

Очевидно, я не прав перед Вами в том, что не написал Вам о своем отношении к фильму сразу после того, как посмотрел его. Поверьте, что единственной причиной этого было нежелание Вас огорчить присовокуплением еще и себя к тем людям, которые не приняли этого Вашего фильма. Но теперь ничего не поделаешь. Художественно не принять или не почувствовать я могу, могу, как видите, хотя и с тяжелым сердцем, и написать Вам об этом. Могу, конечно, и ошибаться в этом своем восприятии и ощущении. Но не найти времени, чтоб посмотреть Ваш фильм, значило бы оказаться свиньей по отношению к Вам, и такого греха я брать на душу не хочу, поэтому и пишу все начистоту.

Письмо насчет блоковского альбома прилагаю к этому отдельно.

Желаю Вам здоровья.

Крепко жму Вашу руку,

Ваш

Константин Симонов.

13.VII.1977 г.

Юткевич Сергей Иосифович (1904—1985) — советский режиссер, теоретик кино и художник.

...большое Вам спасибо за книгу...— Д м. М о л д а в с к и й. С Маяковским в театре и кино. Книга о Сергее Юткевиче. М., изд-во ВТО, 1975.

С заявкой М. Долинского...— Долинский Михаил Зиновьевич (р. 1938) — советский искусствовед. Речь идет о заявке на кн.: М. Д о л и н с к и й. Искусство и Александр Блок. Книжная и журнальная графика; театр; портреты. М., «Советский художник», 1985.

...посмотреть Ваш фильм, Вашего «Маяковского».— Фильм «Маяковский смеется», снят С. Юткевичем в 1976 г. (фильм представлял собой экранизацию пьесы «Клоп» и сценария «Позабудь про камин»).

...все то, что Вы сделали для возрождения драматургии Маяковского на сцене театра...— С. Юткевич в Московском театре сатиры в 1953 г. поставил «Баню» (вместе с В. Плучеком и Н. Петровым), в 1955 г.— «Клопа» (вместе с В. Плучеком).

В. Г-РУ

13 июля 1977 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый товарищ Г-р!

Я прочел Вашу рукопись, обе ее части, и должен сказать Вам вполне откровенно, что рукопись эта в обеих своих частях вызвала у меня чувство некоторого удивления, особенно это относится ко второй ее части.

Вы — человек, несомненно, начитанный, образованный и, в общем-то, в первоначальном смысле этого слова, даже и владеющий пером. Как у Вас при всем этом возникла идея считать готовой и требующей издания книгой Ваши самые первоначальные наброски на самые различные темы — от воспоминаний о войне до впечатлений от японского варьете и от размышлений о скульпторе Антокольском до легенд и стихотворных опытов, добавлю, весьма несовершенных, как, впрочем, и все остальное? Почему Вы, образованный, интеллигентный человек, имеющий представление о том, что такое литература, сочли, что эти, написанные Вами на разные темы заметки в прозе и стихах,— подчеркиваю, черновые заметки, очень небрежные, как правило,— являются книгой и вправе в таком виде претендовать на издание? Откуда такое самомнение, откуда такое ощущение, что все, вышедшее из-под Вашего пера, связанное с самыми различными темами, будет интересно широкому кругу людей и заслуживает в таком виде публикации?

Если б Вы были человеком не интеллигентным, не образованным, имеющим слабое представление о том, что такое литература, и по простоте души сочли бы свои неумелые записи повестью или романом, я бы написал Вам в ответ куда мягче, потому что иногда люди делают такие вещи по незнанию, по недоразумению, по своей малой грамотности. В таких случаях нужно терпеливо объяснять им их заблуждение. Но в данном случае, закрывая Вашу рукопись после того, как я дочел ее до конца, я подумал, что это не недоразумение, а просто результат опасно преувеличенного представления о своих способностях, результат очень большого, редкого, я бы сказал, самомнения. Я обязан Вам это сказать, потому что это самомнение Вас и губит, во всяком случае в той рукописи, с которой я имею дело, ибо первоначальные литературные спо-

собности в Вас чувствуются — по большей части на тех страницах Вашей книги, где Вы упоминаете о реально виденном на войне и не пытаетесь сочинять беллетристику. Но прорасти такие зернышки могут, только когда человек скромно и трезво относится к своим способностям, когда он понимает, что он в самом начале пути, что он делает первые пробы пера, а не тогда, когда с маху считает, что все — без разбору — им написанное уже составляет книгу, которую — вынь да положь — бери и печатай.

Я пишу Вам малоприятные вещи, но ничего другого написать не могу, хочу именно этой резкостью воззвать к тому чувству элементарной трезвости в оценке сделанного Вами, которого Вам не хватает. Недостаток такой трезвости будет только отравлять Вашу жизнь совершенно нереальными, несбыточными ожиданиями.

Рукопись возвращаю Вам обратно.

Уважающий Вас
К. Симонов.

13.VII.1977 г.

Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902) — русский скульптор.

К. Ш. КУЛИЕВУ

1 ноября 1977 г., Москва

Дорогой Кайсын!

Хотя мы увиделись в Москве, но как-то вот так, на ходу, не скажешь всего, что думаешь.

А я думаю о Вас с глубочайшим уважением к Вашему мужеству и стойкости во все времена, с любовью к Вашему большому и сильному дарованию и просто с человеческой самой простой любовью к Вам как к одному из прекраснейших людей нашего, увы, все-таки стареющего и редеющего поколения.

В день торжеств, связанных с Вашим шестидесятилетием, там, на суровой и прекрасной земле Вашей Родины, примите мое братское рукопожатие!

Ваш
Константин Симонов.

Москва
1.XI.77

...связанных с Вашим шестидесятилетием... — 1 ноября 1977 г. К. Кулиеву исполнилось шестьдесят лет.

В. П. ДОРОШУКУ

5 декабря 1977 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Владимир Павлович!

Извините, что отвечаю Вам с большим запозданием, виной тому — сначала длительная командировка, потом болезнь.

Вы затрагиваете в Вашем письме тему потерь. В данном случае речь идет о потерях 107-й, впоследствии 5-й гвардейской дивизии.

Тема потерь — горькая тема, я, наверное, так же, как и Вы, был бы счастлив, если бы, вспоминая о войне, мог бы оперировать не цифрой в двадцать миллионов погибших, а цифрой во много раз меньшей. Но, увы, так оно было, и с этим ничего не поделаешь.

С такой проблемой, как потери людские, надо обращаться осторожно. Так я и сделал, приводя те данные, которые имеются в Подольском архиве, о потерях 107-й, впоследствии 5-й гвардейской дивизии. Я взял только необходимые данные, связанные с ключевыми моментами событий на фронте, и опустил ряд других данных, приводить которые в данном случае не было абсолютной необходимости.

Если бы привести все данные за период сорок первого — сорок третьего годов, даже на начало сорок четвертого, то картина, к сожалению, выглядела бы еще более горькой.

Если Вы пожелаете в этом убедиться лично, Вы можете обратиться так же, как это сделал я, в Подольский архив, поднять документы 107-й, впоследствии 5-й гвардейской дивизии и познакомиться со всем тем, что предстанет перед Вашими глазами.

Если говорить в целом, думаю, что путь дивизии представлен мною в его истинном виде как путь героический, и в итоге — победоносный, и у ветеранов дивизии нет оснований обижаться на меня.

Данные, приведенные мною, я брал не с потолка, а из документов, и отвечаю за них.

Встречался я и с участниками боев, в частности с участниками боев под Ельней, в их числе и с полковником, впоследствии генералом, Некрасовым. Имею записи этих бесед, дающих представление о жестокости этих боев.

И наконец, это уже не относится к истории 107-й, впоследствии 5-й гвардейской дивизии, а вообще к истории войны. К сожалению, многие наши мемуаристы, описывая события сорок первого года, особенно тяжелые и горькие для нас, если говорить о соотношении наших и немецких потерь в тот период войны, вспоминая то время, сильно преуменьшают наши потери и в еще большей степени преувеличивают немецкие потери. Если бы собрать некоторое количество, а их довольно много, мемуарных книг, авторы которых особенно далеко в этом смысле уклоняются от истины, и подсчитать те потери, которые мы нанесли, по словам авторов этих книг, нем-

цам как в людской силе, так и в технике,— то в итоге получатся цифры, которые, будь они правдивыми, должны были б привести нас к выводу, что к весне 1942-го года немцам уже нечем было воевать с нами — ни по линии людского состава, ни по линии техники. Однако, к сожалению, дело обстояло на практике иначе, и всякому человеку, который сколько-нибудь серьезно относится к истории войны, приходится считаться с этим фактом так же, как со многими другими горькими фактами, без которых правдивой истории войны не напишешь.

Желаю Вам всего доброго.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

5.XII.1977 г.

Впервые в кн.: «Слова, пришедшие из боя». Вып. 2. М., «Книга», 1985.

...речь идет о потерях 107-й, впоследствии 5-й гвардейской дивизии.— Эти данные К. Симонов приводит в комментариях к своему военному дневнику (т. 8, с. 190—191 наст. собр. соч.). Звание 5-й гвардейской было присвоено 107-й дивизии 21 сентября 1941 г.

...боев под Ельней...— С 28 августа по 6 сентября 1941 г. в районе Ельни Резервный фронт под командованием генерала армии Г. К. Жукова провел контрнаступление. Как писал об итогах этой операции Г. К. Жуков, советские войска «добились некоторых территориальных успехов и нанесли врагу ощутимые потери. Противник был вынужден отвести две сильно потрепанные танковые дивизии, моторизованную дивизию и моторизованную бригаду, заменив их пехотными соединениями» (Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. 1. М., Издательство АПН, 1974, с. 362).

Некрасов Иван Михайлович (1892—1964) — советский военачальник, генерал-майор, Герой Советского Союза. Полковник Некрасов отличился во время Ельнинской операции, командуя 586-м полком 107-й дивизии, и за проявленные тогда доблесть и мужество был удостоен звания Героя Советского Союза.

В. Я. ВИЛЕНКИНУ

5 декабря 1977 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Виталий Яковлевич!

Не люблю неточностей, а в письме, которое я Вам написал в связи с Вашей работой об Анне Андреевне Ахматовой, есть одна, досадная для меня, неточность, которую хочу исправить.

Я писал Вам о том, как я был у Ахматовой в тридцать девятом году в качестве члена редколлегии так называемого «Московского

альманаха» и взял у нее несколько стихов для публикации в этом альманахе.

Все это полностью соответствует действительности. Но не соответствует действительности другое: я находился в убеждении, что стихи эти были опубликованы в альманахе, а, как я теперь выяснил, опубликованы они не были, были только доведены до верстки, а потом исключены.

Меня подвела память, может быть, подвела еще и потому, что все события, связанные с альманахом, были в то время заслонены другими событиями — Халхин-Голом, куда я уехал в то время, как альманах проходил производственные стадии.

Словом, написав Вам то, что я написал, я в этом пункте ошибся. Спрашивается, что же произошло на самом деле?

Из пяти членов редакции этого «Московского альманаха» в живых остались к нынешнему дню только я и Николай Сергеевич Атаров. Позвонив ему, я выяснил следующее: оказывается, когда альманах был уже в верстке, его взял читать Александр Александрович Фадеев. Надобно сказать для начала, что он был как раз инициатором создания этого альманаха, это была его идея, состав редколлегии тоже был предложен им, он хотел, чтобы молодые и относительно молодые писатели попробовали свои силы в редактуре этого альманаха, который, как мне кажется, по его мнению, мог бы впоследствии развернуться и в журнал. Относился он ко всем нам, членам редколлегии — и к Атарову, и ко мне, и к Письменному, и к Соловьеву — как нельзя лучше, но тем не менее, когда дело дошло до верстки, взялся ее читать. Уже в верстке порекомендовал кое-что снять: одну повесть, несколько рассказов и, увы, стихи Ахматовой. Как подчеркнул в разговоре со мной Николай Сергеевич Атаров, который был тогда в Москве, имел дело с Фадеевым и с Г. А. Ярцевым, тогдашним директором «Советского писателя», который тоже был членом редколлегии альманаха,— речь шла не об отрицательном вообще отношении Фадеева к стихам Ахматовой, а именно о данном конкретном случае — печатать или не печатать ее стихи в первом номере именно этого «Московского альманаха» с его молодой редколлегией.

Он считал, что некоторые вещи, в том числе эти стихи Ахматовой, печатать в этом первом номере этого альманаха не следует. И соответственно и было поступлено.

Вот то уточнение, которое я считал своим долгом внести задним числом в мое письмо к Вам.

Желаю Вам всего самого доброго.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

5.XII.1977 г.

P. S. Я говорил со своими друзьями в журнале «Вопросы литературы», и, насколько я понимаю, Вам, очевидно, придется примириться с тем антрактом в несколько месяцев, который должен образоваться между той, уже раньше находившейся в портфеле журнала публикацией об Ахматовой, которую напечатают в январском номере, и между публикацией того куска из Вашей работы, о котором шла речь.

Очень сожалею, что это так, но, видимо, ничего не попишешь, речь идет именно о такой последовательности и о таких сроках.

Ваш
К. С.

...в письме, которое я Вам написал...— См. письмо В. Виленкину от 9 ноября 1976 г.

..этого «Московского альманаха»...— «Московский альманах». М., «Советский писатель», 1939.

Соловьев Леонид Васильевич (1906—1962) — русский советский писатель.

Уже в верстке порекомендовал кое-что снять...— А. Фадеев писал в 1939 г. в редакцию «Московского альманаха»: «Хорошо, что мы *не называем* альманах «Альманахом молодых» (или «молодежи»), т. е. не делаем ошибки других сборников, благодаря которым к ним, этим сборникам, всегда устанавливалось отношение снисходительное, предубежденное, «приседающее». Но все же альманах *по существу* должен быть альманахом молодежи, настоящей талантливой писательской молодежи — в этом его смысл, цель, оправдание.

Поэтому я предлагаю изъять из альманаха вещи «стариков» (Асеева, Зощенко, Ахматовой). Раньше я придерживался другого мнения, недооценив одного очень существенного обстоятельства: в советской общественности создается впечатление,— учитывая особенно *характер* вещей Асеева, Зощенко, Ахматовой,— что этот альманах создан в *обход* существующей системы журналов, для того чтобы «дать выход» вещам, не могущим быть напечатанным в другом месте. Или, иначе говоря, первая же книга альманаха получит плохой политический резонанс, никто не поймет, для чего она выпущена. А между тем по замыслу она должна показать лицом наши талантливые молодые кадры, в ряде вещей ничуть не уступающие старикам» (А. Фадеев. Письма. 1916—1956, с. 155—156).

...между той, уже раньше находившейся в портфеле журнала публикацией об Ахматовой...— Речь идет о публикации «Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой (По материалам архива П. Лукницкого)» (*ВЛ*, 1978, № 1).

...публикацией того куска из Вашей работы...— «Воспоминания с комментариями» В. Виленкина (с указанием «Главы из книги») были напечатаны в *ВЛ*, 1979, № 3.

Л. А. ФИНКУ

6 декабря 1977 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Лев Адольфович!

Я почти сразу же, как вернулся в Москву, прочел Вашу рукопись, сделав соответствующие постраничные выписки для своего будущего письма к Вам, но написать это письмо сразу не мог, ибо я дал себе слово — прежде чем не сдам повесть — не заниматься ничем другим. Сейчас я ее сдал. В связи с этим хочу поблагодарить Вас за доброе Ваше письмо относительно повести и за те справедливые, как мне кажется, критические замечания, которые я с охотой принял во внимание, продолжая свою работу над повестью.

А теперь о Вашей рукописи.

Прежде всего, мне хочется выразить Вам признательность за то внимание к моей литературной работе, свидетельством которого является само рождение этой рукописи и сам факт ее существования.

Однако сказать только это было бы недостаточно. Читая Вашу рукопись, я без труда мог убедиться в том, какое количество материала Вы перевернули, во сколько книг и статей — причем в том числе и очень давних — заглянули, сколько из них проанализировали в ходе этой работы.

Есть вещи, о которых я сам уже забыл или — в некоторых случаях — даже и не знал, а тем не менее они оказались в поле Вашего зрения. Словом, мне хочется принести Вам благодарность за то фундаментальное внимание, которое Вы проявили ко мне и моей работе.

Думаю, что — как человек, может быть все-таки лучше всех других знающий — что и когда я в своей жизни сделал и что и когда с этим было связано,— об этой фактической стороне в Вашей работе я имею известное право и известное основание судить. Об остальном судить не берусь и не могу, будучи в данном случае объектом внимания и критического разбора. Как и что оценено Вами из числа написанного мною — судить, разумеется, не мне.

На мою долю, таким образом, остаются фактические замечания,— это прежде всего, это главное, и, может быть, несколько соображений общего характера, связанных не столько, собственно говоря, с работой писателя, о которой в данном случае идет речь, сколько с некоторыми чертами жизни общества в разные его времена.

Начну с одного из таких замечаний, относящегося к нескольким первым десяткам страниц Вашей работы.

Со времени, о котором идет там речь, с начала тридцатых годов, поэтический уровень чрезвычайно вырос, и в моем ощущении,

причем не только сейчас, но уже очень давно, первые два варианта моей поэмы «Беломорстрой», и самый первый, который назывался «Беломорканал» и из которого были напечатаны отрывки в сборнике «Смотр сил», и второй вариант, «Горизонт»,— все это чрезвычайно беспомощно и не заслуживает сколько-нибудь серьезного разговора.

Как Вы знаете, я никогда не перепечатывал и поэму «Павел Черный». Да, она в известной мере была для меня школой, если хотите, литературного упорства, школой борьбы с сопротивлением материала. И как впоследствии выяснилось, очень нескоро,— первой школой работы над прозой, ибо «Павел Черный» — в сущности, есть прозаический роман, написанный в стихах, в большинстве случаев так и не ставших стихами.

Суть моего замечания сводится к тому, что — коли уж с кем-то сравнивать мои сочинения того времени, то среди моих сверстников, или почти сверстников, были такие поэты, скажем, как Смеляков, рядом с напечатанными в то время стихами которых — читать мои стихи начала и середины тридцатых годов просто-напросто невозможно, настолько они плохи.

В связи с этим, мне кажется, незачем сравнивать плохие строчки Павла Железнова с моими, на мой взгляд, еще худшими. В данном случае Вы сравнили в мою пользу, и зря — это несправедливо. Справедливей было бы сравнить мои тогдашние стихи со стихами моих современников и сверстников, причем, безусловно, в их пользу, а не в мою.

Вообще мне думается, что Вы на этих страницах отдали некоторую дань увлечению материалом, слабо исследованным до Вас, и, отдавая должное тому вниманию, которое Вы проявили к этим моим первым шагам, однако, хочу сказать, что на фоне времени, поэзии того времени — мои первые шаги в ней не стоят того внимания, которое Вы им оказали.

Перейду к фактическим замечаниям, с тем чтобы от времени до времени, быть может, возвращаться и к общим. ⟨...⟩

На 94-й странице мне показалась излишне щедрой оценка стихотворения «Кукла», так же, как и где-то впереди, не помню уж на какой странице — оценка образа Серпилина. Я хочу, чтобы Вы меня правильно поняли: и то и другое в разное время, в разных масштабах считаю своими удачами как писателя. Но и в том и в другом случае я противник превосходных степеней в оценках.

Страница 102. В первом абзаце формулировка может породить неточные представления. «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» были написаны где-то в ноябре сорок первого года, «Убей его!» — в июле сорок второго. У Вас оба эти стихотворения упоминаются в контексте первых, самых тяжелых месяцев войны. Да, в одни из самых тяжелых, но не в первые.

Страницы 124, 125. Вопрос деликатный, но все-таки хочу о нем сказать. Людей «большой храбрости» я на войне видел, имел внутреннюю возможность сравнивать их с собой. Так вот, на основе этого сравнения могу утверждать, что сам я человеком «большой личной храбрости» никогда не был. Думаю, что человеком долга, в общем, был, как правило, но не сверх того. Солдатом себя не чувствовал, иногда, по ходу обстоятельств оказывался в шкуре солдата в том смысле, что оказывался в одинаковом положении, временно, а не постоянно,— что очень важно. Чувствовать себя солдатом может человек, который длительно и постоянно находится в положении солдата. Я в этом положении длительно и постоянно не был.

Не уверен, что я первый из всех литераторов был награжден во время Великой Отечественной войны боевым орденом. Меня наградили в мае сорок второго года орденом Боевого Красного Знамени. До этого награждали орденами и других литераторов. В частности, у нас же в «Красной звезде» — Полякова, на Южном фронте, помнится, Джека Алтаузена; во всяком случае, мне кажется, что не стоит здесь утверждать — первым или не первым, да и не в этом суть. Что я получил в мае сорок второго года орден Боевого Красного Знамени, было для меня огромной радостью, это верно. Остальное, по-моему, не столь существенно.

Страница 128. Что я не создал и не мог создать характера такого, как Василий Теркин, совершенно очевидно, я об этом сам писал Твардовскому еще в сорок четвертом году, «по-хорошему», как теперь любят говорить, завидуя ему. Насчет же шедевров в публицистической лирике, то лично для меня непревзойденным шедевром такой именно лирики являются стихи «Я убит подо Ржевом», принадлежащие Твардовскому. Хочу подчеркнуть это, ибо противопоставление, к которому Вы пришли на 128-й странице, мне кажется несправедливым.

Страница 165. Я не был *вынужден* отказаться от биографической главы о Сабурове. Я ее исключил, работая над романом «Дни и ночи», но сделал это сам, никто меня к этому *не вынуждал*. Возможно, я спасовал тогда перед художественными трудностями, ибо глава — в том виде, в каком я написал, художественно не вышла, ее надо было — это несомненно для меня — переписывать. Возможно, в какой-то мере я спасовал и перед мыслью о том, как не просто будет напечатать некоторые из страниц этой главы, если я даже доведу ее по своему качеству до лучших страниц повести. Возможно, заставили меня спасовать и то и другое вместе, но слово «вынужден» во всяком случае неточно. Наверно, здесь правильнее слово «решил».

В связи с упоминанием о статье Субоцкого на странице 277-й,— несколько слов о моем отношении к «Дыму отечества».

Прежде всего, не думаю, что правильно рассматривать статью Субоцкого как «своеобразное выражение авторской самокритики». Когда я самокритиковался, то я самокритиковался сам, не прибегая к чужой помощи. В данном случае с «Дымом отечества» для меня было несомненно,— да я просто-напросто знал,— что резкое недовольство повестью было выражено непосредственно Сталиным. К чему сводились его конкретные замечания — я не знал и так и не узнал. Говорил на эту тему со Ждановым, но и из его слов не уразумел, о каких конкретных замечаниях идет речь. Ясно было одно: у Сталина резко отрицательное отношение к этой повести.

Между тем я, когда писал ее, считал, что я выполняю свой прямой партийный долг. Что по сути дела эта, в значительной мере публицистическая повесть есть прямой и необходимый, с точки зрения наших общественных интересов, итог моей длительной послевоенной зарубежной поездки, продолжавшейся почти год и, добавлю, отнюдь не легкой для меня.

Сталин был для меня тем, кем он был и для меня, и для многих других в 1947 году, через два года после победы в Великой Отечественной войне, то есть я хочу сказать, что его авторитет был для меня наиболее высоким, пожалуй, именно в то время. И неприятие им повести было для меня тяжелым нравственным ударом. Я пытался понять, в чем дело, в чем я неправ. Думал над дальнейшей работою над повестью, колебался, даже пробовал сформулировать для себя, в чем я неправ в этой повести, что надобно мне сделать. Но в итоге к решению переделывать или дописывать повесть — так и не пришел. Стало быть, где-то в глубине так и не ощутил неприятие моей повести справедливым или, во всяком случае, до конца справедливым. Поэтому забрал ее из издательств и не стал ничего с ней делать, положил ее, вернее, отложил в сторону, стал заниматься другими работами.

В 1955-м году, когда я выпустил повесть книгою, я много работал над ней, редактором был Николай Сергеевич Атаров, который дал мне много очень верных и точных советов, да я и сам чувствовал, насколько поспешно, во многих местах водянисто, несобранно написана повесть. Поэтому она и сжалась листа на три, что при сравнительно небольшом ее объеме было весьма существенно. Может быть, как это всегда бывает при работе над вещью, какая-то фраза в первом варианте может показаться кому-то удачнее, чем в последующем, но в целом я абсолютно убежден в том, что повесть от сокращения и от работы над ней в книжном варианте сильно выиграла по сравнению с вариантом журнальным.

С точки зрения идейного наполнения повести, взглядов, в ней выраженных, я ровным счетом ничего не изменил в ней. В 54-м или 55-м году, когда я впервые после семи лет перечел ее, она мне показалась совершенно правильной по выраженным в ней взглядам

и очень сырой по исполнению. В результате — та работа, которую я сделал.

Если говорить о частностях, иллюстрирующих это общее положение, то — когда Вы пишете на 285-й странице о том, что я исключил, скажем, такую фразу, как «я встретил там за полтора года нескольких замечательных людей, которых не мог бы родить плохой народ» — эта фраза вылетела вовсе не потому, что ее нельзя было оставить в повести, а потому, что она декларативна, и то, что в ней сказано, на мой взгляд, значительно лучше уже было сказано в стихотворении «Три точки», вошедшем в книгу «Друзья и враги»,— и лучше, и конкретней.

На странице 287-й я бы, на Вашем месте, не разделывал так — в одной фразе, походя — Всеволода Вишневского.

На этой же странице или на следующей — думаю, что Вы совершенно правы в своей жесткой оценке пьесы «Чужая тень». Если в чем-то и неправы, то только в одном: мне не понадобилось *много* лет для того, чтобы прийти к негативной оценке этого своего сочинения. Я и писал его трудно, и, закончив, не испытал подлинного удовлетворения, и от премии не испытал большой радости. Но это, в общем-то, не главное. Главное — факт существования этой пьесы, ее написание, которое Вы оцениваете верно.

Если же говорить о моем собственном отношении к моим собственным вещам, то думаю, что Ваша заключительная фраза на странице 294-й не верна. На самом деле история с «Дымом отечества» была и продолжала оставаться для меня большим горем, а история с «Чужой тенью» не принесла мне ни радости, ни удовлетворения.

На странице 327 Вы придаете излишнее значение статье без подписи, опубликованной в «Комсомолке». За этой, довольно злобной статьей о моих стихах, некоторые из коих, впрочем, были и по справедливости уязвимы для критики, не стояло ровным счетом ничего, кроме стремления свести со мной счеты, начатые во время той дискуссии о псевдонимах, о которой Вы знаете и в которой последнее, хотя и краткое слово, все-таки как-никак, а осталось за мною. Вот за это со мной и рассчитывались в этой статье без подписи о моих стихах. Рассчитывалась, разумеется, не газета «Комсомольская правда», а некоторые личности, избравшие для сведéния счетов на этот раз форму редакционной статьи. Я прекрасно знал, в чем дело, что за этим стоит, был зол, но особого значения всему этому не придавал. Драка есть драка.

332-я страница. Может быть, для Вас будет существенным знать, что пьеса «Доброе имя» была написана в 1951—1952 году и в основе ее лежала конкретная история, связанная с работой «Литературной газеты», и в данном случае, к сожалению, с ошибкой газеты, редактором которой я тогда был.

В том, что пьеса эта написана была в 1951—1952-м, а не в 50-м году, есть некоторый существенный оттенок, особенно если учесть написанное Вами на странице 333-й. В связи с этим я пометил и страницу 340-ю. Если Вам понадобится, я смогу уточнить и дату написания пьесы, и дату ее передачи в театр и в редакции, которые не торопились с ее публикацией.

Страница 342-я. Здесь Вы несправедливы к Сергею Сергеевичу Смирнову. Разумеется, он первый открыл эпопею защиты Брестской крепости. То, что я раньше опубликовал сценарий «Бессмертный гарнизон», чем он свою книгу, ровно ничего не значит. Смирнов уже занимался этой темой, когда я поехал в Брест заниматься своим сценарием и собирать материалы. Кстати, поехали мы вместе и с несколькими участниками боев 41-го года разговаривали вместе, но приоритет Смирнова в разработке этой темы абсолютно непоколебим и объективно, и в моем собственном сознании в то время.

347-я страница. Говоря о романе «Живые и мертвые», Вы употребляете формулировку «после многих и многих переработок». Это не совсем точно. Роман «Живые и мертвые», и я об этом писал, сложился не сразу, но под словом «переработка» мы обычно понимаем нечто напечатанное, а потом переработанное. В этом смысле я ни «Живые и мертвые», ни последовавшие за ним романы никогда не перерабатывал, за исключением стилистических частностей, они оставались точно такими, какими были впервые напечатаны. Я знаю, что Вы это знаете, но просто хотел уточнить Вашу — неудачную в данном случае — формулировку.

Страница 364. Обратите внимание на историю с Петровским и Юшкевичем. Посмотрите ее по последнему изданию «Разных дней войны». Петровского я не встретил, упоминание об этом было ошибкой, основанной на недоразумении. Встретил я, как я об этом пишу, очевидно, Юшкевича. Все это я объясняю в комментарии к дневнику.

Страница 404. В сорок первом году мне было не двадцать, а двадцать пять лет, а в конце этого года исполнилось двадцать шесть.

Страница 446. В романе «Последнее лето» есть место, где Львов и Серпилин все-таки сталкиваются, хотя, может быть, и не резко. Это происходит во время приезда Львова и Батюка к Серпилину, перед началом наступления.

Страница 447. Да, Львов и Серпилин, разумеется, товарищи по оружию, так сложилась их судьба. Но у меня почему-то не лежит душа назвать их политическими единомышленниками.

На этой же странице я бы не утверждал на Вашем месте, что Симонов не пытается прятать, что под этим псевдонимом в романе живет Мехлис. Ваше право, проанализировав мои дневники и сли-

чив их с романом, приходить к тому или другому выводу относительно прототипа выведенного мною в романе героя, но и не следует, по-моему, приписывать мне решимость прятать или не прятать то или другое под псевдонимом.

Страница 480. Мне кажется некоторой натяжкой объяснение появления образа Тани от обратного, как необходимость доказательства иных норм, чем нормы Нади.

Дело в том, что Надя могла появиться и могла не появиться в романе «Солдатами не рождаются» и в «Последнем лете». А без Тани эти романы не могли бы существовать. И тут, мне кажется,— существенная разница.

486-я страница. Вы, очевидно, смотрели повесть «Двадцать дней без войны» по ее журнальному варианту. В книжном варианте рассказ летчика вынут, потому что я счел правильнее дать его в первозданном виде в дневнике, хотя бы потому, что там причина для рассказа заложена более реальная. Человек просит написать письмо к его жене другого человека, написавшего в свое время «Жди меня»,— и в этом соль, которая в повести была утрачена, поэтому я вернул этот рассказ в дневник, вынув из повести.

Страница 487. Стихи о друзьях, залегших в Ташкенте и под Москвой, написаны не во время войны, а много позже, как воспоминание о ней.

Страница 493. Мне кажется, что неточно сказано о бывшем муже Ники. Речь идет не о ее бывшем муже, а о человеке, с которым она была близка до знакомства с Лопатиным.

Страница 498. Просил бы Вас обратить внимание — и это уже не частное, а общее замечание, которое относится и к другим местам рукописи,— на некоторые превосходные степени, в данном случае в конце первого абзаца и в начале второго.

Страница 499. Я б не упоминал кинофильма «Обыкновенная Арктика», поскольку моя роль в этой работе весьма скромная: я работал над сценарием по рассказам Бориса Горбатова, так что исходный литературный материал не мой, и режиссура не моя, и это не заслуживает упоминания, на мой взгляд во всяком случае.

Страница 508. Обратите внимание на начало последнего абзаца. Мне кажется, что здесь имеет место такое же преувеличение, с которым я сталкивался, читая Вашу рукопись, и в некоторых других местах.

Вот, многоуважаемый Лев Адольфович, пожалуй, и все те, в основном конкретные замечания, которые у меня возникли при чтении Вашей рукописи.

В ее общую оценку, как мы и договорились с Вами с самого начала, позвольте мне не вдаваться. Мой голос тут не имеет и не должен иметь никакого значения.

Еще раз благодарю Вас за то большое, многолетнее внимание, которое Вы проявили к моей работе, и крепко жму Вашу руку.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

6.XII.1977 г.

Как Вы имели в виду в Вашем письме, копию этого послания Вам я доведу до сведения издательства.

К. С.

Впервые — в *ЛО*, 1979, № 11.

Финк Лев Адольфович (р. 1916) — русский советский критик и литературовед.

...прочел Вашу рукопись...— Л. Ф и н к. Константин Симонов. Творческий путь. М., «Советский писатель», 1979 (второе, переработанное издание — 1983).

...прежде чем не сдам повесть...— «Мы не увидимся с тобой».

...в сборнике «Смотр сил»...— «Смотр сил». Сборник 2. М., ГИХЛ, 1934.

...поэму «Павел Черный».— К. С и м о н о в. Павел Черный. М., «Советский писатель», 1938.

...такие поэты, скажем, как Смеляков...— Я. С м е л я к о в. Работа и любовь. М., ГИХЛ, 1932.

...строчки Павла Железнова...— Железнов Павел Ильич (1907—1987). Речь идет о кн.: П. Железнов. От «пера» к перу. М., «Федерация», 1932.

...До этого награждали и других литераторов. В частности, у нас же в «Красной звезде» — Полякова, на Южном фронте, помнится, Джека Алтаузена...— Поляков Александр Филатович (1908—1942) — русский советский журналист, Алтаузен Джек (Яков) Моисеевич (1907—1942) — русский советский поэт. Осенью 1941 г. А. Поляков и Д. Алтаузен были награждены орденом Красного Знамени.

...я об этом писал Твардовскому...— См. письмо Симонова от 8 марта 1944 г. в мемуарном очерке «Несколько глав из записей об А. Т. Твардовском» (т. 10, наст. собр. соч.).

...от биографической главы о Сабурове...— Глава эта опубликована в кн.: «Литературное наследство», т. 78. «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны», кн. 1. М., «Наука», 1966.

...с упоминанием о статье Субоцкого...— Субоцкий Лев Матвеевич (1900—1959) — русский советский критик. Его статья «Заметки о прозе 1947 года» (*НМ*, 1948, № 2) содержала резко отрицательную оценку повести Симонова «Дым отечества».

...так — в одной фразе, походя — Всеволода Вишневского.— Речь идет о пьесе Вишневского Всеволода Витальевича (1900—1951) «Незабываемый 1919-й» (1949).

...и от премии не испытал большой радости...— За пьесу «Чужая тень» Симонов был удостоен Сталинской премии.

...статье без подписи, опубликованной в «Комсомолке».— Речь идет о редакционной статье «Живое и мертвое в поэзии К. Симонова» («Комсомольская правда», 1951, 10 июля).

То, что я раньше опубликовал сценарий «Бессмертный гарнизон»...— «Бессмертный гарнизон» был опубликован в *НМ*, 1955, № 5, книга С. С. Смирнова «В поисках героев Брестской крепости» — в журн. «Юность», 1957, № 1, 2.

...я об этом писал...— См. статью Симонова «Перед новой работой» (т. 11 наст. собр. соч.).

...это я объясняю в комментарии...— См. *РДВ* (т. 8, с. 71 наст. собр. соч.), о Л. Г. Петровском и В. А. Юшкевиче см. именной указатель к т. 9 наст. собр. соч.

Стихи о друзьях, залегших в Ташкенте...— Стихотворение «Зима сорок первого года...» (1956).

...кинофильма «Обыкновенная Арктика»...— Фильм снят в 1975 г. А. Симоновым по сценарию К. Симонова.

...и все те, в основном конкретные замечания...— Печатая это письмо Симонова, Л. Финк во вступительной заметке писал: «...его письмо, как нетрудно догадаться, очень помогло мне» (*ЛО*, 1979, № 11).

Л. О. АРНШТАМУ

16 декабря 1977 г., ⟨Москва⟩

Милый Лёля!

Спасибо тебе за твою книжку, которая ждала меня в Москве, когда я — в прошлом месяце — вернулся из оказавшейся очень долгой поездки в Испанию. Прочел книжку сразу и сразу же хотел тебе написать, но случились у нас тут семейные несчастья — умер отец Ларисы, все — один за другим — болели, и вот только сегодня собрался и пишу.

В книге у тебя очень много хорошего и важного. Сам знаешь уровень моего понимания музыки, но если я что-то немножко стал соображать в этом направлении, то, как мне кажется, наверное, виною этому твоя книжка. Есть в ней нечто, объясняющее мне, темному человеку, необходимость музыки во многих случаях жизни и искусства. Удивительно рассказано про Баха и про «Потемкина».

Очень интересно и важно про Мейерхольда. Стоит за этим именно та многомерность, которой не хватает многим и многим читанным мною воспоминаниям. Из твоих воспоминаний я уразумел все то ужасное для жизни и общения с людьми сочетание раз-

ных качеств, которые все вместе сидели, а скорее, толкались, наступая друг другу на ноги, в этом великом художнике. Очень здорово и правдиво ты написал. Слово «правдиво» говорю от чувства глубокого доверия к написанному тобой, потому что сам ничего не знаю и не могу проверить собственными впечатлениями.

Про Довженко, по-моему, тоже — хорошо и с большой любовью. Среди многих людей, относившихся к Довженко благоговейно или делавших вид, что они так к нему относятся, ты был один из немногих, кто по-настоящему, безраздельно любил его. Я-то это знаю. Вот тут, в противоположность Мейерхольду, я могу проверять тебя собственной памятью.

Обнимаю тебя, дорогой мой Лёля. Поздравляю с книжкой.

Твой

Константин Симонов.

16.XII.1977

Арнштам Лео Оскарович (1905—1979) — советский кинорежиссер и сценарист.

...за твою книжку...— Л. А р н ш т а м. Музыка героического. М., «Искусство», 1977.

...умер отец Ларисы...— Жадов Алексей Семенович.

...рассказано про Баха и про «Потемкина».—Глава «Иоганн Бах и «Броненосец «Потемкин», в которой автор вспоминает, как он в качестве музыкального сопровождения при демонстрации фильма «Броненосец «Потемкин» использовал сочинения Баха (идея музыкального сопровождения принадлежала В. Мейерхольду). «Броненосец «Потемкин» — фильм, снятый С. Эйзенштейном в 1925 г. по сценарию Н. Агаджановой-Шутко.

Очень интересно и важно про Мейерхольда.— Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) — советский режиссер. Л. Арнштам в 20-е годы заведовал музыкальной частью в Театре имени Мейерхольда.

Довженко Александр Петрович (1894—1956) — советский кинорежиссер и сценарист.

С. Я. ДОЛЕЦКОМУ

16 декабря 1977 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Станислав Яковлевич!

Я с очень большим интересом прочел Вашу книгу, в чем-то — знакомую и помнившуюся, в чем-то — новую для меня, потому что не читал раньше, а в чем-то новую — потому что по-новому почувствовал некоторые, высказанные в ней мысли и наблюдения, или, точнее сказать, воззрения на жизнь.

Вдобавок, военные главы книги дополняют мои представления

о войне, хотя иногда мне в последние годы начинало казаться, что с этими своими представлениями о войне я становлюсь похожим на старый мешок, в который уже невозможно больше даже ничего впихнуть — так он — под завязку — набит.

Однако при чтении Вашей книги еще раз понял, что это не так. И слава богу.

Посылаю Вам одновременно с этим письмом маленькую книжечку, которой, может быть, у Вас нет. Посылаю в залог того, что скоро пошлю еще одну, только что написанную и являющуюся продолжением этой.

Хотел написать Вам еще кое-что, но вспомнил Ваш мудрый завет: будь краток. А посему — останавливаюсь.

Жму Вашу руку. Еще раз большое спасибо.

Уважающий Вас
Константин Симонов.

16.XII.1977

Впервые — в *ВЛ*, 1985, № 5.

Долецкий Станислав Яковлевич (р. 1920) — хирург-педиатр, член-корреспондент АМН.

...прочел Вашу книгу... — С. Долецкий. Мысли в пути. Изд. 2, переработанное и дополненное. М., «Советская Россия», 1977.

...маленькую книжечку... — К. Симонов. Двадцать дней без войны (Из записок Лопатина). М., «Современник», 1973.

...только что написанную и являющуюся продолжением этой... — Повесть «Мы не увидимся с тобой... (Из записок Лопатина)», опубликованная в журн. «Знамя» (1978, № 2).

А. В. ЖИГУЛИНУ

21 декабря 1977 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Анатолий Владимирович,

сегодня насквозь и разом прочел Вашу книгу. За стихами Вашими слежу, с пропусками, конечно, и не раз за эти годы радовался и хорошему, и очень хорошему, и всегда честному и прямому. Но вот так сразу все Вами самими собранное — как лучшее — прочел сегодня. В книге Вашей есть две самых главных для поэзии вещи — судьба страны в связи с собственною судьбой. Связь эта бывает у разных нас — разная, но без нее нет ни поэта, ни поэзии. Притом как бы некоторые ни выдумывали себе судеб, она все равно не выдумывается,— и я с грустью вижу это на примере некоторых очень талантливых поэтов следующего за Вами поколения.

Судьба — цепь, выпад из нее (насильственный чаще всего) звеньев лишает при чтении чувства цельности судьбы, ее внутренних связей. Я рад Вашей твердости и, очевидно, еще и сочувствию хороших умных людей — рад тому, что в книге вся цепь судьбы без разрывов.

Спасибо за книгу, в чем-то очень печальную лично для меня, потому что стихи про обгорелую гильзу донельзя близко чувствую собственными, в смысле стоящего за ними ощущения.

Новых стихов, чтоб отблагодарить Вас за Вашу книгу,— нет, посылаю Вам книжку, связанную с дорогой для меня работой.

Жму руку.

Ваш
К. Симонов.

21.XII.77 г.

Впервые — в *ЛО*, 1985, № 10.

Жигулин Анатолий Владимирович (р. 1930) — русский советский поэт.

...прочел Вашу книгу.— А. Жигулин. Горящая береста. М., «Советская Россия», 1977.

...в книге вся цепь судьбы без разрывов.— В этой книге А. Жигулина впервые напечатаны стихи, посвященные трудному периоду его жизни, который он провел в Сибири и на Колыме.

...стихи про обгорелую гильзу...— Стихотворение «Все труднее, все труднее пишется...» (1966), кончающееся такой строфой:

Все пустое, что теперь я делаю.
Я писать, как прежде, не могу.
Сердце — словно гильза обгорелая,
Лишь слегка дымится на снегу...

...посылаю Вам книжку, связанную с дорогой для меня работой.— К. Симонов. Шел солдат... М., Изд-во ДОСААФ СССР, 1976.

А. И. КОЖЕВНИКОВУ
И. Г. КРАСНОВУ

21 декабря 1977 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Алексей Иванович!

Уважаемый Иван Георгиевич!

Пишу Вам это письмо — обоим сразу, потому что оба Ваши письма затрагивают один и тот же вопрос, и в обоих — с некоторыми различиями в оттенках — излагается единая точка зрения.

Что касается меня как литератора, то историей 2-й ударной

армии я в своей работе не занимался, и видимо, и не буду заниматься. Причина единственная: стараюсь писать о том, что лучше знаю и что хотя бы немножко видел своими глазами. По такому принципу построены мои романы, по такому принципу я вел и свои военные дневники, ныне опубликованные. Волховский фронт был как раз тем фронтом, на котором я по стечению обстоятельств так и ни разу не оказался в качестве корреспондента «Красной звезды». На Ленинградский фронт я попал впервые только в 1944-м году во время прорыва линии Маннергейма на Карельском перешейке.

По этим причинам, как мемуарист, я не могу заниматься сам историей 2-й ударной армии.

Но это — вопрос частный. А Вы ставите вопрос принципиальный. Вернее, два принципиальных вопроса.

Первый из них — это вопрос о том, чтобы отделить в сознании людей 2-ю ударную армию, ее трагедию, в ходе которой ее офицерами, солдатами, политработниками было совершено немало подвигов и пережиты неимоверные трудности,— от истории предательства Власова, которое, поначалу во всяком случае, как бы легло своего рода пятном и на всю историю армии.

Что сказать на это? Во-первых, война — вещь суровая, и, скажем, какие бы подвиги ни совершили та или иная часть, тот или иной полк, но если он потерял свое боевое знамя, если его боевое знамя оказалось в руках противника, то, как Вы знаете, как правило, часть теряла свой номер и не восстанавливалась в своем прежнем виде. Я знаю за всю Отечественную войну только два особых случая, при которых части, утратившие знамя, продолжали воевать, сохранив прежние названия. Обычай суровый, но таков он уж есть. Естественно, что в условиях войны измена командарма наложила какой-то отпечаток на представление людей о судьбе армии, которой он командовал. Наложила по-разному: если говорить о Московской битве, то Вы знаете, что номер армии, которой командовал Власов, в истории упоминается, а кто командовал этой армией — не упоминается, как будто у нее и не было командующего. Вполне естественная причина этому его последующее предательство.

В отношении людей, воевавших в составе 2-й ударной армии, по моим представлениям, постепенно восстанавливалась справедливость. Это делалось не сразу: то в одних записках, то в других, то в мемуарах, то в статьях упоминалось и об отдельных героических действиях, и о тяжести обстановки, и о прорывах из окружения, об удачах и неудачах этих прорывов; в общем, постепенно историческая и мемуарная литература, как мне думается, верно обрисовала положение и отъединила в сознании читателя предателя Власова от судеб людей, воевавших в составе 2-й ударной армии и имевших в свое время великое несчастье попасть под командование этого предателя.

Таким образом, мне кажется, сейчас нет оснований после всего этого как-то специально настаивать на восстановлении справедливости по отношению к людям 2-й ударной армии. По отношению к тем, кто честно сражались — а таких было великое большинство,— мне кажется, справедливость в истории и мемуарной литературе в принципе уже восстановлена.

Второй вопрос, который Вы ставите,— об оценке члена Военного совета армии Зуева и о правомерности того, что его памяти уделено сейчас много внимания. У каждого на этот счет может быть свое мнение, и я, разумеется, не могу не считаться с Вашими доводами, что по роду своей работы политработник, член Военного совета несет свою долю ответственности за такой факт, как измена командующего армии.

Но приходится брать в соображение и другую сторону дела: мне, например, известна судьба руководства 24-й армии в вяземском окружении в 41-м году. Я читал докладные записки вышедших из окружения: один через две недели, другой — через пять или шесть месяцев, начальника политотдела и члена Военного совета этой армии, Абрамова и Иванова,— первый из которых впоследствии стал Героем Советского Союза и членом Военного совета 64-й армии в Сталинграде. Читал я и докладную записку начальника штаба этой армии — генерала Кондратьева. Так вот: когда выходили из окружения,— разбились на группы, Кондратьев вышел через неделю, Абрамов — где-то через три недели, а тяжело раненный и лежавший в крестьянской избе, лечившийся Иванов был вывезен через несколько месяцев. И ни один из троих не знал судьбы своего командующего — Ракутина. Прорывались на разных участках, разделились, виделись последний раз где-то 6-го или 7-го октября,— и все, и больше никаких следов Ракутина нигде, никаким образом мне не удалось найти. Или погиб, или застрелился.

Когда я вот вспоминаю это, я думаю, что — будь Власов не предателем, а честным человеком, случись так, что при прорыве из окружения, при выходе из него штаб и руководство армии разбились на группы,— могла бы быть такая ж история; могло оказаться, что один вышел, другой вышел, а командующий застрелился или был убит и окончательная судьба его даже в этом смысле могла остаться неизвестной. Спрашивается, в таком случае, как Вы бы поставили вопрос об ответственности члена Военного совета армии Зуева, если бы он оказался жив. Надо думать, он ведь не знал и не предполагал, что Власов может оказаться тем, кем он оказался. Не предполагали этого и другие, в том числе и высшее командование. А Зуев погиб, застрелился, не захотел попасть в плен,— неужели же надо сейчас как-то заново пересматривать отношение к его доброму имени, установившееся довольно прочно? Я думаю, что, снова пытаясь пересматривать этот вопрос, Вы делаете обратное тому,

что Вы хотите. Вы хотите, чтобы предательская история Власова не бросала тень на тех, кто воевал в составе его армии. Вот я и думаю, что увековечение памяти Зуева как раз и содействует выполнению Вашего желания, и я бы тут ничего не сдвигал с места,— прежде всего даже не во имя доброго имени Зуева, а во имя доброго имени многих и многих людей, отдавших свою жизнь — и в окружении, и при прорыве из окружения — в те месяцы и дни, когда история 2-й ударной армии приобрела столь трагический характер.

Вот Вам мое мнение. Я отнюдь не считаю его бесспорным, Вы можете остаться при своем, а я — при своем, но я считал своим долгом написать Вам то, что я думаю.

Желаю Вам обоим доброго здоровья.

С товарищеским приветом, уважающий Вас

Константин Симонов.

21.XII.1977 г.

Впервые — в *ВЛ*, 1985, № 5.

...во время прорыва линии Маннергейма...— Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867—1951) — государственный и военный деятель Финляндии, главнокомандующий финской армией в войнах против СССР в 1939—1940 и 1941—1944 гг., создал систему долговременных укреплений на Карельском перешейке в 32 км от Ленинграда, которые были прорваны советскими войсками в июне 1944 г.

...2-ю ударную армию, ее трагедию, в ходе которой ее офицерами, солдатами, политработниками было совершено немало подвигов и пережиты неимоверные трудности...— В ходе Любаньской операции в июне 1942 г. 2-я ударная армия попала в окружение. В распоряжении Ставки, которое привел в своих воспоминаниях А. М. Василевский, указывалось на причины поражения: «невыполнение приказа Ставки о своевременном и быстром отводе войск 2-й ударной армии», «бумажно-бюрократические методы управления войсками», «отрыв от войск, в результате чего противник перерезал коммуникации 2-й ударной армии и последняя была поставлена в исключительно тяжелое положение». «Положение здесь осложнялось тем,— писал А. М. Василевский,— что командующий 2-й армией Власов оказался подлым предателем и перешел на сторону врага» (А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, с. 194).

О судьбе 2-й ударной армии подробно рассказал К. А. Мерецков, так завершив свой рассказ:

«Всего вышло из окружения 16 тысяч человек. В боях тогда погибло из 2-й ударной армии 6 тысяч человек, а 8 тысяч пропали без вести. Так закончилась трагедия этой армии.

Итак, завершить Любаньскую операцию успешно не удалось.

Тем не менее она имела большое значение для событий на советско-германском фронте в первой половине 1942 года. Наши войска окончатель-

но захватили инициативу под Ленинградом. Они сорвали наступление группы армий «Север», заставили вражеские войска вести оборонительные бои и нанесли им значительные потери» (К. А. Мерецков. На службе народу. М., Политиздат, 1968, с. 298).

Зуев Иван Васильевич (1907—1942) — советский военачальник, дивизионный комиссар.

Абрамов Константин Кирикович (1906—1952) — советский военачальник, генерал-майор, Герой Советского Союза.

Иванов Николай Иванович (1897—1946) — советский военачальник, генерал-майор.

Кондратьев Александр Кондратьевич (1896—1969) — советский военачальник, генерал-лейтенант.

Ракутин Константин Иванович (1901—1941) — советский военачальник, генерал-майор.

...Зуев погиб, застрелился, не захотел попасть в плен...— «Через много лет после войны стали известны трагические обстоятельства героической гибели члена Военного совета 2-й ударной армии дивизионного комиссара И. В. Зуева, возглавившего в июне 1942 г. прорыв частями 2-й ударной армии вражеского кольца у Мясного Бора.

Ценой больших усилий советским воинам удалось проложить небольшой огненный коридор, по которому прорывались войска ударной армии. Зуев шел в арьергарде. Однако фашистам удалось закрыть коридор. Раненый Зуев с небольшой группой бойцов и командиров вынужден был уйти в леса. После долгих мытарств и многих потерь ему удалось выйти к железной дороге. Здесь он обратился к бригаде ремонтников, насильно мобилизованных врагом, с просьбой дать им хлеба и указать путь к своим. Однако среди них оказался предатель. Вместо оказания помощи герою он привел фашистов. Чтобы не навести на след своих товарищей, Зуев вступил в схватку сразу с 30 фашистами, а когда осталась последняя пуля, пустил ее в себя» («На Волховском фронте. 1941—1944 гг.». М., «Наука», 1982, с. 80—81).

Г. В. РОМАНОВУ

19 февраля 1978 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Григорий Васильевич!

Прошу Вас помочь в решении ставшего неотложным вопроса о начале работ по организации Мемориального музея-квартиры Александра Блока в доме 57 по улице Декабристов, где поэт жил с 1912 года по день своей смерти, написав именно там свои «Возмездие», «Скифы», «Двенадцать», «Интеллигенция и революция».

Позвольте мне, как председателю комиссии Союза писателей СССР по подготовке к 100-летию со дня рождения Блока, изложить Вам основания, по которым я обращаюсь к Вам за помощью.

Знакомство с советской литературой для каждого подростка нашей страны начинается в школе с трех великих имен: Горького, Блока, Маяковского.

Есть большой Музей А. М. Горького в Москве и, кроме него — Музеи-квартиры А. М. Горького в Москве и в Горьком.

Есть большой музей В. В. Маяковского в Москве и, кроме него, две мемориальные квартиры В. В. Маяковского в Москве и еще один дом-музей В. В. Маяковского в Грузии.

Нет нигде в стране ни музея А. А. Блока, ни музея-квартиры А. А. Блока, хотя уже полстолетия каждый школьник начинает изучение советской поэзии с «Двенадцати» Блока и каждый год только в серии «Школьная библиотека» выходит больше миллиона книг избранных стихов и поэм Блока.

Мне рассказали, что в Ленинграде проектируется очень большое и важное для истории нашей литературы дело — создание обширного, всеобъемлющего литературного музея. Осуществление этого прекрасного плана, очевидно, снимет вопрос о создании в Ленинграде отдельного большого музея А. А. Блока, подобного музеям А. М. Горького и В. В. Маяковского в Москве. Но скромный мемориальный музей-квартиру А. А. Блока — там, где он жил и умер,— к дням его юбилея все равно необходимо открыть, учитывая не только общенациональное, но и всемирное значение этой даты — 100-летия со дня рождения поэта, первым без колебаний пошедшего на службу Октябрьской революции и создавшего первую великую революционную поэму «Двенадцать».

Квартира, в которой писались «Двенадцать», сохранилась и не перестроена. Я был в ней и видел ее.

Подлинная обстановка квартиры и прежде всего рабочего кабинета Блока тоже в основном сохранилась. Я ее видел. Письменный стол Блока, его книжные шкафы и значительная часть его личной библиотеки, хранящаяся в этих шкафах; его диван и другая мебель; часть портретов и картин, при жизни Блока висевших на стенах кабинета; трубка, табакерка, чернильница, бювар Блока — все это есть, все это заботливо сохранено в Ленинграде. Так что — в противоположность некоторым другим мемориальным музеям-квартирам — в этом окажутся подлинные вещи Блока, что крайне важно именно для музея-квартиры.

О чем практически идет речь? Чтобы организовать этот маленький мемориал А. А. Блока, нужно сравнительно немногое — освободить и привести в порядок две небольшие, очень скромные, ныне коммунальные квартиры: ту, где он жил, и ту, в которой он умер, переселившись в нее незадолго перед смертью. Эти квартиры — № 21 и № 23 — обе находятся в одном доме, но на разных этажах.

Жильцы этих квартир охотно переселятся — они вконец изму-

чены постоянными «внеплановыми» посещениями любителей поэзии Блока, я был там и испытал на себе реакцию жильцов, которых можно понять.

Одна из квартир — та, где жил и творил Блок, должна стать целиком мемориальной. Вторая — та, где он умер, может вместить в себя фонды, в том числе книги. В ней следует сделать мемориальной только одну комнату — в которой умер Блок.

Музейные специалисты считают, что в идеале желательно бы освободить еще одну квартиру в этом же доме, примыкающую к одной из названных,— для лучшего размещения и фондов, и рабочих мест сотрудников, и всего хозяйства музея-квартиры.

Но даже при этом варианте — с тремя квартирами — речь пойдет всего о 300-х метрах площади.

Если же говорить о будущей стоимости содержания музея-квартиры, то она очень скромна. Если планировать ее на уровне таких небольших музеев-квартир, как, скажем, Дом-музей А. П. Чехова в Москве, это выразится в сумме 733 рубля в месяц на зарплату плюс арендная плата и разовые расходы на пополнение фондов.

Прежде чем написать Вам, я основательно познакомился с целым рядом материалов. Конечно, очень хорошо, что у нас в стране 211 литературных музеев и что в их числе есть музеи-квартиры таких советских писателей, как Сергеев-Ценский, Гайдар, Грин, Шишков, Бажов, Рыльский, Галан, Янка Купала, Якуб Колас, Гамзат Цадаса, Упит, Чаренц, Табидзе, Леонидзе, Гулиа, Самед Вургун, Джамбул, Ауэзов,— все это замечательные и вошедшие в народную память прозаики и поэты.

Но, приводя этот список, я не могу одолеть в себе чувство горечи — как же вышло, что в этом списке до сих пор все еще нет имени Блока?

Может быть, в деловом письме не совсем уместен этот крик души. Но удержаться от него я не смог — слишком уж это несправедливо!

Извините за то, что отнял у Вас время, но я очень надеюсь на Вашу личную помощь. Приезжал в Ленинград в надежде попросить Вас о приеме и повидать Вас, но узнал от В. С. Андреева, что Вы как раз в этот день выехали во Вьетнам. Сейчас пишу Вам из Москвы, из больницы. На тот случай, если Вы, получив мое письмо, поручите товарищам связаться со мною — мой телефон в палате: 442-07-88.

Прилагаю справку Всесоюзной книжной палаты об изданиях Блока за последние шесть лет. Я сам поразился их количеству и масштабу.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

19.II.78

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

Романов Григорий Васильевич (р. 1923) — в то время первый секретарь Ленинградского обкома КПСС.

...музей-квартиру А. А. Блока — там, где он жил и умер,— к дням его юбилея все равно необходимо открыть...— Музей-квартира А. А. Блока была открыта в ноябре 1980 г.

С. Г. ЛАПИНУ

21 февраля 1978 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Сергей Георгиевич!

Вот Вам на бумаге несколько соображений о серии фильмов «Литературное наследство», возникших у меня по ходу работы над фильмом о М. Булгакове.

Предмет изображения и исследования — жизнь и творчество крупных и интересных советских писателей. Связь их книг — с их жизнью и с жизнью общества в те или иные эпохи. Среди прочего — забытые или малоизвестные, но значительные и любопытные факты.

Материал: воспоминания знавших лично, первые публикации, материалы, хранящиеся в наших архивах, рукописные фонды библиотек, фотографии, кинокадры и, конечно, как общая нить — живой и научно обоснованный, связующий все рассказ ведущего, имеющего моральное и общественное право выступать в каждом данном случае в этой роли.

Угол зрения — на фоне рассказа обо всем творчестве и жизни писателя — упор на самые интересные, иногда спорные (надо объяснить), иногда забытые (надо воскресить) факты и произведения.

Мера научности — живое изложение, с фактической стороны предварительно тщательно уточненное с лучшими специалистами по данному писателю — как с консультантами. Никакой отсебятины. Ничего не опертого на факты и документы.

Цель — создать телевизионное «Литнаследство», включая визуально неповторимые и невосстановимые впоследствии кадры живых воспоминаний. Сделать фильмы, которые затем понадобятся в учебных программах телевидения в школах и вузах. Ну, а шире говоря, это будет важная для истории иконография — и чем дальше, тем эти телесвидетельства будут важней для литературной науки.

Объем фильмов — в зависимости от объекта изображения, густоты материала, обилия интересных фактов, ценности воспоминаний и квалификации ведущего-автора или ведущих-авторов

фильма. (При работе над Булгаковым, после того как в ней приняли участие Катаев, Прудкин, П. А. Марков и другие,— да и мой рассказ о Булгакове в хранилище рукописей Ленинской библиотеки оказался по необходимости разносторонним и подробным,— мне для достижения мною цели надо, например, час тридцать — час сорок минут — дилогия из двух кусков по сорок пять — пятьдесят минут. В менее сложном случае я бы, очевидно, уложился в час, может, и чуть меньше.)

О ком и о чем фильмы.

К самым первым фигурам советской литературы — и наиболее широко исследованным, в том числе и на экране,— таким, как Горький или Маяковский,— обратиться несколько позже, накопив опыт и для таких фигур взяв в ракурс исследования какой-то один период, одну книгу, одно событие.

А пока:

Серафимович — в особенности как военный корреспондент на гражданской войне — с выходом к «Железному потоку» и, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, с эпилогом — поездка 83-летнего Серафимовича под Орел, уже в эту войну.

Довженко — не как кинематографист, а как удивительный мастер слова — этот фильм, наверно, мог бы вести Ю. Барабащ — знаток Довженко.

Зощенко — включая истоки биографии — первую мировую, гражданскую войну, смену многих профессий — с выходом в литературу.

Александр Грин — интереснейшие аспекты сочетаемости и несочетаемости жизни и творчества.

К. А. Федин — биография и книги. Огромная переписка с Горьким. Федин и немецкая литература. Откуда и как возник знаменитый роман «Города и годы».

А. Фадеев — почему написана именно «Молодая гвардия» — истоки этой книги в биографии Фадеева, Фадеев на Дальнем Востоке, его партизанская юность.

Блок — «Двенадцать» — весь ход создания поэмы, борьба вокруг нее, вообще все связанное с ней.

Все это только самые первые соображения, с пустотами и недодуманностями. Но дело, по-моему, стоящее, если совершить его живо, талантливо и высококвалифицированно при этом с точки зрения литературной науки.

Пока все.

Ваш сосед

Константин Симонов.

21.II.78

Спецбольница. История болезни 68-64.

Впервые — в *ВЛ*, 1982, № 5.

Вот вам на бумаге несколько соображений... — Это письмо сопровождала записка С. Г. Лапину, в которой К. Симонов писал:

«Дорогой С. Г.!

К сожалению — зашел, а Вас уже нет — выписались, значит, раньше, чем думали.

Записал некоторые мысли, которые посылаю теперь в первозданном виде, без разговора с Вами. Авось пригодятся.

Посылаю обещанный рассказ Булгакова.

Ваш

К. Симонов».

Прудкин Марк Исаакович (р. 1896) — советский актер, народный артист СССР.

Серафимович — в особенности как военный корреспондент... — За этот телевизионный фильм взялся К. Симонов, но смерть прервала работу.

Барабаш Юрий Яковлевич (р. 1931) — русский и украинский советский литературовед, критик. Его перу принадлежит монография, посвященная Довженко: Ю. Б а р а б а ш. Чистое золото правды. О некоторых особенностях эстетики и поэтики А. Довженко. Киев, «Радяньский письменник», 1962; М., «Советский писатель», 1963; М., «Художественная литература», 1968.

Л. З. ТРАУБЕРГУ

5 марта 1978 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Леонид Захарович!

Наверное, надо было написать раньше и поблагодарить Вас за Вашу книжку и за добрую и дорогую для меня надпись на ней, но я, сразу принявшись с большим увлечением читать ее, вынужден был на середине сделать перерыв — сначала в связи с цейтнотом, который, вопреки ожиданиям, образовался у меня с собственной работой, потом из-за ниже среднего самочувствия, которое постепенно улучшаю здесь, в больнице, откуда пишу Вам.

Здесь я и дочитал Вашу книгу, много раз перелистывая ее обратно и заглядывая в читанные раньше, до перерыва, страницы.

Книга Ваша показалась мне удивительно интересной, острой, чуткой и, при всей полемичности многого, в ней сказанного, удивительно справедливой по отношению и к людям нашего кинематографа, и к его истории на всех ее этапах.

Вам вообще в высокой мере свойственно чувство справедливости, и в таких книгах, как эта, оно особенно заметно, важно и дорого.

Книгу Вашу не просто читать даже мне, в общем, человеку, в чтении довольно наторелому. Не просто читать, потому что уж очень она спрессована, уж очень плотно, без пустот, Вы переходите в ней от одного к другому. Все это происходит настолько стремительно, Вы так выжимаете абзацы, фразы от воды пустот и общих слов, что едешь по Вашей книге, все время оборачиваясь назад и проверяя себя, не пропустил ли чего-то.

Но ее не просто читать не только поэтому, а еще и потому, что она избыточно наполнена ассоциациями, сведениями, фактами — из истории кино, из смежных областей искусства, из литературы, из классики, из современности. Меня иногда оторопь брала, когда я на какой-то странице, отложив в сторону Вашу книгу, задумывался над тем, что представляет собой Ваш круг чтения и Ваш вдобавок к этому — не знаю, как уж тут лучше выразиться,— круг ви́дения, что ли, если говорить о Вашем знании киносовременности и киноклассики. Я написал слово «избыточно». А в сущности, почему избыточно? Так много книг, в которых этого всего недостаточно, так часто за книгами не чувствуется действительной, а не показной широкой образованности автора, не чувствуется масштабов его истинного знания предмета, что, учитывая это, наверное, надо употреблять слово «избыточно» — в похвалу Вам.

Многое в этом смысле поразило меня в Вашей книге, кончая цитатой из Малевича на одной из ее последних страниц. Жена моя лет десять сидит над Малевичем, написала целый труд о нем. У нас дома огромная библиография по нему — ан нет! — ни она, ни я именно этого, чрезвычайно существенного высказывания Малевича, приведенного Вами, оказывается, не знали. Я привел этот пример именно из той сферы, в которой это, казалось бы, не должно было случиться, но все-таки случилось.

Я не кинематографист, если не считать работы в документальном кино, не режиссер и даже не сценарист. Казалось бы, Ваша книга практически адресована не мне, но я воспринимаю ее как адресованную и мне, литератору, ибо, в сущности, ее главный пафос, подпертый удивительно точным подбором фактов и множеством интеллектуальных находок, состоит в том, что надо предельно уважать свою работу, быть готовым к ней в самом и широком и глубоком смысле этого слова, надо понимать, как много она от тебя потребует, если ты намерен сделать действительно что-то стоящее.

Я закрыл Вашу книгу с убеждением, что не только молодому режиссеру, мне, уже далеко не молодому писателю, есть над чем тревожно задуматься в собственной практике. Я думаю сейчас над этим благодаря Вашей книге.

Во-первых, спасибо Вам за нее, а во-вторых, хочется от души поздравить Вас с этой блистательной, интересной работой, и добавлю еще — очень важной и своевременной.

Крепко жму Вашу руку.

Глубоко уважающий Вас,

Ваш

К. Симонов.

1.III.1978

...за Вашу книжку... — Л. Трауберг. Фильм начинается. М., «Искусство», 1977.

...кончая цитатой из Малевича... — Речь идет о следующем месте из книги Л. Трауберга: «...приведу весьма интересную, несомненно, спорную цитату из статьи другого деятеля так называемой «левой» живописи: «Все потуги обратить живописное искусство в новое «Революционное передвижничество» успеха не будут иметь, т. к. «Революционное передвижничество» будет выражаться новым изобразительным реализмом — кинематографом во всей его технической силе и правде. Быт на экране, но не на холстах». (Это писал Казимир Малевич в 1924 году. Писал в пылу полемики, но далеко не без понимания. Сила и правда быта на экране)» (Л. Трауберг. Фильм начинается, с. 318).

...написала целый труд о нем». — Larissa A. Shadowa. Suche od Experiment. Aus der Geschichte der russischen und sowjetische Kunst zwischen 1910 und 1930. Dresden, Verlag der Kunst, 1978.

К. С. КУЗАКОВУ

6 марта 1978 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Константин Степанович!

Работа над фильмом о М. А. Булгакове оказалась сложней и масштабней, чем я мог это предвидеть, приступая к ней вместе с Д. Чуковским, М. Голдовской и нашим научным консультантом М. Чудаковой.

Во-первых, памятуя о таком безжалостном факторе, как время, мы по ходу работы сочли необходимым шире, чем это предполагалось нами вначале, привлечь в качестве участников фильма людей, лично знавших Булгакова.

В итоге этой многотрудной работы, которой занимались режиссер и оператор — я в ней участия не принимал,— мы располагаем сейчас снятыми на экране свидетельствами практически почти всех людей, в свое время близко знавших Булгакова. Прежде всего это, конечно, писатели, актеры, театральные деятели: Валентин Катаев, Лев Славин, Сергей Ермолинский, Павел Марков, Виталий

Виленкин, первый исполнитель роли Ширвинского в «Днях Турбиных» Марк Прудкин. Но не только они. Очень интересные подробности, воспроизведенные на экране, мы узнали от жившего в двадцатые годы в одной квартире с Булгаковым совсем юного тогда Лёвшина, ставшего впоследствии литератором и напечатавшего интереснейшие воспоминания о Булгакове в журнале «Театр». Сняли мы и — очень интересно рассказавшую о первых шагах Булгакова в Москве — машинистку, некогда, в начале двадцатых годов, печатавшую под его диктовку его первые вещи.

И я глубоко убежден в правильности всего этого — того, что мы сделали.

Разумеется, в фильм войдут наиболее существенные фрагменты этих воспоминаний, за исключением единственного случая с Валентином Петровичем Катаевым, чьи воспоминания мы даем целиком, единым куском. И приведенные им факты, и сделанные им оценки и обобщения позволяют нам, в сущности, и начать картину именно с этого, со слов Катаева.

Однако даже при фрагментарном использовании остальных воспоминаний все вместе они составят значительную часть фильма, и, на наш взгляд, они настолько исторически ценны, что излишние сокращения в этой части фильма вряд ли уместны.

Это первое, с чем мы встретились в работе и что по ее ходу привело нас к убеждению, что фильм, видимо, выйдет за пределы первоначально предполагавшегося нами объема.

Второе, с чем мы столкнулись, было связано уже с моей собственной работой в качестве основного автора или, если угодно, рассказчика.

Местом для того, чтобы рассказывать о Булгакове, мы избрали Рукописный отдел Ленинской библиотеки, куда его вдова отдала все его рукописи. Место это казалось нам наиболее удачным, ибо оно позволяло нам, утверждая что-либо или опровергая что-либо — как в самой истории жизни и творчества Булгакова, так и в том верном и неверном, что в разное время писали о нем и у нас и за рубежом,— всякий раз опираться на документы: рукописи, дневники, переписку, первые публикации, подшивки газет, журналов, в которых печатался Булгаков, и т. д. и т. п.

Вдобавок съемки в Рукописном отделе Ленинской библиотеки подчеркивали,— что тоже немаловажно, в особенности с учетом того в известной мере искусственного бума, который возникал вокруг имени и произведений Булгакова и у нас и за рубежом,— что все его литературное наследие, приведенное в блистательный порядок, находится на государственном хранении именно здесь, в Ленинской библиотеке, куда посчитала своим гражданским долгом сдать это наследие его вдова.

В ходе работы мы утвердились в правильности своего взгляда

на это, но сама работа оказалась необыкновенно сложной. При той системе очевидных визуальных доказательств, которую мы избрали, мне пришлось в рассказе о Булгакове, о его многогранной и сложной жизни, о связанных с этим жизненных и творческих противоречиях,— мне пришлось многократно обращаться к рукописям, книгам, различным изданиям, газетам, документам,— хочу надеяться, что в итоге это будет интересно и убедительно, но при таком подходе к рассказу времени на этот рассказ ушло значительно больше, чем я первоначально предполагал. А дополнительно ушло время еще и на другое: на то, чтобы полемически заострить фильм против искаженных представлений о творчестве Булгакова, как против попыток, с одной стороны, исключить его из процесса советской литературы, так и против попыток, с другой стороны, чрезмерно выпятить его, вынуть из этого процесса, рассматривать как нечто отдельное от всего процесса развития литературы. Это тоже потребовало времени, равно как и попытка хотя бы кратко, но по возможности максимально ясно, охарактеризовать такое — самое сложное и при этом последнее — произведение Булгакова, как «Мастер и Маргарита».

Вдобавок ко всему этому мы сочли целесообразным перекинуть вполне естественный мостик из сорокового года — года смерти Булгакова — в наше время, когда его пьесы столь широко идут в театре, когда осуществлены постановки ряда кинофильмов, телефильмов и телеспектаклей по его произведениям. Нам показалось, что в финале картины будет хорошо дать возможность выступить нескольким нашим знаменитым театральным и киноактерам, с наибольшим блеском сыгравшим в последние годы в пьесах, фильмах и телепостановках в произведениях Булгакова. Сейчас эта идея нами осуществляется.

А теперь, посвятив Вас во все эти подробности нашей работы, в итоге перехожу к просьбе. Просьба эта сводится к тому, чтоб нам было разрешено сделать фильм о Булгакове несколько большей длины, чем предполагалось первоначально, сделать его в двух частях по сорок пять — пятьдесят минут каждая.

Хочу надеяться, что аргументы, изложенные мною, покажутся Вам убедительными и Вы согласитесь удовлетворить мое ходатайство, к которому присоединяются режиссер, оператор и консультант фильма.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

6 марта 1978 года

Кузаков Константин Степанович (р. 1908) — в то время главный редактор главной редакции литературно-драматических программ центрального телевидения.

Работа... оказалась сложней и масштабней... — См. письмо С. Г. Лапину от 10 ноября 1976 г.

Чудакова Мариэтта Омаровна (р. 1937) — русский советский литературовед и критик, автор ряда исследований о творчестве М. Булгакова.

Ермолинский Сергей Александрович (1900—1984) — русский советский драматург, киносценарист.

Левшин Владимир Артурович (1904—1984) — русский советский писатель, речь идет о его воспоминаниях «Садовая, 302-бис» («Театр», 1971, № 11).

...машинистку... печатавшую под его диктовку... — Речь идет о Раабен Ирине Сергеевне.

...нескольким нашим знаменитым театральным и киноактерам... — Эта идея не была осуществлена.

...Вы согласитесь удовлетворить мое ходатайство... — Просьба Симонова была удовлетворена.

О. М. ХОМЯКОВУ

⟨Март 1978 г., Кисловодск⟩

Дорогой Олег!

Получил здесь, в Кисловодске, Ваше письмо. Телеграмму директору Вашей студии с моими извинениями и предложениями передал сегодня по телефону через Москву, для скорости.

Давайте разберемся в остающихся нерешенных вопросах. Думаю, что в сложившейся ситуации, когда я предлагаю право экранизации — если студия идет на это,— то первый разговор должен состояться не со мной, а между режиссером, который увидит, как это сделать в телевизионном фильме, и сценаристом, который будет превращать пьесу в сценарий этого фильма,— в том случае, конечно, если и режиссер, и сценарист не будут лицом единым. Но, судя по Вашему письму, этого не предвидится, по крайней мере в данный момент.

Итак, во-первых, они должны увидеть, как это может предстать на экране перед современным зрителем. А уже засим — те вопросы, которые покажутся им нерешенными, или неясными, или требующими совета со стороны, в данном случае с моей, станут предметом разговора.

Я вернусь в Москву в десятых числах мая, лягу в больницу около двадцатого мая и, видимо, пробуду там месяц в зоне досягаемости, так что со мной можно будет связаться через Марка Александровича Келлермана (его телефон 241-34-74) и встретиться. Я лежачим, очевидно, не буду, так что сложностей здесь не возникнет.

После больницы, если мне разрешат, я уеду дней на двадцать — на двадцать пять на юг погреться и вернусь в Москву и буду

до конца года в Москве. Если же не разрешат ехать на юг, то так и останусь в Москве. Вот все мои варианты.

От разговора о том, каким я вижу фильм, сейчас, когда не буду писать сам его сценария, только буду давать добро и в какой-то мере советы, если они понадобятся, я уклоняюсь на первых порах сознательно: в этой ситуации увидеть фильм первым должен режиссер. Если он его увидел — картина будет, ему можно в этом помочь, тут и сценарист — подручный человек, и автор пьесы с его советами и подсказками — тоже подручный человек, а решает дело режиссер. Отсюда и надо решать, когда и с кем выбирать время для разговора на эту тему. Очевидно, это может произойти по готовности собеседника или собеседников. Я готов говорить на эту тему в любое время, как только будут готовы к этому собеседники, но готовы не в том смысле, чтобы послушать меня, а в том смысле, чтобы выдвинуть собственный план и проверить его на мне. А это ведь совершенно разные вещи.

Теперь второй вопрос, насчет «Дней и ночей». Вещь эта дорога мне, помимо всего прочего, временем ее написания; тем, что, и как, и с какой мерою правды и близости к истине было написано о войне в разгар войны, а точнее, если говорить о первой рукописи большей части романа, еще до начала третьего лета войны, еще до Курской дуги,— что тоже для меня существенно, когда я вспоминаю то время, тогдашние наши чувства и настроения.

Конечно, «Дни и ночи» — никакой не дневник, а в то же время в чем-то это замена дневника, потому что, глядя сейчас издалека, в сущности, прихожу к тому убеждению, что я не особенно пытался, когда писал своего Сабурова, изобразить какую-то объективно существующую фигуру. Да, какие-то встречи подтолкнули на то или на другое в изображении этого человека, но вообще-то за ним стоял больше всего мой собственный опыт — и военной, и отчасти предвоенной жизни, и где-то я домыслил самого себя,— вот как бы я действовал, что бы я делал, что бы я думал, окажись я в ситуации этого человека, собиравшегося стать учителем истории и оказавшегося комбатом. Причем домысливал это не потом, после войны, как это в чем-то происходило с фигурой Синцова, да и не только с ним, а тогда, в разгар войны. Конечно, я далеко не все из того, что видел Сабуров, видел своими глазами, и уж тем более не делал и десятой доли того, что он делает у меня в книге, и все-таки эта повесть — во всяком случае, в том, что касается самого Сабурова,— это домысленный за другого человека его дневник того времени, тогда же и написанный, тогда же — не потом!

Вот и возникает вопрос: что же с этим делать, если попытаться это осуществить на телевизионном экране? Что это будет — дневник? Что это будет — монолог Сабурова с его голосом за кадром? Не знаю, не имел еще сил и времени думать над этим подробно, но ясно

одно, что весь интерес к этой работе, если я буду ею заниматься, и весь смысл ее для меня в том, что это будет рассказ о войне, написанный именно тогда же, впритык к ней, между двумя поездками на нее, между концом Сталинграда, освобождением Краснодара, Ростова и началом Курской дуги,— вот в этом антракте все это было не только написано, но и подумано, вопрос не в том, как я вижу войну сейчас, а как я ее видел тогда, вот в этом двух-трехмесячном антракте, когда писал эту повесть или роман, или назовите ее как хотите? Как делать это? Как играть это? С кем играть и в какой форме самому участвовать во всем этом? Надеюсь, Вы понимаете, что я не собираюсь играть ни Сабурова, ни кого-либо другого, но как совместить собственное присутствие — может быть, в кадре, может быть, за кадром, может быть, и в кадре и за кадром,— с присутствием человека, играющего Сабурова? Как все это сделать? И на чем, в какой обстановке все это играть: на бутафории современных киношных развалин? Или, может быть, на сочетании фона самого обыкновенного холста за спинами, за лицами разговаривающих людей и тщательно отобранной хроники, которая не будет гримироваться под часть декорации, а будет и в самом деле хроникой самой откровенной и так и будет вводиться?

Вот те первые мысли, которые у меня бродят в голове сейчас, когда я нахожусь в состоянии крайней усталости от только что законченной, очень долгой и очень кропотливой — по многим причинам — работы над сведением всех своих записок Лопатина в один роман.

Короче говоря, я не готов сказать ничего определенного и не буду готов это сделать к десятому мая.

Пишу Вам все это просто с доверием к Вам и с надеждой, что Вы поймете причины нерешенности для меня этого вопроса, полной нерешенности!

Желаю Вам всего самого доброго.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

Хомяков Олег Михайлович (р. 1934) — в то время редактор Свердловской киностудии.

...превращать пьесу в сценарий этого фильма...— Уже после смерти К. М. Симонова, в 1980 г., на Свердловской киностудии по мотивам пьесы «Так и будет» был снят одноименный телевизионный фильм (автор сценария А. Галиев, режиссер Л. Мирский).

...между концом Сталинграда, освобождением Краснодара, Ростова и началом Курской дуги...— Бои в Сталинграде закончились 2 февраля 1943 г., Краснодар освобожден 12 февраля, Ростов-на-Дону — 14 февраля, бои на Курской дуге начались 5 июля.

...всех своих записок Лопатина в один роман...— См.: К. Симонов. Так называемая личная жизнь (Из записок Лопатина). М., «Московский рабочий», 1978.

Датируется по содержанию.

Д. К. ОРЛОВУ

6 апреля 1978 г., ⟨Ялта⟩

Дорогой Даль Константинович!

Я признателен Госкино СССР за тот интерес, который проявлен к моему предложению сделать вместе с режиссером А. Ю. Германом фильм «Экипаж» о труде и подвигах наших танкистов в последний год Великой Отечественной войны.

Благодарен я и за решение оформить со мной договор на сценарий этого фильма как Госзаказ.

Но вот какие неожиданные для меня сложности возникли, пока я болел и отсутствовал. Как выяснилось, производство этого фильма планируется на студии «Ленфильм» как производство цветного фильма, в то время как я, как и во всех без исключения случаях до этого, имел в виду делать фильм о войне как фильм черно-белый. Я никогда не представлял себе и не представляю себе сейчас, чтобы какая-либо из моих книг о войне превратилась на экране в цветную ленту. Я, разумеется, понимаю, что и у разных писателей, и у разных режиссеров могут быть разные эстетические воззрения на этот вопрос, но у меня они сложились именно так, и сложились настолько бесповоротно, что для меня ныне возникает дилемма: или делать этот фильм о танкистах черно-белым, или, если это будет признано невозможным по тем или иным производственным, экономическим причинам, пока не поздно, отказаться от этой работы, чтоб, не дай бог, никого не подвести впоследствии.

Мне очень хочется, чтоб Вы меня правильно поняли — может быть, это наивно и даже глупо звучит, но в моем собственном, авторском ощущении все книги, которые я написал до сих пор о войне,— это, если можно так выразиться, черно-белые, а не цветные книги, и от этого ощущения я не могу отступиться, не перешагнув через свою — хорошую или худую, но уж именно такую, а не эдакую — индивидуальность.

Что касается режиссера, то А. Ю. Герман давно и хорошо знает мои взгляды на этот вопрос, и я полагаю, что именно это и легло в основу его письма, написанного им Вам во время моей болезни.

Пишу Вам без тени писательского апломба. Я готов делать фильм более масштабный и более скромный; фильм широкоформатный, широкоэкранный, фильм обычного формата — но только не цветной. И добавлю: если бы режиссер занял в этом вопросе

другую позицию, чем я, то при всем самом моем добром отношении к его таланту и при моем очень большом желании продолжить с ним работу, начатую фильмом «Двадцать дней без войны»,— я, очевидно, все-таки вынужден был бы отказаться от совместной работы с ним над фильмом о войне в чуждой для меня, в связи именно с этой темой, эстетике.

Оставляю решение этого вопроса на Ваше усмотрение и на усмотрение Ваших коллег. Причем заранее хочу сказать, что в случае отрицательного решения вопроса я ни в коей мере не буду считать себя обиженным.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

6.IV.1978 г.

Впервые с небольшими сокращениями — в *ЛР*, 1982, 10 декабря.

Орлов Даль Константинович (р. 1935) — русский советский драматург, критик, в ту пору главный редактор главной сценарной редакции Госкино СССР.

...делать этот фильм о танкистах черно-белым...— Фильм не был сделан из-за болезни К. М. Симонова.

К. Ю. ЛАВРОВУ

8 апреля 1978 г., Ялта

Дорогой Кирилл Юрьевич!

Отсутствие на таком вечере, как сегодня — невосполнимо... Не потому, что Вы не услышите меня, а потому, что я не увижу Вас.

А я так бываю рад, когда Вас вижу!

И кем бы я Вас ни увидел в очередной раз — Молчалиным или городничим, горьковским Нилом или нашим с Вами, теперь уже общим, Синцовым,— я радуюсь Вашему присутствию всякий раз, и всякий раз по-новому, потому что Вы сами всякий раз новый.

А еще бываю всякий раз рад видеть Вас просто так, не на экране и не на сцене, а рядом. Видеть Вас все такого же самого, неизменного, неменяющегося, надежного, прочного, доброго, настоящего товарища, настоящего человека.

Жизнь — не сцена, не экран; в жизни это очень хорошо, когда годы идут, а человек не меняется, когда он в любую погоду остается таким же самым, каким когда-то, давно, ты узнал и полюбил его.

Именно такой человек для меня Вы, и мне хочется крепко пожать Вашу руку в этот московский вечер, к сожалению, отстоящий от меня ровно на тысячу верст.

Ваш

Константин Симонов.

8.IV.1978
Ялта.

Впервые — в журн. «Театр», 1985, № 11.

Лавров Кирилл Юрьевич (р. 1925) — советский актер; о встречах с Симоновым К. Лавров написал воспоминания «...Тот самый военный корреспондент» (см.: «Константин Симонов в воспоминаниях современников»).

...Молчалиным или городничим, горьковским Нилом... — Роли, сыгранные К. Лавровым, в «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизоре» Гоголя, «Мещанах» Горького на сцене Ленинградского Большого драматического театра им. М. Горького.

...нашим с Вами, теперь уже общим, Синцовым... — В экранизации романа «Живые и мертвые» К. Лавров играл Синцова.

М. ИСКАНДЕРЗАДЕ

10 мая 1978 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Мустафа Искандерзаде!

Получил Ваше письмо. Отвечаю с некоторой проволочкой, потому что болел, потом был в санатории.

Прежде всего благодарю Вас за внимание к моей работе и спешу ответить на вопрос.

По-моему, я в соответствии с тем, как Вы пишете, был в Баку действительно шесть раз, именно в те годы, о которых идет речь. Что-то на памяти других поездок не возникает. Были их планы, но планы эти по разным причинам отпадали.

Все, что я перевел из азербайджанской поэзии, все это напечатано, так что добавить что-либо я не рискую.

При переводе азербайджанской поэзии на русский язык с какими-либо специфическими трудностями, пожалуй, я не встречался, разве что с точки зрения трудности версификации на русском языке заставляли особенно много работать те стихи азербайджанских поэтов, в которых классическая система рифмовки требовала хотя бы какого-то подобия себе на русском языке. И надобно сказать, что это трудно, наверное, для любого переводчика. В частности, переводя наиболее любимое мною стихотворение Насими «В меня вместятся оба мира...», я позволил себе вообще уклониться от внутренней рифмовки, ибо у меня ничего не получалось. При внутренней рифмовке на русском языке это весьма сложное философское стихотворение лишалось всей своей прелести и всей своей сложности, в общем, становилось бездыханным.

О неосознанном влиянии азербайджанской поэзии на мою поэтическую собственную практику мне трудно говорить: раз оно неосознанное, значит, я его не осознал, и что же я могу ответить на

такой вопрос? Сказать что-нибудь с чужих слов — не стоит, видимо, об этом лучше спросить других людей, а не меня.

Что же касается осознанного влияния, то я люблю в поэзии мужество, и это мужество я нашел и в поэзии Видади, и в поэзии Вагифа, и в некоторых особенно полюбившихся мне стихах Самеда.

Вот, пожалуй, то главное влияние и та главная близость, о которой стоит говорить в данном случае.

Роль поэта-переводчика в процессе взаимообогащения, сближения национальных литератур не может быть преуменьшена. Этот процесс вообще не может происходить без помощи поэтов-переводчиков, если говорить о поэзии. К несчастью, препоной становится незнание языков. Но в общем-то оно все-таки традиционно преодолевается у нас с помощью высокой культуры подстрочников, высокой культуры поэтического перевода и человеческого общения между поэтами, причем это человеческое общение включает взаимное знакомство не только, как говорится, в быту, семьями, но и странами, народами, землями, семьями в более широком, общественном смысле этого слова. Вот мои не совсем складные, не совсем научные, наверное, ответы на Ваши вопросы.

Еще раз спасибо за внимание к моей работе, и позвольте пожелать Вам успеха в Вашей работе.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

10.V.1978 г.

Искандерзаде Мустафа (р. 1940) — азербайджанский советский поэт и литературовед.

...как Вы пишете...— Рукопись статьи «Друг азербайджанской поэзии» опубликована: «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства», 1981, № 3.

Насими (ок. 1369—1417), *Видади* Молла Вели (1709—1809), *Вагиф* Молла Панах (ок. 1717—1797) — азербайджанские поэты.

...успеха в Вашей работе.— Статья «И творчество, и чудотворство... (Азербайджанская поэзия в переводах Константина Симонова)», напечатана в журнале «Литературный Азербайджан» (1980, № 10).

Н. Н. КУБЕРСКОЙ

23 мая 1978 г., ⟨Москва⟩

Уважаемая Надежда Николаевна!

Прочел присланную Вами работу о Горьком и Блоке, название которой «Противостояние» кажется мне весьма неудачным и совершенно не соответствующим ее содержанию.

Вышло так, что я как раз в последнее время много занимался Горьким, читал его переписку, в том числе и все те письма, так или иначе связанные с Блоком, о которых Вы упоминаете, и, пожалуй, наиболее горькое из них письмо Ромену Роллану, связанное с Бальмонтом.

В четырнадцатом, если не ошибаюсь, томе Горьковского архива, недавно вышедшего, есть еще два горьких упоминания, связанных с последними днями Блока. Их тоже читал с болью.

Достоинство Вашей работы, мне кажется, в том, что, во-первых, вы взяли интересную и существенную для истории русской интеллигенции тему. Говорю слово «интеллигенция», потому что значение этой темы не только литературное, а более широкое.

Хорошо, что Вы не обходили острых углов и не сделали, как это иногда бывает, в угоду концепции изъятий неудобного. Хорошо, что Вы анализировали на основе материалов сложных и противоречивых.

Насколько я понимаю, насколько я осведомлен, чисто литературоведческих открытий в Вашей работе нет. Новых фактов в ней нет. Есть тщательное и щепетильное изложение известного. Изложение, приведенное в определенную систему и строго связанное с той темой, которую Вы предложили: Горький и Блок.

Думаю, что для журнала такого типа, как «Вопросы литературы», работа Ваша не подходит, ибо, повторяю, в ней нет новых разысканий. А для журналов общелитературных она может представлять интерес и в частности, тем более в предшествующий юбилею и в юбилейный год Блока.

Оба отзыва, которые Вы приложили, и отзыв Евгении Федоровны Книпович, и отзыв товарища Ключанского, кажутся мне верными. Особенно правильным мне кажется замечание Ключанского насчет решающего влияния Горького на мировоззрение Блока. Речь шла не столько о влиянии, сколько о тяготении Блока к цельности, к здоровью, к здоровым силам в русской литературе и культуре, и, в значительной мере, представление о них персонифицировалось для Блока в фигуре Горького.

С другой стороны, для понимания сложности отношений Горького к Блоку надобно, очевидно, расширить материал, взятый для обозрения. Надо взять Блока не только в его притяжении к Горькому, но и в его отталкивании, оно тоже было.

Может быть, если Вы подумаете надо всем этим, некоторые Ваши формулировки покажутся Вам излишне категорическими и расширительными.

К Вашей работе отношусь с уважением и думаю, что она могла

бы быть напечатана с некоторыми коррективами и с какими-то последующими спорами на эту тему, ибо никто не может претендовать на выработку окончательного взгляда на эту, затронутую Вами литературно-историческую проблему.

Работу Вашу возвращаю.

Уважающий Вас
К. Симонов.

23.5.78.

...письмо Ромену Роллану...— Письмо Горького Ромену Роллану (1866—1944) от 22 марта 1928 г., в котором он писал: «В 919—20 гг. Бальмонт был тоже «революционером»,— написал и напечатал в Москве цикл стихов «Серп и молот», стихи были плохие, но в них поэт громко прославлял большевиков, коммунизм и выражал свой восторг по поводу победы рабочего класса над «собственником». Эти плохие стихи открыли перед Бальмонтом дверь за границу, и, переехав ее, он безбоязненно и немедленно провозгласил себя врагом большевиков, врагом Советского строя.

Этот потрясающе смелый подвиг имел, к сожалению, очень плохие последствия для Блока и Сологуба,— опираясь на факт лицемерия Бальмонта, Советская власть отказала Блоку и Сологубу в их просьбе о выезде за границу, несмотря на упрямые хлопоты Луначарского за Блока. Это я считаю печальной ошибкой по отношению к Блоку, который — как видно из его «Дневника» — уже в 1918 г. страдал «бездонной тоской», болезнью многих русских, ее можно назвать «атрофией воли к жизни» (М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 30, с. 83).

...есть два горьких упоминания...— Симонов имеет в виду письмо Горького Луначарскому от 29 мая 1921 г., в котором говорится: «У Александра Александровича Блока — цинга, кроме того, за последние дни он в таком нервозном состоянии, что его близкие, а также и врачи опасаются возникновения серьезной психической болезни. И участились припадки астмы, которой он страдает давно уже», и срочную телеграмму от 29 июля 1921 г., в которой Горький писал наркому: «У Александра Блока острый эндокардит. Положение крайне опасно. Необходим спешный выезд Финляндию. Решительно необходим провожатый. Прошу Вас хлопотать о разрешении выезда жены Блока. Анкеты посылаю. Спешите, иначе погибнет» (М. Горький. Неизданная переписка (Архив А. М. Горького, том XIV). М., «Наука», 1976, с. 99, 100).

...юбилейный год Блока.— 28 ноября 1980 г. отмечалось 100-летие со дня рождения А. Блока.

...отзыв товарища Ключанского...— О ком идет речь, установить не удалось.

...она могла бы быть напечатана...— Работа не была опубликована.

А. И. ПРОКУЕВУ

27 мая 1978 г., ⟨Москва⟩

27.V.78

Дорогой Анатолий Иванович,

временно обретаюсь в больнице, поэтому пишу короче, чем бы хотелось. Уже здесь, в больнице, я получил письмо от вдовы наставника моей поэтической юности Владимира Луговского. Копию этого письма я попрошу снять и тоже послать Вам. Лично я думаю, что мемориальная комната (или комнаты) Луговского у вас в Музее — было бы дело благое и литературно полезное.

Зная вдову Владимира Александровича Елену Леонидовну Быкову-Луговскую, уверен, что она сделает все, чтобы снабдить эти мемориальные комнаты всем ценным, чем она располагает. Ее забота об имени Луговского в истории литературы и о его наследии заслуживает уважения — она из тех вдов, для которых это превыше всего. Так что я уверен, что она выполнит все, что со своей стороны пообещает. Да и мы — Долматовский, Алигер, я и другие молодые 30-х годов, многим обязанные Луговскому,— думаю, тоже пособим, когда дойдет до дела.

Буду очень признателен Вам за помощь.

Крепко жму Вашу руку, в нашей семье всегда тепло вспоминают Вас.

Ваш
Константин Симонов.

P. S. Очень прошу Вас при первом же случае передать мой дружеский привет Ивану Ильичу Сенькину.

Ваш
К. С.

Прокуев Анатолий Иванович (р. 1928) — партийный работник, в то время первый секретарь Петрозаводского горкома КПСС.

...у вас в Музее...— Речь шла о Петрозаводском музее изобразительных искусств; предложение Симонова не было реализовано.

Сенькин Иван Ильич (1915—1986) — партийный работник, в то время первый секретарь Карельского обкома КПСС.

Б. И. СТУКАЛИНУ

Май 1978 г., ⟨Кисловодск⟩

Дорогой Борис Иванович, поехал долечиваться сюда, в Кисловодск, взял с собой книгу Василия Кубанева, о котором мы с Вами говорили. Взял то издание, которое вышло в «Молодой гвардии»

в серии «Тебе в дорогу, романтик» и под названием «Если за плечами только восемнадцать...».

Честно говоря, прочитав эту книгу, я даже как-то удивился — как же это вышло, что только фамилия и имя Василия Кубанева где-то застряли у меня в памяти, а все, что с ним связано, прошло мимо сознания. Видимо, просто-напросто не читал, только мельком слышал или видел какие-то стихи, листая один из сборников.

Вы сделали очень хорошее дело, приложив столько усилий к тому, чтобы вернуть из небытия эту редкостную по своим задаткам и по силе души личность и то, что удалось найти из написанного Кубаневым.

Когда читаешь что-то давно, в годы твоей юности написанное, невольно сличаешь собственные мысли, собственный уровень размышлений и способности, в том числе литературные, со всем этим же самым у человека, которого читаешь. Кубанев моложе меня на шесть лет, и в сущности, и очень многие его стихи, и в том числе из лучших, и очень многие записи, в том числе из самых серьезных, и не только душевно содержательных, но и политически дальновидных, относятся к тридцать девятому году, когда ему было восемнадцать, а мне — двадцать три — двадцать четыре, и я уже ехал в то лето на Халхин-Гол. Однако в его мыслях того времени — и насчет пакта, и насчет школы, и про то, что, однажды крикнув и криком призвав к порядку, придется потом всю жизнь кричать, и многое другое — до многого из этого я, по совести говоря, не допер еще и к двадцати трем — двадцати четырем годам. И уж тем более до многого из этого не дорос тогда, когда мне было, как ему, восемнадцать, где-то в тридцать третьем году. Сравниваю с собой не из эгоцентризма, а просто от себя как-то очевиднее плясать, как от печки в таких случаях, потому что где-то, когда читаешь эту книжку Кубанева, несколько раз хочешь не хочешь, а возвращаешься к мысли, что вот ты, сейчас уже старый человек, довольно известный писатель, написавший много книг, прочтенных, в общем-то, миллионами людей,— и вот перед тобой книжка человека, жизнь которого оборвалась на двадцать первом году жизни и который, исходя из твоего собственного сегодняшнего ощущения, обладал в юности бóльшими задатками, чем ты; при этом он явно обладал еще и характером, это явствует из всего им написанного и подуманного о жизни. А характер в нашем писательском деле — уже полдела.

И вот, прикинув все это, с горечью думаешь, что смерть на двадцать первом году жизни утащила из литературы человека, который, будь он жив, был бы способен сделать в этой литературе и больше, чем ты сам сделал, и больше, чем сделали многие другие, дожившие до твоего возраста писатели. Горькое чувство, заставляющее задним числом с особенной остротой воспринимать именно такие вот давние и безвременные потери.

Наверное, мысли мои сходны с теми мыслями, которые у многих русских литераторов и поэтов были когда-то в девятнадцатом веке о Веневитинове. Я по привычке своей выписал некоторые вещи особенно интересные, на мой взгляд, среди того, что напечатано в книжке Кубанева. Этих выписок оказалось даже неожиданно для меня много. Думаю, что они впоследствии вспомнятся и пригодятся.

Что до самой книжки, то, по-моему, она наилучшим образом составлена: спокойно, разумно, рационально, и тон Вашего предисловия, и тон, найденный в комментариях сестрою Кубанева,— все как-то сходится и сливается в единое звучание книги. Очень и очень хорошая книга.

В последние одно-два десятилетия мне часто приходилось сталкиваться с тем, что нашему и — шире говоря — нашим поколениям, воспитанным, отчасти самовоспитанным в те предвоенные годы, отказывают в наличии тех мыслей, соображений, чувств, очень не простых и не однолинейных, которые на самом деле имелись и в наших головах, и в наших сердцах. Мне давно хочется написать на эту тему, и, может быть, когда я буду писать об этом, выписки из Кубанева — и из стихов, в меньшей степени, и из писем его и дневниковых заметок, в большей степени,— лягут в основу некоторых, весьма существенных для меня рассуждений и даже, пожалуй, выводов.

Желаю Вам всего доброго, дорогой Борис Иванович, и главного среди всего доброго — здоровья.

Ваш

Константин Симонов.

Май 1978 г.

Впервые с небольшим сокращением — «Неделя», 1979, 19—25 ноября, № 47.

Стукалин Борис Иванович (р. 1923) — советский партийный и государственный деятель, в то время председатель Госкомиздата СССР.

Кубанев Василий Михайлович (1921—1942) — русский советский поэт.

...насчет пакта...— Речь идет о советско-германском договоре о ненападении, подписанном 23 августа 1939 г. в г. Москве; Симонов имеет в виду следующую запись В. Кубанева: «Итак, договор с Германией подписан. Он будет нарушен — в этом нет никакого сомнения. Это немецкая хитрость. Но не только это. В какой-то степени он — наша победа, торжество нашей политики. Пока суд да дело (как говорит пословица), будем недоуменно радоваться вместе со всеми.

Будет ошибкой, если мы ослабим борьбу против фашизма и войны (что одно и то же)» (В. К у б а н е в. Если за плечами только восемнадцать... М., «Молодая гвардия», 1973, с. 134).

...насчет школы...— Симонов имеет в виду следующее место в одном из писем В. Кубанева: «Методы «новые» (проектов, комплексный, бригадный) были плохи, но *не* потому плохи, что они новые. Если метод *новый* — то это не значит, что он обязательно окажется плохим, подобно блаженной памяти перечисленным. Скорее наоборот.

Всю эту новометодическую катавасию (я был тогда в первых классах) припоминаю смутно. Но думаю, что в бригадном, комплексном и других методах была немалая доля истины. Плохими же эти *новые* методы оказались потому, что их проводили в жизнь *старые* педагоги.

И у нас сейчас все пытаются свести в обучении к словесничеству, а в воспитании к «нельзя» (без разговоров — от «нельзя» с разговорами)» (т а м ж е, с. 203).

...про то, что, однажды крикнув...— Симонов имеет в виду следующую запись В. Кубанева: «Я не кричу. Крикни один раз (на ребят), и тебе придется кричать всю жизнь. Либо не кричи ни разу, либо кричи все время. Крикни — и они всегда будут шуметь до тех пор, пока не крикнешь вторично. И будут рассуждать: раз не кричит — значит, еще терпимо. И ждать, пока закричишь» (т а м ж е, с. 199—200).

...у многих русских литераторов и поэтов были в девятнадцатом веке о Веневитинове...— Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827) — русский поэт.

...Вашего предисловия...— Б. Стукалин написал к книге В. Кубанева предисловие «Широкое сердце поэта».

...тон, найденный в комментариях...— Книгу В. Кубанева составила и прокомментировала его сестра М. М. Калашникова (Кубанева).

В. С. ДАВЫДОВУ

3 июня 1978 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Владлен. Мне переслали Ваше письмо в больницу, но хочу ответить Вам без проволочек, потому что Вам, очевидно, придется найти другого автора предисловия к сборнику. А времени в таких случаях терять не надо.

Борис Георгиевич Добронравов был прекрасным артистом. Но так сложилось у меня, что я очень мало видел его на сцене и почти не сталкивался с ним в личной жизни. Единственная точка реального соприкосновения была связана с постановкой во МХАТе моих «Русских людей». Он, по общему признанию, замечательно сыграл в них роль Сафонова.

Но получилось так, что в ходе работы над спектаклем я всего три или четыре раза был на репетициях, а может, и того меньше. Причины две: и военное время, связанное с поездками на фронт, и то, что, как драматург, я доводил до кондиции пьесу, переделывал

ее, исправлял, сокращал, придумывал в ней новые сцены, убирал некоторые старые не тогда, когда пьесу репетировали во МХАТе, а зимой — весной сорок второго года, когда ее впервые репетировали и впервые сыграли в Московском театре драмы, которым тогда руководил Николай Михайлович Горчаков. И получилось так, что эта первоначальная работа в значительной мере заслонила от меня все последующее, даже самое хорошее и интересное. Сыграла в этом роль и атмосфера той московской военной зимы и военной весны и, конечно, то, что это было первое осуществление пьесы на сцене, первое ее рождение. А первое рождение, тем более если спектакль получается,— спектакль Горчаков поставил, на мой взгляд, хорошо,— остается навсегда первым рождением, и все остальное сохраняется в твоем ощущении уже как нечто вторичное.

В моей памяти, в моем сознании со МХАТом, как нечто самое важное для меня, самое запомнившееся, связана работа не над «Русскими людьми», а над «Днями и ночами», когда именно во МХАТе вместе со спектаклем рождался и окончательный вариант этой инсценировки.

И вообще, из спектаклей, поставленных МХАТом по моим пьесам, а их было пять, «Дни и ночи» самый дорогой для меня.

И еще, чтоб не кривить душой, добавлю несколько слов. Возможно, я заблуждаюсь, но переубедить себя не могу. Сафонова, главного героя пьесы «Русские люди», во многих театрах играли хорошие актеры, а во МХАТе такой замечательный, как Добронравов. И все-таки такого Сафонова, какого я видел сам, не сыграл никто. Его играли герои, а в моем самоощущении его должны были играть характерные актеры. Я огрубляю оба понятия, но Вам ясно, о чем идет речь.

Не увидел я своего Сафонова в спектакле Горчакова, не увидел его и в спектакле МХАТа, хотя хорошо понимал масштаб актерского дарования Добронравова. Я совсем по-другому представлял себе Сафонова, чем его играли. Во МХАТе, например, Грибов замечательно играл Глобу, а мне, несмотря на это, все время виделся в нем Сафонов. Это уже совершенно личное обстоятельство, связанное с чисто авторскими представлениями об этой роли, дополнительно мешает мне принять Ваше лестное для меня предложение.

Пожалуйста, не гневайтесь на меня, тем более что, может быть, Вам, несмотря на мой отказ, будет небезынтересно прочесть это письмо.

От души желаю успеха Вашему сборнику и Вам как составителю.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

3.VI.78

Впервые — в «Неделе», 1979, 19—25 ноября, № 47.

Давыдов Владлен Семенович (р. 1924) — советский актер.

Добронравов Борис Георгиевич (1896—1949).

...к сборнику... — «Борис Георгиевич Добронравов. Статьи. Воспоминания. Документы». М., «Искусство», 1983.

...с постановкой во МХАТе моих «Русских людей». — См. примеч. к письму С. Я. Фрадкиной от 6 мая 1965 г.

...впервые сыграли в Московском театре драмы, которым руководил Николай Михайлович Горчаков... — См. об этом воспоминания Симонова «О Николае Михайловиче Горчакове» и «О Дмитрии Николаевиче Орлове» (т. 10 наст. собр. соч.).

...над «Днями и ночами»... — См. примеч. к письму С. Я. Фрадкиной от 6 мая 1965 г.

...а их было пять... — Кроме спектаклей, перечисленных в примеч. к письму С. Я. Фрадкиной от 6 мая 1965 г., в 1966 г. во МХАТе была осуществлена инсценировка повести «Дым отечества».

Грибов Алексей Николаевич (1902—1977).

СТУДИИ «РОВЕСНИКИ»

12 июня 1978 г., ⟨Москва⟩

Дорогие ребята!

Получил Ваше письмо, лежа в больнице, поэтому отвечаю не сразу. С интересом прочитал то, что Вы пишете о своей работе, и посмотрел Ваши программы. Буду рад, если Вы возьметесь за постановку пьесы «Четвертый». Не мне судить, хороша она или плоха, но я сам люблю ее больше всех других своих военных пьес.

Отвечаю на Ваш вопрос. ОН — разумеется, образ собирательный. Тема личной ответственности за жизнь или гибель человечества — тема, на мой взгляд, важная и особенно актуальна сейчас, когда возможны такие ситуации, что поведение одного или нескольких людей, их ослепление, или безумие, или варварство может ввергнуть в войну и привести к гибели миллионы и миллионы других людей.

Вопрос личной ответственности важен потому, что в конце-то концов, когда мы употребляем слова: наша ответственность, общая ответственность,— то наша или общая ответственность подразумевает производное от многих личных ответственностей. Личная ответственность — это часть общей ответственности. Если не будет людей, готовых принять на себя личную ответственность, то напрасно говорить о коллективной, общей, нашей и т. д. и т. п. ответственности. Ибо в основе всего лежат где-то в глубине именно личные ответственности отдельно взятых людей.

В наиболее обостренном виде этот вопрос и ставится в пьесе «Четвертый». Ради того, чтобы его поставить, она и написана.

Вдобавок мне казалось, что важнее, если решение о том, принимать на себя или не принимать на себя ответственность, ляжет на плечи человека, обремененного не только содеянным в жизни добром, но и содеянным в жизни злом.

Думаю, именно потому, что главный герой пьесы отнюдь не ангел, пьеса и заставляет больше задумываться над проблемой, поставленной мною, чем если бы героем ее был ангел во плоти.

Желаю Вам успеха. С товарищеским приветом

Константин Симонов.

12.VI.78

Впервые — в журн. «Театр», 1985, № 11.

А. В. ФЕВРАЛЬСКОМУ

22 июня 1978 г., ⟨Гульрипши⟩

Дорогой Александр Вильямович!

Я прочел с большим вниманием рукопись Вашей новой книги «Московские встречи». В связи с этим у меня возникли по ходу чтения следующие соображения: мне кажется, что материал в книге несколько разнохарактерен,— первая половина книги мне кажется очень «московской», очень интересной для широкого читателя — и работа в РОСТА, и работа в «Правде» очень, очень многое открывает — такие странички прошлого, о которых или забыли, или как следует не помнят, или просто не осведомлены. Эта первая половина книги дает очень, по-моему, любопытное представление о культурной, литературной, театральной жизни Москвы тех лет и о той роли, которую в этой жизни играла РОСТА и, в особенности, «Правда». К этому материалу примыкает и глава «В тридцатые годы» — театральная Москва тех лет. Глава «Искусство — это оружие», связанная со становлением ансамбля Александрова, теперь столь всесветно знаменитого, и с созданием Театра Советской Армии — тоже, на мой взгляд, интересна для широкого читателя, хотя в этой главе, мне кажется, многое следовало бы написать поэкономнее: есть длинноты и есть места, заскучняющие интересный в принципе текст.

Глава «Испания в Москве» мне показалась несколько выпадающей из книги, клочковатой, разбросанной на многие годы — это скорее не доведенная до кондиции статья, чем глава книги. Я бы на Вашем месте печатал бы — после соответствующей работы — эту статью отдельно, а не в книге.

Через главы Вашей книги проходит множество интереснейших людей — от Марии Ильиничны Ульяновой до Константина Сергеевича Станиславского,— сильна она, помимо всего прочего, и этим обстоятельством.

Две главы Вашей книги — о Дзиге Вертове «Вперед смотрящий» и Эйзенштейне, о его начале пути как театрального режиссера — сами по себе очень и очень интересны, но написаны несколько по-другому, чем остальные главы, рассчитаны, вернее, на другой круг читателей, на круг читателей-специалистов. Это в меньшей мере относится к главе об Эйзенштейне, которую можно, по-моему, вписать в книгу, и это будет часть театральной Москвы того времени, но при этом нужно будет, очевидно, где-то пересмотреть стиль изложения — переусложненный местами.

А глава о Дзиге Вертове в таком виде в книгу не вписывается: это маленькая монография, очень интересная, но очень специальная, которую, наверное, следовало бы напечатать в «Искусстве кино», может быть, доработав, отдельной небольшой книжечкой, а в эту книгу, о которой у нас с Вами идет речь, включить какую-то частицу этой главы, сказать о Дзиге Вертове как о явлении советской культуры тех лет, не вдаваясь в технологию его работы.

Если бы Вы согласились с таким планом в принципе, если б это Вас устроило, я считал бы себя вправе порекомендовать Вашу работу к рассмотрению в издательство «Московский рабочий», где я имею честь состоять членом редакционного совета. Мне кажется, такая книга — с учетом некоторых изменений, связанных с адресом читателя,— была бы очень нужной именно этому издательству и связанному с ним кругу читателей.

Рукопись возвращаю. Через месяц я буду в Москве. Если Вы придете к тому принципиальному решению, которое я изложил,— готов буду направить копию этого письма в издательство «Московский рабочий», сопроводив его письмом, адресованным уже непосредственно руководству издательства.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

22.VI.1978.

...рукопись Вашей новой книги...— См.: А. Февральский. Московские встречи. М., «Московский рабочий», 1982.

...работа в РОСТА...— Российское телеграфное агентство (РОСТА) — центральный информационный орган Советского государства в 1918—1925 гг.

Александров Александр Васильевич (1883—1946) — советский композитор и хоровой дирижер, организатор (в 1928 г.) и художественный руководитель Ансамбля песни и пляски Советской Армии.

Ульянова Мария Ильинична (1878—1937) — в 1917—1929 гг. член редколлегии и ответственный секретарь «Правды».

Вертов Дзига (Кауфман Денис Аркадьевич; 1896—1954) — советский кинорежиссер, зачинатель и теоретик советского и мирового документального кино.

Если бы Вы согласились с таким планом в принципе... — В письме в Комиссию по литературному наследию Симонова от 30 декабря 1981 г. А. Февральский сообщил: «...К. М. Симонов направил мою рукопись «Московские встречи» (после исправлений, внесенных мною по его советам) в издательство «Московский рабочий» еще 1 сентября 1978 года...» *(АКС).*

К. КАЛАДЗЕ

19 июля 1978 г., Гульрипши

Гульрипши

Дорогой Карло, сорок два года назад из маленького синего кабинета Антокольского навстречу мне вместе с хозяином вышел среднего роста крепкий человек, одетый в ловко сидевший на нем коричневый костюм и вишневого цвета рубашку, без галстука.

Таким был в тот день ты; каким был я — не помню, помню только, что мне не было еще двадцати одного года, а Антокольский, как всегда — до и после — был Антокольским.

С тех пор мы знаем друг друга. Лет двадцать тому назад я перевел твои стихи впервые и с тех пор продолжаю время от времени это делать. Делаешь это и ты примерно столько же лет.

Мы довольно часто живем рядом, на берегу одного и того же моря, и имели много случаев поговорить по душам о поэзии, о живописи и вообще о жизни, и этих случаев не упускали. Чаще не упускали, хотя иногда и упускали!

Это все для начала. А за этим несколько вопросов тебе, грузинскому поэту, с уговором, что на сколько моих вопросов ответишь мне ты, на столько же отвечу тебе я.

Первый. Почему я встретил тебя впервые не у кого-нибудь другого, а у Антокольского?

Второй. Как ты думаешь — почему мы оба поселились так близко друг от друга в Абхазии? По-моему, мы ведь не сговаривались об этом заранее?

Третий. Где ты задумал свою «Мединад»? Абхазия ли открылась тебе через древнюю Колхиду или Колхида через Абхазию?

Четвертый. Что ты испытываешь, когда написанную тобою на грузинском языке абхазскую песню абхазский поэт читает по-абхазски, а русский — по-русски?

Пятый. Вот мы сидим у тебя в доме, на берегу моря. Все видят тебя, и ты видишь всех. Все идут мимо тебя, заглядывая в твой дом

и в твои глаза. Это нужно тебе, поэт? Это помогает тебе? Это мешает тебе? Дом на виду у людей, и ты на виду у людей — это тоже часть твоей поэзии? Я бы, наверное, не мог так, но, может быть, ты бы не мог иначе?

Шестой. Когда и зачем, где и кому ты написал свои первые стихи?

Седьмой. Кто ты в своем самоощущении человека и поэта — человек города или человек деревни?

Восьмой. Я не замечал, чтоб тебя разрывало на части между урбанизмом и деревней... Не кажется ли тебе, что поэты чаще делают вид, что их разрывает пополам между этими полюсами притяжения, чем это происходит на самом деле? Как с этим обстоит в грузинской поэзии вообще и в твоей собственной?

Девятый. Я перевел твою поэму «Отец» и из нее знаю, вернее, чувствую многое. Чувствую, кем для тебя был отец. Не был ли он для тебя той Грузией, которую ты всегда любил и продолжаешь любить сильнее всего? Я говорю не только о человеке, но и о символе.

Десятый. Какое твое стихотворение люди больше всего любили в годы войны и за что?

Одиннадцатый. Оставались ли в тени, не замеченные переводчиками, стихи, которые ты любишь сам больше многих других, давно переведенных, и если так, то почему?

Двенадцатый. Почему я задаю все эти вопросы тебе как поэту, хотя давно бы пора задавать их тебе и как прозаику? Почему самые скромные люди, каких я только знаю,— а ты один из них,— имеют странный рефлекс — вынимать самопишущую ручку, только когда услышат у себя в голове постукивание рифмы изнутри по лбу, и почему они превращаются в ашугов, едва речь заходит о прозе?

Тринадцатый. Если ты, так же как и я, считаешь тринадцать счастливым числом, пусть мне посчастливится услышать под этим номером твои ответы на все вопросы, которые я еще не успел тебе задать.

Твой *Константин Симонов*, проживающий в поселке Гульрипши, в доме номер тринадцать по улице Набережной.

19.VII.78

Впервые — в *ЛР*, 1979, 30 ноября.

«Мединад» — поэма К. Каладзе, написанная в 1963 г.

...я перевел твои стихи впервые...— Первое переведенное Симоновым стихотворение К. Каладзе «Глаза» опубликовано в *НМ*, 1958, № 1.

...перевел твою поэму «Отец»...— Симонов перевел поэму К. Каладзе в 1966 г.

И. Н. Г-Ню

2 августа 1978 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Игорь Николаевич, вопрос Вы ставите по-своему интересный, но, по-моему, ставите его не с того конца, с какого надо. Настаивать на том, чтобы поэты непременно писали историю того, как у них получились или не получились те или иные стихи, написанные в годы Великой Отечественной войны, вряд ли следует. Многие написали об этом — так, столько и в той форме, в какой хотели. Достаточно посмотреть и книжки Луконина, и книжки Долматовского, и книжки Хелемского, и многие другие прозаические книги поэтов, названных мною и не названных, чтобы убедиться, что о стихах — и о своих и о чужих — и о том, как писались эти стихи, многое уже рассказано.

Писал и я о некоторых своих стихах, если мне казалось интересным поделиться с читателями какими-то подробностями, связанными с появлением того или другого стихотворения и с последующей историей этих стихов. Следы этого можно найти в целом ряде моих книг: и в книгах «Разные дни войны» — в военных дневниках, и в книге статей и воспоминаний «Сегодня и давно».

Почему я сказал, что Вы не с того конца беретесь за это дело? Потому что, если оно Вас горячо интересует, я думаю, что у Вас есть возможность заняться этим всерьез. Вы живете в большом городе, где есть хорошие библиотеки, и Вы можете, одну за другой читая или проглядывая книги поэтов, предисловия к книгам, послесловия, публикации в таком, скажем, журнале, как «Вопросы литературы», да и в других тоже, постепенно собрать такую книжку. Я думаю, что материала для этого достаточно, нужен только большой, может быть, многолетний труд для того, чтобы такую книгу сделать.

А вот когда Вы такую книгу в основном сделаете на базе уже опубликованного материала, то у Вас будет моральное право обратиться к некоторым поэтам, чьи стихотворения Вас особенно интересуют, и, заведомо зная, что они об этом ничего не написали и не публиковали,— попросить их дополнить собранные Вами материалы рассказом о создании тех или иных особо интересующих Вас стихов. В том случае, конечно, если они сочтут возможным и правильным откликнуться на Вашу просьбу.

Таков мой совет Вам, если Вы действительно серьезно интересуетесь этим делом и хотите, чтобы появилась такая книга.

С товарищеским приветом

К. Симонов.

2.VIII.78

Впервые — в «Неделе», 1979, 19—25 ноября, № 47.

...книжки Луконина...— См.: М. Л у к о н и н. Товарищ Поэзия. М., «Советский писатель», 1963 (второе, дополненное издание — 1972).

...книжки Долматовского...— См.: Е. Д о л м а т о в с к и й. Было. Записки поэта. М., «Советский писатель», 1973.

...книжки Хелемского...— Речь идет о кн. Хелемского Якова Александровича (р. 1914) «На темной ели звонкая свирель. Хроника, состоящая из 3-х частей (М., «Детская литература», 1971; второе издание — 1973); «За холмами — Гренада». (М., «Детская литература», 1977).

А. П. КОБЯКОВУ

4 августа 1978 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Александр Павлович!

Получил Ваше письмо и стихи, связанные с этим письмом.

Если Вы спросите о моих взглядах на эту, затронутую в Вашем письме проблему вообще, то я склонен к точности: если ты был военным корреспондентом — не называй себя солдатом; если ты сам не бывал под пулями — не говори «мы лежали под пулями», подразумевая среди других и себя.

Конечно, с людьми по-разному случалось на войне. Погибали от бомбежки, оказывались в окружении и погибали там не только солдаты и командиры, но, случалось, и актеры фронтовых театральных и концертных бригад. Думаю, если говорить не только о писателях, но и вообще о людях, вспоминающих войну и свое участие в ней,— дело совести каждого держаться как можно ближе к истине и поосторожнее обращаться со словом «мы» в тех случаях, когда употреблять его у человека нет достаточных оснований и права, прежде всего нравственного.

Вот мой взгляд на этот вопрос, затронутый Вами и в письме и в стихах.

Как Вы реально будете рассматривать этот вопрос с тем человеком, которого Вы упрекаете, считая, что он был не вправе писать те стихи, что Вы цитируете,— решать Вам самому. Я лично в таких случаях предпочитаю все, что считаю необходимым сказать или написать,— говорить и писать прямо тому человеку, которого, на мой взгляд, мне есть чем упрекнуть, или попытаться помочь ему занять правильную позицию и исправить сделанную им ошибку.

Вот, пожалуй, и все, что я могу Вам написать в связи с тем, о чем узнал от Вас.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

4.VIII.78

Впервые — в *ЛР*, 1982, 10 декабря.

Н. И. ПАЛИРБЛЕХ

4 августа 1978 г., ⟨Москва⟩

Уважаемая Наталья Исааковна,

не смог ответить раньше на Ваше письмо, потому что болел.

Очевидно, Вы правы — видимо, у меня, как и у каждого человека, написавшего довольно много книг, которые читает довольно широкий круг людей, есть определенный авторитет в среде этих читателей. Но авторитетом таким следует пользоваться разумно, то есть, опираясь на этот авторитет, поднимать, ставить, помогать разрешению только таких вопросов, в которых я что-то смыслю, в которых я опираюсь на какие-то собственные знания, собственный жизненный опыт.

Та проблема, связанная с медициной, о которой Вы пишете, в решении которой призываете меня принять участие, принадлежит к числу тех отраслей знания, в которых я мало что смыслю. А в таких случаях я считаю не вправе злоупотреблять своим авторитетом, ибо в данном вопросе я никакой не авторитет, а просто человек, ничего в этом не понимающий, но при этом обладающий более или менее известным в стране именем. В таких случаях, вмешиваясь в дела, в которых он не разбирается, человек пользуется своим авторитетом неверно, порой даже злоупотребляет им. Я бы этого делать не хотел.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

4.VIII.78

Впервые — в *ЛО*, 1985, № 10.

Д. П. ТРАВКИНУ

23 августа 1978 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Дмитрий Петрович!

Мне переслали из «Красной звезды» Ваше письмо.

Вы вспоминаете в нем о нашей встрече в 33-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал тогда полковник Утвенко. Личный состав дивизии находился в тот момент за Волгой на отдыхе и переформировании.

Помню, что во время митинга гвардейцев в небе было неспокойно, и товарищи, руководившие проведением митинга, проявили необходимую в таких случаях выдержку, и в итоге все обошлось благополучно.

Что же до Вашего воспоминания о том, как мы с Вами палили по немецкому самолету — Вы из автомата, а я из пистолета,— то это в памяти моей не удержалось. Ведь так оно много раз бывало во время войны, особенно в первой ее половине, в сорок первом и сорок втором году, что стреляли и из пистолетов, и из винтовок, и из автоматов по самолетам,— как правило, безрезультатно. Поэтому, видимо, случаи эти, не такие уж редкие у любого из нас, и не особенно удержались в памяти.

Другое дело, если бы в результате сбили самолет — тут уж, наверное, и мы об этом не забыли бы, и нас бы не забыли по тому времени наградить за такую удачу.

Однако при всех обстоятельствах хочу заметить Вам, что даже если я запамятовал, а Вы правы, и мы с Вами стреляли там по самолету, то хоть в какой-то мере сравнивать подобные поступки с тем, что делал, принимая огонь на себя, «сын артиллериста», лейтенант Лоскутов, или уж тем более с тем, что делал Талалихин или Гастелло, нет никаких оснований. То, о чем Вы вспоминаете — был или не был тогда этот случай с Вами и со мной,— в принципе все равно не более чем быт войны, быт лета сорок второго года. Все то, о чем Вы вспоминаете рядом с этим,— это подлинные подвиги людей. Как можно сравнивать одно с другим? Думаю, к этому нет никаких оснований. Вы — фронтовик, воевали в такой героической дивизии, как 33-я гвардейская, Вам есть, наверное, что рассказать о себе, о своих товарищах, о своем участии в боях. И то, что Вы можете об этом рассказать своим нынешним воспитанникам, гораздо более весомее и убедительнее для них, чем воспоминание о том случае, когда мы, как Вам помнится, стреляли по немецкому самолету.

Желаю Вам всего доброго, уважающий Вас

Константин Симонов.

23.VIII.78

Впервые — в *ВЛ*, 1985, № 5.

...встрече в 33-й гвардейской стрелковой дивизии...— О пребывании в сентябре 1942 г. в этой дивизии, находившейся под Сталинградом, о состоявшемся там митинге писатель вспоминает в *РДВ* (т. 9, с. 149 наст. собр. соч.).

...«сын артиллериста», лейтенант Лоскутов...— О прототипе Леньки — героя поэмы Симонова «Сын артиллериста» Лоскутове Иване Алексеевиче см. «Разные дни войны» (т. 8, с. 431—433).

Талалихин Виктор Васильевич (1918—1941) — летчик, Герой Советского Союза, одним из первых применил ночной таран.

Гастелло Николай Францевич (1907—1941) — летчик, Герой Советского Союза, погиб, направив свой подбитый самолет на вражескую танковую колонну.

23 августа 1978 г., ⟨Москва⟩

Уважаемая Изабелла Рекель!

Прежде всего хочу Вас поблагодарить за присланную Вами прекрасную книжку об Австрии. Я очень ценю Ваше внимание.

Постараюсь в меру сил ответить на вопросы, заданные Вами в Вашем письме.

Я противник стилизации разговорной речи как в прозе, так и в стихах. Но, на мой взгляд, диалог в прозе и в драматургии, в принципе, должен быть разговорным, в том смысле, что он отвечает своему назначению только тогда, когда все слова там можно представить себе не только написанными, но и сказанными вслух. Для меня, в моей собственной работе, такая проверка на слух обязательна. Не знаю, насколько мне удается, но я стремлюсь писать диалог так, чтобы можно было реально представить себе произнесенным все то, что мною написано.

Разговорность поэтического языка определяется жанром, в котором ты работаешь. Ну, скажем, есть у меня такая поэма «Иван да Марья», она написана в форме обращения к уже пожилой женщине, которую я знал с детства и к которой обращаюсь на «Вы» на всем протяжении повествования. Обращаюсь и в то же время как бы вместе с нею вспоминаю ее жизнь. Очевидно, различные разговорные интонации, по мере необходимости, проходят и через различные мои стихи, но я как-то никогда специально над этим не думал. Пользовался разговорной интонацией тогда, когда мне казалось, что это необходимо и что это к месту. Больше, пожалуй, думал о простоте стихотворной речи, о том, чтобы в стихах было поменьше необщеупотребительных слов, а уж тем более таких слов, которые требуют примечаний под текстом. Насколько мне помнится, к такому примечанию мне пришлось прибегнуть только единожды, хотя, впрочем, быть может, я и ошибаюсь.

Вы правы. Над стихами, готовя их к различным новым изданиям, я довольно часто заново работал, возвращался к ним, менял ту или другую строчку или строфу, казавшуюся мне не особенно удачной. Причина всегда была одна — стремление сделать стихи лучше. Сколько-нибудь коренным образом менять содержание каких-либо своих стихов мне никогда и не приходило в голову. Если мои настроения или мои представления менялись настолько резко с годами, что то или другое мое стихотворение я не мог без чувства внутреннего протеста читать вслух или видеть напечатанным в том виде, в каком оно печаталось раньше,— я просто-напросто отказывался от чтения и от публикации своих этих

стихов. Таких стихов было не очень много, но они были, и я неизменно соблюдал этот принцип.

Что касается стихов о любви, очевидно, естественно, что именно эти стихи чаще всего пишутся в молодости, и притом в наиболее бурное событиями время этой молодости. Так это произошло и у меня.

Да и вообще почти все стихи я написал в молодости — и любовные и не любовные. Последний серьезный приступ к стихам случился у меня к пятьдесят четвертому году, когда я почти весь год работал над стихами и поэмами. Позже возвращался к стихам очень редко, и только поездка во Вьетнам в семидесятом году, напомнившая мне о пережитом в начале второй мировой войны, вернула меня на короткое время к стихам и подтолкнула к тому, чтобы написать маленькую стихотворную книгу, в которой несколько стихов кажутся мне получившимися.

Мой отход от стихов связан с приходом к прозе. С пятьдесят пятого года проза стала для меня тем главным, чем я всецело занят, или почти всецело. И, очевидно, в этой прозе закопаны, зарыты где-то в глубине ее и все те стихи, которые я мог бы написать. Должно быть, так!

Да, за написанные во время войны любовные стихи мне доставалось от критики. Если говорить о некоторых частностях, то бывало, что и по заслугам. Доставалось не столько во время самой войны, сколько вскоре после нее. Были в этой критике элементы справедливости, справедливых упреков в недостатке вкуса и чувства меры, но было немало и ханжества. Критика эта на меня ни в какой степени тогда не повлияла, так что считать ее в чем-либо виноватой не приходится.

Желаю Вам успеха в Вашей работе,

уважающий Вас
К. Симонов.

23.VIII.78

Впервые — в *ЛР*, 1979, 30 ноября.

Рекель Изабелла — австрийский литературовед, специалист по русской советской литературе, стажировавшаяся в 1977 г. на филологическом факультете Ленинградского университета, ее дипломная работа была посвящена военной лирике Симонова.

...к такому примечанию мне пришлось прибегнуть только единожды, хотя, впрочем, быть может, я и ошибаюсь.— Симонов, видимо, имел в виду стихотворение «У огня», где употреблена фраза, сказанная по-испански, перевод ее дается в примечании. Второй подобного рода случай — стихотворение «Новогодняя ночь в Токио», в котором употреблено несколько английских фраз.

31 августа 1978 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Альфред Андерш!

Довольно длительное нездоровье, связанное с пребыванием в больнице, помешало мне написать Вам раньше о том большом впечатлении, которое на меня произвел Ваш роман «Винтерспельт», который я наконец смог прочесть по-русски, после того как он был опубликован в русском переводе в пятом и шестом номерах журнала «Иностранная литература» за этот год.

Прежде всего о переводе. Как человек, не знающий немецкого языка, я не могу, разумеется, судить сколько-нибудь профессионально о тонкостях перевода, о его идентичности и т. д. и т. п., но просто как русский читатель Вашего романа, воспринимающий всю его художественную ткань на русском языке, хочу сказать, что, на мой взгляд, роман Ваш на русском языке звучит превосходно. Его читаешь, все время размышляя над ним, но нигде не спотыкаясь о те неуловимые препятствия, которые создает перевод плохой или неточный.

Добавлю, на этот раз уже как человек нашего военного поколения, в русском переводе и фразеология войны и вообще того времени дана точно и при этом ненавязчиво. Словом, воспринимается как нечто само собой разумеющееся для повествования о том времени и тех событиях.

Добавлю, пожалуй, что и послесловие, написанное в журнале переводчиком Вашего романа, его заметки о Вашем творчестве читаются с интересом и с пользою. Они как бы вводят в атмосферу создания романа, подводят к мысли о внутренней необходимости для Вас написать именно такую книгу о прошлом именно в наши тревожные времена. Во всяком случае, мне показалось, что это достойное и серьезное послесловие к Вашей прекрасной книге, причем послесловие, написанное с открытой душой, с желанием искренне разобраться и в общественных позициях, и в нравственных устремлениях автора и правильно понять их.

Теперь о самой Вашей книге. Я читал ее медленно, иногда возвращаясь к прочитанному раньше и перечитывая его заново. Очевидно, на это подталкивал меня тот способ исследования жизни, который Вы применили, то концентрическое возвращение к истокам уже происшедших событий, которые меня, как читателя, заставляют сосредотачиваться и идти за Вами вслед по той спирали, на которой держится повествование. Вернее, к тем нескольким спиралям, на которых оно и держится и которые все вместе образуют его общий ход.

Одна из самых сложных, наверное, писательских задач — знакомство читателя с героем или, шире говоря, героями. Иногда это удается сразу, с одной страницы. Иногда вовсе не удается — как не раз случалось со мной при всех моих последующих попытках поправить первое неудачное знакомство.

Вы, при некоторой, казалось бы, алогичности формы, в сущности, построили знакомство читателя с Вашими героями чисто по-житейски, как в жизни, когда мы узнаем все, что нам предстоит узнать о человеке, вовсе не в той последовательности, в какой это обычно излагается в литературе,— узнаем разное, в разное время, в разной, иногда очень причудливой последовательности. И в таком способе знакомства есть нечто очень привлекательное и благодаря присутствию неожиданности, и благодаря отсутствию последовательности. Остается и что-то недоговоренное, так и не узнанное и составляющее предмет и для догадок и для размышлений. Как это бывает и в жизни с людьми, с которыми еще хочешь встретиться, которые продолжают оставаться для тебя интересными после того, как они исчезли из твоего поля зрения.

Для меня к таким людям в Вашем романе в наибольшей степени принадлежит Ваша Кэте и Ваш трагический Динклаге. В этих людях, как мне кажется, я больше понимаю, чем в других; во всяком случае мне хочется как-то по-своему распорядиться их будущей судьбою и, как это ни смешно звучит, хочется сделать для них что-то хорошее, как будто это от меня зависит. Но ведь это немножко смешное чувство возникает в нас лишь тогда, когда что-то в людях, которых мы узнали, заставляет нас любить их какой-то частью своей души. А именно так и произошло со мною, когда я расстался с этими двумя людьми, дочитав Ваш роман.

Две других опорных точки построенного Вами здания — Шефольд и Хайнштоk для меня дальше: я ощущаю их более отторженно — и не социально и не биографически, а скорее по разности натур, по далекости мироощущения.

С огромной, простой и спокойной силою написан у Вас Райдель. Скорее даже не написан, а осуществлен. Он воспринимается как нечто существовавшее и продолжающее существовать, причем отнюдь не только в той национальной оболочке, в которой он реально проявляется в романе. Читая страницы, связанные с Райделем, я много раз вспоминал, пожалуй, самый важный для меня фильм о войне — фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Там этот вопрос, который символизируется фигурой Райделя, тоже взят просто, беспощадно и широко.

Хотелось бы добавить еще многое, но письмо мое и без того, кажется, выходит слишком уж длинным.

Я очень рад, что смог прочесть Вашу книгу, и потому, что это очень хорошая книга, и потому, что для меня это — еще какая-то,

до сих пор отсутствовавшая часть знакомства с очень хорошим человеком — с Вами!

Хочу задним числом выразить Вам дружескую признательность за те страницы Вашего послесловия, которыми была сопровождена в «Ди Цайт» публикация моего открытого письма к Вам. Я высоко ценю Ваше отношение ко мне.

Желаю Вам здоровья и доброй работы.

Глубоко уважающий Вас,

Ваш

К. Симонов.

31 августа 1978.

Впервые — в *ЛГ*, 1979, 26 декабря.

Андерш Альфред (1914—1980) — немецкий писатель, живший в Швейцарии.

Прежде всего о переводе.— Роман «Винтерспельт» перевела И. Млечина.

Фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм».— Снятый в 1965 г. М. Роммом по сценарию М. Ромма, М. Туровской, Ю. Ханютина фильм. См. о нем статью Симонова «Без иллюзий» (т. 11 наст. собр. соч.).

...еще какая-то, до сих пор отсутствовавшая часть знакомства...— Симонов познакомился с А. Андершем в 1975 г. в Москве на международной встрече «Исторический опыт второй мировой войны и ответственность писателей за судьбы своего народа и человечества». В феврале 1977 г. Симонов писал А. Андершу: «...не смог прочесть Ваш роман «Винтерспельт», написанный на волнующую меня тему и высоко оцененный несколькими владеющими немецким языком моими коллегами, чьим оценкам я имею все основания верить. ⟨...⟩ к сожалению, я столкнулся с законным нежеланием переводчика показывать мне еще не готовую, не завершенную им работу» (т. 11, с. 530 наст. собр. соч.).

...публикация моего открытого письма к Вам.— См. «Откровенность за откровенность (Открытое письмо немецкому писателю)» и примеч. к этой статье (т. 11 наст. собр. соч.).

И. Я. БРАЖНИНУ

14 октября 1978 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Илья Яковлевич!

Спешу без отлагательств ответить на Ваше письмо. Беда в том, что я, понимая все значение Тютчева в нашей поэзии и очень любя несколько его стихотворений, в то же время не принадлежу к числу людей, увлеченных им и ставящих его в первый ряд нашей поэзии. То же самое у меня и с Фетом. Мне значительно ближе, чем они оба,

например, Алексей Константинович Толстой,— и ближе и милей. Поэтому, наверное, мое предисловие пошло бы вразрез с Вашею книгою, да и как-то в голову не приходит — что́ бы я мог такое написать о Тютчеве — прямо так вот, без специального обдумывания и подготовки, чтобы это заслуживало самого названия «Предисловие».

В общем, не серчайте на меня, но исполнить Вашу просьбу не могу. Занят, и правда, как говорится, до отказа и поверх головы, но причина все-таки не в этом, а в сути дела.

Обнимаю Вас и от души желаю успеха Вашей книге.

Ваш

Константин Симонов.

14.X.78

Впервые — в *ЛО*, 1985, № 10.

Бражнин Илья Яковлевич (1898—1982) — русский советский писатель.

...вразрез с Вашею книгою...— Рукопись И. Бражнина не была опубликована, глава из нее — «Цветы рассказывают» — напечатана в журнале «Аврора» (1976, № 8).

С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

26 октября 1978 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Сергей Николаевич!

Прочел Вашу «Недопетую песню». Сначала с благодарностью за доброе отношение ко мне прочел тронувшую меня надпись на книге, а потом и саму книгу.

На мой взгляд — современника, в какой-то мере участника событий тех лет — самые интересные главы — первые две,— то есть интереснее всего сам Ваш рассказ о том, как трудно и в каких обстоятельствах писался роман, как на него смотрел Фадеев, как это отражалось в его сознании и в жизни. Читать все это больно, но необходимо.

По поводу Вашего предположения о возможности существования еще каких-то глав «Черной металлургии» должен сказать, что оно мне тоже приходило иногда в голову, но все-таки мне кажется, что таких глав не существовало. Не в нраве Фадеева было уничтожать написанное, поэтому думаю, что здесь более простое объяснение ближе к истине, особенно вспоминая некоторые обстоятельства, те портфели с материалами к роману, которые в двух случаях при мне Фадеев показывал,— думаю, что, говоря о том, что половина романа написана, он имел в виду весь масштаб сделанной работы. А масштаб сделанной подготовительной работы действительно был очень

велик, даже и с точки зрения просто-напросто записанного. Где-то в сознании его, мне кажется, сидело ощущение, что дело может пойти как с «Молодой гвардией»,— вдруг начать писаться так же вот стремительно, как он писал в те несколько месяцев, в которые, в сущности, была написана почти вся «Молодая гвардия», запоем писал. Мне даже кажется, что таким вот запоем написаны эти главы, напечатанные в «Огоньке», а дальше что-то хрустнуло и остановилось.

Вот мои соображения по поводу этой Вашей, вроде бы не лишенной оснований, но все же, по-моему, нереальной догадки.

Очень рад за Вас, за то, что вышла эта Ваша книга. Рад был бы Вас навестить, но, видимо, меня скоро самого наладят в больницу, а до этого, вопреки врачам, придется совершить поездку в Грузию. Поездка для меня интересная, но, по мнению врачей, нежелательная, ну да семь бед — один ответ.

Крепко жму Вашу руку, желаю Вам только одного — здоровья.

Ваш
К. Симонов.

26.X.78

Впервые — в *ЛГ*, 1979, 26 декабря.

Преображенский Сергей Николаевич (1908—1979) — русский советский критик.

...Вашу «Недопетую песню».— С. Преображенский. Недопетая песня. О романе А. А. Фадеева «Черная металлургия». М., «Современник», 1977.

...предположения о возможности существования еще каких-то глав «Черной металлургии»...— Неоконченный роман, над которым А. Фадеев работал с 1951 г. до конца жизни. Симонов имеет в виду мысль С. Преображенского о том, что «написано Фадеевым для «Черной металлургии» было гораздо больше этих восьми глав» (С. Преображенский. Недопетая песня, с. 8).

...главы, напечатанные в «Огоньке»...— Под названием «Улица в утреннем тумане» («Огонек», 1954, № 42—45).

С. Г. ЛАПИНУ

27 октября 1978 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Сергей Георгиевич!

Уезжая завтра в Грузию, хочу еще до отъезда хотя бы в предварительном порядке осветить тот вопрос, который возник у нас с Вами при просмотре фильма «Михаил Афанасьевич Булгаков (Литературное наследство)».

В какой мере широкий зритель, которому предстоит увидеть этот фильм, мог уже встречаться до этого с теми или иными произведениями Михаила Булгакова в разных жанрах и разных видах искусства?

Начнем с прозаических произведений, дошедших до читателя за последние годы в журнальных и газетных публикациях. В наших журналах за эти годы появилось двенадцать публикаций рассказов и фельетонов Булгакова, в том числе в таких журналах, как «Юность» (тираж 2 600 000 экз.), «Семья и школа» (1 300 000), «Сельская молодежь» (350 000), «Аврора» (130 000), «Наш современник» (110 000), «Звезда Востока» (100 000).

В наших газетах за эти же годы появилось девятнадцать публикаций различных произведений Булгакова, в том числе две публикации в «Комсомольской правде» (тираж 10 000 000 экз.), десять публикаций в «Литературной газете» (2 700 000 экз.), три публикации в «Неделе» (свыше миллиона экз.), три публикации в «Литературной России» (150 000 экз.).

Стоит добавить, что среди опубликованного — ряд лучших рассказов Булгакова, таких, как «Ханский огонь», «Морфий», «Я убил», «Красная корона», а также главы из романа «Белая гвардия».

Цикл «Записки юного врача» был опубликован отдельной книжкой в библиотечке «Огонька» (115 000 экз.).

Книга «Жизнь господина де Мольера» вышла в серии «Жизнь замечательных людей» тиражом 150 000 экз.

«Записки юного врача» вместе с романом «Белая гвардия» и «Жизнью господина де Мольера» и «Театральным романом» были напечатаны в однотомнике Булгакова «Избранная проза», вышедшем в 1966-м году в «Художественной литературе» (тираж 50 000 экз.).

«Белая гвардия» и «Театральный роман» (повторно) и «Мастер и Маргарита» (впервые) были опубликованы в однотомнике Булгакова «Романы», вышедшем (кстати сказать, с моим предисловием) тоже в издательстве «Художественная литература» в 1973 году и сейчас, в этом году, выходящем вторым изданием.

Хочу добавить, что, говоря о круге читателей книжных изданий романов «Мастер и Маргарита» и «Театральный роман», к ним следует добавить еще и куда более широкий круг читателей этих же произведений, опубликованных предварительно в журналах «Москва» (тиражом 150 000 экз.) и «Новый мир» (тиражом 185 000 экз.).

Сборники пьес Булгакова трижды за эти годы выходили в издательстве «Искусство» — в 1955-м, 1962-м и 1965-м годах, обычным для пьес тиражом — каждый раз по 10 000 экз.

Но число людей, знакомых с пьесами Булгакова, разумеется,

определяется не тиражом сборников пьес, а количеством постановок. Булгаков все эти годы много и широко идет на нашей сцене. На сегодняшней театральной афише Москвы — пять спектаклей по Булгакову: «Бег» в Театре сатиры и в Театре им. Маяковского, «Иван Васильевич» в Театре киноактера, «Дни Турбиных» во МХАТе и инсценировка «Мастера и Маргариты» в Театре на Таганке. Как драматург скажу, что такому присутствию на московской афише можно позавидовать.

Ко всему сказанному, если говорить уже не просто о широком, а о массовом зрителе, следует добавить поставленный по пьесе Булгакова двухсерийный кинофильм «Бег» и кинокомедию «Иван Васильевич меняет профессию».

Не обошло своим вниманием Булгакова и телевидение — неоднократно показывался телеспектакль «Всего несколько слов в честь господина де Мольера». Дважды читался по радио рассказ «Морфий».

Дважды — в 1973-м и 1976-м году — показывался по телевидению кинофильм «Бег».

И, наконец, по заказу Гостелерадио был сделан трехсерийный кинофильм «Дни Турбиных», демонстрировавшийся в 1967-м году по первой программе.

Может быть, в силу краткости времени, которым я располагал, я что-нибудь пропустил, но если собрать все перечисленное, то картина знакомства широкого читателя и зрителя с различными произведениями Михаила Булгакова, по правде говоря, поразила своими масштабами даже меня, председателя Комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию Булгакова.

Полагаю, что у нас есть полное нравственное право всерьез поговорить с телеэкрана о литературном наследии Михаила Булгакова.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

27.X.1978 г.

А. М. БОРЩАГОВСКОМУ

13 ноября 1978 г., ⟨Москва⟩

Милый Шура,

как я уже говорил Вам по телефону, я прочел Вашего «Кузнеца». Прочел с интересом, кусками — с волнением и с каким-то странным чувством — что прочитанная мною до этого Ваша переписка с американцами и вообще узнанная от Вас заранее драматическая история создания книги чем-то ослабили во мне впечатление от нее самой. Видимо, я постепенно становлюсь окончательно осатане-

лым документалистом — и в этом и лежит причина испытанных мною в данном случае чувств.

Книгу рассказов прочел сейчас, по дороге в Грузию и из нее, немного побаливая и глядя в окно на невеселые в неповторимости своей пейзажи земли нашей в это время года.

Вы, наверно, правы, что большинство написавшегося в Ваших рассказах и есть то самое главное, из-за чего писатели живут на свете, один из-за одного, другой из-за другого, где-то незримо смыкающегося и в людях, про которых пишем, и в нас, пишущих.

Очень мне понравился рассказ «Не чужие» — вернее, повесть, или даже роман, вжатый в рассказ без привходящих. Прекрасная вещь — «Ноев ковчег». И «Суховей» — пронзителен, хотя где-то внутри чувствую в нем две-три каких-то лишних, по сюжету нужных, а по жизни ненужных подпорочки. «Три тополя» и читал и видел. Читал снова, и снова грустно. «Где-то я тебя, парень, видел» — рассказ удивительно простой в своей естественности, и жестокости, и человечности — вообще очень хороший, так же как и примыкающий к нему «Осенью» с его удивительной концовкой.

«Любовь Петровна, Сергей Иванович» читалось без сочувствия, как нечто правдивое, но не страшное именно из-за того, что остался слишком очевидный скелет жизни, кабы он лишь просвечивал — было бы страшней.

Очень рад был прочесть эту Вашу книгу и продолжаю думать над нею и над нашей невеселой, но все равно стоящей того, чтобы жить, жизнью.

Будьте здоровы, Шура!

Ваш

К. Симонов.

13.XI.78.

Впервые с сокращениями — в воспоминаниях А. Борщаговского «Жизнь, стоящая того, чтобы жить» (см. «Константин Симонов в воспоминаниях современников»).

Борщаговский Александр Михайлович (р. 1913) — русский советский писатель.

...прочел Вашего «Кузнеца».— Исторический роман «Где поселится кузнец» (М., «Советский писатель», 1976; второе издание — 1978).

...Ваша переписка с американцами...— Заметки «Страницы прошлого» (*ВЛ,* 1978, № 5).

Книгу рассказов прочел сейчас...— А. Борщаговский. Не чужие. М., «Советская Россия», 1978.

...Вы, наверно, правы...— А. Борщаговский писал Симонову 21 августа 1978 г.: «Посылаю и другую книгу — первый мой сборник рассказов. Может быть, это в наибольшей степени м о я книга, может быть, в ней мое естество раскрывается больше, чем где бы то ни было. ⟨...⟩ Просто это —

самое точное «оконце», сквозь которое с наибольшей точностью можно увидеть меня, без грима, прикрас, без «ширм» всякого рода — вроде важности темы, познавательного интереса и т. д.» (*АКС*).

«Три тополя» и читал и видел...— Рассказ «Три тополя на Шаболовке», который стал основой фильма «Три тополя на Плющихе», поставленного в 1968 г. Т. Лиозновой.

Р. М. АЛЕКСИНОЙ

13 ноября 1978 г., ⟨Москва⟩

Уважаемая Раиса Митрофановна!

Задержался с этим письмом, потому что довольно длительно болел. К сожалению, не все успел сделать, что хотел бы.

Начнем с Ленинграда. В Ленинград я поехал незамедлительно, вскоре после приезда из Орла. Созвонился там с музейными работниками, предупредил, что поеду на кладбище, и на следующий день поехал туда.

Кладбище, вообще говоря, находится в состоянии хорошем, дай бог бы так всюду и с таким вкусом и вниманием относились к делу. Как раз в день моего приезда, когда я смотрел кладбище, очевидно, получилось такое совпадение, начали заниматься могилой Лескова, приведением в порядок креста на ней. Унесли его, чтобы сделать соответствующую работу.

Что касается ограды, о которой Вы мне говорили, то здесь на месте выразили сомнение в том, что ограда была как первоначально существующая. Ограды тут уже снимались и переставлялись и ставились не к тем памятникам, к которым они были первоначально предназначены. Все было в разные времена. Сейчас за кладбищем ухаживают очень любовно и стараются, чтобы все оно имело вид скромный, достойный и, я добавил бы, просторный, чем оно выгодно отличается от многих других кладбищ, скажем, от Ново-Девичьего.

В общем, что могила Лескова будет приведена в порядок, у меня сомнений не возникло. Что касается надписи на могиле А. Н. Лескова, куда похоронена Анна Ивановна Лескова, в ответ на мой вопрос, как там будет с надписью, мне сказали, что надпись будет сделана, но не подробная, как того, по словам работников музея, кто-то хотел, а обыкновенная, с именем, отчеством и фамилией. Без расшифровки, что она была другом, сотрудницей А. Н. Лескова в его трудах, связанных с биографией отца, и так далее, что, дескать, такого рода расшифровке место в книгах, биографиях, предисловиях, а не на могильных камнях.

Я думаю, что если действительно в предисловии к новому изданию книги Андрея Лескова об его отце будет рассказано достаточно подробно и уважительно о той роли, которую в работе над этой книгой, героической книгой, сыграла его супруга Анна Ивановна, то это будет как раз то, что нужно. На памятнике этой истории все равно не расскажешь. Но о том, чтобы это было сделано в книге, следует позаботиться.

Тешу себя надеждой, что визит мой на кладбище, интерес, проявленный к этому, был в данном случае не бесполезен для дела. Я только из-за болезни не успел об этом Вам сразу же написать.

Теперь о самой книге. Вы значительно лучше меня знаете все, что связано с нею, как это видно не только из наших разговоров, но из Ваших писем. И я бы не хотел помешать каким-то планам, которые возникают в настоящее время. Может быть, те планы, которые выдвигаются другими товарищами, наиболее целесообразны и составлены с наибольшим знанием дела. Я же пока пришел к такому взгляду. До 1981 года времени осталось, в общем, не так много. Очевидно, моя первоначальная идея о том, чтобы обратиться к академику Лихачеву с просьбой об издании «Жизни Николая Лескова» в описании его сына в качестве литературного памятника, потребует для своего обсуждения при любом решении вопроса — положительном или отрицательном — очень много времени, тем более что этот случай принятия положительного решения окажется своего рода прецедентом, а прецедент — дело, всегда требующее особого, тщательного обдумывания, особенно в литературоведении.

В итоге я пришел к выводу, что надо действовать более наверняка, и поэтому написал ныне письмо в Гослитиздат о необходимости переиздания к 81-му году замечательной книги Андрея Лескова «Жизнь Николая Лескова». Написал я это письмо в качестве члена редакционного совета издательства и обратился с ним непосредственно к директору издательства и его главному редактору. Буду теперь ждать результатов.

Что касается авторов проекта — скульпторов отца и сына Ореховых, то если у них возникнет желание повидаться со мной или с Ларисой Алексеевной, мы с охотою со своей стороны это сделаем.

Наши телефоны в Москве: 151-05-74, а на даче 334-59-74. Если они позвонят по одному из этих телефонов, можно будет встретиться.

Желаю Вам всего доброго. Благодарю за письма. Сердечный привет от Ларисы Алексеевны. Надеюсь, что с лесковскими делами все в итоге будет в порядке.

Уважающий Вас

К. Симонов.

13.XI.78

Впервые — в *ЛГ*, 1979, 26 декабря.

Алексина Раиса Митрофановна (р. 1926) — музейный работник, зав. Домом-музеем Н. С. Лескова с 1974 по 1981 г., затем персональный пенсионер, ст. научн. сотрудник Государственного музея Тургенева.

...после приезда из Орла.— Симонов был в Орле в августе 1978 г.

...предупредил, что поеду на кладбище...— Н. С. Лесков похоронен в Ленинграде на Волковом кладбище. В письме Комиссии по литературному наследию К. Симонова от 7 марта 1982 г. Р. Алексина пишет, что «только с помощью К. М. удалось реставрировать «памятный знак» на могиле, надпись на постаменте».

А. Н. Лесков — Лесков Андрей Николаевич (1866—1953), русский советский писатель, сын Н. С. Лескова, см. о нем письмо Симонова А. И. Пузикову от 21 ноября 1978 г.

Лескова Анна Ивановна (1894—1976) — жена А. Н. Лескова.

До 1981 года времени осталось, в общем, не так много.— В июне 1981 г. широко отмечалось 150-летие со дня рождения Н. С. Лескова.

Лихачев Дмитрий Сергеевич (р. 1906) — русский советский литературовед и историк культуры, академик АН СССР, председатель редакционной коллегии серии «Литературные памятники».

...написал ныне письмо в Гослитиздат...— См. письмо А. И. Пузикову от 21 ноября 1978 г. Книга А. Лескова «Жизнь Николая Лескова. По личным, семейным и несемейным записям и памятям» была переиздана в 1981 г. Приокским издательством в Туле. В 1984 г. издательство «Художественная литература» выпустило ее в 2-х томах с обширным комментарием.

...скульпторов отца и сына Ореховых...— Ореховы Юрий Григорьевич (р. 1927) и Юрий Юрьевич (р. 1950) — скульпторы, авторы памятника Н. С. Лескову, открытого в Орле 11 июня 1981 г.

И. КАСУМОВУ

13 ноября 1978 г., Москва

Дорогой Имран!

Не хочется прибегать к скоропалительному содействию телеграфа.

Заранее зная, что всего какая-то дюжина дней отделяет Вас, мой дорогой друг, от вступления в наш молодежный (по нынешним временам) Орден шестидесятилетних, хочу заранее же сказать Вам, что все это не так страшно, как кажется, при том условии, что руки продолжают тянуться к работе, а в усталой, да, все-таки усталой душе что-то продолжает гореть незаметней, но сильней, чем прежде.

Дай Вам бог счастья, я давно и неизменно желаю Вам добра! А если к счастью душевному приложатся еще и земные его выражения в виде добрых слов и заслуженных наград — тем лучше!

К моим поздравлениям присоединяется моя жена.

Ваш
Константин Симонов.

Москва
13.II.78

...Орден шестидесятилетних... — 25 ноября 1978 г. И. Касумову исполнилось 60 лет.

А. И. ПУЗИКОВУ

21 ноября 1978 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Александр Иванович!

Минувшим летом я ездил в Орел, побывал, в частности, в Домемузее Н. С. Лескова, узнал о решении Совета Министров РСФСР соорудить в Орле памятник этому замечательному русскому писателю к 150-летию со дня рождения, которое будет отмечаться в июне 1981 года, и подумал о необходимости переиздания к юбилею книги его сына «Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям».

Книга Андрея Николаевича Лескова, изданная в 1954 году Гослитиздатом тиражом 10 тысяч экземпляров и давно ставшая библиографической редкостью, забыта издателями по совершенно непонятным причинам. Превосходно написанная, основанная на личных наблюдениях автора и на богатейших фактических материалах, она еще в рукописи была горячо рекомендована к печати А. М. Горьким и, конечно, заслуживает более широкого распространения вместе с предисловием В. Десницкого, напечатанным в первом издании, где рассказано и о драматической судьбе рукописи А. Н. Лескова, все экземпляры которой погибли во время Великой Отечественной войны, и о героическом труде автора по ее воссозданию.

Хочу добавить несколько добрых слов и о личности автора этой книги. Полковник старой русской армии, он после победы Октября был в числе тех офицеров-патриотов, которые активно помогали становлению Вооруженных Сил Страны Советов. За службу в пограничных войсках А. Н. Лесков к десятилетию ВЧК — ОГПУ был награжден почетным значком чекиста и именными часами с надписью: «За преданность делу пролетарской революции». Уйдя в отставку в 1931 году, он посвятил себя литературной работе и в 1940 году был принят в члены Союза советских писателей. Убеж-

ден, что эти обстоятельства тоже должны играть роль при решении вопроса о переиздании книги.

Как член редакционного совета издательства «Художественная литература» вношу предложение о включении книги «Жизнь Николая Лескова» в план выпуска на 1980 год и надеюсь на поддержку этого предложения со стороны Валентина Осиповича и Вашей.

Пользуюсь случаем, чтобы сказать, что я рад высокой оценке Вашего личного вклада в создание Библиотеки Всемирной Литературы. Поздравляю Вас!

С товарищеским приветом

К. Симонов.

21 ноября 1978 года

Впервые — в *ЛГ*, 1979, 26 декабря.

Пузиков Александр Иванович (р. 1911) — русский советский литературовед, в то время главный редактор издательства «Художественная литература».

Минувшим летом я ездил в Орел...— См. примеч. к письму Симонова Р. М. Алексиной от 13 ноября 1978 г.

Десницкий Василий Алексеевич (1878—1958) — русский советский литературовед.

...со стороны Валентина Осиповича...— Осипов Валентин Осипович (р. 1932) — в то время директор издательства «Художественная литература».

...рад высокой оценке...— За участие в издании Библиотеки всемирной литературы (БВЛ), выпущенной издательством «Художественная литература», А. Пузиков был удостоен Государственной премии СССР.

М. В. СЕМЕНОВУ

22 ноября 1978 г., ⟨Москва⟩

Уважаемый Михаил Владимирович!

В принципе, когда состоятся такие встречи, вечера, которые были в Тбилиси, в которых участвует много народу, я всегда живу там же, где живут мои товарищи. В данном случае исключение из правил было вызвано тем, что я для того, чтобы поехать в Тбилиси, поднялся с постели, будучи болен воспалением легких, продолжал болеть все время пребывания в Тбилиси и болен по сей день, вернувшись оттуда.

Вот единственная причина, по которой я сам стремился обойтись без других встреч, кроме самых необходимых, и товарищи стремились мне помочь в этом. Так что, мне думается, я не грешен

перед Вами. Тем более что к этому надо добавить два обстоятельства: во-первых, всегда, когда я договариваюсь с корреспондентами (я сам старый корреспондент), выполняю свои обязательства, встречаюсь с ними в тот час, на который эта встреча у нас назначена, и уделяю на нее столько времени, сколько мы обусловили заранее. Всегда считал и продолжаю считать это своим долгом при наличии предварительной договоренности. Второе. По опыту собственной корреспондентской работы привык иметь при себе корреспондентское удостоверение, имею его и сейчас, если обращаюсь к кому-то как корреспондент «Правды». Думаю, что это элементарное правило, которое следует соблюдать. Не обязательно писателю, разумеется, встречаться только с корреспондентами, да и ни к чему встречаться только с корреспондентами, встречаемся со многими, самыми разными людьми. Но коли человек рекомендует себя корреспондентом и говорит, что он собирается взять беседу как корреспондент, то правильно с его стороны иметь в кармане корреспондентский билет или корреспондентское удостоверение. Видимо, у Вас его с собою не было, когда Вы пришли туда, где я жил. Во всяком случае, так мне сказали товарищи. Если они мне сказали неправду, то это остается на их совести. Не хотелось бы, чтобы у Вас оставалось чувство обиды. В данных сложившихся обстоятельствах я за собой вины не чувствую.

Уважающий Вас

Константин Симонов.

22.XI.78

В ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО»

19 декабря 1978 г., ⟨Москва⟩

Эту рукопись, принадлежащую перу активного деятеля МХАТа на протяжении долгих лет, а затем — одного из наиболее видных историков этого театра, Виталия Яковлевича Виленкина, я прочел со вниманием и немалым интересом. Это внимание и этот интерес были связаны для меня, во-первых, с открытием для себя многого, ранее неизвестного или известного мне слишком приблизительно, в общих чертах, а в работе Виленкина изложенного с вызывающей большое уважение достоверностью, доскональностью, документальностью. Во-вторых, меня привлек и самый жанр этой работы, в основе своей мемуарной, но в то же время далеко уходящей за пределы мемуаров, и по охвату времени, которое берет автор, и в связи с присутствием, и широким присутствием, в работе чисто исследовательского элемента. Эта работа — не только мемуары, но и художественное исследование проблем искусства, причем проблемы эти исследуются не в общей форме, а неизменно с опорой на

реальных и каждый по-своему замечательных людей нашего искусства и литературы, на их жизнь, их созидательную деятельность, их отношения с другими людьми, с театром и с обществом.

Думаю, что для такой работы, как эта, название «Воспоминания с комментариями» как нельзя более подходит, таким, по-моему, оно бы и должно остаться. Если же по каким-либо причинам автор или издательство будут склоняться к иному названию, то ныне существующее — при всех обстоятельствах — необходимо оставить как подзаголовок. Оно отвечает тому, с чем ты встречаешься, начав читать работу, и как бы предуведомляет тебя, готовит к тому, чего ты должен ожидать от нее.

Моя общая оценка рукописи В. Я. Виленкина безоговорочно положительная, и я как рецензент считаю себя вправе голосовать за ее публикацию, присовокупив к этому, что чем скорее выйдет такая книга, в основной своей части представляющая собой очень живую и персонифицированную историю МХАТа, тем это будет лучше.

А теперь несколько соображений, которые, может быть, пригодятся автору. Предупреждаю, что я не читал рукопись с карандашом, да и написана она столь тщательно, что, в общем, в этом не особенно и нуждается со стороны рецензента,— хотя вполне допускаю, что в такой обширной рукописи при всем тщании автора может набраться какое-то количество описок или недосмотров, не бросившихся мне в глаза как рецензенту, но, несомненно, не минующих внимания редактора.

Мои соображения другого рода. И начну я их с последней части рукописи, где даны воспоминания с комментариями о Михаиле Афанасьевиче Булгакове и Анне Андреевне Ахматовой, о литераторах или прямо причастных к деятельности МХАТа, как Булгаков, или близких если не ко МХАТу в целом, то во всяком случае к ряду его выдающихся деятелей, как это имеет место с Анной Андреевной Ахматовой. Не только по любви к произведениям Булгакова, но и по обязанностям председателя Комиссии по его литературному наследию я читал многочисленные как опубликованные, так и пока не опубликованные воспоминания о Булгакове и полагаю, что те воспоминания с комментариями, которые дает в своей книге Виталий Яковлевич Виленкин, принадлежат к числу наиболее интересных, достоверных воспоминаний. Я позволяю себе говорить о достоверности, потому что когда читаешь подряд многие воспоминания, связанные с одним и тем же человеком в один и тот же примерно период его жизни, то от сличения их с достаточными основаниями приходишь к выводам об относительно большей достоверности одного по сравнению с другим. Так вот, воспоминания Виленкина представляются мне, и я думаю — я не ошибаюсь, одними из наиболее достоверных. Надо добавить, что это вообще соответствует характеру его книги, взятой в целом.

Написанное В. Я. Виленкиным об Ахматовой, о ее жизни, ее поэзии читается в рукописи и, я убежден, будет читаться в книге с очень большим интересом. Хочу при этом оговориться, что среди многих наших поэтов я в каком-то смысле белая ворона, ибо, когда меня просят назвать любимых моих русских поэтов XX века, в этот мой субъективный перечень Ахматова не попадает,— может быть, это моя беда, но это так, хотя при этом я, разумеется, понимаю, что Ахматова большой поэт, очень высоко ставлю ее как человека, как личность, к ней я отношусь с глубоким уважением, а многие стихи ее люблю,— но все-таки не вижу для себя ее в том самом первом ряду русской поэзии XX века, в каком видит ее Виленкин, так же как и многие наши поэты, критики, исследователи и творчества Ахматовой, и истории нашей поэзии.

Почему я счел своим долгом написать об этом? Да потому, что, несмотря на это препятствие в разности оценок масштаба поэзии Ахматовой в масштабах всей нашей поэзии, я читал эту часть работы Виленкина с пристальным вниманием и очень большим интересом. Здесь и воспоминания очень значительны, и размышления очень существенны, и любовь, огромная любовь к поэзии — не только к поэзии Ахматовой, а вообще к поэзии — очевидна. Присутствие этой главы в книге Виленкина очень органично для него как для литератора. Любовь к театру не только соприкасается у него с любовью к поэзии, но как бы переплетается с нею, и в этом можно убедиться, читая насквозь всю книгу, или, точнее, пока — рукопись книги.

Особенно много, если переходить к другим разделам книги, с поэзией связано, конечно, в большой и проникновенной главе, посвященной Василию Ивановичу Качалову, да иначе оно и не могло быть. Именно через Качалова книга как бы невидимо из книги о театре переходит в книгу о поэзии, хотя главным содержанием работы все-таки остается театр. Кстати, если говорить о главе, посвященной Качалову, я бы на месте автора подумал, так ли он ее завершает? Он завершает ее цитацией того стихотворения Пастернака, которое очень любил и над которым последние недели и месяцы своей жизни работал Василий Иванович Качалов, но так, как оно введено в повествование, оно ощущается несколько неорганично. Может быть, лучше было бы, если бы Виленкин, приводя это стихотворение, раскрыл бы работу над ним Качалова, как он его читал, как он его готовил, почему любил больше других стихов, почему оно стало именно его последней работой,— тогда такая широкая цитация была бы более оправданной, а так, как сейчас, она все-таки выглядит иллюстративно. Но это, разумеется, очень частный вопрос.

Если говорить о театральных портретах — условно выражусь так,— то в книге Виленкина ценно то, что он не стремится равно-

мерно распределить свое внимание на всех и вся. Мера собственного знания, собственного знакомства, собственной близости, собственной осведомленности определяет и характер того или иного портрета, включенного в книгу. О Станиславском написано очень хорошо, но коротко, в меру знания этого человека, в меру близости с ним. О Немировиче — несравненно подробнее и с использованием всего доступного материала, и с использованием максимума личных впечатлений. То же относится к портретам Качалова, о чем я уже говорил, и Москвина. Портрет Москвина очень интересен — для меня, например, Москвин здесь раскрывается как-то острее, многограннее, интереснее, чем в тех воспоминаниях о нем, которые я до сих пор читал. Менее сильное впечатление на меня произвели воспоминания о Книппер-Чеховой, хотя они и отличаются теми же достоинствами, что и другие части работы, но, может быть, яркость других изображенных в книге фигур как-то ослабляет впечатление от воспоминаний об этом, разумеется, тоже крупном и интересном человеке.

Еще раз хочу повторить то, что я уже написал вначале — что я высоко ценю труд В. Я. Виленкина «Воспоминания с комментариями» и как рецензент рекомендую его к печати.

Константин Симонов.

19.XII.78

Впервые — в *ЛР*, 1979, 30 ноября.

Эту рукопись... — В. Виленкин. Воспоминания с комментариями. М., «Искусство», 1982.

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) — советский режиссер, писатель, вместе с К. Станиславским основатель и руководитель МХАТа.

Москвин Иван Михайлович (1874—1946) — советский актер.

Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868—1959) — советская актриса.

Э. Н. ГУГУШВИЛИ

8 января 1979 г., ⟨Москва⟩

8.I.79

Милая Этери!

Простите, что только сейчас отвечаю на Ваше письмо. Был в больнице и всего три дня как вышел оттуда. Разумеется, если Вы сочтете возможным соединить текст моего выступления с тем, что я написал в «Лит⟨ературной⟩ газете», если то, что в результате

получится, покажется Вам достойным памяти нашего дорогого Бесо — сделайте так, как покажется Вам лучше.

Вы напомнили мне в своем письме о выставке «20 лет работы Маяковского». Конечно же, в дни, когда мы провожали Бесо, я не мог не вспомнить о том, что его подпись стояла одной из первых среди фамилий в той тетради в списке посетителей выставки Маяковского, которая была заведена на выставке в первый же день ее открытия. В жизни случается по-разному. Могло бы, конечно, случиться и так, что Бесо не оказалось бы в этот день в Москве. Но представить себе, что Бесо был в Москве и не был на этой выставке, не пришел бы на нее,— невозможно.

Бесо любил Маяковского, любил то, что делал Маяковский. Это общеизвестно. Но любовь, даже самая преданная, бывает активная и пассивная. Бесо любил Маяковского активно, не просто любил, а жадно интересовался тем, что делает Маяковский, как он это делает. Интересовался этим ради будущего нашей поэзии — и русской и грузинской. Я думаю, он никогда не простил бы себе, если бы не побывал на этой выставке «20 лет работы Маяковского». Многие и не пришли на эту выставку, и свое отсутствие там не считали для себя невознаградимой потерей. А Бесо, если бы не пришел туда, считал бы, что он потерял нечто невознаградимое. Он был человеком любопытным и жадным на впечатления. Он не только не умел, а просто не мог пройти в литературе мимо чего-то по-настоящему интересного. Я вспомнил о тридцатом годе, но так это было с ним не только в тридцатом году, а и раньше и позже, всю его жизнь. Неравнодушие — вообще одна из самых дорогих черт человеческих, что же говорить о значении этого качества в жизни литератора, в жизни критика. Тот, кто лишается где-то даже посредине жизни этого качества, продолжает только якобы жить в литературе, а на самом деле перестает в ней жить. Тот, кто обладает этим качеством неравнодушия до конца, до последнего дня своей жизни, продолжает существовать в литературе и после своей физической смерти. Что-то отмирает у отошедших в прошлое, некогда злободневных литературных текстов, что-то продолжает жить, что-то перемещается или ощущается по-другому, но взрывчатая сила неравнодушия к жизни и литературе остается навсегда, как звук эпохи, как невынимаемая из него часть минувшего исторического времени.

Если, дорогая Этери, Вам покажется, что эти размышления, связанные первоначально с выставкой Маяковского, будут к месту в той книге, которую Вы делаете,— имеете полное право присовокупить их ко всему остальному, сказанному мною и написанному мною о Бесо.

Желаю Вам здоровья, доброй работы. Когда я был совсем молодым, я писал, может быть, неуклюжие, но правильные строчки:

Но работа опять выручает меня, как всегда,
Человек выживает, когда он умеет трудиться.
Так умелых пловцов на поверхности держит вода.

Знаю, в каком Вы горе, тем более вдвойне-втройне хочу пожелать Вам доброй, большой, напряженной работы.

Уважающий Вас
Константин Симонов.

Впервые — в «Литературной Грузии», 1980, № 2.

Гугушвили Этери Николаевна — доктор искусствоведения, грузинская театральная деятельница, жена Б. Жгенти.

...с тем, что я написал в «Лит⟨ературной⟩ газете»... — Симонов напечатал в *ЛГ* (1976, 27 октября) заметку «Памяти старого друга», посвященную Б. Жгенти.

Жгенти Бесо (Виссарион) Давидович (1903—1976) — грузинский советский литературовед и критик.

Но работа опять выручает меня... на поверхности держит вода... — Цитата из поэмы Симонова «Пять страниц».

Э. А. ШЕВАРДНАДЗЕ

9 февраля 1979 г., ⟨Москва⟩

Глубокоуважаемый Эдуард Амвросиевич!

Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо, которое я получил, к сожалению, оказавшись к этому времени в больнице.

Меня глубоко тронула Ваша высокая оценка нашего участия в проведении Дней советской литературы в Грузии. Получив такое письмо, хочешь сделать побольше и получше в дальнейшем. Этим мы сейчас и озабочены в Совете по грузинской литературе Союза писателей СССР. И мне хочется кратко написать Вам о наших намерениях.

Мы хотим в марте — апреле провести Дни встреч с писателями Грузии в Москве, скромно, но хорошо сделав три авторских вечера: К. Каладзе, Г. Абашидзе и И. Нонешвили в Центральном Доме литераторов, Политехническом музее и Всероссийском театральном обществе; две читательских конференции по последним романам Н. Думбадзе и Б. Шинкубы в Центральной городской библиотеке и в клубе автозавода имени Лихачева.

Завершить все это мы предполагаем у нас, в Центральном Доме литераторов, большим вечером дружбы поэтов Грузии и Москвы, посвященным памяти Николая Тихонова и Павла Антокольского.

В эти же дни мы собираемся провести в Центральном Доме литераторов три вечера грузинского кино, показав лучшие из новых работ грузинских мастеров.

На осень — октябрь — ноябрь — мы планируем провести в Москве авторские вечера И. Абашидзе и Д. Чарквиани.

И в ноябре же хотим сделать в Центральном Доме литераторов большую ретроспективную выставку работ замечательного художника Грузии Давида Какабадзе.

Если Вы помните, я говорил Вам об этом во время наших встреч в Тбилиси, и Вы отнеслись к этому положительно.

По правде говоря, мы гордимся тем, что первыми в Москве сделали когда-то у нас, в Центральном Доме литераторов, выставку Пиросмани, и хотим продолжить эту добрую традицию, которая встретила сочувствие и в Союзе художников Грузии, и в Союзе художников СССР.

Вот те наши предварительные планы (московская их часть), которыми мне хотелось с Вами поделиться.

Глубоко Вас уважающий

Ваш

Константин Симонов.

9.II.79

Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич (р. 1928) — советский партийный и государственный деятель, член Политбюро ЦК КПСС, в то время первый секретарь ЦК КП Грузии.

...Ваша высокая оценка...— Э. А. Шеварднадзе писал Симонову в ноябре 1978 г.: «Это коротенькое письмо продиктовано желанием еще раз выразить Вам нашу самую сердечную признательность за то горячее, по-настоящему заинтересованное, от души идущее участие, которое Вы приняли в организации и проведении Дней советской литературы в Грузии. И чем больше отдаляет нас время от тех памятных дней, тем ярче и весомее становятся они. Таково свойство самого времени: минувшее оно высветляет, делает его еще более выпуклым, осязаемым.

Ваш приезд в Грузию, поверьте, всегда радует нас. На этот раз он придал особую значимость, особую окраску Дням советской литературы, и об этом я не могу не сказать Вам, дорогой Константин Михайлович. Ваше глубокое знание и — что самое главное — удивительно тонкое понимание грузинской литературы вызывает благодарный отклик не только в сердцах писателей, но и среди нашей самой широкой общественности» *(АКС)*.

Абашидзе Григол Григорьевич (р. 1914), *Нонешвили* Иосиф Элиозович (1918—1980) — грузинские советские поэты.

Думбадзе Нодар Владимирович (1928—1984) — грузинский советский писатель.

Абашидзе Ираклий Виссарионович (р. 1909), *Чарквиани* Джансуг Авдидович (р. 1931) — грузинские советские поэты.

Какабадзе Давид Несторович (1889—1952) — советский живописец, график и театральный художник.

...выставку Пиросмани...— См. примеч. к письму в Правление ЦДЛ от 20 ноября 1962 г.

С. А. БАРУЗДИНУ

9 февраля 1979 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Сергей Алексеевич!

разговаривал сегодня с редакцией и рад был узнать, что у Вас как будто лучше со здоровьем и что Вы собираетесь через несколько дней выходить из больницы. В добрый час!

Два дела, имеющих отношение к редакции, о которых я сегодня устно по телефону говорил с Леонидом Арамовичем и Людмилой Михайловной, а с Вами — прибегаю к эпистолярной форме. Надо Вам сказать, что я понемножку продолжаю заниматься Жуковым, связанными с ним документами, воспоминаниями,— и в этой связи от времени до времени читаю различные рукописи. Так вот — это первый вопрос: недавно я прочитал рукопись скончавшегося два года назад генерал-лейтенанта в отставке Леонида Федоровича Минюка под названием «О том, что память сохранила». В трудные для Жукова годы у Минюка судьба оказалась еще более нелегкая; в годы войны — между 42-м и 44-м он был старшим генерал-адъютантом у Жукова, как у заместителя Верховного Главнокомандующего; а в 35-м — 37-м году был у Жукова — тогда комбрига — начальником штаба 4-й Донской кавалерийской дивизии. Жуков — комбриг, Минюк — майор.

В этих воспоминаниях — вообще интересных и написанных собственною рукою, что придает им немалую ценность, хотя, может быть, и требует минимальной стилистической правки — не переписки, а именно тактичной правки — много любопытного. Они доведены подряд до начала Великой Отечественной войны, дальше только отрывки,— но это, в общем, история строительства Советской Армии плюс гражданская война, предшествовавшая этому,— и сын плотника из кубанской станицы, доброволец Красной Армии, солдат, младший командир, а впоследствии — штабной работник и генерал-майор,— написал очень колоритно об этом периоде между восемнадцатым и сорок первым годом.

Но среди всего этого интересного материала, который я как книгу хочу рекомендовать Издательству ДОСААФ,— еще не уверен, что именно ему, но, видимо, ему, во всяком случае, отзыв я уже написал,— есть одна особо интересная глава. Это глава о со-

вместной работе с Жуковым в 4-й Донской кавалерийской дивизии, причем написано это очень сжато, плотно, по делу,— и хотя этот период известен по воспоминаниям самого Жукова, но — каким выглядел Жуков в глазах своего начальника штаба, в глазах своих подчиненных, вплоть до красноармейцев, прочесть очень интересно, тем более что Минюк не стоит в положении коленопреклоненном, а пишет с огромным уважением к Жукову, с верой в его будущее, с пониманием того, что личность он сильная и крупная,— но без пророчеств в тексте, без предвидения всей последующей военной судьбы Жукова. Это делает эту главу очень, на мой взгляд, достоверной и интересной для публикации. Она небольшая, в ней всего лист, двадцать пять страниц. Думаю, что такая вещь могла бы найти место на страницах «Дружбы народов» — может быть, с небольшой врезкой, рассказывающей об авторе, которую мог бы сделать или кто-то из военных, или Вы, или редакция — безымянно. Я себя в данном случае в авторы врезки не предлагаю, поскольку это было бы неудобно после моей предыдущей публикации о Жукове.

Посмотрите, пожалуйста, этот материал.

По-моему, я правильно понимаю свой долг новоиспеченного члена редколлегии, в первую очередь предлагая его Вашему вниманию.

Второй вопрос касается автора начинающего, не столько уж молодого годами — ему к сорока, но еще не печатавшегося. Георгий Караваев, о котором я в данном случае пишу, ташкентец в прошлом, а в настоящее время оседлый москвич, здесь теперь вся его семья,— отец, мать, жена и четырехлетний ребенок. Человек он — трудной судьбы, с тяжелым инсультом в юности; одно время — неподвижный, потом — полуподвижный, было в его жизни всякое, кончил он среднеазиатский университет по испанскому отделению, имел инвалидность второй группы — таким инвалидом я его впервые в Москве и встретил лет пять тому назад. Сейчас ему стало несколько лучше со здоровьем, он перешел на инвалидность третьей группы — помимо всего прочего и для того, чтобы работать. Работает он на разных работах, работал сторожем, насколько я понимаю — истопником, так сказать, следил за котлами — в общем, такие работы, где, как я понимаю, можно ночью сидеть и писать. А жена у него — аптекарь. Вот так они и живут. Знает он быт людей в Москве, знает довольно многое о жизни — сложной и далеко не всегда прекрасной по всем показателям. Он человек ненавязчивый, скромный. Первые его вещи, которые я читал, подолгу лежали у меня, я всякий раз возвращал ему, потому что мне казалось, что в них что-то есть, но говорить о печати пока невозможно; кое-что советовал.

Сейчас он принес мне — прислал, вернее — рассказы, по

которым я его вызвал к себе, разговаривал несколько часов,— и вот в итоге, после этого разговора, после ряда поправок, внесенных в результате нашего разговора им в рассказы, они снова у меня, и я рискую предложить их вниманию журнала «Дружба народов». И может быть, если не все, то несколько из этих рассказов заинтересуют Вас, и Вы обратите на них внимание. Жизнь в рассказах не простая, не без горестей и трудностей, теневых сторон ее, но в рассказах этих, на мой взгляд, удивительно крепкое и чистое нравственное начало — вещь настолько для меня дорогая, что, может быть, я где-то даже и преувеличиваю достоинство рассказов именно в силу этого. А может быть — и нет.

Караваев мне сказал, что он показывал рассказы Трифонову — эти и другие, и тот два или три рассказа дал на рассмотрение со своей рекомендацией в журнал «Литературная учеба». Я встретил на днях Трифонова и поговорил с ним об этом; его мнение сходится с моим — в общем-то, что Караваев — человек со способностями и что можно думать о публикации его рассказов, хотя Трифонов считает, что, наверное, Караваев слишком много пишет и слишком мало возвращается к написанному, слишком мало работает над текстом, поэтому есть слабины в самих рассказах, которые — вроде бы и хороши, но не прописаны так, как это должно.

Добавлю, что есть в рассказах некоторая притчеобразность, которая меня не отталкивает; она откровенна, чистосердечна, а я не люблю притч с кукишем в кармане, а притча как притча для меня жанр как жанр.

В общем, очень бы хотелось, чтобы в редакции почитали эти рассказы — и большое благо было бы, если бы вызвали автора, познакомились с ним — человек он интересный и, по-моему, хороший. Может быть, заставили бы поработать, работы он не боится, готов на нее,— а в итоге было бы славно, по-моему, его напечатать, если будет признано, что он стоит того.

Вот два вопроса. И несколько слов в качестве неофита в редколлегии «Дружбы народов». В чем я вижу возможность приносить пользу? Во-первых, рекомендовать то, что мне покажется интересным для журнала. Буду, естественно, иногда ошибаться в этом и, таким образом, вместо пользы приносить вред, но тут уж ничего не поделаешь, так это бывает со всеми нами.

Во-вторых, готов от времени до времени заранее читать в рабочем порядке вещи, относительно которых в редакции нет сомнений, но могут возникнуть впоследствии, и надо посоветоваться.

В-третьих, готов — тоже от времени до времени — читать вещи, которые вызывают спор в самой редакции, и Вам, быть может, будет интересно узнать мое мнение. Это относится к вещам самого разного жанра, включая статьи и рецензии, но лучше бы

без стихов: от них я отстал и что-то чувствую себя неуверенно в оценках.

Ну, и наконец, в-четвертых, я готов — и деликатно, и если понадобится, и неделикатно защищать на страницах журнала от рецензентов то, что мы напечатаем на благо нашему обществу и литературе, а рецензенты сочтут, что оное во вред, и придется с ними не согласиться.

Желаю Вам поскорее почувствовать себя совсем хорошо. Привет Вашей милой жене.

С будущего вторника я некоторое время буду в Москве и зайду в редакцию.

Жму руку.

Ваш

Константин Симонов.

9.II.1979

Впервые — в альманахе «Шаги. Выпуск шестой».

Баруздин Сергей Алексеевич (р. 1926) — русский советский писатель, главный редактор журнала «Дружба народов».

...говорил с Леонидом Арамовичем и Людмилой Михайловной... — Теракопян Леонид Арамович (р. 1935) — русский советский критик, зам. главного редактора журнала «Дружба народов»; Шиловцева Людмила Михайловна — в то время ответственный секретарь этого журнала.

...я понемножку продолжаю заниматься Жуковым... — Симонов намеревался сделать документальный фильм о Г. К. Жукове.

Минюк Леонид Федорович (1901—1977) — советский военачальник, генерал-лейтенант.

...который я как книгу хочу рекомендовать Издательству ДОСААФ... — Отдельной книгой воспоминания Л. Минюка не выходили.

...такая вещь могла найти место на страницах «Дружбы народов»... — Воспоминания Л. Минюка «Несколько страниц из жизни Г. К. Жукова» были опубликованы в *ДН*, 1980, № 2.

...после моей предыдущей публикации о Жукове. — Мемуарный очерк «История одного киноинтервью» (*ДН*, 1978, № 5).

...предложить их вниманию журнала... — Два рассказа Г. Караваева — «У меня появился брат» и «День рождения» — с вступительной заметкой *Трифонова* Юрия Валентиновича (1925—1981) были напечатаны в *ДН*, 1981, № 5.

...дал на рассмотрение со своей рекомендацией в журнал «Литературная учеба». — В *ЛУ* (1983, № 3) были напечатаны воспоминания Г. Караваева о Симонове «Короткие встречи», три письма Симонова к нему (от 11 ноября 1974 г., 17 марта 1975 г. и 9 апреля 1976 г.) и рассказ Г. Караваева «Солнечный дом».

...в качестве неофита в редколлегии... — В январе 1979 г. Симонов стал членом редколлегии журнала *ДН*.

1-Й РИЖСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ

13 февраля 1979 г., ⟨Москва⟩

Уважаемая товарищ Ходоровская!

Получив Ваше письмо, я не мог сразу откликнуться на Вашу просьбу — был болен. Сейчас выполняю ее.

Посылаю Вашей библиотеке свою трилогию «Живые и мертвые» с дарственной надписью, а остальные книги: «Сегодня и давно», «Последнее лето», «Дни и ночи», «Япония. 46», «Двадцать дней без войны», «Военная лирика», «Избранное», «Военная лирика. 1936—1956»,— просто с подписью.

С товарищеским приветом

Константин Симонов.

13.2.79.

Ходоровская Этя-Гольда Рафаиловна (р. 1910) — инженер-строитель, пенсионерка, заведующая общественной библиотекой.

В ЦГАЛИ

12 марта 1979 г., ⟨Москва⟩

Несколько пояснительных слов к прилагаемым материалам, которые я прошу включить в мой фонд в ЦГАЛИ.

С 1973 года и по настоящее время я занимаюсь различными работами, связанными с темой рядового советского солдата на Великой Отечественной войне.

За эти годы мною вместе с моими товарищами по работе на Центральной студии документальных фильмов и на Центральном телевидении были сделаны и выпущены на экран:

1. Полнометражный документальный фильм «Шел солдат», продемонстрированный и в кино и на телевидении.

2. Шесть телевизионных полнометражных фильмов под общим заголовком «Солдатские мемуары», о пехотинцах, артиллеристах, танкистах, саперах, разведчиках, связистах.

3. Две больших телевизионных передачи «Солдатские мемуары — письма», в которых состоялся разговор с авторами многочисленных писем, присланных мне в связи с фильмами «Шел солдат» и «Солдатские мемуары».

В связи с работой над фильмами я имел подробные беседы, записанные на диктофон, более чем с пятьюдесятью кавалерами трех орденов Славы. После этих предварительных бесед (более длинных) последующие беседы (более короткие) проходили перед камерой киноаппарата. Я располагаю в результате полными сте-

нограммами более чем ста тех или других бесед, а также подлинниками и копиями присланных мне в связи с фильмами писем.

Хочу сообщить для сведения ЦГАЛИ, что после окончания работы над фильмами мною и моими товарищами по работе было сдано в Госкинофотоархив СССР в Красногорске 717 коробок киноматериала: негатива, позитива, фонограмм. Так что весь изобразительный материал находится там.

Таким образом, речь идет о том, чтобы сдать в ЦГАЛИ рукописные и машинописные материалы, связанные с моей работой над фильмами. Сдать этот материал я бы хотел двумя эшелонами, назовем их А и Б.

Эшелон А, который я прошу принять у меня сейчас, включает в себя:

1. Справку о работе над фильмами.
2. Тексты семи фильмов.
3. Письма участников и членов семей участников войны, присланные мне после просмотра фильмов (в том числе с моими ответами и без моих ответов) — всего 3014 писем в 26 папках.
4. Картотека с аннотациями на 2536 писем.
5. Перечень фамилий авторов писем, не аннотированных в картотеке (478 фамилий авторов писем).
6. Тексты двух телепередач, которые я вел с цитацией писем, моими ответами на них, размышлениями и предложениями.

Эшелон Б включит в себя:

1. Стенограммы всех бесед моих с трижды кавалерами орденов Славы, как записанных на магнитофон, так и записанных во время съемок (и то и другое в расшифрованном виде представляет собой свыше двух тысяч страниц).
2. Все имеющиеся у меня документальные материалы, связанные с боевыми действиями и вообще судьбой опрошенных мною трижды кавалеров орденов Славы в годы Великой Отечественной войны.
3. Все черновики, связанные с работой над всеми фильмами и над их окончательными текстами.
4. Все черновики и варианты, связанные с моей работой над документальной книгой «Шел солдат», которую я делаю на основе бесед с трижды кавалерами орденов Славы и другого собранного мною материала.
5. Дополнительные материалы, связанные с работой над фильмами, по ходу дела перешедшие в работу над книгой.
6. Все материалы этого эшелона Б будут сданы мною в ЦГАЛИ по окончании работы над книгою, очевидно, в 1981 году.

Позволю себе думать, что сами по себе рассказы трижды кавалеров орденов Славы о войне и о себе на войне и после войны и связанные с этим письма зрителей, тоже посвященные и военному

и послевоенному времени, независимо от фильмов и от моей книги представляют значительную историческую ценность для характеристики как эпохи войны, так и многих черт послевоенной эпохи. С этим убеждением и прошу принять на хранение первый эшелон этого, не совсем обычного для ЦГАЛИ, материала.

С дружеским приветом

Константин Симонов.

12.III.79.

Впервые — в альманахе «Шаги. Выпуск шестой».

Т. Б. ГУЖЕНКО

21 марта 1979 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Тимофей Борисович!

Пишу Вам об одной вопиющей несправедливости, которую, наверное, все-таки лучше поздно, чем никогда, исправить, которую, возможно, следует исправлять общими усилиями моряков и нашего брата — писателей и журналистов.

В годы войны, в разных обстоятельствах — на севере, добираясь до Рыбачьего полуострова, а потом добираясь через ранние льды из Кандалакши в Архангельск, а потом, в январе сорок второго года, возвращаясь из Феодосии в Новороссийск,— мне пришлось совершать рейсы на судах гражданского морского флота, которые выполняли ничуть не менее опасную и тяжкую работу, чем суда Военно-Морского Флота. И, добавлю, несли не меньшие, а в некоторых случаях, на Черном море, например, и бóльшие потери.

У многих из этих судов — боевые и драматические биографии; о некоторых из них выпущены книги, о других не выпущены, но беда в том, что моряки, плававшие на этих судах, сейчас на поверку не могут получить удостоверение участника войны. Я посылаю Вам вместе со своим письмом копию только что полученного письма от одного из таких моряков, ныне директора одного из киевских заводов, человека, с которым я когда-то шел из Феодосии в Новороссийск и о котором, вернее о первом письме которого ко мне, упоминал в своей книге «Разные дни войны». Посмотрите, пожалуйста, это письмо. Посмотрите также — я Вам посылаю на память оба тома моих военных дневников,— посмотрите в них страницы 242—247 в первом томе, страницы 504—514 тоже в первом томе и страницы 29—32 и 36—37 во втором томе. Обратите, пожалуйста, особое внимание на страницу 32-ю второго тома, где речь идет не только о тех судах, о которых я уже упоминал, но о многих других судах торгового флота, о их деятельности.

Работая в историческом, в том числе в военно-морском, архиве, я сталкивался со многими сведениями о героической работе торговых судов в годы войны. Наверное, в архивах Вашего министерства существуют обширные материалы на этот счет. Если б Вы сочли возможным дать поручение товарищам, которые этим могут заняться у Вас в министерстве, подобрать наиболее убедительные материалы по истории судов самой боевой биографии,— мне кажется, что на базе такого документального материала мы, литераторы, многие из которых ходили во время войны на различных торговых судах, могли бы выступить на страницах, скажем, «Литературной газеты» совместно с моряками с постановкой этого вопроса — о необходимости целому контингенту, я думаю, довольно обширному контингенту торговых моряков по праву дать возможность называть себя участниками войны и иметь в кармане соответствующий этому документ.

Я прежде всего представляю себе такое выступление в печати и думаю, что справедливость его не вызовет ни у кого сомнений, и вопрос, который решался до сих пор абсолютно неправильно, будет наконец решен верно.

В ожидании Вашего ответа уважающий Вас

Константин Симонов.

21.III.1979

Гуженко Тимофей Борисович (р. 1918) — в то время министр морского флота СССР.

...только что полученного письма от одного из таких моряков...— Речь идет о письме В. Д. Межевича, служившего в годы войны на кораблях торгового флота на Черном море (письмо без даты, получено Симоновым 20 марта 1979 г.). В. Межевич писал Симонову: «...несмотря, что у меня с тех пор около десятка правительственных наград, в военкомате мне отказались выдать удостоверение участника войны, т. к. в военном билете написано: «В армии не служил». Запись в том же билете о том, что я служил на т/х «А. Серов», «В. Чапаев», «Крым», «Кубань», т. е. на кораблях, которые считались в составе действующего Черноморского флота,— не учитывается. Не учитывается и то, что наименования этих кораблей нанесены золотом на мемориальные доски в Севастополе на площади Нахимова и в Одессе. Непонятно, в какой роли мы участвовали в обороне Одессы, Севастополя, Кавказа, в десантных операциях? Об этих кораблях изданы книги под рубрикой «Героические корабли», короче, железу — честь и хвала, а о людях забыли.

Ведь дело не в льготах, могли же мы обходиться без продовольственных аттестатов, но не считать нас участниками войны, я считаю, неверно» *(АКС).*

В. О. ОСИПОВУ

22 апреля 1979 г., ⟨Москва⟩

Дорогой Валентин Осипович!

Получил Ваше письмо в связи с «Избранным» Слуцкого и хочу внести в дело окончательную ясность.

Я взялся писать предисловие для «Избранного» Слуцкого после того, как меня познакомили с составом сборника, сообщив мне, что в первоначальном виде он был отобран автором. Состав сборника мне показался соответствующим в целом характеру издания, но я обратил внимание редакции на то, что отобранный объем стихов существенно, примерно на восемьсот строк, менее планового и что хорошо бы дополнить сборник главным образом за счет последней книги поэта.

Ныне я столкнулся с новым положением вещей. Из того сборника Слуцкого, к которому я написал предисловие, редакция исключила несколько десятков стихотворений и одновременно предложила добавить в сборник несколько десятков других стихотворений. Я заново прочел и то и другое — и намеченное к исключению, и намеченное к дополнению — и должен сказать, что в значительной части случаев не согласен с предварительными наметками редакции, ибо оказались исключенными без сколько-нибудь серьезных к тому мотивировок целый ряд первоклассных стихов Слуцкого и, наоборот, оказались включенными некоторые проходные стихи и второстепенные, которые могли бы и не быть в составе «Избранного». Чтобы быть конкретным, прилагаю список тех стихов — и из числа предварительно исключенных, и из числа предварительно добавленных, которые я считал бы правильным увидеть в книге. И второй список — тех стихов — и из числа исключенных, и из числа добавленных, которых в книге, на мой взгляд, могло бы и не быть. Очень просил бы издательство посчитаться с моим мнением.

Ситуация в данном случае несколько необычная. Обычно в таких случаях составителем своего «Избранного» является сам автор. По состоянию здоровья Слуцкий составителем своей книги на сегодня быть не может. Видимо, редакция, заказывая именно мне, а не кому-либо другому предисловие к «Избранному» Слуцкого, считает, что я достаточно компетентен в этом вопросе, и учитывает необходимость считаться с моим мнением при составлении книги. Формально я, разумеется, не являюсь ее составителем, разумеется, и не претендую на гонорар, связанный с составлением книги, также на какое бы то ни было обозначение моего имени, кроме как автора предисловия, но внутреннюю ответственность за составление этой книги, к которой я написал предисловие, я несу.

Этим обстоятельством и продиктовано мое письмо к Вам, связанное с единственным желанием, чтобы «Избранное» Слуцкого включило в себя все лучшее из написанного им.

С дружеским приветом, Ваш

Константин Симонов.

22 апреля 1979 года.

Впервые — в *ЛО*, 1985, № 10.

Слуцкий Борис Абрамович (1919—1986) — русский советский поэт.

...в связи с «Избранным»... — Речь идет о кн.: Б. Слуцкий. Избранное. 1944—1977. М., «Художественная литература», 1980.

...чтобы «Избранное» Слуцкого включило в себя все лучшее из написанного им. — Книга вышла в составе, предложенном Симоновым в этом письме.

Р. Г. ГАМЗАТОВУ

30 апреля 1979 г., Москва

30.IV.79
Москва. Больница.

Дорогой Расул!

Не будь я болен, я с охотою бы написал статью к 70-летию твоего удивительного земляка Эффенди Капиева. Но обстоятельства не дают мне этого сделать. Я просто хочу написать тебе несколько своих мыслей о нем, приходящих в голову, когда держишь в руках его книгу, такую небольшую и такую большую, не только прекрасную, но и еще и так много обещавшую.

В моем сознании Капиев один из тех, погибших в годы войны писателей, которых нам как-то особенно не хватает. Думаешь о каком-то большом и благородном литературном деле и вдруг вспоминаешь: вот если бы был жив Эффенди Капиев! Думаешь в иные минуты литературных споров и раздоров, кто бы мог повернуть разговор от мелочей к крупному, найти слово резкое и справедливое, и на память приходит Эффенди Капиев.

Такое же чувство я испытываю еще к одному человеку, которому война помешала дожить до сорока,— Евгению Петрову, человеку удивительного таланта, честности и дееспособности. Мне вечно, уже почти сорок лет в самых разных обстоятельствах нашей литературы не хватает именно этого человека.

Один из них напомнил мне о другом не случайно. Наверное, не стоит забывать о том, какая это драгоценность для литературы, если есть в ней люди, у которых неподкупность таланта — родная сестра неподкупной честности.

Не буду вспоминать о «Резьбе по камню» и о «Поэте», книгах прекрасных и чистых, как горная вода. Скажу лишь о фронтовых записях Эффенди Капиева. Со времени последней трагической записи в его двадцатой, последней тетради минуло тридцать пять лет. А все равно и сегодня эти фронтовые тетради Капиева являются нетленным образцом честности и неподкупности, которым остается только завидовать. Как жаль, что он умер.

Твой
Константин Симонов.

Впервые — в *ЛГ*, 1979, 26 декабря.

Гамзатов Расул Гамзатович (р. 1923) — аварский советский писатель.

...о «Резьбе по камню» и о «Поэте»... — «Резьба по камню» (1940) — собранная и переведенная Э. Капиевым книга горского фольклора, «Поэт» (1940) — цикл новелл, объединенных образом народного поэта Сулеймана.

Е. А. ДОЛМАТОВСКОМУ

1 июня ⟨1979 г.⟩, Гурзуф

Милый Женя, всё началось, как мы когда-то говорили, с «долматовщины». Утром подошел ко мне седой человек и сказал, что в ящике мне лежит письмо. Письмо оказалось от тебя, а человек, сказавший о нем,— ректором университета в, думаю, памятной тебе Йошкар-Оле.

Очень рад получить письмо. В больнице у меня было паршивое, безрадостное настроение человека, с которым вроде бы ничего особого не произошло, но который уже в четвертый раз все выздоравливает и выздоравливает. Не люблю ныть, но чувствовал себя на грани плаканья в жилетки, оттого и сидел там бирюком. Сейчас вроде и правда полегче, так что готов не только лезть в соляные копи, но и сыграть в кукушку — при наличии гарантии в том или ином, но железно обещанном результате.

А серьезно говоря, спасибо, милый, за заботу, проверь этот вариант и пускайте туда с диктофоном. То вещество, которое Хемингуэй сладостно выписывал русскими буквами, всегда всплывало в литературной жизни на поверхность теми или иными дозами. Единственный способ не слишком замечать это — работать на совесть и помня, что все-таки бог есть и за вранье по голове он не погладит никого ⟨...⟩ Вроде бы мы с тобой работаем, я тоже коечего начал царапать. Насчет Уманской ямы, когда вернусь в Москву, может быть, покажу тебе интересные для тебя материалы: донесения, цифры вышедших, и прочее, и прочее, отчего — волосы

дыбом. Кое-что и персональное тоже. Это у меня собралось в связи с большим архивным материалом, который я хотел использовать для книги «Разные дни войны», где в дневнике упоминались Понеделин и другие. А может быть, это будет и ни к чему, но все равно глянуть интересно.

Я буду в Москве после 7-го — 8-го июля. Целую ручку Мирославе, привет Вам обоим от Ларисы.

Обнимаю тебя.

Костя.

Гурзуф, санаторий Пушкино.
1-е июня — день детей и стариков.

Впервые небольшой фрагмент из этого письма — в воспоминаниях Е. Долматовского «Некоторые страницы всей жизни» (см. «Константин Симонов в воспоминаниях современников»).

Долматовский Евгений Аронович (р. 1915) — русский советский поэт, товарищ Симонова по совместной учебе в Литературном институте имени А. М. Горького.

...как мы когда-то говорили, с «долматовщины»... — В письме в Комиссию по литературному наследию К. Симонова от 18 ноября 1981 г. Е. Долматовский писал по этому поводу: «Долматовщиной» Симонов называл всякие случаи, происходившие в нашей жизни и удивлявшие своей неправдоподобностью, неожиданностью и парадоксальностью, но оказывавшиеся при проверке фактами. Термин этот первоначально возник у критиков середины 30-х годов: они называли «долматовщиной» и «телячьим оптимизмом» мои комсомольские стихи» *(АКС)*.

...памятной тебе Йошкар-Оле... — В своих воспоминаниях Е. Долматовский пишет об этом: «Первая наша совместная поездка состоялась еще в пору учебы в Литературном институте, вероятно, в 1935 году. Мы отправились в бревенчатую Йошкар-Олу, марийскую столицу, которую тогда по старой памяти называли Царевококшайском, а еще чаще — Краснококшайском. Мы тогда взялись переводить коллективное сочинение марийских поэтов — «Письмо марийского народа товарищу Сталину» («Константин Симонов в воспоминаниях современников», с. 22).

...лезть в соляные копи... — Е. Долматовский 28 мая 1979 г. писал Симонову: «...существует многовидовое *легочное лечение в соляных шахтах*. Санаторий находится в старых выработках и в пещере. Человек живет под землей 25 дней и вылазит здоровый. Заманчиво! 〈...〉 По моему поручению один деятель медицины наводит компетентные справки, после их получения я вновь тебе напишу» *(АКС)*.

Насчет Уманской ямы... — В том же письме Е. Долматовский писал: «Занялся сейчас утверждением повой (не для меня) точки зрения на уманскую трагедию. Написал одну статью в «Звездочку», сейчас пишу вторую» *(АКС)*. Речь идет о созданном фашистскими оккупантами в начале августа 1941 г. на окраине Умани в карьере, где добывали глину для кирпично-

го завода, лагере советских военнопленных. Подробно об этом см. в кн.: Е. Долматовский. Зеленая брама. Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. М., Политиздат, 1983. Упоминаемые Е. Долматовским статьи были подступом к этой книге.

...где в дневнике упоминались Понеделин и другие...— Понеделин Павел Григорьевич (1893—1956) — советский военачальник, генерал-майор, в первые месяцы войны командующий 12-й армией; в августе 1941 г., когда 12-я армия под Уманью оказалась в окружении, попал в плен. В *РДВ* П. Г. Понеделин не упоминается.

Целую ручку Мирославе...— Безрукова Мирослава Ивановна — кандидат искусствоведения, жена Е. Долматовского.

1-е июня — день детей и стариков.— 1-е июня — Международный день защиты детей.

В. Н. ЕРЕМЕНКО

18 июня 1979 г., ⟨Гурзуф⟩

Многоуважаемый Владимир Николаевич!

Хочу в официальном порядке, как председатель Комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию О. Э. Мандельштама, поставить перед Вами тот вопрос, о котором я предварительно уже беседовал с заведующей редакцией критики и литературоведения Е. Н. Конюховой. Как мне известно, по этому же вопросу ей писали Сергей Наровчатов, Виктор Шкловский и Лев Озеров.

В 1981 году исполняется девяностолетие со дня рождения Осипа Мандельштама. Его место в истории нашей русской поэзии и, шире говоря, литературы XX века прямо обязывает нас отметить эту дату выходом книги его произведений в нашем писательском издательстве.

Однотомник стихов Мандельштама выпущен несколько лет назад в «Библиотеке поэта», в ее Большой серии. Большой и закономерный интерес к его поэзии уже ставил и еще будет ставить перед нами вопрос о переиздании его стихов в этой же серии, но это дело отдаленного будущего, и в данном случае пойдет речь о другой книге — прозаической, хотя и непосредственно, всем своим строем, содержанием, стилем связанной с поэтической индивидуальностью Мандельштама.

Прилагая к своему письму заявку на эту книгу, составленную критиком, исследователем творчества Мандельштама — Павлом Нерлером, предполагаемый состав книги и текст ее в двух экземплярах, прошу Вас рассмотреть вопрос об ее издании.

В дополнение к сказанному хочу изложить Вам несколько своих соображений о характере, профиле и составе этой, предлагаемой вниманию издательства рукописи.

Основной принцип при составлении рукописи был таков: включить в нее только то, что было предназначено к печати самим О. Э. Мандельштамом и что было опубликовано им в периодических изданиях и в его книгах, вышедших у нас в стране при его жизни (книга «О поэзии» — 1928 год, книга «Египетская марка» — 1928 год), и в изданной посмертно книге «Разговор о Данте» (1967 год).

То, что вошло в книги, предполагается печатать по тексту книг. В тех случаях, когда тексты книг частично повторялись в последующих прижизненных изданиях, предлагается печатать их по последнему прижизненному опубликованному тексту.

Таким образом, сборник сложится из трех книг и многочисленных, опубликованных в периодике статей Мандельштама о поэзии и — шире говоря — о литературе, из нескольких статей его о драматургии, театре и кино, из цикла статей о литературной жизни и литературной профессии, в том числе — об искусстве перевода. Все это вместе взятое будет дополнено несколькими характеризующими облик Мандельштама и круг его литературных и общественных интересов очерками о Москве 20-х годов, о встрече с Хо Ши Мином, о путешествии в Армению. Хотя, формально говоря, некоторые из этих материалов не могут прямо, непосредственно рассматриваться по ведомству критики и литературоведения, но, с другой стороны, они как нельзя лучше характеризуют небезразличный для нас тезис о связи критики с жизнью. Если же говорить о литературных особенностях этих материалов, то это, разумеется, проза поэта, связанная с оценками многих литературных явлений, неотрывная от его собственных стихов, его воззрений на поэзию,— причем все высказанное мною целиком относится и к собранной самим Мандельштамом книге «Египетская марка», одна из частей которой глубоко органично названа «Шум времени» — и это действительно так: во всех рассуждениях Мандельштама о времени, во всех его вещах, носящих очерковый, а главное — мемуарный характер, чувствуется шум времени, а в шуме времени — присутствие литературы этого времени.

Надо сказать, что Мандельштам вообще — при всей спорности тех или иных своих оценок частных явлений литературы — в целом весьма историчен: значение языка, его традиций в развитии литературы и в жизни народа необыкновенно важны для него самого и необыкновенно интересны для современного читателя. В смысле понимания значения традиций русской литературы и русского языка, в смысле понимания неотрывности шума времени от литературного процесса Мандельштам, пожалуй, более, чем кто-либо другой из своих современников-поэтов, близок к концеп-

ции Блока и, преодолевая противоречия, во многом идет следом за ним.

Впрочем, многое из того, о чем я говорю, достаточно весомо и обстоятельно изложено в заявке составителя, и мне лишь остается поддержать его в этом.

Да, мне остается добавить только то, с чего я начал: на мой взгляд, книга эта, объемом в двадцать с небольшим авторских листов, должна быть составлена только из вещей, опубликованных в разное время в советской печати, без каких-либо изъятий из этого правила. Учитывая существование зарубежных изданий Мандельштама, в которых мы сталкиваемся с перевранными и недостоверными текстами, а также некомпетентными — в одних случаях, недобросовестными, в других, и сознательно антисоветскими — комментариями, мне представляется необходимым снабдить книгу, которую мы будем выпускать в издательстве «Советский писатель», пусть не слишком обширным, не выходящим за пределы принятого в издательстве максимума, но основательным и тщательно выверенным комментарием.

Книгу я предложил бы назвать «Поэзия, искусство, время» — это отвечало бы ее содержанию, ее характеру и подчеркивало бы ту несомненную внутреннюю цельность, которой она обладает, при наличии некоторой жанровой пестроты.

С товарищеским приветом,

уважающий Вас

Константин Симонов.

18.6.79 г.

Еременко Владимир Николаевич (р. 1928) — русский советский писатель, председатель правления издательства «Советский писатель».

...выходом книги его произведений...— См. О. Мандельштам. Слово и культура. М., «Советский писатель», 1987.

Однотомник стихов Мандельштама выпущен несколько лет назад...— Книга вышла в 1973 г.

Нерлер Павел Маркович (р. 1952) — русский советский литературовед.

...очерками о Москве...— Речь идет о «Холодном лете» и «Сухаревке» («Огонек», 1923, № 16, 18).

...о встрече с Хо Ши Мином...— Хо Ши Мин (1890—1969) — деятель вьетнамского и международного коммунистического движения, председатель ЦК Партии трудящихся Вьетнама, президент ДРВ. Речь идет об очерке «Нюэн-Ай-Как» («Огонек», 1923, № 39).

...о путешествии в Армению...— Речь идет об очерке «Путешествие в Армению» («Звезда», 1933, № 5).

Н. Ш. ДЖАНБЕРИДЗЕ

29 июля 1979 г., Москва

Многоуважаемый Нодар Шалвович!

Как мне уже довелось говорить, когда мы были Вашими гостями в Тбилиси, нам, москвичам, хотелось бы устроить осенью этого года в Центральном Доме литераторов выставку примерно ста работ Давида Какабадзе. Это предложение поддерживают и литераторы в Москве, и писатели Грузии.

Союз художников СССР в лице Николая Афанасьевича Пономарева тоже положительно относится к этой идее, которая, как я понял, встретила доброе отношение и у Вас.

Как председателю Правления Центрального Дома литераторов мне хотелось бы теперь, когда надо начинать подготовку к этому большому делу, получить подтверждение Вашего согласия, а также иметь возможность рассчитывать на Ваше содействие и помощь.

Буду ждать Вашего письма!

Ваш
Константин Симонов.

Москва
29.7.79

Джанберидзе Нодар Шалвович (р. 1927) — искусствовед, в то время председатель Союза художников Грузии.

...выставку примерно ста работ Давида Какабадзе.— Выставка работ Д. Какабадзе в ЦДЛ была открыта 10 декабря 1981 г.

Пономарев Николай Афанасьевич (р. 1918) — советский график, с 1973 г. председатель Союза художников СССР.

Н. А. АНТИПЕНКО

1979 г., ⟨Москва⟩

Многоуважаемый Николай Александрович!

Поскольку Вы мне доверили чтение Вашей работы «Маршал Георгий Константинович Жуков. Жизнь и деятельность полководца», я, хотя и с долею робости, ибо я все же не историк, а всего лишь очень любящий историю литератор, решаюсь высказать Вам некоторые, возникшие у меня при чтении Вашей работы, соображения.

Прежде всего надобно сказать, что в принципе для создания такой историко-популярной работы, не превышающей объема, насколько я знаю, шести листов, есть большие объективные трудно-

сти. Прежде всего — это существование изданного многомиллионным тиражом труда самого Жукова «Воспоминания и размышления», за пределами которого практически не остается такого материала, связанного с его деятельностью как полководца, который так или иначе не был бы освещен в самом этом труде. И тут сложность проблемы в том, что волей-неволей автору работы о Жукове как о полководце не обойтись без широкого пользования тем материалом, который приведен в книге самого Жукова и который широчайшим образом известен. А когда читатель сталкивается с материалом, который он хорошо знает, это, конечно, снижает читательский интерес, что делает проблему весьма непростой.

Вторая сложность связана с объемом, отведенным для Вашей работы,— шесть авторских листов. Как вместить уже подробно рассказанную самим Жуковым его жизнь в эти шесть листов, не избегая опасности постоянно прибегать к скороговорке, к сокращениям, к перечислительному методу? Лично я стал бы перед такой задачею в тупик и не знаю, как бы с ней справился. Думаю, что в каких-то частях Вашей работы эта трудность, стоявшая перед Вами, пока еще не решена. Я много думал о выходе из положения, которое создалось, и такой выход, очевидно, в какой-то мере подсказывает подзаголовок Вашей работы «Жизнь и деятельность полководца». Строго говоря, к деятельности Жукова как полководца можно отнести период с 1939 по 1945 год, с Халхин-Гола по капитуляцию фашистской Германии. Именно на Халхин-Голе Жуков проявил себя впервые в тех масштабах, о которых можно говорить как о полководческих масштабах, а деятельность его после мая сорок пятого года — военно-дипломатическая и военно-административная, в общем, уже не может быть названа полководческой деятельностью в строгом смысле этого слова. Если брать наиболее крупные положительные примеры в истории России, то можно вспоминать и военно-административную деятельность Петра в первый и последний ее период. Ну, а если брать ближе, можно вспоминать деятельность такого военного министра, выдающегося в истории России военного реформатора, как Милютин. Но все же думается, что, даже если завершать работу не на капитуляции Германии, а последующей военно-дипломатической и военно-административной деятельностью Жукова на его послевоенном посту в Германии,— это все же скорей эпилог, заключительная глава книги. Глава, для которой, кстати сказать, у Вас есть богатейший материал.

Так вот, если же остановиться на Вашем же подзаголовке, с учетом предполагаемого объема работы, то, на мой взгляд, все прохождение службы Жуковым до Халхин-Гола можно было бы дать в справочном аппарате, как даты жизни и службы, не давая

этого в тексте. Начать работу со вступления, которое включило бы в себя первый полководческий опыт Жукова на Халхин-Голе, некоторые наиболее значительные, имеющие отношение к будущему, факты, такие, как предвоенная игра в бытность Жукова командующим Киевским военным округом и предвоенное назначение его начальником Генерального штаба.

Весь же остальной текст книги, если ее строить таким образом, очевидно, должна занять война, то есть основное проявление деятельности Жукова как полководца.

При такой конструкции книги, как мне кажется, многие из интереснейших страниц, содержащихся сейчас в Вашей рукописи, ну, в частности, такие, как назначение Жукова на Ленинградский фронт, найдут себе в ней достойное место. Найдут себе место и те воспоминания Ваши, которые связаны с приездами Жукова на Курскую дугу, с его участием и в замысле и в выполнении замысла этой битвы. Да и многое, многое другое, всего, разумеется, не перечислишь.

У Вас сейчас даны с некоторыми излишними, на мой взгляд, повторами моменты, связанные с военно-административной деятельностью Жукова после войны в Германии. Но думается, что если исключить эти повторы, то здесь содержится весьма интересный материал для завершающей главы, для нескольких ее страниц.

Из возникших у меня по ходу чтения частных замечаний хочу поделиться одним, которое, может быть, покажется Вам существенным: если говорить о Халхин-Голе как о начале полководческой деятельности Жукова, то, может быть, следовало бы более оттенить такой момент, как Баин-Цаганское сражение. В сущности, после войны в Испании, когда пришли — в смысле применения танков — к некоторым неправильным и опровергнутым впоследствии войною выводам, здесь Жуков вопреки этим первоначальным выводам решился на массированный удар танковыми и броневыми частями по укрепившейся, почти двадцатитысячной по своему составу, дивизии противника, имевшей около ста противотанковых и других орудий, заранее закопанных,— это решение было и смелым, и вынужденным критической обстановкой. Японцы не просто переправились на эту сторону Халхин-Гола, а переправив сюда дивизию и организовав здесь мощный плацдарм — на нашем западном берегу, они тем самым делали первый шаг к тому, чтобы в дальнейшем спуститься вдоль берега и отрезать все наши основные части, находившиеся на позициях на том, восточном берегу Халхин-Гола. В этом состоял замысел японцев, выполнение которого могло привести к очень плачевным для нас результатам, и в этой критической обстановке Жуков пошел на смелое решение — атаковать японцев танками и бронечастями, не дождавшись или, во

всяком случае, не полностью дождавшись поддержки опаздывавшей к этому пехоты. Оправданность этого решения связана с фактором времени и с опасностью того, что японцы могли сделать, успеть сделать — при условии, что мы бы потеряли оставшееся у нас считанное время для удара.

Так, на основании довольно старательного изучения этого вопроса, представляется мне эта картина.

Может быть, она — как первый шаг в полководческой деятельности Жукова — стоит того, чтобы подчеркнуть этот момент, раскрыв характер и остроту обстановки.

Простите меня великодушно за эту тираду, являющуюся вторжением в область военной истории, но мне как литератору кажется, что здесь нужна дополнительная краска для обрисовки характера Жукова: здесь проявился его характер, и проявился впервые с такой очевидной силой и в таких масштабах,— и это стоит взять на заметку в историко-популярной книге о нем. Наверное, так, хотя, может быть, я и ошибаюсь.

Одно общее соображение, которое просто повергаю к Вашим стопам скорее в качестве пожелания, чем в качестве совета. С точки зрения чисто читательского интереса в рукописи Вашей заметно выделяются те места, которые связаны с Вашими собственными воспоминаниями о Жукове — со встречами с ним, с теми моментами, когда Вы с ним так или иначе соприкасались, были участником или очевидцем его действий или одним из исполнителей его планов. С одной стороны, это в некоторых случаях вроде бы и деформирует работу в том виде, в каком она сейчас создана, и нарушает ее общий научно-популярный ход, а с другой стороны, все это украшает ее. Для меня — как читателя.

Не знаю, как в итоге сложится у Вас в окончательном виде эта рукопись — относительно небольшая по объему, хотя и очень трудная со всех точек зрения работа, о которой мы сейчас разговариваем, но у меня такое ощущение, что Вы не должны оставить втуне своих воспоминаний о Жукове; Вы были близки с ним многие годы и ряд лет работали в его непосредственном подчинении; много лет просто-напросто дружили с ним, причем в годы, когда судьба Жукова была нелегкой, непростой и — не сказать, чтобы так уж теснились вокруг него люди. Вы многое знаете и Вы многое помните — это очевидно из чтения Вашей работы, и мне думается: независимо от того — сегодня, завтра, послезавтра, через годы будет напечатано то, что Вы напишете, Вам надобно писать воспоминания о Жукове. Писать их параллельно с тою работой, которую Вы сейчас делали. Может быть, не замахиваться сразу на книгу, может быть, начать с того, чтоб записать наиболее важные, наиболее существенные, наиболее интересные встречи, наиболее запомнившиеся разговоры,— но обязательно записать. Может быть,

еще не превращая этого в книгу, сдать это на хранение в архивы, чтобы это не исчезло, не пропало, а потом уж продолжать работать над этим собственным материалом как над книгою. Это мой искреннейший Вам совет, не высказав которого я просто считал бы себя человеком, уклонившимся от самого главного из всего того, что он должен был Вам сказать, ибо подавать советы или делать какие бы то ни было замечания по содержанию той работы, что я прочел, могут и многие другие люди, и более образованные в военно-историческом отношении, чем я, и возможно, у них на это и больше права,— а вот на такой совет, который я Вам даю в конце этого письма, мне кажется, я имею право как человек опытный именно в этом смысле и кое-что в этом смысле успевший сделать и сдать в наши архивы, оставив до поры до времени открытым вопрос о возможности или невозможности публикации того, о чем идет речь.

Желаю Вам успеха, здоровья и крепко жму Вашу руку.

Уважающий Вас
К. Симонов.

1979 г.

Впервые — в *ЛГ*, 1979, 25 декабря.

Антипенко Николай Александрович (р. 1901) — советский военачальник, генерал-лейтенант.

...для создания такой историко-популярной работы...— Издание не было осуществлено.

...труда самого Жукова...— См.: Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1969 (второе, дополненное издание — 1974).

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — русский генерал-фельдмаршал, в 1861—1882 гг. военный министр, на этом посту провел в армии ряд крупных реформ, создал Генштаб.

...предвоенная игра в бытность командующим Киевским военным округом...— С мая 1940 г. по январь 1941 г. Г. К. Жуков командовал Киевским Особым военным округом. Упоминаемая оперативно-стратегическая игра проводилась в конце декабря 1940 г. под руководством наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генштаба К. А. Мерецкова. «Синими» (наступающим с запада противником) командовал Г. К. Жуков, «красными» (обороняющимися на востоке) — Д. Г. Павлов. Как писал в своих воспоминаниях Г. К. Жуков: «Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия...» (Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, т. 1, с. 207).

...назначение его начальником Генерального штаба.— В январе

1941 г., после упоминавшейся игры, Г. К. Жуков был назначен начальником Генштаба и зам. наркома обороны.

...назначение Жукова на Ленинградский фронт... — В сентябре 1941 г. Г. К. Жуков был назначен командующим Ленинградским фронтом.

...военно-административной деятельностью Жукова после войны в Германии. — В 1945—1946 гг. Г. К. Жуков был главнокомандующим Группы советских войск в Германии и главноначальствующим Советской военной администрации.

... о Халхин-Голе как о начале полководческой деятельности Жукова... — См. об этом у Симонова «Халхин-гольскую страницу» (т. 10 наст. собр. соч.).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абашидзе Г. Г.— 538, *539*
Абашидзе И. В.— 421, 423, 539, *540*
Абдуллаев А. А.— *359*, 451
Абрамов К. К.— 483, *485*
Агаджанова-Шутко Н.— 479
Агамирзян Р. С.— *294*, 295
Агапов Б. Н.— 37, *39*, 130, 138
Агибалов М. П.— 94, *96*
Аграненко З. М.— 332, 383
Адамович А. М.— 321, *324*
Адамович Г.— 303
Аджубей Р. Н.— 407, *408*
Ажаев В. Н.— 115, 122, *124*
Акбаров А. И.— 326, *327*
Акимов Н. П.— 59, *60*
Акуличева Е. А.— 294, *295*
Александров А. В.— 510, *511*
Александров Г. Ф.— 35, *39*
Алексина Р. М.— 528, *530*
Алигер М. И.— 308, 437, *442*, 504
Алиев Г. А.— 444, *445*
Алматинская А. В.— 129, *131*
Алтаузен Д. (Я.) М.— 472, *477*
Альтшуллер (Смелянский) А. М.— 334, *342*
Амиранашвили Ш. Я.— 204
Амундсен Р.— 41, *43*
Анастасьев А. Н.— 83, *85*
Андерш А.— 520, *522*
Андроников И. Л.— 322, *324*
Антипенко Н. А.— 555, *559*
Антокольский М. А.— 464, *465*
Антокольский П. Г.— 203, 308, 512, 538
Антонов О. К.— 443, *444*
Антонов-Овсеенко В. А.— 285, *286*
Анфиногенов А. З.— 208, *209*
Арбузов А. Н.— 83, *85*, 224, 374
Арватов — 366
Арденс Н. Н.— *138*
Арнштам Л. О.— 478, *479*
Арсеньев В. К.— 12, *299*
Арутчева Е. А.— *225*
Архангельский В. А.— 371, *373*
Асеев Н. Н.— *86*, 366, 469
Астафьев В. П.— 213, *216*, 315, 394
Атаров Н. С.— 119, 135, *136*, 322, 435, 468, 473
Ауэзов М. О.— 487
Ахвледиани Э. С.— 280, *283*
Ахмадулина Б. А.— 308
Ахматова А. А.— 257, 434—*442*, 467, 468, 469, 534, 535

Бабаев А.— 143
Бабак М. М.— 359, 448
Бабаян Э.— 69
Бабореко А. К.— *302*, 303
Бабочкин Б.— 376
Баграмян И. Х.— 8, 356
Багрицкий Э. Г.— *31*
Бажан М. П.— 17, *421*, 422, 423
Бажан Н. В.— 421, *422*

Бажов П. П.— 487
Базанов В. В.— 421, 423
Базаров — 94
Бакланов Г. Я.— 249, *250*
Балашов Н. А.— *206*
Балиманов Д.— 169, *170*
Бальмонт К.— 502, 503
Барабаш Ю. Я.— *490*
Барлас В. Я.— 148, *149*
Барнес Э.— 178
Барсуков Н. А.— 200, *201*
Барто А. Л.— 306, *307*
Бартэн А.— 295
Баруздин С. А.— 540, *543*
Баскаков В. Е.— 394, *395*
Батов П. И.— 8, 284, *286*, 321, 323
Бах И.— 479
Бахтин М. М.— 340, 341, *343*
Бегичева А. А.— 460, *462*
Безрукова М. И.— 551, *552*
Безыменский Л. А.— 321, *323*
Бек А. А.— 322, *324*
Белобородов А. П.— 321, *323*
Белявский П. И.— 404, *405*
Берггольц О. Ф.— 257, 436, *442*
Бергер Ю.— 142, *143*
Березко Г. С.— 66, *67*
Берзин Я. К.— 285, *286*
Берштейн М. С.— 26, *27*, 245
Бирман С. Г.— 31, *32*, 360
Блинов В. В.— 447, 448
Блок А. А.— 12, 28, 30, 335, 342, 417, 438, 462, 463, 485, 486—488, 501, 502, 503
Богомяков О. А.— 253, 255
Бойцов — 78
Бойцов И. П.— 115, *116*
Большаков И. Г.— 78, *81*
Бондарев Ю. В.— 249, *250*, 395
Борзенко С. А.— 245
Борщаговский А. М.— 39, 526, *527*
Брагин М. Г.— 77, *78*
Бражнин И. Я.— 522, *523*
Брайнина Б. Я.— 47
Брехт Б.— 120, *122*
Брик Л. Ю.— 212, *213*, 366
Брик О. М.— 366, *369*
Бровка П. У.— 423
Бродский Е. А.— 220, *222*
Брыль Я.— *400*
Брюсов В. Я.— 412, *413*
Бубнова В. Д.— 165, *166*, 418, 420, 421
Булгаков М. А.— 11, 12, 172, 173, 274, 275, 334—343, 370, 443, 444, 488, 489, 490, 492, 493, 494, 524, 525, 526, 534
Булгакова Е. С.— 443
Бунин И. А.— 302, 303
Бурдон В.— 328
Бурлюк Д. Д.— 366, *369*
Бурсов Б. И.— 446, *447*
Бушмин А. С.— 64, *65*
Бушуев С. К.— 131
Быков В. В.— 457, *458*
Быкова-Луговская Е. Л.— 504
Бялик Б. А.— 250, *253*

Вагиф М.— *501*
Важдаев В. М.— 64, *65*
Ваншенкин К. Я.— 308
Варга М.— 361, *363*
Варпаховский Л.— 376
Василевская В. Л.— 260
Василевский А. М.— 8, 314, 320, 321, 356, 401—404, 408, 409, 484
Вейгель Е.— 122
Веневитинов Д. В.— 506, 507
Верещагин В. В.— 62, *64*
Вертов Д.— 511, *512*
Веселый А.— 417
Видади М.— *501*
Виленкин В. Я.— 60, 434, *442*, 467, 469, 492—493, 533—536
Виннер А. Б.— 187, *190*, 265
Виноградская И.— 343
Вишневский В. В.— 12, 474, 477
Власов — 88
Власов А. А.— 482, 483, 484
Волкова Н. Б.— 414, *415*

Волчек Г.— 384
Воннегут К.— 397, *398*
Воробьев Е. З.— 315, 321, *323*
Воронков К. В.— 223, *224*, 425, 429
Воронов Н. И.— 284, *286*
Воронцов В. В.— 367, 368, *369*
Вулис А. З.— *144*, 290, 308
Вульф Н. И.— 420
Вургун С.— 444, 445, 487, 501
Выходцев П. С.— 422, 423

Габаридзе Р.— 326
Габрилович Е. И.— 443, *444*
Гайдар А. П.— 487
Галан Я. А.— 487
Галлай М. Л.— 380, *381*
Галиев А.— 497
Гамзатов Р. Г.— 302, 549, *550*
Гастелло Н. Ф.— *517*
Гауптман Г.— *375*
Гафуров М.— 407
Гашек Я.— 12, 91, *92*
Гейтц М. С.— 343
Герасимов О.— 265
Герасимов С. А.— 78, 79, 80, *81*
Герман А. Ю.— 447, 448, *449*, 498
Герман Ю. П.— 28, *29*, 30, 290, 291, 436
Гиацинтова С. В.— 92, *93*
Гибалевич И.— 320
Гиппиус З. Н.— 302, *303*
Гитлер А.— 284, 287
Гладков Ф. В.— *58*, 102
Голдовская М. Е.— 443, *444*, 492
Голиков Ф. И.— 8, 205, 225, *229*, 230
Голубов С. Н.— 101, *105*, 130, 131, 147, 148
Гончар О. Т.— 297
Горбатов А. В.— 26
Горбатов Б. Л.— 12, 69, *70*, 74, 76, 102, 476
Гордон Н. П.— 5, 118, 405, *406*
Горская Р. И.— 137
Горчаков Н. М.— 508, 509
Горький А. М.— 116, 249, 250, 341, 342, 486, 489, 501, 502, 503, 531
Гранин Д. А.— 122, 123, 124, *287*
Гребнев Н. И.— 308
Грибачев Н. М.— 421, 423
Грибов А. Н.— 508, *509*
Грибоедов А. С.— 81
Грин А. С.— 487, 489
Грингольц И. А.— 219, *220*
Гроссман В. С.— 37, *39*
Грудинин В. К.— 184, *185*
Губарев Б. К.— 61, *62*
Гугушвили Э. Н.— 536, *538*
Гудзенко С. П.— 62—63, *64*
Гуженко Т. Б.— 546, 547
Гулиа Г. Д.— 166, 345, *346*
Гулиа Д. И.— 57, *58*, 487
Гулям Г.— 326, *327*
Гулям Х.— 191, *192*, 276, 379, 380
Гумилев Н. С.— 434, *442*
Гурвич А. С.— 122, *124*
Гусаров Д. Я.— 423, *425*
Гусев Г. С.— 202

Давыдов В. С.— 507, *509*
Данелия Г. Н.— 302, 325, *326*
Данин Д. С.— 414, *415*
Дарков В. В.— 200
Дементьев А. Г.— 100, 172, *173*, 377, 378
Демыкина Г. Н.— 96, 97, *98*
Десницкий В. А.— 531
Джамбул Д.— 487
Джанберидзе Н. Ш.— *555*
Джатиев Т. И.— 118, *119*
Джуракулов У.— *276*
Диккенс Ч.— 28
Дмитриевский В.— 295
Добронравов Б. Г.— 507, 508, *509*
Довженко А. П.— *479*, 489, 490
Долецкий С. Я.— 479, *480*
Долинский М. З.— 462, *463*
Долматовский Е. А.— 24, 105, 128, 321, 323, 504, 514, 515, 550, *551*, 552

Дорош Е. А.— 257
Дорошенко С. С.— 197, 198, *199*, 200
Дорошук В. П.— 466
Достоевский Ф. М.— 337
Древиль Ж.— 151
Дубов Н. И.— 458, *459*, 460
Дудинцев В. А.— 135, *136*
Думбадзе Н. В.— 538, *539*
Дунаева Р. К.— 349
Дымшиц А. Л.— 445, *446*
Дыховичный В. А.— 50
Дюжев Ю. И.— 423, *424*, 425

Евтушенко Е. А.— 148, *149*, 177, 178, 257
Екатерина II — 459, 460
Елкин А. С.— 377, *378*
Елкина — 200
Еремеев Л. М.— 163
Еременко А. И.— 321, *323*
Еременко В. Н.— 552, *554*
Ермолинский С. А.— 492, *495*
Есенин С. А.— 164, 418
Есенина Т. С.— 163, 164, *165*
Ефремов О. Н.— 376

Жадов А. С.— 76, *77*, 95, 191, 192, 478, 479
Жадова Л. А.— 5, 119, 134, *141*, 179, 191, 192, 287, 289, 293, 315, 325, 351, 355, 421, 491, 492, 551
Жгенти Б. Д.— 537, *538*
Жданов А. А.— 473
Железов П. И.— 471, 477
Жигулин А. В.— 480, *481*
Жуков Г. К.— 7, 8, 276, *277*, 292, 293, 312—314, 320, 321, 351, 352, 467, 540, 541, 543, 555—560
Жуков Е. М.— 38, *39*

Завадский Ю. А.— *195*
Залка М.— 50, *51*
Западов А. В.— 421, 423
Затонский Д. В.— 445, *446*, 447
Затуловская — 344
Звягинцева В. К.— 52
Зданевич И. М.— *283*
Зданевич К. М.— *204*, 283
Зеленов Н. Г.— 303, *304*, 317, 318
Зелинский К. Л.— 45, *47*
Зельма Г. А.— 261, *265*
Зимин А. А.— 255, *256*
Зотов М. М.— 333, *334*
Зощенко М. М.— 59, *60*, 435, 436, 442, 469, 489
Зубков Ю.— 201
Зуев И. В.— 483, 484, *485*
Зуров Л. Ф.— 302, 303

Иванишева А. Л.— *29*
Иванов В. В.— 417, 443
Иванов Л. И.— 132, *133*, 134—136
Иванов Н. И.— 483, *485*
Иващенко Л. Я.— *299*
Ильина Н. И.— 112, 113, *114*
Ильф И. А.— 11, 118, 144
Исаков И. С.— 8, 12, 149, 150, *151*, 154, 156—159, 162, 163, 178, 179, 240, 241
Исакова О. В.— 162, *163*
Исаковский М. В.— 324, *325*
Искандерзаде М.— 500, *501*

Каверин В. А.— *173*
Казакевич Э. Г.— 65, 66, *67*
Казаков В. А.— 365, *369*
Казакова Р. Ф.— 308
Какабадзе Д. Н.— 539, *540*, 555
Каладзе К. Р.— 175, *176*, 512, 513, 538
Калатозов М. К.— 177, *178*
Калашникова (Кубанева) М. М.— 507
Кампова-Полевая Ю. О.— *140*
Канатников — 173
Капиев Э. М.— 108, *109*, 549, 550
Капоне А.— 59, *60*
Караваев Г. Н.— 396, 397, 399, 541, 542, 543

Карев А. М.— 263, 265
Карим М.— 257, 406, *407*
Кармен Р. Л.— 52, *53*, 284, 285
Карпов А. Я.— 357, *358*
Карпов В. В.— 63, 451, *452*
Касумов И.— 444, *445*, 530, 531
Катаев В. П.— 39, 443, 489, 492, 493
Катанян В. А.— 12, 203, 363, 364, 369
Кауфман К. Ш.— 130, *131*
Кафка Ф.— 445, *446*, 447
Каххар А.— 167, 288, 290, 309, 310, 316, 317
Каххарова К. Л.— 289, 309, *310*, 315
Качалов В. И.— 441, *442*, 535, 536
Кацева Е. А.— 445, *446*
Каюмов М. К.— *359*, 379, 380
Кедрин Д. Б.— *44*, 52
Кедрина Л. И.— *44*
Кедров М. Н.— 265
Келлерман М. А.— 5, 75, *76*, 495
Кеменов В.— 266
Кербабаев Б. М.— *376*
Керенский А. Ф.— 127, *129*
Кетлинская В. К.— 100, *101*, 297, 321, 323
Киплинг Р.— 219, *220*, 434
Ключанский — 502, 503
Кнебель М.— 265
Книпович Е. Ф.— 445, *446*, 502
Книппер-Чехова О. Л.— *536*
Кобяков А. П.— 515
Ковалев В. А.— 378
Коваленков А. А.— 23, *24*, 106
Ковтун-Станкевич А. И.— 205, *206*, 209, 210, 216
Коган П. Д.— 128
Кожевников А. И.— 481
Кожевников И. П.— 420
Козлов Д. Т.— 402
Козловский Я. А.— 308
Колас Я.— 487
Колбановский — 87
Колесников П. Р.— 400
Колосков А. И.— 367, 368, *369*
Кольцов М. Е.— 285, *286*
Комиссаржевский В. Г.— 194, *195*
Кондратьев А. К.— 483, *485*
Кондратьев В. Л.— 449, *450*
Конев И. С.— 8, 313, 321, 322, *324*
Конский Г.— 265
Конюхова Е. Н.— 552
Корабельников Г. М.— 145, *146*
Корзинкин П.— 245
Корнейчук А. Е.— *40*
Котен Б.— 47, *50*
Котов А. К.— 72, *74*, 91
Котов М. И.— 194, *195*
Котова Е. И.— 383, *384*
Краснов И. Г.— 481
Кременц Д.— 398
Кремлев-Свен И. Л.— *139*
Кривицкий А. Ю.— 37, 39, 58, 121, 122, 124, 140, *141*, 142, 146—148
Крылов Н. И.— 216, *218*
Ксенофонтов Н. П.— *245*
Ксенофонтова Е. Н.— 245
Кубанев В. М.— 504, 505, *506*, 507
Куберская Н. Н.— 501
Кудреватых Л. А.— 404, *405*
Кузаков К. С.— 444, 492, *494*
Кузес Ю.— 69
Кузько М. Н.— 31, *32*, 391, 392
Кузьменко Ю. Б.— 445, 446, *447*
Кузьмина В.— 256
Кулешов А. А.— 257
Кулиев К. Ш.— *52*, 218, 219, 257, 421, 423, 465
Кульчицкий М.— 128
Куницын Г. И.— 446, *447*
Купала Я.— 487
Куприн А. И.— 204, 205
Курганов О.— 395
Кушнер — 366

Лавинский — 366
Лавренев Б. А.— 107, 108, 142, 145, *146*, 417

Лавренева Е. М.— *147*
Лавров К. Ю.— 499, *500*
Лавут П. И.— 184, *185*, 365
Лан В. И.— 61
Лапин Б. М.— 262, *265*, 311, 389
Лапин С. Г.— 443, *444*, 488, 490, 495, 524
Латыпов Т.— *276*
Лебедев — 60
Левин Л. И.— 180, *183*, 291
Левитин М.— 398
Левшин В. А.— 493, *495*
Леонидзе Г. Н.— 487
Леонов Л. М.— *70*, 102, 423, 425, 427
Ленин В. И.— 142, 143, 362
Лермонтов М. Ю.— 106, 107, 108, 345, 346
Лесков А. Н.— 12, 528, 529, *530*, 531
Лесков Н. С.— 12, 346, *347*, 528, 529, 530, 531, 532
Лескова А. И.— 528, *530*
Лесючевский Н. В.— 108, *109*, 112
Лидин В. Г.— 67, 68, *69*
Лилина М.— 69
Лиознова Т.— 528
Липкин С. И.— 308
Лихарев Б. М.— 96, 97, *98*
Лихачев Д. С.— 529, *530*
Лонго Л.— 285, *286*
Лондон Т.— 295, 376
Лоскутов И. А.— *517*
Луговской В. А.— 180, 181, 182, *183*, 184, 243, 504
Луконин М. К.— 30, *31*, 421, 514, 515
Луначарский А. В.— 249, 250, 414, 503
Лыкова Л. П.— 410, *411*
Львов В. Н.— 157, *158*
Лю Бай-юй — 132, *134*
Любашевский Л. С.— 78, 79, 80, *81*
Любимов Л. Д.— 113, *114*
Ляшук В. Я.— 331
Макаренко А. И.— 102, *106*
Макаров А. Н.— 65, *67*
Макаров В. В.— 365, 368, *369*
Малахов В. М.— 416
Малевич К. С.— 407, *408*, 491, 492
Малиновский Р. Я.— 284, *286*
Малышкин А. Г.— 417
Мандельштам О. Э.— 12, 434, 436, 442, 552, 553, 554
Маннергейм К.— 482, *484*
Марков Г. М.— 134, 369
Марков П. А.— 443, *444*, 489, 492
Маркс К.— 143
Маршак С. Я.— 72
Марьямов А. М.— 141, 142, *143*, 148
Маслин Н.— 62
Масс В. З.— 203
Матвеев — 352
Матвеева Н. Н.— 308
Матусовский М. Л.— 128, 308
Маяковская Л. В.— 365, 367, *369*
Маяковский В. В.— 12, 120, 121, 122, 184, 185, 249, 250, 274, 363—369, 414, 417, 438, 462, 463, 464, 486, 537
Медведев В. В.— 414, *415*
Межевич В. Д.— 547
Межелайтис Э.— *225*, 421, 423
Мейерхольд В. Э.— 478, *479*
Мережковский Д. С.— 302, *303*
Мерецков К. А.— 484, 559
Месяцев Н. Н.— 319, *323*
Метченко А. И.— 363—365, 367—369
Мехлис Л. З.— 312, *313*, 402, 475
Милецкий Я. А.— 226, *229*
Милютин Д. А.— 556, *559*
Минюк Л. Ф.— 540, 541, *543*
Мирский Л.— 497
Михайлов Г. М.— 94, *96*
Михайлов Н. А.— 87, 88, *455*
Михайлов Ю.— 398
Михайлова Ц. М.— *141*

Михалков С. В.— 406
Млечина И.— 522
Молдавский Д.— 463
Монастырев В.— 216
Москвин И. М.— *536*
Мундт — 60
Муссолини Б.— 284

Навои А.— 59, *60*, 307, 308
Нагорная В. В.— 299
Наровчатов С. С.— 128, 308, 552
Насими — 500, *501*
Наумов А.— 316
Наумов Е. И.— 377, *378*
Некрасов И. М.— 466, *467*
Некрасов Н. А.— 432, 433
Немирович-Данченко В. И.— 341, *536*
Ненни П.— 285, *286*
Нерлер П. М.— 552, *554*
Николаева Г. Е.— 122, 123, *124*
Николюкин И. К.— 208, *209*, 230, 231, 232
Никулин Ю. В.— 15
Никульков А. В.— 363—365, 367—369
Нонешвили И. Э.— 538, *539*

Овалов Л. С.— 163, *165*
Овечкин В. В.— 132, *133*, 134, 136, 137, 157, 277
Овечкин В. В.— *134*
Огнев В. Ф.— 302
Озеров В. М.— 445, *446*
Озеров Л. А.— 128, 552
Озеров Ю.— 395
Окуджава Б. Ш.— *243*
Омельченко В. М.— 258, *260*
Ордынский В. С.— 314, *315*, 321
Орехов Ю. Г.— *530*
Орехов Ю. Ю.— *530*
Орлов А. Г.— 459, *460*
Орлов Г. Г.— 459, *460*
Орлов Д. К.— 498, *499*
Орлов Д. Н.— 509
Ортенберг Д. И.— 5, 15, 26, *27*, 39, 169, 170, 311, 357, 358, 388, 393
Осипов В. О.— *532*, 548

Павленко Н. Г.— 322, 356
Павленко П. А.— 102, *106*, 262
Павлов Д. В.— 321, 385, *387*, 388
Павлов Д. Г.— 559
Павлова М.— 143
Пагирев Г. В.— 10, 56, *57*
Палирблех Н. И.— 516
Панова В. Ф.— 99, *101*, 300—302
Панферов Ф. И.— 102, *106*
Папанов А. Д.— 15
Пастернак Б. Л.— 251—253, 417, 438, 535
Паустовский К. Г.— *194*, 443
Паччарди Р.— 285, *287*
Пеньковский Л. М.— 308
Пермитин Е. Н.— 147, *148*
Перцов В. О.— 365, *369*, 421, 423
Петр I — 556
Петр III — 460
Петренко — 96
Петров — 179
Петров Е. П.— 11, 121, 144, 222, 223, 245, 549
Петров И. Е.— 8, 62, *63*, 64, 205, 206, 209, 210, 216—218, 412, 413, 451, 452
Петров И. М.— 332, *333*, 334
Петров Н.— 464
Петров Ю. И.— 63
Петров-Водкин К. С.— 12, 413, *415*
Петровская М. Н.— 354
Петровский Л. Г.— 475, 478
Петровых М. С.— 52
Пиддубная З. Н.— 135, *136*
Пикман А. М.— 131
Пилипенко — 65
Пильняк Б. А.— 340, *343*
Пименов В. Ф.— *173*
Пиросманашвили Н. А.— 12, 203, *204*, 280, 281, 282, 283, 318, 319, 413, 415, 539, 540

Письменный А. Г.— 435, *442*, 468
Платонов А.— 399
Плоткин Л. А.— 377, *378*
Плучек В. Н.— 224, 316, 464
Погодин Н. Ф.— *108*
Поженян Г. М.— *91*
Поздняев К. И.— 82, *83*, 204
Познер В. А.— 272, *273*, 321, 322, 356
Полевой Б. Н.— 132, 134, 138, *139*, 140, 160, 322
Поликарпов Д. А.— 139, 364
Полицеймако В. П.— 381, 382, *383*
Полицеймако М. В.— 381
Поляков А. Ф.— 472, *477*
Поляков С.— 389, 393
Понеделин П. Г.— 551, *552*
Пономарев Н. А.— 415, *555*
Пономаренко П. К.— 321, *324*
Поплавский С. Г.— 225, *229*
Попова-Яшина З. К.— 115, 116
Поповкин Е. Е.— 163, *165*
Поспелов П. Н.— 261, *265*
Потапов В. С.— *196*
Потапов Г. И.— 299
Потапов М. И.— 94, *95*
Преображенский С. Н.— 523, *524*
Прийма Ф. Я.— 422, 423
Прокуев А. И.— *504*
Пронин — 176
Прудкин М. И.— 489, *490*, 493
Пудовкин В. И.— 16, 27, 234, 235, 238, 239
Пузиков А. И.— 530, 531, *532*
Пушкарев В. А.— 414, *415*
Пушкин А. С.— 78—81, 212, 213
Пушкина Н. М.— 353
Пушкина Н. Н.— 79

Раабен И. С.— 495
Рабле Ф.— 340, 343
Радзинский Э.— 376
Ракутин К. И.— 483, *485*
Райт Р. Я.— 397, *398*
Распутин В. Г.— 459, *460*
Резник Э. Т.— 292
Рейли С.— 334
Рекемчук А. Е.— 239, *240*
Рекель И.— 518, *519*
Репин И. Е.— 412
Решетников Л. В.— *355*
Рза Р.— 430, *431*
Рихтер Х. В.— *276*
Родимцев А. И.— 284, *286*, 321, 323
Родченко — 366
Рождественский В. А.— 421
Розенталь М. М.— 39
Розов В. С.— *173*
Розовский М.— 398
Рокоссовский К. К.— 8, 313, 321, *323*
Роллан Р.— 502, 503
Романов А. А.— 330, *331*
Романов А. В.— 284, *285*, 323
Романов Г. В.— 485, *488*
Ромм М. И.— 152, *153*, 521, 522
Рощин М.— 384
Рощин Н.— 303
Рыбаков Б.— 256
Рыков — 341
Рыльский М. Ф.— 487
Рюриков Б. С.— 110, *112*, 145, 146, 404, 405

Савич О. Г.— 50, *51*
Садовников — 175
Сажин П. А.— *451*
Сальникова Г. Р.— 365, 368, *369*
Салынский А. Д.— 295, *297*
Сарьян М. С.— *159*
Сатюков П. А.— 166, *167*, 245
Сахновский В. Г.— 343
Свердлин Л. Н.— *27*
Свердлов Я. М.— 426, *429*
Седов Г. Я.— 41, *43*
Седых В. Н.— 445, *446*
Седых К. Ф.— *431*
Сельвинский И. Л.— 125, *128*, 129
Семенов М. В.— 532

Сендебрю К.— 194, *195*
Сенькин И. И.— *504*
Серафимович А. С.— 417, 489
Сергеев-Ценский С. Н.— 487
Серова В. В.— *26*, 27, 29, 30
Сизова М. И.— 106, *108*
Симонова А. К.— *134*
Симонов А. К.— 478
Скаловская Т. Д.— *370*
Скрябин А. Н.— 233, *234*
Славин Л. И.— 311, *312*, 313, 321, 323, 389
Слащев Я. А.— 338, *342*
Слуцкий Б. А.— 128, 203, 548, *549*
Смеляков Я. В.— 471, 477
Смирнов А. С.— 395
Смирнов В. М.— 116, *118*
Смирнов О. П.— *209*
Смирнов С. С.— 322, 331, *332*, 475, 478
Смирнова В. В.— 238, *239*, 262
Смушкевич Я. В.— 312, *313*
Соколов В. П.— 377, *378*
Соколов-Микитов И. С.— 257
Солнцев Р. Х.— 232, *234*, 242, 243
Соловьев — 267
Соловьев Л. В.— 468, *469*
Сологуб Ф.— 503
Солоухин В. А.— 308
Сорокин М. И.— *356*
Соснора В. А.— 210, *213*
Софронов А. В.— 154, *156*, 374
Спаак Ш.— 151
Ставский В. П.— 179, *180*, 311, 312, 389
Сталин И. В.— 104, 106, 186, 237, 252, 305, 312, 313, 341, 386, 388, 436, 473
Станиславский К. С.— 341, 343, 511, 536
Станицын В.— 265
Стасова Е. Д.— 426, *429*
Степанова А. О.— *58*
Столпер А. Б.— 171, 304, *305*, 306
Стрешнева Т. В.— 308
Стукалин Б. Н.— 504, *506*
Субоцкий Л. М.— 472, 473, *477*
Сурин В. Н.— 305
Сурков А. А.— 39, 41, *43*, 72, 115, 145, 146, 253, 322, 423, 427, 436
Суровцев Ю. И.— 446, *447*
Сучков Б. Л.— 445, *446*
Сытин В. А.— *91*
Сычев Н. Я.— 411, *413*

Табачников Е.— 201
Табидзе Г. В.— 487
Талалихин В. В.— *517*
Таланов А. В.— *32*
Тамарина Т. С.— 209
Тарасенков А. К.— 10, 56, *57*, 71
Татлин В. Е.— 12, 413—415, 460, 461, 462
Твардовская М. И.— *328*, 418, 419, 423
Твардовский А. Т.— 12, 17, 70, *71*, 72, 80, 237, 257, 258, 327, 328, 355, 388, 404, 417—423, 437, 442—444, 472, 477
Телегин К. Ф.— 321, *323*
Телешов Н.— 303
Теракопян Л. А.— 540, *543*
Терехин Н.— 389, 393
Тимофеев Л. И.— 151, *152*
Тимофеева В. В.— 279
Тимошенко С. К.— 559
Тихонов М. В.— 314, *315*
Тихонов Н. С.— 52, 80, 81, 195, 253, *388*, 421, 423, 538
Товстоногов Г.— 383
Токарева В. С.— 239, *240*
Толстой А. К.— 523
Толстой А. Н.— 47, 260, 357, 358
Толстой Л. Н.— 87, 138, 198, 199, 200, 264, 303, 304, 317, 318, 328—330, 345, 346, 349, 416
Тольятти П.— 285, *286*
Топорков В. О.— 443, *444*
Травкин Д. П.— 516

Трауберг Л. З.— 429, *430*, 490, 492
Третьяков — 366
Трибуц В. Ф.— 321, *323*
Триоле Э.— 151
Трифонов Н. А.— 222, *223*
Трифонов Ю. В.— 542, *543*
Троепольский Г.— 257
Трошкин П. А.— 245
Трунин В.— 395
Туровская М.— 522
Тютчев Ф. И.— 522, 523

Уайльд О.— 220
Уикс Э.— 168, *169*
Уланова Г. С.— 443, *444*
Ульянова М. И.— 511, *512*
Умарбеков У. Р.— 451
Упит А. М.— 487
Уразов И. А.— 404, *405*
Урусевский С. П.— 177, *178*
Утвенко А. И.— 25
Уткин И. П.— 251, *253*

Фадеев А. А.— 45—47, 53, 57, *58*, 60, 64, 196, 197, 328—330, 363, 364, 416, 417, 443, 468, 469, 489, 523, 524
Февральский А. В.— 433, *434*, 510—512
Федин К. А.— 37, 39, 47, 67, *69*, 102, 106, 130, 257, 425, 426, 427, 428, 429, 489
Федюнинский И. И.— 321, *323*
Фейгин Э. А.— 266, *267*
Феоктистов К. П.— 443, *444*
Феонова В. Б.— 433, *434*
Фет А. А.— 522
Фигейредо Г.-М.— 383
Филин Ф.— 256
Финк Л. А.— 470, 477, 478
Финн К. Я.— 92, *93*, 94
Фих С.— 201
Фиш Г. С.— 125, 132, 133
Фиш Р. Г.— 407
Фоломин Ф. П.— 56, *57*
Фохт Е. С.— 24
Фрадкина С. Я.— 234, *238*, 260, 265, 509
Франко Ф.— 284, *286*
Фролов В. С.— 363, *368*, 369
Фурманов Д. А.— 338, 412, 413

Хакимов К. М.— *316*
Халип Я. Н.— 25, 26
Хан-Магомедов С. О.— 414, *415*
Ханютин Ю. М.— 522
Хархардин В. П.— 431
Хацревин З. Л.— 311, *312*, 389
Хволовский Л. И.— 322, *324*
Хейфец Л.— 376
Хелемский Я. А.— 308, *514*
Хелман Л.— 48, 49, *50*, 360
Хемингуэй Э.— 12, 33, *34*
Хемцаль К.— 431
Хикмет Н.— 12, 76, 119, *121*, 141, 194, 195, 433, 434
Хлебников В. В.— 414
Ходоровская Э. Р.— *544*
Холендро Д. М.— 245, 451, *452*
Холопов Г. К.— 321, *323*
Хомяков О. М.— 495, *497*
Хо Ши Мин — 553, *554*
Храпченко М. Б.— 100, *101*, 445, 446

Цадаса Г.— 487
Царев М. И.— 373, *375*

Чавчавадзе И. Г.— 145, *146*
Чаплин Ч.— *40*, 41
Чаплина У.— *41*
Чаренц Е.— 487
Чарквиани Д. А.— 539, *540*
Чарный М. Б.— 47, 249, *250*
Черкасов Н. К.— 443, *444*
Чернышевская Н. М.— 89, *90*
Чернышевский Н. Г.— 89, 90
Черняховский И. Д.— 8, 344, *345*
Чехов А. П.— 339, 487
Чудакова М. О.— 492, *495*

Чуйков В. И.— 321, *323*
Чуковский Д. Н.— 443, *444*, 462, 492
Чухрай Г. Н.— 272, *273*
Чхеидзе Н. С.— 127, *128*

Шагинян М. С.— 412, *413*
Шаманин Ф. А.— 402
Шамиль — 130, *131*
Шарафутдинов О.— 317
Шахалова Н. В.— *411*
Шеварднадзе Э. А.— 538, *539*
Шевкуненко Ю. А.— 170, *172*
Шевченко Т. Г.— 412
Шенгелая Г. Н.— 204, 280, 283, 318, 319
Шендеров — 192
Шерешевский Л.— 201
Шиловцева Л. М.— 540, *543*
Шинкуба Б. В.— 538
Шишкин С. Н.— 78
Шишков В. Я.— 487
Шкапа И. С.— *136*, 137
Шкловский В. Б.— 198, *200*, 426, 429, 552
Шолохов М. А.— 37, 39, 137, 416, 417
Штейн А. П.— 161, *162*, 374
Штерн Г. М. — 312, 313
Штокбант И.— 295
Шумилов М. С.— 284, *286*, 321, 323

Щербаков К. А.— 374, 375, *376*
Щербина В. Р.— 39, 250, *252*

Эйзенштейн С. М.— 414, 479
Эйхенбаум Б. М.— 198, *200*
Эренбург И. Г.— 11, 52, 54, 56, 68, 69, 257, 358
Эфрос А.— 376

Юдахин А. В.— *293*, 294, 349, 351
Юткевич С. И.— 462, *463*, 464
Юшкевич В. А.— 475, 478

Яблоновская — 207
Яковлев — 110
Яковлев М. П.— 94, *95*
Ямпольский Б. С.— 105, *106*
Яновская Л. М.— 273, *275*, 342, 370
Яншин М. М.— 443, *444*
Ярославский Е. М.— 261, 262, *265*
Ярцев Г. А.— *44*, 50, 468
Яшин А. А.— 12, 114, *115*, 116, 330, 331

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВОШЕДШИХ В I—XI тт. СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ К. СИМОНОВА

Абхазская песня (*из К. Каладзе*) I, 554
Автобиография I, 28
Английское военное кладбище в Севастополе I, 62
Анкета дружбы I, 294
Атака I, 97

Баллада о безработных товарищах (*из В. Незвала*) I, 626
Баллада о надежде (*из В. Незвала*) I, 625
Баллада о трех солдатах I, 236
«Барашек родился хмурым осенним днем...» I, 275
Без иллюзий XI, 341
Безыменное поле I, 108
Бессмертная фамилия II, 256
⟨Бесстрашная правда⟩ XI, 552
Бомбежка по площадям I, 309
Борис Полевой XI, 366
Борису Горбатову (1—3) I, 283
«Бывает иногда мужчина...» I, 273
«Бывает, слово «ненавижу»...» I, 319
Бывший клерк (Эпитафии, 5) (*из Р. Киплинга*) I, 642
«Был у меня хороший друг...» I, 186
Было бы шестьдесят... (О Михаиле Луконине) X, 497

В Высоких Татрах (Рассказ доктора Бернарда) II, 295
В гостях у Шоу I, 245
В Гуйлине I, 257
«В домотканом, деревянном городке...» I, 167
В Заволжье I, 111
В керченских каменоломнях XI, 14
В командировке (Дорожные стихи, 8) I, 52
В корреспондентском клубе I, 220

«В мае, месяце зеленом...» (Возвращение домой, 1) (*из В. Незвала*) I, 628
«В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь...» (*из Насими*) I, 537
В районе Понырей XI, 59
В свои восемнадцать лет... XI, 116
«В чужой земле и в городе чужом...» I, 208
Вагон (Дорожные стихи, 6) I, 50
«Ввиду особых заслуг перед советским изобразительным искусством...» XI, 496
Вечерняя прогулка (Выйдя из тюрьмы, 2) (*из Н. Хикмета*) I, 617
Вздох (*из В. Незвала*) I, 631
«Вновь, с камнем памяти на шее...» I, 327
«Вновь тоскую последних три дня...» I, 200
Военно-морская база в Майдзуре I, 222
Возвращение в город I, 121
Возвращение домой (1—3) (*из В. Незвала*) I, 628
Волоколамское шоссе XI, 316
Вопреки или благодаря? XI, 323
«Вот здесь мою жену убили...» (Чужого горя не бывает..., 3) I, 303
«Вот и темнеть еще раньше стало...» (*из Р. Гамзатова*) I, 610
«Вот и унесся, как гонщик...» (Возвращение домой, 2) (*из В. Незвала*) I, 628
«Вот тебе и семьдесят, Самед!..» I, 334
Всё те же солдаты... XI, 400
«Встал. Улица белым-бела...» (*из А. Мухтара*) I, 587
Встреча на чужбине I, 140
Встреча с Пабло Нерудой X, 455
⟨Встреча с Павлом Петровичем Бажовым⟩ X, 562
Встречи с Чаплином X, 391
Вступление к книге (*из К. Каладзе*) I, 550
«Всю жизнь любил он рисовать войну...» I, 86
Выйдя из тюрьмы (1—4) (*из Н. Хикмета*) I, 617

Газель (*из А. Навои*) I, 567
Гвоздика (*из Х. Гуляма*) I, 573
Генерал I, 44
Гиены (*из Р. Киплинга*) I, 639
Голубоглазая скала (*из Э. Межелайтиса*) I, 602
Голубоглазая скала. Еще раз (*из Э. Межелайтиса*) I, 604

«Да, мы живем, не забывая...» I, 206
Давайте бросим пеший быт! XI, 411
Далеко на Востоке. Поэма I, 466
Далеко на Востоке. Халхин-гольские записи X, 7

Далекому другу I, 197
Двадцать дней без войны (Так называемая личная жизнь, 2) VII, 183
Двое (Эпитафии, 10) (*из Р. Киплинга*) I, 643
Дежурка I, 311
Делай, как я! XI, 50
«День войны» XI, 206
Деревья I, 71
Для долгого пользования XI, 429
Дни и ночи. Повесть II, 7
Дни и ночи. Очерк XI, 31
«До утра перед разлукой...» I, 209
Добровольно «пропавший без вести» (*из Р. Киплинга*) I, 636
Доброго пути, Сашка! XI, 549
Дожди I, 190
Дом в Вязьме I, 135
Дом друзей I, 276
Дом поэта XI, 560
Дорожные стихи (1—9) I, 47
Друг-приятель I, 290
«Дружба — дружбой, а служба — службой...» I, 285
«Дружба настоящая не старится...» (Борису Горбатову, 3) I, 284
Дуб (*из К. Каладзе*) I, 553
Думаю о Хемингуэе XI, 441
Дурак (*из Р. Киплинга*) I, 640
Дым над хижиной (*из Х. Гуляма*) I, 576
Дым отечества III, 117

«Еду цветущим краем...» (Возвращение домой, 3) (*из В. Незвала*) I, 629
«Если бог нас своим могуществом...» I, 164
«Если дорог тебе твой дом...» I, 105
⟨«...Если пелось про это»⟩ XI, 541
«Если пуля тебя ранит...» (*из Доржпалама*) I, 616
«Если родилась красивой...» I, 150
«Есть настоящий, сущий...» (*из Г. Табидзе*) I, 549

«Жди меня, и я вернусь...» I, 158
Жены I, 133
Живые и мертвые (1—3). Трилогия IV, V, VI
Живые и мертвые. Роман (Живые и мертвые, 1) IV
Жил да был человек осторожный... I, 286

Зацвел урюк (*из Зульфии*) I, 583
«Здесь отделенье самообороны...» (Чужого горя не бывает..., 7) I, 305
«Зима сорок первого года...» I, 297

Зимой сорок третьего... XI, 44
Знамена Девятого мая (*из В. Незвала*) I, 630
Знамя I, 301
Золотые рыбки I, 271
Золотые шкуры (*из Г. Табидзе*) I, 548
Зрелость стиха (*из Ф. Халваши*) I, 566
Зримые документы истории XI, 475

Иван да Марья I, 497
Из дневника I, 87
Из записей об И. А. Бунине X, 358
Изгнанник I, 55
Илья Эренбург XI, 215
Исполнение желаний XI, 544
История одного киноинтервью X, 478
История одной любви II, 317
Июнь — декабрь XI, 7

К нам приезжайте погостить, друзья! (*из Г. Гуляма*) I, 568
«Казбек» (Дорожные стихи, 7) I, 52
«Как говорят, тебя я разлюбил...» I, 217
Какая интересная личность! XI, 520
Каретный переулок I, 188
Катафалк (*из В. Незвала*) I, 629
Кафе «Сталинград» II, 276
Книга посетителей II, 282
«Когда изобразить я в пьесе захочу...» (Музыка, 2) I, 203
«Когда на выжженном плато...» I, 181
«Когда со мной страданьем...» I, 148
Командир морского конвоя (Эпитафии, 3) (*из Р. Киплинга*) I, 642
Корреспондентская застольная I, 115
Красное и белое I, 227
Критики или комментаторы XI, 238
«Кто в будущее двинулся, держись...» I, 333
«Куда ни глянешь — без призора...» I, 83
Кукла I, 77

Лавина (*из Н. Хубиева*) I, 614
Ледовое побоище I, 355
Летаргия I, 201
Любовь I, 262
Любовь (*из Х. Алимджана*) I, 582
Люди и дело XI, 432

«Майор привез мальчишку на лафете...» I, 160
Мальчик I, 59
Малышка II, 227
Матери Бориса Горбатова I, 314
«Мать» в Пирчюписе XI, 321
Механик I, 68
Мечтаю... (*из В. Незвала*) I, 632
Мир и мы (*из Ц. Андреевского*) I, 591
Митинг в Канаде I, 225
«Мне хочется назвать тебя женой...» I, 171
Мой день (*из К. Каладзе*) I, 551
«Моя сестра благополучно родила...» (Чужого горя не бывает..., 4) I, 303
Музыка (1—3) I, 203
Мурманск — Штральзунд XI, 94
Мурманские дневники I, 411
«Мы жить не можем, смерть поправ,— как тяжко умирать!..» (*из Видади*) I, 539
«Мы не увидимся с тобой...». Стихи I, 92
«Мы не увидимся с тобой...» Повесть (Так называемая личная жизнь, 3) VII, 351
«Мы оба с тобою из племени...» I, 207
Мы помним!.. XI, 332

На полях старых документов XI, 143
На полях трех книг... XI, 162
На родном своем языке XI, 482
«На час запомнив имена...» I, 169
«Навеки врублен в память поколений...» I, 325
Над Лаосом I, 308
«Над сном монастыря девичьего...» I, 205
«Над черным носом нашей субмарины...» I, 163
Надписи в зале Красной Армии в мавзолее на горе Витков в Праге (*из В. Незвала*) I, 632
Надпись на камне (*из Р. Гамзатова*) I, 611
«Наконец уезжаю. Последний свисток...» (*из В. Незвала*) I, 626
«Напоминает море — море...» (Чужого горя не бывает..., 9) I, 307
Настоящее начало XI, 179
Наш политрук I, 298
⟨Наш редактор⟩ XI, 547
«Не золотая середина» XI, 392
«Не лги — анатом!..» I, 328
Не оставляй его, как сироту... (*из Г. Табидзе*) I, 548
«...Не пишется проза, не пишется...» I, 316
«Не раз видав, как умирали...» I, 195

«Не сердитесь — к лучшему...» I, 166
«Не спрашиваю, не выпытываю...» (Чужого горя не бывает... 1) I, 302
«Не той, что из сказок, не той, что с пеленок...» I, 143
Не только на границе XI, 368
Не тут, так там... I, 331
Не щадя себя! XI, 487
Неизбежная цель XI, 136
Немец I, 239
«Ненужные воспоминанья...» I, 318
Несколько вступительных слов о Сергее Есенине и об этой книге XI, 528
Несколько глав из записей об А. Т. Твардовском X, 430
Несколько слов о чувстве ответственности XI, 328
Нет! I, 241
«Нет, друг мой Георгий!..» (*из Г. Табидзе*) I, 549
Новичок (Эпитафии, 6) (*из Р. Киплинга*) I, 643
Новобранец (Эпитафии, 7) (*из Киплинга*) I, 643
Новобранцы (*из Р. Киплинга*) I, 637
Новогодний тост I, 43
Новогодняя ночь в Токио I, 264
«Ноги у печали стали черные...» (*из К. Кулиева*) I, 613
Номера в «Медвежьей Горе» (Дорожные стихи, 4) I, 48
Ночной полет I, 137
Ночь над Белградом II, 270
Ночь перед бессмертием I, 243
Ночью, когда тебя нет (*из Р. Трифуновской*) I, 594
Ночью над стихами (*из М. Бабаева*) I, 585

О великом мексиканце XI, 330
О Витезславе Незвале X, 330
О Владимире Александровиче Луговском X, 350
О Всеволоде Илларионовиче Пудовкине X, 384
О Дмитрии Иосифовиче Гулиа X, 346
О Дмитрии Николаевиче Орлове X, 354
О Назыме Хикмете X, 376
О наших товарищах XI, 336
О Николае Михайловиче Горчакове X, 370
О Пабло Неруде X, 457
О памяти и памятниках XI, 343
О Петре Петровиче Кончаловском X, 327
О прошлом для будущего XI, 407
О Романе Кармене XI, 414
О советском патриотизме XI, 402
О старом товарище X, 373

О трех романах Михаила Булгакова XI, 461
О Фрице Крамере XI, 335
О чувстве ответственности XI, 358
Об Александре Яшине XI, 388
Об Алексее Суркове XI, 284
Об Иване Николаевиче Берсеневе X, 334
Об Эльзе Триоле X, 417
Об Эрнсте Буше X, 381
Общий итог (*из Р. Киплинга*) I, 635
Одинокая могила (*из С. Вургуна*) I, 544
Однополчане I, 46
Он был бойцом... X, 421
⟨Он был простой человек⟩ XI, 558
Опечатка (*из Ю. Тувима*) I, 624
Опыт верлибра I, 335
Орден Ленина II, 261
Ординарец (Эпитафии, 9) (*из Р. Киплинга*) I, 643
Оркестр (из М. Бабаева) I, 586
Орлы I, 70
Осень I, 84
«Осень, ветер, листья — буры...» I, 329
Основано на документах XI, 350
От мая до мая XI, 473
Отец I, 526
Отец (*из К. Каладзе*) I, 557
Откровенность за откровенность XI, 530
Открытие мира (*из Д. Методиева*) I, 588
Открытое письмо I, 129
Открытое письмо критику Семену Трегубу XI, 252
Отъезд (Дорожные стихи, 1) I, 47

Памяти генерала Леселидзе (*из К. Каладзе*) I, 563
Парень из нашего города. Пьеса II, 379
Парень из нашего города. Статья XI, 491
Париж без Поля Элюара (*из В. Незвала*) I, 630
Пасторальное (*из К. Павлова*) I, 590
Первая любовь I, 432
Первейшее из прав человека XI, 173
«Первый снег в окно твоей квартиры...» I, 199
Перед атакой II, 246
Перед новой работой XI, 301
Переправа через Янцзы I, 253
Перечитывая заново... XI, 502
Перечитывая «Скутаревского»... XI, 556
Песня о веселом репортере I, 112

Пехотинец I, 99
Пехотинцы II, 233
Пиросмани XI, 317
Письмо (*из З. Муталибова*) I, 615
Письмо в редакцию «Фрейе вельт» XI, 104
Письмо господину Уиксу XI, 79
Письмо из Аргентины I, 249
«Плюшевые волки...» I, 145
Победитель I, 341
«Под бомбами, прочь...» (Чужого горя не бывает..., 5) I, 304
Под каштанами Праги. Пьеса II, 560
«Под каштанами Праги». Заметки XI, 221
«Под крышей пальмовой рябою...» (Чужого горя не бывает..., 2) I, 302
Подумаем об отсутствующих XI, 218
Политик (Эпитафии, 1) (*из Р. Киплинга*) I, 641
Полярная звезда I, 93
Поручик I, 60
После обеда (*из Г. Товоровского*) I, 592
Последнее лето (Живые и мертвые, 3) VI
⟨Последнее свидание⟩ X, 563
Последний мост (*из Х. Гуляма*) I, 571
Постоянство XI, 523
Поэзия Карло Каладзе XI, 469
⟨Поэзия Семена Гудзенко⟩ XI, 283
Поэт, как рано постарел ты... (*из С. Вургуна*) I, 541
Правильный путь XI, 214
«Преуменьшающий беду...» I, 326
Прибавочная стоимость XI, 127
Притча о ствари и гуда-ствари (*из К. Каладзе*) I, 551
Проверка временем XI, 272
Просьба (*из Р. Киплинга*) I, 644
Прошлое — перед глазами XI, 289
Прощай! (*из В. Незвала*) I, 627
«Пусть прокляну впоследствии...» I, 185
Путь жизни (*из Р. Рзы*) I, 546
«Пьют за долгую жизнь мою!..» (*из Б. Шинкубы*) I, 608
Пятистишия (*из Вагифа*) I, 535
Пять страниц I, 416

Разведка I, 320
Разные дни войны. Дневник писателя. 1941 год VIII
Разные дни войны. Дневник писателя. 1942—1945 годы IX
Рассказ о спрятанном оружии I, 39
Рассказы о японском искусстве (Япония, 46, 2) X, 242

Речь на митинге в Сан-Франциско XI, 71
Родина I, 90
Рождение (Выйдя из тюрьмы, 4) (*из Н. Хикмета*) I, 622
Роман от первого лица XI, 421
⟨Роман Эльзы Триоле «Душа»⟩ XI, 355
Рукопись I, 312
Русские люди II, 441
Русский вопрос III, 7
Русское сердце XI, 26
«Рус-фанер» XI, 38
Рыцарская книга XI, 352

«С чего начинается память — с берез?..» (Чужого горя не бывает..., 6) I, 305
«Самих себя, да и печать...» I, 332
Самый разный Горбатов X, 544
Самый храбрый I, 80
Сверчок I, 73
Свеча II, 290
Свои, что ли, песни пел вам Гомер? (*из Р. Киплинга*) I, 636
«Своих поэтов, с их уроками...» (*из Х. Берулавы*) I, 565
Северная песня (Дорожные стихи, 9) I, 54
«Семь километров северо-западнее Баин-Бурта...» I, 85
Семья справляет рождение сына (*из К. Каладзе*) I, 552
«Серые глаза — рассвет...» (*из Р. Киплинга*) I, 639
Сказка о городе Пропойске I, 117
«Сколько б ни придумывал фамилий...» I, 322
Слава I, 100
⟨Славные страницы истории Московского университета⟩ XI, 479
Слепец I, 122
«Слишком трудно писать из такой оглушительной дали...» I, 75
«Словно смотришь в бинокль перевернутый...» I, 91
Слово о Каххаре XI, 515
Случай с Полыниным III, 549
Смерть друга I, 103
Снег идет... (*из М. Карима*) I, 609
«Снова сбросила холод седой земля...» (*из Р. Гамзатова*) I, 610
«Совершенно секретно!» XI, 363
Созданию истории подобно... XI, 425
Солдатами не рождаются (Живые и мертвые, 2) V
Сорок второй XI, 131
Сорок и двадцать XI, 422
«Сталинград» XI, 210
Старая солдатская I, 119
Старик I, 57

«Стекло тысячеверстной толщины...» I, 210
⟨Стихи Б. Лапина и З. Хацревина⟩ XI, 494
Страницы из дневника (Япония, 46, 1) X, 66
Суворов I, 382
⟨Счастье иметь друзей...⟩ XI, 108
Сын I, 278
Сын артиллериста I, 489
Сыновьям I, 144

Так и будет II, 503
Так называемая личная жизнь (Из записок Лопатина) (1—3) VII
Таким остался в памяти X, 415
Танк I, 78
«Твой голос поймал я в Смоленске...» I, 183
Телеграмма (Дорожные стихи, 3) I, 48
Телогрейка (*из С. Вургуна*) I, 543
Тигр I, 230
«То недосуг самих себя чинить...» I, 330
Товарищ I, 95
Товарищ (*из В. Тавлая*) I, 595
Товарищ с Западного фронта XI, 417
Товарищи по оружию III, 235
Товарищу То Хыу, который перевел «Жди меня» I, 315
Тоска (Дорожные стихи, 5) I, 49
Тост, услышанный в Дагестане I, 296
«Тот самый длинный день в году...» I, 324
Точка отсчета XI, 498
Транссибирский экспресс I, 66
Три брата I, 125
«Три дня живу в пустом немецком доме...» (Музыка, 3) I, 203
Три точки I, 234
«Тринадцать лет. Кино в Рязани...» I, 149
«Трубка после обеда...» I, 215
Трус (Эпитафии, 8) (*из Р. Киплинга*) I, 643
«Ты говорила мне «люблю»...» I, 156
«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» I, 88
Тыловой госпиталь I, 81

У огня I, 127
Убийство, ставшее самоубийством XI, 338
Улица Сакко и Ванцетти I, 232
Улыбка I, 288
«Умер друг у меня — вот какая беда...» (Борису Горбатову, 1) I, 283
«Умер молча, сразу, как от пули...» (Борису Горбатову, 2) I, 284
«Умирают друзья, умирают...» I, 317

Уроки Федина X, 509
Устремленный в будущее X, 463
Утро (Выйдя из тюрьмы, 1) (*из Н. Хикмета*) I, 617
Утро сорок шестого (*из Г. Табидзе*) I, 549

Фляга I, 114
Фотография I, 76
⟨«Фронтовая тетрадь» Георгия Гвоздева⟩ XI, 362
Футон I, 269

Халхин-гольская страница (Из записок о Г. К. Жукове) X, 467
Хибачи I, 267
«Ходит смерть круг за кругом...» (*из Доржпалама*) I, 616
Хозяйка дома I, 177
Хороших и разных XI, 261
Хотят ли русские войны? XI, 110

«Чабан в горах, высоко от подножий...» (*из А. Мухтара*) I, 587
Час ночи (Выйдя из тюрьмы, 3) (*из Н. Хикмета*) I, 620
Часы дружбы I, 64
Человек XI, 287
Человек и книга XI, 314
Человек и народ XI, 186
Человек нашего поколения XI, 371
Чемодан (Дорожные стихи, 2) I, 47
Через двадцать лет I, 101
Четвертый III, 71
Четыре шага (Так называемая личная жизнь, 1) VII, 9
Читая Толстого XI, 374
«Чтобы никогда не думала...» I, 274
Чужая душа I, 281
Чужого горя не бывает... (1—9) I, 302

Шестистишия (*из Видади*) I, 539
Шолохов XI, 298

Эпитафии (1—10) (*из Р. Киплинга*) I, 641
Эпитафия канадцам (Эпитафии, 4) (*из Р. Киплинга*) I, 642
Эстет (Эпитафии, 2) (*из Р. Киплинга*) I, 642

«Я в эмигрантский дом попал...» I, 211
«Я, верно, был упрямей всех...» I, 154
«Я жил над школой музыкальной...» (Музыка, 1) I, 203
«Я знаю, ты бежал в бою...» I, 96

«Я крохи юности собрал. Что ж, птицам их швырнуть?..» (*из Ю. Тувима*) I, 624
«Я много жил в гостиницах...» I, 146
«...Я не видел жены семнадцать лет...» (Чужого горя не бывает..., 8) I, 306
«Я не могу писать тебе стихов...» I, 219
«Я не помню, сутки или десять...» I, 161
Я не спешу... (*из С. Вургуна*) I, 542
«Я очень тоскую...» I, 152
«Я, перебрав весь год, не вижу...» I, 175
«Я пил за тебя под Одессой, в землянке...» I, 173
«Я помню двух девочек, город ночной...» I, 168
«Я схоронил любовь и сам себя обрек...» I, 218
Япония, 46 (1—2) X, 66

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5

ПИСЬМА (1943—1979)

Коваленкову А. А. *⟨Март — апрель 1943 г.⟩* 23
Утвенко А. И. *⟨Сентябрь — октябрь 1943 г.⟩* 25
Ортенбергу Д. И. *6 октября 1943 г.* 26
Герману Ю. П. *⟨Февраль — март 1944 г.⟩* 28
Луконину М. К. *⟨Не ранее февраля 1944 г.⟩* 30
Бирман С. Г. *26 декабря 1945 г.* 31
Хемингуэю Э. *10 июня 1946 г.* 33
Александрову Г. Ф. *1 сентября 1946 г.* 35
Чаплину Ч. *⟨Сентябрь 1946 г.⟩* 40
Суркову А. А. *21 октября 1946 г.* 41
Ярцеву Г. А. *22 октября 1946 г.* 44
Зелинскому К. Л. *⟨1946 г.⟩* 45
Котену Б. *⟨Февраль 1947 г.⟩* 47
Ярцеву Г. А. *26 апреля 1947 г.* 50
Кулиеву К. Ш. *11 июня 1947 г.* 52
Кармену Р. Л. *28 августа 1947 г.* 52
Ф-чу В. Ф. *21 октября 1947 г.* 53
Эренбургу И. Г. *9 декабря 1947 г.* 54
Тарасенкову А. К. *2 января 1948 г.* 56
Фадееву А. А. *7 февраля 1948 г.* 57
Зощенко М. М. *2 июня 1948 г.* 59
Губареву Б. К. *17 июня 1948 г.* 61
Петрову И. Е. *14 мая 1949 г.* 62
Бушмину А. С. *26 августа 1949 г.* 64
Пилипенко. *29 мая 1950 г.* 65
Федину К. А. *15 февраля 1951 г.* 67
Горбатову Б. Л. *7 марта 1951 г.* 69
Твардовскому А. Т. *⟨Не позднее 19 июня 1951 г.⟩* 70

Котову А. К. *24 июля 1951 г.* 72
Горбатову Б. Л. *1 декабря 1951 г.* 74
Жадову А. С. *28 апреля 1952 г.* 76
Большакову И. Г. *1 сентября 1952 г.* 78
Р-ской. *25 сентября 1952 г.* 82
Поздняеву К. И. *18 октября 1952 г.* 82
Анастасьеву А. Н. *25 ноября 1952 г.* 83
Асееву Н. Н. *27 ноября 1952 г.* 86
Михайлову Н. А. *12 февраля 1953 г.* 87
Власову. *21 марта 1953 г.* 88
Чернышевской Н. М. *6 апреля 1953 г.* 89
Сытину В. А. *5 ноября 1953 г.* 91
Котову А. К. *9 ноября 1953 г.* 91
Гиацинтовой С. В. *7 июня 1954 г.* 92
Базарову. *27 января 1955 г.* 94
Петренко. *27 января 1955 г.* 96
Пановой В. Ф. *8 мая 1955 г.* 99
Голубову С. Н. *9 мая 1955 г.* 101
Сизовой М. И. *2 августа 1955 г.* 106
Погодину Н. Ф. *13 августа 1955 г.* 108
Лесючевскому Н. В. *28 сентября 1955 г.* 108
Газете «Сталинская гвардия». *21 ноября 1955 г.* 110
Лесючевскому Н. В. *18 февраля 1956 г.* 112
Яшину А. Я. *28 февраля 1956 г.* 114
Смирнову В. М. *1 марта 1956 г.* 116
Джатиеву Т. И. *4 марта 1956 г.* 118
Хикмету Н. *4 марта 1956 г.* 119
Гурвичу А. С. *22 апреля 1956 г.* 122
Сельвинскому И. Л. *3 июля 1956 г.* 125
Алматинской А. В. *16 октября 1956 г.* 129
Овечкину В. В. *4 февраля 1957 г.* 132
Овечкину В. В. *2 марта 1957 г.* 134
Горской Р. И. *21 марта 1957 г.* 137
Арденсу Н. Н. *4 апреля 1957 г.* 138
Полевому Б. Н. *23 июня 1957 г.* 138
Кривицкому А. Ю. *24 июля 1957 г.* 140
Хикмету Н. *19 сентября 1957 г.* 141
Вулису А. З. *17 октября 1957 г.* 144
Лавреневу Б. А. ⟨*Конец 1957 г.*⟩ 145
Пермитину Е. Н. *3 марта 1958 г.* 147
Барласу В. Я. *25 марта 1958 г.* 148
Исакову И. С. *14 мая 1958 г.* 149
Тимофееву Л. И. *17 марта 1959 г.* 151
Ромму М. И. *15 апреля 1959 г.* 152
Исакову И. С. *19 апреля 1959 г.* 154

Овечкину В. В. *5 сентября 1959 г.* 157
Исакову И. С. *25 октября 1959 г.* 158
Институту Истории искусств АН Армянской ССР. *25 октября 1959 г.* 159
Полевому Б. Н. *21 января 1960 г.* 160
Штейну А. П. *26 января 1960 г.* 161
Исакову И. С. *7 февраля 1960 г.* 162
Поповкину Е. Е. *2 апреля 1960 г.* 163
Бубновой В. Д. *15 мая 1960 г.* 165
Сатюкову П. А. *16 мая 1960 г.* 166
Уиксу Э. *20 мая 1960 г.* 168
Ортенбергу Д. И. *20 июня 1960 г.* 169
Шевкуненко Ю. А. *2 февраля 1961 г.* 170
Дементьеву А. Г. *8 марта 1961 г.* 172
Канатникову. *20 апреля 1961 г.* 173
Садовникову. *25 мая 1961 г.* 175
Каладзе К. Р. *6 июня 1961 г.* 175
Пронину. *25 июля 1961 г.* 176
Калатозову М. К. *1 августа 1961 г.* 177
Исакову И. С. *25 августа 1961 г.* 178
Петрову. *26 августа 1961 г.* 179
Левину Л. И. *4 ноября 1961 г.* 180
Грудинину В. К. *25 декабря 1961 г.* 184
Л-ну. *25 декабря 1961 г.* 185
Винеру А. Б. *8 марта 1962 г.* 187
Гуляму Х. *6 апреля 1962 г.* 191
Шендерову. *13 мая 1962 г.* 192
Паустовскому К. Г. *25 мая 1962 г.* 194
Котову М. И. *24 июня 1962 г.* 194
Потапову В. С. *15 июля 1962 г.* 196
К-цу В. А. *3 сентября 1962 г.* 197
В издательство «Советский писатель». *3 сентября 1962 г.* . . . 197
Елкиной. *4 сентября 1962 г.* 200
Даркову В. В. *14 ноября 1962 г.* 200
Гусеву Г. С. *15 ноября 1962 г.* 202
В правление Центрального Дома литераторов. *20 ноября 1962 г.* . . 203
Поздняеву К. И. *25 января 1963 г.* 204
Ковтуну А. И. *6 марта 1963 г.* 205
Яблоновской. *6 марта 1963 г.* 207
Анфиногенову А. З. *13 марта 1963 г.* 208
Ковтуну А. И. *5 апреля 1963 г.* 209
Сосноре В. А. *16 апреля 1963 г.* 210
Астафьеву В. П. *7 июня 1963 г.* 213
Ковтуну А. И. *7 июня 1963 г.* 216
Кулиеву К. Ш. *7 июня 1963 г.* 218

Грингольцу И. А. *7 июня 1963 г.* 219
Бродскому Е. А. *12 июля 1963 г.* 220
Трифонову Н. А. *25 июля 1963 г.* 222
Воронкову К. В. *18 декабря 1963 г.* 223
Межелайтису Э. *20 февраля 1964 г.* 225
Голикову Ф. И. *26 февраля 1964 г.* 225
Голикову Ф. И. *10 марта 1964 г.* 229
Ч-ву А. А. *18 марта 1964 г.* 230
Солнцеву Р. Х. *24 марта 1964 г.* 232
Фрадкиной С. Я. *30 марта 1964 г.* 234
Рекемчуку А. Е. *17 апреля 1964 г.* 239
Исакову И. С. *13 мая 1964 г.* 240
Солнцеву Р. Х. *14 мая 1964 г.* 242
Ф-ву А. Г. *⟨Апрель — май 1964 г.⟩* 244
В бухгалтерию Политиздата. *30 июля 1964 г.* 245
Сатюкову П. А. *8 октября 1964 г.* 245
Чарному М. Б. *⟨1964 г.⟩* 249
Щербине В. Р. *24 декабря 1964 г.* 250
Богомякову О. А. *14 января 1965 г.* 253
Зимину А. А. *29 января 1965 г.* 255
Твардовскому А. Т. *22 февраля 1965 г.* 257
Редакционной коллегии и коллективу редакции «Новый мир». *23 февраля 1965 г.* 258
Омельченко В. М. *2 апреля 1965 г.* 258
Фрадкиной С. Я. *6 мая 1965 г.* 260
Фейгину Э. А. *12 июля 1965 г.* 266
Соловьеву. *29 августа 1965 г.* 267
Ж-ну И. П. *31 августа 1965 г.* 268
ВЧ. *8 сентября 1965 г.* 271
Чухраю Г. Н., Познеру В. А. *15 сентября 1965 г.* 272
Яновской Л. М. *15 сентября 1965 г.* 273
Гуляму Х. *30 октября 1965 г.* 276
Жукову Г. К. *5 декабря 1965 г.* 276
Овечкину В. В. *5 декабря 1965 г.* 277
Тимофеевой В. В. *5 декабря 1965 г.* 279
Ахведиани Э. С., Шенгелая Г. Н. *9 декабря 1965 г.* 280
Краснокамск, городской библиотеке. *10 января 1966 г.* 283
Романову А. В. *10 января 1966 г.* 284
Гранину Д. А. *12 сентября 1966 г.* 287
Каххару А. *12 сентября 1966 г.* 288
Герману Ю. П. *13 сентября 1966 г.* 290
Жукову Г. К. *30 ноября 1966 г.* 292
Юдахину А. В. *7 февраля 1967 г.* 293
Агамирзяну Р. С. *10 февраля 1967 г.* 294
Салынскому А. Д. *17 марта 1967 г.* 295

Овечкину В. В. *31 мая 1967 г.* 297
Л-ну Г. Ф. *Июль 1967 г.* 298
Дальиздату. *20 ноября 1967 г.* 299
Пановой В. Ф. *26 ноября 1967 г.* 300
Бабореко А. К. *15 января 1968 г.* 302
В редакцию журнала «Вопросы литературы». ⟨*Январь 1968 г.*⟩ 303
Столперу А. Б. *30 марта 1968 г.* 304
Барто А. Л. *17 мая 1968 г.* 306
Московским поэтам. *17 мая 1968 г.* 307
Каххаровой К. Л. *18 мая 1968 г.* 309
Славину Л. И. *27 октября 1968 г.* 311
Романову А. В. *25 декабря 1968 г.* 313
Астафьеву В. П. *14 января 1969 г.* 315
Каххаровой К. Л. *16 января 1969 г.* 315
Зеленову Н. Г. *14 апреля 1969 г.* 317
Шенгелая Г. Н. *27 августа 1969 г.* 318
Месяцеву Н. Н. *10 сентября 1969 г.* 319
Исаковскому М. В. *Январь 1970 г.* 324
Данелия Г. Н. *15 марта 1970 г.* 325
Акбарову А. И. *22 апреля 1970 г.* 326
Твардовскому А. Т. *15 июня 1970 г.* 327
Бурдон В. *15 августа 1970 г.* 328
Романову А. А. ⟨*Конец ноября — начало декабря 1970 г.*⟩ . . . 330
Ляшуку В. Я. *29 декабря 1970 г.* 331
Петрову И. М. *6 января 1971 г.* 332
Зотову М. М. *6 января 1971 г.* 333
Альтшулеру А. М. *Февраль 1971 г.* 334
Затуловской. *15 марта 1971 г.* 344
Гулиа Г. Д. *31 марта 1971 г.* 345
В Орловский Государственный музей имени Ивана Сергеевича Тургенева. ⟨*Июнь 1971 г.*⟩ 346
Комсомольцам 9 «Б» класса школы № 95 Волгограда. *Июнь 1971 г.* 347
Дунаевой Р. К. *9 июля 1971 г.* 349
Юдахину А. В. *18 ноября 1971 г.* 349
Жукову Г. К. *1971 г.* 351
Матвееву. *29 мая 1972 г.* 352
Пушкиной Н. М. *29 мая 1972 г.* 353
Петровской М. Н. *30 мая 1972 г.* 354
Решетникову Л. В. *30 мая 1972 г.* 355
Василевскому А. М. *24 июля 1972 г.* 356
Ортенбергу Д. И. *23 сентября 1972 г.* 357
В бухгалтерию Центральной студии документальных фильмов. *10 ноября 1972 г.* 358

Каюмову М. К. *13 ноября 1972 г.* 359
Бирман С. Г. *15 ноября 1972 г.* 360
Варге М. *28 ноября 1972 г.* 361
Фролову В. С. *21 декабря 1972 г.* 363
Яновской Л. М. *3 февраля 1973 г.* 370
Б-ву И. Л. *6 февраля 1973 г.* 371
Архангельскому В. А. *21 марта 1973 г.* 371
Цареву М. И. *16 апреля 1973 г.* 373
Кербабаеву Б. М. *1 марта 1974 г.* 376
В редакцию «Комсомольской правды». *13 марта 1974 г.* . . . 377
Каюмову М. К. *21 марта 1974 г.* 379
Галлаю М. Л. *3 апреля 1974 г.* 380
Полицеймако М. В. *4 апреля 1974 г.* 381
Котовой Е. И. *18 апреля 1974 г.* 383
Павлову Д. В. *19 апреля 1974 г.* 385
Тихонову Н. С. *1 мая 1974 г.* 388
Ортенбергу Д. И. *Май 1974 г.* 388
Астафьеву В. П. *3 июля 1974 г.* 394
Баскакову В. Е. *11 ноября 1974 г.* 394
Караваеву Г. Н. *11 ноября 1974 г.* 396
Райт Р. Я. *8 февраля 1975 г.* 397
Караваеву Г. Н. *17 марта 1975 г.* 399
Брылю Янке. *25 марта 1975 г.* 400
Колесникову П. Р. *8 июня 1975 г.* 400
Ш-му Г. Э. *8 июня 1975 г.* 402
Василевскому А. М. *25 сентября 1975 г.* 403
Кудреватых Л. А. *Сентябрь 1975 г.* 404
Гордон Н. П. *10 октября 1975 г.* 405
Кариму М. *4 ноября 1975 г.* 406
Аджубей Р. Н. *2 января 1976 г.* 407
Василевскому А. М. *4 января 1976 г.* 408
П-ву В. Я. *9 марта 1976 г.* 410
Лыковой Л. П. *9 марта 1976 г.* 410
Шахаловой Н. В. *17 марта 1976 г.* 411
Сычеву Н. Я. *30 марта 1976 г.* 411
В правление Центрального Дома литераторов. *31 марта 1976 г.* 413
Малахову В. И. *4 апреля 1976 г.* 416
Бубновой В. Д. *9 апреля 1976 г.* 418
Бажану М. П. *27 мая 1976 г.* 421
Дюжеву Ю. И. *20 июля 1976 г.* 423
Воронкову К. В. *8 августа 1976 г.* 425
Траубергу Л. З. *9 августа 1976 г.* 429
Рзе Р. *20 сентября 1976 г.* 430
Седых К. Ф. *21 октября 1976 г.* 431
Хархардину В. П. *24 октября 1976 г.* 431

Февральскому А. В. *8 ноября 1976 г.* 433
Виленкину В. Я. *9 ноября 1976 г.* 434
Лапину С. Г. *10 ноября 1976 г.* 443
Касумову И. *14 ноября 1976 г.* 444
Седых В. Н. *10 февраля 1977 г.* 445
Блинову В. В. *16 февраля 1977 г.* 447
Кондратьеву В. Л. *2 марта 1977 г.* 449
Умарбекову У. *5 марта 1977 г.* 451
Ц-ку Я. И. *3 апреля 1977 г.* 452
Журналу «Вопросы литературы». *25 апреля 1977 г.* 456
Д-ко М. Л. *3 июня 1977 г.* 457
Дубову Н. И. *20 июня 1977 г.* 458
Бегичевой А. А. *20 июня 1977 г.* 460
Юткевичу С. И. *13 июля 1977 г.* 462
Г-ру В. *13 июля 1977 г.* 464
Кулиеву К. Ш. *1 ноября 1977 г.* 465
Дорошуку В. П. *5 декабря 1977 г.* 466
Виленкину В. Я. *5 декабря 1977 г.* 467
Финку Л. А. *6 декабря 1977 г.* 470
Арнштаму Л. О. *16 декабря 1977 г.* 478
Долецкому С. Я. *16 декабря 1977 г.* 479
Жигулину А. В. *21 декабря 1977 г.* 480
Кожевникову А. И., Краснову И. Г. *21 декабря 1977 г.* 481
Романову Г. В. *19 февраля 1978 г.* 485
Лапину С. Г. *21 февраля 1978 г.* 488
Трауберг Л. З. *5 марта 1978 г.* 490
Кузакову К. С. *6 марта 1978 г.* 492
Хомякову О. М. ⟨*Март 1978 г.*⟩ 495
Орлову Д. К. *6 апреля 1978 г.* 498
Лаврову К. Ю. *8 апреля 1978 г.* 499
Искандерзаде М. *10 мая 1978 г.* 500
Куберской Н. Н. *23 мая 1978 г.* 501
Прокуеву А. И. *27 мая 1978 г.* 504
Стукалину Б. И. *Май 1978 г.* 504
Давыдову В. С. *3 июня 1978 г.* 507
Студии «Ровесники». *12 июня 1978 г.* 509
Февральскому А. В. *22 июня 1978 г.* 510
Каладзе К. *19 июля 1978 г.* 512
Г-ню И. Н. *2 августа 1978 г.* 514
Кобякову А. П. *4 августа 1978 г.* 515
Палирблех Н. И. *4 августа 1978 г.* 516
Травкину Д. П. *23 августа 1978 г.* 516
Рекель И. *23 августа 1978 г.* 518
Андершу А. *31 августа 1978 г.* 520
Бражнину И. Я. *14 октября 1978 г.* 522

Преображенскому С. Н. *26 октября 1978 г.* 523
Лапину С. Г. *27 октября 1978 г.* 524
Борщаговскому А. М. *13 ноября 1978 г.* 526
Алексиной Р. М. *13 ноября 1978 г.* 528
Касумову И. *13 ноября 1978 г.* 530
Пузикову А. И. *21 ноября 1978 г.* 531
Семенову М. В. *22 ноября 1978 г.* 532
В издательство «Искусство». *19 декабря 1978 г.* 533
Гугушвили Э. Н. *8 января 1979 г.* 536
Шеварднадзе Э. *9 февраля 1979 г.* 538
Баруздину С. А. *9 февраля 1979 г.* 540
1-й Рижской общественной библиотеке. *13 февраля 1979 г.* . . . 544
В ЦГАЛИ. *12 марта 1979 г.* 544
Гуженко Т. Б. *21 марта 1979 г.* 546
Осипову В. О. *22 апреля 1979 г.* 548
Гамзатову Р. Г. *30 апреля 1979 г.* 549
Долматовскому Е. А. *1 июня ⟨1979 г.⟩* 550
Еременко В. Н. *18 июня 1979 г.* 552
Джанберидзе Н. Ш. *29 июля 1979 г.* 555
Антипенко Н. А. *1979 г.* 555

Указатель имен 561
Алфавитный указатель произведений, вошедших в I—XI тома Собрания сочинений К. М. Симонова 572

Симонов К. М.

С37 Собрание сочинений в 10-ти т. Т. 12 (дополнительный); Письма 1943—1979/Подгот. текста, сост. и примеч. Л. Лазарева.— М.: Худож. лит., 1987.— 591 с.

Том составили письма (1943—1979 гг.). Среди адресатов Симонова видные советские военачальники, отечественные и зарубежные деятели литературы и искусства, руководители партии и государства.

С $\frac{4702010200\text{-}277}{028(01)\text{-}87}$ подписное

ББК 84Р7

Константин Михайлович

Симонов

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 12

(Дополнительный)

Редактор
Т. Аверьянова

Художественные редакторы
Т. Самигулин
Е. Енеико

Технический редактор
Л. Платонова

Корректоры
Н. Усольцева
и С. Колганова

ИБ 3528

Сдано в набор 28.11.86. Подписано к печати 12.10.87. А03834. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 34,52. Усл. кр.-отт. 34,52. Уч.-изд. л. 38,88. Тираж 25 000 экз. Изд. № III-1362. Заказ 679. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

2р. 60к.